

НАСЛЕДИЕ
тысячелетий
благотворительный фонд

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ (II в. до н. э. – IV в. н. э.)

V

Материалы X Международной научной конференции
«Проблемы сарматской археологии и истории»

Симферополь
2019

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
К 852

**Рекомендовано к изданию Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
(протокол №1 от 08.02.2019 г.)**

Рецензенты: д. и. н. С. И. Лукьяшко, д. и. н. А. П. Медведев

Редколлегия:

М. С. Гаджиев, д.и.н. (Махачкала)
М. М. Казанский, д.и.н. (Париж, Франция)
В. Кульчар, к.и.н. (Сегед, Венгрия)
В. В. Майко, д.и.н. (Симферополь)
В. Ю. Малашев, к.и.н. (Москва)
А. М. Обломский, д.и.н. (Москва)
А. С. Скрипкин, д.и.н. (Волгоград)
А. А. Стоянова, к.и.н. (Симферополь, ответственный секретарь)
А. Д. Таиров, д.и.н. (Челябинск)
И. Н. Храпунов, д.и.н. (Симферополь, ответственный редактор)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (протокол № 3 от 24.10.2016 г.)
Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда «История Отечества»

К 852

Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – V в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. – 348 с., ил.

ISBN 978-5-6042621-2-2

Пятый том сборника «Крым в сарматскую эпоху» состоит из материалов X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». В публикуемом томе читатели найдут актуальную информацию по археологии и истории сарматов, относящуюся ко всему ареалу этого народа и ко всем периодам его истории.

На первой странице обложки — фибула в виде дельфина из Ногайчинского кургана

© Авторы, текст, 2019
© Храпунов И. Н., сост., 2019
© Фонд «Наследие тысячелетий», оригинал-макет, 2019
© Институт археологии Крыма РАН, оригинал-макет, 2019

ISBN 978-5-6042621-2-2

"Heritage of Millennia" Non-Profitable Foundation
Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
The State Museum-Preserve "Tauric Chersonese"

**THE CRIMEA
IN THE AGE OF THE SARMATIANS
(200 BC – AD 400)
V**

Proceedings of the 10th International Research Conference
"The Aspects of Sarmatian Archaeology and History"

Simferopol
2019

ББК 63.4(49Кр.-6)273.1
K 852

**Recommended for publication by the Scholarly Council of the Institute of
Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
(Protocol no. 1 of 08.02.2019)**

Reviewers: DSc S. I. Luk'yashko, DSc A. P. Medvedev

Editorial board:

M. S. Gadzhiev, DSc (Makhachkala)
M. M. Kazanski, DSc (Paris, France)
V. Kulcsár, CSc (Szeged, Hungary)
V. V. Mayko, DSc (Simferopol)
V. Yu. Malashev, CSc (Moscow)
A. M. Oblomskiy, DSc (Moscow)
A. S. Skripkin, DSc (Volgograd)
A. A. Stoyanova, CSc (Simferopol, executive secretary)
A. D. Tairov, DSc (Chelyabinsk)
I. N. Khrapunov, DSc (Simferopol, editor-in-chief)

The Editorial Board's composition is approved by the Scholarly Council of the Institute
of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences
(protocol no. 3 of 24.10.2016)

**This book has been published with financial support granted by
the Homeland History Foundation**

K 852

The Crimea in the Age of the Sarmatians, 200 BC – AD 400. V. Proceedings
of the 10th International Research Conference "The Aspects of Sarmatian
Archaeology and History" / Edited by Igor' Khrapunov. Simferopol: Salta LTD,
2019. — 348 p., ill

ISBN 978-5-6042621-2-2

The fifth collective volume "The Crimea in the Age of the Sarmatians" presents the
proceedings of the 10th conference "The Aspects of Sarmatian Archaeology and History."
This book gets the readers acquainted with topical materials in archaeology and history of
the Sarmatians, uncovering the whole area populated by them and all the stages of their
history.

Cover photo: dolphin brooch from Nogaichi barrow

© The authors, 2019
© Igor' Khrapunov, the editor, 2019
© "Heritage of Millennia" Foundation, 2019
© Institute of Archaeology of the Crimea of
RAS, 2019

ISBN 978-5-6042621-2-2

Благодарности

Оргкомитет и все участники X юбилейной международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» искренне признательны организациям, без чьей помощи она не могла бы состояться:

Фонду «История Отечества» (Москва);

PROSOFT[®]
SYSTEMS

Инженерной компании «Прософт-Системы» (Екатеринбург)
и ее генеральному директору Александру Станиславовичу Распутину;

КУБАНЬАРХЕОЛОГИЯ

**ООО «Кубаньархеология» (Краснодар)
и ее генеральному директору Наталье Викторовне Желиба;**

**ООО «Таврическое археологическое общество» (Симферополь)
и его генеральному директору Александру Юрьевичу Манаеву.**

Содержание Contents

От ответственного редактора.....	13
<i>Editor-in-Chief's Preface</i>	
О. В. Аникеева, Л. Т. Яблонский. Материалы к реконструкции женского погребального костюма из элитного погребения ранних кочевников Южного Приуралья	14
<i>Ol'ga Anikeeva, Leonid Yablonsky. Materials for the reconstruction of the female funeral costume from the elite burial of Southern Ural early nomads</i>	
М. А. Балабанова, А. С. Пилипенко, С. В. Черданцев, Р. О. Трапезов. Данные палеоантропологии и палеогенетики о наличии восточного компонента у ранних кочевников Нижнего Поволжья	25
<i>Mariia Balabanova, Aleksandr Pilipenko, Stepan Cherdantsev, Rostislav Trapezov. Palaeoanthropological and Palaeogenetic Data on the Eastern Component among the Early Nomads in the Lower Volga Area</i>	
А. С. Балахванцев. О роли элит в становлении раннесарматской культуры . .	32
<i>Archil Balakhvantsev. On the Role of the Elites for the Establishment of the Early Sarmatian Culture</i>	
А. С. Балахванцев, О. А. Шинкарь. Бронзовый котел с греческой надписью из Сосновки (Волгоградская область)	39
<i>Archil Balakhvantsev, Ol'ga Shinkar'. The Bronze Greek-Inscribed Cauldron from Sosnovka (Volgograd Region)</i>	
С. И. Безуглов. Степь и Танаис во II – III вв. н. э.	47
<i>Sergei Bezuglov. The Steppe and Tanais in the Second and Third Centuries AD</i>	
Е. В. Волкова, А. В. Денисов. «Савроматские» каменные жертвенники с территории оседлых племен Среднего Поволжья	53
<i>Ekaterina Volkova, Aleksei Denisov. "Sauromatian" Stone Altars from the Settled Tribes' Area on the Middle Volga</i>	

С. Л. Воробьева. Вооружение оседлого населения Нижнего Прикамья по материалам Ново-Сасыкульского могильника I – II вв. н. э. (в сравнении с сарматским населением этого времени)	62
<i>Svetlana Vorob'eva. The Weapons of the Settled Population in the Lower Kama Area according to the Materials of Novo-Sasykul' Cemetery from the First and Second Centuries AD (in Comparison with the Sarmatian Population in the Said Period)</i>	
С. В. Воронятов. Знак-тамга боспорского царя Аспурга: ареал находок, контекст, датировка	69
<i>Sergey Voroniatov. The Tamga Sign of Bosporan King Aspourgos: Its Distribution Area, Context, and Date</i>	
В. П. Глебов, С. М. Ильяшенко. Сарматы и Танаис во II – I вв. до н. э. по археологическим и письменным источникам	80
<i>Viacheslav Glebov, Sergei Il'yashenko. Sarmatians and Tanais in the Second and First Centuries BC according to Archaeological and Written Sources</i>	
Ю. П. Зайцев. Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке	90
<i>Yurii Zaitsev. Several Aspects of the "Sarmatization" of the Crimea in the Early Iron Age</i>	
С. Э. Зубов, Р. С. Багаутдинов. Новые материалы позднесарматского времени в Самарском Заволжье (курганый могильник Конезавод I).	103
<i>Sergei Zubov, Riza Bagautdinov. New Materials from the Late Sarmatian Period in the Samara Trans-Volga Area (Barrow Cemetery of Konezavod I)</i>	
Л. С. Ильюков. Позднесарматские погребения III – IV веков нашей эры из могильника «Московский I» из Сальских степей	112
<i>Leonid Ilyukov. Late Sarmatian interments of the III – IV centuries of our era from the burial "Moscow I"</i>	
Э. Иштванович, В. Кульчар. Международные связи алфельдских сармат в свете некоторых «редких» импортных(?) вещей	120
<i>Ester Istvánovits, Valeriia Kulcsár. International connections of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain in the light of some "rare" import(?) finds</i>	
В. М. Косяненко. Новое аланское стойбище I – II вв. н. э. вблизи меотского поселения (в центре г. Азов)	130
<i>Viktoriia Kosianenko. A New Alanic Campsite from the First and Second Centuries AD near a Maiotian Settlement (in the Centre of Modern Town of Azov)</i>	
Л. А. Краева. Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана.	136
<i>Liudmila Kraeva. Borrowings and Imitations in the Pottery Industry of the Sarmatian Tribes in the Southern Ural area and Western Kazakhstan</i>	
М. В. Кривошеев, В. Ю. Малашев. Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения позднесарматского времени Северного Причерноморья	147
<i>Mikhail Krivosheev, Vladimir Malashev. The Problem of Cultural Identification of Nomadic Burials from the Late Sarmatian Period in the Northern Pontic Area</i>	

В. В. Кропотов. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья	154
<i>Viktor Kropotov. On the Question of the Determination of the Early Sarmatian Sites in the Northern Black Sea Area</i>	
Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья.	161
<i>Natal'ia Limberis, Ivan Marchenko. The Iron Bits with a rigid check-devices from the Maeotian burials of the Kuban River Region</i>	
А. П. Медведев, В. Д. Березуцкий, И. Е. Бирюков. Сарматы на Верхнем и Среднем Дону: результаты изучения и новые открытия	175
<i>Aleksandr Medvedev, Valerii Berezutskii, Igor' Biriukov. The Sarmatians in the Upper and Middle Don Areas: The Results of Researches and New Discoveries</i>	
А. И. Нечвалода, Е. И. Нечвалода. Черепа ранних кочевников Южного Урала из первых Аллагуватовских курганов.	188
<i>Aleksei Nechvaloda, Elena Nechvaloda. The Skulls of the Early Nomads in the Southern Ural Area in Allaguvat I Barrows</i>	
Е. В. Переводчикова. Аржано-кичигинский культурно-хронологический горизонт: к характеристике феномена	200
<i>Elena Perevodchikova. The Arzhan–Kichigino Cultural-Chronological Horizon: The Characteristic of the Phenomenon</i>	
И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, М. Ю. Меньшиков. Рисунки из кургана Госпитальный. К вопросу о датировании и интерпретации. (Две точки зрения)	205
<i>Irina Rukavishnikova, Denis Beilin, Maksim Men'shikov. The Drawings from the Gospital'nyi Barrow: The Question of Their Chronology and Interpretation (Two Opinions)</i>	
Н. С. Савельев. Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст	214
<i>Nikita Savel'ev. The Passage Graves in Filippovka: Their Planigraphy, Typology, and Context</i>	
С. В. Сиротин. Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала.	224
<i>Sergei Sirotin. On a Particular Group of Plate Frontlets in the Bridle Sets of the Early Nomads in the Southern Urals Area</i>	
С. В. Сиротин, Д. С. Богачук, А. Х. Гильмитдинова, К. С. Окороков. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1.	234
<i>Sergei Sirotin, Dar'ia Bogachuk, Alina Gil'metdinova, Konstantin Okorokov. The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery of Filippovka 1</i>	
А. С. Скрипкин. О времени появления сарматов и культурной принадлежности сарматских памятников II – I вв. до н. э.	244
<i>Anatolii Skripkin. About the time of Sarmatian appearance and the cultural interpretation of Sarmatian sites in II – I centuries BC</i>	

А. А. Стоянова. Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма . . .	253
<i>Anastasiia Stoianova. On A Specific Type of Sarmatian Bronze Mirrors from the Crimea</i>	
А. Д. Таиров. Кочевники Южного Урала в Центральной Азии во времена Александра Македонского.	267
<i>Aleksandr Tairov. Nomads of Southern Urals in the Central Asia at the time of Aleksandr the Great</i>	
М. Ю. Трейстер. Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н. э.	272
<i>Mikhail Treister. Mold-cast Glass Skyphoi from the Burials of the Nomads of Volga-Don Interfluve and the Participation of the Sarmatians in the Ibero-Parthian War of 35 AD</i>	
А. А. Труфанов. Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма.	282
<i>Aleksandr Trufanov. Spindle Whorls Depicting Animals from Barbarian Cemeteries in the Crimean Foothill Area</i>	
В. К. Фёдоров. Филипповка и Алучайден	300
<i>Vitalii Fedorov. Filippovka and Aluchaiden</i>	
К. Б. Фирсов. Крымские коллекции сарматского времени в собрании ГИМ	310
<i>Kirill Firsov. Crimean Collections from the Sarmatian Period Residing in the State Historical Museum</i>	
И. Н. Храпунов. Сарматы в Крыму по данным археологии	314
<i>Igor' Khrapunov. The Sarmatians in the Crimea according to Archaeological Data</i>	
С. В. Шарапова, С. В. Черданцев, Р. О. Трапезов, А. С. Пилипенко. Кочевники и лесостепь: археология, антропология, палеогенетика	321
<i>Svetlana Sharapova, Stepan Cherdantsev, Rostislav Trapezov, Aleksandr Pilipenko. Nomads and the forest-steppe: archaeology, anthropology, palaeogenetics</i>	
О. В. Шаров. Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднеримскую эпоху	328
<i>Oleg Sharov. The Appearance of the Germanic People and the Sarmatia-Germanic Contacts in the Crimea in the Late Roman Period</i>	
Список сокращений	341
<i>Abbreviations</i>	
Сведения об авторах	344
<i>Contributors</i>	

От ответственного редактора

Editor-in-Chief's Preface

Уважаемые читатели!

Пятый том сборника «Крым в сарматскую эпоху» отличается от всех предыдущих. Он целиком состоит из материалов X конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Конференция является крупнейшим научным форумом, целиком посвященным сарматской истории и археологии. Она проводится раз в три года в различных городах России. Первая конференция состоялась в 1989 г. в г. Азов. На IX конференции, проходившей в 2016 г. в Оренбурге, ее участниками принято решение провести X юбилейную конференцию в Крыму.

Заявки для участия в X конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» прислали 64 ученых из 16 городов России (Азов, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Липецк, Москва, Новосибирск, Оренбург, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Симферополь, Тюмень, Уфа, Челябинск), а также ученые из Германии, Венгрии, Казахстана. Они

соберутся в сентябре 2019 г. в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» для того, чтобы обсудить актуальные проблемы сарматской истории, познакомить коллег с новейшими находками археологов, изучающих сарматские древности.

Традицией конференции является публикация к ее началу не просто тезисов, но текстов докладов. Таким образом, будущие участники могут должным образом подготовиться к дискуссиям, которые являются основой содержательной части конференции. В публикуемом томе читатели найдут актуальные материалы по археологии и истории сарматов, относящиеся ко всему ареалу этого народа и ко всем периодам его истории.

Следующий том сборника «Крым в сарматскую эпоху» планируется к изданию в 2020 г. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц.

О. В. Аникеева, Л. Т. Яблонский

Материалы к реконструкции женского погребального костюма из элитного захоронения ранних кочевников Южного Приуралья

Ключевые слова: *ранние кочевники Южного Приуралья, могильник Филипповка 1, элементы декора, реконструкция*

Keywords: *Southern Ural, early Iron Age, nomads, Filipovka 1 burial mound, reconstruction, female funeral costume, decoration*

Введение. В 2013 г. экспедицией ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского при исследовании восточной части насыпи кургана 1 могильника Филипповка 1 было раскопано впускное неграбленное женское погребение, которое датируется сопровождающим инвентарем IV в. до н. э. и синхронизируется с центральным погребением 1 этого кургана (Пшеничнюк, 2013, с. 23–29. Яблонский, 2016, с. 745–748).

Обработка и анализ ареалов артефактов этого погребения позволяют выделить 767 находок на скелете погребенной и в непосредственной близости от него, которые относились к элементам орнаментации различных одежд или входили в декор погребального костюма (рис. 1).

Схема реконструкции была составлена в соответствии с расположением орнаментации декора различных сохранившихся элементов погребальных одежд и анализа порядка их взаимного наложения на скелет.

От одежды сохранились разнообразные декоративные элементы из золота, представленные штампованными нашивками (рис. 2, 2–9), привесками и «навершиями» (рис. 2, 1, 10), двумя полосами сплошной узорной вышивки бисером, сложносоставными подвесками (рис. 2, 11, 12). Хорошая сохранность органики (дерева, войлока, кожи) в деталях разных предметов, расположенных по всей площади погребения, позволяет детально восстановить их конструкцию. Присутствие этих материалов

отмечается для декоративного горита из кожи, войлока, ткани, бересты и прутиков (Трегубов, Яблонский, 2014, с. 68, 69); деревянного короба у левого предплечья и кожаных мешочков с пигментами в нем, деревянного чехла от зеркала и кожаных мешочков под ним; деревянного короба с палитрами и кожаного пояса в нем. Это позволяет говорить, что в убранстве погребальных одежд и головного убора не использовались кожа и войлок, так как никаких следов этих материалов не установлено при детальном расчистке скелета. Вероятно, все элементы одежды были скроены из тканей, наличие которых фиксируется по фрагментам отпечатков рисунка ткани под нарушенными краями вышивок (рис. 1, 992, 993).

Вероятная конструкция и порядок надевания элементов костюма восстанавливались исходя из позиций (лицевой или оборотной стороной) разнообразных декоративных элементов одежды, их взаиморасположения (рис. 1, 203–260, 348–956) и отношения к костным останкам скелета и полос бисерных вышивок (рис. 1, 992, 993, показаны голубым цветом). Учитывался также характер взаимного перекрытия разных типов золотых деталей по площади их распространения. Полосы вышивки являлись репером восстановления порядка одевания разных элементов погребального костюма, благодаря их хорошей площадной сохранности и положению в костюме (рис. 1, 992, 993, полосы голубого цвета).

Исходя из типизации деталей отделки погребальных одежд и их расположения, отчетливо фиксируется три вида одежды: шаль, плащ или верхняя накидка и парадное платье (рис. 2). Еще один элемент костюма — нижняя рубаха — предполагается, исходя из логических построений и обзора опубликованных работ по вариантам одежды ираноязычных кочевников (Акишев, 1984; Лукпанова, 2017; Яценко, 2006; Curtis, Searight, 2003; Goldman, 1991).

Наличие **шали** прослеживается по двухрядной отделочной «бахроме» в виде полосы шириной 20–40 мм (рис. 1, 742–956,

показана розовым цветом) и нашивкам-розеткам 1-го типа (рис. 2, 3). Бахрома началась у правого крыла таза (рис. 3, полоса малинового цвета), далее поднималась к груди, пересекала левое предплечье, отдаляясь от него на 120 мм и заканчивалась у левого локтя.

Каждый ряд бахромы состоял из двух последовательно чередующихся золотых деталей (рис. 2, 1, 2). Обе детали соединялись через петельку деталей 1 и сквозного отверстия в деталях 2. Между собой нити бахромы скреплялись через петли деталей 1. Контур шали (рис. 3, поле розового цвета) можно проследить от черепа погребенной до верхних фаланг пальцев рук по распространению розеток 1-го типа, которыми было расшито полотно (рис. 2, 3). Очевидно, шаль закрывала верхнюю часть туловища, как видно из положения бахромы, являющейся контуром лицевого края шали (рис. 3, полоса малинового цвета). Ее площадь фиксировалась по расположению розеток типа 1, расположенных на скелете лицевой стороной, а в ближайшем внешнем обрамлении верхней половины скелета — как лицевой, так и оборотной сторонами (рис. 3, контур розового цвета). Верхнее окончание шали фиксируется по полосе бахромы и отсутствию ниже за ней на этом уровне расчистки скелета нашивок-розеток. Нижний край полотна шали отчетливо не фиксируется, так как в расшивке платья использовались аналогичные бляшки-розетки типа 1. Но, исходя из внешнего обрамления верхней части скелета розетками типа 1, ее нижний край закрывал спину погребенной, немного не доходя до середины бедер (рис. 3, поле розового цвета). С уверенностью можно говорить, что шаль была самым верхним убором погребального костюма: под полосами вышивки полотно шали присутствовало, благодаря находкам под ними только нашивок-розеток 1-го типа, лежащих оборотной стороной вверх.

Наличие **плаща или накидки** мы предполагали, исходя из положения двух полос сплошных фигурных вышивок из бисера

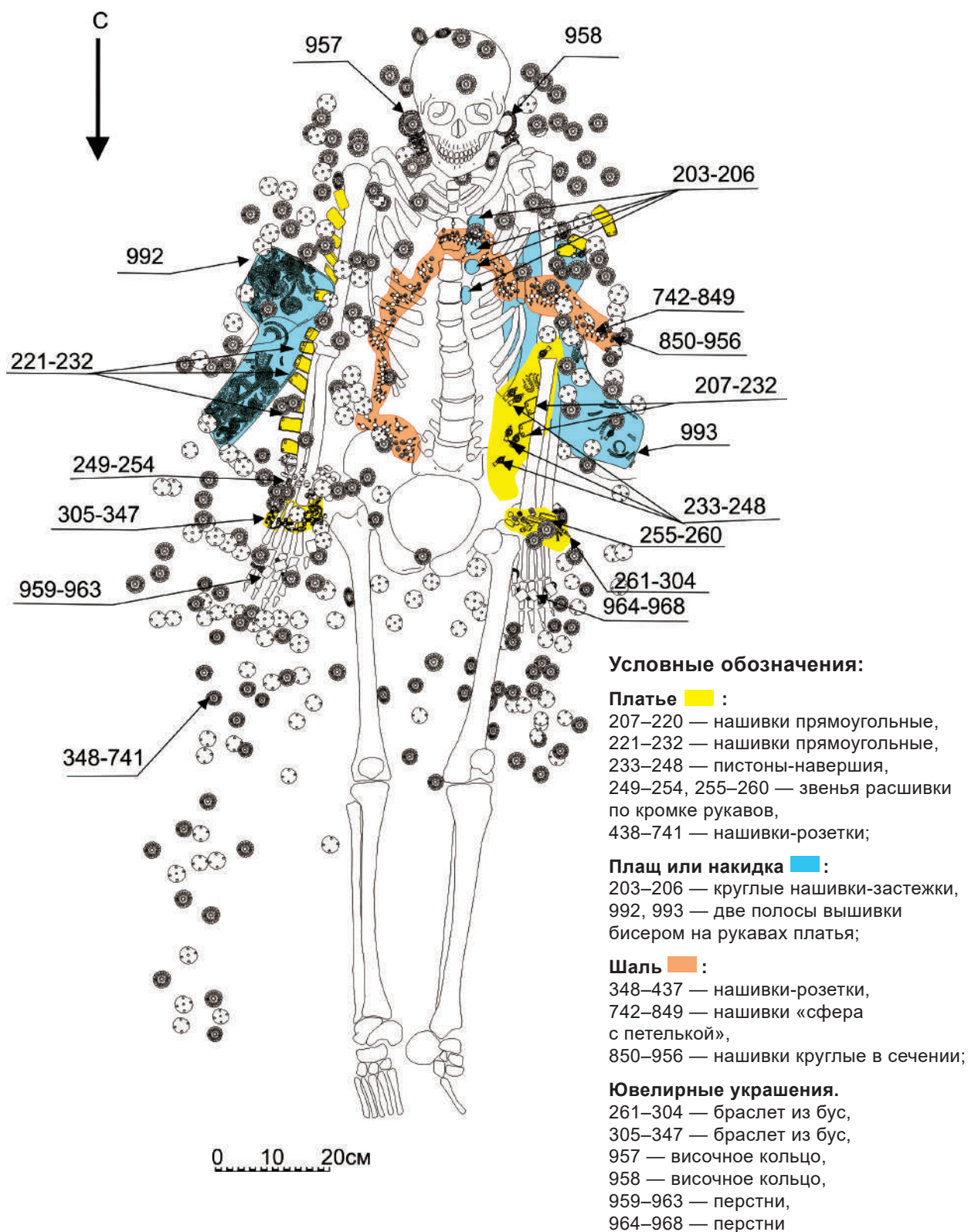

Рис. 1. Могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2. Чертеж скелета с указанием находок, использованных при реконструкции погребального костюма

и мелких бус (рис. 1 и 3, полосы голубого цвета). Судя по четко сохранившимся контурам, они располагались симметрично с левой и правой стороны под костями скелета, лежали складками на нижнем полотне шали (рис. 1, 992, 993, рис. 3, полосы голубого цвета). Вышитые полосы начинались под костями скелета на уровне середины плеча и, плавно расширяющимися изогнутыми полосами, выходили за пределы скелета в стороны. Под них заходили только нашивки-розетки 1 типа, положенные изнаночной стороной. Их перекрывали декоративные элементы отделки платья (рис. 1, 207–232, 221–232, 233–246, 348–741, рис. 3, выделены желтым цветом), на которых лежали кости рук.

К плащу (накидке) относились четыре округлые золотые нашивки с одинаковым штампованным рисунком в зверином стиле (рис. 1, 203–206, рис. 2, 7, рис. 3, выделены голубым цветом). Они расположены в вертикальную линию вдоль верхнего отдела позвоночника. Расстояния между нашивками составляли 30–40 мм, верхняя из них лежала на груди, нижняя была вертикально под ней, ниже на 150 мм. Очевидно, они использовались как застежки или пуговицы. Мы относим их к верхнему плащу/накидке по их взаиморасположению с другими декоративными элементами отделки: они лежали под полосой бахромы шали, поверх костных остатков, но на золотых нашивках-розетках 1–4-го типов от расшивки нижнего платья. Вышесказанное позволяет говорить, что верхняя одежда располагалась под шалью и была одета на платье. Можно сказать, что она была свободной, так как полосы вышивки лежали, сложившись вертикальными складками.

Поверхность **верхнего платья** участками была расшита нашивками в виде штампованных золотых розеток (рис. 1, 348–741, лицевое и обратное положение нашивок, рис. 2, 1–4), так как нашивки-розетки под костями скелета перекрывали полотно вышивок как в прямой (лицевая сторона), так и в обратной позиции. По размерам,

расположению петель, количеству лепестков и штампу-рисунку лепестков в розетке выделено четыре типа розеток (рис. 2, 1–4), которые штамповались, очевидно, в разных формах. Розетки типа 4 (рис. 2, 4), вероятно, являлись центром композиционного элемента орнамента расшивки платья, т. к. розеток этого типа — наименьшее количество и они располагались в обрамлении двух или трех розеток других типов. Нижний край платья фиксировался по позициям нашивок-розеток (рис. 1, 348–741, рис. 2, 1–4): впереди по розеткам в позиции «лицом вверх» и сзади по розеткам в позиции «лицом вниз». Внизу спереди платье имело подтреугольный вырез, в пределах которого розетки в позиции «лицом вверх» отсутствовали (рис. 3, поле желтого цвета). Он прослеживался справа за пределами скелета на уровне щиколоток, поднимался до середины правого бедра и влево опускался за пределы скелета на уровне середины берцовых костей. Сзади кромка платья равномерно прослеживалась от уровня щиколоток справа до середины берцовых костей слева (рис. 1 и 3) по обратному положению розеток.

На каждом рукаве платья от плеча до запястья фиксировался вертикальный ряд подпрямоугольных нашивок со штампованным рисунком в зверином стиле (рис. 1, 207–232, выделены желтым цветом, рис. 2, 8, 9). В правом ряду было зафиксировано 14 нашивок, в левом — 12 аналогичных нашивок. Справа четыре верхние нашивки лежали в позиции «лицом вверх», остальные десять располагались от плечевой и локтевой костями в позиции «лицом вниз» и перекрывали поле вышивки. Левый ряд начинался ниже, на уровне середины плеча в 8–10 см левее, проходил под локтем и заканчивался под кистью левой руки. Самая верхняя нашивка была найдена «лицом вверх», под ней лежала вторая нашивка, но «лицом вниз», остальные десять составляли вертикальный ряд в позиции «лицом вниз».

Обшлага рукавов платья были расширены сложносоставными звеньями (рис. 1,

249–254, 255–260, выделены желтым цветом, рис. 2, 9 и 10) идентичной конструкции, но с разными подвесками, по шесть звеньев на каждом рукаве. На концах цепочек правых звеньев все три подвески одинаковые (плоские, каплевидные), на левом рукаве каждое звено на концах имеет три подвески разной формы. При публикации технологии изготовления ювелирных украшений из этого погребения (Аникеева,

Шемаханская, Яблонский, 2017; Аникеева, Нацкий, Шемаханская и др., 2018) эти элементы были представлены как браслеты. Однако анализ конструкции браслетов из бус показал, что оба эти браслета имели застежки и их элементы были нанизаны на металлическую проволоку. Браслет из бус на левом запястье расчищен рядом со звеньями, другой располагался на правом запястье в 40 мм выше их. Крепление

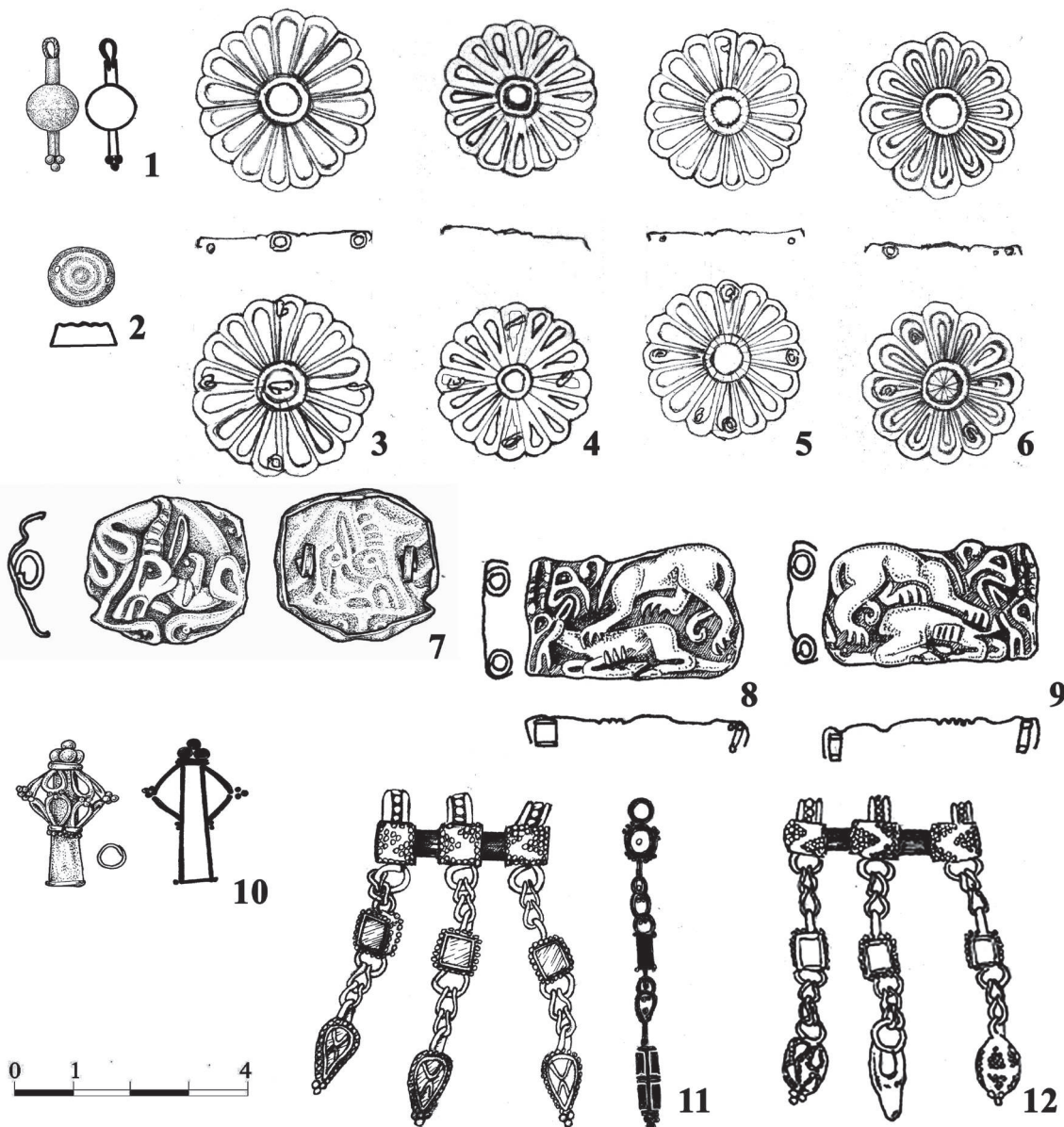

Рис. 2. Могильник Филипповка 1, курган 1, погребение 2. Декоративные элементы отделки погребального костюма: 1, 11, 12 — подвески; 2–9 — штампованные бляшки; 10 — пистоны-навершия

элементов основы каждого звена (бусины и втулок) было мягким, т. е. бусина легко вынималась из втулок. При расчистках не было найдено ни одного фрагмента жесткого крепления звеньев, характерного для браслетов и позволявшего держать звенья в полной комплектации (как они были расчищены *in situ*). Если предположить, что каждое звено крепилось к ткани, выполнявшей роль жесткой основы, тогда можно объяснить нахождение звеньев в полной комплектации *in situ*.

Ширина рукавов у запястья фиксировалась по положению звеньев при расчистке *in situ* и составляла 90–100 мм, т. е. рукава у платья были прямыми или слегка сужающимися вниз.

Еще один декоративный элемент платья, миниатюрные «навершия» (рис. 1, 233–248, рис. 2, 10) имели удлинненно-конические полые втулки, в которые, очевидно, крепились концы тесьмы или шнурков. Их неравномерное скопление прослеживалось вдоль левого ряда прямоугольных нашивок от предплечья (единичные экземпляры) до левой кости таза (рис. 3, полоса желтого цвета), лежали на вышивке и были рассеяны на костях и под ними. Судя по конструкции и положению, «навершия» служили пистонами для шнурков или завязок вертикального бокового разреза платья.

На лобной кости черепа сохранились две тонкие полоски: одна от ало-красной охры, вторая — темно-серая от мелкокристаллического с металлическим блеском гематита. Они, вероятно, украшали тканый **начельник** (рис. 3, полоса зеленого цвета), к которому крепились две височные подвески (Аникеева, Шемаханская, Яблонский, 2017, с. 8, ил. 3).

Единственный элемент погребального костюма, существование которого мы предполагали, исходя из логических

построений, — это наличие гладкой нижней рубахи, которая должна была закрывать ноги погребенной в высоком разрезе богато украшенного платья. Наличие нижней рубахи предполагается в опубликованных вариантах реконструкции одежды ранних кочевников (Яценко, 2006, с. 32, 34, 37, 136; Curtis, Searight, 2003, fig. 5, 36), причем ее предполагаемая длина достигала щиколоток, а полотно рубахи было гладким, без аппликаций и украшений.

Ювелирные украшения погребального костюма. Височные подвески (Аникеева, Шемаханская, Нацкий и др., 2018, рис. 3 и 4) были найдены справа и слева от черепа, в области ветвей нижней челюсти погребенной (рис. 1, 957, 958) и, очевидно, крепились к гладкому тканому начельнику.

В височных подвесках и звеньях отделки рукавов можно выделить идентичные по технике изготовления декоративные элементы: пирамидки калиброванной зерни двух размеров и окантовка зернью по периметру подвесок; идентичный характерный способ плетения цепочек; плоские каплевидные полихромные привески. Все эти признаки, а также присутствие в височных подвесках такого элемента как дужки из округлого в сечении прута, украшенного декором в виде регулярных граней ромбов, а в звеньях отделки — орнамента в виде треугольников калиброванной зерни и сердоликовых бус с характерной технологией изготовления (Аникеева, Шемаханская, Яблонский, 2017, с. 6–8), свидетельствуют, что эти ювелирные изделия были изготовлены в мастерских ахеменидского Ирана (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 134–165).

Браслеты. На каждом запястье погребенной было надето по браслету из разнообразных бус (рис. 1, 249–347). В них преобладают бусы из драгоценных камней¹ и самоцветов, среди которых присутству-

¹ Термины «драгоценный» камень и «самоцвет» используются применительно к шкале ценностей 1 тыс. до н. э., а не современной, когда изделия из сердоликов, агатов, лазурита и гагата, безусловно, считались драгоценными. Их ценность была сравнима с золотыми украшениями. «Самоцветом» в то время мог считаться любой камень яркой окраски, удачно обработанный или имеющий природную кристаллическую огранку, о чем свидетельствует наличие в раннесарматских наборах бус экземпляров из мела, мрамора, природных кристаллов пирита, кассетерита, бус из гематита, кремня и других горных пород.

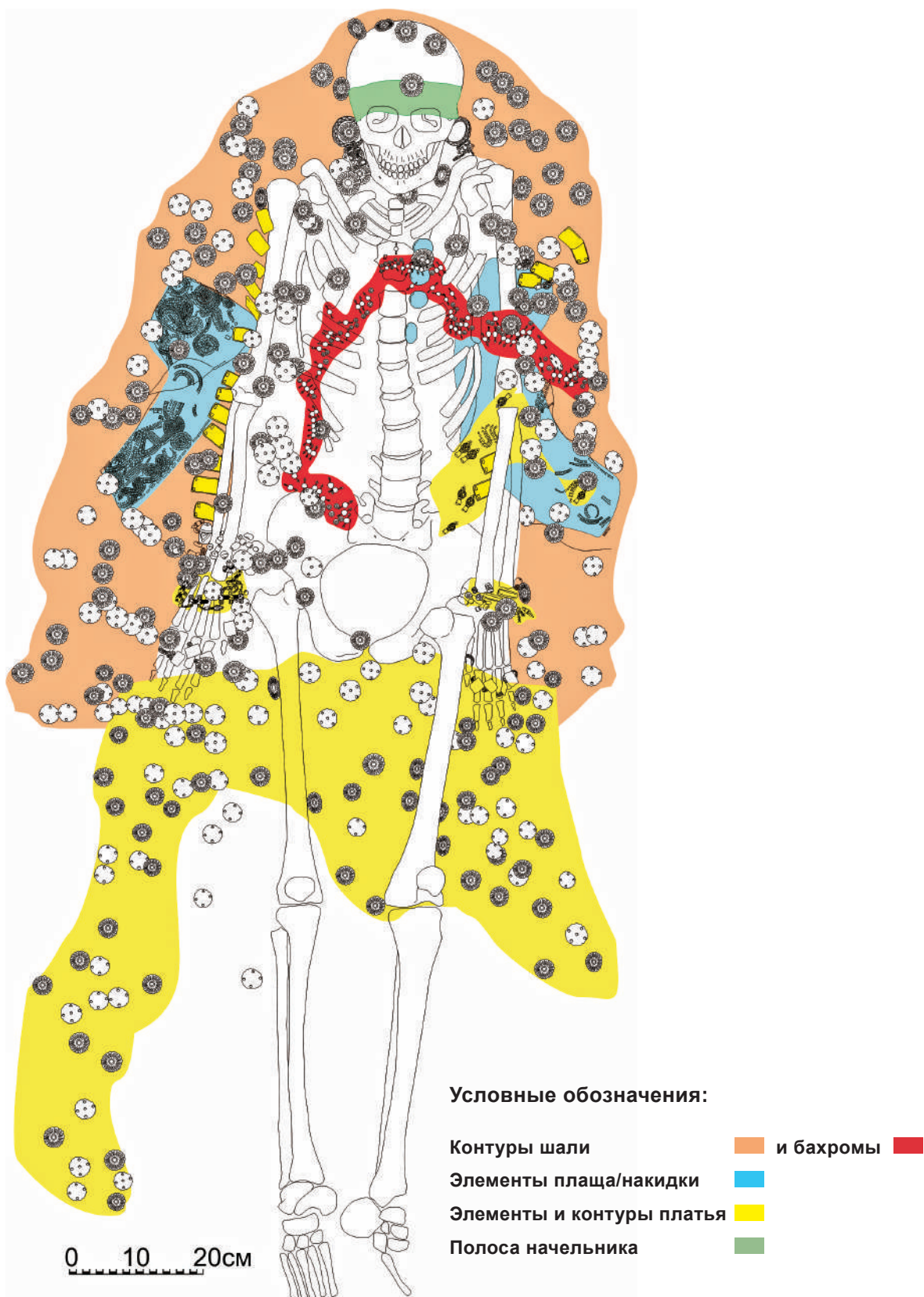

Рис. 3. Могильник Филиповка 1, курган 1, погребение 2. План-схема реконструкции различных элементов погребального костюма

ют подвески, оправленные в золотые колпачки и обоймы, и золотые бусы. В обоих браслетах доминируют бусы, являющиеся продукцией древнеиранских и индийских ремесленных центров, широко распространенные на территории древнего Ирана в V – IV вв. до н. э. Надо отметить, что в браслете с правой руки значительно число бус из самоцветов, изготовленных кустарным способом, и, вероятно, произведенных в кочевнической среде (бусы из песчаника, человеческого зуба, вторичные вставки в золотые колпачки из гематита-кровавика и прозрачного кварца), а также, что большинство золотых деталей в подвесках и пронизях несут следы интенсивной истертости (сглаживания поверхности орнамента) или неоднократного кустарного ремонта (смена каменных вставок в колпачках и обоймах, замена петелек для подвешивания).

Заключение. К ювелирным украшениям погребального костюма относятся сложные подвески для отделки рукавов платья, височные подвески, перстни и браслеты из бус. Они, по набору характерных признаков (фасетизированные в виде ромба кольца подвесок, широкое использование в декоративной отделке калиброванной зерни, форма обойм и колпачков для оправы каменных бус, использование стиля инкрустации, техника изготовления сердоликовых пронизей в звеньях и каменных бус из браслетов), безусловно, относятся к изделиям ремесленных центров Ахеменидского Ирана. Исходя из технологии их изготовления, можно предположить, что сложные и составные изделия изготавливались из элементов, сделанных заранее, т. е. являлись наборными (Аникеева, Шемаханская, Яблонский, 2017, с. 7, 11).

Надо отметить, что во всех этих изделиях присутствуют также элементы, характерные для звериного стиля ранних кочевников: подвеска в форме головки барана (звенье расшивки), сдвоенные головки верблюдов (височные подвески), изображение оленя и грифона на щитках перстней, протомы двух баранов (подвеска на правой височной

подвеске). Присутствуют также элементы, при изготовлении которых использованы как древнеиранские техники, так и изобразительный стиль кочевников: сдвоенные головки верблюдов, шеи которых выполнены из фасетизированного прута (височные подвески), кольца перстней из трех рядов крученой проволоки и их щитки в зверином стиле, головы баранов и их туловища, исполненные в технике клуазоне (правая височная подвеска).

Среди бус из браслетов преобладают характерные древнеиранские типы, но встречаются и экземпляры, изготовленные кустарным способом в среде кочевников. Находки в этом же погребении (комплекс под зеркалом) декоративных элементов, абсолютно идентичных присутствующим в височных подвесках и звеньях расшивки (каплевидные подвески и сердоликовые пронизи), заготовок бус и инструментов, которыми они обрабатывались, позволяет говорить, что кочевники могли сами как осуществлять ремонт золотых ювелирных украшений, так и изготавливать каменные бусы, копируя формы и технологию изготовления известных им бус.

Анализ формы, позиций, положения и взаиморасположения разнообразных декоративных элементов, украшавших погребальные одежды, позволяет реконструировать:

- головной убор — шаль с двухрядной бахромой спереди, расшитую нашивками в форме однотипных розеток, которая спереди закрывала голову и верхнюю половину туловища, а сзади прикрывала спину и бедра;
- полосу начельника, украшенного двумя параллельными цветными линиями, к которому крепились височные подвески;
- плащ (или накидку свободной формы), украшенный на спине сплошными фигурными вышивками из цветного бисера и мелких бусин, с круглыми застежками-нашивками, на поверхности которых изображения в зверином стиле;
- платье с длинными прямыми рукавами, высоким декоративным разрезом спереди

и шнуровкой на левой стороне. Его рукава и поверхность ниже пояса расшиты разнообразными нашивками-розетками, оба рукава украшены вертикальными рядами однотипных прямоугольных нашивок с изображениями в зверином стиле, идущими от плеча до кисти, обшлага рукавов расшиты звеньями сложносоставных подвесок двух типов.

Анализ опубликованных работ по реконструкции костюмов ранних кочевников позволяет предположить наличие длинной рубахи до щиколоток, которая поддевалась под тяжелое, богато украшенное платье и открывалась только в разрезе верхнего платья.

В украшениях погребального костюма прослеживаются как элементы, широко распространенные в древнеиранской тореветике, так и элементы звериного стиля, характерные для кочевнической среды. Первые представлены разнообразными типами нашивок в форме лепестковых розеток, полыми сферами, спаянными из двух половинок и украшенными калиброванной зернью, ажурным чехлом из спаянных проволочных петель (бахрома шали). Ко вторым относятся нашивки-застежки верхней одежды с изображением свернувшегося сайгака и нашивки, украшавшие рукава платья, со сценой нападения кошачьего хищника на копытное животное.

Надо отметить также, что головные уборы ранних сарматов Южного Урала и Казахстана представлены высокими конусовидными шапками из тонкого войлока, кожи, шерсти с петельчатым каркасом для украшения его разнообразными металлическими нашивками и пластинами (Алтынбеков, 2013, с. 10, 18; Лукпанова, 2017, 147, 148). Головные уборы в виде покрывал или шалей являются характерным элементом женской одежды Ахеменидского Ирана и не известны в кочевнической среде (Яценко, 2006, с. 34–39; Goldman, 1991, р. 98, 102). Замужние дамы носили длинные покрывала, длина которых достигала таза, а спереди декорировалась двумя рядами нашивных бляшек (Яценко, 2006, с. 38).

Проведенные реконструкции позволяют говорить о том, что данное захоронение принадлежало женщине, занимавшей высокое социальное положение. Отличительной чертой убранства погребального наряда является органичное сочетание элементов древнеиранской тореветики и скифосибирского звериного стиля. Присутствие в одежде характерного головного убора позволяет предположить, что погребенная не являлась коренной сарматкой, а состояла в родстве с племенами Древнего Ирана.

Литература

- Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.
- Аникеева О. В., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т. Ювелирные шедевры ахеменидской эпохи из гробницы знатной женщины в Южном Приуралье // Ювелирное искусство и материальная культура / Отв. ред. В. Киджи, И. Поскучаева. СПб: Эрмитаж, 2017. С. 5–11.
- Аникеева О. В., Нацкий М. В., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т. Ювелирные украшения из погребения знатной женщины (могильник Филипповка 1, курган 1. Погребение 2) // Духовная модернизация и археологическое наследие. Маргулановские чтения — 2018 / Отв. ред. А. А. Бисембаев. Алматы: Актобе, 2018. С. 211–218.
- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.) Т. 2 / Отв. ред. М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. М.: ТАУС, 2012. 468 с.
- Лукпанова Я. А. Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 145–156.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 280 с.
- Трегубов В. Е., Яблонский Л. Т. Горит из Филипповки // КСИА. 2014. Вып 233. С. 64–70.
- Яблонский Л. Т. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // ВДИ. 2016. № 3 (76). С. 744–766.
- Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература, 2006. 664 с.
- Curtis J., Searight A. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning // Culture. Ritual Objects. Ancient Near Eastern Studies in Honour of P. R. S. Moorey / Ed. by T. Potts, M. Roaf and D. Stein. Oxford: Griffith Institute Oxford, 2003. P. 219–247.
- Goldman B. Women's Robes: The Achaemenid Era // BAI. New Series. 1991. Vol. 5. P. 83–103.

Ol'ga Anikeeva, Leonid Yablonsky

**Materials for the reconstruction of the female funeral costume from the elite
burial of Southern Ural early nomads**

Abstract

Analysis of materials help to discover the objects found with the female skeleton from the famous “royal” kurgan 1, Filippovka 1 burial mound. These objects can be divided into two groups: 1) decorations of the garment and 2) jewelry. The first group is represented by diverse sewed—on gold plaques. Tracing their different types in situ allowed to reconstruct several articles of clothing: a shawl (or a burial sheet), a headband, a cloak, a dress and a undershirt. The jewelry includes a temple rings (attached to a headband), two types of pendants (decorated a dress sleeve cuff), two bracelets (assembled of diverse pendants, beads, and tubular beads, made mostly of gemstones) and ten equal finger rings (on each finger). Our reconstructions present that a deceased woman belong to the early nomad elite. The organic combination of ancient Iran jewelry technique and animal style items characteristic typical for early nomads are the characteristic features of funeral costume. The reconstruction of such type headgear allows to suppose that a deceased woman wasn't an indigenous nomad but belong to one of Persian tribes of ancient Iran.

О. В. Аникеева, Л. Т. Яблонский

**Материалы к реконструкции женского погребального костюма из элитного
захоронения ранних кочевников Южного Приуралья**

Резюме

Изучение артефактов из женского погребения 2 знаменитого филипповского кургана 1 позволило выявить ареал находок, связанных с костюмом погребенной. Анализ позиций разнообразных декоративных украшений погребального костюма относительно скелета, порядок их взаимного расположения и перекрывания показывают присутствие следующих элементов костюма: шаль, начельник, плащ или свободную накидку и верхнее платье. Литературные данные по реконструкциям костюмов ранних кочевников позволяют смоделировать наличие длинной нательной рубахи. Наличие в конструкции элементов одежды характерных признаков, а также органичное сочетание в орнаментации погребального наряда элементов древнеиранской торевтики и скифо-сибирского звериного стиля позволяют предположить, что погребенная не являлась коренной сарматкой, а состояла в кровном родстве с племенами Древнего Ирана.

*М. А. Балабанова, А. С. Пилипенко,
С. В. Черданцев, Р. О. Трапезов*

Данные палеоантропологии и палеогенетики о наличии восточного компонента у ранних кочевников Нижнего Поволжья¹

Ключевые слова: *сарматы, антропологический тип, археологический комплекс, гаплогруппы, палеогенетика, мтДНК, расовый комплекс, Y-хромосома*

Keywords: *Sarmatians, palaeoanthropological type, archaeological assemblage, haplogroups, palaeogenetics, mitochondrial DNA, racial complex, Y-chromosome*

В изучении истории и культуры сарматов значительное место занимает проблема восточных связей, которую с одной стороны рассматривают как проблему соотношения сарматских культур с культурами ранних кочевников Средней Азии (К. Ф. Смирнов; М. Г. Мошкова, А. С. Скрипкин, Л. Т. Яблонский, А. В. Симоненко, А. Д. Таиров, Б. А. Литвинский, О. В. Обельченко, А. М. Мандельштам, Н. Г. Горбунова и др.), а с другой — параллели, обнаруживаемые у сарматов с центральноазиатскими древностями (М. Г. Мошкова, А. С. Скрипкин, А. В. Симоненко, А. Д. Таиров, В. М. Клепиков, М. В. Криво-

шеев, В. Ю. Малашев и др.). В рамках рассматриваемой темы нас интересуют, прежде всего, связи в погребальном обряде, так как традиции и обряд переносятся людьми, а вещи могут перемещаться независимо от людей. К сожалению, мало работ, обнаруживающих археологические критерии, свидетельствующие о возможных перемещениях отдельных групп мигрантов.

Так, А. С. Скрипкин (2000, с. 25–27), а позднее А. В. Симоненко (2003, с. 54–56; 2010, с. 394) обратили внимание на ряд культурных новаций у сарматских кочевников II – I вв. до н. э. по сравнению с предшествующим периодом (IV – III вв. до н. э.).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-78-20193.

Поиски аналогий позволили предложить гипотезу о притоке отдельных групп населения с территории Центральной Азии (материалы могильников гунно-сарматского времени из Аймырлыга, Кокэля, Байдаг II и др.).

Это такие культурные новации как:

1) увеличение числа погребений с северной ориентировкой головы умершего;

2) погребения, осуществленные в колодах с двумя параллельными выступами в головной части;

3) наличие в гробах отверстия, иногда затыкаемого пробкой;

4) предметы материальной культуры, например, изделия со сценой терзания, ключевой фигурой в которых является верблюд и др.

Что касается становления среднесарматского и позднесарматского культурного комплексов, то наряду с субстратным компонентом ученые лишь постулируют участие инородных компонентов, но не связывают их с какими-либо конкретными культурами. В данном случае чаще всего обнаруживаются аналогии в предметах материальной культуры, а не в погребальном обряде, что не дает нам оснований говорить о миграциях с привнесением новых групп населения.

Нами также предпринимались попытки выделить восточный компонент в антропологическом типе сарматских популяций. Результаты межгруппового анализа на предмет выявления генетических связей и решения проблемы происхождения популяций савроматского и раннесарматского времени показали отсутствие у них родства с населением эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (срубная культурно-историческая общность) и наличие его с населением карасукской культуры Минусинской котловины и андроновскими популяциями Восточного Казахстана и Минусинской котловины (Балабанова, 2000, с. 43, 59).

В формировании групп населения среднесарматского времени также можно предположить участие восточного компонента, так как в их антропологическом комплексе

наблюдается уплощение горизонтальной профилировки на обоих уровнях, а в волгодонской группе такой профиль сочетается еще и со средним углом выступания носа (Фирштейн, 1970, с. 123; Балабанова, 2000, с. 99; 2010, с. 126; 2018, с. 39). Такое сочетание признаков больше характерно для синхронного населения даже не Средней Азии, а Южной Сибири.

Что касается населения позднесарматского времени, то этой теме, а точнее наличию центральноазиатских связей, посвящены как статьи, определяющие хронологические особенности антропологического типа сарматских популяций этого времени, так и специальные работы, полностью посвященные этой проблеме (Балабанова, 2010, с. 128; 2012, с. 85–90; 2014, с. 179). Для позднесарматских групп, в первую очередь, наблюдается сходство с тагарско-тесинским антропологическим типом, который представлен типом длинноголовых европеоидов, во вторую — наличие незначительной монголоидной примеси, а в третью — наличие, так называемого «тесинского» типа деформации (затылочный и затылочно-теменной тип) (Балабанова, 2012, с. 88, 89; 2014, с. 177).

Палеогенетический анализ сарматских популяций практически еще не проводился. К сожалению, имеющиеся единичные данные по результатам исследований зарубежных ученых не позволяют их серьезно воспринимать в силу различных причин. Прежде всего, из-за далеко идущих выводов в целом о сарматских группах, когда есть результаты только по нескольким пробам с определенной хронологией, а как показали исследования, разновременные сарматские популяции резко отличаются друг от друга, как по антропологии, так и по археологическим критериям. Тем не менее, стоит отметить результаты палеогенетического исследования серии, фигурирующей в публикации как раннесарматская, но с хронологическими рамками VI – V вв. до н. э. Она насчитывает 11 образцов из могильника Покровка Южно-

го Урала и группу из могильников Восточного Казахстана Жевакино — Чиликта IX – VII вв. до н. э., которые по генетическому расстоянию располагаются недалеко друг от друга, что, видимо, связано родством этих групп (Unterländer et al., 2017). Из графика, приведенного в данной работе, видно, что в Покровке наряду с наличием западноевропейских гаплотипов имеется и сибирский компонент.

Вторая работа, посвященная палеогенетическому анализу, у нас вызывает меньше доверия и охватывает материалы из комплексов бронзового и раннего железного века с обширной территории Причерноморско-Каспийских степей (Krzewińska et al., 2018). Результаты данного анализа в некоторой степени совпадают с результатами палеоантропологического исследования. Это прежде всего то, что степные кочевники западной Евразии раннего железного века не являются прямыми потомками представителей срубной и алакульской культур бронзового века, и, что популяции раннего железного века были однородными по своей внутригрупповой структуре. Кроме этого, результаты исследования по пяти образцам позднесарматского времени показывают, что они на корреляционном поле группируются вблизи друг друга и имеют самые высокие оценки парного несоответствия по сравнению с другими кочевниками железного века. Данный вывод подтверждается результатами антропологических исследований, по которым любое сопоставление показывает обособленность позднесарматских серий на фоне синхронных и диахронных групп как между сериями со следами преднамеренной черепной деформации, так и без деформации (Балабанова, 2001, с. 118–120; 2004, с. 182–184). В статье также высказывается тезис о генетической преемственности исследуемой позднесарматской группы из Южного Урала и опубликованной раннесарматской из того же региона и об их высоком генетическом разнообразии, которое может быть связано с малой численностью исследуемой группы, а не является результатом анализа. Таким образом, по мнению авторов рассматриваемой статьи, на территории Южного Урала геном ранних кочевников сохраняется на протяжении примерно 300 – 500 лет (Krzewińska et al., 2018).

Вышеприведенный анализ литературы позволяет утверждать наличие какого-то восточного компонента, который участвовал в увеличении внутригрупповой неоднородности раннесарматского населения и в формировании населения среднесарматского и позднесарматского времени. Для определения истоков этого компонента необходимо найти другие более весомые аргументы. В этом случае постановка проблемы в рамках нашего исследования требует уточнения. Под восточным генетическим компонентом не стоит понимать только монголоидный расовый комплекс, так как даже в Центральной Азии в гунно-сарматское время он не является преобладающим. В процессе поисков восточного компонента необходимо обращать внимание на антропологическое и генетическое сходство сарматских популяций с восточными, среднеазиатскими и центрально-азиатскими синхронными группами, у которых генетические материалы могут совпадать, но иметь не восточное, а западное происхождение.

С целью проведения молекулярно-генетического исследования нами были сформированы обширные серии палеоантропологических материалов, потенциально пригодные для получения образцов ДНК. Высокая численность исследуемых серий (суммарно более 200 индивидов) обусловлена как нашим стремлением получить репрезентативные серии образцов ДНК от разновременных сарматских популяций Нижнего Поволжья, так и выявленной на ранних этапах проведения работы относительно низкой степенью сохранности ДНК в скелетных останках, из-за которой существенная часть включенных в выборку материалов не могла быть полноценно исследована методами палеогенетики.

С целью проведения молекулярно-генетического исследования нами были сформированы обширные серии палеоантропологических материалов, потенциально пригодные для получения образцов ДНК. Высокая численность исследуемых серий (суммарно более 200 индивидов) обусловлена как нашим стремлением получить репрезентативные серии образцов ДНК от разновременных сарматских популяций Нижнего Поволжья, так и выявленной на ранних этапах проведения работы относительно низкой степенью сохранности ДНК в скелетных останках, из-за которой существенная часть включенных в выборку материалов не могла быть полноценно исследована методами палеогенетики.

Базовыми генетическими маркерами при проведении исследования являются маркеры с однородительским типом наследования — митохондриальная ДНК (мтДНК) и Y-хромосома, с материнским и отцовским типом наследования, соответственно. Отметим, что низкая сохранность ДНК не позволила к настоящему моменту изучить репрезентативные серии образцов Y-хромосомы. МтДНК исследована лучше, более 60 образцов для трех хронологических групп. Данные по обоим генетическим маркерам продолжают пополняться.

В контексте рассматриваемой в данной публикации проблемы идентификации признаков восточного влияния на генетический состав сарматских популяций можно рассматривать два подхода к анализу генофонда:

1) поиск отдельных носителей генетических вариантов, потенциально имеющих восточное происхождение;

2) исследование динамики генетического состава населения путем анализа диахронной выборки образцов.

Первый подход достаточно информативен ввиду возможной филогенетической и филогеографической контрастности предполагаемых мигрантов из восточных районов Евразийской степи по отношению к населению Нижнего Поволжья. В частности, маркерами такого влияния могут быть варианты мтДНК (или Y-хромосомы), относящиеся к гаплогруппам восточноевразийского происхождения. Носители таких вариантов мтДНК к настоящему моменту были обнаружены нами во всех хронологических группах сарматского населения Нижнего Поволжья. Восточноевразийское происхождение этих вариантов мтДНК не вызывает сомнений. Тем не менее, для материалов второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тыс. н. э., связанных с различными группами ранних кочевников Евразии, существуют серьезные осложнения в корреляции филогении и филогеографии мтДНК. Подробно эта проблема обсуждалась в нашей отдельной

работе (Пилипенко, Черданцев, Трапезов и др., 2018). В частности, в силу интенсификации миграционных событий в пределах Евразийского степного пояса и сопредельных регионов, уже в скифское время происходит существенное перемешивание вариантов, первоначально имеющих западно- и восточноевразийское происхождение. В результате становится затруднительным интерпретация единичных вариантов мтДНК в терминах географического происхождения их непосредственных носителей. Возникает ситуация, когда изначально восточноевразийские (или западноевразийские) генетические варианты уже не могут однозначно маркировать соответствующие миграционные потоки. Вместо этого они могут отражать последствия предшествующих рассматриваемому периоду миграционных волн. В данном случае, присутствие восточноевразийских вариантов мтДНК в Нижнем Поволжье может объясняться как миграционным влиянием с востока непосредственно в сарматскую эпоху, так и в предшествующее скифское время (Unterlander, Palstra, Lazaridis et al., 2017).

С другой стороны, мигранты с востока в сарматскую эпоху могли привнести в Нижнее Поволжье не только восточноевразийские варианты, но и западноевразийские (изначально), которые проникли в Южную Сибирь и Центральную Азию с миграционными потоками эпохи бронзы (преимущественно в III и II тысячелетиях до н. э.).

Вероятно, именно этими осложнениями объясняется отсутствие корреляции между присутствием восточноевразийских вариантов мтДНК в останках и соответствующими признаками с точки зрения археологии и физической палеоантропологии, зафиксированное нами в результате интегрального рассмотрения данных археологии, палеоантропологии и палеогенетики.

Таким образом, анализ на уровне отдельных структурных вариантов требует тонкого рассмотрения филогеографических особенностей вариантов мтДНК с учетом данных по древним группам, являющимся

потенциальными источниками мигрантов с востока.

Альтернативный подход заключается в выявлении хронологической динамики в генетическом составе сарматского населения при анализе диахронной выборки.

В рамках данной работы нами установлено, что изменения генетического состава сарматского населения не носило тотального характера. Наблюдается значительное сходство основных компонентов генофонда. Хотя соотношение компонентов, а также состав минорных генетических вариантов имеют различия (эти различия должны быть подтверждены при увеличении численности исследованных серий образцов ДНК). Интересно, что присутствие вариантов мтДНК восточноевразийского происхождения было характерно для всех хронологических сарматских групп. Более того, вопреки нашим ожиданиям, на данном этапе исследования мы видим наибольшее разнообразие восточноевразийских вариантов мтДНК в раннесарматской серии, а не в средне- или позднесарматской.

Мы провели предварительный сравнительный анализ состава генофонда мтДНК разновременных групп сарматского населения Нижнего Поволжья и популяций Южной Сибири, с которыми сарматы проявляют сходство по данным физической антропологии: андроновским и карасукским населением (неопубликованные данные авторов) и носителями тагарской культуры (Pilipenko, Trapezov, Cherdantsev et al., 2018). В генофонде раннесарматской группы, андроновского и карасукского населения Минусинской котловины присутствуют общие компоненты западноевразийского кластера мтДНК. Однако эти компоненты не являются строго специфичными для населения Южной Сибири (ряд таких специфичных минорных компонентов идентифицирован нами). Аналогичная ситуация наблюдается и при сравнении средне- и позднесарматских групп с носителями тагарской культуры. Таким образом, данные по генофонду мтДНК на настоящий момент не позволяют

зафиксировать однозначные признаки влияния южносибирских групп на генетический состав сарматов. Значительно больше общих компонентов зафиксировано нами при сравнительном анализе сарматских и саргатских популяций. Следует отметить, что многие южносибирские группы имеют специфические черты в составе генофонда Y-хромосомы. В связи с этим мы рассчитываем на высокую информативность сравнительного анализа мужского генофонда рассматриваемых групп, по сравнению с генофондом мтДНК.

Таким образом, проблема корректной идентификации маркеров восточного влияния на сарматское население Нижнего Поволжья остается до конца не решенной. Особые надежды в данном отношении мы связываем с накоплением репрезентативных данных по мужскому генофонду сарматского населения (структуре образцов мтДНК), которая является основной текущей задачей нашего междисциплинарного исследования. Мы надеемся, что результаты исследования структуры Y-хромосомы позволят получить более весомые доказательства восточных связей в сарматских популяциях, так как нами не раз постулировался тезис о преимущественно мужских миграциях, которые сыграли важную роль в формировании их культурного и антропологического разнообразия. Женская часть сарматских хронологических групп сохраняет основные морфологические черты на протяжении целого тысячелетия (VI – IV вв. до н. э. – II – IV вв. н. э.) (Балабанова, 2018, с.43).

Подводя итоги нашего исследования следует отметить, что заявленная проблема далека до завершения и она, прежде всего, должна решаться на основе палеогенетического исследования. Результаты антропологического исследования однозначно свидетельствуют о наличии восточного компонента, а результаты анализа археологического материала не всегда можно интерпретировать с позиций миграций, а не культурных связей.

Литература

- Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // НАВ. 2001. Вып. 4. С. 107–122.
- Балабанова М. А. О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3 / Отв. ред. М. Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2004. С. 171–187.
- Балабанова М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. № 2. С. 65–77.
- Балабанова М. А. О центрально-азиатских связях в антропологии населения поздне-сарматского времени Восточной Европы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3(18). С. 82–91.
- Балабанова М. А. Центральноазиатские связи у древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф. Ч. I / Отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. Кызыл, 15 – 19 сент. 2014 г. Кызыл: б. и., 2014. С. 173–179.
- Балабанова М. А. Дифференциация антропологического типа сарматского населения восточноевропейских степей // Stratum plus. 2018. № 4. С. 33–46.
- Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Чикишева Т. А., Поздняков Д. В., Молодин В. И. Уникальное захоронение воина гунно-сарматского времени в Западно-Сибирской лесостепи: результаты палеогенетического анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 4. С. 123–131.
- Симоненко А. В. Китайские и центрально-азиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. 2003. Вып. 6. С. 45–65.
- Симоненко А. В. «Гунно-сарматы» (к постановке проблемы) // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 392–402.
- Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып. 3. С. 17–40.
- Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–201.
- Krzewińska M., Kiliñç G. M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A. G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L., Sungatov F. A., Sultanova A. N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbala M., Dalen L., Sinika V., Jakobsson M., Stora J., Gotherstrom A. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 2018. Vol. 4, no. 10. Эл. ресурс: <http://advances.sciencemag.org/content/4/10/eaat4457> (дата обращения: 12.02.2019).
- Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // PLoS ONE. 2018. Эл. ресурс: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204062> (дата обращения: 05.02.2019).

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanovar Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E. Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V. I., Burger J. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. 2017. Vol. 8. URL: <https://www.nature.com/articles/ncomms14615> (дата обращения: 12.02.2019).

Mariia Balabanova, Aleksandr Pilipenko, Stepan Cherdantsev, Rostislav Trapezov

Palaeoanthropological and Palaeogenetic Data on the Eastern Component among the Early Nomads in the Lower Volga Area

Abstract

This paper publishes the results of the complex research of Sarmatian materials in search for the eastern palaeoanthropological component in different chronological groups. The accounts of funeral rite, palaeoanthropology, and palaeogenetics were taken to discover the eastern component. The results of this analysis have uncovered that archaeological materials allow partial solution of the said task, since new cultural complex was not necessarily related to migrations. From palaeoanthropological materials in possession, we have determined the morphological complex identifiable with the mixed mongoloid-Caucasian type of the eastern origin. The analysis of mitochondrial DNA (maternal lineage) has uncovered Eastern-Eurasian haplogroups in every Sarmatian population. The question under study is still far from the final solution, which requires further research of paternal line (Y-chromosomes).

М. А. Балабанова, А. С. Пилипенко, С. В. Черданцев, Р. О. Трапезов

Данные палеоантропологии и палеогенетики о наличии восточного компонента у ранних кочевников Нижнего Поволжья

Резюме

В статье приводятся результаты комплексного исследования сарматских материалов на предмет наличия восточного антропологического компонента в хронологических группах. Для выявления восточного компонента были привлечены данные погребального обряда, антропологии и палеогенетики.

Результаты анализа показали, что археологический материал только частично может решать поставленную задачу, так как новый культурный комплекс не всегда связан с миграциями. Антропологический материал позволяет выделить морфологический комплекс, который идентифицируется со смешанным монголоидно-европеоидным типом, который восточного происхождения. Анализ мтДНК (материнская линия) позволил выделить восточно-евразийские гаплогруппы во всех сарматских популяциях. Исследуемая проблема далека от решения и связана с дальнейшим анализом мужской линии (Y-хромосомы).

А. С. Балахванцев

О роли элит в становлении раннесарматской культуры

Ключевые слова: *раннесарматская (прохоровская) культура, кочевая знать, элитные погребения, ориентировка костяков, смена погребального обряда*

Keywords: *Early Sarmatian (Prokhorovka) culture, nomadic elites, elite graves, orientation of skeletons, changes in funeral rite*

В науке уже около ста лет дебатруется вопрос о происхождении раннесарматской (прохоровской) культуры. Однако только в конце XX столетия исследователей заинтересовала та роль, которую в формировании прохоровской культуры сыграла военно-жреческая аристократия конца VI – V вв. до н. э. В 1988 году А. Д. Таиров и А. Г. Гаврилюк выдвинули идею, что именно кочевая знать этого периода стала генератором погребальных традиций прохоровской культуры, которые лишь с рубежа V – IV вв. до н. э. стали перениматься рядовым населением (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 148, 151–152).

С. Ю. Гуцалов, анализируя раскопанные им элитные погребения в Западном Казахстане, также пришел к выводу, что основные признаки прохоровской культуры появляются в курганах воинско-жреческой кочевой элиты (причем в тесной увязке друг

с другом) уже на рубеже VI – V вв. до н. э. (Гуцалов, 2007, с. 90). В. Н. Мышкин, обстоятельно рассмотрев памятники сарматской знати конца VI – V вв. до н. э., осторожно заметил, что некоторые элементы погребального обряда «прохоровской культуры следует рассматривать как составную часть субкультуры некоторых групп кочевнической элиты Самаро-Уральского региона этого времени» (Мышкин, 2011, с. 170).

Наконец, Л. Т. Яблонский, исходя из материалов таких памятников, как Филипповка 1 и 2, Переволочан, Кырык-Оба II и Лебедевка II, также высказал утверждение, что на первом этапе формирования прохоровской культуры Южного Приуралья ее основополагающие черты были присущи кочевой знати (Яблонский, 2015а, с. 59). Данное мнение нашло поддержку и у А. С. Скрипкина (Скрипкин, 2017, с. 58).

Однако прежде чем перейти к рассмотрению этой концепции по существу, следует определиться с хронологическими рамками раннесарматской (прохоровской) культуры. Дело в том, что в современном сарматоведении они определяются по-разному. Одни авторы, отталкиваясь от появления раннепрохоровских черт погребального обряда уже в конце VI – начале V в. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 147), считают, что прохоровская культура, проходя в своем развитии определенные этапы, существовала в Южном Приуралье (или только в Южном Зауралье) с конца VI по I в. до н. э. (Мышкин, 2011, с. 168 — с предшествующей литературой), либо рассматривают памятники савроматской и раннесарматской культур Южного Урала конца VI – III вв. до н. э. как единую культуру ранних кочевников (Яблонский, 2016, с. 309). Наряду с этим сохраняется и восходящее к Б. Н. Гракову представление о существовании у южноуральских кочевников двух культур: «савроматской» (VI – IV вв. до н. э.) и «раннесарматской» (IV – II/I вв. до н. э.) (Мошкова, 1974, с. 10–11; 2008, с. 91–93; сравни: Скрипкин, 2017, с. 61).

Вторая точка зрения представляется мне более верной, и вот почему. Вызревание отдельных элементов любой археологической культуры всегда имеет место в недрах культуры предшествующей, если, разумеется, между последней и первой существует генетическая связь. Однако лишь после того, как накапливающиеся изменения перейдут через определенный количественный порог, на свет появится новое качество, в нашем случае — новая археологическая культура. Если же не принимать количественные показатели во внимание, то мы легко можем скатиться к абсурдным утверждениям и отнести, скажем, начало процесса формирования раннесарматской культуры к финалу бронзы или переходному периоду от бронзы к раннему железу на основе того известного факта, что случаи южной ориентировки костяков на Южном Урале фикси-

руются уже в это время (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 143).

Теперь, сделав это необходимое уточнение, перейдем к рассмотрению основного вопроса предпринятого здесь исследования. Как известно, погребальный обряд характеризуется тремя группами признаков: конструкцией погребального сооружения, состоянием и положением костяка, а также составом погребального инвентаря (Балахванцев, 2017, с. 28, прим. 45 — с предшествующей литературой). Если оставить последнюю категорию в стороне, то погребальному обряду прохоровской культуры свойственны меридианальная ориентировка могил с вытянутым положением костяков на спине, головой на юг. Господствующее положение получают сравнительно узкие, удлинённо-прямоугольные, грунтовые могилы, подбои и катакомбы (Мошкова, 1974, с. 11). К перечисленным признакам следует добавить и безраздельное господство индивидуальных погребений над коллективными. Вместе с тем, я, по указанным выше соображениям, не могу согласиться с попыткой расширения этого списка за счет дромосных камерных гробниц с коллективными захоронениями (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 143), так как нет никаких оснований отделять последние от «савроматской» культуры (см.: Мышкин, 2011, с. 169).

К маркерам погребений кочевой аристократии конца VI – V вв. до н. э. относятся: совершение захоронений в широких прямоугольных могильных ямах, больших ямах с дромосом, на древнем горизонте; наличие мощных надмогильных деревянных сооружений в виде перекрытий из бревен, четырехугольных или многоугольных срубов, шатровых конструкций; использование при сооружении погребальной насыпи камня и сырцового кирпича; разнонаправленная ориентация костяков (Мышкин, 2010, с. 174; 2011, с. 169). К этому следует добавить, что все элитные захоронения являлись основными (Мышкин, 2010, рис. 6, 1), а подавляющее большинство из них (66,7 %) относи-

лось к числу коллективных (Мышкин, 2010, рис. 7, 1).

Легко заметить, что основные признаки погребального обряда верхушки южно-уральских номадов конца VI – V вв. до н. э. не имеют ничего общего с тем, что мы видим у прохоровцев начиная с IV в. до н. э. Показательно, что даже сторонники концепции о зарождении погребальных традиций раннесарматской культуры в среде кочевой знати предшествующей эпохи вынуждены признавать, что погребальный обряд кочевников Южного Урала в IV в. до н. э. претерпел серьезные изменения, выразившиеся в исчезновении больших «царских» курганов, шатровых конструкций, больших ям с дромосами и коллективными захоронениями (Яблонский, 2016, с. 308). Следует специально подчеркнуть, что подбоев и катакомб среди погребений элиты конца VI – V вв. до н. э. не зафиксировано (Мышкин, 2010, рис. 6, 1).

Единственной общей чертой обеих погребальных традиций является южная ориентировка скелетов, которая, действительно, известна уже с рубежа VI/V вв. до н. э. (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 143). В аристократических погребениях она встречается у почти половины (48,3 %) костяков (Мышкин, 2010, рис. 7, 1), и считается некоторыми исследователями маркировкой особого, возможно, военно-элитарного статуса (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 144).

Что можно заметить по этому поводу? Представляется, что оба заявленных выше положения нуждаются в определенной корректировке, причем, не столько в количественном, сколько в качественном плане. Отличную возможность для этого дает — пусть и не полная — публикация материалов из Филипповки 1 и 2, одни из которых сознательно не были включены В. Н. Мышкиным в составленную им выборку (Мышкин, 2011, с. 168, прим. 2), а другие вообще не могли быть ему известны. Между тем, эти

материалы играют при обсуждении очень важную роль, т. к. оба могильника относятся к концу V – IV вв. до н. э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87–89; Яблонский, 2013а, с. 53; 2013б, с. 307), когда проявившиеся ранее тенденции в погребальном обряде должны были занять господствующее положение.

А. Х. Пшеничнюк, анализируя погребальный обряд раскопанных им курганов могильника Филипповка 1, пришел к выводу, что в центральных погребениях полностью преобладала южная ориентировка, зафиксированная у двенадцати костяков, а на западную и восточную приходилось только по три костяка (Пшеничнюк, 2012, с. 65). Однако все ли они могут быть отнесены к числу элитных? Если использовать в качестве критерия вычисленную В. Н. Мышкиным (Мышкин, 2010, с. 172) площадь могильной ямы в коллективных погребениях кочевой знати (не менее 25,6 м²), то из курганов А. Х. Пшеничнюка¹ к последним можно отнести лишь курганы 3, 7, 10 и курган 9, где захоронение было осуществлено на древней поверхности. Курганы 14 и 23 в число элитных не попадают. Следовательно, число костяков с южной ориентировкой сокращается до семи (53,8 %), что, в принципе, соответствует цифрам В. Н. Мышкина.

Впрочем, существует возможность уточнить ориентацию даже тех скелетов, которые к моменту раскопок были потревожены или вообще исчезли. Обратимся к кургану 7, где в центре погребения 1 располагался очаг² (Пшеничнюк, 2012, с. 42). Учитывая, что пять из шести сохранившихся *in situ* костяков лежали головами к центру могилы (Пшеничнюк, 2012, рис. 91), можно вполне обоснованно предположить, что сильно потревоженные скелеты в восточной части могилы (два — в северо-восточном углу и один — у южной стенки) тоже были направлены головами к центру могилы (т. е. — на запад).

¹ Разумеется, здесь рассматриваются лишь те курганы, для которых известна ориентировка погребенных.

² Более уместно считать его жертвенником.

В центральном погребении 1 кургана 3, очень похожему по плану на предыдущее, также находился жертвенник (Пшеничнюк, 2012, рис. 62). Учитывая аналогию с основным погребением кургана 7 и то, что из трех костяков, ориентированных на юг, два лежали головами к центру погребальной камеры, а один — практически параллельно жертвеннику (Пшеничнюк, 2012, с. 34), можно высказать предположение о первоначальном присутствии в западной части могилы не менее трех скелетов, ориентированных на восток, к жертвеннику; а в восточной — не менее двух костяков, обращенных головами на запад. В кургане 10, судя по аналогиям из погребения 7 кургана 16 могильника Лебедевка VII (Мышкин, 2010, рис. 4, 9), два потревоженных костяка, скорее всего, также лежали головами на юг.

Легко подсчитать, что с учетом реконструированных ориентировок костяков доля погребенных головою на юг в курганах 3, 7, 9 и 10 могильника Филипповка 1 снижается до 39 %. Однако в данном случае важны не цифры, а то обстоятельство, что для людей, хоронивших своих близких в центральных погребениях курганов 3 и 7, значение имело не столько ориентировка по сторонам света, сколько направление к центру могильной ямы.

Аналогичная картина наблюдается и в курганах могильника Филипповка 1, раскопанных Приуральской археологической экспедицией ИА РАН. Так, в центральном погребении 5 «царского» кургана 4 расположенные вокруг жертвенника костяки 2 и 3 были ориентированы головами на запад, костяк 4 — на север, а костяк 5 — на юг (Яблонский, 2013а, с. 23)³. В центральном погребении 1 кургана 11 два костяка расположены вокруг жертвенника вдоль северной стенки головами на запад (Трейстер, Шема-

ханская, Яблонский, 2012, с. 130, рис. 92). В центральном погребении 1 кургана 15 вокруг жертвенника на древней поверхности располагалось десять скелетов: из них два (1 и 4) были ориентированы головами на восток, два (9 и 10) — на юг, пять (2, 3, 6, 7, 8) — на запад (Балахванцев, Яблонский, 2007, с. 143, рис. 1). В центральном погребении 1 кургана 28 пять костяков у западной стенки погребальной камеры лежали головами на восток, к центру могилы (Яблонский, 2013а, с. 190). В центральном погребении 2 кургана 29 из десяти костяков шесть лежали головой на юг, один — на запад, еще три были перемещены (Трейстер, Шемаханская, Яблонский, 2012, рис. 108).

И в заключение рассмотрим данные, полученные при раскопках могильника Филипповка 2. В центральном погребении 2 кургана 1 из семнадцати обнаруженных там костяков один (6) был ориентирован на юг, два (9 и 10) — на запад, один (12) — на север, два (13 и 14) — на восток (Яблонский, 2013б, с. 306–307).

Таким образом, южная ориентировка костяков вовсе не была непременным признаком⁴ погребений элиты конца VI – IV вв. до н. э. Зато ориентировка в южный сектор безраздельно господствовала во впускных погребениях (Пшеничнюк, 2012, с. 65; Яблонский, 2013а, с. 48; 2013б, с. 308; Рукавишников, Яблонский, 2014, с. 130), где находили последнее упокоевание те — пусть даже и весьма богатые (Яблонский, 2015, с. 56) — индивидуумы, которым из-за их, очевидно, более низкого социального статуса не полагалось места в центральном захоронении кургана.

Какие же выводы можно сделать из проанализированного выше материала? Первое. Кочевая элита конца VI – IV вв. до н. э. вовсе не была генератором новых

³ Следует заметить, что в другой работе (Трейстер, Шемаханская, Яблонский, 2012, с. 122–123, рис. 86) дается отличная от вышеприведенной информация о местоположении и нумерации костяков.

⁴ Не лишним будет заметить, что и погребальный инвентарь у ориентированных на юг скелетов был часто беднее, чем у их соседей по погребальной камере. Так, в уже упоминавшемся погребении 1 кургана 7 могильника Филипповка 1 у костяков, обращенных головами на восток (2 и 3) и запад (4), присутствовали золотые украшения, а у костяков 5 и 6, лежавших головами на юг, золото отсутствует (Пшеничнюк, 2012, с. 43–44).

погребальных традиций прохоровской культуры и до самого конца этого периода цепко держалась за старое, не придавая, в частности, большого значения ориентировке костяков по сторонам света. Впрочем, проявленный сарматской знатью консерватизм не является чем-то из ряда вон выходящим: с определенного момента так ведут себя все элиты. Занимая позицию на верхушке общественной пирамиды, сосредоточив в своих руках отправление родовых культов, монополизировав право на большие курганы со сложными деревянными конструкциями, сооружение которых было делом весьма трудозатратным, аристократия просто не имела стимула что-то менять.

Второе. Подлинные корни прохоровского погребального обряда следует искать в захоронениях людей более скромного социального положения. Например, в самом первом из числа сооруженных в Филипповке 1 курганов, известном как погребение 2

кургана 23 (Пшеничнюк, 2012, с. 58, рис. 145). Именно здесь можно увидеть явные признаки раннесарматского погребального обряда: меридианально (с небольшим отклонением) ориентированная могильная яма размерами 2,1×1 м со скругленными углами и костяк, лежащий на спине, в «позе всадника», головой на юго-восток.

Третье. На протяжении IV в. до н. э. савроматские и раннесарматские погребальные традиции сосуществовали в рамках не только одного могильника (например, Филипповка 1), но даже одного кургана. Однако прохоровский погребальный обряд постепенно завоевывал все новые и новые позиции, и в последней четверти этого столетия одержал окончательную победу. В элитных — по составу инвентаря — погребениях конца IV – начала III вв. до н. э., как, например, в Прохоровке, сооружение Б (Балахванцев, Яблонский, 2006, с. 99–103), от старых савроматских погребальных традиций уже ничего не остается.

Литература

- Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т. Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1. С. 98–106.
- Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // РА. 2007. № 1. С. 143–149.
- Гуцалов С. Ю. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2. С. 75–92.
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 51 с.
- Мошкова М. Г. О научном значении работ Приуральской экспедиции в период 1990 – 2007 гг. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Ред. Л. Т. Яблонский. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2008. С. 90–97.
- Мышкин В. Н. О субкультуре элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI – V веках до нашей эры // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 170–190.

- Мышкин В. Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI – V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции / Ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 168–178.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Рукавишникова И. В., Яблонский Л. Т. Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 // РА. 2014. № 4. С. 118–133.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 291 с.
- Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: б. и., 1988. С. 141–159.
- Трейстер М. Ю., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. 2 / Ред. М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 84–156.
- Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013а. 232 с.
- Яблонский Л. Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов: б. и., 2013б. С. 305–311.
- Яблонский Л. Т. Элитарная субкультура ранних кочевников Южного Приуралья и механизмы формирования раннесарматской культуры // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / Ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 37–61.
- Яблонский Л. Т. Некоторые теоретические подходы к вопросу о происхождении раннесарматской культуры // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 304–311.

Archil Balakhvantsev

On the Role of the Elites for the Establishment of the Early Sarmatian Culture

Abstract

Sarmatian studies have developed a very popular idea that in the late sixth and fifth centuries BC nomadic elite generated funeral traditions of the Prokhorovka culture, which were accepted by the common population only from ca. 400 BC. However, from the late sixth to the fourth century BC, nomadic elite never generated new funeral traditions of the Prokhorovka culture, standing in the ancient ways to the very end of the said period. True origins of the Prokhorovka funeral rituals lay in the burials of persons of modest social status, such as grave 2 of barrow 23 in the cemetery of Filippovka I. Throughout the fourth century BC, Sauromatian and Early Sarmatian funeral traditions coexisted within the same cemetery (Filippovka I) and also within the same barrow; it was only the last quarter of the century in question when the new funeral rite gained final victory.

А. С. Балахванцев

О роли элит в становлении раннесарматской культуры

Резюме

В сарматоведении большой популярностью пользуется идея, что именно кочевая знать конца VI – V вв. до н. э. стала генератором погребальных традиций прохоровской культуры, которые лишь с рубежа V – IV вв. до н. э. стали перениматься рядовым населением. Однако кочевая элита конца VI – IV вв. до н. э. вовсе не была инициатором новых погребальных традиций прохоровской культуры и до самого конца этого периода цепко держалась за старое. Подлинные корни прохоровского погребального обряда следует искать в захоронениях людей более скромного социального положения, например, в погребении 2 кургана 23 могильника Филипповка 1. На протяжении IV в. до н. э. савроматские и раннесарматские погребальные традиции сосуществовали в рамках не только одного могильника (Филипповка 1), но даже одного кургана, и лишь в последней четверти этого столетия новый погребальный обряд одержал окончательную победу.

А. С. Балахванцев, О. А. Шинкарь

Бронзовый котел с греческой надписью из Сосновки (Волгоградская область)

Ключевые слова: *поздние сарматы, бронзовый котел, импортная металлическая посуда, бог Блекур, греческая надпись*

Keywords: *Late Sarmatians, bronze cauldron, imported metal vessels, god Blekour, Greek inscription*

В 1972 году в Волгоградский областной краеведческий музей был прислан по почте бронзовый котел, обнаруженный у с. Сосновка Котовского района Волгоградской области. Котел был приобретен у владельца по акту № 8 от 19 мая 1972 года, а затем сотрудник музея В. И. Мамонтов выехал на место находки¹. Оно располагалось примерно в 7 км к востоку от с. Сосновка, на высоком правом берегу р. Бурлук. Как оказалось, котел был выпахан из насыпи большого кургана, высотой около 1,5 метра. Рядом расположены еще два кургана, оба высотой до 1 метра. Курганы интенсивно распахивались. По рассказу тракториста, вместе с котлом были обнаружены точеные костяные изделия, которые он впоследствии выкинул по причине ненадобности.

В 2001 году музей получил средства по Федеральной программе по сохранению культурного наследия, что позволило отреставрировать котел. После реставрации, проведенной научным сотрудником музея А. Г. Черемушниковым, котел был очищен от окислов и выправлен. Сосуд имел ровное и прямое дно, округлое раздутое в верхней трети тулово и резко отогнутый наружу венчик (рис. 1). На тулове отмечены следы починки в древности — четыре бронзовые заплатки, прикрепленные с внутренней стороны котла. Следов крепления ручек или треножника не прослеживается. Высота котла — 40,9 см, наибольший диаметр тулова — 48,6 см, диаметр горла — 36,6 см, диаметр по венчику — 40,4 см, диаметр дна — 24,3 см. Толщина стенок составляет

¹ Авторы приносят свою искреннюю благодарность В. И. Мамонтову, любезно поделившемуся воспоминаниями о поездке в Сосновку в 1972 году.

0,5–0,7 мм. Край венчика не прокован и имеет толщину 2,5–3 мм. Вес котла в смятом состоянии — 4,853 кг, после реставрации — 5,570 кг. Нужно отметить, что в процессе реставрации на корпусе котла были восстановлены понесенные предметом утраты. В древности, когда котел подвергся «ритуальной смерти» посредством деформации, его пробили в нескольких местах, оставив вмятины и порезы, а из тулова была вырезана широкая полоса металла 24x10 см.

Цельнокованный котел изготовлен в технике выколотки (дифовки). Чтобы восстановить его в прежних формах, реставратор нагревал котел газовой горелкой до темно-красного цвета, т. е. примерно до температуры 800–900°C. Участок котла с греческой надписью, о которой пойдет речь ниже, нагревался паяльной лампой. В центре на дне котла с внешней стороны отмечена круглая неглубокая насечка диаметром 3 мм. Это свидетельствует о том, что при изготовлении котел подвергался токарной проработке.

Котел долгое время использовался сарматами по прямому назначению — для приготовления пищи, о чем свидетельствуют нагар и бережная реставрация котла заплатками. До реставрационных работ на внутренней и внешней стороне котла местами сохранялся пористый слой нагара и сажи.

В кочевой сарматской среде на территории Волго-Донских степей такие предметы имеют статус импортов и концентрируются в курганах первых веков нашей эры. Как известно, поступление античного импорта в виде металлической посуды приобретает массовый характер именно с рубежа эр (Раев, 1994, с. 24–25; Сергацков, 1994, с. 19–27; Скрипкин, 1997, с. 32–36; 2017, с. 167–182; Балахванцев, Шинкарь, 2018, с. 194).

Случаи нахождения кованых котлов в насыпях курганов встречаются на протяжении всех стадий развития сарматских культур: ранней, средней и поздней. Так, с территории междуречья Волги и Дона они

Рис. 1. Фото бронзового котла из Сосновки

происходят из кургана 1 могильника Базки (Балахванцев, Шинкарь, 2018, с. 193–203), из кургана 75 Жутовского могильника (Сергацков, 2004, с. 146–148). Котел из Сосновки не является исключением, он также найден в насыпи кургана.

В типологическом отношении сосуд приближается к типам Эггерс 39, 40 (Eggers, 1951, Taf. 5, 39; 6, 40), но при этом имеет некоторые отличия. Они состоят в том, что у котла из Сосновки отсутствуют крепления ручек, и он практически в два раза больше, чем другие котлы, рассмотренные Х. Эггерсом. Основываясь на наблюдениях Х. Эггерса, дату производства котла можно отнести к стадии В2 (50/70–150/170 гг. н.э.). Нужно отметить, что точных аналогий котлу из Сосновки нам не известно. И тем более нет их в сарматской среде.

На внутренней стороне отогнутого венчика котла находилась вырезанная специализированным инструментом — резцом (штихелем) греческая надпись: Θεῶν Ἄρει Βληκουρῶ ἐκ τῶν τοῦ θεοῦ τ ἐπιμελουμένων Ἀπολιναρίου Πρεῖσκου, которая была оперативно издана (Цуцкин, 1974, с. 138–142).

Через десять лет к этой надписи обратился выдающийся советский и российский эпиграфист Ю. Г. Виноградов, уточнивший интерпретацию первого издателя и предложивший следующий перевод: «Богу Аресу Блекуру из средств бога попечительством Аполинария Приска»² (Виноградов, 1984, с. 40, 41). Ю. Г. Виноградов также обратил внимание на то, что эпikleза божества — Блекур — встречается только на юге Фракии, и сделал обоснованный вывод о фракийском происхождении котла (Виноградов, 1984, с. 41).

Осуществленные в 2001 году реставрация и очистка котла от патины и налета привели к обнаружению на внешней поверхности тулова не замеченного прежде граффито, которое, по-видимому, было прочерчено острием ножа. С. Ю. Сапрыкин пришел

к заключению, что граффито выглядит как ΛΠΛΙ и его следует понимать как λ(έβης) Π = 80 λί(τραί), т. е. «котел объемом в 80 (римских) фунтов» (Сапрыкин, 2003, р. 225–226). Однако, в таком случае, учитывая, что римский фунт равен 327 гр. (Lang, 1976, р. 58, not. 6), объем котла должен составить 26,16 кг (26,16 л.). Между тем, судя по измерениям и подсчетам, выполненным О. А. Шинкарь, объем котла достигает пятидесяти литров. К тому же, работа с самим котлом и высококачественными фотографиями участка с граффито позволяет утверждать, что на самом деле граффито выглядит как ΛΠΛ// (рис. 2, 2; 3), а составляющие его знаки, скорее всего, имеют с греческими буквами лишь внешнее сходство и были прочерчены кем-то из новых сарматских хозяев котла.

В статье С. Ю. Сапрыкина также содержалось утверждение, что в надписи на венчике не было никакого причастия ἐπιμελουμένου, а вместо него стояло мужское имя Ἐπιμένου (Сапрыкин, 2003, р. 225). Данная точка зрения успела получить отражение в авторитетном эпиграфическом издании (SEG LIII 802bis). Однако проверка по оригиналу показала, что С. Ю. Сапрыкин был введен в заблуждение присланной ему прорисовкой надписи (Сапрыкин, 2003, р. 227, fig.). Дело в том, что она была выполнена не знающим греческого языка художником, который пропустил в слове ἐπιμελουμένου пять букв и тем самым превратил причастие в личное имя. В реальности надпись на внутренней стороне венчика выглядит так, как это видно на публикуемых нами фотографии (рис. 2, 1) и прорисовке (рис. 3). Таким образом, ее чтение и перевод, предложенные некогда Ю. Г. Виноградовым, можно считать окончательно установленными.

Что можно сказать о дате надписи и обстоятельствах, при которых котел попал в поволжские степи? Для ответа на первый вопрос обратимся, прежде всего,

² Было высказано предположение о том, что в надписи упоминаются два разных человека — Аполинарий и его отец Приск (LGPN IV, р. 34, 290), которое из-за отсутствия артикля перед последним словом не поддается верификации.

к палеографии надписи. Она характеризуется следующими чертами: альфа с косой перекладиной; бета с разновеликими полукругьями; курсивные формы *эпсилон* и *сигмы*; *омикрон* практически полностью совпадает с габаритами строки; *лямбда* и *альфа* с выступающей вверх правой боковой чертой; курсивная *омега*, средняя черта которой в одном случае ниже боковых, а в двух других находится с ними на одном уровне; у *пи* горизонтальная гаста выступает за габариты буквы; расширенные и изогнутые боковые элементы у *мю*.

Напомним, что Ю. Г. Виноградов датировал надпись на венчике котла начиная со II в. н. э. (Виноградов, 1984, с. 43, прим. 19). Издатели «Лексикона греческих личных имен» отнесли ее ко II в. н. э. (LGPN IV, р. 34, 290), а С. Ю. Сапрыкин — к периоду не ранее II в. н. э., скорее, к первой половине III в. н. э. (Сапрыкин, 2003, р. 229). Представляется, что данные точки зрения нуждаются в определенном уточнении. Начертания букв, характерные для надписи на котле из Сосновки, встречаются и на других памятниках, обнаруженных во Фракии, например,

Рис. 2. 1 — фото надписи на венчике котла; 2 — фото плечиков котла с выделенным граффито

в посвящении Асклепию из района Ловеча начала III в. н. э. (Die alten Zivilisationen Bulgariens, 2007, nr 189 = IGBR II 543). Аналогичная палеография наблюдается и в надписи на саркофаге середины II – середины III в. н. э. из Фессалоники (Roman Art and Civilization, 2014, p. 61, fig.). Однако в надписи на милевом столбе времени Максимиана Фракийца (235 – 238 гг. н. э.) из Топейра мы видим уже совершенно другую картину: ромбовидный *омикрон*, угловатые *омега* и *эпсилон*, *альфа* с прямой горизонтальной гостой, *бета* с равновеликими полукружьями, *мю* с прямыми боковыми элементами, присутствуют лигатуры (Roman Art and Civilization, 2014, p. 60, fig.). Поэтому надпись на котле из Сосновки лучше датировать серединой II – первой четвертью III в. н. э. Не противоречат этой датировке и языковые данные. Так, во фракийских надписях II в. н. э. встречается написание имен Аполинария через одну *лямбду* (LGPN IV, p. 34) и Приска через дифтонг *ει* (LGPN IV, p. 290). Предлагаемая дата также хорошо соответствует времени производства котла (50/70 – 150/170 гг. н.э.).

Однако последняя версия вызывает у нас сомнения. Во-первых, источники не содержат данных о том, что во вторжении 250 – 251 гг. н. э. принимали участие и сарматы (Ременников, 1954, с. 53–70). Во-вторых, судя по сочинению Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (Iord., Get., 102–103), боевые действия на территории Фракии в 250 г. н. э. охватили район от Филиппополя (совр. Пловдив) до Берои (совр. Стара-Загора). Между тем, надпись, упоминающая культ Блекура, происходит из окрестностей Ивайловграда (Виноградов, 1984, с. 41). Следовательно, именно там и надо локализовать храм этого божества. Но тогда это святилище вряд ли могло пострадать от рук варваров, действовавших в 250 г. н. э. в более северных районах Фракии.

Маловероятными представляются нам и варианты разграбления храма Блекура в 253 и 267 – 268 гг. н. э. В первом случае варвары, осадившие Фессалонику, судя по отмеченному Зосимом (Zos., I, 29, 2) присутствию в их рядах маркоманов, пришли с северо-запада и не имели никакого отношения даже к северо-причерноморским сарматам. Во втором, герулы, отступавшие из Ахайи через Македонию и Фракию, вряд ли могли увезти с собой захваченную во время похода добычу, так как были разбиты императором Галлиеном и его полководцами (Ременников, 1954, с. 118–120).

На наш взгляд, храм Блекура, скорее всего, был разорен в 170 – 171 гг. н. э. во время вторжения костобоков. Это прикарпатское племя, воспользовавшись ослаблением римской границы на Нижнем Дунае, вторглось в Нижнюю Мезию, а затем и во Фракию, следуя через Малую Скифию и Адамкиси (Кудрявцев, 1954, с. 248–258). На своем пути в Македонию и Ахайю, а также при возвращении домой, костобоки не могли миновать Адрианополя (совр. Эдирне), в непосредственной близости от которого находится Ивайловград. Возможно, что костобоки ограбили святилище на обратном пути, захватив с собой, наряду с другой добычей, и бронзовый котел. Не исключено, что уже за Дунаем костобоки подверглись нападению сарматов, которые, судя по данным Корнелия Тацита (Tac., Hist., I, 79) и археологическим материалам (Roman Art and Civilization, 2014, p. 194–199), со второй половины I в. н. э. прочно утвердились на землях к северу от низовьев Дуная. И хотя нам, наверное, никогда не удастся установить точный маршрут, по которому котел из Придунавья попал в Волгоградскую область, сам факт его находки так далеко на востоке красноречиво свидетельствует о тесных связях, объединявших кочевые племена Европейской и Азиатской Сарматии.

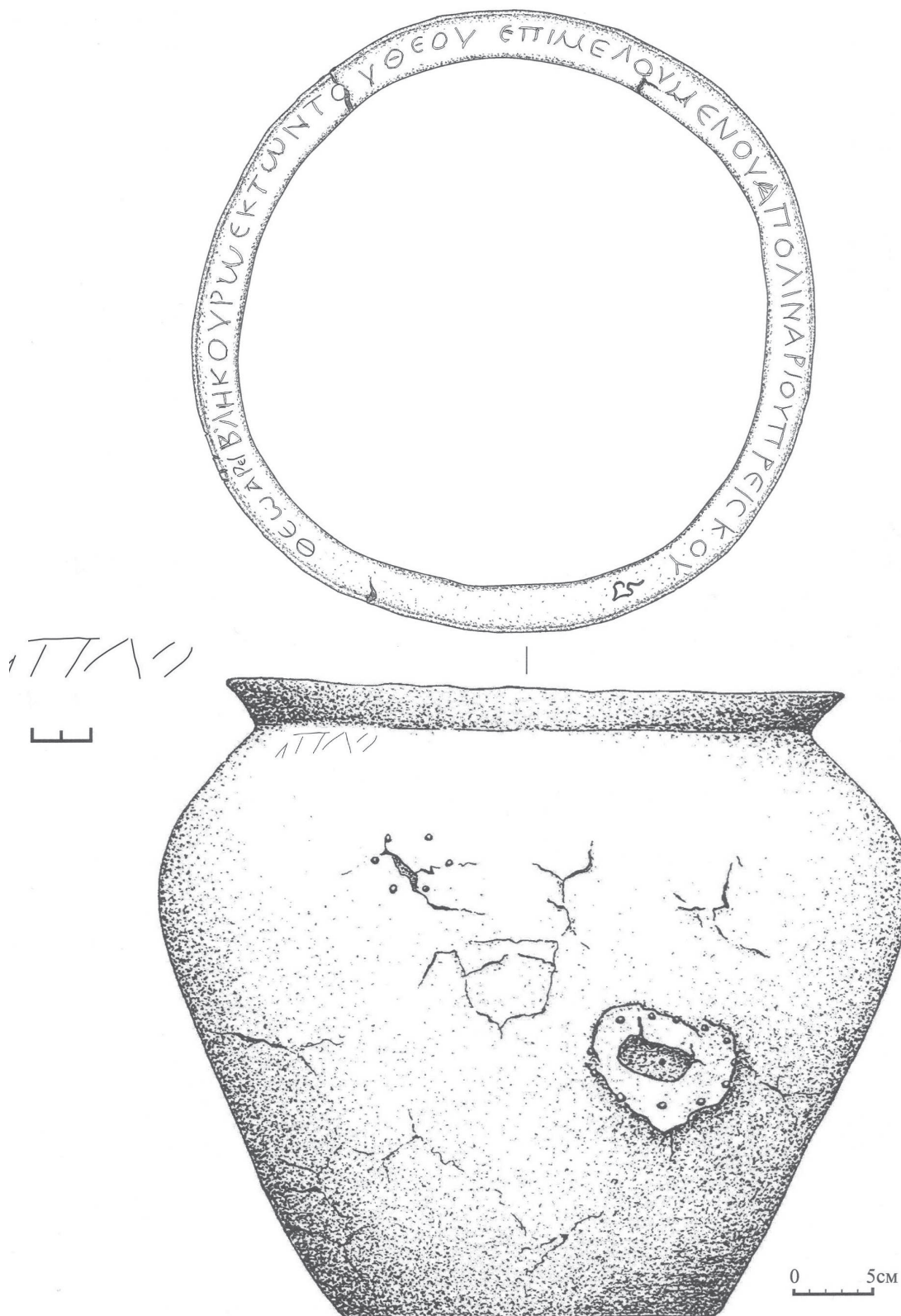

Рис. 3. Прорисовка бронзового котла с надписью и граффито

Литература

- Балахванцев А. С., Шинкарь О. А. Бронзовый котел с греческой надписью из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 193–203.
- Виноградов Ю. Г. Два бронзовых котла с греческими надписями из сарматских степей Донбасса и Поволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1984. С. 37–43.
- Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М.: Издательство АН СССР, 1954. 364 с.
- Раев Б. А. Аланы и Рим: археологические реалии в историческом контексте // Античная цивилизация и варварский мир. Тез. докладов IV археологического семинара / Ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1994. С. 24–25.
- Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М.: Издательство АН СССР, 1954. 146 с.
- Сергацков И. В. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первые века нашей эры // Проблемы всеобщей истории / Отв. ред. Д. М. Туган-Барановский. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1994. С. 19–27.
- Сергацков И. В. Бронзовый котел из Жутовского могильника в Волгоградской области // РА. 2004. № 1. С. 146–148.
- Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов: учебное пособие. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1997. 103 с.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2017. 293 с.
- Цуцкин Е. В. Бронзовый котел с древнегреческой надписью // Историко-краеведческие записки. Вып. 2 / Отв. ред. Б. С. Абалихин. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1974. С. 138–142.
- Eggers H. Ju. Der römische import im Freien Germanien. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951. 128 S.
- Roman Art and Civilization — A Common language in Antiquity / Ed. M. Iacob. Tulcea: Tulcea Country Council, 2014. 241 p.
- Lang M. L. Graffiti and dipinti. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1976. 116 p. (The Athenian Agora. Vol. XXI).
- Die alten Zivilisationen Bulgariens: Das Gold der Thraker / Hrsg. V. Nikolov. Basel: Verlag Antikenmuseum Basel und Sammlung Ludwig, 2007. 268 S.
- Saprykin S. Greek Inscription on Bronze Cauldron from Sosnovka, Volgograd Region, Russia // Thracia XV. In honour of Alexander Fol's 70th anniversary. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 2003. P. 225–232.

Archil Balakhvantsev, Olga Shinkar'

**The Bronze Greek-Inscribed Cauldron from Sosnovka
(Volgograd Region)**

Abstract

In 1972, farm works near the village of Sosnovka in the Kotovo district of the Volgograd region discovered in the mound of a big barrow, measuring ca. 1.5 m in height, a bronze hammered cauldron with the Greek inscription reading: “Θεῷ Ἄρει Βληκουρῶ ἐκ τῶν τοῦ θεοῦ ν ἐπιμελουμένου Ἀπολιναρίου Πρείσκου,” or in English translation: “To God Ares Blekour from the sums of money which belonged to the god, under the patronage of Apolinarios Preiskos.” According to the typological features and palaeographic data, the cauldron dates from the mid-second to the first quarter of the third century AD. The sanctuary of Blekour in vicinity of modern Ivailovograd was most probably plundered in 170–171 AD when the tribe of the Kostobokes invaded the Roman empire. Perhaps the Sarmatians attacked the Kostobokes who crossed the Danube, and later on the cauldron made a long way from the Danube area to the Volga region.

А. С. Балахванцев, О. А. Шинкарь

**Бронзовый котел с греческой надписью из Сосновки
(Волгоградская область)**

Резюме

В 1972 году в ходе сельскохозяйственных работ у с. Сосновка Котовского района Волгоградской области в насыпи большого кургана, высотой около 1,5 метра, был найден бронзовый кованый котел с греческой надписью Θεῷ Ἄρει Βληκουρῶ ἐκ τῶν τοῦ θεοῦ ν ἐπιμελουμένου Ἀπολιναρίου Πρείσκου, которая переводится как: «Богу Аресу Блекуру из средств бога попечительством Аполинария Приска». По типологическим особенностям и палеографическим данным котел можно датировать в пределах середины II – первой четверти III в. н. э. Святилище Блекура, находившееся в районе современного Ивайловграда, скорее всего, было разграблено в 170 – 171 гг. н. э. во время вторжения в Римскую империю племени костобоков. Видимо, уже за Дунаем костобоки подверглись нападению сарматов, после чего котел проделал долгий путь из Придунавья в Поволжье.

С. И. Безуглов

Степь и Танаис во II – III вв. н. э.

Ключевые слова: *Танаис, позднесарматская культура, социальная элита, военная знать, Боспорское царство, Нижний Дон, кочевники*

Keywords: *Tanais, Late Sarmatian culture, social elite, military elite, Bosporan kingdom, Lower Don area, nomads*

Географическое положение Танаиса в месте слияния дельты Дона с Азовским морем объясняет многие особенности его истории. Город был сильно удален от основной территории Боспорского царства. Самый удобный путь к городам Боспора от Танаиса — по Азовскому морю. Кроме этой дороги, город со всех сторон был окружен степями, во все времена его существования заселенными кочевыми народами. Неподалеку от Танаиса, у дельты Дона, располагалось несколько крупных поселений и их некрополей. Вместе с Танаисом они составляли изолированный очаг оседлой культуры, тесно связанный с Боспорским царством.

История Танаиса сильно отличается от истории других городов Боспора Киммерийского. Его наивысший расцвет как военно-политического и экономического центра античной цивилизации был поздним. Он охватывал II и первую половину III в. н. э.

На протяжении многих десятилетий погребальные памятники Танаиса II – первой половины III в. н. э. практически не использовались для характеристики культурно-исторического облика города. Основная причина — длительное отсутствие в раскопках достаточно выразительных комплексов этого времени. Такое положение дел позволило Д. Б. Шелову специально отметить, что материалы раскопок некрополя Танаиса, относящиеся ко II – первой половине III в. н. э., весьма скромны, и не соответствуют той картине культурно-экономического подъема, которая была очевидной при анализе источников иного рода — городских строительных комплексов и памятников местной эпиграфики.

С другой стороны, вплоть до 70-х гг. XX в. еще меньше было известно о донских степных древностях, соответствующих времени существования Танаиса. Реаль-

ный приток курганного материала начался лишь с развитием на Дону мелиоративного строительства в 1970-х – 1980-х гг. Он был настолько стремительным, что результаты этих раскопок поныне в значительной степени остаются не освоенными исследовательской практикой и должным образом не опубликованы. Но, тем не менее, эти данные позволили составить представление о степных древностях, соответствующих времени подъема Танаиса.

За последние десятилетия раскопками в Танаисе получены материалы большой информационной ценности, в том числе выразительные погребальные памятники социальной элиты, относящиеся ко II – первой половине III в. н. э.

Эти обстоятельства и позволили обратиться к теме, вынесенной в заглавие с учетом серьезных изменений археологического контекста.

Отличительный признак погребений знати Танаиса II – середины III в. н. э. — сложное погребальное сооружение, состоящее из входной ямы и погребальной камеры, в которую помещали умерших в деревянных гробах. Такие погребения сильно различались между собой по форме. Эти погребения (склепы) хорошо известны на основной территории Боспора. Они встречаются также и в других частях античного мира, в частности, в Малой Азии.

Склепы Танаиса — античный элемент в культуре населения далекого варварского города. Можно сказать, что социальная элита Танаиса соблюдала многие похоронные нормы, принятые в других городах Боспорского царства. Среди них можно назвать следующие:

— сооружение склепов, сходных с боспорскими;

— использование оттисков монет в позиции «погребального обола». Отмечены случаи, когда отпечаток монеты или гладкий кружок из золотой фольги во время похорон укладывали в рот погребенному;

— обычай использовать при похоронах венки, изготовленные из золотой фольги.

Эта традиция греческого происхождения была широко распространена в разных частях античного мира. Так, например, прекрасные изображения погребальных венков сохранились на портретах Фаюмского оазиса. На Боспоре традиция использования погребальных венков из листового золота существовала на протяжении многих веков;

— обычай украшать труп специальными бутафориями из золотой фольги, которые укладывали на лицо погребенного (на глаза и рот), а также деталями, имитирующими предметы одежды (пряжки, наконечники ремней).

Таким образом, погребальные традиции знати Танаиса были локальным вариантом погребальной культуры Боспорского царства. Но в тех же комплексах различается и другой культурный элемент, чуждый античной традиции.

Полностью или частично сохранившиеся мужские погребения представителей элиты Танаиса — это погребения конных воинов. В тех случаях, когда погребения сильно разрушены при ограблении, среди сохранившихся вещей всегда присутствуют элементы конского убора и детали оружия.

Конский убор. В погребениях сохраняются удила, металлические детали уздечек и конских ошейников. Формы, стиль исполнения и декор этих вещей полностью соответствуют уздечным украшениям, найденным в погребениях сарматских воинов в донских степях.

Мечи. Все известные мечи из рассматриваемых погребений — это длинные узкие клинки с элементами отделки и портупей из камня и металла. Это всаднический меч, который носили в ножнах с вертикальной скобой. Такие же мечи в это время носили степные сарматские всадники. Эти мечи азиатского происхождения. Близкие клинки и портупейные системы использовали воины в Средней Азии и на Ближнем Востоке.

Кинжалы. Дополнением к длинному мечу часто был кинжал. Он крепился в ножнах к правому бедру всадника.

Луки. В погребениях аристократии Танаиса встречены остатки луков и наконечники стрел. Эти находки заслуживают особого внимания.

От луков сохранились лишь костяные накладки. Судя по их положению, это были большие сложные луки так называемого «гуннского» типа. Им соответствовали очень крупные наконечники стрел. Луки этого типа происходили из Центральной Азии.

Плети. Важный элемент снаряжения всадника — остатки плетей, найденные как в склепах Танаиса, так и в степных сарматских курганах. Обычно сохраняется серебряная обойма и прилегающий к ней фрагмент рукояти.

Таким образом, представитель социальной элиты Танаиса в рассматриваемую эпоху — это конный воин, снаряжение которого составляло богатое конское убранство, длинный меч азиатского типа, кинжал, иногда — большой лук со стрелами соответствующего размера. Все это воинское снаряжение чуждо античному миру, а происхождение его элементов так или иначе связано с Востоком.

То же можно сказать и о женских погребениях. Они очень похожи на женские степные погребения позднесарматской культуры. Их инвентарь сходен. Как правило, это одна или две фибулы (чаще других — лучковые подвязные), литое бронзовое зеркало с рельефным орнаментом на обороте, бусы: граненые из сердолика и округлые из янтаря.

О хронологии. Рассматриваемая группа комплексов содержит большое количество эффектных вещей, имеющих хорошие хронологические привязки. Но мы сосредоточим внимание на непосредственных датированных возможностях этих комплексов. Дело в том, что некоторые из них содержат отпечатки монет на золотой фольге.

1. Погребения 26/1992 г. и 12/2007 г. Отпечатки серебряной монеты Антонина Пия с указанием *tribuniti apotestas XII*, что соответствует 148 – 149 гг. н. э. Важно отметить,

что в этих погребениях, расположенных довольно далеко друг от друга, обнаружены отпечатки, сделанные с одной и той же монеты. Эта находка дает хороший *terminus post quem* для всей группы.

2. Погребение 186/2008 г. Здесь было обнаружено два отпечатка: один — плохого качества, второй — с боспорской монеты 495 г. понтийской эры (198 г. н. э.). Клады юга России свидетельствуют о том, что эти монеты исчезли из обращения в 20-е гг. III в. н. э.

3. Погребение 1 в кургане 12/1972 г. Отпечаток монеты Тиры эпохи Септимия Севера или Карагаллы, то есть от 193 до 217 гг. н. э.

Таким образом, эта группа погребений относится к концу II – первой трети III в. н. э. Она может служить хронологическим эталоном для степных памятников.

Но что же в это время происходило в степи, со всех сторон окружавшей дельту Дона?

В предшествующую эпоху, в I в. н. э. степи Дона были заселены мощными кочевыми племенами. Они оставили после себя самые выдающиеся памятники сарматской культуры. Высшая знать в это время практиковала сложный погребальный обряд.

Эта группа кочевников располагала огромными материальными ценностями и имела развитую социальную структуру. Ее историческая значимость была очень велика.

Около середины II в. н. э. ситуация меняется. Преведняя сарматская элита исчезает. Появляются аристократические археологические комплексы нового типа. Это была новая группа кочевников, в основе формирования которой, по всей видимости, была миграция с востока.

Их погребальный обряд проще, чем в предшествующую эпоху. Обычно это узкие ямы (часто с подбоем в одной из сторон), в которые помещали умерших и инвентарь.

В инвентаре богатых мужских погребений абсолютно преобладают оружие и конское снаряжение.

Тип вооружения – совершенно тот же, что и в Танаисе — длинные мечи, кинжалы, иногда — большие луки с костяными накладками.

Мечи — того же азиатского типа, что и в Танаисе. Они имели очень длинные рукояти и ножны с вертикальной скобой. Важный элемент отделки — навершия рукоятей, исполненные из халцедона. В двух случаях встречены мечи с нефритовыми перекрестьями и скобами на ножнах, восходящими к китайским прототипам.

Кинжалы — часто с бронзовыми или серебряными деталями отделки — перекрестьями или навершиями. Широко распространены детали отделки ножен, которые имели четыре выступа по сторонам. Этот тип ножен хорошо известен по находкам и изображениям в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Парфии и Малой Азии.

Конский убор. Один из важнейших элементов «всаднических» погребений — комплекты фаларов и металлические украшения уздечек. Схема размещения четырех круглых фаларов на лошади имеет выразительные восточные (прежде всего, иранские) параллели.

В сарматских погребениях середины II – середины III в. н. э. встречаются находки римской бронзовой посуды и другие образцы римских бронз. Состав импортов в это время скромнее, чем в предшествующую эпоху. Возможно, часть импортных сосудов поступала к кочевникам непосредственно от границ Империи. Но наблюдения над распределением импортов в степных находках позволяет считать наиболее вероятным поступление бронзовой посуды к кочевникам через Танаис.

Культурный тип аристократических всаднических погребений II – середины III в. н. э. был известен на огромных территориях в степях юга и востока России, в бассейнах Дона, Волги и Урала. Отдельные проявления этой культуры известны на варварских землях у границ Римской империи, на тер-

ритории современных Венгрии (Хевиздьерк) и Румынии (Визешдпуста).

Элементы отделки сарматских мечей из халцедона известны в «болотных находках» Дании и Северной Германии. Это — несомненное свидетельство контактов военных элит сарматов и германцев в конце II – начале III в. н. э.

По всей видимости, сарматские всадники южнорусских степей вместе с германцами принимали участие в Маркоманнских войнах на дунайской границе Империи между 166 и 180 г. н. э.

Но вернемся на Дон. По археологическим данным мы можем утверждать, что военная всадническая культура в Танаисе и у кочевников в окружающих степях донского бассейна была практически единой. Совпадают конский убор, тип вооружения и даже мелкие детали воинского снаряжения.

Раскопки последних десятилетий в Танаисе позволяют предполагать, что степная военная сарматская знать имела право свободного доступа в город и занимала прочные позиции в среде социальной элиты боспорского города. Дополнительное свидетельство тому — многочисленные надписи на камне, найденные на территории Танаиса. В них упоминается большое количество негреческих, варварских личных имен иранского происхождения. Надписи особо интересны тем, что часто содержат либо имена боспорских царей, либо указание на год боспорской (понтийской) эры. Это позволяет хорошо датировать их; все они относятся к хронологическому интервалу от 60-х гг. II в. до 40-х гг. III в. н. э.

Еще одна интересная черта — надписи Танаиса исполнены на греческом языке, но содержат большое количество грамматических ошибок. Это говорит о том, что греческий язык, обязательный для официальных городских надписей, был чужим для большей части населения города, в том числе и для представителей городской знати и администрации, по воле которых эти надписи создавались.

Высокий престиж конного воинства в это время широко распространился на основной территории Боспора. И в других городах (правда, не так массово, как в Танаисе) складывается тип вооружения, совершенно схожий с позднесарматским. Появляются конские убрания позднесарматского стиля.

Особого внимания заслуживает целая серия боспорских надгробий, изображающая знатных всадников с характерной экипировкой — большими мечами с длинными рукоятями и вертикальными скобами на ножнах, кинжалами в ножнах с четырьмя лопастями, луками в горитах, часто сопряженных с мечами. Привлекают внимание предметы, иногда находящиеся в руках изображенных конников. Более всего они напоминают плети, столь популярные у знатных позднесарматских воинов. Мне кажется, что примерно так должны были выглядеть и степные воины.

Погребения, близкие по типу и инвентарю степным позднесарматским, появляются в некрополях оседлого населения Подонья и Прикубанья, Северо-Западного Предкавказья; «всадническая» атрибутика появляется в Центральном Крыму. На определенном отрезке времени «всадническая» воинская субкультура оказалась в значительной степени интернационализованной. В основе этого была позднесарматская военно-политическая доминанта, послужившая основой социального престижа и авторитета вооруженного всадничества.

Суммируя наблюдения, мы можем предположить, что социальная элита Танаиса в основе своей была варварской, неразрывно связанной своим происхождением со степной позднесарматской средой. Высокий социальный статус накладывал на пред-

ставителей городской знати определенные обязательства: престиж Боспора, даже в столь отдаленном уголке северопонтийской цивилизации, был высок, а город (судя по эпиграфическим данным) подвластен его царям. В этой ситуации кажется вполне естественным принятие танаисской знатью степного происхождения многих культурных элементов и обрядовых норм, восходящих к античной северопонтийской цивилизации. Но наряду со склеповыми погребениями, ярко сочетающими степную позднесарматскую и северопонтийскую культурные традиции, в это время (вторая половина II – первая половина III в. н. э.) в некрополе Танаиса появляются меридионально ориентированные подбойные погребения, во многом соответствующие степным позднесарматским. Восточная граница некрополя Танаиса в значительной степени размыва; там трудно разделить погребения городских жителей и кочевников. К Танаису тяготеют и погребения кочевой знати по обе стороны донской дельты; не исключено, что при жизни похороненные здесь люди имели право свободного доступа в город.

Таким образом, следы культурных элементов, присущих позднесарматским воинам середины II – середины III в. н. э., прослеживаются от Северной Европы до Ближнего Востока, от лесов Приуралья до Предкавказья, крымских предгорий и дунайских гирл. Мы с полным основанием можем говорить о выдающейся роли позднесарматских воинов в евразийском историко-культурном процессе. Важнейшим археологическим свидетельством этого является ансамбль археологических памятников оседлых и кочевых народов, относящийся к середине II – середине III в. н. э. и расположенный в низовьях Дона.

Sergei Bezuglov

The Steppe and Tanais in the Second and Third Centuries AD

Abstract

This paper analyses the nature of relations between Tanais, the most remote town of Greek civilization in the North Pontic area, and the nomads of the Late Sarmatian archaeological culture from the second to the mid-third century AD according to the modern condition of the source base. In the author's opinion, in this period there was almost single military elite culture dominating in the region under research, which in equal extent enveloped the social elite of the Bosporan town of Tanais and the highest social stratum of nomadic elite. The degree of interpenetration and historical unity of nomadic and settled world in the Lower Done seat of the Greco-Roman culture had been much higher that it was supposed quite recently. This unity rested on the military and political strength of the Late Sarmatian world which, for a short period, occupied vast area in Eurasian steppe and forest-steppe zone.

С. И. Безуглов

Степь и Танаис во II – III вв. н. э.

Резюме

Рассматривается характер взаимоотношений самого удаленного из городов античной северопонтийской цивилизации — Танаиса и кочевников — носителей позднесарматской археологической культуры во II – середине III вв. н. э. в соответствии с современным состоянием базы источников. По мнению автора, в это время в регионе господствует практически единая воинская аристократическая культура, в равной степени охватывавшая и социальную элиту боспорского Танаиса, и высший слой кочевой знати. Степень взаимопроникновения и исторической общности кочевого и оседлого миров в нижнедонском очаге античной культуры была значительно выше, нежели предполагалось еще совсем недавно. Основой этого единства была военно-политическая мощь позднесарматского мира, на короткий срок охватившего огромные пространства евразийских степей и лесостепей.

Е. В. Волкова, А. В. Денисов

«Савроматские» каменные жертвенники с территории оседлых племен Среднего Поволжья

Ключевые слова: *каменный жертвенник, Урало-Поволжье, ранние кочевники, хронология, ананьинская культурно-историческая область*

Keywords: *stone altar, Ural–Volga area, early nomads, chronology, Anan'ino cultural-historical region*

Каменные жертвенники — распространенная категория археологического материала, устойчиво связываемая с ранними кочевниками Урало-Поволжья. В настоящее время в целом разработаны хронология и несколько вариантов типологии каменных жертвенников (Смирнов, 1964; Васильев, 1998; Маргарян, 2017).

В данной статье рассматривается серия каменных жертвенников, происходящих с территории, которая в раннем железном веке была занята оседлым населением. Рассматриваемые жертвенники являются случайными находками. Большая часть из них происходит с территории современной Ульяновской области (ее восточная часть), и один — с территории Самарской области (район Сусканского залива). На данный

момент с обозначенной территории происходит 13 жертвенников. Один из них был найден еще в 1896 году у д. Пальцино Ульяновской области (Журнал IX-го заседания..., 1897), однако ни сам жертвенник, ни информация о его форме не сохранились. Фрагменты еще одного разбитого жертвенника обнаружены в культурном слое Кайбельского городища. Среди фрагментов есть округлая ножка, но установить форму и тип жертвенника не представляется возможным (жертвенник был найден в результате грабительских раскопок на городище). Оставшиеся 11 жертвенников позволяют выделить определенные типы. За основу взяты форма чаши, количество и форма ножек. Выделяются следующие типы:

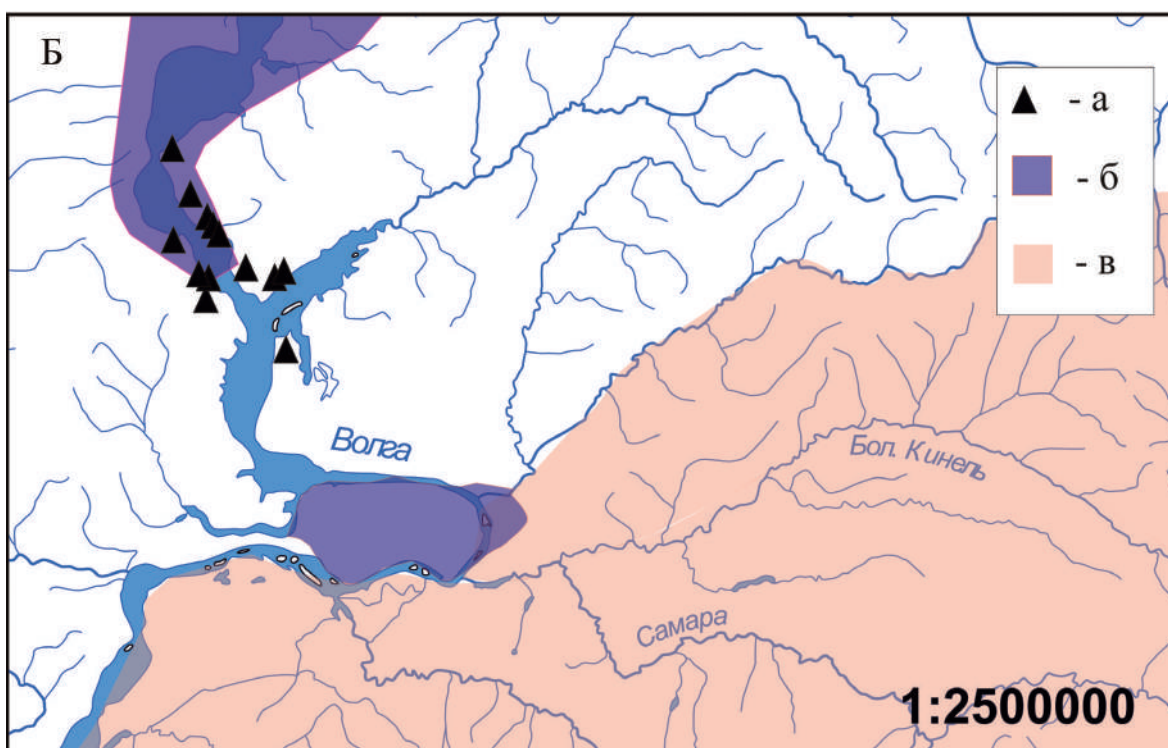

Рис. 1. Карта распространения каменных жертвенников на территории оседлых племен Среднего Поволжья:

А. Места обнаружения жертвенников: 1 — Пальцино, 2 — Крестово городище, 3–5 — Кайбельские находки, 6 — Белый Яр, 7–8 — Суходол, 9 — Шиловка, 10 — Новая слобода, 11–12 — Сенгилей, 13 — Хрящевка.

Б. Границы оседлого и кочевого мира в раннем железном веке:

а — места обнаружения каменных жертвенников, б — территория распространения памятников АКИО, в — территория распространения памятников кочевников в VI – IV вв. до н. э.

1. Круглый жертвенник с одной декорированной широкой ножкой-подставкой. Жертвенник найден в районе р. Суходол (Чердаклинский район Ульяновской области). Ножка жертвенника представляет собой скорее монолитную подставку. Орнамент на подставке, состоящий из волнистых и завивающихся линий, уникален (рис. 2, 1; рис. 1А, 7).

Точные аналогии жертвеннику отсутствуют. Наиболее близкими аналогиями можно считать два круглых жертвенника, оформление дна которых может сближать их с представленным здесь. Первый происходит из кургана у хутора Крыловский¹. Дно его декорировано свастикой. Курган датируется V в. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 163, рис. 75, 1). Второй жертвенник был обнаружен в кургане 4 урочища Бердинская гора (дата IV в. до н. э.). Его дно украшено выпуклым крестом, а бока по периметру — двойными и тройными углами и завитками (Васильев, 1998, с. 26; Смирнов, 1964, с. 164, рис. 75, 2). Таким образом, жертвенник, найденный в районе р. Суходол, может быть датирован в пределах V – IV вв. до н. э.

2. Круглый жертвенник с двумя ножками-валиками представлен одним экземпляром — находка у с. Крестово городище (рис. 2, 2; рис. 1А, 2). Точных аналогий жертвенник не имеет. По-видимому, он должен датироваться, как и овальные жертвенники с двумя ножками-валиками (см. ниже).

3. Овальные жертвенники на четырех округлых ножках. В рассматриваемой серии три подобных находки: у села Белый Яр Чердаклинского района (рис. 2, 3; рис. 1А, 6), сел Шиловка (рис. 2, 4; рис. 1А, 9) и Новая Слобода Сенгилеевского района Ульяновской области (рис. 2, 5; рис. 1А, 10).

Эта группа жертвенников соответствует типу III первой группы по классификации К. Ф. Смирнова и была датирована им V в. до н. э. Свою датировку он основывал на находках двух жертвенников. Первый происходит из кургана у хутора Крыловский, рас-

копанного крестьянами в 1896 году, второй из кургана урочища Лапасина у с. Любимовка, исследованного в 1927 году (Смирнов, 1964, с. 163). В. Н. Васильев объединяет подобные жертвенники в группу II, тип I (ладьевидные) и датирует по «сакским аналогиям в могильнике Уйгарак ранним или развитым VI в. до н. э.» (Васильев, 1998, с. 27). На аналогии из Уйгарака указывал и К. Ф. Смирнов. Овальный жертвенник на четырех округлых ножках из могильника Уйгарак происходит из кургана 47, датированного VI в. до н. э. Однако О. А. Вишневская указывает, что в материалах кургана, кроме самого жертвенника, присутствует множество вещей, сопоставимых лишь с материалами из савроматских комплексов более позднего времени (Вишневская, 1973, с. 124, табл. XV). Наиболее ранний жертвенник этого типа происходит из кургана 2 у пос. Целинный и датируется VII – серединой VI вв. до н. э. (Коноплева, 2016, с. 111). По-видимому, обломок овального жертвенника на четырех ножках был найден в кургане 35 могильника Покровка X Оренбургской области (Яблонский, Малашев, 2005, с. 171, рис. 40, 3). Если за основу типологии традиционно принимать форму блюда и количество ножек, то в этой группе жертвенников должны быть упомянуты еще два экземпляра, хотя они отличаются более сложным оформлением. Первый происходит из кургана 3 могильника у дер. Гумарово (Оренбургская область). Овальный столик на четырех ножках имеет рифленый бортик и ладьевидной формы выступ на поддоне. Жертвенник по погребальному инвентарю кургана датируется рубежом VI – V вв. до н. э. (Зуев, Исмагилов, 1999, с. 108, 110, табл. VII, 7). Такой же жертвенник был найден в кургане у с. Кенес Северо-Казахстанской области. По мнению автора публикации, курган у с. Кенес должен датироваться по аналогии с южносибирскими памятниками IV – III вв. до н. э. (Хабдулина, 1976, с. 197, 201, рис. 2).

¹ В публикации К. Ф. Смирнова (1964) он ошибочно указан как происходящий из Самарского уезда.

Таким образом, жертвенники овальной формы на четырех ножках могут быть датированы в пределах VII – IV вв. до н. э.

4. Овальные жертвенники на двух ножках-валиках. Всего четыре находки: у сел Кайбелы (рис. 3, 1; рис. 1А, 3) и Суходол Чердаклинского района (рис. 3, 2; рис. 1А, 8) и два жертвенника из окрестностей г. Сенгилей Ульяновская область (рис. 3, 3, 4; рис. 1А, 11-12).

Среди аналогий этим жертвенникам можно упомянуть следующие находки. Фрагмент овального жертвенника с ножкой валиком был найден в 1963 году К. Ф. Смирновым в погребении 2 кургана № 1 у хутора Барышникова Илекского района Оренбургской области. По мнению автора публикации, курган датируется VI – V вв. до н. э. (Смирнов, 1966, с. 37, рис. 9, 3). На наш взгляд, более корректной является датировка концом VI – V вв. до н. э. Похожий жертвенник был найден в кургане № 2 курганного могильника Нижнепавловский V на границе Ташлинского и Новосергиевского районов Оренбургской области. Жертвенник был найден в насыпи кургана, однако авторы публикации связывают его с впускным погребением № 2 и датируют IV в. до н. э. (Купцов, Моргунова, 2017, с. 187, рис. 3, 2). Еще один жертвенник данного типа происходит из погребения 2 кургана 16 могильника Филипповка I. Нужно отметить, что жертвенник по своим размерам (38x32 см) приближается к круглой форме (Яблонский, 2013, кат. 2003). По мнению М. Ю. Трейстера и Л. Т. Яблонского, курганный могильник Филипповка I должен датироваться в пределах рубежа V – IV – третьей четверти IV вв. до н. э. (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284). Таким образом, представленные находки в целом укладываются в датировки в пределах конца VI – IV вв. до н. э.

5. Овальный жертвенник с ножками-валиками «С»-видной и «S»-видной формы (рис. 3, 5; рис. 1А, 5) был найден у с. Кайбелы Чердаклинского района Ульяновской области.

6. Овальный жертвенник с двумя гантелевидными ножками, соединенными валиком-перемычкой (рис. 3, 6; рис. 1А, 13). Точное место обнаружения данного жертвенника неизвестно, предположительно, это окрестности с. Хрящевка Ставропольского района Самарской области.

Аналогий последним двум жертвенникам на данный момент не известно. По-видимому, их необходимо рассматривать как некие синкретичные варианты жертвенников на двух ножках-валиках и четырех ножках.

Подведем некоторые итоги. Рассматриваемая серия жертвенников может датироваться в пределах VII – IV вв. до н. э., при этом основная их масса должна датироваться V – IV вв. до н. э. Все эти жертвенники располагаются на территории, которая на тот момент контролировалась племенами постмаклашеевской и белогорской культур ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (рис. 1Б). Непосредственно с ананьинского (Кайбельского) городища происходит только находка фрагментов одного жертвенника, установить точную форму которого сейчас нельзя. Тем не менее, еще ряд жертвенников найдены в непосредственной близости от ананьинских памятников (находки из окрестностей сел Кайбелы и Крестово Городище, окрестности города Сенгилей). Практически все эти находки сосредоточены в местах известных исторических переправ через Волгу. Среди представленных жертвенников присутствуют как типы достаточно распространенные среди древностей ранних кочевников Урало-Поволжья (овальные на четырех ножках), редко встречающиеся (овальные на двух ножках-валиках) так и уникальные находки, известные только на обозначенной территории.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, что представляет собой данная серия каменных жертвенников. Для решения этого вопроса можно выдвинуть несколько гипотез.

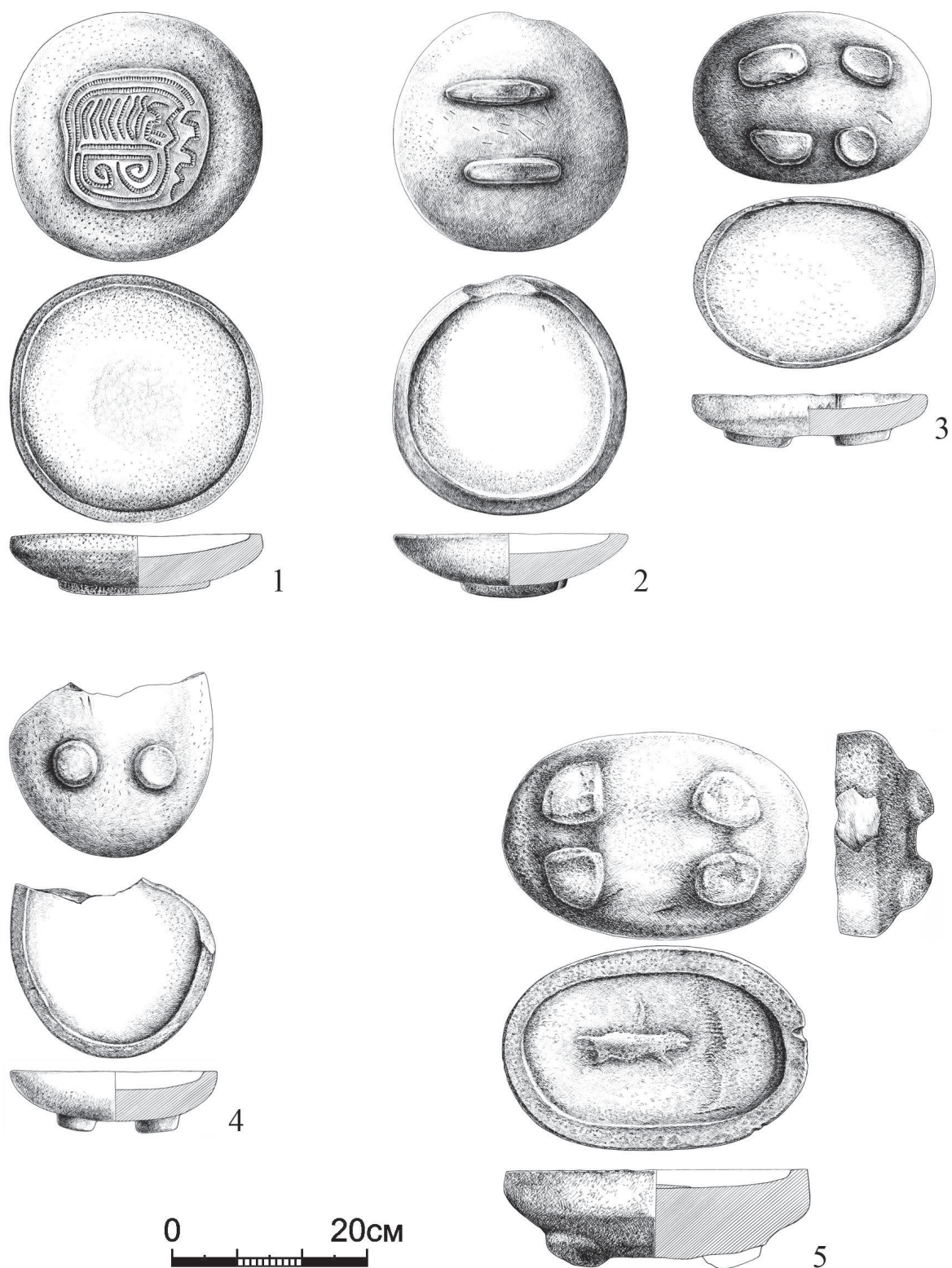

Рис. 2. Случайные находки каменных жертвенников на территории оседлых племен Среднего Поволжья: 1 — район р. Суходол, 2 — у с. Крестово городище, 3 — у с. Белый Яр, 4 — у с. Шиловка, 5 — у с. Новая Слобода

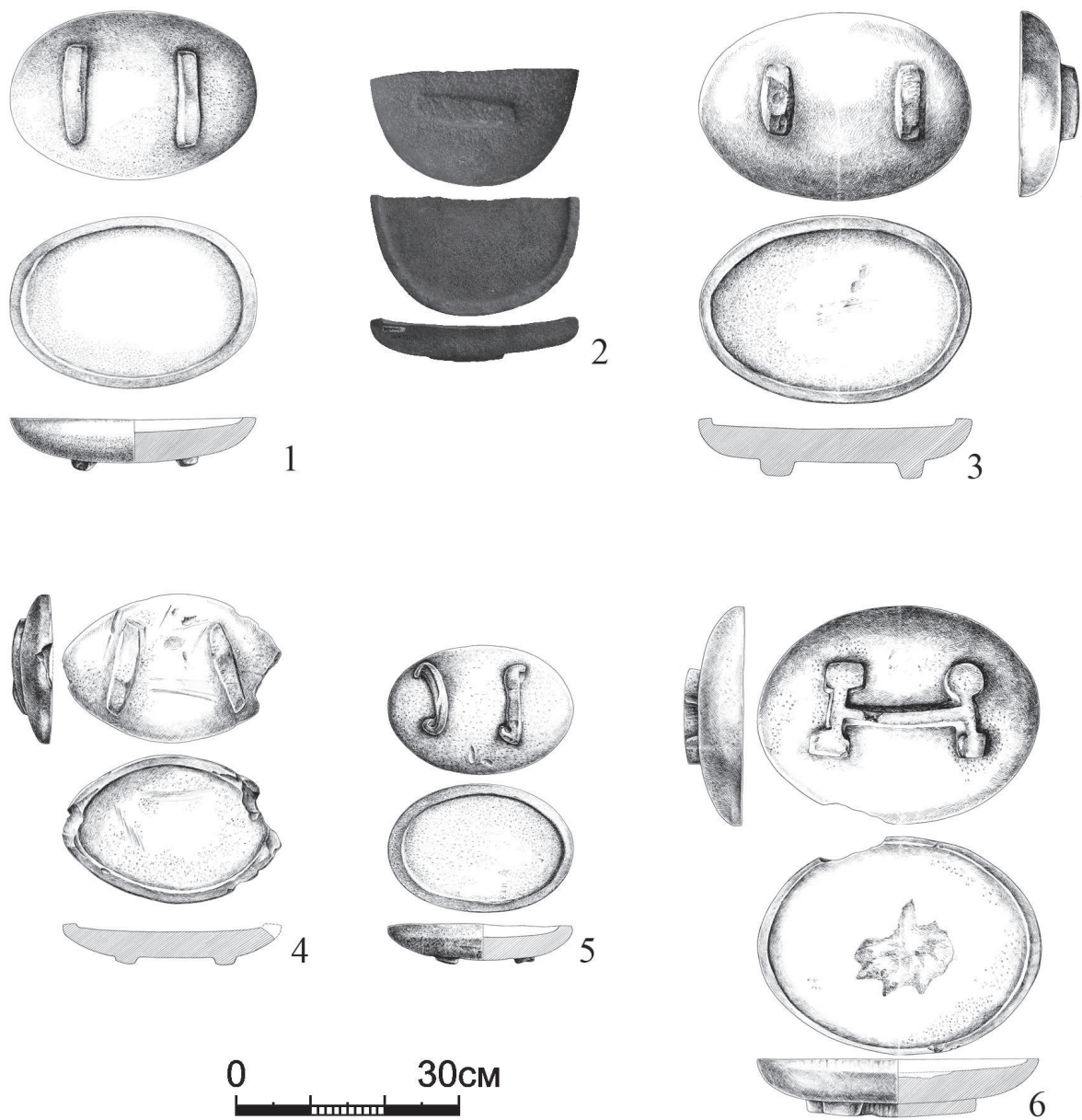

Рис. 3. Случайные находки каменных жертвенников на территории оседлых племен Среднего Поволжья: 1 — у с. Кайбелы, 2 — у с. Суходол, 3, 4 — из окрестностей г. Сенгилей, 5 — у с. Кайбелы, 6 — из окрестностей с. Хрящевка

1. Наличие большого количества жертвенников, найденных в местах известных исторических переправ через Волгу, может быть свидетельством проникновения кочевников на север по языкам лесостепи, врезающимся в лесную территорию. Исходя из этого тезиса, можно предположить, что данные территории использовались ранними кочевниками в качестве летних пастбищ. В процессе кочевания производились культовые действия, связанные с жертвенниками, которые по разным причинам оставались на местах совершения обрядов. Косвенным свидетельством такого проникновения могут быть также отдельные случайные находки акинаков и стрел, известные на территории Ульяновской области. Однако остается открытым вопрос о специфичности части каменных жертвенников. Кроме того, нельзя не учитывать, что ближайшие известные памятники кочевников VI – IV вв. находятся значительно южнее. Большинство из них сосредоточены к югу от реки Самара, отдельные находки и единичные погребения ограничены на севере течением реки Сок.

2. Возможно, данные каменные жертвенники являются подражаниями, изготовленными местными мастерами. Ареал изученных жертвенников — это, с одной стороны, пограничье между «лесом» и «степью», где на стыке двух культур вполне могли происходить заимствования. И, вероятно, культ, связанный с использованием каменных блюд, мог быть воспринят и осед-

лыми племенами. С другой стороны, точки находок каменных жертвенников выстраиваются на карте в путь от Самарской Луки (места обитания племен белогорской культуры АКИО) в основной ареал АКИО, что также может связывать эти находки с оседлыми обитателями Среднего Поволжья. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что в АКИО есть примеры заимствований в культовой практике, причем именно в постмаклашеевской культуре. Речь идет о постмаклашеевских каменных стелах, которые, с одной стороны, показывают возможность заимствований в идеологической сфере, а с другой стороны, демонстрируют навыки камнеобработки, которыми обладали племена постмаклашеевской культуры (Чижевский, 2005, с. 273).

3. Версия, объединяющая две предыдущие. Ранние кочевники Самаро-Уральского региона вели постепенное освоение рассматриваемого региона в качестве летних пастбищ, где вступали в контакт с оседлыми племенами, входившими в АКИО. В результате данных контактов представители оседлых племен восприняли идею использования каменных жертвенников в культовых целях (при этом совершенно не обязательно, что были восприняты сами культы). Представленная коллекция может состоять как из предметов, изготовленных мастерами, жившими в среде кочевников, так и местными мастерами, творчески переработавшими идеи оформления предметов данной категории.

Литература

- Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 25–43.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII / Под общ. ред. С. П. Толстова. М.: Наука, 1973. 161 с.
- Журнал IX-го заседания Симбирской губернской учёной архивной комиссии. 4 января 1897 года. Симбирск: Губернская типография, 1897. С. 5–7.
- Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР», 1999. С. 105–123.
- Коноплева К. Г. История изучения каменных жертвенников ранних кочевников Евразии // Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук / Отв. ред. С. Д. Ваулин. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. С. 527–532.
- Коноплева К. Г. Каменные жертвенники ранних кочевников Южного Зауралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 109–113.
- Купцов Е. А., Моргунова Н. Л. Погребения кочевников раннего железного века из Западного и Центрального Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13 / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. С. 174–190.
- Маргарян К. Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 2 / Гл. ред. В. С. Балакин. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2017. С. 104–106.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
- Смирнов К. Ф. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 33–43.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т.1 / Под ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. С. 282–284.
- Федоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (II) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 21–49.
- Хабдулина М. К. Курган раннего железного века у села Кенес // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976. С. 196–201.
- Чижевский А. А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX – VI вв. до н. э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского / Гл. ред. В. И. Гуляев. М.: Ин-т археологии РАН, 2005. С. 268–300.

Яблонский Л. Т., Малашев В. Ю. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // НАВ. 2005. Вып. 7. С. 149–213.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Ekaterina Volkova, Aleksei Denisov

“Sauromatian” Stone Altars from the Settled Tribes’ Area on the Middle Volga

Abstract

This paper presents a series of “Sauromatian” altars originating from modern Ulyanovsk and Samara regions, where the settled population lived in the Early Iron Age. Some of these artefacts belong to the types occurring among the antiquities of the early nomads living in the Volga–Ural area, and some are unique finds known solely in the area under study. The authors have determined the chronological frame of the altars in question, and have put up several hypotheses interpreting the origin of the series of finds under research.

Е. В. Волкова, А. В. Денисов

«Савроматские» каменные жертвенники с территории оседлых племен Среднего Поволжья

Резюме

В статье представлена серия «савроматских» жертвенников, происходящая с территории современных Ульяновской и Самарской областей, которые в раннем железном веке были заняты оседлым населением. Часть из них относятся к типам, встречающимся среди древностей ранних кочевников Урало-Поволжья, а часть являются уникальными находками, известными только на обозначенной территории. Авторы определяют хронологические рамки существования рассматриваемых жертвенников, а также предлагают несколько гипотез к трактовке происхождения представленной серии находок.

С. Л. Воробьева

Вооружение оседлого населения Нижнего Прикамья по материалам Ново-Сасыкульского могильника I – II вв. н. э. (в сравнении с сарматским населением этого времени)¹

Ключевые слова: пьяноборская культура, Ново-Сасыкульский могильник, сарматы, фибула, вооружение

Keywords: P'iany Bor culture, Novo-Sasykul' cemetery, Sarmatians, fibula, weapons

Сарматское население I тыс. н. э. оказало влияние на комплекс вооружения оседлого населения Волго-Уральского региона. Это влияние прослеживается на погребальных памятниках носителей пьяноборской культуры. Одним из уникальных объектов данной культуры на территории Нижнего Прикамья является Ново-Сасыкульский могильник. Могильник был полностью раскопан и состоит из 414 погребений, датируемых концом I – началом III вв. н. э. на основании датировки 14 античных фибул — раннеримских шарнирных фибул типа «*Avcissa*» и пружинных фибул (Васюткин, Калинин, 1976). Б. Б. Агеев не согласился с этой точкой зрения, счи-

тая, что фибулы типа «*Avcissa*» на данной территории относятся ко II – III вв. н. э. (Агеев, 1993, с. 64). В. В. Ставицким погребения могильника на основании хронологии фибул разделены на ранние (конец I – начало II в. н. э.) и поздние (середины II в. н. э.) (Ставицкий, 2015, с. 111).

Предметы вооружения в Ново-Сасыкульском могильнике представлены в 102 погребениях (24 % от общего числа) и состоят из наконечников стрел, мечей, кинжалов, боевых ножей с бронзовыми накладками на ножны, палашей. Антропологические определения, выполненные кандидатом биологических наук, старшим научным

¹ Работа выполнена на базе Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00113-мол_а «Этнокультурная атрибуция населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа (по материалам Ново-Сасыкульского могильника).

сотрудником Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН В. В. Куфтериним, свидетельствуют, что вооружение происходит преимущественно из мужских комплексов. Примечательно, что в погребениях более молодых мужчин (до 20 лет), для которых даны антропологические определения, из вооружения найдены только наконечники стрел, в то время как крупное боевое оружие (мечи, кинжалы, боевые ножи, наконечники копий) происходят из погребений мужчин старше 20 лет.

Колчаные наборы состоят из железных и костяных наконечников стрел. Ранее в публикации авторов раскопок указывалось неверное количество предметов (Васюткин, Калинин, 1976, с. 113). Работа с материалом показала, что всего в могильнике найдено 317 железных наконечника в 54 погребениях и 232 костяных наконечника в 59 погребениях. Железные наконечники стрел однотипны — трехлопастные, черешковые. Длина черешка от 1,7 до 2,5 см. У крупных (3–3,5 см длиной) выделена втулка. Костяные наконечники стрел представлены несколькими типами: втульчатые прямоугольного сечения (28 погр.) (Васюткин, Калинин, 1976, с. 114, рис. 15, 2), треугольного сечения (20 погр.) (Там же, рис. 15, 3, 8), трапециевидного сечения (16 погр.) (Там же, рис. 15, 4), с выделенной втулкой (2 погр.) (Там же, рис. 15, 7), черешковые трехгранной формы представлены единичными экземплярами в трех погребениях (Там же, рис. 15, 12), с выделенным черешком — в 10 погребениях (Там же, рис. 15, 13, 14). В 28 погребениях присутствуют только железные наконечники стрел (Там же, рис. 15, 1), максимальное количество в колчанном наборе — 44 (погр. 164), по одному наконечнику было в 7 погребениях, 2–6 наконечников в 13 погребениях, от 11 до 24 наконечников в 6 погребениях. В 33 комплексах найдены только костяные наконечники стрел: 1 стрела лежала в 13 погребениях, от 2 до 6 стрел в 17 погребениях, 12 и 16 стрел

в 2 комплексах.

В 26 погребениях колчаные наборы состояли из костяных и железных наконечников стрел. В этих наборах присутствуют следующие типы костяных стрел: втульчатые прямоугольного сечения (6 погр. — 21 %), треугольного сечения (14 погр. — 70 %), трапециевидного сечения (7 погр. — 44 %), черешковые трехгранной формы (2 погр. — 7 %) с выделенным черешком (4 погр. — 40 %). Наконечники стрел с выделенной втулкой в таких комплексах не найдены.

В пьяноборской среде смена бронзовых наконечников на железные произошла повсеместно только в середине — второй половине I в. н. э. (Зубов, Сатаров, 2018, с. 214), до этого железные наконечники встречаются совместно с бронзовыми со II в. до н. э. Основную роль в распространении железных трехлопастных черешковых наконечников стрел в пьяноборской среде сыграли сарматы: это связано или с прямым проникновением сарматов, или с их влиянием (Зубов, Сатаров, 2014, с. 315). Железные стрелы просуществовали в колчаных наборах до II в. н. э. (Агеев, 1992, с. 46). В двух погребениях с железными наконечниками стрел найдены фибулы типа «*Avcissa*» (погр. 43), что дает основания для отнесения наборов с железными стрелами к ранним погребениям могильника — конца I — начала II в. н.э. (Ставицкий, 2015, с. 111; Скрипкин, 1990, с. 109, 110). К этому же времени относится появление в колчанном наборе пьяноборского населения втульчатых костяных наконечников стрел треугольного сечения. В погребении 10 с фибулой типа «*Avcissa*» с надписью «*AVCISSA*» (Васюткин, Калинин, 1976, с. 114, рис. 9, 1) были найдены три подобных наконечника в колчанном наборе и один наконечник обнаружен в черепе погребенного мужчины 25–30 лет. Полученная травма была смертельной. На символический характер колчаных наборов пьяноборского населения указывал В. А. Иванов, отмечая наличие в наборах не более 10 стрел (Ива-

нов, 1984, с. 15). Вероятнее всего, в Ново-Сасыкульском могильнике была именно такая ситуация, так как на значительном количестве мужских черепов обнаружены травмы рубящего характера, которые привели к смерти погребенного, а парные и коллективные погребения могильника составляют 16 % от всех погребений пьяноборской культуры. Население, оставившее Ново-Сасыкульский могильник, оказавшееся в наибольшей близости к степному сарматскому населению, находилось в постоянных боевых столкновениях с последним. Дефицит вооружения привел к тому, что оружие клали в погребения только для соблюдения традиций.

Дискуссионным остается вопрос о назначении костяных наконечников. В научной среде есть мнение, что их главным образом использовали на охоте (Руденко, 1962, с. 26). Но А. М. Хазанов отмечает, что в кургане № Д 21 у с. Мариенталь найден покойник, у которого в бедре глубоко сидел такой наконечник (Хазанов, 1971, с. 42). Костяной наконечник стрелы, обнаруженный в черепе умершего, найден и в Ново-Сасыкульском могильнике. Следовательно, они могли иногда использоваться и в качестве боевых, особенно, у лесного населения Прикамья, вынужденного обороняться от кочевников.

Анализ инвентаря показывает, что колчаные наборы с наконечниками стрел сопровождают гривны (10 погр. — 10 %), костяные накладки на колчан (5 погр. — 5 %), костяные проколки (10 погр. — 10 %), удила (12 погр. — 13 %). Удила с костяными псалями (3 погр.) встречены только в погребениях с железными наконечниками стрел.

В 13 погребениях обнаружены боевые железные ножи с бронзовыми накладками на конец ножен. Накладки на ножны представляют из себя полуконическую уплощенную трубку с перекрестиями на обороте, лицевая сторона украшена умбонами или шнуровым и рельефным орнаментом. В 4 комплексах они были спаренные (Васют-

кин, Калинин, 1976, с. 114, рис. 5, 22–24). Все спаренные экземпляры происходят из погребений с железными наконечниками стрел. Бронзовые ножны, но более массивные, находят в могильниках кара-абызской культуры. Такие накладки происходят из Камышлы-Тамакского и Юлдашевского могильников пьяноборской культуры. О наличии ножен у сарматского населения пишет А. М. Хазанов, отмечая, что единственная бронзовая концевая накладка прямоугольной формы на конец ножен была найдена в кургане № 1, у северной окраины с. Ново-Филипповки (Хазанов, 1971, с. 45). Вероятнее всего, сами ножны пьяноборской культуры, были изготовлены из кожи или дерева (Иванов, 1984, с. 19), поэтому они не сохранились. Ножи в ножнах представлены однолезвийными экземплярами треугольного сечения, все очень плохой сохранности.

Колчаны украшали костяные накладки прямоугольной формы с двумя отверстиями по краям (9 экз.) (Васюткин, Калинин, 1976, с. 118, рис. 18, 14–20). Подобные накладки широко распространены в памятниках пьяноборской и кара-абызской культур. До сих пор точная их принадлежность к колчанному набору не определена, но анализ расположения накладок в погребениях Ново-Сасыкульского могильника позволяет сделать вывод, что они крепились к колчану со стрелами или к ножнам.

Мечи и боевые ножи представлены 31 экземпляром, 5 из которых найдены не в погребениях, а в межмогильном пространстве. Кинжалы и мечи с кольцевым навершием происходят из 3 погребений могильника (погр. 151, 225, 348). Два экземпляра имеют прямоугольное брусковидное перекрестие, один меч без перекрестия. Меч с серповидным навершием найден в одном погребении (346). Появление подобного вида вооружения в пьяноборской среде связано с носителями раннесарматской и среднесарматской культур и датируется I – II вв. н. э. (Красноперов, 2017, с. 167).

Кинжалы и мечи без металлического навершия представлены 6 экземплярами, 5 из которых длиннее 70 см (Васюткин, Калинин, 1976, с. 116, рис. 16). Только один из больших мечей найден в погребении (погр. 361), остальные происходят из межмогильного пространства. Все мечи и кинжалы двулезвийные. Лезвия мечей от пяты клинка идут почти параллельно, заметно сужаясь лишь в последней трети длины, а то и у самого острия. На одном мече конец рукояти загнут. Подобные мечи и кинжалы без металлических наверший характерны для памятников позднесарматской культуры (Хазанов, 1997, с. 15) и датируются II – III вв. н. э. Аналогичный экземпляр длиной 63 см происходит из Кармаскалинского района Республики Башкортостан (Фонды Национального музея Республики Башкортостан, ОФ 33234), похожие мечи найдены в разных районах Башкортостана (Исмагилов, 2001, с. 120).

Один меч с бронзовым перекрестием найден в межмогильном пространстве. Меч двулезвийный, клинок изготовлен из бронзы, рукоять отломана (Васюткин, Калинин, 1976, с. 116, рис. 16, 3). Перекрестие ромбической формы. Подобные мечи происходят из Камышлы-Тамакского и Кипчакского могильников пьяноборской культуры. Их относят к изделиям китайского производства (или подражанием китайским образцам) (Скрипкин, 2000, с. 19; Зубов, Саттаров, 2014, с. 317). Данные мечи датируются I в. до н. э. – I в. н. э. (Агеев, 1992, с. 46).

Один меч представляет собой наиболее интересный экземпляр — с секирообразным перекрестием, украшенным желтой эмалевой вставкой в виде трилистника (погр. 260) (Васюткин, Калинин, 1976, с. 116, рис. 16, 2). Подробное описание погребения и меча имеется в работе А. А. Красноперова, сделанное на основе изучения отчетов. Общая длина меча 92 см. Клинок обоюдоострый, ромбический в сечении, постепенно сужается книзу, длиной 82,5 см и шириной у рукоя-

ти 0,45 см. Фигурное железное перекрестие в виде секир, на лицевой стороне которых было нанесено украшение в технике перегородчатой эмали — в центральной части перекрестья находился трехлепестковый цветок, а по бокам перекрестья расположено было по три лепестка. Контур лепестков выполнены из белой бронзы, а пространство было заполнено краской желтого цвета, которая крошилась и рассыпалась при прикосновении. Брусковидный черенок размером 92x17x4 мм был всажен в деревянную рукоять, которая крепилась с черенком с помощью гвоздика. На верхнюю часть рукояти с помощью бронзового гвоздя прибито выпукло-вогнутое навершие диаметром 44 мм и толщиной 4,5 мм белого цвета, сделанное из большой раковины. На клинке меча хорошо просматривается тлен от деревянных ножен и выпукло-вогнутый предмет из раковины подтреугольной формы с двумя отверстиями, являющийся принадлежностью ножен (Красноперов, 2011, с. 236, 237). Вместе с мечом в погребении найдены витая гривна, бусы, бронзовая бляха-застежка, удила с железными стержневидными псалями, колчаный набор и меч. А. А. Красноперов связывает появление данного меча в Ново-Сасыкульском могильнике с группой «всаднических захоронений» и относит его к финалу среднесарматского времени (Там же, с. 237). Группа «всаднических погребений» датируется серединой II – серединой III в. н. э. (Безуглов, 2008, с. 286). Таким образом, погребение 260 Ново-Сасыкульского могильника также датируется в этих временных рамках.

Отдельно остановимся на таком виде вооружения как палаш или боевой нож (Васюткин, Калинин, 1976, с. 114, рис. 5, 18, 24). В. А. Иванов длинные однолезвийные мечи относит к боевым ножам, считая что их основное назначение — наносить колюще-режущие удары (Иванов, 1984, с. 19). Б. Б. Агеев называет данный тип палашами, считая их рубяще-колющим оружием

(Агеев, 1992, с. 47). Скорее можно согласиться с мнением В. А. Иванова, так как «боевые ножи» расположены с той же стороны, что и кинжалы в погребениях пьяноборской и кара-абызской культур (слева), не были оружием кавалерийского типа, а однофункциональны с кинжалами (Овсянников, 1994, с. 59). Боевые ножи найдены в 18 погребениях Ново-Сасыкульского могильника, 14 из них обнаружены вместе с наконечниками ножен. Не у всех экземпляров можно восстановить форму. Главное отличие такого оружия — узкие однолезвийные клинки длиной 25-50 см, без навершия и перекрестия, с коротким черешком, с прямым серповидным клинком. Боевые ножи не находят прямых аналогий у кочевников и являются исключительно пьяноборско-кара-абызским видом вооружения.

Наконечники копий представлены 7 экземплярами в погребениях и двумя экземплярами в межмогильном пространстве (Васюткин, Калинин, 1976, с. 114, рис. 5, 19–21). Копье из погребения 252 имеет перо в виде гарпуна. Вероятнее всего, этот экземпляр относится к охотничьему виду оружия, в этом комплексе отсутствуют другие виды вооружения. Три наконечника представлены экземплярами с листовидным (иволистым) пером, расширяющимся в нижней части, разомкнутой втулкой (погр. 140, 143, кв. 34/в). Они найдены в комплексах с железными наконечниками стрел. Подобные типы копий характерны для кара-абызского населения, где они встречаются в массовом количестве. Другой тип представлен тремя наконечниками копий с листовидным (иволистым) пером, расширяющимся в средней части, как правило, более массивные, чем предыдущий тип. Наконечники копий данных типов получили распространение в I – III вв. н. э.

Таким образом, по материалам Ново-Сасыкульского могильника можно выделить несколько особенностей в вооружении пьяноборского населения Нижнего Прикамья в I – III вв. н. э. Пьяноборцы были вооружены преимущественно стрелами с железными или костяными наконечниками. Причем, соотношение погребений с железными и костяными наконечниками примерно одинаковое (54 и 59 погребений). В отличие от своих непосредственных соседей — носителей кара-абызской культуры, в пьяноборских погребениях значительно меньше оружия ближнего боя (кинжалов, копий, мечей). Исключение составляют лишь боевые ножи (18 % в воинских погребениях). В. А. Иванов отмечал: у пьяноборского населения не было каких-либо войсковых контингентов. Так же он высказал мнение, что о предположительном существовании воинского союза между кара-абызским и пьяноборским населением, где первые защищали вторых (Иванов, 1984, с. 74). Антропологический анализ Ново-Сасыкульского могильника показал, что значительное количество черепов имеют рубящие удары, которые привели к смерти погребенных. Все это, как и наличие в могильнике погребения всаднического захоронения, относительно непродолжительный период функционирования кладбища, наличие типов вооружения отличных от кара-абызских, свидетельствует о том, что в I тыс. н. э. население, оставившее Ново-Сасыкульский могильник, находилось в постоянных вооруженных столкновениях с кочевниками Волго-Уральского региона. В свою очередь, кочевники оказали влияние на комплекс вооружения пьяноборцев, о чем свидетельствует появление мечей без наверший, мечей и кинжалов с кольцевидным и серповидным навершиями, железных наконечников стрел.

Литература

- Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрОРАН, 1992. 140 с.
- Безуглов С. И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция: тезисы докладов / Отв. ред. Е. В. Вдовченков. Ростов-на-Дону: изд-во Южного федерального университета, 1988. С. 87–88.
- Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой / Отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Зубов С. Э., Сатаров Р. Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско-бельского междуречья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3. С. 314–320.
- Зубов С. Э., Сатаров Р. Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А. А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 210–214.
- Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 87 с.
- Исмагилов Р. Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 117–147.
- Красноперов А. А. К атрибуции находки из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2011. С. 228–238.
- Красноперов А. А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 2: Находки предметов вооружения и особенности погребального обряда // Археология Евразийских степей эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». 2017. № 4. С. 165–195.
- Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 300 с.
- Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. 2000. Вып.3. С. 17–40.
- Ставицкий В. В. К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 111–116.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Svetlana Vorob'eva

**The Weapons of the Settled Population in the Lower Kama Area according
to the Materials of Novo-Sasykul' Cemetery
from the First and Second Centuries AD
(in Comparison with the Sarmatian Population in the Said Period)**

Abstract

This paper analyses the complex of weapons of the P'ianyi Bor culture population according to the materials excavated in Novo-Sasykul' cemetery. The main type of weapons among the population who created the cemetery was bone and iron arrowheads. The latter existed to the early second century BC. The ratio of the graves with iron and bone arrowheads is equal. The horse-rider's grave discovered in this cemetery, the relatively short period of the cemetery's existence, and certain types of weapons different from typical to the Kara-Abyz culture supply evidence that in the first century AD the population that created Novo-Sasykul' cemetery was in permanent armed conflicts with the nomads from the Volga–Ural area. These nomads also influenced the complex of weapons of the P'ianyi Bor culture people where appeared swords without pommels, swords and daggers with ring and sickle pommels, and iron arrowheads.

С. Л. Воробьева

**Вооружение оседлого населения Нижнего Прикамья
по материалам Ново-Сасыкульского могильника I – II вв. н. э.
(в сравнении с сарматским населением этого времени)**

Резюме

В статье проанализирован комплекс вооружения пьноборского населения по материалам Ново-Сасыкульского могильника. Основной вид вооружения населения, оставившего могильника, были костяные и железные наконечники стрел. Последние функционировали до начала II в. до н. э. Соотношение погребений с железными и костяными наконечниками равно. Наличие в могильнике погребения всаднического захоронения, относительно непродолжительный период функционирования кладбища, наличие типов вооружения отличных от кара-абызских, свидетельствует о том, что в I тыс. н. э. население, оставившее Ново-Сасыкульский могильник, находилось в постоянных вооруженных столкновениях с кочевниками Волго-Уральского региона. Кочевники же оказали влияние на комплекс вооружения пьноборцев, о чем свидетельствует появление мечей без наверший, мечей и кинжалов с кольцевидным и серповидным навершиями, железных наконечников стрел.

С. В. Воронятов

Знак-тамга боспорского царя Аспурга: ареал находок, контекст, датировка

Ключевые слова: сарматские знаки-тамги, Северное Причерноморье, Боспорское царство, сарматы, погребения

Keywords: Sarmatian tamga signs, North Black Sea area, Bosporan kingdom, Sarmatians, graves

За долгий период изучения сарматских знаков-тамг Северного Причерноморья тема боспорских царских знаков приобрела определённую специфику и привлекла интерес не только антиковедов (Шкорпил, 1910, с. 23–34; Шелов, 1966, с. 268–277; Соломоник, 1959, с. 23, 24; Алексеева, 1986, с. 118–123; Масленников, 1991, с. 125–130; Завойкина, 2003, с. 100–102; 2013, с. 191–203; Кузнецов, 2007, с. 225–234; Трейстер, 2011, с. 319–322; и др.) и сарматологов (Яценко, 2001, с. 45–60; 2005, с. 414–419), но и исследователей других областей археологии (Драчук, 1969, с. 232–235; 1975, с. 61–71; Алексеев, 1991, с. 65–70), или даже других наук (Мещанинов, 1933, с. 3–22). Немногочисленные попытки изучения царских знаков, сложно разрешимые задачи и новый археологический материал позволяют оставаться этой теме по-прежнему актуальной и потенциально продуктивной.

Каждая из разновидностей известных царских знаков заслуживает отдельного исследования. Не является исключением знак-тамга боспорского царя Аспурга (14 – 37 гг. н. э.). Его схему можно описать как четырёхлучевую свастику, пары лучей которой разделены перемычкой (рис. 1; 2; 3). Принадлежность этого знака-тамги Аспургу или, по мнению С. А. Яценко, его клану, была доказана на нумизматическом материале (Голенко, Шелов, 1963, с. 12, 13; Карышковский, 1973, с. 15, 16; Фролова, 1997, с. 67) и в настоящее время не встречает возражений у исследователей.

С личностью царя Аспурга связано много насущных проблем археологии и истории Боспорского царства (Сапрыкин, 2002, с. 125–233). В последнее время можно наблюдать очередной виток интереса к их решению (Завойкина, 2016). Вероятно, в том

числе это связано с появлением нового эпиграфического документа, напрямую относящегося к Аспургу (Завойкина, Новичихин, Константинов, 2018). Знак-тамга, принадлежавший правителю, так же как и упоминание его имени в источниках, способен дать ценную информацию для изучения различных вопросов истории Боспорского царства и его взаимоотношений с кочевниками-сарматами. Рассмотрим находки предметов со знаком царя Аспурга и степень их изученности на сегодняшний день.

В монографии 2001 г. С. А. Яценко, перечисляя немногочисленные памятники, в материалах которых присутствует рассматриваемая тамга, констатирует важное наблюдение о её неизвестности в «энциклопедиях» Боспора и других греческих городов-государств Северного Понта

(Яценко, 2001, с. 47, 48). Эта ситуация, действительно, очень интересна в сравнении с ареалами находок других царских знаков-тамг, которые известны в материалах городских центров Боспора. Выводы из этого наблюдения ещё предстоит сделать. Пока же можно вслед за С. А. Яценко говорить о важности и продуктивности изучения ареалов знаков-тамг, и не только царских. Между тем, за последние двадцать лет, благодаря новым исследованиям область находок предметов с тамгой Аспурга расширилась. Перечислим эти находки.

Горгиппия. Информация о кирпичях с клеймом в виде тамги Аспурга (рис. 2, 2, 2a) из раскопок античного города Горгиппии (рис. 1, 1) появилась в научном обороте в середине XX в. (Гайдукевич, 1947, с. 26). С тех пор за многие годы исследования памятни-

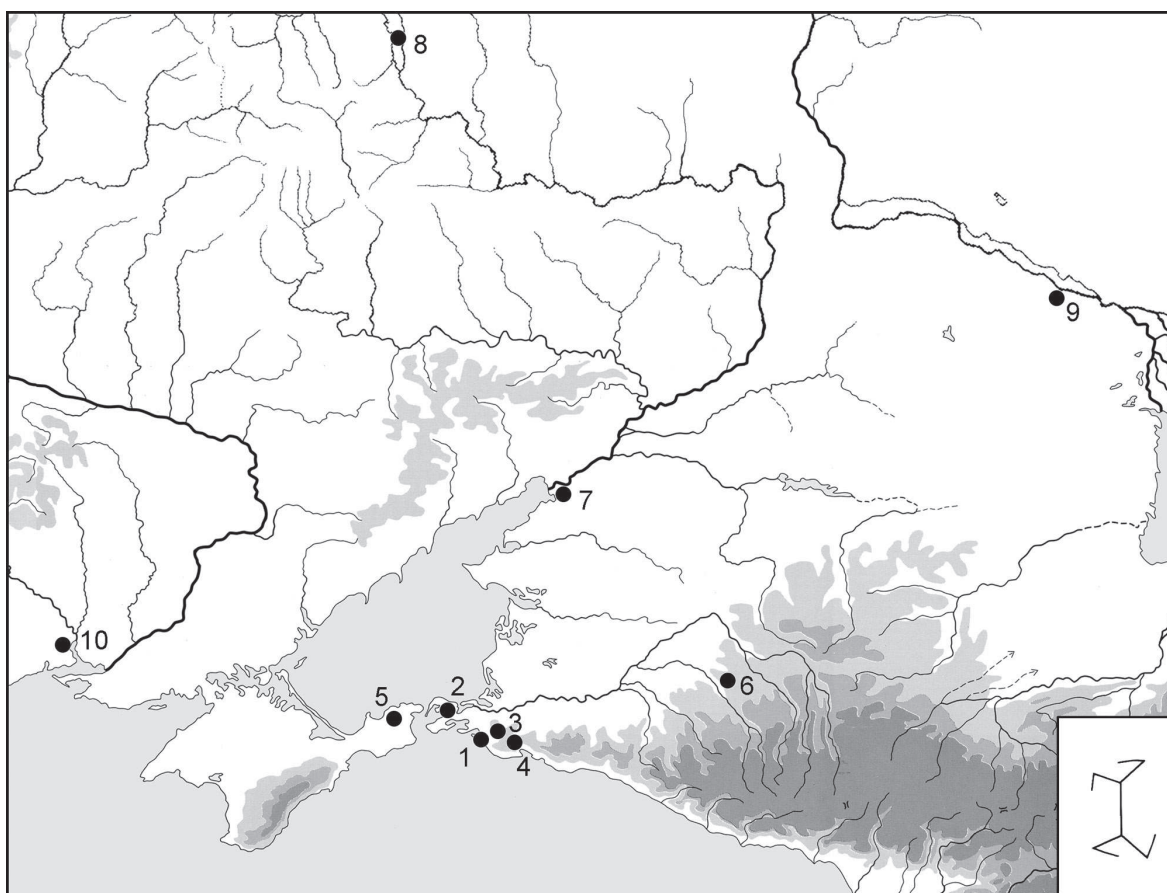

Рис. 1. Карта находок знака-тамги царя Аспурга: 1 — Горгиппия, 2 — Кепы, 3 — Анапская Батарейка, 4 — Владимировка, 5 — Артезиан, 6 — Михайловская, 7 — Ново-Александровка I, 8 — Первый Чертовичский, 9 — Косика, 10 — Козырка

ка было обнаружено более 25 экземпляров кирпичей и их фрагментов¹. Большинство из них найдены либо во вторичном использовании, либо среди мусора (Цветаева, 1975, с. 100; Алексеева, 1997, с. 141; Новичихин, 2011, с. 70). Интерпретации знака на кирпичах посвящены работы ряда исследователей (Гайдукевич, 1947, с. 26; Цветаева, 1975; Онайко, 1982; Зубарь, 2001). Заключение об их датировке в литературе в целом совпадают: начало I в. н. э. (Онайко, 1982, с. 235) или не позднее первого десятилетия I в. н. э. (Зубарь, 2001, с. 148).

Кепы. Из раскопок города Кепы (рис. 1, 2) происходит костяная поделка из ребра животного с изображением знака-тамги Аспурга (Емец, 2005, с. 204, табл. VIII, 2). Информация о контексте и хронологии находки в публикации не приводится.

Анапская Батарейка. Среди материалов Анапской Батарейки (городище «Усатова Балка») (рис. 1, 3) присутствует фрагмент стенки коричневоглиняной амфоры (рис. 3, 1) с процарапанным знаком-тамгой Аспурга (Емец, 2005, с. 204, табл. VIII, 5). Информация о контексте и хронологии находки в публикации не приводится.

Владимировка. При исследовании руин каменного здания на античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска (рис. 1, 4) в 1971 г., в одном из пифосов были обнаружены 14 сероглиняных мисок (рис. 2, 1, 1а). На внутренней поверхности дна 13-ти из них процарапан знак-тамга боспорского царя Аспурга² (Онайко, Дмитриев, Масленников, 1978, с. 135; Онайко, Дмитриев, 1981, с. 98, рис. 5, 6, 6а). Временем его правления (14 – 37 гг. н. э.) исследователи и датировали эти сосуды.

Артезиан. Знак-тамга Аспурга присутствует среди знаков и монограмм на каменной плите (рис. 3, 2), обнаруженной при раскопках «Цитадели» городища Артезиан

(рис. 1, 5) в Крымском Приазовье в 2000 г. (Винокуров, 2004, с. 82, рис. 1, 2, 3; 2006, с. 41). Проанализировав стратиграфический контекст находки, автор публикации пришёл к выводу, что знаки-тамги на плите появились не ранее 14 – 37 гг. н. э. (Винокуров, 2004, с. 81, 82).

Михайловская. Два серебряных сосуда с изображением знака-тамги Аспурга (рис. 3, 3) были обнаружены в 1982 г. при исследовании сарматского погребения № 14 в кургане № 2 близ станции Михайловской Курганинского р-на Краснодарского края (рис. 1, 6). Авторами публикации материалов комплекс погребения датируется второй половиной I в. н. э. (Каминская, Каминский, Пьянков, 1985, с. 234).

Ново-Александровка I. Серебряная фиала с изображением двух знаков-тамг (рис. 3, 4) входила в набор драгоценной посуды (Раев, 2008, с. 55; Сокровища..., 2008, с. 133, кат. № 47), обнаруженный в насыпи кургана № 11 могильника Ново-Александровка I Азовского р-на Ростовской области (рис. 1, 7) в 1977 г. Знаки схожи друг с другом, но не идентичны. Одна из тамг принадлежит Аспургу. Вторая тамга выглядит, словно изображавший её человек ошибся и перепутал направление двух из четырех лучей. Комплекс основного и единственного погребения насыпи датируется серединой I в. н.э. (Беспалый, Лукьяшко, 2018, с. 38).

Первый Чертовицкий. Гагатовый амулет треугольной формы с процарапанными знаками (рис. 3, 5), среди которых присутствует знак-тамга Аспурга, находился под рукоятью меча в погребении кургана 6/11 первого Чертовицкого могильника (рис. 1, 8) в низовьях р. Воронеж (Медведев, 1990, с. 41, рис. 12, 2; 2008, с. 41, рис. 24, 2, 50, 2). Захоронение было совершено «вряд ли позже рубежа I – II вв.» (Медведев, 2009, с. 50).

¹ В апреле 2016 г. автору удалось ознакомиться с восемнадцатью целыми и фрагментированными кирпичами, доступными на тот момент для изучения в фондах Анапского археологического музея. Выражаю благодарность А. М. Новичихину и О. В. Галут за возможность работать в фондах музея.

² Благодарю А. В. Шишлова за возможность ознакомиться с коллекцией материалов поселения у с. Владимировка в фондах Новороссийского исторического музея-заповедника.

Косика. Серебряная ложка с прочерченными знаками-тамгами Аспурга на внутренней поверхности черпака (рис. 3, б) была найдена при исследовании разрушенного строительными работами богатого сарматского погребения (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1993, с. 151, 153, 154, рис. 9, 1) у с. Косика Енотаевского р-на Астраханской

области (рис. 1, 9) в 1984 г. С момента публикации материалов комплекса исследователями предлагались его разные датировки в рамках втор. пол I в. до н. э. – сер. I в. н. э. Недавнее открытие надписи на золотой обкладке перекрестия кинжала из погребения у с. Косика позволило считать более вероятной датировкой этого комплекса

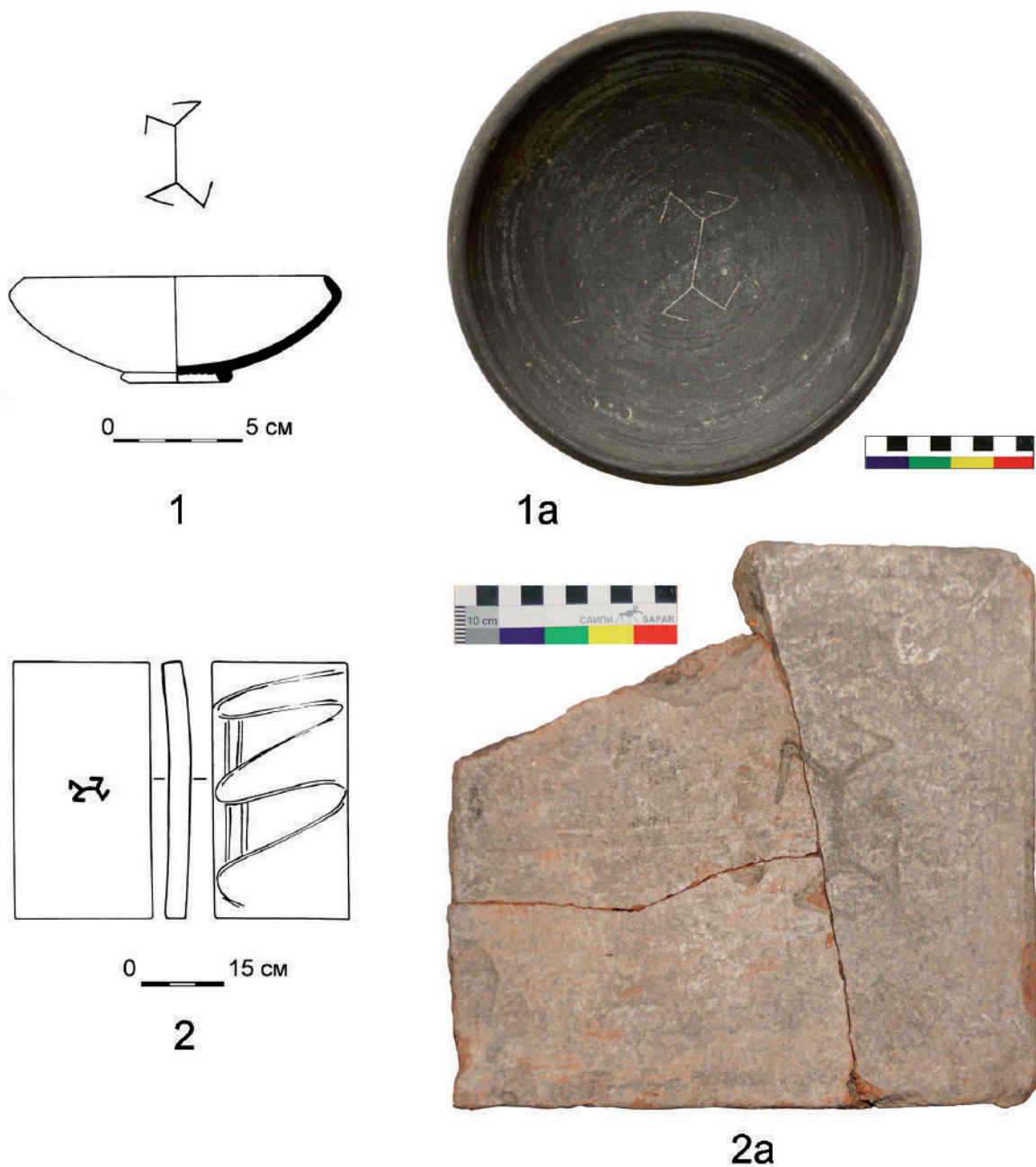

Рис. 2. Предметы со знаком-тамгой царя Аспурга:
 1, 1а — миска с поселения у с. Владимировка (рис. по: Онайко, 1982, фотография автора);
 2, 2а — кирпичи из Горгииппии (рис. по: Алексеева, 1997, фотография автора)

третью четверть I в. до н. э. (Белоусов, Трейстер, 2018, с. 117).

Козырка. Деревянный сосуд со знаком-тамгой Аспурга на внешней поверхности стенки (рис. 3, 7) известен среди вещей комплекса погребения около с. Козырка (?) недалеко от Ольвии (рис. 1, 10), описанного в дневнике немецкого археолога Т. Виганда в 1918 г. А. В. Симоненко, опубликовав и проанализировав материалы захоронения, датировал его кон. I – нач. II в. н. э. (Симоненко, 1999, с. 114, 118, рис. 1, 4; Simonenko, 2004, S. 221, Abb. 1, B).

Знаки-тамги из десяти перечисленных пунктов можно считать соответствующими схеме знака-тамги Аспурга, его семьи или клана. Что касается знаков, которые отличаются от этой схемы то, по моему мнению, их без определённых доказательств нельзя отождествлять со знаком-тамгой Аспурга. Речь идёт о знаках схожей схемы, но с лучами, заканчивающимися завитками или имеющими дополнительные элементы. Такие знаки известны на скалах Уйташа в Дагестане (Марковин, 1970, рис. 37; 1984, рис. 2), на известняковой плите из Пантикапея (Драчук, 1975, табл. IV, 257), на металлических пластинах-накладках с городищ позднедьяковской культуры Дьяково и Луковня 1 в Подмоскowie (Кренке, 2011, с. 89, рис. 66, 100/82; Воронятов, 2012, рис. 1), на фрагменте амфоры с поселения Волна-1 на Таманском полуострове³.

Ареал. В характеристике представленных материалов можно проследить несколько закономерностей. Небольшая, но заметная концентрация находок со знаком-тамгой Аспурга выявляется в азиатской части Боспорского царства (рис. 1), на поселенческих памятниках (Горгиппия, Кепы, Анапская Батарейка, Владимировка). Это обстоятельство только подтверждает связь Аспурга с населением территории, фигури-

рующей в его титулатуре: «Она показывает, что Аспург называл себя «царствующим над всем Боспором и Феодосией», а также местными племенами азиатской части государства — синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами (CIRB., 39; 40)» (Сапрыкин, 2002, с. 174).

Удалённые от Боспора точки представлены четырьмя из пяти известных погребальных памятников (Михайловская, Косика, Первый Чертовичский, Козырка). Эта часть ареала показывает причастность Аспурга к сарматскому кочевому миру, о чём неоднократно писали исследователи (Ростовцев, 1918, с. 147, 149; Виноградов, 1994, с. 152, 153; Горончаровский, 2000, с. 54–56; и др.). Удалённость перечисленных погребений может лишь подчеркивать степень военно-политического влияния Аспурга, простирающегося за пределы границ Боспорского царства.

Долгая неизвестность знака-тамги Аспурга в европейской части Боспора выглядела довольно странно. В XXI веке ситуация, хотя и не кардинально, но всё же изменилась. Ареал знака пополнился пунктом в Крымском Приазовье — городище Артезиан.

Контекст. Закономерностей в контексте обнаружения тамги Аспурга две. Первая заключается в том, что знак изображён на сосудах и ложке⁴ из четырёх погребальных комплексов (Ново-Александровка I, Михайловская, Козырка, Косика) и на сосудах из материалов двух поселенческих памятников (Владимировка, Анапская Батарейка). Мне уже приходилось писать о том, что сосуда с тамгами, скорее всего, использовались в некой церемонии, имевшей отношение к вождю или царю, личность которого была воплощена в тамге, изображённой на сосуде (Воронятов, 2009, с. 88, 91; 2013, с. 51). Следует отметить, что сре-

³ Находка из раскопок В. Г. Житникова 2012 – 2014 гг. экспонировалась на выставке, приуроченной к конференции «Охрана и сохранение наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов», организованной в пос. Волна в 2016 г.

⁴ Соглашусь с мнением В. К. Фёдорова о том, что ложка из Косики должна быть включена в круг ритуальной посуды (Фёдоров, 2011, с. 85).

ди известных на сегодняшний момент сосудов с царскими тамгами первых веков н. э. знак Аспурга изображён чаще всего, даже если 13 мисок из Владимировки посчитать за одну.

Вторая закономерность состоит в том, что знак-тамга Аспурга изображён на строительных элементах — на кирпичах из Горгиппии (рис. 2, 2, 2а) и на каменной плите, найденной на «Цитадели» городища Артезиан (рис. 3, 2). В данном случае я присоединюсь к мнению Н. И. Винокурова, предполагающего, что знаки на плите «выступали как указания юридического подтверждения статуса крепости в качестве царского владения» (Винокуров, 2004, с. 83). Знаки на кирпичах, которые, скорее всего, до вторичного использования были частями одного здания в Горгиппии, несли функцию демонстрации культового характера постройки⁵.

Коротко коснусь изображения тамги Аспурга на ребре животного из материалов раскопок города Кепы. Это не единственный случай нанесения сарматских тамг на кости животных. В материалах Ольвии известен фрагмент ребра коровы или лошади с изображением нескольких знаков-тамг и оседланного коня (Симоненко, 2018, с. 173, рис. 2). Из раскопок Танаиса 2011 г. происходят фрагменты двух кабаньих челюстей с сарматскими тамгами (Вдовченков, Ильяшенко, 2013, с. 294, 295, рис. 1, 1, 2). Изображения тамг присутствуют на альчиках из того же Танаиса, Артезиана в Крыму, Любимовского городища в Нижнем Поднепровье и могильника Валовый I на Нижнем Дону (Воронятов, 2013, с. 52, 53, рис. 5). Исследователи сходятся во мнении, что кости животных с сарматскими тамгами являлись посланиями богам или оберегами.

Датировка. Закономерности в датировке материалов со знаком-тамгой Аспурга следующие. Предметы, найденные

на поселенческих памятниках (Горгиппия, Владимировка, Артезиан), исследователи датируют началом I в. н. э. или годами правления царя, что логично и не вызывает возражений.

Погребальные комплексы с тамгой Аспурга (Михайловская, Ново-Александровка I, Первый Чертовицкий, Козырка) датируются в интервале от середины I до начала II вв. н. э. Из чего можно сделать вывод, что память о могущественном царе могла жить в среде кочевников ещё около полувека после его смерти.

Единственным погребальным комплексом с тамгой Аспурга, который выбивается и из этой хронологии, и из хронологии поселенческих древностей на сегодняшний момент является погребение в Косике. Напомню, что последняя очень интересная хронологическая разработка предлагает для этого памятника дату в рамках третьей четверти I в. до н. э. (Белоусов, Трейстер, 2018, с. 117). Если эта дата верна, то нужно как-то объяснить присутствие знака-тамги Аспурга в этом комплексе. Либо следует признать, что знак схемы тамги Аспурга существовал ещё до его рождения и им пользовался другой сарматский клан, что из-за единичности случая обнаружения знака, да и из-за хронологии тамгопользования в сарматском мире, как явления вообще, выглядит не очень правдоподобно. Либо погребение в Косике всё же было совершено позже. Ю. Г. Виноградов в своё время предлагал дату около середины I в. н. э. (Виноградов, 1994, с. 158–163). М. Б. Щукин, разбирая доводы Ю. Г. Виноградова, склонялся к датировке комплекса в рамках первого десятилетия I в. н. э., но не настаивал на ней. И одним из доводов для этой датировки служила тамга Аспурга на серебряной ложке (Щукин, 1995, с. 178, 179).

⁵ Эту гипотезу я излагал в докладе «Несостоятельность определения сарматских тамг в качестве знаков собственности (на примере горгиппийских кирпичей с тамгой царя Аспурга)» при участии в научной школе для молодых учёных «Крым в системе политических и экономических связей с культурами Евразийской степи и цивилизациями Востока», работавшей в Санкт-Петербурге в июне 2016 г. В скором времени я надеюсь посвятить этой гипотезе отдельную статью.

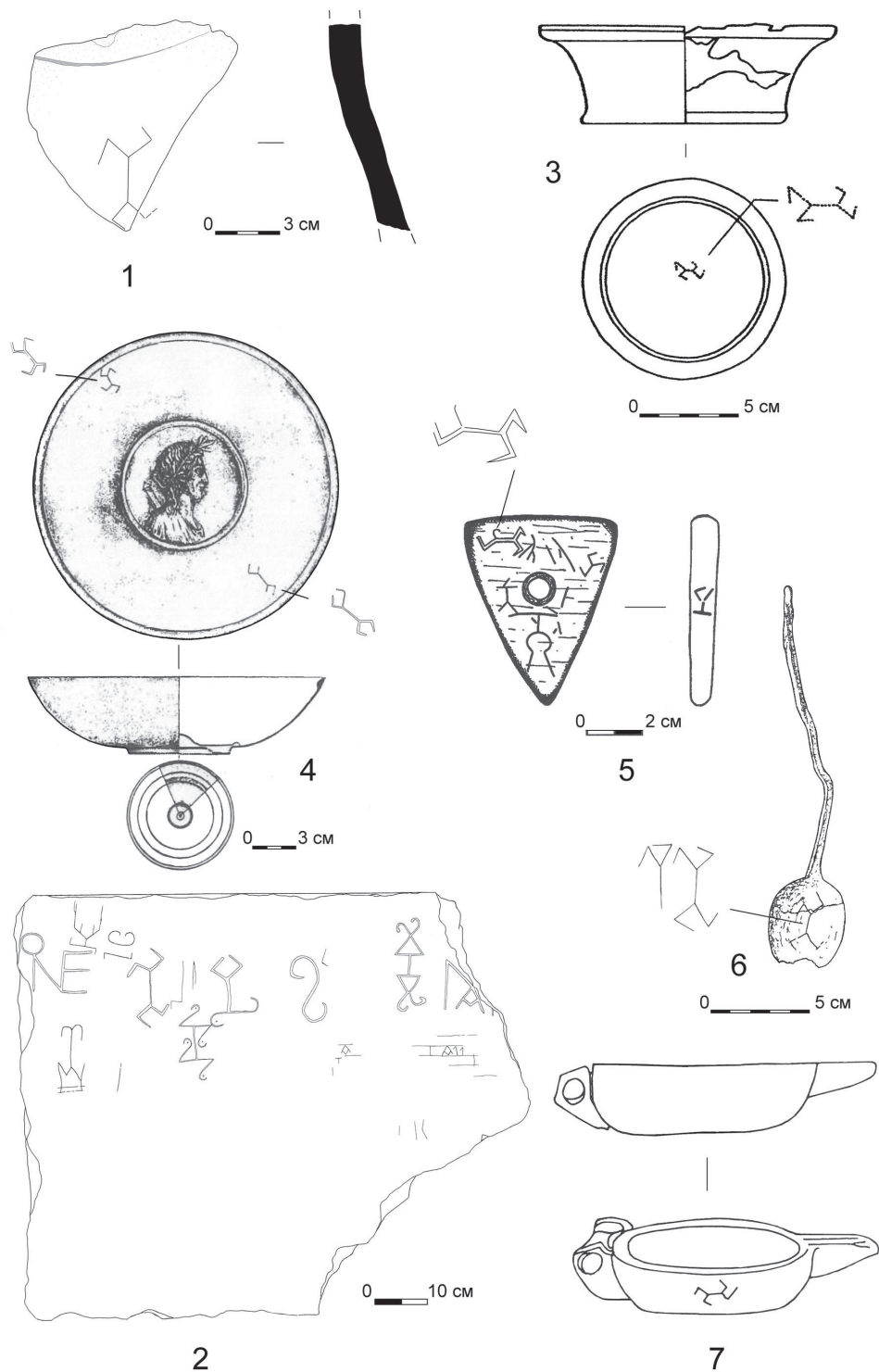

Рис. 3. Предметы со знаком-тамгой царя Аспурга:
 1 — фрагмент амфоры с Анапской Батарейки (рис. автора),
 2 — каменная плита с городища Артезиан (по: Винокуров, 2004),
 3 — серебряный сосуд из погребения близ ст. Михайловской (по: Каминская, Каминский, Пьянков, 1985), 4 — серебряная фиала из погребения могильника Ново-Александровка I (по: Беспалый, Лукьяшко, 2018), 5 — гагатый амулет из погребения Первого Чертовицкого могильника (по: Медведев, 2008), 6 — ложка из погребения могильника Косика (по: Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1993), 7 — деревянный сосуд из погребения у с. Козырка (по: Симоненко, 1999, без масштаба)

Я не считаю себя вправе оспаривать вне рамок отрезка времени I – нач. II вв. н. э. основательные и убедительные доказа- и на её существование в период, в котором тельства хронологии А. В. Белоусова и использование знаков-тамг на Боспоре и М. Ю. Трейстера. Но хотелось бы обратить среди сарматских племён широко не практи- внимание исследователей на пока что един- ковалось. Как писал М. Б. Щукин — «Возмож- ственный случай датировки тамги Аспурга ны и другие версии» (Щукин, 1995, с. 179).

Литература

- Алексеева Е. М. Царская тамга на золотом перстне из Горгиппии // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 118–125.
- Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 560 с.
- Алексеев В. П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. 1991. № 2. С. 65–70.
- Белоусов А. В., Трейстер М. Ю. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // Аристей. 2018. Т. XVIII. С. 92–128.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Новоалександровка. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2018. 224 с.
- Вдовченков Е. В., Ильяшенко С. М. Тамги Танаиса — этнокультурный контекст явления // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрёстке / Ред. М. Ю. Вахтина. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 292–296.
- Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- Винокуров Н. И. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 2004. Т. 7. С. 79–88.
- Винокуров Н. И. Особенности пространственной организации городища и некрополя Артезиан // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ойкос / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: б. и., 2006. С. 37–44.
- Воронятов С. В. О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 80–98.
- Воронятов С. В. О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // РАЕ. 2012. № 2. С. 412–432.
- Воронятов С. В. Центральная Азия и Северное Причерноморье: параллели предметов с тамгами // НАВ. 2013. № 13. С. 48–59.
- Гайдукевич В. Ф. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартакидов // КСИИМК. 1947. XVII. С. 22–27.
- Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945 – 1961 гг. // Нумизматика и сфрагистика. 1963. Вып. I. С. 3–65.
- Горончаровский В. А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 54–58.

- Дворниченко В. В., Фёдоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3 (206). С. 141–179.
- Драчук В. С. Про царські знаки Боспора Киммерійського // Археологія. 1969. Т. XXII. С. 232–235.
- Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
- Емец И. А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М.: Компания Спутник+, 2005. 242 с.
- Завойкина Н. В. К вопросу о так называемых царских тамгах Боспора (154 – 238 гг.) // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археологических исследований, 2003. С. 100–102.
- Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 288 с.
- Завойкина Н. В. Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь, 2016. С. 160–166.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 2018. Т. 78, № 3. С. 680–692.
- Зубарь В. М. Об одном типе боспорских керамических клейм // ВДИ. 2001. № 4 (239). С. 146–148.
- Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // СА. 1985. № 4. С. 228–234.
- Карышковский П. О. Сарматские тамги на античных монетах Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов. Л.: б. и., 1973. С. 15–16.
- Кренке Н. А. «Сарматский след» в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса // Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москва-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. С. 89–93.
- Кузнецов В. Д. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 2007. Т. 11. С. 225–234.
- Марковин В. И. Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан) // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 95–98.
- Марковин В. И. О некоторых находках скифо-сарматского времени с территории Северо-Западного Прикаспия // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1984. С. 178–183.
- Масленников А. А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М.: Наука, 1990. 124 с.
- Медведев А. П. Сарматы и лесостепь. Воронеж: Воронежский университет, 1990. 220 с.
- Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья // ИГАИМК. 1933. Вып. 62. С. 3–85.
- Новичихин А. М. Аборака // ИАА. 2011. Вып. 10. С. 68–73.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В., Масленников А. А. Раскопки античного поселения у с. Владимировки // АО 1977 / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1978. С. 135.

- Онайко Н. А., Дмитриев А. В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 93–100.
- Онайко Н. А. О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразным клеймом // СА. 1982. № 1. С. 233–235.
- Раев Б. А. Итальяские и восточно-эллинстические предметы в сарматских курганах Нижнего Подонья // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.; Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. С. 53–57.
- Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград: Огни, 1918. 189 с.
- Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 271 с.
- Симоненко О. В. Сарматське поховання з тамгами на території Олівійської держави // Археологія. 1999. № 1. С. 106–118.
- Симоненко А. В. Костяная пластина из Ольвии: след сарматского рейда на Дунай // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности / Отв. ред. И. В. Бруяко. Измаил: Ирбис, 2018. С. 173–182.
- Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.; Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 175 с.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Издательство Академии наук Украинской ССР, 1959. 179 с.
- Трейстер М. Ю. Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками — феномен боспорской культуры II в. н. э. // ДБ. 2011. Т. 15. С. 303–339.
- Фёдоров В. К. Среднесарматские погребения Самаро-Уральского региона с костяными ложечками // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 76–94.
- Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 478 с.
- Цветаева Г. А. Кирпичи с тамгой из Горгиппии // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 99–101.
- Шелов Д. Б. Тамга Римиталка // Культура античного мира / Отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Наука, 1966. С. 268–277.
- Шкорпил В. В. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. 1910. Вып. 37. С. 23–35.
- Щукин М. Б. Две реплики: О Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. № 4 (215). С. 175–179.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2001. 190 с.
- Яценко С. А. Тамги и эпиграфика Боспора: новые версии // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд. Государственного Эрмитажа, 2005. С. 414–419.
- Simonenko A. V. Eine sarmatische Bestattung mit Tamga-Zeichen im Gebiet Olbias // Eurasia Antiqua. 2004. Band. 10. S. 199–227.

Sergey Voroniatov

**The Tamga Sign of Bosporan King Aspourgos:
Its Distribution Area, Context, and Date**

Abstract

This paper addresses the tamga sign of King Aspourgos of Bosphoros who reigned in 14–37 AD. The distribution area of the finds of Aspourgos' tamga includes five settlement sites located in the European and Asian sides of the Bosphoros, and also five Sarmatian burial assemblages, three of which lay far from the said area. Most often, the tamga sign of King Aspourgos appeared on ceramic, metallic, and wooden vessels, possibly used in rituals and ceremonies. There are two cases of the tamga inscribed on building members, bricks and a stone slab, laid into houses or buildings to inform of the legal position of the fort or of the cult function of the construction. The artefacts featuring the tamga of Aspourgos discovered in the context of settlement sites date to the age of this king (14 – 37 AD). Sarmatian burial assemblages featuring the tamga of Aspourgos date from the second half of the first to the early second century AD. The only assemblage mismatching the chronology of the tamga sign of King Aspourgos is the Sarmatian grave in Kosika (third quarter of the first century BC).

С. В. Воронятов

**Знак-тамга боспорского царя Аспурга:
ареал находок, контекст, датировка**

Резюме

Статья посвящена знаку-тамге боспорского царя Аспурга, правившего в период 14–37 гг. н. э. Ареал находок тамги Аспурга включает в себя пять поселенческих памятников европейской и азиатской частей Боспора и пять погребальных сарматских комплексов, три из которых значительно удалены от этой территории. Чаще всего знак-тамга царя Аспурга встречается изображённым на керамической, металлической и деревянной посуде, которая могла использоваться в ритуалах и церемониях. В двух случаях тамга встречена на строительных элементах — на кирпичах и каменной плите, которые, являясь частями зданий или сооружений, информировали о юридическом статусе крепости или о культовом характере постройки. Предметы с тамгой Аспурга, найденные в контексте поселенческих памятников датируются временем правления царя (14 – 37 гг. н. э.). Сарматские погребальные комплексы с тамгой Аспурга датируются в рамках втор. пол. I – нач. II в. н. э. Единственным комплексом, который не соответствует хронологии бытования знака-тамги царя Аспурга, является сарматское захоронение в Косике (третья четв. I в. до н. э.).

В. П. Глебов, С. М. Ильяшенко

Сарматы и Танаис во II – I вв. до н. э. по археологическим и письменным источникам

Ключевые слова: *Нижнее Подонье, Танаис, сарматы, фортификация, торговля, античные импорты в сарматских погребениях*

Keywords: *Lower Don area, Tanais, Sarmatians, fortification, trade, Greco-Roman imports in Sarmatian graves*

Задачей настоящей работы является анализ взаимоотношений Танаиса и кочевников-сарматов во II – I вв. до н. э. на основе имеющихся письменных и археологических источников.

В начале III в. до н. э. в устье Дона были основаны две боспорские колонии — Елизаветовский эмпорий (Большая греческая колония) (рубеж или самое начало столетия) и Танаис (70-е гг. III в. до н. э.). Целью их выведения была замена ликвидированного варварского Елизаветовского городища в торговле с нижнедонскими номадами. Кочевническое население низовий Дона во второй половине IV – начале III вв. до н. э. было преимущественно скифским, номады восточного происхождения (сирматы) занимали в это время более восточные районы (Глебов, 2012, с. 28–30).

В конце первой трети III в. до н. э. в Северном Причерноморье и ряде соседних регионов происходит почти единовременное прекращение жизни на большинстве сельских и многих городских поселениях, на некоторых памятниках зафиксированы следы боевых действий и пожаров (Глебов, 2003, с. 80–82). Одновременно в степи от Волги до Днестра отмечается резкое сокращение кочевого населения (Полин, 1992, с. 67–71; Берлизов, 1996, с. 31). В Нижнем Подонье погибает Елизаветовский эмпорий, в степи исчезают погребальные памятники номадов. Единственным уцелевшим в этих катаклизмах населённым пунктом в нижнедонском регионе остаётся Танаис, долгое время существующий без кочевого окружения. Разумеется, нельзя исключить эпизодического присутствия в степном Подонье

небольших кочевий или военных отрядов, однако вряд ли набеги номадов в это время представляли для города сколько-нибудь значительную угрозу, так как Танаис на протяжении всего III в. до н. э. обходится без серьёзных укреплений (Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005, с. 59–60; Глебов, 2007, с. 66). И лишь плотное освоение нижнедонских степей в начале II в. до н. э. носителями раннесарматской культуры подвигло жителей Танаиса на строительство полноценной системы обороны, включающей цитадель, стены западного городского района и западного пригорода, а также ров, проходивший вдоль восточного и северного края цитадели (основного четырехугольника городища) и опоясывавший пригород и западный район.

Сравнение методов строительства и характера напластований участка западной оборонительной стены западного городского района с другими известными участками ранних фортификационных конструкций позволяет сделать вывод о практически единовременном сооружении здесь рва, оборонительных стен (куртин I и II), а также пристенной улицы "b". Судя по обнаруженным в основании улицы ручкам родосских амфор с клеймами, это могло произойти в начале – первой половине II в. до н. э. (Ильяшенко, Арсеньева, Науменко, 2015, с. 179). Для определения времени основания танаисских оборонительных сооружений является значимым, на наш взгляд, открытие под камнями основания северной оборонительной стены Западного пригорода (стены № 37) небольшого жертвенника. Он имел прямоугольную в плане форму (0,60 м x 1,00 м) и был составлен из трех параллельных линий плоских камней среднего размера. Внутри контура конструкции находился слой золы, в котором обнаружены чернолаковый двуручный канфар и фрагменты небольших чернолаковых тарелок. Этот набор посуды может указывать на дату возведения стены – не ранее первой четверти II в. до н. э. (Циркунова,

2006, с. 62–65; Егорова, 2009, с. 151, кат. №№ 557 и сл.). Вероятно, этим же временем стоит датировать и оборонительный ров к северу от стены. Примечательно, что к концу I в. до н. э. ров почти полностью затёк грунтом и мусором.

Помимо собственно городских укреплений, можно предполагать существование линии дополнительной обороны города, включавшей ещё один или два вала со рвами. Эта линия проходила на расстоянии от 50 до 200 м к северу, востоку и западу от городских куртин, с напольной стороны. Недавние раскопки древней дороги, идущей, по всей видимости, из цитадели сквозь этот наружный пояс обороны, дают основание полагать синхронность строительства дороги и внешних линий обороны. Судя по родосскому клейму первой половины II в. до н. э., найденному в основании дороги, строительство внешних линий обороны совпадает по времени с возведением основных укреплений.

Как уже отмечалось, строительство системы укреплений Танаиса, видимо, было вызвано угрозой со стороны кочевников-сарматов, появившихся в Нижнем Подонье в начале II в. до н. э. (Глебов, 2007, с. 68–69; 2010, с. 22). Однако эта угроза, похоже, не реализовалась — следы серьёзных конфликтов отсутствуют, затекание рвов свидетельствует об отсутствии напряжения между номадами и жителями Танаиса, письменные источники сообщают об активной торговле с сарматами.

Наиболее подробным источником о греках и варварах в Нижнем Подонье в последних веках до н. э. является «География» Страбона. Как известно, «География» была написана в последних десятилетиях I в. до н. э., дополнялась до 23 – 24 гг. н. э. (Грацианская, 1988, с. 14, 32–33). Наиболее поздний эпизод, касающийся Танаиса, упомянутый в «Географии» — это разрушение города понтийским царём Полемоном в конце I в. до н. э. Однако сведения о сарматских племенах, по мнению исследо-

вателей, относятся к более раннему времени — вероятно, к концу II — первой половине I в. до н. э. (Ростовцев, 1914, с. 379, 380; Мачинский, 1974, с. 122–124).

Страбон даёт развёрнутое описание торговли Танаиса с номадами: «На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода» (Strabo XI, II, 3). В другой главе Страбон характеризует Танаис как «самый большой после Пантикапея эмпорий варваров» (Strabo VII, IV, 5).

Из сообщений Страбона следует, что Танаис являлся эмпорием, перевалочным пунктом в транзитной торговле между Боспором и кочевниками-сарматами. Разумеется, ремесленное производство имело место и в Танаисе: здесь найдены остатки ткацких станков, заготовки фибул, формочки для отливки ювелирных изделий и пр. Однако, во-первых, большинство этих находок относится к более позднему периоду — первым векам н. э., во-вторых, судя по небольшому количеству находок, масштабного характера эти производства не имели. Очевидно, что большая часть товаров для торговли со степняками привозилась с Боспора.

Попутно Страбон приводит весьма интересные сведения об отношениях номадов и торговцев-боспорян: «Устья Танаиса мы знаем (их два в северной части Меотиды, в 60 стадиях друг от друга); однако выше устья известна только небольшая часть течения реки из-за холодов и скудости... Кроме того, кочевники, не вступающие в общение с другими народностями и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобопроходимые

места страны и в судоходные части реки» (Strabo XI, II, 2).

Из этого можно сделать вывод, что греческие торговцы не выезжали в степь и не поднимались вверх по реке, товарообмен происходил в Танаисе. По мнению исследователей, торговля была оптовой, имела сезонный характер и представляла собой натуральный обмен (Брашинский, 1984, с. 183, 184; Улитин, 2018, с. 262–267).

О номадах Страбон сообщает следующее: «...сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (Strabo XI, II, 1). «...аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Верхние аорсы ... занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения. Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса, а сираки — по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (Strabo XI, V, 8).

В данном отрывке интересно сообщение о караванной торговле верхних аорсов — это как будто противоречит сведениям о ксенофобии кочевников и достаточно примитивной торговле их с греками. Однако существует весьма правдоподобная версия, основанная на уточнении перевода этого фрагмента Ю. Г. Виноградовым, что речь там идёт не о занятии торговлей непосредственно аорсов, а о конвоировании ими караванов за мзду (Гугуев, 1992, с. 127).

Рассказ Страбона о греко-варварской торговле дополняется кратким сообщением автора II в. до н. э. Полибия: «Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно превосходней-

ших; из предметов роскоши они же доставляют нам в изобилии мед, воск и солёную рыбу. От избытка наших стран те народы получают оливковое масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, когда нужно, то получая от нас» (Polib. IV, 38). В этом общем описании понтийско-средиземноморской торговли снова фигурируют с одной стороны вино, с другой товары кочевников — скот и рабы.

Поскольку раннесарматская культура Нижнего Подонья довольно хорошо изучена (на сегодняшний день исследовано более 500 погребений), мы имеем возможность сравнить информацию античных авторов о товарообмене боспорян и сарматов с данными археологии.

Наиболее массовой категорией импорта являются бусы и бисер — они встречены более чем в 230 раннесарматских погребениях (около 42 % от общего числа комплексов). В женских и детских захоронениях преобладают большие наборы бус из нескольких десятков или сотен бусин, зачастую представляющие собой гарнитуры, подобранные по цвету и типам бус (особенно у женщин). В мужских погребениях бусы встречаются лишь изредка, как правило по 1-3 бусины. Обычные места расположения бус: район черепа, шея, грудь (ожерелья, расшивка ворота), запястья и локти (браслеты, обшивка рукавов), голени и щиколотки (расшивка штанин, подола платья), реже — таз (расшивка пояса?). Расшивка одежды бисером и мелкими бусами считается отличительной особенностью именно сарматского костюма (Марченко, 1996, с. 109, 110; Яценко, 2006, с. 136).

Судя по огромному количеству бус и бисера в сарматских погребениях, поставки этого товара в степь были массовыми и весьма прибыльными. С. А. Яценко в качестве аналогий приводит широчайшую торговлю бусами русских коммерсантов с сибирскими аборигенами и американских — с индейцами (Яценко, 2006, с. 136).

Разумеется, без специальных исследований (технологических, минералогических и др.) можно лишь строить гипотезы о центрах производства и путях попадания бус кномадам Нижнего Подонья. Тем не менее, учитывая близость Боспора с его стеклоделательными мастерскими и налаженность торговых связей с другими центрами производства бус, выскажем предположение, что большая часть бус поступала кномадам Нижнего Подонья с Боспора через Танаис.

Второй по массовости статье античного импорта является столовая посуда боспорского производства. В погребениях раннего горизонта нижнедонской раннесарматской культуры находки боспорской посуды довольно редки, но позже количество её увеличивается и становится весьма значительным. Всего в сарматских погребениях Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. учтено более 70 находок (около 22 % от общего числа керамических сосудов). Это кружальная посуда простых форм, сделанная довольно небрежно, орнаментированная редко и скупно, обычно без лакового покрытия. Наблюдается преобладание кувшинов — около 75 %, миски и кружки встречаются намного реже, иные формы единичны.

Находки прочих античных импортных вещей далеко не так многочисленны.

Парадная посуда боспорского или средиземноморского производства в сарматских погребениях встречена всего несколько раз: лаковые кубки-канфары с орнаментом в стиле West Slope (Кулешовка к. 1 п. 29А, Весёлый к. 2 п. 6), «мегарские» чаши (Кулешовка к. 1 п. 17, Северо-Западный I к. 1 п. 3, Мариновка к. 1 п. 6), лаковые тарелки и чашки (Пирожок к. 5 п. 7, Валовый к. 26 п. 1) и ещё несколько сосудов — в целом, совсем немного по сравнению с простой столовой посудой. При этом находки парадной посуды в греческих и варварских городах и посёлках Северного Причерноморья (в том числе и в Танаисе) представляют собой массовое явление, однако в степь к сарма-

там такая посуда поступала в очень небольших количествах.

Находки в сарматских погребениях унгентариев и прочих сосудиков для хранения благовоний или ароматических масел также немногочисленны: Алитуб к. 3 п. 20, Подгорненский IV к. 6 п. 8, разрушенное погребение в кургане у пос. Кадамовский, Жутово к. 27 п. 4, Пирожок к. 6 п. 5, Малая Каменка IX к. 1 пп. 1, 5 — очевидно, ввиду отсутствия у варваров большого спроса на греческую парфюмерию.

Стеклянные сосуды в сарматских погребениях II – I вв. до н. э. крайне редки. В п. 4 к. 27 Жутовского могильника в Волго-Донском междуречье найден сосудик из полихромного стекла (сохранилась нижняя часть). Ещё в нескольких погребениях встречены фрагменты стеклянных сосудов, вероятно, игравшие роль амулетов: Отрадный II к. 1 п. 7, Алитуб к. 3 п. 20, Новоалександровка I к. 13 п. 2 и др.

Амфоры в сарматских погребениях этого времени единичны. Единственная целая амфора (синопская, дата: конец II – первая половина I вв. до н. э., тип III-E по С. Ю. Монахову (2003, с. 155) происходит из п. 5 к. 30 мог. Ливенцовский VII. В к. 4 1-й Весёловской группы вместе с лепными сосудами (тризна без погребения?) была встречена родосская амфора, датирующаяся достаточно узко, благодаря наличию на её ручках клейм Аристора II и Аминтаса: конец 80 – 60 гг. II в. до н. э. (Johrens, 2001, № 29, s. 159–163; Кац, 2007, с. 420). Известно ещё несколько находок амфорной керамики, вероятно, связанной с раннесарматскими комплексами, но в большинстве случаев это непрофильные фрагменты, не позволяющие определить тип и дату амфоры.

Импортная металлическая посуда тоже представлена весьма скромно. Сковорода типа «Айлесфорд» (Алитуб к. 3 п. 20), бронзовые ситулы (Арбузовский к. 7 п. 8, ритуальные клады у Недвиговки и Малой Сопки, беспаспортная ситула из НМИДК). Впрочем, вряд ли ситулы, входившие в состав рим-

ского военного снаряжения (Radnoti, 1938, s. 113; Марченко, 1996, с. 38, Шевченко, 2013, с. 68), являлись предметами торговли. Скорее всего, это военная добыча, взятая сарматами в ходе Митридатовых войн.

Отдельного упоминания заслуживают кованые бронзовые котелки с дуговидной ручкой или двумя подвижными ручками-кольцами (Алитуб к. 5 п. 29, Сагванский I к. 12 п. 2, к. 14 п. 3, Жутово к. 27 п. 4 и др.). Относительно происхождения кованых котелков этого времени у исследователей нет единства мнений — существуют гипотезы о греко-италийском или меото-скифском их происхождении (обзор версий см. Балахванцев, Шинкарь, 2018, с. 199). Однако наличие на некоторых котелках надписей на греческом языке как будто указывает на производство, по крайней мере, некоторых из них в греческих (боспорских?) мастерских (Шаповалов, 1973, с. 86, 87; Балахванцев, Шинкарь, 2018, с. 195–199).

Разнообразные фибулы: надвязные и скреплённые среднелатенской схемы, подвязные лучковые ранних типов, «воинские» прогнутые, щитковые двухигольные — число их приближается к трём десяткам, считая случайные находки. Впрочем, часть фибул, вероятно, не греческого, а меотского или позднескифского производства (Кропотов, 2010, с. 340, 341). Показательно, что сарматы далеко не всегда использовали фибулы по прямому назначению — для застёгивания одежды. Более чем в половине случаев в сарматских погребениях застёжки находились не на плече или груди, а в других местах: на черепе (заколки для волос или головного убора?), на тазе (пряжка?), в ногах или в стороне от костяка. Очевидно, что одежда сарматов этого времени не нуждалась в застёжках.

Ювелирные изделия, происходящие из греческих мастерских, у сарматов довольно редки. Это золотые серьги с подвесками на цепочках (Алитуб к. 3 п. 20), золотые серьги в виде голов львиного грифона (Холодный к. 1 п. 3, разрушенное погребение у пос. Када-

мовский), перстни с вырезанными на щитках изображениями (Северо-Западный к. 1 п. 3, Донской (Новочеркасская ГРЭС) к. 5 п. 17, Рясны I к. 2 п. 9, Ливенцовский VII к. 30 п. 5) или с вставками из стекла или полудрагоценного камня, обычно с вырезанной геммой (Балабинский I к. 27 п. 20, Донской к. 1 п. 21). Большая часть сарматских украшений: височные кольца, гривны и др., вероятно, не греческого, а меотского, позднескифского или собственно сарматского производства.

Фалары, налобники и прочие предметы конской упряжи найдены не в погребениях, а в ритуальных комплексах (т. н. кладах). Относительно принадлежности кладов мнения исследователей расходятся (обзор основных версий см. Зайцев, 2012, с. 67, 68), однако ритуальные клады на территории Нижнего Подонья, вероятнее всего, оставлены сарматами (Власкин, Глебов, Кузьмин, 2018, с. 62, 63).

На некоторых фаларах изображены персонажи из греческой мифологии — Гелиос с конями, сцена борьбы Афины с Алкионом на фаларах из Федуловского клада, Дионис и пантера из Таганрогского клада. И. П. Засецкая атрибутировала федуловские находки как вещи ионийского стиля, возможно, сделанные на Боспоре (Засецкая, 1965, с. 28–36). Фалары из Таганрогского клада, а также фалары с растительным орнаментом (Жутово к. 27, клады из Недвиговки и Малой Сопки), сделанные в «причерноморском графическом стиле», произведены, по мнению В. И. Мордвинцевой, в городах Боспора (Мордвинцева, 1999, с. 110–116; Mordivinceva, 2001, s. 37). Не исключено, что фалары — дорогие изделия из серебра с позолотой, делались на заказ, а не являлись предметами обычной торговли.

В сарматских погребениях единично встречаются и другие изделия античного производства: зеркала, пряжки и пр., вероятно, попавшие к сарматам случайно.

Резюмируем краткий анализ античных импортов у нижнедонских сарматов II – I вв.

до н. э. Археологический материал подтверждает торговые контакты Танаиса со степью, причём весьма интенсивные, судя по общему количеству импортных предметов в сарматских погребениях. Но археология даёт нам совершенно иную картину античных импортов у сарматов, не соответствующую списку товаров у Страбона и Полибия. Массовый характер имеют лишь две категории находок: бусы и простая столовая посуда (преимущественно кувшины). Прочие импортные вещи: парадная посуда (лак, стекло), металлическая посуда, ювелирные изделия, фибулы, встречаются достаточно редко.

Особенно удивляет почти полное отсутствие винной тары — амфор. Несмотря на наличие в греческих городах Северного Причерноморья собственного виноделия, ввоз вина из Средиземноморья и Южного Причерноморья всегда был значительным, а в некоторые периоды достигал поистине огромных масштабов. Очевидно, что существенная часть ввозимого вина предназначалась для кочевников, которые, в отличие от местных греков, сами делать вино не умели. В погребениях номадов Нижнего Подонья предшествующей эпохи, особенно в районах, прилегающих к низовьям реки с греческими и варварскими торговыми поселениями, встречено достаточно много амфор, а в тризнах количество амфор иногда доходит до десятка (Новоалександровка к. 1, Царский к. 69, и др.). В IV – начале III вв. до н. э. отдельные амфоры или небольшие партии попадали и в более отдалённые районы степи — находки амфор в погребениях кочевников известны на Маныче, Северском Донце, в Нижнем Поволжье, на Южном Урале; большое количество амфор встречено в курганах номадов V – IV вв. до н. э. на Среднем Дону. Но во II – I вв. до н. э. находки амфор у сарматов единичны не только в Нижнем Подонье, но и в других регионах, непосредственно контактировавших с античными центрами: в Поднепровье и Прикубанье. При этом ввоз вина

в Северное Причерноморье в это время продолжался (хотя и отмечается некоторый спад по сравнению с предшествующим периодом) — в материалах городов и поселений греков и оседлых варваров периода позднего эллинизма во всём Северном Причерноморье, в том числе и в Танаисе, амфорная керамика представлена достаточно хорошо. Почти полное отсутствие амфор в сарматских комплексах II – I вв. до н. э. противоречит сообщению Страбона, называющего вино одним из главных товаров в торговле с кочевниками, и пока не находит объяснения.

С импортом одежды также не всё понятно. Ткани редко сохраняются в погребениях, поэтому остаётся неясным, о какой именно одежде идёт речь. Высказывалось мнение, что имеется в виду ввоз тканей. С другой стороны, продажа кочевникам партий именно готовой одежды в эпоху средневековья неоднократно засвидетельствована письменными источниками (Яценко, 2006, с. 300). В сарматских погребениях изредка встречаются остатки ткани, шитой золотом: Комарово к. 1 п. 24, Ипатово-3 к. 2 п. 14 в Предкавказье, Майеровский к. 4 п. 3-Б в Заволжье и др. Известны случаи, когда номады перекраивали и перешивали импортную одежду из дорогой ткани (Ноин-Ула, курган 22).

Вместе с тем, очевидно, что большинство моделей греческой одежды (за исключением отдельных: плащи-хламиды и, возможно, хитоны) совершенно не подходят для кочевого быта. Редкость фибул в сарматских погребениях этого времени и использование большинства застёжек не по прямому назначению подтверждает, что сарматы вряд ли массово носили греческую одежду.

Можно предположить, что имела место торговля одеждой, пошитой в греческих городах по образцу кочевнической (кафта-

ны, шаровары). Судя по изображениям на надгробиях и росписям склепов, понтийские греки широко использовали такую одежду, более подходившую для верховой езды¹. Вероятно, что одежда варварского образца изготавливалась в мастерских античных центров как для внутреннего потребления, так и для экспорта в степь, где она наверняка пользовалась спросом.

Примечательно, что у номадов Прикубанья импортные вещи греческого происхождения (в том числе престижные: ювелирные изделия, металлическая и стеклянная посуда и пр.) в это время представлены гораздо больше, чем у сарматов доно-волжского региона. Это не удивительно — в качестве торгового партнёра для номадов здесь выступал не один Танаис, а весь Азиатский Боспор (Фанагория, Гермонасса, Горгиппия и другие города и посёлки). Страбон характеризует Фанагорию как центр транзитной торговли: «...является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны» (Strabo XI, II, 10), но наиболее крупным торговым центром после Пантикапея он называет всё же Танаис. Данные археологии свидетельствуют о другом — поток импортов к кубанским сарматам через Фанагорию и другие центры Азиатского Боспора был гораздо интенсивнее.

Подведём итог всему вышесказанному. Судя по тому, что приход в нижнедонские степи носителей раннесарматской культуры стимулировал строительство укреплений в Танаисе, взаимоотношения сарматов и жителей города вначале были достаточно сложными. Очевидно, номады представляли собой угрозу для города, даже если не проявляли открытой враждебности. Вспомним характеристику, данную сарматам римским писателем Флором: «Они коснеют в таком варварстве, что не понимают (состояния) мира» (Flor, II, 29). Однако какие-либо

¹ В связи с этим вспомним также известный эпизод из «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома (XXXVI): «Каллистрат ... был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство; на плечах был небольшой тонкий чёрный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени...».

серьёзные конфликты между степняками и городом в этот период источниками не фиксируются, заплывшие со временем рвы не подновляются. Вероятно, отношения между Танаисом и сарматами стали сравнительно мирными, основанными на взаимовыгодной торговле. Город служил перевалочным пунктом в транзитной торговле между Боспором и кочевниками.

Правда, данные археологии не совпадают со сведениями письменных источ-

ников о боспорско-сарматской торговле. Прежде всего, нет археологических следов масштабного ввоза вина, о котором сообщают Страбон и Полибий. Из античных импортов у сарматов массово встречаются бусы и столовая посуда. Прочие импортные вещи: парадная посуда (лак, стекло), металлическая посуда, ювелирные изделия и пр. в сарматских погребениях находятся довольно редко.

Литература

- Балахванцев А. С., Шинкарёв О. А. Бронзовый котёл с греческой надписью из курганного могильника у хут. Базки Волгоградской области // КСИА. 2018. Вып. 251. С. 193–203.
- Берлизов Н. Е. Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения») / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: Ин-т археологии РАН; ГИМ, 1996. С. 27–31.
- Брашинский И. Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 174–186. (Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20 томах).
- Власкин М. В., Глебов В. П., Кузьмин В. Н. Ритуальный клад из кургана 1 могильника Рестумов II в Ростовской области // НАВ. 2018. Т. 17, № 2. С. 58–69.
- Глебов В. П. О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н. э. в Северном Причерноморье // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археологических исследований, 2003. С. 80–88.
- Глебов В. П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Отв. ред. И. В. Сергацков, А. В. Белицкий. Волгоград: Волгоградский ГУ, 2007. С. 59–82.
- Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 26 с.
- Глебов В. П. Кочевники Нижнего Подонья IV – II вв. до н. э. Некоторые проблемы изучения // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ, 2012. С. 28–33.
- Глебов В. П., Ильяшенко С. М., Толочко И. В. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // ДБ. 2005. Вып. 8. С. 52–97.
- Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1988. С. 6–175.
- Гугуев В. К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. – начала II в. н. э.) // ВДИ. 1992. №4. С. 116–129.
- Егорова Т. В. Чернолаковая керамика IV – II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ, 2009. 253 с.

- Зайцев Ю. П. Северное Причерноморье в III – II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский ГУ, 2012. С. 67–72.
- Засецкая И. П. Назначение вещей Федуловского клада // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 7 / Ред. М. И. Артамонов. М.; Л.: Советский художник, 1965. С. 28–36.
- Ильяшенко С. М., Арсеньева Т. М., Науменко С. А. Оборонительные рвы Танаиса во II – I вв. до н. э. // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова / Под ред. Д. В. Журавлева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 174–188.
- Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения. Симферополь; Керчь: б. и., 2007. 480 с. (Боспорские исследования. Вып. XVIII).
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 386 с.
- Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар: Кубанский ГУ, 1996. 340 с.
- Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э. – I в. н. э. // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 16 / Ред. А. М. Микляев. Л.: Аврора, 1974. С. 122–132.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: «Киммериды»; Саратовский ГУ, 2003. 352 с.
- Мордвинцева В. И. Так называемый «греко-бактрийский стиль» в эллинистической торевтике // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ГУ, 1999. С. 102–122.
- Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев: ИА НАНУ, 1992. 201 с.
- Ростовцевъ М. И. Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 21. Харьков: Типография «Печатное дело», 1914. С. 366–380.
- Улитин В. В. Проблемы организации греко-варварской торговли в Северо-Восточном Причерноморье // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Часть 2 / Ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 262–268.
- Циркунова И. В. Чернолаковый канфар из Западного пригорода Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 13 / Ред. Т. И. Коневская, Т. Н. Абрамова, Е. В. Палагина. Ростов-на-Дону: ПОМК, 2006. С. 62–65.
- Шаповалов Т. О. Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське // Археологія. 1973. Вип. 8. С. 82–87.
- Шевченко Н. Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2013. 152 с.
- Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Johrens G. Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais // Eurasia Antiqua. 2001. Band 7. 342 S.
- Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren. Rahden: DSC-Heinz J. Bevermann KG, 2001. 98 S. (Archäologie in Eurasien. Bd. 11).
- Radnoti A. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie, 1938. 220 S. (Dissertationes Pannonicae. Ser. II. № 6).

Viacheslav Glebov, Sergei Il'yashenko

Sarmatians and Tanais in the Second and First Centuries BC according to Archaeological and Written Sources

Abstract

Throughout the most part of the third century BC, the town of Tanais located in the mouth of the Don did not have nomadic environment. When nomadic Sarmatians came to the Lower Don steppe in the early second century BC, the town was enclosed with walls and moats. Plausibly, the relations between the Sarmatians and the residents of Tanais initially were not peaceful. However, the sources in possession do not document any serious conflicts between the town and the people of the steppe in the said period. Later on, the relations between Tanais and the Sarmatians became stable. The town actively participated in trading between the Bosporos and the nomads as a transit place for commodities. Nevertheless, written sources' account on the Bosporan-Sarmatian trade contradicts to archaeological data. Primarily, the finds of amphorae in Sarmatian graves and funeral feasts from the second and first centuries BC are extremely rare, in contrast to Strabo's and Polybius' accounts of advanced trade in wine. Of Greco-Roman imports, the Sarmatians possessed a great deal of beads and table ware. Other imports, such as parade vessels (slipped and glass), metal vessels, jewellery pieces, and others, rarely occur in Sarmatian graves.

В. П. Глебов, С. М. Ильяшенко

Сарматы и Танаис во II – I вв. до н. э. по археологическим и письменным источникам

Резюме

На протяжении большей части III в. до н. э. город Танаис в устье р. Дон существовал без кочевого окружения. С появлением в нижнедонских степях кочевников-сарматов в начале II в. до н. э. город обносится стенами и рвами. Очевидно, взаимоотношения сарматов и жителей Танаиса вначале были немирными. Однако какие-либо серьезные конфликты между степняками и городом в этот период источниками не фиксируются. Со временем отношения между Танаисом и сарматами стабилизировались. Город активно участвовал в торговле между Боспором и кочевниками в качестве перевалочного пункта транзитных товаров.

Правда, сведения письменных источников о боспорско-сарматской торговле расходятся с данными археологии. Прежде всего, во II–I вв. до н. э. в сарматских погребениях и тризнах очень редки находки амфор, вопреки сообщениям Страбона и Полибия о развитой виноторговле. Из античных импортов у сарматов массово встречаются бусы и столовая посуда. Прочие импортные вещи: парадная посуда (лак, стекло), металлическая посуда, ювелирные изделия и пр. в сарматских захоронениях находятся довольно редко.

Ю. П. Зайцев

Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке

Ключевые слова: *позднескифская культура, сарматы, погребальный обряд, среднесарматская культура, позднесарматская культура*

Keywords: *Late Scythian culture, Sarmatians, funeral rite, Middle Sarmatian culture, Late Sarmatian culture*

Проблема, обозначенная в названии статьи, не теряет своей актуальности уже много десятилетий и по сей день остается одним из ключевых направлений археологической науки региона. Список работ на эту тему велик и разнообразен, а ее историография подробно освещена в ряде работ, в том числе сводного характера (Храпунов, 2004, с. 37–40, 125–142; Пуздровский, 2007, с. 11–14).

Основной список признаков крымской сарматизации: подбойные могилы, южная ориентировка погребенных, захоронения в колодах, бронзовые зеркала-подвески, лепные курильницы определенных типов, характерные предметы вооружения, сарматские знаки (Гущина, 1974, с. 34, 44; Высотская, 1987, с. 56, 57; Храпунов, 2004, с. 126–130, 136, 137; Храпунов, 2016а, с. 122; Гущина, Журавлев, 2016, с. 117, 118).

Также индикатором сарматского присутствия была названа группа некрополей II – IV вв. н. э. в Юго-Западном и Центральном Крыму, рядом с которыми не были выявлены синхронные поселения. Согласно новой версии, эти некрополи предположительно были оставлены полукочевым сарматским населением, передвигавшимся по замкнутым маршрутам, и возвращавшимся на одно и то же место. Жилищами в этом случае могли быть легкие конструкции, не оставившие сколько-нибудь заметных следов (Храпунов, 2002, с. 78, 79; Храпунов, 2004, с. 133). При этом отмечены отличия крымских погребений от степных сарматских (каменное заполнение входных ям, отсутствие подкурганых захоронений, большое количество импортов, иная ориентировка), вызванные соседством с поздними скифами, седентаризацией и другими факторами.

В итоге конкретные могильники¹ были определены как памятники крымского варианта среднесарматской и позднесарматской культур² (Храпунов, 2004, с. 133; 2013, с. 188, 189; 2015, с. 216; 2016а, с. 122, 123).

В других работах эта версия была представлена уже в виде установленного факта (Храпунов, Стоянова, 2014, с. 176), а грунтовые некрополи предгорного Крыма были разделены на три группы: 1 — позднескифские, 2 — расположенные в долинах рек Альма и Бельбек (Скалистое II, III, Бельбек II–IV, Танковое), 3 — Нейзац, Дружное, Суворово, Чернореченский и другие. Согласно выводам исследователей, вторая группа была оставлена оседавшими на землю сарматами во II – первой половине III вв. н. э., третья — тоже сарматами и присоединившимися к ним мигрировавшими с Северного Кавказа предками средневековых алан во второй половине II – IV вв. н. э. (Храпунов, 2015, с. 236, 237; 2016а, с. 122–124; Храпунов, Стоянова, 2017, с. 162).

Недавно И. Н. Храпуновым была предложена более нейтральная характеристика феномена предгорных некрополей Крыма II – IV вв. н. э.³: «Несколько археологических культур и регионов, оказавших влияние на культуру крымских предгорий ... позднескифская, античная, средне- и позднесарматская, германские, аланская северокавказская» (Храпунов, 2017, с. 161). И далее вывод: «Могильники составляют в совокупности единую археологическую культуру. По наиболее полно исследованному памятнику ее можно назвать нейзацкой культурой» (Храпунов, 2017, с. 162).

Учитывая специфику и задачи данной работы, из всего списка элементов и признаков сарматизации Крыма проанализиро-

ваны четыре тезиса: «некрополи без поселений», подбойные могилы, погребения в колодах, зеркала-подвески.

I. «Некрополи без поселений»

Следуя версии И. Н. Храпунова и А. А. Стояновой, получается, что одним из определяющих моментов в различии «позднескифских» и «сарматских» грунтовых некрополей Крыма становится наличие или отсутствие рядом поселенческих структур. В качестве дополнительных аргументов в пользу их сарматской принадлежности выступают, помимо прочего, сравнительно поздняя датировка (II – IV вв. н. э.) и отсутствие «позднескифских» грунтовых склепов-катакомб.

Целый ряд фактов вступает в противоречие с такой концепцией, а полученная картина заметно размывает ее основные положения.

1. Подавляющее большинство некрополей упомянутого списка (Курское, Заречное, Перевальное, Озерное III, Красная Заря, Тас-Тепе, Вишневое, Суворово, Бельбек III, Красный Мак, Килен-Балка) исследованы крайне недостаточными площадями, особенно на фоне практически полностью раскопанных могильников Нейзац и Дружное. Это обстоятельство делает их пока мало пригодными для статистической обработки, а в перспективе повышает вероятность как расширения их хронологических рамок, так и открытия неизвестных ранее типов погребальных сооружений.

2. Неизвестность поселений рядом со многими некрополями долин рек Качи и Бельбека совсем не исключает вероятность их открытия в дальнейшем. Во всяком случае, в непосредственной близости от некрополей Танковое, Скалистое II и III известны неоднократные находки синхрон-

¹ Курское, Нейзац, Дружное, Опушки, Заречное, Перевальное, Озерное III, Красная Заря, Тас-Тепе, Вишневое, Суворово, Бельбек III, Красный Мак, Алмалык-Дере, Сувлу-Кая, Инкерманский, Чернореченский, Килен-Балка.

² А. В. Симоненко воздержался от отнесения памятников предгорного Крыма типа Дружное–Нейзац к сарматским, назвав их «синкретическими в этнокультурном плане» (Симоненко, 2004, с. 149).

³ В новой редакции это Курское, Нейзац, Дружное, Опушки, Заречное, Перевальное, Озерное III, Красная Заря, Тас-Тепе, Вишневое, Суворово, Бельбек III, Красный Мак, Алмалык-Дере, Сувлу-Кая, Инкерманский, Чернореченский, Килен-Балка (Храпунов, 2017, с. 161).

ного керамического материала⁴. В качестве другого примера можно привести ранее неизвестное и недавно раскопанное поселение Фронтное II, расположенное в нетипичном месте (непосредственно на берегу реки) и представленное исключительно хозяйственными ямами, землянками и столбовыми конструкциями (при отсутствии каменных сооружений)⁵.

3. В данном аспекте показательна ситуация с некрополем Бельбек IV. Исследователи и издатели данного памятника считают его позднескифским, а поселение при нем — утраченным в результате современной антропогенной деятельности (Гущина, Журавлев, 2016, с. 117). С другой стороны, отсутствие сведений о таком поселении послужило поводом для отнесения памятника к крымскому варианту средне- и позднесарматской культур. Еще одним аргументом в пользу второй версии названо отсутствие грунтовых склепов-катакомб, несмотря на значительные исследованные площади (Храпунов, Стоянова, 2017, с. 167).

Очевидно, что рассуждения как об отсутствии, так и о наличии здесь поселенческой структуры в равной степени умозрительны и в качестве аргумента не подходят, а современная застройка прилегающей территории либо отодвигает решение этого вопроса на неопределенное время, либо делает его невозможным.

Что же касается отсутствия склепов на некрополе, то опубликованный план исследованных площадей (Гущина, Журавлев, 2016, табл. 2) показывает, что раскопано явно меньше половины объекта и нигде нет даже намека на его границы и уменьшение плотности могил. Обращение же к другому позднескифскому могильнику, раскопанному сплошной площадью — Битакскому — демонстрирует регулярное расположение более ранних склепов-ката-

комб только в одной, наиболее возвышенной части памятника (Пуздровский, 2001, рис. 1). Поэтому вопрос наличия или отсутствия здесь подобных погребальных конструкций также остается открытым.

4. Для некрополей Нейзац, Опушки, Красная Заря, Суворово, Чернореченский нижняя хронологическая граница определяется не позже, чем I в. н. э. Некоторые из них (Красная Заря, Суворово) существовали при позднескифских поселениях и городищах, которые прекратили свое существование около середины III в. н. э. Захоронения на некрополях при этом продолжались весь IV в. н. э., а возможно и до начала V в. н. э. (Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 23, 30).

5. Поселение Тас-Тепе и одноименный некрополь в целом синхронны и датируются II – IV вв. н. э. и III – IV вв. н. э. соответственно (Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 27).

6. Среди недавно открытых некрополей с захоронениями III – IV вв. н. э., рядом с которыми выявлены признаки поселенческих структур — Розенталь (Ароматное) (Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 173), Карасу-Баши, Отаркой (Чуркин, Шкрибляк, 2017, с. 266, 270), Фронтное III, Алексеевка.

7. Некрополь Кара-Тау при хронологических рамках II в. до н. э. – IV в. н. э. принадлежит синхронному городищу и поселению, где наибольшая интенсивность жизни приходится именно на II – IV вв. н. э. (Зайцев, Шкрибляк, 2017, с. 147).

8. Еще один важный момент — соотношение позднескифского поселения Барбановская Балка (I-?) II – IV вв. н. э. и расположенного рядом (200 м) синхронного некрополя Нейзац, которое исследователь обоих объектов называет трудно разрешимой проблемой (Храпунов, 2016б, с. 37). В качестве основного аргумента «против»

⁴ Такая же картина прослежена и в отношении некрополя позднеллинистического времени Дмитрово, состоящего из коллективных грунтовых склепов-катакомб (разведки А.Е. Пуздровского и автора 1987 г.). Несмотря на отсутствие явных признаков поселения, в отношении культурной принадлежности этого памятника, кажется, сомнений не возникает.

⁵ Раскопки О. В. Шарова 2017 г.

упомянут комплекс лепной керамики из могильника (более 1000 сосудов), принадлежащий к «иной культурной традиции» (Храпунов, 2016б, с. 37, 38).

Несмотря на отсутствие уточняющей информации рискну предположить⁶, что большая часть упомянутых сосудов имеет характерное качественное лощение и происходит из захоронений IV в. н. э. В захоронениях же (I-?) II – III вв. н. э. лепные формы встречаются значительно реже и в целом аналогичны находкам из «позднескифских» некрополей Крыма.

Другими словами, весьма вероятно, что ситуация с Нейзацким могильником сопоставима с картиной на некоторых других памятниках (Суворово/Вишневое, Красная Заря, возможно Опушки и Алексеевка), когда позднескифский комплекс «городище, поселение, некрополь» существовал до III в. н. э., после чего захоронения на некрополе совершались еще более столетия. Другой пример — комплекс Кара-Тай, вместе с Барабановской Балкой «переживший эпоху готских войн» (Храпунов, 2016б, с. 38). Детальное изучение исторической топографии подобных сложных объектов могло бы уточнить динамику развития их территории в различные хронологические периоды (Храпунов, 2016б, с. 38).

Вывод. Вся информационная база, которой мы располагаем на сегодняшний день, позволяет считать все известные некрополи Предгорного и Юго-Западного Крыма условно позднескифскими. До середины III в. н. э. они существуют при поселенческих структурах различных типов. В более позднее время — до конца IV или начала V вв. н. э. — жизнь на некоторых городищах и поселениях продолжается, некоторые же могильники продолжают активно функционировать при заброшенных поселениях. Последнее обстоятельство действительно не соответствует традиционной картине и приводит к необходимости новых исследований.

II. Подбойные могилы

В крымской археологии заметное место также занимает проблема происхождения и распространения подбойного обряда захоронения в грунтовых некрополях античного времени. Чаще всего подбойные могилы считаются признаком проникновения сарматов, их смешения с местным населением и распространения элементов сарматской культуры (Богданова, 1982, с. 32, 38; Высотская, 1972, с. 91; Гущина, 1974, с. 34).

Считается, что самые ранние сарматские подбойные могилы появляются в позднескифских некрополях в первой половине I в. н. э. Затем, в результате нескольких этапов (или волн) сарматских миграций происходило их массовое распространение, отражающее как смешение пришлого населения с местным (скифским), так и самостоятельное расселение мигрантов в Центральном и Юго-Западном Крыму (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 125; Храпунов, 2004, с. 128–130; Пуздровский, 2007, с. 48–50, 109; Храпунов, Стоянова, 2013, с. 193; Храпунов, 2016а, с. 122).

Необходимо отметить, что в свое время Т. Н. Высотская предостерегала от механического отождествления подбойных могил с сарматами. Исследовательница упоминала скифские подбойи IV – III вв. до н. э. и предлагала рассматривать неглубокие могилы с широкими камерами позднескифскими, а глубокие, с узкими входными ямами — сарматскими (Высотская, 1987, с. 57, 58). Сомнения в сарматской принадлежности ранних подбойных могил высказывались также авторами публикации грунтового некрополя Кара-Тобе (Внуков, Лагутин, 2001, с. 120).

Альтернативная точка зрения предлагала рассматривать подбойные захоронения крымских некрополей как продукт местной варварской среды, результат трансформации грунтовых склепов-катакомб в сочетании с распространением одиночного обряда погребения в I в. до н. э. – I в. н. э.

⁶ На основании материалов раскопок других подобных некрополей.

(Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 188). В этом же ключе можно привести высказывание О. Д. Дашевской о том, что подбойные могилы Беляуса не имеют выраженных этнических признаков, являясь простейшей формой погребального сооружения, бытовавшего у многих народов. Для самих же сарматов форма подбойной могилы не была типичной, а бытовала наряду с другими (Дашевская, 2014, с. 82).

Правомерность утверждения О. Д. Дашевской подтверждает и краткий анализ ситуации на сопредельных территориях.

Так, на Нижнем Дону в раннесарматское время подбои были распространены вместе с простыми грунтовыми могилами и могилами с заплечиками (Глебов, 2004, с. 127). В среднесарматское время (не позднее конца I в. до н. э.) одним из основных типов здесь становится квадратная или широкая прямоугольная яма с диагональным размещением погребенного, при сохранении узких грунтовых могил и подбоев (Глебов, 2004, с. 129).

Согласно исследованиям М. Г. Мошковой, среди среднесарматских памятников Южного Приуралья подбойные могилы почти полностью исчезают и составляют 2,8 % или 3 случая. В это же время на Нижнем Дону их насчитывается 36 %, в Заволжье – 14,1 %, а на правом берегу нижней Волги – 14,5 % (Мошкова, 2004, с. 23, 24, табл. 1). Со второй пол II в. н. э., когда происходит смена среднесарматского на позднесарматский археологический комплекс, на территории Южного Приуралья происходит резкое увеличение количества подбойных захоронений — до 37,1 % (Мошкова, 2004, с. 33).

В Северном Причерноморье в раннесарматское время абсолютно преобладают прямоугольные или близкие им по форме простые грунтовые могилы (Симоненко, 2004, с. 135). В среднесарматский период на этой территории доминируют прямоугольные в плане простые грунтовые могилы — от 54 до 88 % по регионам, но при

этом увеличивается количество камерных могил (катакомбы и подбои) (Симоненко, 2004, с. 140, 141).

В позднесарматский период в Северном Причерноморье могилы с подбоем имеют высокий удельный вес — от 25 до 50 %, большинство их концентрируется на западе — в Поднестровье – Подунавье (Симоненко, 2004, с. 150).

Таким образом, ситуация с подбойными захоронениями на «материковых» сарматских территориях не дает оснований считать этот тип погребального сооружения в Крыму однозначно сарматским.

В развитие альтернативной, уже упомянутой версии приведу несколько новых доводов:

1. Список наиболее ранних крымских подбойных могил может быть дополнен новым памятником — курганом Сары-Су I (Белогорский р-н, раскопки 2017 г.). Здесь было обнаружено восемь погребений скифской культуры, из которых одно (в склепе) располагалось по центру, а остальные — подбойные — располагались по кругу. Предварительная датировка склепа и окружающих погребений — IV в. до н. э. (Шульга, Колтухов, Рукавишников и др., 2018, с. 426–428, рис 14).

2. Ранняя «позднескифская» (следуя терминологии Т. Н. Высотской) группа подбойных захоронений также может быть значительно расширена за счет новых публикаций и недавних раскопок. Отличительной их чертой являются широкие камеры и входные ямы, а также периодически встречаемое многоярусное расположение 3-х и более погребений в одном подбое.

Если говорить о хронологических рамках этой группы, то нет достаточных оснований ограничивать их бытование только первой половиной I в. н. э. (Храпунов, Мяскин, Мульд, 1997, с. 124, 125; Внуков, Лагутин, 2001, с. 119). Находки в этих захоронениях раннего варианта фибул типа «Алезия» (Мяскин, 2011, с. 167), а также краснолаковых и гончарных сосудов, аналогичных

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 1. Усть-Альминский некрополь, могила № 38/2018 (1168):
1–3 — этапы расчистки заклада, 4–8 — этапы поярусной расчистки погребений

экземплярам из раскопок «Усадьбы Хрисалиска» (Сокольский, 1976, рис. 48, 2–4; 50, 1–4, 13; 53, 2–4, 6, 11; 54, 1, 6–8) позволяют понизить их нижнюю хронологическую границу до второй половины или последней трети I в. до н. э.

При этом важно подчеркнуть, что именно в это время начинается постепенное угасание обряда коллективных захоронений в грунтовых склепах-катакомбах; в последующий период он сохраняется только в некоторых некрополях (Неаполь Скифский, Усть-Альма, Опушки).

Дополненный список подбойных могил ранней группы теперь выглядит так:

Усть-Альминский некрополь. Могилы №№ 371 (раскопки А. Е. Пуздровского 1993 г., не опубликована), 469 (Пуздровский, 2007, рис. 7; Труфанов, 2009, с. 306, рис. 82, 2, 3), 580 (Пуздровский, 2007, рис. 69; Труфанов, 2009, с. 311), 855 (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 204–207, рис. 65, 66), 918 (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 66–68, рис. 277–280.), 1026 (Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 58, рис. 116), № 38/2018 (1168) (раскопки Ю. П. Зайцева и И. И. Шкрибляк). Последний комплекс примечателен тем, что содержал рекордное для подбойных могил количество погребений — 9, расположенных в 5 (!) ярусах, причем часть костяков оказалась смещена и сдвинута к дальней стенке камеры (рис. 1). Другими словами, здесь представлен выразительный пример реализации традиционной идеи многократных коллективных захоронений в погребальном сооружении нового типа (могила с подбоем).

Некрополь Кольчугино. Могилы №№ 5, 6, 8, 12, 13, 14 (Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 80–88).

Некрополь Кара-Тобе. Могила № 11 (Внуков, Лагутин, 2001, с. 107–109).

Некрополь Беляуса. 92 могилы, из них 6 с погребениями взрослых, остальные детские (Дашевская, 2014, с. 82).

Курган к северу от с. Некрасовка. Бахчисарайский р-н, охранные раскопки В. И. Хоменко и И. И. Лободы, 1984 г. Курганная насыпь была сооружена в эпоху бронзы над основным погребением ямной культуры. Впоследствии в нее были впущены 11 одиночных погребений, сконцентрированных в основном в юго-восточной поле. Из них шесть оказались подбойными могилами с каменными закладами, тип остальных был предположительно определен как простые грунтовые. Инвентарь, среди которого следует упомянуть выразительный пергамский краснолаковый кубок и фибулу типа Алезия, позволяет предварительно отнести данный курган-кладбище ко второй половине I в. до н. э. — рубежу эр⁷.

Некрополь Опушки (по опубликованным данным). Могилы №№ 31 (Стоянова, 2012, с. 23, рис. 31), 57 (Стоянова, 2012, с. 43–48, рис. 42, 43).

Вывод. Представленные материалы и наблюдения позволяют утверждать, что нет оснований считать подбойный обряд захоронений в грунтовых некрополях Предгорного, Северо-Западного и Юго-Западного Крыма сарматским, особенно в I в. до н. э. — I в. н. э. Новые данные свидетельствуют в пользу гипотезы о развитии этой формы погребального сооружения в процессе эволюции «позднескифского» погребального обряда в позднеэллинистическое — раннеримское время. В то же время нельзя отрицать и участие сарматского компонента в формировании данного типа крымских захоронений, особенно в II – III вв. н. э.

III. Погребения в колодах

Среди сарматских признаков погребального обряда в грунтовых некрополях Крыма или как признак усиления влияния сарматской культуры периодически упоминаются захоронения в колодах (Гущина, 1974, с. 34, 44; Богданова, 1982, с. 34; Высотская, 1972, с. 93, 94; 1987, с. 60, 61).

⁷ Приношу благодарность И. И. Лободе и И. И. Неневоле за предоставленную информацию и возможность ознакомиться с материалами раскопок.

Согласно выводам А. Е. Пуздровского, увеличение в первые века н. э. захоронений в колодах свидетельствует о нарастании влияния сарматской культуры в Крыму. По его заключению, погребения в колодах характерны для Юго-Западного Крыма, а в III – IV вв. н. э. они становятся доминирующими для всего Крыма (Пуздровский, 2007, с. 116–117).

Выборочный анализ данных по степным сарматским территориям показал, что обряд погребения в колодах на самом деле не получил здесь сколько-нибудь широкого распространения (Абрамова, 1959, с. 55; Симоненко, Лобай, 1991 с. 37, 38; Симоненко, 2004, с. 135). В сводном труде «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» при описании ранне- и поздне-сарматской культур колоды не упоминаются совсем, а в отношении среднесарматской отмечено буквально следующее: «Иногда покойников хоронили в дощатых гробах, и чрезвычайно редко – в долбленых колодах» (Степи..., 1989, с. 179). Среди учтенных 119 сарматских погребений Северо-Западного Причерноморья колоды прослежены только в трех случаях (Дзиговский, 1982, с. 85).

В Крыму колода как вместилище покойного известна с раннего этапа позднескифской культуры — в грунтовых склепах-катакомбах (II – I вв. до н. э., некрополь Неаполя Скифского и Ак-Кая/Вишенное) (Сымонович, 1983, с. 43; Зайцев, 2018, с. 297). Для I в. н. э. такие случаи многократно зафиксированы в Восточном некрополе Неаполя Скифского и Усть-Альминском некрополе (Пуздровский, 2007, с. 116), со II в. н. э. эту черту обряда можно назвать распространенной, а в III, и особенно, в IV вв. н. э. — повсеместной.

Также очевидно, что для изготовления погребальных колод, помимо прочего, требовались немалые запасы исходного материала — лесные массивы с деревьями соответствующих габаритов. География же распределения крымских варварских некрополей (особенно поздней группы) — долины рек, склоны горных массивов и яйл — вполне соответствует этому критерию.

Вывод. На фоне отдельных и весьма отдаленных географически сарматских аналогий более вероятно, что данный элемент погребального обряда имеет местное происхождение, и с течением времени трансформировался от «элитного» воинского сословия (II – I вв. до н. э. – I в. н. э.) к рядовому или «среднему» классу (II – IV вв. н. э.).

IV. Зеркала-подвески

Среди признаков «сарматизации» Крыма также часто называются зеркала-подвески (Гущина, 1982, с. 24, 25) или зеркала с боковой ручкой, обозначенные как элемент среднесарматской (зеркала с валиком и коническим выступом) (Храпунов, 2004, с. 135) и позднесарматской археологических культур. А. М. Хазанов обозначил их как тип IX и разделил на два варианта. Зеркала с валиком по краю и центральным коническим выступом он отнес к I – II вв. н. э., а более тонкие орнаментированные к II – III вв. н. э. (Хазанов, 1963, с. 65–67).

По предположению А. Е. Пуздровского, эти предметы распространялись вместе с населением среднесарматской культуры со второй половины I в. н. э. и свидетельствуют о значительном контингенте сарматов в Юго-Западном и Центральном Крыму. При этом местом их производства он считал Северный Кавказ, откуда через Прикубанье вместе с сарматами они попадали в Крым и Северное Причерноморье (Пуздровский, 2007, с. 152–154).

Между тем, две недавние специальные работы по данной теме дают повод для сомнений в правомерности столь однозначного вывода. Так, после подробного анализа многочисленных крымских находок, А. А. Труфанов приходит к нескольким важным выводам:

— «Орнаментированные зеркала-подвески Поволжья, Северного Кавказа и Северо-Западного Причерноморья отличаются от крымских находок орнаментальными и формальными особенностями. ...Напротив, зеркала из погребений Крымской Скифии

находят многочисленные аналогии среди памятников Керченского полуострова и Нижнего Дона, что позволяет очертить ареал их распространения» (Труфанов, 2007, с. 180);

— ряд находок происходит из некропелей античных городов Северного Причерноморья, что автор исследования склонен объяснять влиянием моды, а не повсеместным расселением сарматов в античных городах (Труфанов, 2007, с. 180);

— «...наиболее ранними зеркалами-подвесками для Крыма являются изделия ... появившиеся здесь где-то в рамках I в. н. э. (скорее всего, ближе к середине века)» (Труфанов, 2007, с. 180);

— «Орнаментированные зеркала-подвески поздних вариантов начинают попадать в погребения Крымской Скифии в первой половине II в. н. э. и продолжают встречаться вплоть до конца III в. н. э.», тогда как в Поволжье и Приуралье такие зеркала появляются лишь с начала II в. н. э., а широкое употребление получают с середины столетия... Следовательно, именно в Северном Причерноморье следует видеть район, где сформировались зеркала нового варианта — орнаментированные» (Труфанов, 2007, с. 180).

Близкие выводы совсем недавно были сформулированы еще в одной работе, посвященной хронологическому анализу зеркал-подвесок из меотских памятников Прикубанья (Лимберис, Марченко, 2018).

Самые ранние зеркала-подвески с хорошо выраженным коническим выступом и рельефным орнаментом отнесены здесь

к первой половине I в. н. э.; в течение второй половины I – первой половины II в. н. э. их морфология и орнамент эволюционируют, а количество возрастает (Лимберис, Марченко, 2018, с. 215, 216). Ранее (по отношению к сарматским культурам) появление орнаментированных зеркал-подвесок в меотских памятниках авторы склонны объяснять их северокавказским происхождением (Лимберис, Марченко, 2018, с. 216).

Вывод. В оседлых культурах предгорных зон Крыма и Кавказа зеркал-подвесок встречено многократно больше, вариативность их заметно выше и, главное, появляются они здесь заметно раньше, чем на степных территориях. Все эти факторы, очевидно, должны указывать на соответствующие происхождение и культурную принадлежность феномена зеркал-подвесок в Северном Причерноморье.

Заключение

Представленный выборочный анализ элементов погребального обряда, категорий инвентаря и общей ситуации с некрополями Предгорного и Западного Крыма в раннем железном веке позволяет считать преждевременными утверждения о высокой степени их сарматизации и о значительных контингентах пришельцев-сармат, заселивших данные территории. Многие инновации, вероятно, могли быть результатом эволюции местных погребальных, производственных и других традиций, естественно во взаимодействии с соседними народами и культурами.

Литература

- Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н. э. // СА. 1959. № 1. С. 52–71.
- Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. Д. Л. Талис. М.: ГИМ, 1982. С. 31–39. (Труды ГИМ. Вып. 54).
- Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в северо-западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Под общ. ред. И. И. Гущиной, Д. В. Журавлева. М.: ГИМ, 2001. С. 96–121. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 193 с.
- Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н. э. – VII в. н. э. / Отв. ред. Т. Н. Высотская. Киев: Наукова думка, 1987. С. 40–67.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 111 с.
- Глебов В. П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 127–133.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: б. и., 1974. С. 32–64.
- Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. Д. Л. Талис. М.: ГИМ, 1982. С. 20–30. (Труды ГИМ. Вып. 54).
- Гущина, И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч. 1. – 272 с.; Ч. 2. – 320 с.
- Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. 284 с.
- Дзиговский А. Н. Сарматские памятники степей Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка, 1982. С. 83–92.
- Зайцев Ю. П. Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму // Древности. Исследования и проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Под. ред. В. С. Синики, Р. А. Рабиновича. Кишинев; Тирасполь: Г. П. ИПФ «Центральная типография», 2018. С. 289–318.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. – 1 в. н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 174–227.
- Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма. (Первые результаты исследований) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 139–153.

- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология орнаментированных зеркал-подвесок с боковой ручкой из меотских могильников правобережья Кубани // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 201–219.
- Масякин В. В. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // *Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции* / Под. ред. М. Ю. Вахтиной, Е. В. Грицик, Н. К. Жижинной, С. В. Иванова, В. Ю. Зуева, С. В. Кашаева, О. Ю. Соколовой, В. А. Хршановского. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 166–174.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963. 56 с. (САИ. Вып. Д1–10).
- Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники Южного Приуралья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 22–40.
- Пуздровский А. Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // *Поздние скифы Крыма* / Под общ. ред. И. И. Гущиной, Д. В. Журавлева. М.: ГИМ, 2001. С. 122–140. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия. II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 – 2007 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2017а. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000 – 2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017б. 300 с.
- Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»* / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: КубГУ, 2004. С. 134–173.
- Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетейя, 2015. 449 с.
- Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976. 128 с.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. 464 с.
- Стоянова А. А. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003 – 2009 гг.). Симферополь: Доля, 2012. 100 с.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
- Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // *Древняя Таврика* / Под общ. Ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А. А. // *Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э.* // *Stratum plus*. 2018. № 4. С. 117–328.
- Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // *СА*. 1963. № 4. С. 58–71.

- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2004. 240 с. (Боспорские исследования. Вып. VI).
- Храпунов И. Н. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. I / Ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. С. 188–217.
- Храпунов И. Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 1. С. 216–240.
- Храпунов И. Н. Население Горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016а. № 1. С. 118–134.
- Храпунов И. Н. Поселение в Барабановской балке (II – IV вв. н. э.). Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016б. 164 с.
- Храпунов И. Н. Археологическая культура позднеримского времени в предгорном Крыму // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы IV научной конференции «Археологические источники и культурогенез» / Под ред. В. Ю. Зуева. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 161, 162.
- Храпунов И. Н., Масыкин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1 / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1997. С. 76–155.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Сборник статей к 60-летию А. Н. Дзиговского. Киев: Видавель Олег Філюк, 2013. С. 184–207.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 176–198.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Рец.: И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму в 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. // НАВ. 2017. Т. 16, № 1. С. 162–168.
- Чуркин А. С., Шкрибляк И. И. Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму // Stratum plus. 2017. № 4. С. 265–294.
- Шульга П. И., Колтухов С. Г., Рукавишникова И. В., Ермолин С. А., Выборнов А. В. Погребальные комплексы в Предгорном Крыму (Республика Крым) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Том 25 / Под общ. ред. А. В. Энговатовой. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 422–435.

Yurii Zaitsev

Several Aspects of the “Sarmatization” of the Crimea in the Early Iron Age

Abstract

Regarding the barbarian cemeteries in the foothill area and the south-west of the Crimea, there is a popular interpretation that they were highly Sarmatized and, partially, belonged to the Middle and Late Sarmatian archaeological culture. This research supplies a critical analysis of the four features considered to be Sarmatian: the “cemeteries without settlements,” undercut graves, tree-trunk burials, and pendant mirrors. The conclusion is that the rite of undercut graves and tree-trunk burials is most probably of local origin, and the pendant mirrors appeared in the Crimea and Sub-Caucasia earlier than in the Sarmatian territories and in other variety. From the analysis of the situation with cemeteries, there are reasons to support their former interpretation as Late Scythian, however the latest specific stage dating to the fourth century AD has been determined.

Ю. П. Зайцев

Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке

Резюме

В отношении варварских некрополей Предгорного и Юго-Западного Крыма распространенным является мнение об их значительной сарматизации и принадлежности определенной их части к средне- и позднесарматской археологической культуре. В данной работе критически проанализированы четыре признака, которые считаются сарматскими: «некрополи без поселений», подбойные могилы, погребения в колодах и зеркала-подвески.

Сделаны выводы о том, что для обряда использования подбойных могил и погребений в колодах более вероятно местное происхождение, а зеркала-подвески появились в Крыму и Предкавказье раньше, чем на сарматских территориях и в другом ассортименте. Анализ ситуации с некрополями позволил по-прежнему относить их к позднескифским, но с выделением позднейшего специфического этапа IV в. н. э.

С. Э. Зубов, Р. С. Багаутдинов

Новые материалы позднесарматского времени в Самарском Заволжье (курганный могильник Конезавод I)

Ключевые слова: археология, курганный могильник, погребальный комплекс, хронология, позднесарматская культура

Keywords: *Alans, campsite, antiquity, first centuries AD, pottery, silica sand*

В 1997 году археологическим отрядом Самарского государственного университета под руководством авторов настоящей публикации был исследован курганный могильник Конезавод I, находящийся в Красноярском районе Самарской области на территории Заволжья.

Могильник расположен в 3,5 км к юго-западу от с. Лопатино, в 3 км к северо-северо-востоку от с. Конезавод, в 3,2 км к юго-востоку от с. Грачевка, в 0,5 км к северу от асфальто-бетонного завода (АБЗ), на коренной террасе левого берега р. Сок.

Могильник состоял из 13 курганных насыпей, расположенных на вершине и пологих склонах холма. Часть курганов распахивалась. Визуально могильник делится на две группы курганов, одна из которых (запад-

ная) вытянута по линии запад-восток, другая (восточная) — по линии север-юг.

Памятник обнаружен в 1928 году В. В. Гольмстен. Повторно он был обследован отрядом Средневожской археологической экспедиции под руководством Г. И. Матвеевой в 1971 году во время разведочного (автомобильного) маршрута Сергиевск — Куйбышев и введен в научный оборот под названием «I курганный могильник у конезавода» (Матвеева, 1976, с. 21). В 1992 году могильник обследовался П. Ф. Кузнецовым. В 2012 г. памятник обследовался А. А. Шалапининым, который дал ему новое название — курганный могильник Мартышенка I и ввел новую нумерацию курганов. В 2017 г. Н. В. Костин проводил работы на памятнике с целью

определения охранной зоны могильника. В его работе нумерация курганов была дана по А. А. Шалапину.

В 1997 году были исследованы три кургана — №№ 4, 7, 9.

Курган № 4 располагался в юго-восточной части могильника и относился к эпохе бронзы.

Курган № 7 располагался в западной части могильника, на задернованном участке. Высота кургана 0,4 м, диаметр 12 м (рис. 1, 1).

В северной части насыпи была выявлена наброска из известняковых камней, на которой компактно располагались части

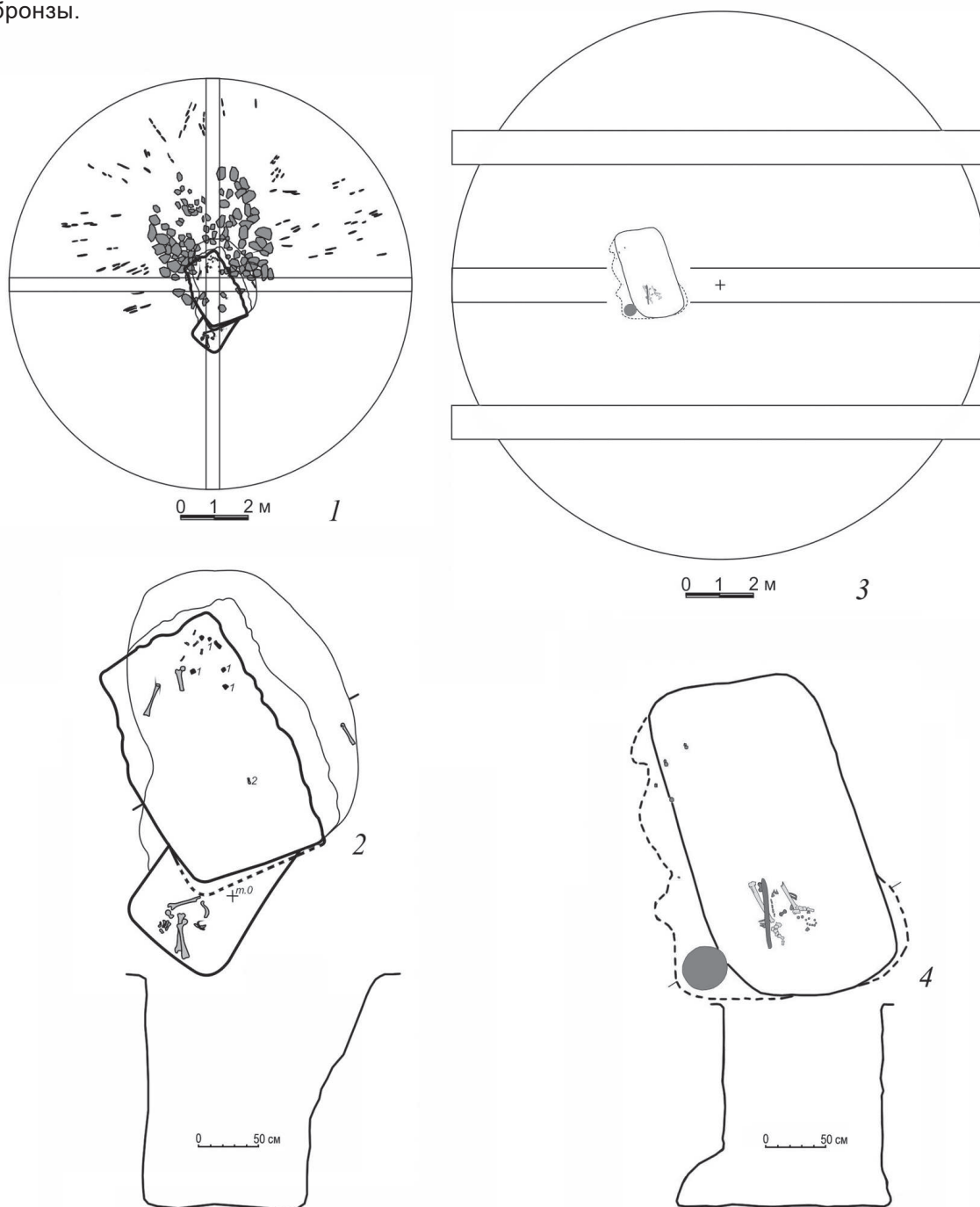

Рис. 1. Курганный могильник Конезавод I: 1 — план кургана 7; 2 — план погребения 1 кургана 7; 3 — план кургана 9; 4 — план погребения 1 кургана 9

туш двух быков и лошади без голов. Лошадь взрослая, выше среднего роста (в холке 144–152 см), была положена задняя часть грудного отдела, весь позвоночник, полностью левая передняя нога и дистальная часть правой передней ноги (метаподия и фаланги), задние ноги. Один из быков в возрасте около 2 лет был положен полностью, отсутствовали только голова с первыми двумя шейными позвонками. Вторая туша быка (возраст 4–5 лет) была без шеи и поясницы с тазом (определение П. А. Косинцева, г. Екатеринбург).

Под камнями была выявлена впускная могильная яма, практически полностью уничтожившая более древнее основное захоронение, в котором были обнаружены разрозненные кости человека. В свою очередь, более поздняя могила была также ограблена.

Могильная яма, подпрямоугольной формы размерами 2,15x1,35 м, ориентированная длинной осью по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток, глубиной 1,8–1,82 м от материка (примерно 2,5 м от современной поверхности). От костяка сохранились лучевая кость левой руки, большая берцовая и фрагмент бедренной кости, мелкие разрозненные косточки очень плохой сохранности (рис. 1, 2). Из погребального инвентаря были выявлены фрагменты гончарной керамики оранжевого цвета и фрагменты бронзовой уплощенной проволоки. В одном случае эта проволока была закручена в несколько витков вокруг деревянной основы. Причем конец проволоки закреплен в этой основе (остатки нагайки?) (рис. 3, 24–25).

Курган № 9 был расположен на западной окраине могильника, на задернованном участке. Высота кургана 0,5 м, диаметр 16 м (рис. 1, 3). В насыпи встречались известняковые камни. В центральной части кургана, в 1 м к западу от центрального репера (точка 0) обнаружена подпрямоугольная могильная яма размерами 2,66x1,44 м, ориентированная длинной осью по линии

северо-северо-запад — юго-юго-восток. Глубина достигала 1,6 м от материка. Погребение практически полностью разрушено грабителями и норами сурков. Вдоль всей западной стенки обнаружена ниша глубиной до 0,45 м. Не исключено, что изначально могила представляла собой подбойную конструкцию, камера была устроена в западной стенке входной ямы (рис. 1, 4).

В южной части могильной ямы, на дне были обнаружены *in situ* берцовые кости и стопы человека. Судя по ним, погребенный был уложен на спине и ориентирован головой на северо-северо-запад.

Из вещевого инвентаря в северной части могилы были найдены бронзовая обкладка венчика деревянного сосуда (рис. 3, 20), две круглые бронзовые пряжки с круглыми щитками (рис. 2, 8, 9), бронзовая пряжка подквадратной формы без щитка (рис. 2, 11) и круглая бляха, закрепленная тремя бронзовыми шпеньками к кожаной основе. Кожа двухслойная, прошита правильными рядами стежков двойной нитью (рис. 2, 3). В центральной части могилы найден крупный фрагмент кругового сосуда оранжевого цвета, аналогичный фрагментам керамики из погребения 1 кургана 7.

В нише юго-западной части могилы, на дне был обнаружен бронзовый котелок, перевернутый вверх дном (рис. 3, 22). Котелок с прямым, вертикальным, незначительно расширяющимся кверху венчиком, выделенными плечиками, стенки прямые, расширяющиеся ко дну, дно выпуклое и закругленное. В трех местах сохранились остатки бронзовых заплаток, приклепанных с помощью прямоугольных бронзовых скрепок (одна заплатка целиком на 7 скрепках), две фрагментарно). Железная ручка для подвешивания котелка крепилась с противоположных сторон венчика двумя бронзовыми клепками с каждой стороны.

Все остальные вещи были найдены в районе костей ног погребенного. В районе правой стопы найдены три бусины из небольших веточек мадрепорового

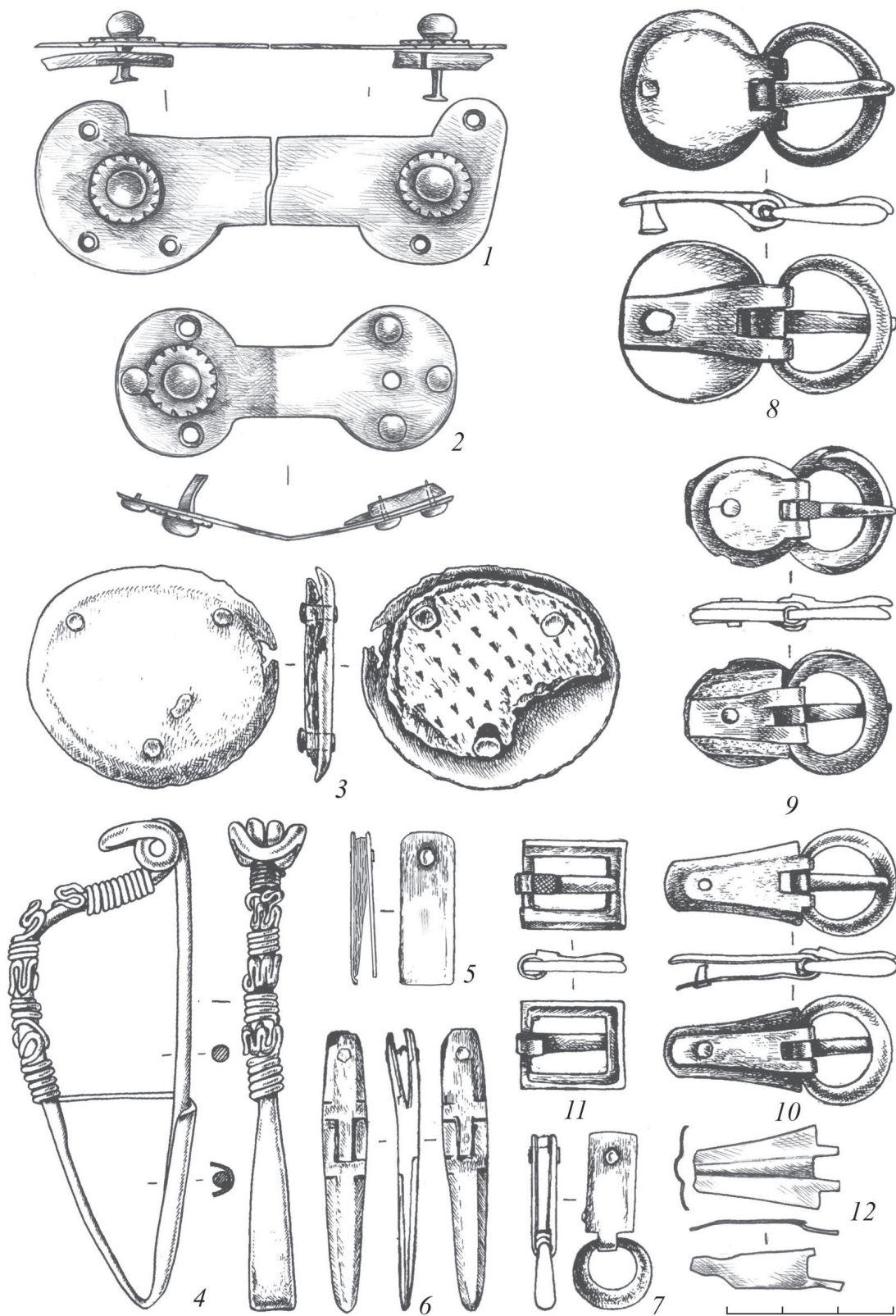

Рис. 2. Курганный могильник Конезавод I, курган 9, погребение 1: 1, 2 — детали ножен; 3 — бронзовая поясная накладка; 4 — фибула бронзовая; 5 — бронзовая обжимная накладка со шпеньком; 6 — бронзовый наконечник ремня; 7 — бронзовая обжимная накладка со шпеньком и кольцевой подвеской; 8–11 — бронзовые пряжки; 12 — фрагменты бронзового щитка пряжки

коралла белого цвета (рис. 3, 8–10), 10 хрустальных бусин (рис. 3, 1–7), 4 полихромные бусины из белой и зеленой стеклянной пасты, изготовленные навивкой. Две из них круглые (рис. 3, 13, 14), две другие — в форме параллелепипеда со сглаженными гранями и центральным отверстием по длинной стороне (рис. 3, 11, 12). Рядом с бусинами обнаружен кусочек черного смолистого вещества. У левой голени найдена бронзовая лучковая одночленная фибула (рис. 2, 4) с фигурной обмоткой спинки.

На правой голени лежал крупный каменный оселок серого цвета, подквадратный в сечении, сужающийся к концам (рис. 3, 23). Его длина 61,5 см. В средней части оселок сильно сточен.

Под оселком найдена бронзовая пряжка с обоймой, без язычка (рис. 2, 7). Рамка пряжки овальной формы сделана из округлого в сечении прута. Между пластинами обоймы, скрепленными бронзовым штифтом, сохранился фрагмент кожи. Там же найдены два фрагмента щитка пряжки вытянуто-трапециевидной формы с ребром жесткости на лицевой части (рис. 2, 12), бронзовый наконечник ремня узкой листовидной формы (рис. 2, 6). Основание наконечника раздваивается на две пластины, между которыми сохранился фрагмент кожи, скрепленный штифтом.

Между берцовыми костями были обнаружены четыре бронзовых подвески-колокольчика с плоскими ушками (рис. 3, 15–17, 19). Здесь же расчищены фрагменты плохо сохранившегося железного изделия (нож, кинжал?) (рис. 3, 21), который был ограничен бронзовыми фигурными накладками (рис. 2, 1, 2), связываемыми нами с украшениями ножен. С внутренней стороны накладок в местах крепления штифтов сохранились фрагменты кожи и дерева. На дереве местами фиксировался слой красной краски; кожа двухслойная, со следами стежков.

К сожалению, полностью разрушенный комплекс погребения 1 из кургана 7 могильника Конезавод I не позволяет сделать

однозначный вывод о его хронологических рамках и этнокультурной принадлежности. Форма и ориентировка могильной ямы в комплексе с круговой керамикой, близкой среднеазиатским аналогам и близость исследованного кургана 9 с позднесарматским комплексам предполагает соотнести курган 7 с позднесарматскими древностями. Аналогии погребальной обрядности с выкладкой туш лошади и быков на каменной наброске нам неизвестны.

Анализ погребального инвентаря позволяет достаточно четко выявить хронологическую позицию погребения 9 могильника Конезавод I.

Фибула относится к 4 варианту одночленных лучковых подвязных по А. К. Амброзу (Амброз, 1966, с. 51, № 44, табл. 9, 12). Наличие фигурной обмотки на спинке позволяет отнести данную застёжку к концу II – первой половине III вв. н. э. (Скрипкин, 1977, с. 102, 107; Кривошеев, 2005, с. 146; Кропотов, 2010, с. 80). В. Ю. Малашев, отмечая стилистическую близость набора предметов из погребения кургана 9 могильника Конезавод I позднесарматским комплексам из Центрального VI (к. 16, п. 8), Камышевского I (к. 8), Валового (к. 25) и других из выделенной им группы IIa (первая половина III в. н. э.), указывает также на признаки язычков пряжек, которые связывают рассматриваемый комплекс и с группой IIb (вторая половина III в. н. э.) (Малашев, 2000, с. 200, 201).

Важны в хронологическом отношении и наконечники ремней. Наличие фасетировки, неизвестной во II в. н. э., позволяет рассматривать первую половину III века временем бытования таких наконечников. Вторая половина III века характеризуется исчезновением таких наконечников, а в комплексах конца III – IV века исследователи отмечают совсем другие преобладающие формы (Безуглов, 1988, с. 111). Эти наблюдения хронологического порядка были убедительно аргументированы В. Ю. Малашевым (Малашев, 2000).

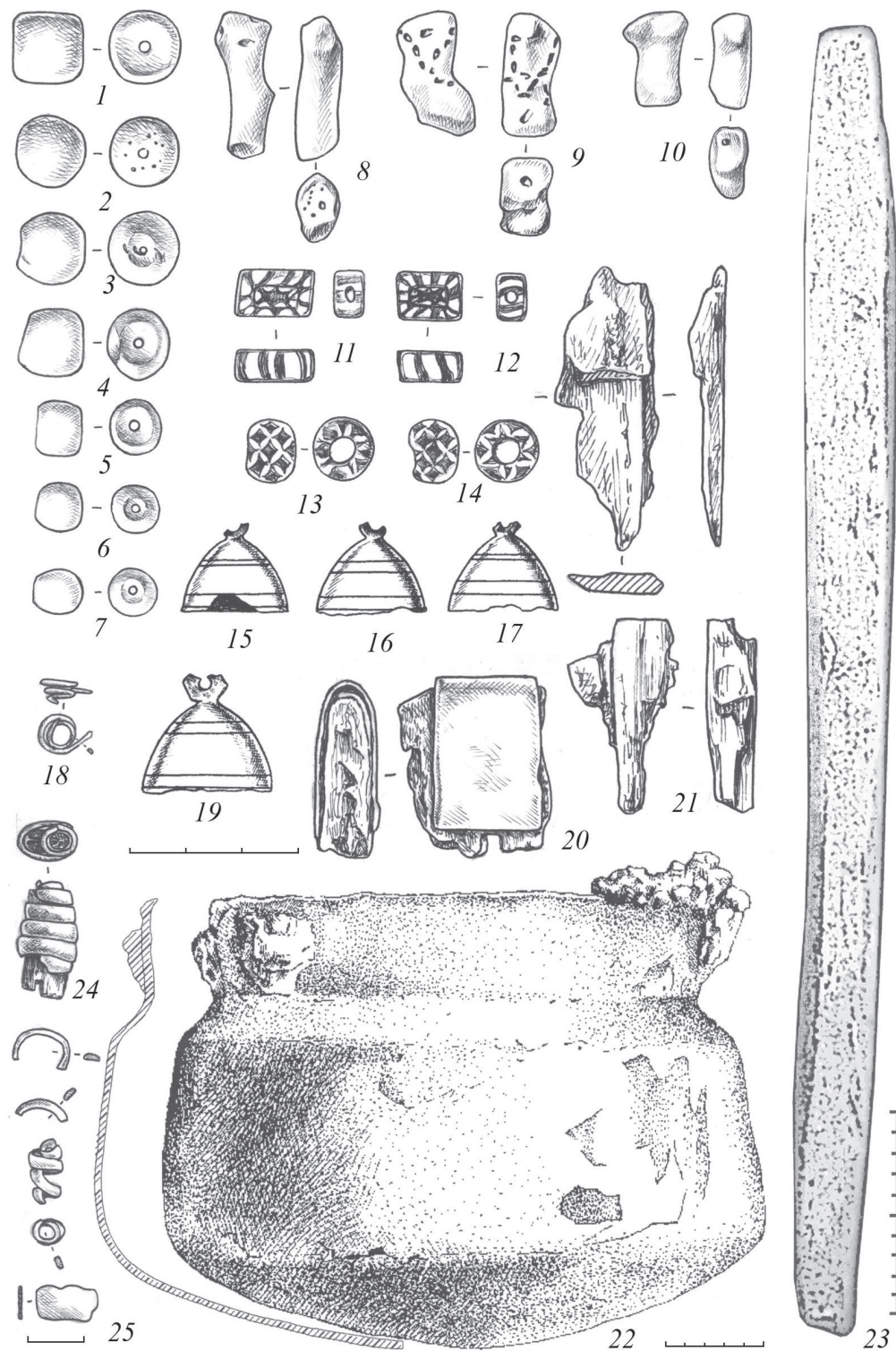

Рис. 3. Курганный могильник Конезавод I, курган 9, погребение 1: 1–7 — хрустальные бусины; 8–10 — бусины из коралла; 11–14 — пастовые бусины; 15–17, 19 — бронзовые колокольчики; 18 — фрагмент бронзовой спиральновитой проволоки; 20 — бронзовая обкладка верху деревянной чаши; 21 — фрагменты железного ножа (кинжала?); 22 — бронзовый котелок с железной дужкой; 23 — каменный оселок. Курган 7, погребение 1: 24 — фрагменты бронзовой спиральновитой оплетки; 25 — фрагмент бронзовой пластинки

Таким образом, по форме могильной ямы единственного погребения кургана 9 могильника Конезавод I и ориентировке погребенного, характерным особенностям портупейной и уздечной гарнитуры, фибуле, каменному оселку и другим вещам этот комплекс можно отнести к позднесарматской культуре и датировать первой половиной III века н. э., при этом наиболее приемлемой датой для нас является середина III века.

Для территории Заволжья со ссылкой на самарских исследователей (Матвеева, 1980, с. 33–37; Древние культуры..., 2007, с. 194–198) А. С. Скрипкин указывал самые северные погребения позднесарматской культуры, известные в бассейне р. Самара (могильники Березняки, Виловатовский, Андреевский, Гвардейцы) (Скрипкин, 2017, с. 227). Могильник Конезавод I расположен еще севернее от указанных могильников (по прямой более 80 км на северо-запад), на левобережье реки Сок, за которой уже простираются широколиственные и хвойные леса.

Судя по обилию и богатству вещевого инвентаря, сохранившегося после ограбления могилы, захороненный человек был достаточно высокого ранга. На основании ряда признаков погребение из кургана 9 Конезавод I можно отнести к разряду позднесарматских элитных погребальных комплексов — дружинных всаднических захоронений (Безуглов, 1988, с. 112, 113; 2000, с. 180; Кривошеев, 2017). На это указывают оставшиеся от разграбления могилы вещи воинского, дружинного типа — бронзовый котелок, ременная гарнитура, крупный оселок, украшение ножен кинжала, крупная фибула. Несколько смущают находки, преимущественно характерные для женских погребений, — бронзовые колокольчики, бусы из стеклянной пасты, хрусталя и веточек кораллов. Хотя в некоторых мужских позднесарматских погребениях эти категории находок изредка встречаются. Так, на Нижнем Дону в воинском захоронении в кургане 10 могильника Высочино I серебряные колокольчики также были обнаружены между голенай погребенного, возле костей ног найдены бусы (Беспалый, Лукьяшко, 2008).

Литература

- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.). М.: Наука, 1966. 112 с. (САИ. Вып. Д1-30).
- Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. С. 103–115.
- Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 224 с.
- Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Учебное пособие по археологии Самарской области / Отв. ред. М. И. Турецкий. Самара: Изд-во: ОАО «Издательство «Самарский Дом печати», 2007. 416 с.
- Кривошеев М. В. Фибулы из сарматских комплексов второй половины II – первой половины III вв. н. э. в южной части Волго-Донского междуречья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2005. С. 144–147.
- Кривошеев М. В. Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II – IV в. н. э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 4. С. 17–27.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000.
- Матвеева Г. И. Итоги работ Средневолжской археологической экспедиции 1969 – 1974 годов // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Труды Средневолжской археологической экспедиции / Ред. И. С. Колышева. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1976. С. 5–73.
- Матвеева Г. И. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Учебное пособие. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1980. 94 с.
- Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.

Sergei Zubov, Riza Bagautdinov

**New Materials from the Late Sarmatian Period in the Samara Trans-Volga Area
(Barrow Cemetery of Konezavod I)**

Abstract

This paper publishes two Late Sarmatian assemblages investigated by the excavations of the barrow cemetery entitled Konezavod I in the Samara region. It should be mentioned that so far they are the northernmost graves of the Late Sarmatians in the Trans-Volga area. Despite these graves were ruined in antiquity, it is quite probable that the persons buried under the barrows had high social status since they possessed a multitude of rich and prestigious goods. From the chronological analysis of the artefacts discovered in the grave under barrow 9, there are reasons to date it to the mid-third century. Although rather modest volume of labour was contributed to the grave construction where the burial in question was made, it contained blade weapons and ornamented scabbard, rich bridle and sword belt sets, and imported ware; therefore, the buried person probably was a professional warrior of "prince's retinue." Although at the moment it would be quite difficult to evaluate the significance of the teams of professional warriors in the Late Sarmatian society, their graves occurred everywhere in the distribution area of this culture.

С. Э. Зубов, Р. С. Багаутдинов

**Новые материалы позднесарматского времени в Самарском Заволжье
(курганный могильник Конезавод I)**

Резюме

В статье публикуются два позднесарматских комплекса, исследованных в результате раскопок курганного могильника Конезавод I в Самарской области. Следует отметить, что на сегодняшний день это самые северные захоронения поздних сармат в Заволжье. Несмотря на разрушение могил в древности, можно говорить о высокой статусности захороненных под курганами людей на основе многообразия дорогих и престижных вещей. Анализ хронологической позиции найденных в погребении кургана 9 вещей позволяет датировать его серединой III века. Довольно скромный объем трудозатрат на сооружение погребальной конструкции этого захоронения, но с клинковым вооружением и украшенными ножами, богатыми уздечными и портупейными наборами, предметами импорта, позволяет отнести погребенного к участникам профессиональной воинской «дружины». Судить о значимости профессиональных воинских коллективов в позднесарматском обществе в настоящее время сложно, но погребения их представителей встречаются на всей территории распространения культуры.

Л. С. Ильюков

Позднесарматские погребения III – IV веков нашей эры из могильника «Московский I» из сальских степей

Ключевые слова: сарматы, подвеска, лунница

Keywords: sarmatians, suspension bracket, lunnitsa

Степи Нижнего Подонья в течение ряда столетий были хорошо освоены племенами сарматской культуры, оставившие многочисленные следы своего пребывания в этих краях. Их культура на позднем этапе существенно отличалась от раннесарматской степной культуры и тяготела к культуре ранних алан, распространенной на Северном Кавказе. Попытки сопоставить донские памятники с северокавказскими предпринимались неоднократно (Безуглов, 2008; Малашев, Габуев, 2009). В первые века нашей эры связующим звеном между народами Предкавказья и культурными центрами Северного Причерноморья были племена позднесарматской культуры. Многие материалы этой группы памятников до сих пор остаются не опубликованными.

В курганном могильнике «Московский I», расположенном на высокой террасе р. Сал

близ с. Московского в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 г. Мартыновский отряд археологической экспедиции Ростовского университета под руководством Л. С. Ильюкова исследовал группу позднесарматских курганов, в которой были обнаружены подвески-лунницы (Ильюков, 2018).

Курган 22. Высота 0,16 м, диаметр 14 м. Он был возведен над погребением в Г-образной катакомбе. Дно прямоугольного колодца, ориентированного длинной осью по линии север-юг, покато к северной стенке и обрывается вертикальной ступенью высотой 0,4 м, ведущей в овальную камеру, длинной осью ориентированную по линии восток-запад. Размеры колодца по верху 1,8 x 0,7 м, дну — 1,53 x 0,6 м. Размеры камеры 1,9 x 1,15 м. На дне ее, на подстилке коричневого тлена лежал скелет женщины

25 – 30 лет. Умершая была похоронена на спине вытянуто, головой ориентирована на восток. Ее руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога вытянута, левая согнута в колене. Погребенная лежала на правом боку. Череп искусственно деформирован¹.

На шее погребенной находилось ожерелье из четырех бронзовых проволочных деталей коромыслообразной формы с пружинками на концах. На каждый выступ этого украшения были нанизаны четырнадцатигранные бусины из сердолика (3 экз.) и коричнево-серого стекла (1 экз.). Эти детали перемежались серебряными лунницами с закрученными в спираль концами. Для их подвешивания приклепана петелька (рис. 1, 1). Детали украшения были нанизаны на тонкий кожаный шнурок. Под шеей находилась крупная дисковидная янтарная бусина, которая входила в состав ожерелья. Она являлась застежкой. Вдоль правой ключицы лежала серебряная лучковая двучленная фибула, у которой ось сделана из короткой железной проволочки. Иглой она ориентирована к ногам погребенной. Вторая фибула аналогичной формы, но меньших размеров, сделана из бронзы, она находилась вдоль правой плечевой кости, и была ориентирована острым концом иглы на северо-запад. Ее лопнувший пластинчатый приемник склепан заклепкой. У левого плеча лежало небольшое простое бронзовое зеркало-подвеска. Рядом с ним обнаружен игольник, выполненный из продольно согнутой серебряной пластинки, концы предмета окольцовывали два тонких валика. В нем находилась железная игла. Вдоль левой плечевой кости лежала железная фибула с узкой пластинчатой прогнутой спинкой и резко согнутой иглой. Эта фибула крепилась к узкому кожаному ремешку. К ее пластинчатому приемнику примыкала полуовальная бронзовая бляшка, которая крепилась миниатюрными бронзовыми гвоздиками к деревянной арочной скобе. На груди погребенной около железной фибулы обнаружена

бронзовая пряжка-сюльгама. У левого плеча погребенной стоял черно-серый кружальный горшок с коротким отогнутым горлом, округлыми плечиками и широким слегка вогнутым дном. Его высота 16 см, диаметр устья 12 см, наибольший диаметр тулова 16,5 см, дна 10 см. За головой находилась чернолощенная кружка с цилиндрическим туловом, украшенная стилизованной головой животного. У дна тулово имеет ребро. На дне отпечатались поворотная доска с вырезанным клеймом в виде круга с вписанным крестом. Керамическое тесто без примеси. Высота сосуда 6,7 см, диаметр устья 7,5 см. Вдоль правой руки стояли миска и кувшин, изготовленные на гончарном круге. Миска имеет загнутый бортик. На дне ее отпечатались поворотная доска с клеймом: больший круг вписан в меньший, и в нем расположен крест. Тесто с примесью песка. Высота миски 7 см, диаметр устья 22,5 см, наибольший диаметр тулова 34,5 см, дна 12 см. Чернолощенный кувшин имеет высокое плавно отогнутое горло, приземистое тулово с округлыми боками и широкое плоское дно. На петлевидной ручке, круглой в сечении, расположен едва намеченный уступ. Одним концом она крепилась к горлу, другим — к плечикам. Тесто с примесью крупного песка. Высота сосуда 21,5 см, диаметр устья 11 см, наибольший диаметр тулова 18 см, дна 12 см. В миске обнаружен фрагментированный железный нож и кости правой ноги (тазовая, бедренная, большая берцовая, пяточная и астрагал) молодой особи овцы. Около кувшина лежал крупный оселок из серого песчаника. Одна из его граней имеет продольную проточину. Здесь же обнаружено сероглиняное пряслице биконической формы. Его наибольший диаметр расположен в верхней части тулова, а нижняя часть тулова окольцована тонким желобком. Рядом с ним найдена небольшая лепешка из смолы диаметром около 3 см.

Курган 25. Высота 0,15 м, диаметр 16 м. Он был возведен над погребением в подбое.

¹ Антропологические определения выполнены к. б. н. Е. Ф. Батиевой.

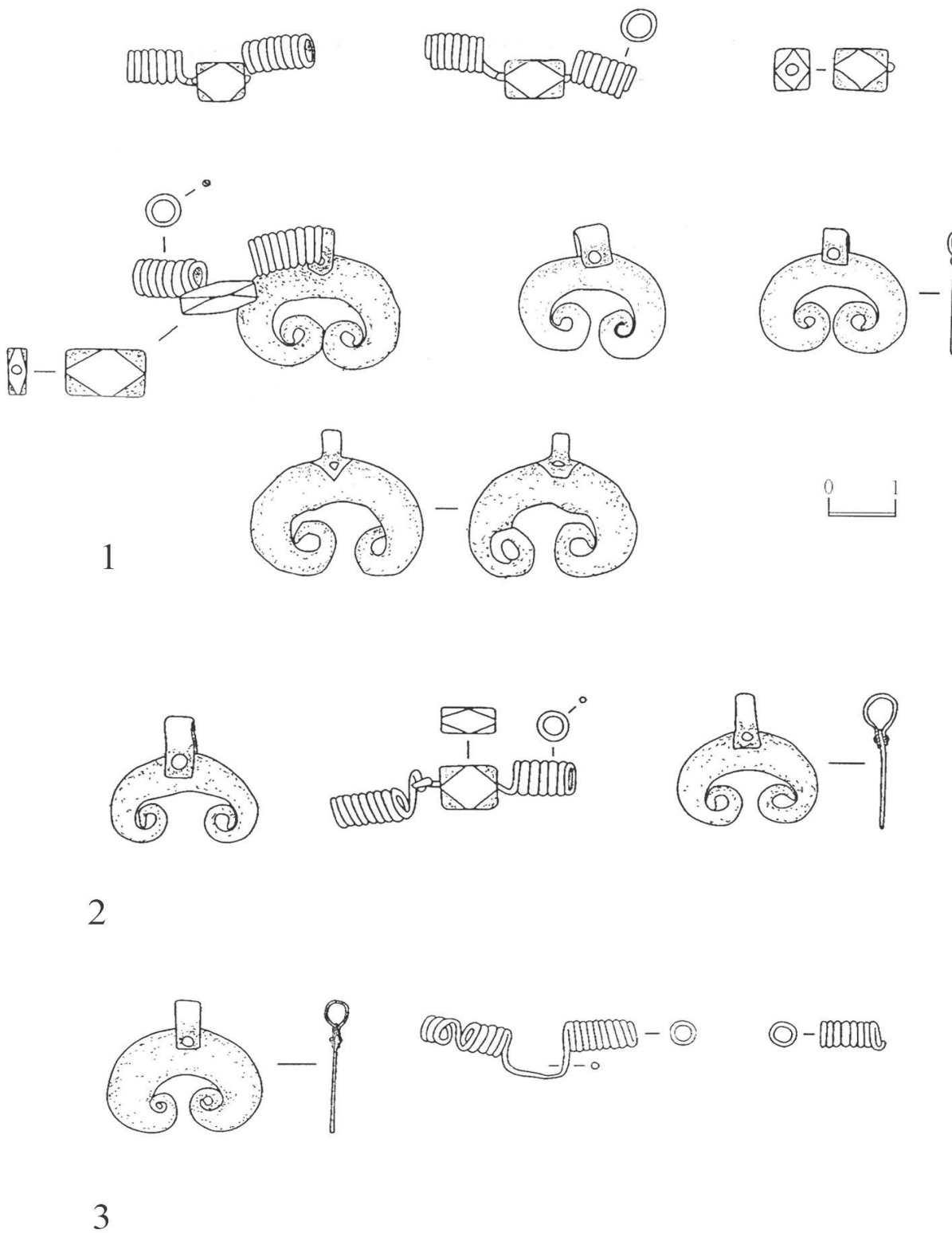

Рис.1. Украшения из могильника «Московский I»:
 1 — курган 22; 2 — курган 25; 3 — курган 27

Прямоугольная входная яма, размеры которой увеличивались ко дну, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Ее размеры по дну 2,30 x 0,85 м. Прямоугольный подбой выкопан в западной стенке колодца, перед входом в камеру дно колодца обрывалось отвесной ступенью высотой 0,23 м. Размеры подбоя 2,93 x 1,15 м. Вход в него слегка заужен. В подбое на подстилке темно-коричневого тлена лежал скелет мужчины 25–30 лет. Умерший был похоронен на спине вытянуто, головой ориентирован на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. Череп искусственно деформирован.

У левого плеча находилась круглая бронзовая серьга с несомкнутыми концами. Один ее конец оформлен в виде пружинки, второй конец острый. Вторая аналогичная серьга обнаружена у изголовья. У правого плеча лежал железный нож в чехле. В глубине подбоя, вдоль погребенного, лежал длинный железный меч в деревянных ножнах. Деревянные пластины рукояти крепились к штырю заклепкой. На рукояти лежала железная щитковая пряжка с овальной рамкой. Ее прямоугольный щиток имел пару заклепок — железную и бронзовую, которые крепили пряжку к ремню пояса. Вдоль рукояти меча зафиксирована низка янтарных дисковидных бус (34 экз.), геширового бисера (10 экз.). Среди них найдена копьевидная гешировая подвеска. Кроме того, несколько бус (янтарная, стеклянная, гешировый бисер и копьевидная гешировая подвеска) были обнаружены у изголовья погребенного. Под рукоятью меча, в 10 см от него и в заполнении могилы около меча обнаружены три бронзовых лунницы с петельками для подвешивания. Эти подвески сопровождались бронзовыми проволочными украшениями коромысловидной формы с четырнадцатигранной янтарной бусиной, нанизанной на проволочку. В одном месте, лопнувшая проволочка, была отремонтирована (рис. 1, 2). Около острого конца меча лежала бронзовая двучленная фибула. Часть ее пластинчатой спинки и иглы утра-

чены. По-видимому, фибула в погребении находилась в расстегнутом виде. В изголовье обнаружена кольцевидная желобчатая обойма нагайки с поперечным шплинтом. Она была насажена на деревянную рукоять. У изголовья находилась кружальная посуда: горшок и кружка. Черноглиняный горшок имеет резко отогнутый валикообразный венчик, украшенный косыми вмятинами. Плечики сосуда приподняты и скруглены. Выпуклая часть тулова опоясана горизонтальной линией, на которую в одном месте наклепана пара дисковидных наклепов. Керамическое тесто имеет примесь крупного песка и слюды. Высота сосуда 14,7 см, диаметр устья 13,5 см, наибольший диаметр тулова 17 см, дна — 9 см. Чернолощенная кружка имеет высокое горло, плавно отогнутый венчик, приземистое тулово с выпуклыми боками, украшенными вереницей вертикальных каннелюр, и плоское, плоское слегка вогнутое дно. Плечики опоясаны тремя линиями, две из которых едва заметны на поверхности сосуда. К выпуклым бокам тулова прилеплена крупная зооморфная ручка. Она сделана в виде стилизованного зверя с уплощенным туловищем и выпуклыми глазами, изображенными в виде цилиндрических выступов. Керамическое тесто без примеси. Высота сосуда 18 см, диаметр устья 11 см, наибольший диаметр тулова 6,5 см, дна — 6,5 см. Рядом с глиняной посудой лежали крупный оселок из плотного серого песчаника и две железные пластинчатые обоймы, надетые на деревянные предмет (?).

Курган 27. Высота 0,16 м, диаметр 14 м. Курган был опоясан округлым рвом (сохранилась его южная половина). Диаметр рва около 9 м. В его южной части расположена перемычка (?). В заполнении рва найдены кости овцы (фрагменты черепа и большой берцовой кости). Курган был возведен над погребением в Г-образной катакомбе. Подпрямоугольный колодец, ориентированные длинной осью по линии северо-восток — юго-запад, сужается ко дну. Его размеры по

дну 2,2 x 0,75 м. Дно было покатым к северной стенке и обрывалось ступенью высотой 0,2 м, которая вела в овальную камеру, ориентированную длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Камера слегка смещена относительно оси колодца. В ней на подстилке черного тлена лежал скелет мужчины 20–25 лет. Умерший был похоронен на спине вытянуто, головой ориентирован на северо-запад. Руки были вытянуты вдоль туловища. Ноги скрещены в щиколотках. Череп имеет искусственную деформацию. Западная часть могилы ограблена. В глубине камеры, против левого бедра был положен длинный железный меч в деревянных ножнах. Фрагменты изящного шейного украшения состояли из бронзовой проволоочки со спиралевидными окончаниями, между которыми находилась стеклянная бусина желтого цвета. В состав украшения входила бронзовая лунница с закрученными концами (рис. 1, 3). Эти детали украшения найдены в районе тазовых костей. В ногах погребенного обнаружен набор сбруйных принадлежностей и железные двукольчатые удила с крупными круглыми поводными кольцами. Ряд сбруйных принадлежностей выполнен из серебра. Это круглые бляшки с подогнутым краем, крепившиеся к ремню тремя заклепками (4 экз.), прямоугольные обоймы, скреплявшие ремешки при помощи заклепки (3 экз.), прямоугольные наконечники ремешка с валиком вдоль узкого края (7 экз.). Здесь же найдены узкая бронзовая пластинка с двумя отверстиями под заклепки и фрагмент крупной железной подпружной пряжки с подвижным язычком. Из заполнения могилы происходили миниатюрная железная пряжка с двупластинчатым щитком и прогнутым язычком и железный двупластинчатый наконечник ремня с шарнирным соединением. Там же обнаружены небольшая бронзовая пряжка с сегментовидной рамкой и подвижным язычком и обломок миниатюрной железной фибулы с желобчатой спинкой. В заполнении могилы обнаружены фрагменты леп-

ного пятнистого горшка с отогнутым горлом и приподнятыми округлыми плечиками. Керамическое тесто с примесью шамота. Диаметр устья 13,5 см.

По типу погребальных сооружений мартыновские курганы входят в группу позднесарматских памятников, для которой характерно труположение умерших в узких подбоях или катакомбах с южной, восточной и западной ориентировками. По конструкции погребально сооружения нижнедонские катакомбы III – IV вв. были выделены во II группу кластеров по классификации Т. А. Габуева и В. Ю. Малашева. В их числе три могилы из Московского I могильника (курганы 22, 25 и 27) (Габуев, Малашев, 2009, приложение А).

Лунницы были найдены в могильнике «Три брата», группа II, курган 13 и курган 14, в которых умершие имели северную ориентировку. На шейных позвонках находились разнообразные бусы и оригинальное шейное украшение, состоявшее из нескольких проволоочных деталей с нанизанными четырнадцатигранными бусинами. Концы проволоочек этих украшений были закручены в спиралевидные пронизи. В кургане 13 две серебряные лунницы с петельками находились под черепом погребенной. В районе черепа обнаружена серебряная проволочка с парой пружинок на ее концах и две четырнадцатигранные сердоликовые бусины, одна из них надета на прямоугольный выступ серебряной проволочки (Мошкова, 2008, с. 247, рис. 4, 1–3). В кургане 14 на шее погребенной находилось ожерелье из копьевидных гешировых подвесок (22 экз.), разделенных гешировым бисером и «маленькими бронзовыми спиралевидными пронизками». Концы ожерелья заканчивались серебряными спиральками (Мошкова, 2008, с. 247, рис. 5, 8), а в середине этого украшения была расположена серебряная лунница. Кроме того, на правом плече обнаружена большая серебряная лунница (Мошкова, 2008, с. 247, рис. 5, 1), а на левой половине грудной клетки найде-

ны две сердоликовые четырнадцатигранные бусины, надетые на бронзовую проволочку, которая имела спиралевидные окончания, и стеклянную четырнадцатигранную бусину (Мошкова, 2008, с. 247, рис. 5, 7е, ж). Кроме того, на локти погребенной были надеты два наборных браслета из плоских янтарных бусин (Мошкова, 2008, с. 247, 248, рис. 5, 7в, е). Аналогичные ожерелья с лунницами известны в могильнике Дружное (Храпунов, Масякин, 1997, с. 171, рис. 7, 23–25). По мнению М. Г. Мошковой дата позднесарматских погребений из Калмыкии ограничена концом II – III вв. (Мошкова, 2008, с. 254).

Серия украшений в виде лунниц с подогнутыми внутрь окончаниями известна в крымских могильниках (Стоянова, 2016, с. 135–137, рис. 4). В более ранних комплексах, относящихся к середине II в., концы дуговидной гладкой пластины подвески не подогнуты (Нейзац, мог. 29), а в комплексах второй половины III в. концы пластины загнуты (Дружное, мог. 20, северный подбой) (Юрочкин, Труфанов, 2007, рис. 3; 4). В то же время комплексы с лунницами из могильника Дружное И. Н. Храпунов датирует второй половиной III в. (Храпунов, 2002, с. 68, 69). К середине III в. относятся лунница из Усть-Альминского погребения 631 и аналогичные ей находки (Пудзоровский, 2007, с. 152). По мнению В. Ю. Малашева, северокавказские лунницы из Львовского Первого – 2, 4 могильников являлись индикаторами III в. (Малашев, 2016, с. 47, рис. 70, 1–5; 75, 2, 3).

Связь появления лунниц на юге европейской степи в позднесарматское время с кавказским имульсом требует дополнительной аргументации (Храпунов, 2002, с. 47; Скрипкин, 1984, с. 52, 53). Обычно эти украшения встречаются с четырнадцатигранными бусами. В таком ожерелье они как бы

выступают вперед, будучи нанизанными на металлическую проволочку, согнутую в виде коромысла. По бокам этих бусин располагались подвески-лунницы. Металлические украшения с бусами обычно были нанизаны на тонкий кожаный ремешок. Но иногда украшение ограничивалось металлической проволокой с сомкнутыми концами, на которую была надета крупная четырнадцатигранная бусина (Ларенок, 2013, с. 130, табл. 83, 12) или вообще гривна не имела бусины, как в Масловском I могильнике (Илюков, 1984). Обычно украшения с лунницами и четырнадцатигранными бусами характерны для детских или женских погребений. Нахождение ожерелья с лунницами в стороне от обычного положения их на груди человека (Московский I, курганы 25 и 27), вероятно, может быть связано с тем, что в мире мертвых по вещам можно найти «душу» ранее умершего человека.

М. Б. Щукин предполагал, что форма трехрогих лунниц-подвесок восходит к мотиву фракийского щита-пельты в форме полумесяца (Щукин, 2008, с. 187). Но такое предположение вызывает ряд вопросов. Один из них связан с формой самой подвески, не совсем похожей на щит или возрастом погребенных, — обычно лунницы встречаются в детских или женских погребениях

В славянской мифологии при ношении лунниц женщина получала помощь в рождении и вынашивании ребенка. Она являлась оберегом, воплощением славянской богини судьбы Матось, которая, согласно легенде, пряла волшебные нити и сматывала их в клубок. Из них сплеталась наша жизнь. Какой была женская богиня на Северном Кавказе, образ которой воплощался в ярком и своеобразном украшении степных кочевников в первые века нашей эры, — не известно.

Литература

- Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеаримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Ин-т археологии РАН; Таус, 2008. С. 284–301.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Ин-т археологии РАН; Таус, 2009. 468 с.
- Ильюков Л. С. Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 11857, а, б.
- Ильюков Л. С. Позднесарматские лунницы из Нижнего Подонья // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов / Отв. ред. А. А. Малашев. М.: Макс Пресс, 2018. С. 71–72.
- Ларенок В. А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999 – 2000 гг. Часть I. Ростов-на-Дону: Донской Издательский Дом, 2013. 448 с.
- Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры Северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н. э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.
- Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения могильника «Три брата» // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В. А. Башилова / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Ин-т археологии РАН; Таус, 2008. С. 243–264.
- Пудзоровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Волгоград: Изд-во Саратовского университета, 1984. 150 с.
- Стоянова А. А. Продвески из могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 122–167.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб; Кишнев: б. и., 1997. С. 164–180.
- Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 576 с.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. Хронология могильников центрального и юго-западного Крыма 3 – 4 вв. н. э. // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 359–382.

Leonid Ilyukov

**Late Sarmatian interments of the III – IV centuries of our era from the burial
"Moscow I"**

Abstract

In the burial "Moscow I", located on a high terrace of the river Sal near with Moskovsky village in Martynovsky district of Rostov region, in 1984 three burial mounds were excavated (22, 25, 27), in which pendants - lunnits, which were part of the necklace, were found. Besides them, the necklace consisted of amber fourteen-sided beads, put on short bronze wires in the form of a rocker arm. Both ends of the wire were twisted into thin and short spirals. Pendants and beads with bronze wires were put on a thin leather strap, which was fastened with an amber button on the back. These original decorations were well-known in Sarmatian monuments of the 3rd – 4th centuries in steppes of Northern Black Sea region and North Caucasus. Usually they are found in women's and children's burials. In men's graves they were located near the buried. Their appearance in steppes apparently connected to the Caucasian impulse. They were amulets.

Л. С. Ильюков

**Позднесарматские погребения III – IV веков нашей эры из могильника
«Московский I» из сальских степей**

Резюме

В погребении «Москва», расположенном на высокой террасе р. Сал рядом с Московским в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 году были раскопаны три кургана (22, 25, 27), в которых были найдены подвески-лунницы, входившие в ожерелье. Помимо них ожерелье состояло из янтарных четырехсторонних бус, надетых на короткие бронзовые проволоки в виде коромысла. Оба конца провода были скручены в тонкие и короткие спирали. Подвески и бусы с бронзовой проволокой были надеты на тонкий кожаный ремешок, который застегивался янтарной пуговицей на шее. Эти оригинальные украшения хорошо известны в сарматских памятниках III – IV вв. н. э. в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Обычно они встречаются в женских и детских захоронениях. В мужских могилах они находились возле захоронения. Похоже, что их появление в степях обусловлено кавказским влиянием. Лунницы являлись амулетами в составе ожерелья.

Э. Иштванович, В. Кульчар

Международные связи алфёльдских сармат в свете некоторых «редких» импортных (?) вещей¹

Ключевые слова: сарматы, браслеты, эллинизм, позднеримское время, византийское время

Keywords: Sarmatians, bracelets, Hellenism, Late Roman Age, Byzantine Age

Вещами чужеземного происхождения у сармат Карпатского бассейна занимались множество исследователей по ряду аспектов. В этой связи нужно особо подчеркнуть предметы римской торговли (например: Gabler, Vaday, 1986; 1992; Vaday, 2005), а также вещи, по всей видимости, связанные с военными трофеями. Авторы публикаций неоднократно затрагивали тему находок, попавших на Венгерскую низменность в результате контактов с соседними германскими племенами, были сделаны попытки выявления элементов материальной культуры, свидетельствующих о контактах между алфёльдскими сарматами и их восточными родственниками (в частности: Иштванович, Кульчар, 2005; Istvánovits, Kulcsár, 2011). В то же время нам известны вещи, которые

не вписываются ни в одну из перечисленных категорий, или же ранее не удалось убедительно доказать их происхождение. Ниже мы представляем один из таких примеров.

Пластинчатые браслеты со щитком на шарнирах

К редким, по-видимому, привнесенным типам вещей относятся, в частности, пластинчатые браслеты с замком, состоящим из центрального элемента — щитка, который прикрепляется к корпусу браслета при помощи шарниров. В сарматском Барбарикуме Карпатского бассейна до сих пор было найдено три таких экземпляра из двух погребений.

1. Сегед-Сёрег, Хомобанья (песчаный карьер) / Szeged-Szőreg, Homokbánya (Vörös, 1986).

¹ Статья была подготовлена при поддержке гранта Национального бюро по исследованиям, развитию и инновации NKFI K 124944 «Онлайн-публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов в Барбарикуме Карпатского бассейна».

В 1977 – 78 гг. в сегедский Музей им. Ференца Мора отсюда поступили находки богатого женского погребального комплекса, в их числе пластинчатый серебряный браслет (рис. 1, 2). Его центральная часть, присоединенная к корпусу при помощи шарниров, представлена тонкой пластиной округлой формы. На фотографии, сделанной до реставрации, видно, что на расширяющихся концах предмета первоначально находился припаянный орнамент с округлым окончанием, расширяющийся в сторону щитка. Схожие следы наблюдаются также на всей поверхности центрального элемента. Размер щитка браслета — 6,9x4,9 см. Вероятно, частью предмета являлась серебряная пластина с филигранью: на тончайшую пластину с округлым окончанием припаяны проволочные кружки, в них и между ними вставлены гранулы. Пластина окантована серебряной проволокой. Она в точности ложится на следы пайки, наблюдаемые на концах браслета. К пластине относятся еще несколько мелких фрагментов, но полностью форма не восстанавливается. Браслету же принадлежат две стеклянные вставки в серебряном гнезде: нижний край цилиндрического гнезда обвит серебряной проволокой с насечками и серебряными гранулами. Нижняя часть средней полусферической синей стеклянной вставки просверлена, поэтому можно предположить, что первоначально она располагалась на центральном элементе браслета, на бронзовом стержне.

Остальные находки комплекса: пара серебряных серег, серебряная гривна, серебряный проволочный браслет, 2 большие янтарные бусины, большая бочонковидная меловая бусина, сосуд и бусы.

Автор публикации Габриэлла Вёрёш датирует погребение вместе с мужским комплексом, найденным при тех же обстоятельствах, гуннским временем, то есть концом IV – первой половиной V вв. (Vörös, 1986, p. 19, 21, 26, 28).

2. Эндрёд, Кочорхедь / Endrőd, Kocsorhegy погреб. 41 (Juhász, 1978).

В 1972 г. в окрестностях г. Эндрёд во время земляных работ был обнаружен сарматский могильник. В ходе спасательных раскопок Ирэн Юхас открыла 57 погребений, из которых 29 относятся к сарматскому времени. В погребении 41, размером 100x240 см, лежал неограбленный² скелет женщины, ориентированной головой на юг.

На обеих запястьях нашли пластинчатые серебряные браслеты с центральным элементом и шарнирной конструкцией (рис. 1, 1; 2). На концах браслетов расположены гнезда для вставок из филигрании и грануляции. Вставки сделаны из полусферических синих бус. Размер щитка браслета — 6,4x5,2 см, ширина корпуса – 0,8 см, толщина 0,1 см. Вероятно, браслету принадлежала серебряная пластинка, найденная между правым запястьем и тазом. На выпуклой стороне пластинки по краю проходит грануляция, дополненная треугольниками, состоящими из гранул. Серебряный пластинчатый браслет на левом запястье идентичен правому, но худшей сохранности.

Остальные находки: серебряная гривна; крупные серебряные серьги с многогранной сердоликовой бусиной; серебряный предмет слева от черепа; предмет из расплюсненной бронзовой проволоки налево от места шеи; по одной мраморной бусине под челюстью и среди спинных позвонков; на шее находились сердоликовые, янтарные, и стеклянные бусы; серебряная фибула; 8 серебряных колец, перевитых друг с другом на месте груди; сердоликовые, меловые, мраморные и стеклянные бусы, раковины *Cypraea*, скрепленные бронзовыми кольцами, на тазе; янтарные и стеклянные бусы у правого бедра; длинный железный нож; две серебряные фибулы под правой ключицей; между правой ключицей и шейными позвонками еще одна серебряная фибула; на левом запястье кроме упомянутого выше пластинчатого серебряного

² Это необходимо подчеркнуть, так как подавляющее большинство сарматских погребений Венгрии ограблено.

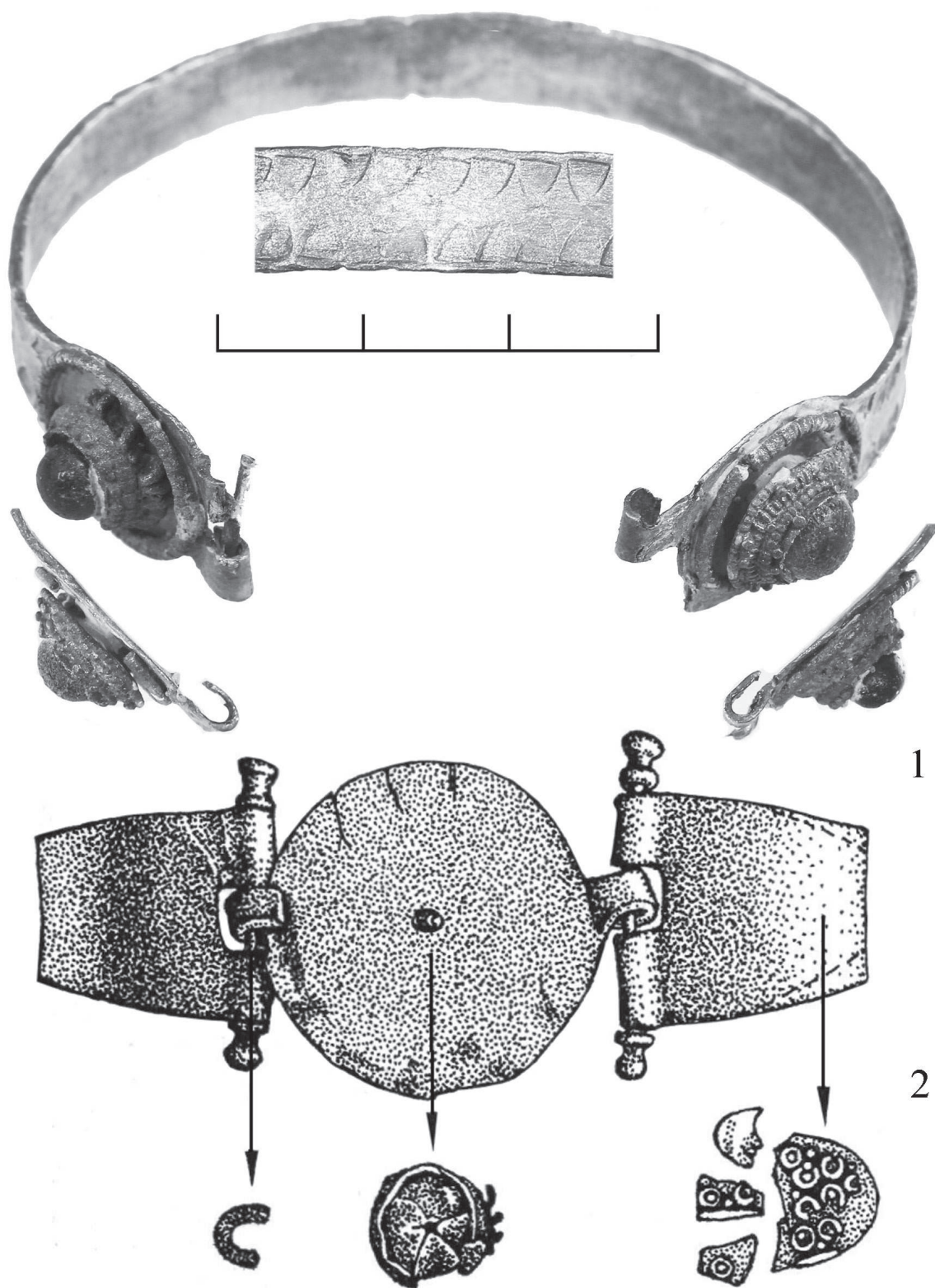

Рис. 1. 1 — браслет из погребения 41 могильника Эндрёд, Кочорхедь (фотографии Ласло Бенкё и Аттилы Срна, музей им. Шамуэла Тешшедика, г. Сарваш); 2 — браслет из женского погребения в Сегед-Сёрег, Номокбанья (по Vörös, 1986, II, 1)

браслета два бронзовых; там же серебряная пластинка, вероятно, принадлежавшая браслету; у правого запястья серебряная и бронзовая топовидные подвески, а также халцедоновая бусина, рядом с браслетами низка бус; между пальцами правой руки бронзовое кольцо с закрученными концами; фрагмент серебряной фибулы у левой ключицы; на левом запястье: упомянутый серебряный пластинчатый и крученный проволоочный, а также железный браслеты и низка бус, к браслетам была прикреплена железная топовидная подвеска; на лодыжках бусы и бронзовое кольцо.

Уже автор раскопок и публикации отметила, что браслеты, сделанные на высоком уровне, не могут быть продукцией местных мастеров, а должны рассматриваться как предметы римского импорта, которые попали в наш регион в период расцвета торговли, то есть в конце II – начале III вв. н. э. (Juhász, 1978, p. 103). Этим же временем И. Юхас датирует весь могильник, добавляя, что некоторые типы вещей характерны уже скорее для IV в. Мы тоже склоняемся к более поздней датировке на основании серебряной подвязной фибулы, украшенной псевдо-филигранью, и серег, украшенных многогранной сердоликовой бусиной (Juhász, 1978, Taf. II, 9, 11, IV, 2 a–b).

Вещи из Сегеда и Эндрёда находят аналогии в Крыму. Это браслеты типа II по Храпунову («пластинчатые серебряные, со щитком на шарнирах»): три экземпляра из погребений 18 и 24 могильника Дружное, один из подбойной могилы 300 могильника Нейзац³, а также из Чернореченского и Суворовского могильников и, вероятно, из могильника Бельбек II (есть также информация о находке такого предмета в Кабардино-Балкарии). Судя по монетам и фибуле, найденными вместе с крымскими браслетами, датировать их можно III в., а в отдельных случаях, возможно, и IV в. (Храпунов, 2002, с. 40, рис. 89, 1, 109, 4–5; 2011, с. 195, рис. 5, 4). В перечисленных

же могильниках встречались серьги (тип II по Храпунову), схожие по декору и появляющиеся не только в Крыму, но и в приднепровских и нижнедонских сарматских памятниках (Храпунов, 2002, с. 40, 50, 51), что, по нашему мнению, указывает на северопричерноморскую мастерскую, будь она греко-римская или варварская.

Нужно отметить, что сегедский браслет является близкой аналогией эндрёдского. Оба имеют окончания, украшенные стеклянными вставками в гнездах с филигранью и/или грануляцией, чего не наблюдается на крымских вещах. Алфёльдские и причерноморские экземпляры схожи скорее по общему облику, а именно, по пластинчатому корпусу и, самое главное, по щитково-шарнирной конструкции замка. Исходя из этого, мы попытались найти истоки таких украшений в надежде отыскать решение вопроса о родстве венгерских и крымских вещей этого круга.

Предварительно нужно отметить, что нам не удалось найти практически никаких исследований, касающихся происхождения этой специфической замковой системы. У общего типа браслетов со щитком и шарнирами множество аналогий во всем античном мире начиная с эпохи эллинизма и до византийского времени, но, судя по публикациям, абсолютно всех историков ювелирного дела интересовала исключительно декоративная технология и/или иконография данных предметов.

Использование замковой конструкции «шарнир+центральный элемент» возникает уже в эллинистических ювелирных мастерских. Находки таких изделий концентрируются в Сирии (Segall, 1938, S. 170). Хороший пример раннего использования данной конструкции демонстрирует диадема из фессальского клада, хранящегося в афинском Музее Бенаки. Здесь центральный элемент представлен излюбленным в эту эпоху Геракловым узлом с такими же шарнирами. Схожие узлы, кстати, присут-

³ Благодарим И. Н. Храпунова, обратившего наше внимание на данную публикацию.

ствуют и на ряде других украшений клада, как центральные элементы ожерелий. Эти вещи датируются IV – III вв. до н. э. (Segall, 1938, S. 32–37, Taf. 9–11). Браслеты с шарнирным замком также появляются впервые в эпоху эллинизма. У этих вещей еще нет центрального элемента, они закрываются просто при помощи штырька, прикрепленного к шарниру цепочкой. К таковым относится, например, золотой браслет с гра-натовыми и стеклянными вставками из сирийского клада, вероятно, сделанный в александрийской мастерской. Он датирован первой половиной II в. до н. э. (Hoffmann-Davidson, 1965, p. 159, 160, Fig. 56, a–d).

В кладах из Петеси (Petescia, Lazio), датированного ранним I в. н. э., происходит пара браслетов, выполненных в упрощенной манере по сравнению с более поздними экземплярами (см. ниже), но на центральном элементе помещено изображение мифологического сюжета (рис. 3, 1) (Greifenhagen, 1970, S. 77, 78, Taf. 57, 1–2) — вероятно, это самые ранние изделия щитково-шарнирного типа из известных нам украшений. Большинство же браслетов, укрепленных замковым центральным элементом на шарнирах, датируются позднеримским временем. Обычно эти вещи сделаны из крученой проволоки, один из концов которой закрывается щитком со вставкой из крупного драгоценного камня. Такие браслеты III в. известны, например, из Лиона и Вийардю (Villardu), а также из Дура-Европос (последний был найден в кладах, датированных монетами III в.) (Higgins, 1980, p. 181, 182, 229, Pl. 62, B). Еще один аналогичный предмет, местонахождение которого неизвестно, хранился в берлинском Античном кабинете Государственных музеев прусского культурного наследия (Antikenabteilung der Staatlichen Museen Preussischer Kulturbesitz) (рис. 3, 2) (Greifenhagen, 1975, S. 41, 42, Taf. 35, 5).

Браслеты этого типа входят в моду в позднеримское время и особенно рас-

пространяются в византийскую эпоху (как на это уже обратила внимание Г. Вёрёш в публикации сегедского браслета: Vörös, 1986, p. 28, 29), параллельно с этим становясь все более (даже чересчур) орнаментированными. Как уже отмечалось, большинство исследователей мало интересуется конструкцией этих вещей, в центре внимания специалистов по ювелирному делу находятся стиль и технология. Обычно отмечается, что один из шарниров стабильный, а другой движущийся, что соответствует логике использования предмета.

В типологии К. Лепажя данные браслеты главным образом (но не все из собранных им!) относятся к типу VIII (браслеты с геометрическим щитком «bracelets à porte géométrique»). Он считает, что эти украшения появились в римских мастерских Сирии в III в. под азиатским влиянием. На этот вывод Лепажя навели две находки, причисленные им к другому, так называемому манжетному типу. Одна из них происходит из Таксилы, другая хранится в Британском музее (ее местонахождение определено как «Боспор Киммерийский»). Французский исследователь считает, что такие украшения проникли в римскую моду с востока через Сирию и Пальмиру (Lepage, 1971, P. 16–20, Fig. 13; 14)⁴.

В типологии И. Балдини Липполис интересующий нас браслет относится к типу Ic («стержневой браслет с центральным элементом»). В материале, собранном исследовательницей, украшения этого типа появляются в III в. н. э. и продолжают бытовать до VII в. (Baldini Lippolis, 1999, p. 176, 178, Cat. 2. VI. 1. c. 1–7). Существует вариант, орнаментированный еще более богато, чем браслеты римского времени, бытующий в VI – VII вв. (Baldini Lippolis, 1999, p. 179, Cat. 2. VI. 3. 3. b. 1–3, 3d.1–2.).

Браслеты данного типа были во множестве распространены по всей Римской, а затем Византийской империям. В качест-

⁴ На самом деле, из раскопок Таксилы известно две пары браслетов и еще два непарных украшения этого типа. Все они происходят из слоев I в. н. э. (Marshall, 1977, P. 634–635, Pl. 196, a–e).

Рис. 2. Браслет из погребения 41 могильника Эндрёд, Кочорхедь
(фотографии Ласло Бенкё и Аттилы Срнака, Музей им. Шамуэла Тешшедика, г. Сарваш)

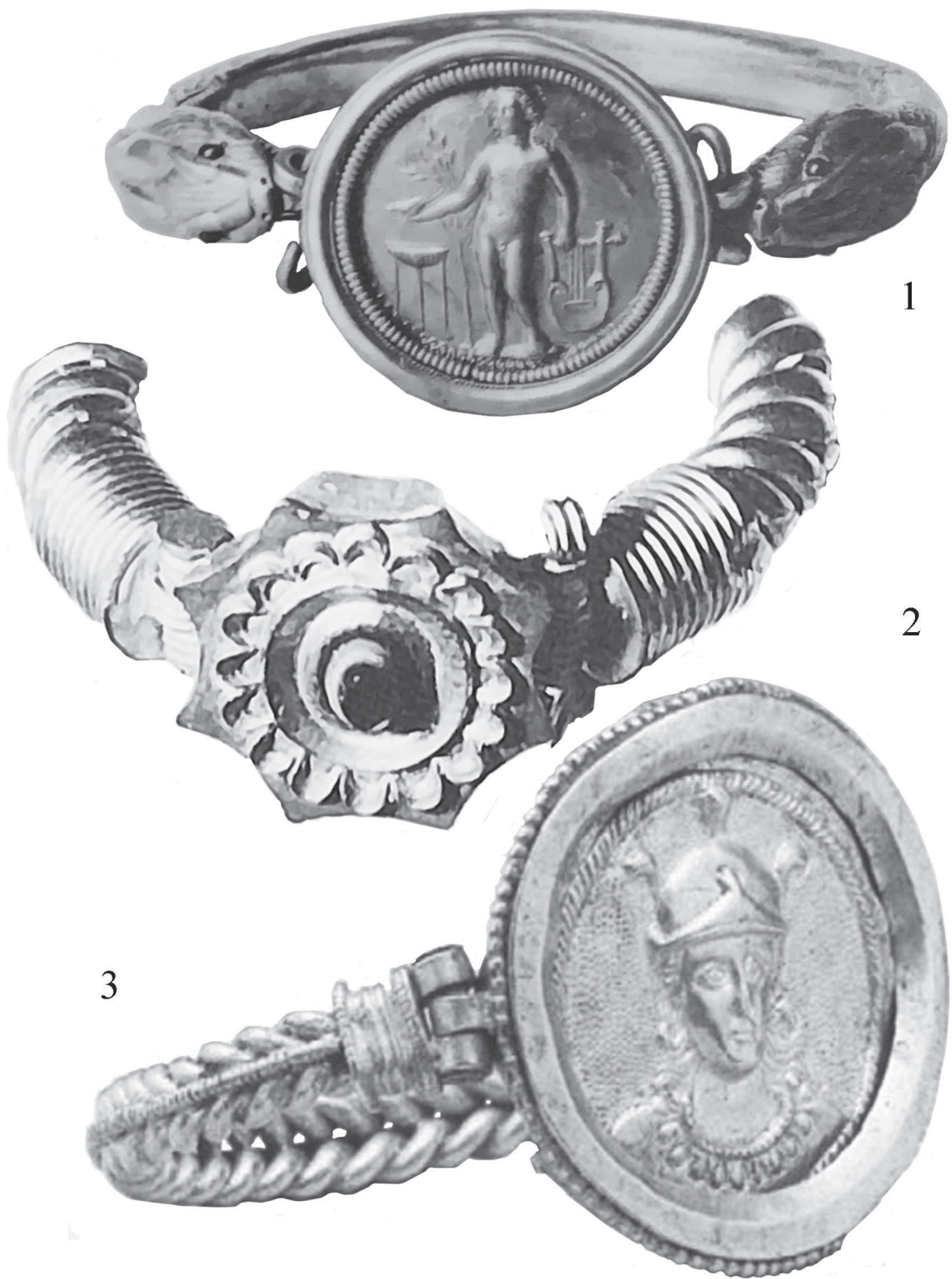

Рис. 3. Античные золотые браслеты с щитково-шарнирной конструкцией:
 1 — Петеша (по Greifenhagen, 1970, Taf. 57, 1);
 2 — неизвестное местонахождение (по Greifenhagen, 1970, Taf. 35, 5);
 3 — Рим, площадь Конstellационе (по Dippert-Lipitz, 2000, Fig. 7, 5)

ве иллюстрации упомянем экземпляр, найденный в составе клада начала V в. в Риме, на площади Констеллационе (Piazza Constelazione): он сделан из золота, центральный элемент изображает голову Афины (рис. 3, 3) (Dippert-Lipitz, 2000, p. 64–66, Fig. 7, 5–6); пару позднеимперских ажурных браслетов V в. из египетского «клада» Ассиут/Антиноэ (Assiût/Antinoë) (Dippert-Lipitz, 2000, p. 64–66, Fig. 7, 7). Отсюда же происходит пара золотых браслетов, украшенных жемчугом и различными драгоценными камнями. Эти находки считаются ранневизантийскими и датируются VI – VII вв. (Dippert-Lipitz, 2000, p. 64–66, Fig. 7, 14–15)⁵.

Суммируя сказанное, хотим подчеркнуть, что между эпохой эллинизма и поздним римским временем браслеты данного типа весьма редки. Широко они начинают распространяться в III в. н. э., что наблюдается и в греко-римской, и в варварской среде. По всей вероятности, как сарматы Северного Причерноморья, так и Алфёльда пользовались браслетами античной, греко-римской традиции, но при этом из менее

дорогих материалов (вместо золота — серебро, вместо драгоценных камней — вставки из сердолика и стекла), да и весь облик изделий более простой, они не так пышно орнаментированы. На этом основании нам кажется более вероятным, что украшения из Дружного, Эндрёда, Сегеда и остальных погребений — все они происходят из могил зажиточных женщин, похороненных с дорогими престижными вещами, — были изготовлены не в античной, а в варварской мастерской, при этом мастера переосмысливали образцы античного ювелирного дела. Остается вопросом, имели ли отношение друг к другу люди, хоронившие в Дружном и в остальных могильниках. Принимая во внимание, что схожие украшения из римских провинций, граничащих с территорией алфёльдских сарматов⁶, нам неизвестны, мы думаем, что в случае венгерских находок речь идет либо о влиянии восточной мастерской/ювелирной традиции на, вероятно, существовавшие сарматские мастерские Алфёльда или просто об импорте из Крыма.

Литература

- Иштванович Э., Кульчар В. Северопричерноморские (?) золотые ювелирные изделия в материале сарматов Карпатского бассейна // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников / Отв. ред. В. Е. Зуев. СПб. Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. С. 335–342.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. н. э.). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н. Подбойная могила с двумя погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 192–214.
- Baldini Lippolis I. L'oreficeria nell'impero di Costantinopoli tra IV e VII secolo. Bari: Edipuglia, 1999. 285 p.
- Dippert-Lipitz B. Late Roman and Early Byzantine Jewellery // From Attila to Charlemagne: Arts of the Early Medieval Period in The Metropolitan Museum of Art / Ed. K. Reynolds Brown, D. Kidd, Ch. T. Little. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000. P. 58–77.

⁵ Шарнирная конструкция была в ходу и на других византийских изделиях, ее использовали, например, на парадном поясе VI в. из Караваса (Кипр). Вещь происходит из т. н. Ламбузского или Кипрского клада, откуда, кстати, известен также шарнирный браслет (Dippert-Lipitz, 2000, p. 72, Fig. 7, 16, 17; On the Frontiers, 2000, p. 120).

⁶ Благодарим за консультацию специалиста по римским провинциальным украшениям Аннамарию Фачади (Facsádi Annamária).

- Gabler D., Vaday A. Terra sigillata im Barbaricum zwischen Pannonien und Dazien. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 85 p.
- Gabler D., Vaday A. Terra sigillata im Barbaricum zwischen Pannonien und Dazien. Teil 2 // Acta Archaeologica Hungarica. 1992. XLIV. P. 87–91.
- Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Fundgruppen. Band I. Berlin: Mann, 1970. 102 S.
- Greifenhagen A. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Einzelstück. Band II. Berlin: Mann, 1975. 141 S.
- Higgins R. Greek and Roman Jewellery. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1980. 243 p.
- Hoffmann H., Davidson P. F. Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. Mainz/Rhein: von Zabern, 1965. 311 p.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Iranian-Germanic contacts in the Sarmatian Barbaricum of the Carpathian basin // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Maczynska, T. Grabarczyk. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2000. P. 237–260.
- Istvánovits E., Kulcsár V. Some traces of Sarmatian–Germanic contacts in the Great Hungarian Plain // Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. v. Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz, 2003. P. 227–238.
- Istvánovits E., Kulcsár V. From the Crimea to Scandinavia via the Great Hungarian Plain: Traces of Sarmatian–Germanic Contacts on the Basis of an Amulet Type and of Other Phenomena // Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period / Ed. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2011. P. 80–90.
- Juhász I. Szarmata temető Endrődön [Sarmatisches Gräberfeld in Endröd] // A Békés Megyei Múzeumok Közleményei. 1978. 5. P. 87–114.
- Lepage C. Les bracelets de luxe romain et byzantins du IIe au VIe siècle. Étude de la forme et de la structure // Cahiers archéologiques. 1971. XXI. P. 1–23.
- Marshall J. Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations Carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1912 and 1934. Vol. I–III. Delhi; Patna; Varanasi: Motilal Banarsidass, 1977. 895 p.
- On the Frontiers of Byzantium // From Attila to Charlemagne: Arts of the Early Medieval Period in The Metropolitan Museum of Art / Ed. K. Reynolds Brown, D. Kidd, Ch. T. Little. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000. P. 120–131.
- Segall B. Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Athen: Pyrsos, 1938. 220 S.
- Vaday A. Der Grabfund von Gyulavári // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 1987. P. 73–82.
- Vaday A. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Ungarn. Band 1. Komitat Szolnok. Budapest: Akaprint, 2005. 163 S.
- Vörös G. Hunkori leletek a szeged-szőregi homokbányából [Funde der Hunnenzeit aus der Sandgrube von Szeged-Szőreg] // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. 1986. 1. P. 15–30.

Ester Istvánovits, Valéria Kulcsár

**International connections of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain
in the light of some “rare” import (?) finds**

Abstract

In Sarmatian studies, Hungarian scholarship keeps returning to the examination of “foreign” elements in the Barbarian material culture, among them Roman and Germanic imported goods, or objects and traditions brought from the East. In this respect, we have analysed a bracelet type, three pieces of which are known from two sites of the Hungarian Plain: Szeged-Szőreg, Homokbánya (sand pit) and Endrőd, Kocsorhegy grave 41. Both burials dated to the 4th (possibly beginning of the 5th) century AD belonged to well-off women richly decorated with different kinds of silver jewellery including bracelets closing with a central part supplied with hinges and pin on both sides. Analogies of these bracelets come from Sarmatian burials of Crimea and other regions of the North Pontic. Technology of closing derives from the Hellenistic jewellery (diadems, necklaces), while the earliest such lock construction at bracelets is known from the early 1st century AD. They become widely spread in the Late Empire and then in the Byzantine times up to the 7th century. In the case of the specimens from Hungary, we suggest that they either arrived from the Crimea or their shape and technology was overtaken from a North Pontic workshop.

Э. Иштванович, В. Кульчар

**Международные связи алфёльдских сармат
в свете некоторых «редких» импортных (?) вещей**

Резюме

Венгерские сарматологи часто возвращаются к вопросу о «чужих» элементах в материальной культуре варваров, включая римские и германские импортные предметы, а также вещи и традиции, привнесенные с востока. Касательно последнего, в данной статье мы анализировали тип браслетов, три из которых известны в двух памятниках Алфёльда: Сегед-Сёрег, Хомокбанья и Эндрёд, Кочорхедь, погреб. 41. Оба погребения, датирующиеся 4 (возможно, 5) в. н. э., принадлежали состоятельным женщинам, похороненными со множеством серебряных украшений. В их числе были браслеты с замковой системой «щиток на шарнирах». Аналогии таких вещей известны из сарматских погребений Крыма и других северопричерноморских памятников. Технология замка происходит из ювелирного дела эллинизма (диадемы, ожерелья), а наиболее ранний браслет с такой замковой конструкцией датируется началом 1 в. н. э. В позднеримское, а затем в византийское время эти украшения были широко распространены вплоть до VII в. Что касается экземпляров из сарматских погребений Венгрии, то мы предполагаем, что речь идет либо о влиянии восточной мастерской/ювелирной традиции на, вероятно, существовавшие сарматские мастерские Алфёльда, либо просто об импорте из Крыма.

В. М. Косяненко

Новое аланское стойбище I – II вв. н. э. вблизи меотского поселения (в центре г. Азов)

Ключевые слова: аланы, стойбище, античность, первые века нашей эры, керамика, кварцевый песок

Keywords: Azov, Don, Alans, Maotians, wheel-made ware

Город Азов Ростовской области имеет многовековую историю. Культурный слой города хранит остатки античных поселений, материалы монгольского города Азака, руины турецкой и русской крепостей.

В данном сообщении речь пойдет об открытиях античного времени. Расположенное в центре г. Азова Крепостное городище относится к концу I в. до н. э. – II в. н. э. и входит вместе с другими меотскими поселениями в округу Танаиса. Интерес к античным материалам г. Азова возник ещё в XIX в. в связи с поисками античного Танаиса. С установлением места Танаиса около хутора Недвиговка Ростовской области азовскими античными древностями редко кто интересовался. Раскопки памятника стали вестись особенно интенсивно в послевоенные годы с возобновлением

деятельности Азовского краеведческого музея. Результаты исследования могильника позволили опубликовать в 2011 году монографию «Некрополь Паниардиса» (Крепостного городища) (Горбенко, Косяненко, 2011). Раскопки Крепостного городища и могильника продолжают и в последующие годы. Одним из важных и неожиданных открытий было обнаружение вблизи границ Крепостного городища, на его юго-западной границе, аланского стойбища (Масловский, Косяненко, 2009, с. 371–390).

В отличие от мощного культурного слоя Крепостного городища, на участках стойбища античные находки происходят из переотложенного слоя, в большинстве — из комплексов XIV и XVIII вв. Керамические остатки относятся к различным группам. Датированный материал — фрагменты

светлоглиняных амфор и краснолаковая керамика — позволяет отнести существование стойбища к концу I – середине II вв. н. э. Отличительной чертой этого памятника является наличие среди гончарной сероглиняной керамики особой группы с примесью кварцевого песка, а также находка форм для сушки посуды перед обжигом.

Подобное тесто с кварцевой примесью нехарактерно для гончарной керамики донских меотских городищ. Здесь были открыты две гончарные мастерские на Кобяковском (г. Аксай) и Подазовском городищах (окраина г. Азова), которые снабжали своей посудой местное население. Донское гончарное производство возникло под влиянием кубанского в связи с переселением меотов в конце I в. до н. э. и I в. н. э. в низовье Дона (Братченко, Косяненко, 1994, с. 80–102). Большинство сероглиняной керамики из некрополя Кобякова городища изготовлено в мастерских поселения (Косяненко, 2008, с. 50–81).

Рассмотрим керамические изделия с кварцевым песком подробнее. Прежде всего, гончарная керамика с подобной примесью отличается составом теста и формами. Тесто более грубое за счет крупных примесей, цвет более темный, поверхность часто шершавая. Применялись при изготовлении особые технологические приемы: штифтовые ручки, плохо сглаженный переход горла в тулово, отпечатки доски.

Среди керамических фрагментов ведущей формой являлись горшки. Как правило, они имели невысокий округлый венчик, плавно переходящий в выпуклое тулово. Край тулова иногда украшался косыми насечками. Под венчиком снаружи проходит вдавленная горизонтальная полоска (рис. 1, 1–3) Известны и находки бортиков и стенок мисок (рис. 1, 4–6). Реже встречаются обломки венчиков и горл кувшинов (рис. 2, 3). На одном дне имеется клеймо в форме круга с восемью лучами. Толщина и размеры позволяют отнести его к кувшину (рис. 2, 2). Интересен фрагмент средней

части корчаги с полосчатым лощением по внешней поверхности. Средняя часть тулова орнаментирована тремя наклепными валиками. Верхний прилеп ручки украшен наклепным валиком с пальцевыми оттисками (рис. 2, 1). Имеется ещё один фрагмент корчаги со сложнопрофилированным туловом, покрытым сплошным лощением по черному ангобу. В нём наблюдается помимо кварцевого песка в качестве примеси ещё и слюда (рис. 2, 4).

При изготовлении этой посуды отчетливо видны следы профилировки бортика путем заворота черного края внутрь, в других случаях виден заворот края наружу.

Технологические детали фрагментов упомянутой керамики свидетельствуют об их сходстве с центральнокавказскими особенностями изготовления глиняного теста, обжига и форм. Наиболее изученной группой из этой серии является керамика поселения, расположенного у с. Зилги Правобережного района республики Северная Осетия, в 1,5 км от г. Беслан. Там в «усадебке гончара» были открыты следы производственной деятельности: керамический брак, ямы с печным припасом, керамическим шлаком и остатками гончарных печей (Аржанцева, Деопик, 1989, с. 79, 80). В поселении Зилги представлено большое разнообразие форм центрально-кавказской керамики. В культурном слое Крепостного городища форм значительно меньше, причем доминирующей являются горшки, часть которых имеет различные формы венчиков, украшенных стойким орнаментом из косых насечек. Аналогичная керамика, также с насечками по венчику, известна и на поселении Зилги. Есть аналоги среди материалов Зилги и донцу с клеймом в виде круга с лучами и формами мисок из Крепостного городища.

Время активного функционирования поселения у с. Зилги авторы определяют первой половиной I тыс. н. э. (Аржанцева, Деопик, 1989, с. 94). Датировка керамики из аланского стойбища вблизи Крепостного

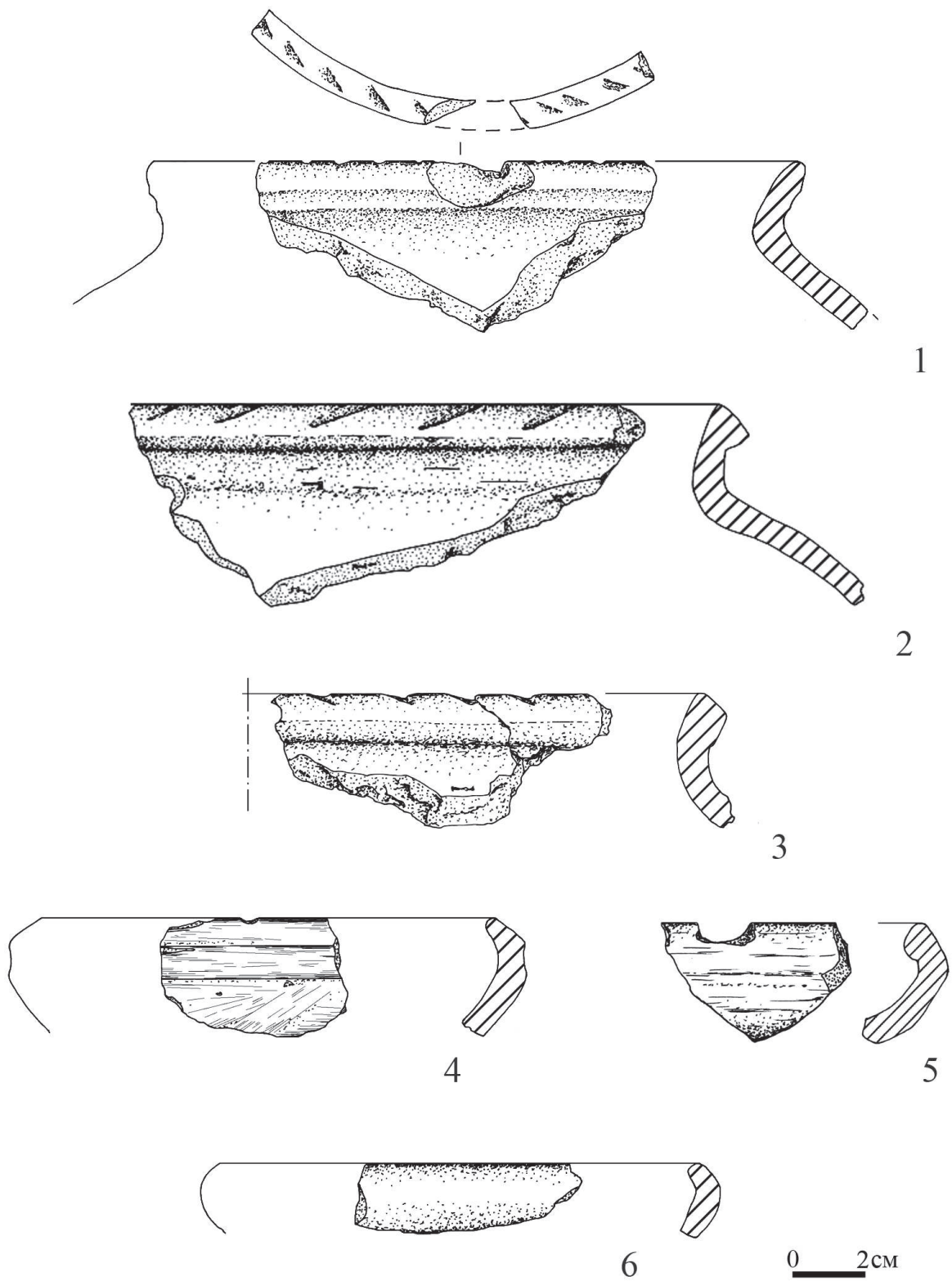

Рис. 1. Фрагменты керамики с кварцевым песком: 1–3 — горшки; 4–6 — миски

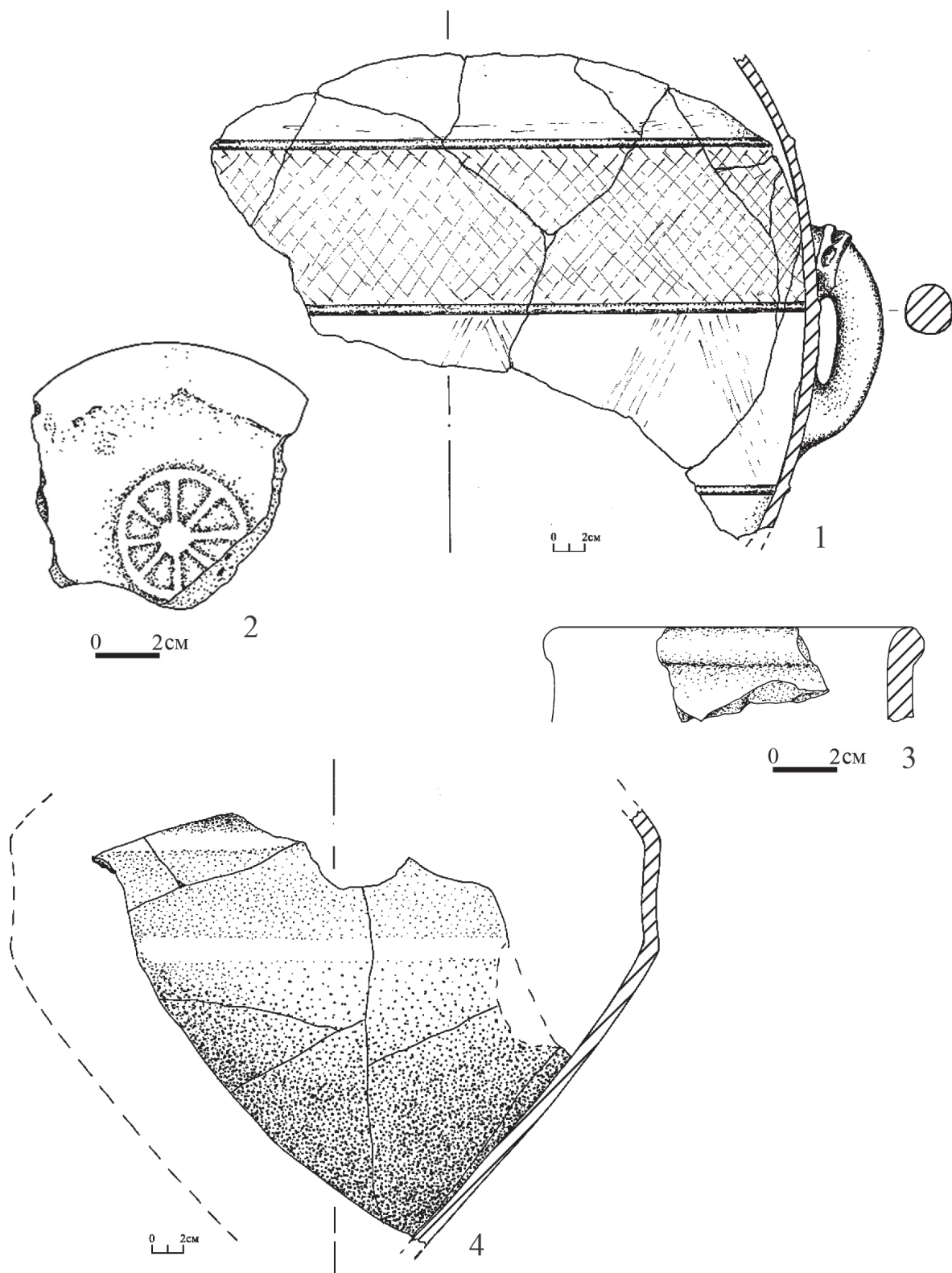

Рис. 2. Фрагменты керамики с кварцевым песком:
 1, 4 — корчаги; 2 — дно кувшина с клеймом; 3 — венчик кувшина

городища, изготовленной по центрально-кавказской технологии, более узкая, конец I – II в. н. э., скорее всего, его середина, что вполне входит в рамки хронологии зилгинских изделий.

Особое внимание следует обратить на то, что вышеописанная керамика является первой по времени группой кухонной гончарной посуды местного, связанного с Северным Кавказом, производства. Как уже было сказано, горшки являются ведущей формой.

Значительная примесь средне- и крупнозернистого песка повышала жаропрочность сосудов. Поэтому можно высказать предположение, что первоначально гончары этой группы специализировались на кухонной

посуде. Появление и существование мастерских подобного типа указывают на определенные изменения в уровне социально-экономического развития донских племен в первые века нашей эры.

Таким образом, на ближнем пограничье Крепостного городища существовало аланское стойбище со своим своеобразным керамическим производством, основы которого были заложены на Северном Кавказе. Меоты и аланы пользовались в основном посудой, изготовленной по своим рецептам. Взаимного влияния, как на уровне технологического процесса, так и в создании форм, между аланской (центральнокавказской) и донской сероглиняной гончарной керамикой не произошло.

Литература

- Аржанцева И. А., Деопик Д. В. Зилги — городище начала I тысячелетия н. э. на стыке степи и предгорий Северной Осетии // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники) / Ред. Т. А. Котеленко, С. А. Узанов. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1989. С. 78–97.
- Братченко С. Н., Косяненко В. М. Нижнедонской гончарный центр первых веков нашей эры (по материалам гончарных мастерских Кобякова и Подазовского городищ) // Донские древности. Вып. 2 / Под общей редакцией В. Я. Кияшко. Азов: Азовский музей-заповедник, 1994. С. 80–101.
- Горбенко А. А., Косяненко В. М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). Азов: Азовский музей-заповедник, 2011. 511 с. (Донские древности. Вып. 11).
- Косяненко В. М. Некрополь Кобякова городища. Азов: Азовский музей-заповедник, 2008. 541 с. (Донские древности. Вып. 9).
- Масловский А. Н., Косяненко В. М. Керамика с кварцевым песком из раскопок Крепостного городища в 2008 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. Вып. 25 / Под общей редакцией В. Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. С. 371–390.

Viktoriiia Kosianenko

A New Alanic Campsite from the First and Second Centuries AD near a Maiotian Settlement (in the Centre of Modern Town of Azov)

Abstract

In the centre of modern town of Azov in the Rostov-on-the-Don region there is the so-called Krepostnoe ancient town dated from the late first to the second century AD. Together with other Maiotian settlements, it formed environs of Tanais. In recent years, the research has uncovered an Alanic campsite from the first and second centuries AD located on the south-western border of Krepostnoe. In contrast to thick cultural layer of the fortified settlement of Krepostnoe, the Alanic site has but insignificant layer saturated with wheel-made pottery with inclusion of silica sand. This kind of ware is typical of the Alanic population of the North Caucasus. After their migration to the Don area, the Alans continued the production of their specific vessels made with particular techniques. Among the finds at the site area, there are specific stands for drying ceramic ware.

В. М. Косяненко

**Новое аланское стойбище I – II вв. н. э. вблизи меотского поселения
(в центре г. Азов)**

Резюме

В центре города Азова Ростовской области расположено Крепостное городище конца I в. до н. э. – II в. н. э. Оно входило вместе с другими меотскими поселениями в округу Танаиса. В последние годы на его юго-западной границе обнаружено аланское стойбище I – II вв. н. э. В отличие от мощного культурного слоя Крепостного городища, аланское стойбище имеет незначительный слой, насыщенный гончарной керамикой с примесью кварцевого песка. Подобная керамика характерна для алан Северного Кавказа. Переселившись на Дон, аланы и здесь изготавливали свою характерную посуду, используя особые технологические приемы. На территории комплекса найдены и специальные подставки для сушки гончарных изделий.

Л. А. Краева

Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана¹

Ключевые слова: сарматы, гончарство, керамика, заимствования, подражания, импорт, Южное Приуралье, Западный Казахстан

Keywords: Sarmatians, pottery industry, pottery, borrowings, imitations, import, Southern Ural area, Western Kazakhstan

Заимствования и подражания в гончарстве относятся к одной из самых слабо разработанных тем в рамках изучения культурных контактов.

Прежде чем перейти к конкретным видам заимствований и подражаний в сарматской среде необходимо разграничить эти два понятия.

Заимствование — является наиболее простой формой контактов, так как сводится к переносу того или иного культурного явления из одного общества в другое в готовом виде. Объектами заимствования могут быть как сами предметы, так и более совершенные орудия труда (технические средства) или приемы технологии (Цетлин, 2012, с. 234, 239–240).

Принято считать, что вещи, которые не умеют делать местные мастера, могут попадать в другой коллектив в результате: а) дарения; б) обмена; в) торговли или г) захвата. Такие изделия в ряде случаев могут выступать в качестве «прототипов» для подражания, а сами получившиеся подражания иметь лишь отдаленное сходство с «прототипами» (Бобринский, 1999, с. 54; 2018, с. 63–67; Цетлин, 2012, с. 228).

Анализ керамических коллекций из сарматских погребальных комплексов Южного Приуралья и Западного Казахстана позволил выделить виды заимствований и подражаний в гончарстве ранних кочевников VI в. до н. э. – IV в. н. э.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40031.

К *заимствованиям* отнесены: 1) готовые импортные керамические сосуды; 2) технологические приемы (ангобирование, окрашивание, обваривание); 3) технические средства (гончарный круг).

1. В сарматских погребениях Южного Приуралья и Западного Казахстана встречается круговая импортная посуда из Средней Азии (рис. 1, 1–2) и Кавказа (рис. 1, 3–4) (Мошкова, 1963, с. 30; Мошкова, 1987, с. 104–112; Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 136, 137, 140, рис. 2, 8; 3, 6; 4; 5; Васильев, 2006, с. 58; Мещеряков, Яблонский, 2007, с. 361–363, 367, рис. 3; Малашев, Яблонский, 2008, с. 48, 49; Яблонский, 2010, с. 71, 219, рис. 17, 9, кат. № 1242; Болелов, 2012, с. 208–219). По мнению исследователей, такая керамическая посуда не являлась сама по себе предметом импорта, а попадала в качестве тары, которая использовалась при перевозке товаров.

Импортная посуда из Средней Азии различных форм отличается в основном красным цветом поверхности и однотонным, обычно насквозь прокаленным изломом черепка также красного цвета, что свидетельствует об обжиге в горнах в окислительной атмосфере с доступом кислорода. Такая посуда часто вытягивалась на гончарном круге, о чем, в частности, свидетельствуют отпечатки на днищах, следы скольжения на поверхностях сосудов и способы лепки. При изготовлении сосудов использовалась железненная глина или смеси железненной и нежелезненной глин. Часть керамики ангобировалась или окрашивалась.

Происходит такая посуда из различных историко-культурных областей Средней Азии или Среднего Востока, в первую очередь это Хорезм и низовья Сырдарьи (чирикратская культура) (Болелов, 2012, с. 210, 217).

Импортная керамика с территории Кавказа выделяется серым цветом поверхности и излома, что свидетельствует об обжиге в восстановительной атмосфере горна без доступа кислорода. Она также изготавлива-

лась на гончарном круге, в составе железненной глины обычно фиксируется естественная примесь остроугольного кварцевого песка, черепок очень плотный, звонкий, чем заметно отличается от сосудов-подражаний.

Порой точно установить центр изготовления керамики достаточно трудно. Так сосуд из могильника Прохоровка 1 (к. «Б», п. 1) имеет лишь отдаленное сходство с керамикой Закавказья, в частности, Мидии Атропатены (рис. 1, 5) (Яблонский, 2010, с. 71, 116, 215, рис. 14, 6; кат. №№ 616, 616б).

Кроме импортной круговой посуды из указанных регионов в сарматских захоронениях Южного Приуралья и Западного Казахстана иногда находят лепную посуду, которая отличается от продукции местных сарматских гончаров. Такая посуда могла попадать в результате контактов с обществами, которые находились на одном уровне социально-экономического развития с ранними кочевниками, но имели иные гончарные традиции в изготовлении лепной керамики. Примером могут служить серии зауральской керамики (рис. 1, 6) (Мошкова, 1974, с. 29–38; Краева, 2010а, с. 61, 62, рис. 1, 1–3), а также единичные находки — чаша из могильника Покровка 1 (к. 16, п. 2), изготовленная из формовочной массы нежелезненная «жирная» глина+дробленая раковина, то есть рецепту нехарактерному для сарматов (рис. 1, 7). Тогда как аналогичные сосуды-чаши были широко распространены в среде кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 2004, с. 189–191, рис. 4).

Способы проникновения такого импорта могут быть различны. Если появление зауральской керамики на рубеже V – IV вв. до н. э. связано с массовой миграцией отдельных групп населения из данного региона, чьи гончарные традиции впоследствии оказали значительное влияние на формирование раннесарматского гончарства (Краева, 2015а, с. 237, 238), то попадание отдельных находок лепной импортной посуды может быть связано с иными формами

культурных контактов (дарение, брачные союзы и др.).

Выявление «лепных импортов» является довольно сложной задачей и требует дальнейшей кропотливой работы с выделением признаков как по формам и орнаментации, так и по технологии изготовления.

2. В сарматском гончарстве, в основном в IV – II вв. до н. э., фиксируются редкие заимствования таких технологических

приемов как ангобирование, окрашивание и обваривание.

Под ангобированием в литературе обычно подразумевают тонкое покрытие (менее 1 мм) из инородной по отношению к черепку глины, наносимое до обжига на керамическое изделие для устранения дефектов поверхности, декорирования и придания ей какого-либо цвета: светлого или красного (Сайко, 1982, с. 38, 39; СЭС, 1988, с. 56;

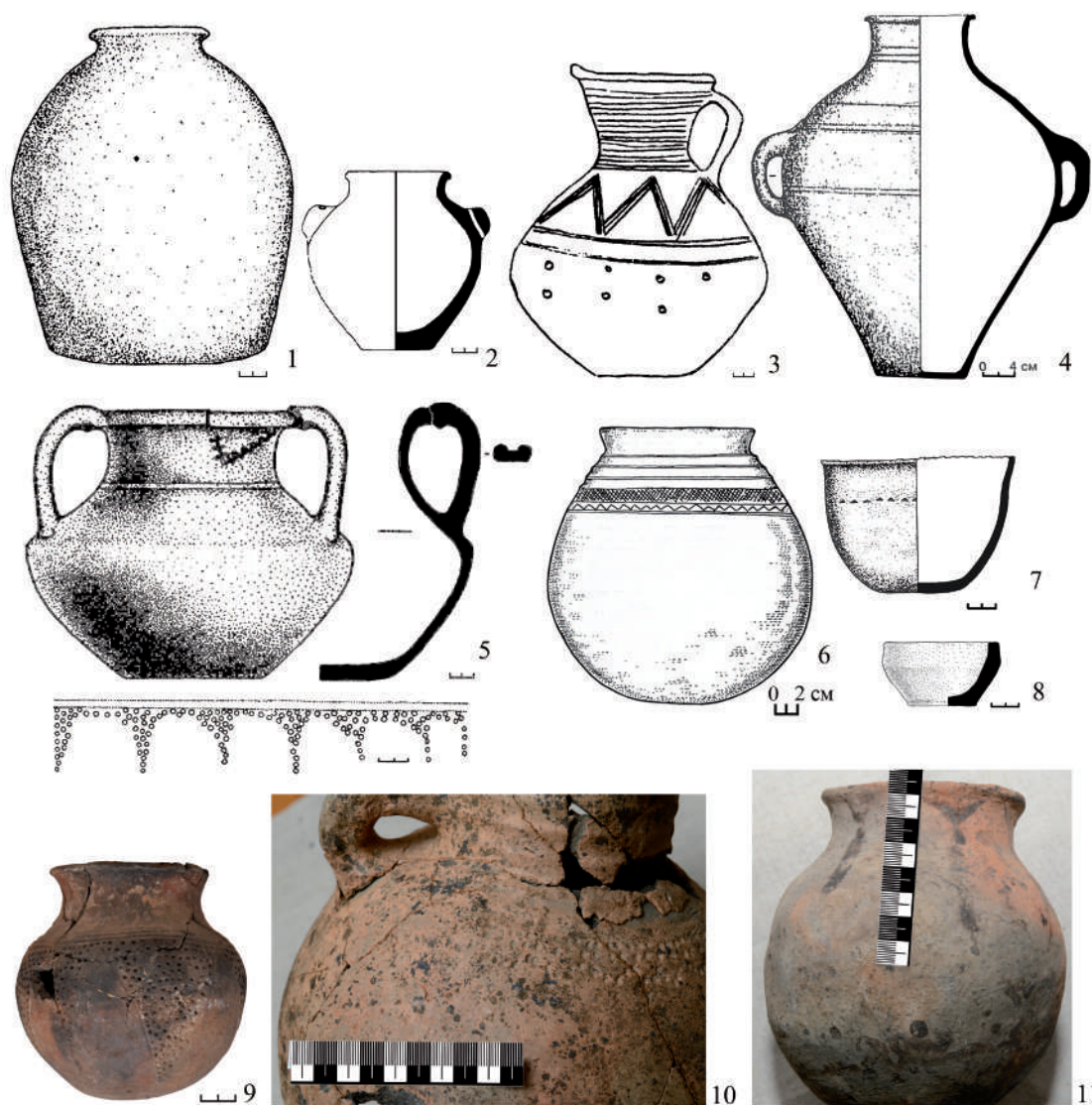

Рис. 1. Заимствования в гончарстве сарматских племен:

- 1 — Бердянка V, к. 4, п. 5; 2 — Бердянка V, к. 5, п. 1; 3 — Кардаилово, к. 19, п. 1; 4 — Покровка 2, к. 9; 5 — Прохоровка 1, к. «Б», п. 1, сосуд № 2; 6 — Новый Кумак, к. 21, п. 2; 7 — Покровка 1, к. 16, п. 2; 8 — Прохоровка 1, к. «б», п. 5, сосуд № 1; 9 — Танаберген 2, к. 3, п. 2 (АОИКМ, инв. № 13904); 10 — Онайбулак, к. 3, п. 1 (АОИКМ, без инв. номера); 11 — Целинный 1, к. 41, сосуд № 4 (АОИКМ, инв. № 14409). 1–11 — керамика

Цетлин, 2017, с. 17, 18). Данный прием обработки внешней поверхности, характерный для импортной круговой среднеазиатской посуды, вероятно, оттуда и был заимствован сарматскими гончарами. Так, сосуд № 1 из погребения 5 кургана «б» могильника Прохоровка 1 (рис. 1, 8) покрыт ангобом из глины, отличной от основного исходного пластичного сырья (ИПС), но он слабо выделялся по цвету. После вторичного обжига образца в муфеле в окислительной атмосфере ангоб приобрел лимонно-оранжевую окраску, которая резко выделялась на белом фоне основного нежелезненного сырья, из которого был изготовлен сосуд, то есть для ангобирования была использована ожезненная глина. Данная чашечка вылеплена вручную и является изделием местного производства. На это указывают способы конструирования, общие с сосудами из этого же могильника, а также состав формовочной массы, характерный для раннесарматской гончарной традиции: глина+шамот+навоз. В частицах шамота фиксировался тальк и ожезненный шамот — примеси, встреченные в керамике из других погребений Прохоровки 1 (Краева, 2010б, с. 236, 240, 248).

Окрашивание поверхности состоит в нанесении на нее слоя красящего пигмента, толщина которого обычно составляет не более 0,1 мм (Цетлин, 2017, с. 158). Это достаточно редкий прием, который встречен, главным образом, на сосудах местного производства IV в. до н. э. и был, видимо, заимствован со стороны (возможно из Хорезма), не исключено также, что он мог зародиться, как вид подражания ангобированным сосудам, при котором вместо ангоба использовалась охра. Форма сосудов со следами краски на внешней поверхности вполне сарматская (рис. 1, 9). Следует отметить, что не всегда красящий пигмент наносился после обжига, так как в некоторых случаях следы окрашивания почти полностью утрачивались после термической обработки, и становились слабо-

заметными на фоне более темных пятен на участках соприкосновения поверхности сосуда с топливом при обжиге.

В Западном Казахстане по сравнению с Южным Приуральем значительно чаще встречены следы химико-термического способа обработки поверхностей сосудов — пятнистого обваривания, что фиксируется в виде сизых пленок с внешней и внутренней стороны сосудов или отдельных подтеков и пятен (рис. 1, 10, 11).

Следы в виде «искусственных» подтеков, аморфных разводов и пятен встречаются на поверхностях сосудов, но связаны они с целенаправленным процессом разбрызгивания какой-то красящей жидкости сразу после обжига керамики, а не с пищевым происхождением от приготовления пищи. Отличаются они от «бытовых» следов более светлым тоном и отсутствием слоя сажи на самих подтеках, местом распределения на внешней поверхности сосуда (не всегда идут от края венчика, обычно расположены по плечу, тулову, донной части), а также формой (вертикальные подтеки сочетаются с разводами разной конфигурации). Подтверждением непищевого их происхождения является отсутствие нагара внутри таких сосудов (Краева, 2015б, с. 93).

Примеры покрытия посуды пятнами с подтеками известны по этнографическим источникам в Средней Азии и Сибири (Пещерева, 1959, с. 79–81). В качестве смеси для обваривания керамики (обвары) могли использоваться различные густые органические растворы, приготовленные из растительной муки, навоза и т. п. Считалось, что обваривание сосуда оказывало положительное магическое защитное воздействие на содержащиеся в нем продукты, но впоследствии могло трансформироваться в способ декорирования керамики (Цетлин, 2017, с. 139, 140).

Рецепты обвары и корни появления такого вида заимствования как «пятнистое обваривание» в сарматском гончарстве пока назвать трудно.

3. Керамику сарматы изготавливали вручную без использования гончарного круга, лишь в I – III вв. н. э. изредка фиксируется посуда, изготовленная с помощью гончарного круга, на что указывают следы непрерывного заглаживания, симметричность сосудов и отпечатки на днищах. Данные признаки свидетельствуют об использовании гончарного круга только в качестве поворотного столика при формообразовании и заглаживании. Конструирование такой посуды производилось спирально-жгутовым налетом при донно-емкостной программе конструирования начина.

Известно, что гончарный круг при заимствовании, попадая в инокультурную среду, часто использовался не по своему прямому назначению, которое не всегда было известно и доступно носителям местных гончарных традиций, а более примитивным образом. Например, не для вытягивания сосуда, а в качестве поворотного столика (Бобринский, 1999, с. 57–59; Цетлин, 2012, с. 234).

К сожалению, среди исследователей широко распространено ошибочное мнение, что если форма сосуда симметричная, то сосуд изготовлен или «подправлен» на гончарном круге. Между тем, обладая высокими навыками в изготовлении посуды, можно слепить «идеальную» форму, не прибегая к гончарному кругу.

А. А. Бобринским было выделено 7 этапов развития функций гончарного круга от использования круга только в роли поворотного столика (РФК-1) до инструмента для полного вытягивания сосуда из комка глины (РФК-7) (Бобринский, 1978, с. 191). Отметим, что в качестве поворотного столика мог использоваться не только сам круг, но и подручные предметы. Так в некоторых регионах Средней Азии сосуд формовали на диске из глины и навоза, который устанавливался на камень (Пещерева, 1959, с. 30). В связи с этим, сегодня остается открытым вопрос с какого этапа РФК

можно называть сосуд круговым, не имея возможности изучения технологии, а также какие признаки различия следует выделять между ручными, ножными кругами и поворотными столиками при отсутствии следов на днищах сосудов (Краева, 2018, с. 145).

Список обнаруженных видов *подражаний* в сарматском гончарстве значительно шире, это: 1) подражание формам керамических сосудов импортного происхождения; 2) подражание металлическим сосудам; 3) имитации кожаной утвари и отдельных ее элементов; 4) копирование объектов природы (имитация вымени).

1. В погребениях Южного Приуралья и Западного Казахстана раннего железного века встречаются помимо круговой импортной посуды из Средней Азии и Кавказа также лепные формы-подражания ей, выполненные сарматскими гончарами (рис. 2, 1–4) (Малашев, Яблонский, 2008, с. 49; Краева, 2018, с. 147).

Последние изготовлены с помощью местных технологических приемов, но стремление к воссозданию формы и внешних особенностей импортной керамики сразу обращает на себя внимание. В то же время, «подражания» не всегда точно копируют оригиналы, что связано с отсутствием надлежащих навыков в изготовлении новых непривычных форм посуды (Бобринский, 1999, с. 53, 54; Бобринский, 2018, с. 66).

Кроме широко известных форм-подражаний из выше указанных регионов, в сарматской среде присутствуют нетрадиционные формы лепной керамики, изготовленные с помощью местных технологических приемов, которые, возможно, являются подражаниями керамики из более западных областей. Так, сосуд из погребения 9 одиночного кургана Нижняя Павловка, датированный IV – III вв. до н. э., по форме и месту крепления ручки имеет значительное сходство с круговыми античными киафами и некоторыми образцами лепной керамики скифов (рис. 2, 5) (Мелюкова, 1979, с. 57,

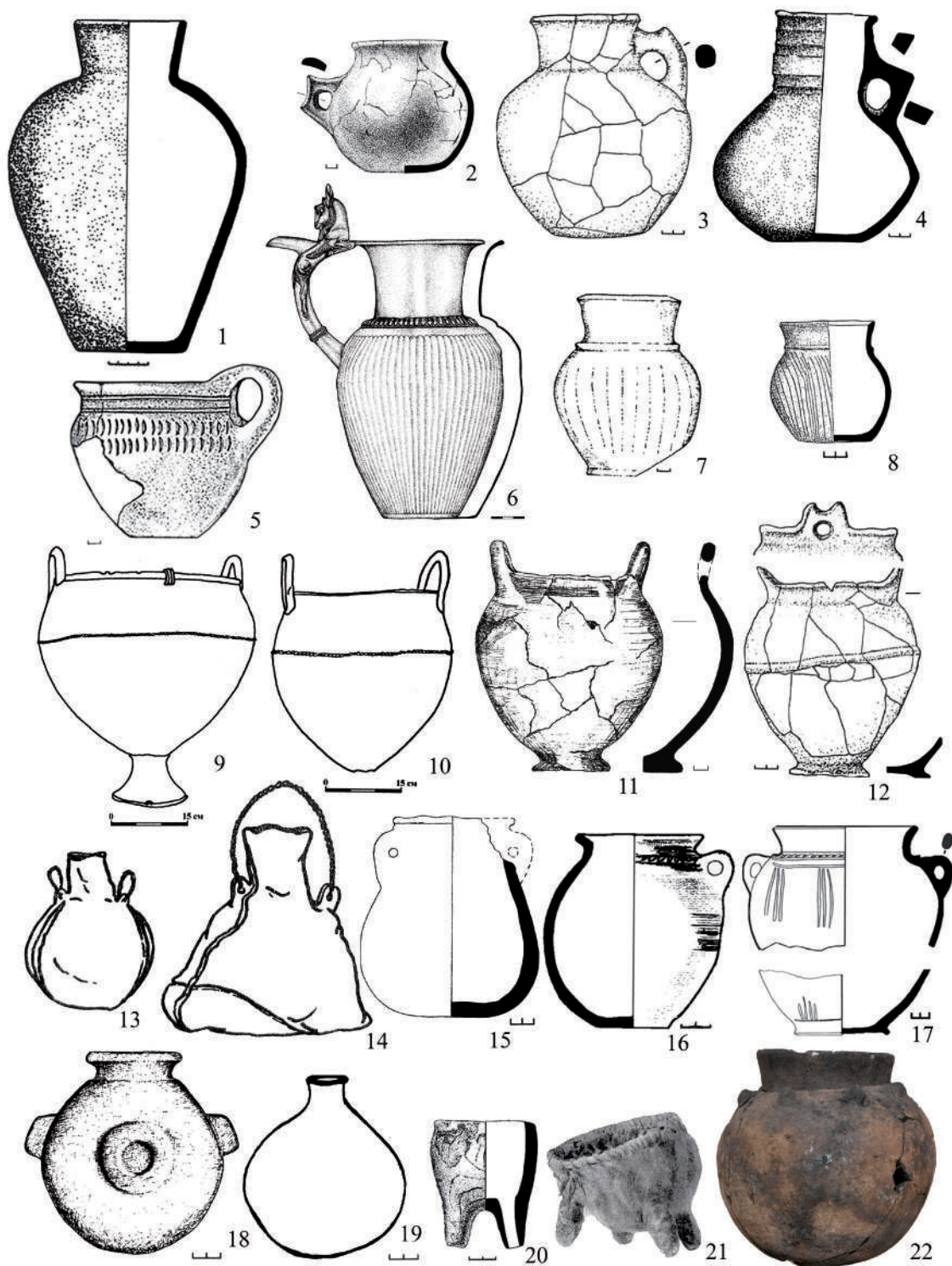

Рис. 2. Оригиналы и подражания им в сарматском гончарстве: 1 — Покровка 2, к. 7, п. 8; 2 — Мустаево V, к. 4, п. 3; 3 — Покровка 10, к. 43; 4 — Покровка 10, к. 85; 5 — Нижняя Павловка, п. 9; 6 — Филипповка 1, к. 4, п. 4; 7 — Бердянка 5, к. 5, п. 4; 8 — Покровка 7, к. 1, п. 1; 9–10 — бронзовые котлы (9 — случайная находка в Саратовском Заволжье; 10 — Крепинский, к. 11); 11 — Красный Яр, к. 20; 12 — Покровка 10, к. 66; 13–14 — башкирские кожаные сосуды (по А. П. Бородавскому); 15 — Болдырево 1, к. 6; 16 — Покровка 8, к. 1, п. 14; 17 — Чкаловский, к. 4, п. 13; 18 — Кардаилово, к. 16, п. 1; 19 — Кардаилово, к. 3, п. 1; 20 — Акоба 2, к. 1, п. 3; 21 — сосуд индейцев арауканов из коровьего вымени (по Э. В. Зиберту); 22 — Урках 1, к. 3, п. 1 (АОИКМ, инв. № 13709). 1–5, 7–8, 11–12, 15–20, 22 — керамика; 6, 9–10 — металл; 13, 14, 21 — кожа

рис. 17, 4-5; Античные государства., 1984, с. 327, табл. СХХVI, 6; Моргунова, Купцова, Купцов и др., 2017, с. 169).

2. Среди сарматской посуды встречаются и керамические сосуды, изготовленные как подражания металлическим изделиям (рис. 2, 6). Признаки, характеризующие передачу в глине деталей, которые свойственны металлу проявляются в особенностях очертания форм сосудов или отдельных их частей, а также в особенностях оформления поверхностей изделий (Бобринский, 2018, с. 71). К таким признакам относятся: 1) вертикальное или горизонтальное каннелирование сосуда; 2) орнаментация в виде вертикальных прочерченных линий по всему тулову; 3) наличие горизонтальных «валиков-обручей» (рис. 2, 7, 8). Встречаются они на посуде в основном IV – II вв. до н. э.

В позднесарматское время известны подражания металлическим котлам: Лебедевка, курган В-11, Кано, курган F5 Бородаевка, Покровка 10 курган 66 (Малашев, Яблонский, 2008, с. 49), Верхне-Яблочный курган 10 погребение 4 (Скрипкин, 1990, рис. 13, 24), Красный Яр курган 20 (Мещеряков, 1999, рис. 89), II Имангулово Второе курган 6 (раскопки А. А. Евгеньева, Л. А. Краевой за 2018 г., Оренбургская область). Такие сосуды обладают целым рядом признаков, свойственным бронзовым котлам (Демиденко, 2008, с. 211, рис. 99; 102; 106; 108; 109) (рис. 2, 9–10): яйцевидная форма тулова; поддон; декорирование тулова валиком, имитирующим шов; парные вертикальные петлевидные ручки, крепящиеся по торцу венчика; элементы декора ручек (рис. 2, 11, 12). Не все эти признаки могут проявляться на одном сосуде. Например, наличие поддона или валика, а также дополнительного декора ручек, как и у металлических образцов, не всегда присутствует.

3. Предпосылки появления керамической посуды, имитирующей кожаную утварь

(рис. 2, 13, 14), обычно связаны со значительной ролью скотоводства в экономике и может говорить об увеличении общей подвижности населения или наоборот служить индикатором перехода к оседлости кочевых подвижных культур (Бородовский, 1990, с. 124, 127). К деталям соответствующим подражаниям кожаной посуде относятся: «грушевидная» форма сосудов, которая наиболее характерна для кожаных оригиналов; наличие боковых ручек-ушек для подвешивания; присутствие деталей в виде имитации веревочек в верхней части сосуда (рис. 2, 15–17).

Довольно сложной в изготовлении формой для воспроизведения ее в глине является фляга (рис. 2, 18). Считается, что прообразом данного типа керамики послужил кожаный бурдюк. Большинство фляг, найденных в курганах раннего железного века Южного Приуралья, своим происхождением связаны с Хорезмом, а также с Ираном. Появление фляг в комплексах древнеземледельческих областей Среднего Востока связывают с миграциями групп кочевого населения в южные области Средней Азии, Афганистан и Иран (Васильев, 2006, с. 58–62; Болелов, 2012, с. 212, 213).

Кроме импортных фляг из указанных регионов можно выделить лепные подражания им, к таковым относится фляга из могильника Кардаилово (к. 3, п. 1)² (рис. 2, 19). Примечательно, что в этом же могильнике была найдена также импортная круговая фляга (к. 16, п. 1), которая широко известна по публикациям (рис. 2, 18) (Моргунова, 1996, с. 12, 15, рис. 8, 11; 14, 2; Влияние ахеменидской культуры..., 2012, Т. 1, с. 419, рис. 100).

Фляга из Кардаилово (к. 3, п. 1) по типу напоминает флягу без ручек из могильника Филипповка 1 (к. 10, п. 1, раскопки А. Х. Пшеничнюка) (Васильев, 2006, с. 58, 59, рис. 1, 5; Болелов, 2012, с. 212, 641, цв. табл. I.61, 4), но сделана вручную без

² Фляга из кургана 3 могильника Кардаилово в тексте публикации ошибочно названа гончарной (Моргунова, 1996, с. 12).

использования гончарного круга и значительно уступает по качеству. Таким образом, мы имеем дело с, так называемым, вторичным подражанием³.

4. Среди типов сарматской керамики встречены довольно необычные сосуды, которые копируют форму вымени животных (рис. 2, 20), а также отдельные его элементы в виде налепов-сосцов в качестве скульптурного орнамента.

Сосуды в виде вымени особенно характерны для скотоводческих народов. Они изготавливались как непосредственно из вымени животных (рис. 2, 21), так и имитировали вымя из других материалов (камень, дерево и керамика) (Зиберт, 1953, с. 93–97; Краева, 2016а, с. 113–121). Сарматские керамические сосуды в виде вымени животных имели по 2 или 4 ножки со сквозными отверстиями, что отражает доленое строение вымени таких млекопитающих как коза, лошадь и корова. Все они (Акоба II, к. 1, п. 3; Филипповка, к. 7; Филипповка, к. 29, п. 6; Яковлевка II, п. 7; Кураша I, п. 1) происходят из комплексов V – IV вв. до н. э., расположенных в бассейне рек Урал и Илек.

Изучение следов на поверхностях сосудов под микроскопом, а также проведенные экспериментальные работы позволили выдвинуть гипотезу об использовании данных предметов в перевернутом состоянии для окуривания или курения трав в ходе ритуальных церемоний. Могли они также служить и в качестве приспособлений для отпугивания насекомых дымом

(Краева, 2016а, с. 119, 120, рис. 3, 4; 2016б, с. 176–180, рис. 1)

С V в. до н. э. по IV в. н. э. среди сарматской керамики зафиксировано несколько способов изготовления скульптурных орнаментов в виде сосцевидных налепов («шишечек») (рис. 2, 22), расположенных в основном на плече или посередине тулова сосудов: 1) выдавливание наружной «шишечки» изнутри пальцем гончара; 2) налепливание отдельной порции глины в виде «шишечки»; 3) комбинированная техника нанесения. Установлено, что форма налепов, их расположение и техника нанесения имели свои особенности в разные хронологические периоды. Наибольшее распространение получили такие орнаменты в раннесарматское и позднесарматское время (Краева, Купцов, Мамедов и др., 2019, в печати).

В целом предварительный анализ видов заимствований и подражаний в гончарстве ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана указывает на контакты как с обществами более высокого социально-экономического развития, так и с коллективами, которые находились примерно на одном уровне развития. Если появление заимствований является результатом таких контактов, то возникновение подражаний обнаруживает связи с традиционным кочевым образом жизни (имитации вымени и кожаной посуды) и указывает на престижность обладания импортными предметами, что приводит к росту спроса на сосуды-подражания.

³ Первичные подражания в данном случае представлены импортными круговыми флягами, копирующими кожаные бурдюки.

Литература

- Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. 392 с. (Археология СССР. Т. 9).
- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Под общ. ред. А. А. Бобринского. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Бобринский А. А. Формы-подражания черняховских гончаров стеклянным и металлическим прототипам: проблемы методики изучения и хронологии сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Под общ. ред. Ю. Б. Цетлина. М.: ИА РАН, 2018, С. 63–123.
- Болелов С. Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. 1 / Под общ. ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. С. 208–219.
- Бородовский А. П. Проблемы возникновения керамики, имитирующей кожаную утварь (по материалам Верхнего Приобья в раннем железном веке // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика / Под общ. ред. В. И. Молодина, Е. В. Ламинай. Новосибирск: Наука, 1990. С. 122–130.
- Васильев В. Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Под общ. ред. Г. Т. Обыденновой, Н. С. Савельева. Уфа: Гилем, 2006. С. 58–62.
- Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. 1 / Под общ. ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. 672 с.
- Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н.э.). Т. 2 / Под общ. ред. М. Ю. Трейстера, Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. 468 с.
- Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Издательство ЛКИ, 2008. 328 с.
- Зиберт Э. В. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. XIV. С. 93–97.
- Краева Л. А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Под общ. ред. Ю. Б. Цетлина, Н. П. Салугиной, И. Н. Васильевой. М.: ИА РАН, 2010а. С. 58–65.
- Краева Л. А. Технология изготовления лепной керамики из могильника Прохоровка // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010б. С. 231–251.
- Краева Л. А. Сарматская керамика как исторический источник // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии / Под общ. ред. Ю. Б. Цетлина. М.: ИА РАН, 2015а. С. 229–242.
- Краева Л. А. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана // Самарский научный вестник. 2015б. № 3 (2). С. 90–99.
- Краева Л. А. Технология изготовления и способы использования некоторых типов сарматских курильниц // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Под общ. ред. Л. Т. Яблонского, Л. А. Краевой. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016а. С. 113–121.

- Краева Л. А. Необычная «курильница» из сарматского одиночного кургана Кураша I // Материалы V Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2016» / Под общ. ред. Б. А. Байтанаева. Актобе: Изд-во «Археология», 2016. С. 176–180.
- Краева Л. А. Гончарное производство сарматских племен Западного Казахстана и проблемы изучения // Археология ранних кочевников Евразии / Под общ. ред. В. Н. Мышкина. Самара: ООО «Книжное издательство», 2018. С. 140–150.
- Краева Л. А., Купцов Е. А., Мамедов А. М., Шинкарь О. В. Сарматская керамика с соседними налечами // НАВ. 2019 (в печати).
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: ИА РАН, 2008. 365 с.
- Мелькова А. И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 256 с.
- Мещеряков Д. В. Отчет о раскопках курганного могильника Красный Яр в Илекском районе и разведках в Шарлыкском и Октябрьском районах Оренбургской области в 1999 г. по Открытому листу № 420 / Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. №26927.
- Мещеряков Д. В., Яблонский Л. Т. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / Под общ. ред. В. И. Козенковой, В. Ю. Малашева. М.: Таус, 2007. С. 357–368.
- Моргунова Н. Л. Курганы у с. Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. Вып. 1 / Под общ. ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург: ДИМУР, 1996. С. 8–43.
- Моргунова Н. Л., Купцова Л. В., Купцов Е. А., Краева Л. А., Файзуллин И. А., Крюкова Е. А., Мухаметдинов В. И. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у в. Нижняя Павловка // АПО. Вып. 13 / Под общ. ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург: ОГАУ, 2017. С. 140–173.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. 3 / Под общ. ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург: ДИМУР, 1999. С. 124–146.
- Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Наука, 1963. 56 с.
- Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
- Мошкова М. Г. Среднеазиатская керамика из позднесарматских комплексов // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе: Дониш, 1987. С. 104–112.
- Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л.: АН СССР, 1959. 395 с.
- Пшеничнюк А. Х. Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 189–191.
- Сайко Э. В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 211 с.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. 240 с.
- Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. 1600 с.
- Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.
- Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2017. 346 с.
- Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 385 с.

Liudmila Kraeva

**Borrowings and Imitations in the Pottery Industry of the Sarmatian Tribes
in the Southern Ural area and Western Kazakhstan**

Abstract

This paper addresses the types of borrowings and imitations in the pottery industry of the early nomads in the Southern Ural area and Western Kazakhstan from the sixth century BC to the fourth century AD. The analysis has determined the borrowings of ready-made imported ceramic vessels, new techniques, and spontaneous use of potter's wheel for non-intended application in the Late Sarmatian period. Ceramic imitations of imported vessels and the pottery made of other materials (leather, udder, and metal) have been determined. The reasons behind the borrowings and imitations probably were the result of cultural contacts and the influence of traditional nomadic way of life.

Л. А. Краева

**Заимствования и подражания в гончарстве сарматских племен
Южного Приуралья и Западного Казахстана**

Резюме

Статья посвящена видам заимствований и подражаний в гончарстве ранних кочевников Южного Приуралья и Западного Казахстана VI в. до н. э. – IV в. н. э. В результате анализа выделены заимствования готовой импортной керамической посуды, новые технологические приемы, а также эпизодическое использование гончарного круга в позднесарматское время не по прямому его назначению. Выявлены керамические подражания импортным сосудам, а также посуде, выполненной из других материалов (кожа, вымя, металл). Причины появления заимствований и подражаний рассматриваются как результат культурных контактов и влияния традиционного образа жизни кочевников.

М. В. Кривошеев, В. Ю. Малашев

Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения позднесарматского времени Северного Причерноморья¹

Ключевые слова: *позднесарматская культура, кочевники Северного Причерноморья, погребальный обряд, культурная атрибуция*

Keywords: *Late Sarmatian culture, Northern Black Sea nomads, funeral rite, cultural attribution*

Черты погребальных традиций и вещевого комплекса, характеризующие основные признаки позднесарматской культуры, определены ещё в XX в. в работах П. С. Рыкова, П. Д. Рау, Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой, А. С. Скрипкина. Их резкое отличие от традиций предшествующей среднесарматской культуры позволило вполне аргументированно связывать появление позднесарматской культуры в восточно-европейских степях с миграционными процессами в середине II в. н. э. (Скрипкин, 2011 — там литература). Отдельные признаки позднесарматской обрядности указывают на её восточное происхождение (Малашев, Мошкова, 2010; Малашев, 2013; Кривошеев, 2017).

Среди ведущих черт культуры исследователи выделяют северную ориентировку погребенных, узкие прямоугольные ямы и подбои, искусственную деформацию черепа, определённые типы инвентаря, получившие наибольшее развитие в этот период. Устойчивое сочетание таких признаков в погребальных комплексах позволяет определить территориальные границы распространения позднесарматской культуры.

В данной работе мы попытаемся аргументировать западную границу ареала позднесарматской культуры. По распространению «классических» признаков, характерных для позднесарматской культуры, проанализируем памятники на территории Северного Причерноморья. Авторы данной

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания Минобрнауки РФ (проект № 33.2830.2017/4.6 «Юг России в эпоху раннего железного века: диалог культур Восток – Запад»).

публикации придерживаются мнения, что на территории Северного Причерноморья не произошло оформления позднесарматской культуры как целостного комплекса.

Для различных регионов распространения позднесарматской культуры процесс её формирования проходил по различным сценариям, что связано с взаимодействием носителей позднесарматской обрядности, появившихся в степях Восточной Европы около середины II в. н. э., с населением, проживавшим на этой территории со среднесарматского времени. В Южном Приуралье малочисленный среднесарматский субстрат практически не повлиял на облик позднесарматской культуры, где все основные признаки являются доминирующими на протяжении всего позднесарматского времени. В Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону, где среднесарматское население было более многочисленным, в условиях доминирования позднесарматских традиций, среднесарматские элементы в погребальном обряде просматриваются до начала III в. н. э. В первой половине III в. н. э. позднесарматская культура достигает своего расцвета и приобретает единообразие от Зауралья до Нижнего Дона.

Наиболее западная территория ареала позднесарматского культурного комплекса — Нижний Дон. Во второй половине II — первой половине III в. н. э. здесь располагался один из политических центров кочевого общества. В этом регионе в комплексе присутствуют основные диагностические признаки позднесарматской культуры. Памятники фиксируются как на правом, так и на левом берегу Дона. При этом ряд исследователей считает и степи Северного Причерноморья территорией распространения позднесарматской культуры².

Рассмотрим ведущие признаки поздне-

сарматского культурного комплекса второй половины II — первой половины III в. н. э. в двух соседних регионах — нижнедонском и северопричерноморском.

Для позднесарматской культуры характерно возведение небольших курганов над единственным погребением, совершенным в большинстве случаев в подбоях и узких прямоугольных ямах. Эта традиция характерна для всех регионов распространения культуры уже с середины II в. н. э. В Северном Причерноморье с середины II в. н. э. также распространены индивидуальные насыпи и могилы в простых ямах и подбоях (Симоненко, 2004, с. 149–159; 2011), однако доминируют ямы с плечиками, достаточно редкие для позднесарматской культуры Южного Приуралья — Нижнего Дона. Существует и ряд специфических черт нехарактерных для позднесарматской культуры. В Северном Причерноморье вокруг и рядом с курганами сооружали квадратные и прямоугольные ровики, что очень редко встречается в погребальных комплексах позднесарматской культуры и может свидетельствовать о господстве в регионе иных традиций, отличных от позднесарматских. А. В. Симоненко видит истоки использования северопричерноморских ровиков вокруг курганов в среднедонских культовых постройках или оградках I в. н. э. на могильниках Среднего Дона, которые были принесены местным населением в причерноморские степи в позднесарматское время (Симоненко, 2011, с. 172).

Одним из основных признаков позднесарматской культуры является северная ориентировка погребенных. На Нижнем Дону она встречается в подавляющем большинстве случаев, демонстрируя господство позднесарматских традиций уже на самых ранних этапах (Мошкова, 2009, с. 88, табл. 1, 14).

² Установление точных географических границ между двумя упоминаемыми регионами — задача, выходящая за рамки нашего исследования. В данном случае, нижнедонские степи стоит рассматривать как единое культурное пространство, а не географическое. Вероятно, в позднесарматское время и северное побережье Таганрогского залива входило в зону влияния кочевых групп, проживавших в низовьях Дона. Поэтому мы опираемся, в первую очередь, на различия в культурных комплексах (см. ниже), один из которых территориально тяготеет к Нижнему Дону, другой — к Днепру и западу от него.

Для северопричерноморского региона северная ориентировка не является диагностической в культурном отношении для позднесарматского времени. В кочевнических памятниках Северного Причерноморья северная ориентировка фиксируется, начиная со II в. до н. э. и продолжает встречаться в средне- и позднесарматское время. Едва ли этот признак может служить четким индикатором позднесарматской культуры в данном регионе.

Искусственная деформация черепов, ставшая «визитной карточкой» позднесарматской культуры, на Нижнем Дону встречается в 54 % комплексов (Батиева, 2011, с. 41). В Северном Причерноморье деформация встречается крайне редко и является скорее исключением для позднесарматского времени (Круц, 1993), что не позволяет говорить о повсеместном распространении здесь этой традиции.

Неотъемлемым атрибутом позднесарматской археологической культуры принято считать кубические и усечено-пирамидальные курильницы. У сарматов данная форма курильниц в единичных случаях встречается ещё в раннесарматское время (Скрипкин, 2015). В позднесарматское время на Нижнем Дону подобные курильницы распространены на обоих берегах Дона (Мошкова, 2009, с. 89, табл. 1, 21). В памятниках Северного Причерноморья кубические и усечено-пирамидальные курильницы также известны, однако они малочисленны и не являются ведущим типом (Дзиговский, 1993, с. 50, рис. 25, 2–6).

Отличительной чертой позднесарматской культуры стали крупные оселки с прямоугольным или квадратным сечением. Их длина может варьировать от 20 до 68 см. Ареал таких оселков совпадает с территорией распространения позднесарматской культуры. Они практически с одинаковой частотой встречаются в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону. В подавляющем большинстве случаев крупные оселки происходят из воинских

погребений первой половины III в. н. э. (Кривошеев, 2014). В Северном Причерноморье находка крупного точильного камня известна лишь в комплексе богатого воинского захоронения в кургане IV Олонешты (Курчатов, Бубулич, 2003, с. 296, рис. 4, 7).

Во второй половине II – первой половине III вв. н. э. широкое распространение получают зеркала с центральной петелькой. Не исключено, что такой тип зеркал является развитием традиции китайских зеркал ханьской эпохи. Китайские зеркала и их подражания, изготовленные, вероятно, в Средней Азии, наиболее активно поступали в сарматский мир, начиная со среднесарматского времени (Гугуев, Трейстер, 1995). В позднесарматское время большая часть их обнаружена в Южном Приуралье, что, вероятно, связано с контактами южноуральских кочевников со среднеазиатскими центрами, откуда они и попадали к кочевникам (Малашев, 2013, с. 92–95). К западу от Волги единственная находка, относящаяся к самому раннему пласту позднесарматских древностей и датируемая около середины II в. н. э., обнаружена в Северном Приазовье в Чугуно-Крепинке (Моруженко, Санжаров, Посредников, 1985). Зеркала с центральной петелькой, которые лишь конструктивно сходны с китайскими подражаниями, получают распространение в Южном Приуралье и, более всего, в Поволжье и на Нижнем Дону. Самой западной находкой таких зеркал можно считать зеркало из кургана 5 могильника Шевченко в Северном Приазовье (Шепко, 1987, с. 163, рис. 4, 20). В Северном Причерноморье зеркала с центральной петелькой во второй половине II – первой половине III в. н. э. нам неизвестны.

Важным признаком, отличающим памятники позднесарматского времени Северного Причерноморья от южноуральских, поволжских и нижнедонских, являются различия в формах лепной керамики, которые справедливо считаются одним из важнейших признаков культурного единства.

В Северном Причерноморье лепные сосуды не находят параллелей в захоронениях позднесарматской культуры к востоку от Нижнего Дона (Малашев, 2009, с. 48). Морфологически эта керамика близка образцам посуды из лесостепных подкурганых захоронений сарматского времени и поселенческих памятников первых веков нашей эры Среднего и Верхнего Дона (Медведев, 2008).

Сравнительный анализ распространения традиций погребального обряда и некоторых категорий инвентаря не позволяет уверенно говорить о распространении позднесарматской культуры в Северном Причерноморье. В Северо-Восточном Приазовье, на Донбассе известно несколько памятников, которые можно считать крайними западными погребениями, в которых сочетаются традиции позднесарматского культурного комплекса (Шевченко, Чугуно-Крепинка) (Моруженко, Санжаров, Посредников, 1985; Шепко, 1989). Далее к западу признаки позднесарматской культуры, спорадически встречаемые в памятниках второй половины II – первой половины III вв. н. э., разрознены и не оставляют впечатления целостного культурного комплекса (Малашев, 2009, с. 48). Вероятно, в середине II в. н. э. экспансия носителей позднесарматской культуры в своём движении на запад достигла правого берега Дона. Появление новых черт, характерных для позднесарматской культуры, у кочевников Северного Причерноморья, возможно, связано с проникновением сюда отдельных групп позднесарматского населения. Однако оно растворилось в среде местных кочевников, не сформировав качественно новой культурной среды, как это произошло в Нижнем Поволжье и на Нижнем Дону. В дальнейшем население Северного Причерноморья, видимо, испытывало культурное влияние со стороны носителей позднесарматской культуры, перерабатывая их традиции в соответствии с собственными представлениями. Можно предположить,

что в середине II – первой половине III вв. н. э. серьезное влияние на причерноморских кочевников оказывало население лесостепной зоны Среднего и Верхнего Дона.

Середина III в. н. э. стала переломным моментом в истории позднесарматской культуры. Миграция центральнокавказского населения в нижнедонской регион приводит к началу формирования здесь нового культурного комплекса, основой которого становятся носители аланской культуры Северного Кавказа (обряд захоронения в Т-образных катакомбах) при участии населения позднесарматской культуры, культурно ассимилированного к IV в. н. э. (Безуглов, Захаров, 1988, с. 21; Безуглов, Копылов, 1989; Bezuglov, 1995; Малашев, 2009; 2010). Этот процесс охватывает территорию Нижнего Дона и северную часть Волго-Донского междуречья (Кривошеев, 2016). Во второй половине III – начале IV в. н. э. отмечается процесс ослабления позднесарматского компонента и доминирования в IV в. н. э. катакомб, генетически восходящих к центральнокавказским культурным традициям (Безуглов, 1990, с. 85; Малашев, 2009; 2010).

В Северном Причерноморье памятников второй половины III – IV вв. н. э. немного. Сокращение числа погребальных комплексов в регионе сопровождается существенным изменением соотношения основных типов погребальных сооружений. Широкое распространения в западной части региона получают подбойные могилы, однако их пропорции отличаются от погребальных сооружений предшествующего этапа и от позднесарматских подбоев (Малашев, 2009, с. 48; Симоненко, 2011, с. 174). Они известны, преимущественно, в Днестро-Дунайском междуречье во второй половине III в. н. э., но ко второй четверти IV в. н. э. практически исчезают, также как и нижнедонские подбои (Дзиговский, 2003, с. 204–205).

Катакомбные могилы, получившие распространение в регионе после середины III в. н. э., наряду с подбойными

захоронениями, типологически не совсем однородны (Симоненко, 2011, с. 175–179). В Днестро-Дунайском междуречье они относятся исключительно к конструкциям, где длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы (тип II по К. Ф. Смирнову и М. Г. Мошковой, В. Ю. Малашеву). В Днепро-Донском междуречье и на Левобережье Днепра катакомбы представлены как данной конструкцией, так и могилами с перпендикулярным расположением длинных осей входной ямы и камеры (тип I по К. Ф. Смирнову и М. Г. Мошковой, В. Ю. Малашеву), близких нижнедонским катакомбам.

Анализ материалов III – IV в. н. э. позволил одному из авторов высказать мнение, что отнесение подкурганых катакомб второй половины III – IV в. Нижнего Подонья и Северного Причерноморья к позднесарматской культуре выглядит не вполне правомерно; у этих погребальных сооружений нет корней в погребальной традиции позднесарматской культуры (Малашев, 2009; 2010).

Основываясь на выше изложенном, можно предположить, что во второй половине II – первой половине III вв. н. э. степи Северного Причерноморья не входили в ареал памятников позднесарматской культуры. Отдельные её черты встречаются

в захоронениях местного населения, однако не сформировали целостного культурного облика, характерного для позднесарматской культуры. В этом случае, западной границей распространения памятников позднесарматской культуры можно считать Северное Приазовье и Донбасс.

После середины III в. н. э. памятники степного населения Северного Причерноморья также демонстрируют специфику в распространении собственных, отличных от позднесарматских, погребальных традиций. Катакомбные памятники восточных районов Северного Причерноморья могут быть близки кругу нижнедонских катакомб, которые, возможно, соотносятся с северокавказскими традициями, но не имеют отношения к позднесарматской культуре. Позднесарматский культурный комплекс в этот период в регионе также не фиксируется.

В заключение считаем нужным обратить внимание на то, что специфика культурного комплекса населения северопричерноморских степей, проявляющаяся в соотношении типов погребальных сооружений, формах лепной керамики, а также распространении других типов погребального инвентаря, претендует на роль самостоятельной археологической культуры, фиксирующейся со II в. до н. э.

Литература

- Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей, 1990. С. 85–87.
- Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5 / Ред. кол.: З. Н. Римская, Ю. В. Цыбуленко, В. М. Косяненко и др. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1988. С. 5–28.
- Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III – IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.
- Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 143–156.

- Дзиговський О. М. Сармати на заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н. е. – першій половині IV ст. н. е. Київ: АН України, Ін-т археології, 1993. 203 с.
- Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003. 240 с.
- Кривошеев М. В. Волго-Донское междуречье в середине III – IV вв. н. э. Этноисторические проблемы // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции «Проблемы археологии Нижнего Поволжья». 15–18 ноября 2016 года / Отв. ред. П. М. Кольцов. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2016. С. 100–103.
- Кривошеев М. В. Позднесарматские комплексы с наборами клинков с территории Нижнего Поволжья // НАВ. 2014. Вып. 14. С. 87–91.
- Кривошеев М. В. Восточные традиции и инновации в сарматских памятниках второй половины II – IV в. н. э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 4. С. 17–27.
- Круц С. И. Сарматы Таврии по антропологическим данным // Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. С. 131–141.
- Курчатов С., Бубулич В. «Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты» — 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона / Отв. ред. Е. Сава. Кишинёв: Ин-т археологии и этнографии АН РМ, 2003. С. 285–312.
- Малашев В. Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–51.
- Малашев В. Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Выпуск III / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 117–142.
- Малашев В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II – III вв. н. э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.
- Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Выпуск III / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 37–56.
- Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 252 с.
- Моруженко А. А., Санжаров С. Н., Посредников В. А. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой области в 1985 году / Научный архив ИА НАНУ. № 21381.
- Мошкова М. Г. Анализ сарматских погребальных памятников II – IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2009. 176 с.
- Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: б. и., 2004. С. 134–173.
- Симоненко А. В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 168–182.
- Скрипкин А. С. Проблема происхождения позднесарматской культуры // НАВ. 2011. Вып. 12. С. 183–196.

- Скрипкин А. С. Об одном типе раннесарматских курильниц // РА. 2015. № 1. С. 106–111.
- Шепко Л. Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. 1987. № 4. С. 158–173.
- Bezuglov Sz. I. Késő római kori katakombás temetkezések az Alsó-Don-vidék sztyeppéin [Catacomb graves in the steppes of the Lower Don in the Late Roman Age] // Studia Archaeologica. 1995. I. P. 325–343. (A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve).

Mikhail Krivosheev, Vladimir Malashev

The Problem of Cultural Identification of Nomadic Burials from the Late Sarmatian Period in the Northern Pontic Area

Abstract

The comparative analysis of the distribution of the funeral ritual tradition and some categories of grave goods does not allow enough argument that the Late Sarmatian culture spread in the Northern Black Sea area. In the second half of the second and the first half of the third century AD, the westernmost graves corresponding to the tradition of the Late Sarmatian cultural complex appeared in the North-Eastern Azov Sea area and in the Donbass. Far to the west, the features of the Late Sarmatian culture do not make the appearance of integral cultural complex. After the mid-third century AD, nomadic sites in the Northern Black Sea area possessed specific features which differed from the Late Sarmatian funeral tradition. Moreover the Late Sarmatian culture complex from the period in question has not been documented in the said region. Although catacomb monuments in the eastern areas of the Northern Black Sea region sometimes resemble the circle of the Lower Don catacombs, they have nothing to do with the Late Sarmatian culture. The specificity of the cultural complex of the population of the Northern Black Sea steppes suggests that it was a specific archaeological culture that appeared in the second century BC.

М. В. Кривошеев, В. Ю. Малашев

**Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения
позднесарматского времени Северного Причерноморья**

Резюме

Сравнительный анализ распространения традиций погребального обряда и некоторых категорий инвентаря не позволяет уверенно говорить о распространении позднесарматской культуры в Северном Причерноморье. Во второй половине II – первой половине III вв. н. э. наиболее западные погребения, соответствующие традициям позднесарматского культурного комплекса, находятся в Северо-Восточном Приазовье и на Донбассе. Далее к западу признаки позднесарматской культуры не оставляют впечатления целостного культурного комплекса. После середины III в. н. э. памятники кочевников Северного Причерноморья демонстрируют специфику, отличную от позднесарматских погребальных традиций. Позднесарматский культурный комплекс в этот период в регионе также не фиксируется. Катакомбные памятники восточных районов Северного Причерноморья могут быть близки кругу нижнедонских катакомб, но не имеют отношения к позднесарматской культуре. Специфика культурного комплекса населения северопричерноморских степей претендует на роль самостоятельной археологической культуры, фиксирующейся со II в. до н. э.

В. В. Кропотов

К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, сарматы, погребальные памятники, курганы, поздний эллинизм – раннеримское время*

Keywords: *Northern Black Sea area, Sarmatians, funeral sites, barrows, Late Hellenistic – Early Roman Period*

Северное Причерноморье, наряду с Южным Приуральем, Нижним Поволжьем и Подоньем, начиная с периода позднего эллинизма представляло собой территорию широкого расселения сарматских племен. Хотя этот регион был освоен сарматами позднее других, здесь также наблюдается множество оставленных ими памятников. К настоящему времени на огромной территории, ограниченной с востока рекой Дон, а с запада реками Дунай и Прут, известно более 1600 погребений, а также целый ряд находок отдельных вещей и «кладов», обычно отождествляемых с этим народом. Абсолютное большинство данных комплексов исследователи относят к первым векам нашей эры и связывают со средним и поздним этапами развития сарматской культуры. И лишь незначительную их часть датируют предшествующим временем, соотнося с раннесарматским периодом.

Вместе с тем, решение целого ряда теоретических вопросов, в особенности касающихся определения времени и характера освоения сарматами причерноморских степей, в огромной степени зависит от объема привлеченного к анализу материала и точности его определения. В этой связи проблема хронологической и культурной интерпретации имеющихся сарматских памятников приобретает особую актуальность.

Цель данного сообщения — обоснование возможности использования культурологического подхода к решению проблемы выделения раннесарматских памятников из общего массива древностей сарматского времени Северного Причерноморья.

Первые попытки определить характерные черты ранних сарматских памятников в припонтийском регионе были осуществлены М. И. Ростовцевым, а затем К. Ф. Смирновым. Оба исследователя отмечали нали-

чие на данной территории лишь единичных комплексов, датируемых ими концом IV – III вв. до н. э. (Ростовцев, 1925; Смирнов, 1948, с. 217; 1954, с. 210).

Несколько большим по объему материалом располагали М. П. Абрамова и В. И. Костенко — в их сводках представлено, соответственно, 12 и 24 раннесарматских захоронения, отнесенных к III – II вв. до н. э. (Абрамова, 1961, с. 96–99; Костенко, 1982, с. 70–73). Около 50 комплексов в своей последней работе привел К. Ф. Смирнов, расширяя их датировку вплоть до начала I в. до н. э. (Смирнов, 1984, с. 72–114). Важно подчеркнуть, что увеличение числа выделенных памятников в то время происходило исключительно за счет проведения новых полевых исследований и накопления археологического материала.

Важным этапом в решении обсуждаемого вопроса стал пересмотр датировки раннесарматской (прохоровской) культуры и включение в круг ее древностей комплексов с хроноиндикаторами I в. до н. э., прежде считавшихся среднесарматскими (Полин, 1987, с. 132, 133; Скрипкин, 1987, с. 231). Проведенная вслед за тем ревизия собранных ранее материалов не только привела к исключению из списка раннесарматских многих памятников, относящихся к другим историческим эпохам, но и позволила сделать вывод об отсутствии в причерноморских степях погребений кочевников III – первой половины II вв. до н. э. (Полин, Симоненко, 1990, с. 74–93). Новый свод раннесарматских древностей, подготовленный А. В. Симоненко, включил 62 комплекса, совокупно датируемых второй половиной II – I вв. до н. э. (Симоненко, 1994, с. 34; 2000а, с. 158). Дальнейшие исследования и публикация неучтенных ранее материалов лишь незначительно увеличили это число — ныне известно около 80 комплексов (Симоненко, 2004, с. 134; 2012, с. 199, сноска 3; Попандопуло, Шмакова, 2008, с. 43–45; Болтрик, Кропотов, 2016, с. 156–159; Кропотов, 2015, с. 18–22; 2016а,

с. 22 и сл.; 2018, с. 115–117 и др.).

Выделенные на сегодняшний день раннесарматские памятники в Северном Причерноморье представлены в основном двумя группами: 1) так называемые «клады» — наборы конской упряжи и предметов вооружения, нередко сложенные в металлические сосуды и укрытые под насыпями курганов, в естественных возвышенностях или на склонах балок; 2) подкурганые захоронения. Последние численно доминируют и представляют собой одиночные погребения, совершенные, как правило, в простых подпрямоугольных могилах, впущенных в насыпи более древних курганов на небольшую глубину; покойные расположены в могилах вытянуто на спине головой на север с незначительным отклонением на запад или восток — случаи ориентации в других направлениях единичны; усопших сопровождал однотипный инвентарь: гончарные и лепные сосуды, предметы вооружения, личные украшения, фибулы, зеркала и пр. (Симоненко, 1994, с. 35–38; 2000а, с. 158, 159; 2004, с. 135, 136).

При этом, если в отношении связи «кладов» с сарматами в последнее время в литературе все чаще высказываются сомнения (см., например: Зайцев, 2012, с. 67 и сл.; Скрипкин, 2017, с. 121; Симоненко, 2018, с. 35), то сарматская принадлежность описанных выше захоронений у исследователей особых разногласий не вызывает — прочно утвердилась точка зрения об их отождествлении с сарматским племенем роксолан, хорошо известным по письменным источникам (Глебов, 1989, с. 155, 156; Симоненко, 1991, с. 17 и сл.).

Здесь необходимо подчеркнуть, что в Северном Причерноморье погребений, обладающих перечисленными чертами и связываемых с роксоланами, значительно больше — около 400. Территориально они концентрируются в центральной и западной частях региона и в более восточных областях практически не встречаются (рис.1). Их общая датировка укладывается в рамки

второй половины II в. до н. э. – первой половины II в. н. э. (Симоненко, 2000б, с. 193, 194), при этом захоронения, содержащие вещи, узко датированные в пределах второй половины II в. до н. э. – первой половины I в. н. э., известны только в Поднепровье, Крыму и Приазовье, в то время как комплексы с хроноиндикаторами второй половины I – первой половины II вв. н. э. сосредоточены в основном в Побужье и Днестро-Прутском междуречье (Кропотов, 2016а, с. 30; 2016б, с. 105). Исходя из этих наблюдений, можно сделать вывод о перемещении в середине I в. н. э. населения, оставившего данные памятники, с первоначальной территории расселения — Левобережной Украины, далее на запад — в Северо-Западное Причерноморье, и освоении ими этих степных пространств.

Сарматские захоронения второй половины I – первой половины II вв. н. э. в Поднепровье и Приазовье также известны, но представлены уже совсем иным кругом памятников — курганными могильниками с основными погребениями, совершенными в могилах подбойной конструкции, простых подпрямоугольных, квадратных в плане, могилах с «запличиками» и пр., имеющими прямые аналогии среди древностей среднесарматской культуры волго-донских степей. А. В. Симоненко выделяет их в особую группу памятников «восточной волны», которую связывает с пришедшими с востока аланами (Симоненко, 2000в, с.134–138). По-видимому, именно под их давлением обитавшие ранее на данной территории роксоланы вынуждены были переселиться в более западные области.

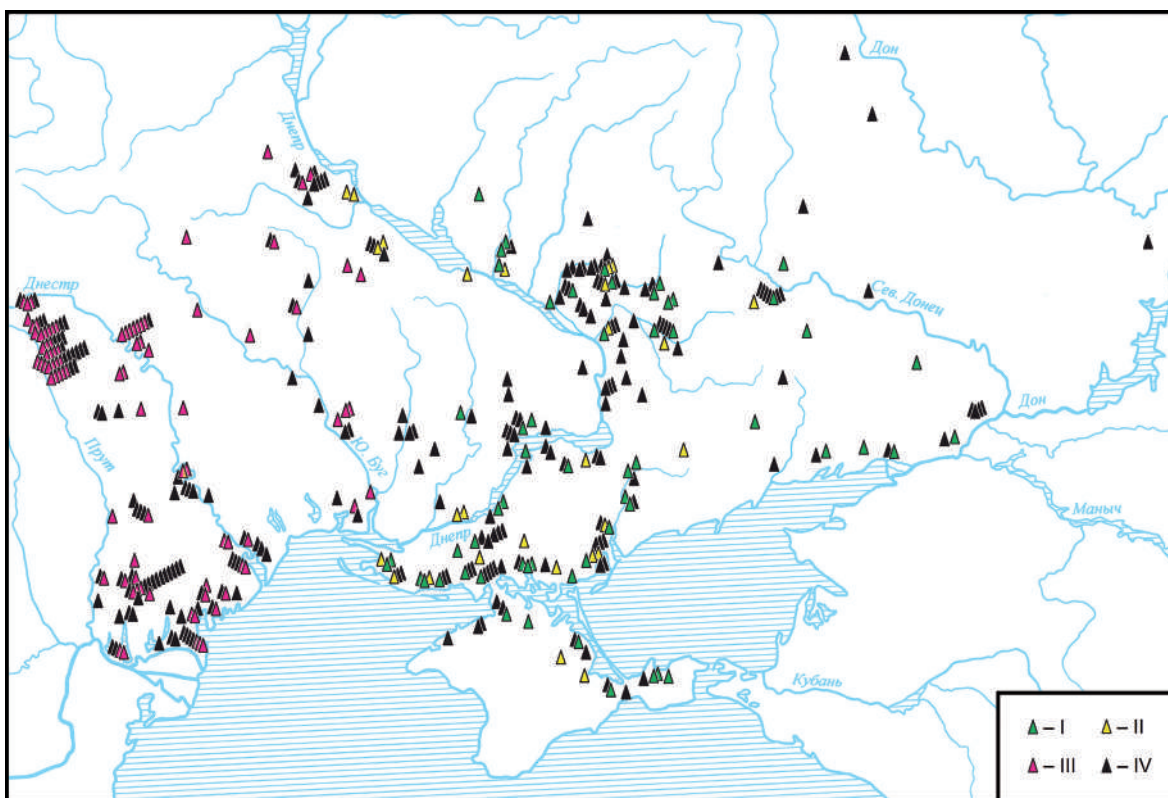

Рис. 1. Схема распространения впускных северо-ориентированных погребений в Северном Причерноморье: I — комплексы с хроноиндикаторами второй половины II – I вв. до н. э.; II — комплексы с хроноиндикаторами конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э.; III — комплексы с хроноиндикаторами второй половины I – первой половины II вв. н. э.; IV — комплексы, не содержащие узко датированных вещей

Возвращаясь к интересующим нас впускным северо-ориентированным погребениям, следует отметить некий диссонанс в их культурном определении. Меньшую часть данных памятников, содержащую хроноиндикаторы второй половины II – I вв. до н. э., ныне принято выделять в особую «раннесарматскую культуру Северного Причерноморья». Остальные же, не имеющие узко датированных вещей или относящиеся к первым векам н. э., относят к другой, среднесарматской, культуре, объединяя их вместе с памятниками «восточной волны» (собственно среднесарматскими), имеющими иной культурный облик и происхождение. Такой подход приводит, с одной стороны, к искусственному ограничению количества раннесарматских памятников Северного Причерноморья — повторюсь, в их число включаются лишь комплексы, содержащие хроноиндикаторы второй половины II – I вв. до н. э., а с другой, к размытию облика

среднесарматской культуры, в списке древностей которой оказываются инокультурные элементы.

Для устранения данного противоречия представляется целесообразным рассматривать весь массив причерноморских северо-ориентированных погребений как единую культурную общность. Учитывая, что за наиболее ранним пластом этих памятников уже закрепилось название «раннесарматская культура Северного Причерноморья», его можно распространить на весь данный культурный массив, одновременно отмечая, что на позднем этапе (во второй половине I – первой половине II вв. н. э.) он сосуществует со среднесарматской культурой, но территориально обособлен от нее (рис. 2).

Вместе с тем, принимая во внимание существенные отличия причерноморских раннесарматских памятников от синхронных древностей волго-донских степей,

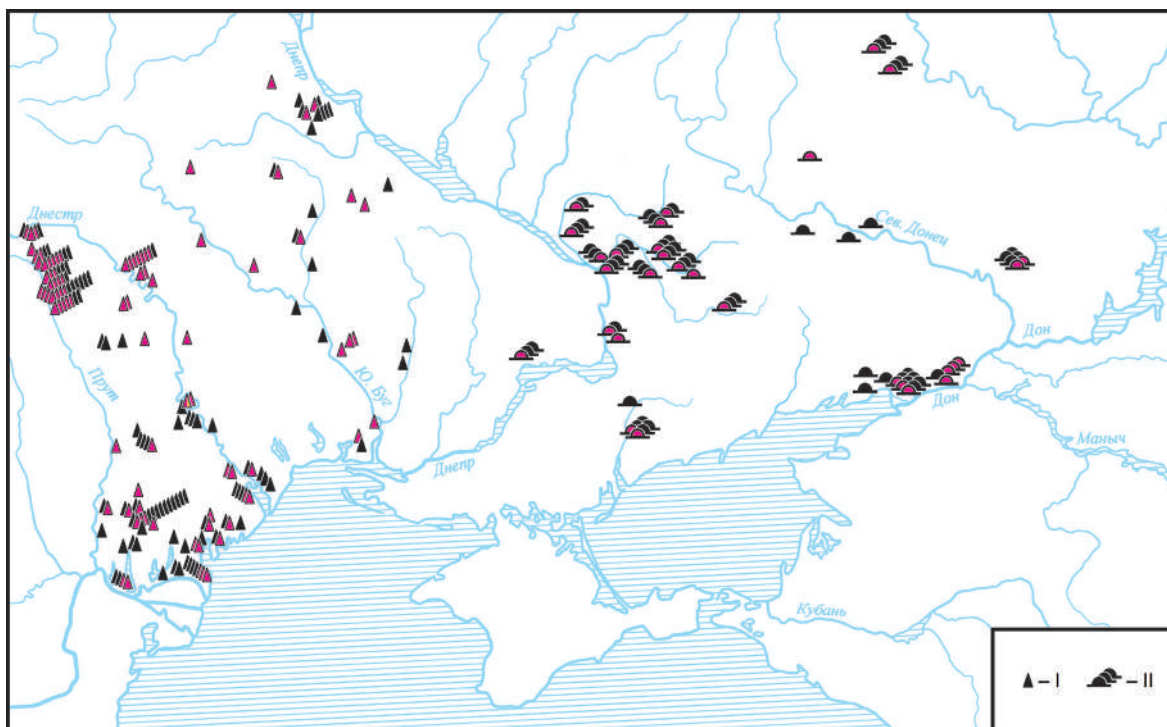

Рис. 2. Схема распространения сарматских памятников второй половины I – первой половины II вв. н. э. в Северном Причерноморье:
 I — впускные северо-ориентированные погребения;
 II — курганные могильники с основными погребениями

проявляющееся не только в преимущественной ориентации покойных в северный сектор, но и в ряде других признаков, можно было бы предложить для них и иное название, например «роксоланская культура» или «памятники (раннесарматской культуры) ногайчинского типа» (по названию одного из наиболее ярких комплексов этой культуры — погребению в Ногайчинском кургане), подчеркивая тем самым их отличие от древностей классической раннесар-

матской культуры прохоровского типа.

Таким образом, применение культурологического подхода к анализу древностей сарматского времени причерноморских степей позволяет существенно пополнить список раннесарматских памятников региона и создать более широкую базу данных для реконструкции культурных, этноисторических и политических процессов в Северном Причерноморье в позднеэллинистическое и раннеримское время.

Литература

- Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э. – I в. н. э. // СА. 1961. № 1. С. 91–110.
- Болтрик Ю. В., Кропотов В. В. Раннесарматские погребения у пгт. Акимовка Запорожской области // РА. 2016. № 3. С. 156–162.
- Глебов В. П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III – I вв. до н. э. на Нижнем Дону // Проблемы охраны и исследования памятников археологии на Донбассе. Тезисы докладов научно-практического семинара. Донецк: б. и., 1989. С. 155–156.
- Зайцев Ю. П. Северное Причерноморье в III – II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III – II вв. до н. э. / Отв. ред. Н. П. Тельнов. Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, 2012. С. 67–72.
- Костенко В. И. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья // Древности Степного Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1982. С. 69–75.
- Кропотов В. В. Сарматские погребения близ села Астанино в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2015. № 2 (32). С. 18–24.
- Кропотов В. В. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // НАВ. 2016а. Т. 15, № 1. С. 22–39.
- Кропотов В. В. Фибулы второй половины / конца II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. из сарматских погребений Северного Причерноморья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции / Отв. ред. П. М. Кольцов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2016б. С. 103–107.
- Кропотов В. В. Раннесарматское захоронение в Восточном Крыму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 114–125.
- Полин С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов VI Республиканской конференции молодых археологов / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка, 1987. С. 132, 133.

- Полин С. В., Симоненко А. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1990. С. 73–93.
- Попандопуло З. Х., Шмакова О. А. Курганный могильник на окраине с. Днепрельстан Запорожского района // Музейний вістник. 2008. Вип. 8. С. 42–64.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л.: б. и., 1925. 624 с.
- Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28.
- Симоненко О. В. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1994. № 1. С. 32–48.
- Симоненко А. В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I / Отв. ред. В. Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000а. С. 158–164.
- Симоненко А. В. Соотношение ранне- и среднесарматской культур в Северном Причерноморье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2 / Отв. ред. В. Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000б. С. 187–204.
- Симоненко А. В. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // НАВ. 2000в. Вып. 3. С. 133–144.
- Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: б/и, 2004. С. 134–173.
- Симоненко А. В. Раннесарматский период в Северном Причерноморье // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А. В. Симоненко. Киев: ИД «Скиф», 2012. С. 187–206.
- Симоненко А. В. О сарматском завоевании Скифии // НАВ. 2018. Т.17, № 1. С. 27–49.
- Скрипкин А. С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 231.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.
- Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1. С. 213–219.
- Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. М. И. Артамонов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 195–219.
- Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 184 с.

Viktor Kropotov

**On the Question of the Determination of the Early Sarmatian Sites
in the Northern Black Sea Area**

Abstract

This research has analysed the question of distinguishing Early Sarmatian sites from the bulk of the antiquities from the Sarmatian period in the Northern Black Sea area. Particular attention has been paid to the secondary burials oriented to the north. The dissonance in their cultural attribution has been stated. A minor part of the said graves, containing chronological indicators of the second half of the second and the first century BC, is traditionally attributed to the specific "Early Sarmatian culture in the Northern Black Sea area." The rest with no tightly-dated artefacts, or dated from the first centuries AD, are therefore attributed to the Middle Sarmatian culture, along with the sites of another cultural appearance (Middle Sarmatian proper). To fix this contradiction, it has been suggested to analyse the whole complex of the north-oriented graves in the Black Sea area as a single cultural unity. The latter could keep the name of the "Early Sarmatian culture in the Northern Black Sea area," with the note that in its late stage (the second half of the first and the first half of the second century AD) it coexisted with the Middle Sarmatian culture; alternatively, its new name could be suggested, e. g. the "Roxolanian culture," or the "sites of the (Early Sarmatian culture) of the Nogaichi type" (after the name of one of the most striking assemblages of this culture, i. e. the grave in the Nogaichi barrow), thus underlining their difference from the antiquities of classical Early Sarmatian culture of the Prokhorovka type.

В. В. Кропотов

**К проблеме выделения раннесарматских памятников
Северного Причерноморья**

Резюме

В работе анализируется проблема выделения раннесарматских памятников из общего массива древностей сарматского времени Северного Причерноморья. Особое внимание уделено впускным северо-ориентированным погребениям. Отмечен диссонанс в их культурном определении. Меньшую часть данных захоронений, содержащую хроноиндикаторы второй половины II – I вв. до н. э., принято выделять в особую «раннесарматскую культуру Северного Причерноморья». Остальные, не имеющие узко датированных вещей или относящиеся к первым векам н. э., причисляют к среднесарматской культуре, объединяя вместе с памятниками другого культурного облика (собственно среднесарматскими). Для устранения этого противоречия предлагается рассматривать весь массив причерноморских северо-ориентированных погребений как единую культурную общность. За последней можно сохранить название «раннесарматская культура Северного Причерноморья», отмечая, что на позднем этапе (во второй половине I – первой половине II вв. н. э.) она сосуществует со среднесарматской культурой, или предложить иное наименование, например «роксоланская культура» или «памятники (раннесарматской культуры) ногайчинского типа» (по названию одного из наиболее ярких комплексов этой культуры – погребению в Ногайчинском кургане), подчеркивая тем самым их отличие от древностей классической раннесарматской культуры прохоровского типа.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья¹

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, могильники, удила со строгими насадками, типология, хронология.

Keywords: Kuban River Region, Maeotae, burial yards, bits with rigid check-devices, typology, chronology

Конская упряжь занимает особое место в исследованиях кочевнических культур. В данной работе нас будет интересовать лишь один её элемент — это приспособления для управления лошадью — строгие насадки на удила. Наибольшее количество таких насадок встречено не в скифских и не в сарматских комплексах, а в меотских памятниках Прикубанья, поэтому центр их производства справедливо локализуют в этом регионе.

Еще в 1988 г. один из нас (И. И. Марченко) предложил типологию и хронологию крестовидных псалиев из сарматских памятников Кубани, причислив к ним, вслед за К. Ф. Смирновым (Смирнов, 1953, с. 37–40), и строгие крестовидные насадки, выделив их в тип I (Марченко, 1996, с. 72). Нужно отметить, что на тот момент было

известно очень мало таких находок. В настоящее время накоплен богатый материал, который позволяет нам предложить новую типологию и хронологию строгих насадок.

Типология насадок. Пока нами учтено 100 наборов удил со строгими насадками из меотских памятников Прикубанья. Все строгие насадки мы предлагаем разделить на **4 варианта**: **A** — короткие крестовидные с загнутыми заостренными концами (размеры крестовин — от 4 до 6,5 см); **B** — короткие крестовидные, концы раскованы в лопасти с зубцами (размеры крестовин — от 4 до 6,5 см); **C** — квадратные пластины с загнутыми в виде острых шипов углами (размеры пластин — 4,5х4,5 см); **D** — длинные крестовидные с небольшими зазубренными выступами (размеры крестовин, восстановленные по рисункам в публикациях, — 7–9 см).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00619 «Военное дело меотов правобережья Кубани (VI в. до н. э. – III в. н. э.)».

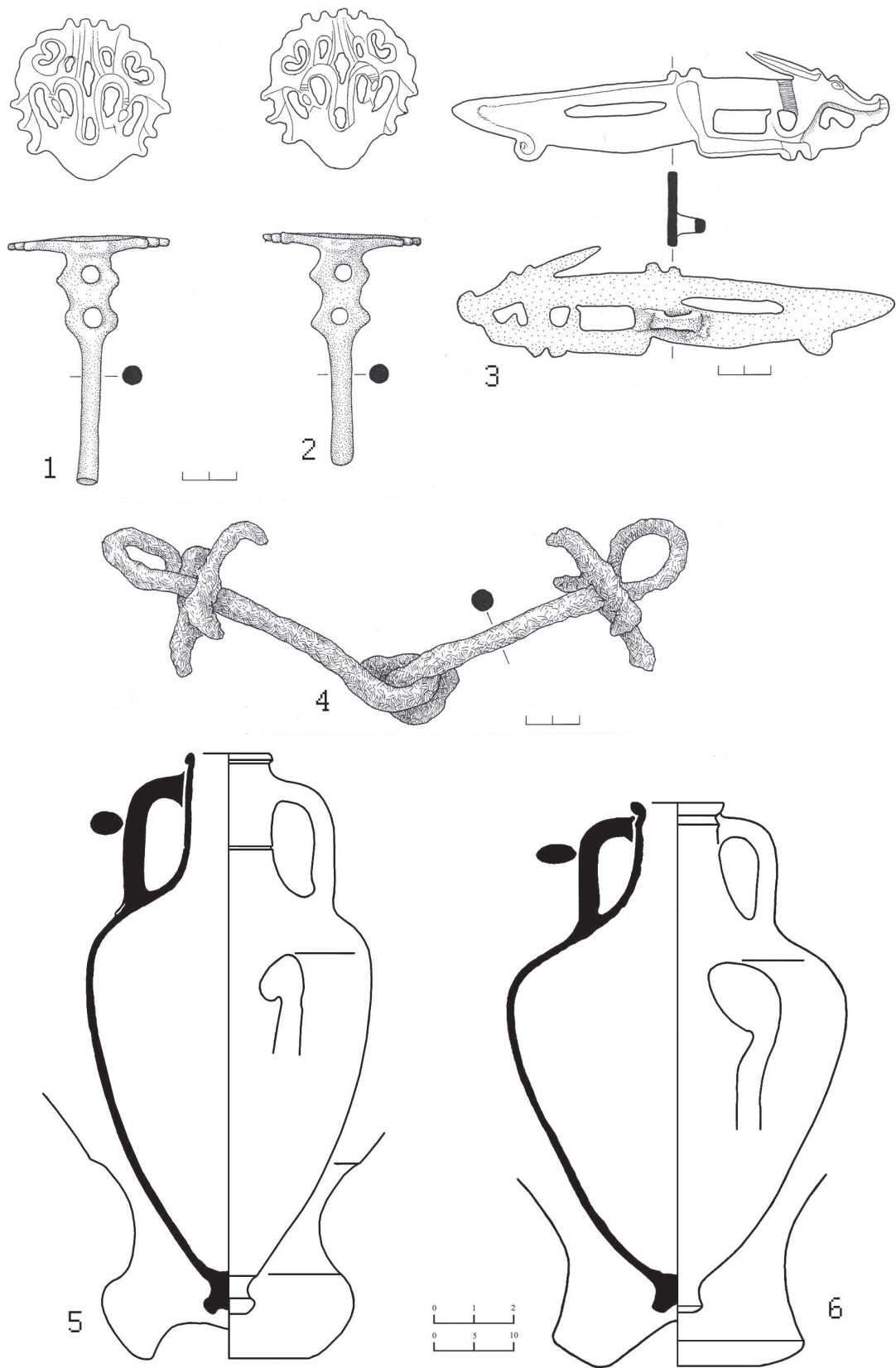

Рис. 1. Могильник Прикубанский, погребение 33: 1, 2 — бронзовые псалии; 3 — бронзовый налобник; 4 — железные удила с насадками *варианта А*; 5 — амфора Икоса; 6 — амфора Синопы

Последний вариант занимает промежуточное положение между строгими насадками и крестовидными псалиями.

Хронология комплексов из могильников правобережья Кубани. Появление строгих насадок **варианта А** в правобережных памятниках относится к раннемеотскому периоду. К ранним комплексам следует отнести погребение 119 из могильника Старокорсунского городища № 2, где сохранился фрагмент удила с маленькой крестовидной насадкой с загнутыми заостренными концами. Датировка этого комплекса ограничивается первой половиной V в. до н. э. на основании находки в нем чернолакового скифоса (Лимберис, Марченко, 2012, с. 62, рис. 36, 1). Ещё одна пара удила с такими насадками и бронзовыми двудырчатыми S-видными псалиями с раскованными секировидными концами происходит из погребения 262/263в этого же некрополя, которое мы датировали второй – третьей четвертью V в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012, с. 78, рис. 69, 13). Аналогичные насадки и псалии с секировидными концами имеют удила из погребения 2 кургана 1 у с. Брут, датированного V в. до н. э. (Габуев, Эрлих, 2001, с. 122, 124, рис. 7, 17).

Пик распространения удила с крестовидными насадками **варианта А** у меотов правобережья приходится на IV в. до н. э., что в полной мере демонстрируют материалы Прикубанского могильника. Здесь было открыто 18 погребений с крестовидными насадками этого варианта. Приведем некоторые наиболее выразительные примеры погребений, в которых находкам удила с крестовидными насадками **варианта А** сопутствовало, как правило, по две амфоры разных центров производства.

К началу IV в. до н. э. относятся два комплекса. Погребение 167 датируется на основании гераклеийской амфоры пифоидного типа, варианта I-4 с фабрикантским клеймом Евридама первой четвертью IV в. до н. э. (Кац, 2007, с. 429, прил. V, 1). Этому не противоречит и хронология второй,

мендейской, амфоры варианта портичелло (II-B). Амфора этого же варианта происходит из погребения 324 (Монахов, 2003, с. 92, 95).

Второй четвертью IV в. до н. э. датируются четыре комплекса (3/8, 33, 209, 352). В погребении 8 кургана 3 найдены две амфоры: гераклеийская амфора пифоидного типа варианта I-4 с клеймом магистранта Аристана 80 – 70-х гг. IV в. до н. э. (Кац, 2007, с. 240, 249, Приложение V, 3; Монахов, 2003, с. 215, 130, 131) и синопская амфора конического типа варианта I-A первой – начала второй четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 146, 147, табл. 100, 2).

Также две амфоры происходят из погребения 33 грунтового могильника (рис. 1). Первая — синопская пифоидного типа, варианта II-A-1 второй четверти IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 149, 160, табл. 101, 5). Вторая — производства мастерских Икоса — относится к первой морфологической группе, хронология которой ограничивается второй четвертью – серединой IV в. до н. э. (Монахов, Кузнецова, 2009, с. 158, рис. 2, 2; Монахов, Федосеев, 2013, с. 259, 260, рис. 2, 1).

В погребении 209 отмечен редкий случай взаимовстречаемости двух мендейских амфор вариантов портичелло (II-B) и мелитопольского (II-C), что также дает возможность датировать комплекс второй четвертью IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 92, 93, 95).

Концом второй четверти IV в. до н. э. датируется погребение 352. Хронология амфоры Менды мелитопольского варианта (II-C) определяется в пределах второй – третьей четверти этого столетия (Монахов, 2003, с. 95). Гераклеийская амфора пифоидного типа четвертого варианта (I-4) имеет клеймо магистрата Еуфрона, деятельность которого относится к 50-м годам четвертого века (Монахов, 2003, с. 128–131, 144; Кац, 2007, с. 432).

Срединой IV в. до н. э. ограничивается датировка погребения 224, из которого

происходят три амфоры: две средиземноморские неустановленного центра (тип Солоха I) и фасосская развитой биконической серии II-B-2 второй – третьей четвертей IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 68, 69, 76). Фасосскую амфору по определению С. Ю. Монахова следует узко датировать серединой или, точнее, 60 – 40-ми годами IV в. до н. э. В комплексе присутствовал также чернолаковый болсал. Поступление сосудов этого типа в Северное Причерноморье прекращается к концу второй четверти IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2010, с. 327, 328, кат. № 16, рис. 2, 7).

Серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. датируется погребение 202 по совместной находке двух амфор: неустановленного средиземноморского центра с грибовидным венцом и книдской геленджикского варианта (I-B) (Монахов, 2003, с. 102, 103, 110).

Третьей четвертью IV в. до н. э. ограничивается хронология двух комплексов (235, 427). В погребении 235 найдены амфора Менды мелитопольского варианта (II-C) второй – третьей четверти IV в. до н. э. и гераклейская амфора конического типа, третьего варианта (II-3), выпуск которого ограничивается 60 – 30-ми годами этого столетия (Монахов, 2003, с. 95, 136, 144).

Датировку погребения 427 (рис. 2) определяют амфора Гераклеи варианта I-A-2 с клеймом магистрата Спинтара 40-х годов четвертого века (Монахов, 2003, с. 132, 133, 143; Кац, 2007, с. 430, 432, приложение V, 5; VI) и амфора Икоса второй морфологической группы. Подобная тара производилась в середине – третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, Кузнецова, 2009, с. 158, рис. 5, 3; Монахов, 2013; Федосеев, с. 260, рис. 4, 2).

Второй – третьей четвертями IV в. до н. э. широко датируются четыре погребения (39, 172, 265, 405). В погребении 39 была встречена амфора типа Солоха I совместно с мендейской амфорой мелитопольского варианта (II-C). В остальных комплексах — по две амфоры Менды этого же варианта (Монахов, 2003, с. 92–95).

Первой четвертью III в. до н. э. ограничивается датировка погребения 132 с синопской амфорой типа II-C, имеющей клеймо астинома Теодорида, деятельность которого относится к 90 – 80 гг. этого столетия (Монахов, 2003, с. 150, 158; Кац, 2007, с. 345, приложение VII, 5).

В могильнике Старокорсунского городища № 2 известно только одно погребение 237в, где две пары удил с крестовидными насадками **варианта А** были найдены вместе с двумя косскими амфорами «позднего» варианта (I-B) серии I-B-1, по которым этот комплекс датируется *последней четвертью IV в. до н. э.* (Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, 74, рис. 6, 2, 3; Монахов, 2014, с. 204, рис. 5, 16, 17).

Три погребения с насадками **варианта В** были открыты в Прикубанском могильнике (103, 195, 274).

Второй четвертью – серединой IV в. до н. э. определяется хронология погребений 103 и 195. В погребении 103 встречено две амфоры. Косская амфора принадлежит к «раннему» варианту I-A, который выпускался на протяжении первых трех четвертей IV в. до н. э. (Монахов, 2014, с. 203, рис. 3, 6). Книдская амфора относится к «ранней» серии «пифоидного» варианта (II-B-1), широкая датировка которого ограничивается последней третью IV – началом III в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 106, 110). Позже С. Ю. Монахов уточнил датировку именно этой амфоры в пределах второй четверти – середины IV в. до н. э. (Монахов, 2014, с. 203), что и определило хронологию комплекса.

Из погребения 195 происходит амфора неустановленного средиземноморского центра, близкая по форме самосским сосудам (III-A) рыжановского варианта (Монахов, 2003, с. 28, 29, табл. 16, 1, 2), которую по заключению С. Ю. Монахова можно датировать второй четвертью – серединой IV в. до н. э.

К первой половине IV в. до н. э. относится погребение 274 с мендейской амфорой варианта портичелло II-B (Монахов, 2003,

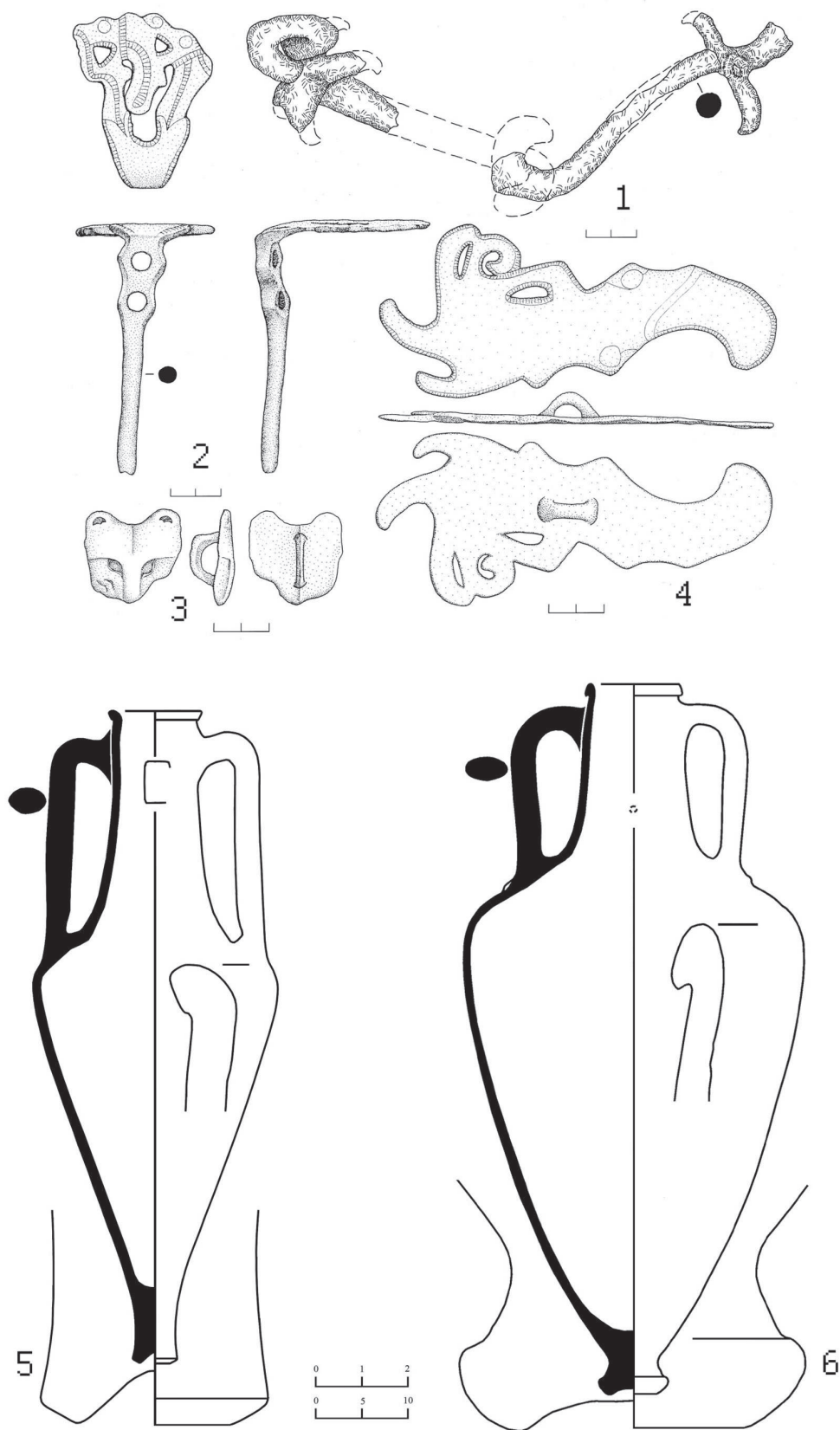

Рис. 2. Могильник Прикубанский, погребение 427: 1 — железные удила с насадками *варианта А*; 2 — бронзовый псалий; 3 — бронзовая бляха; 4 — бронзовый налобник; 5 — амфора Гераклеи; 6 — амфора Икоса

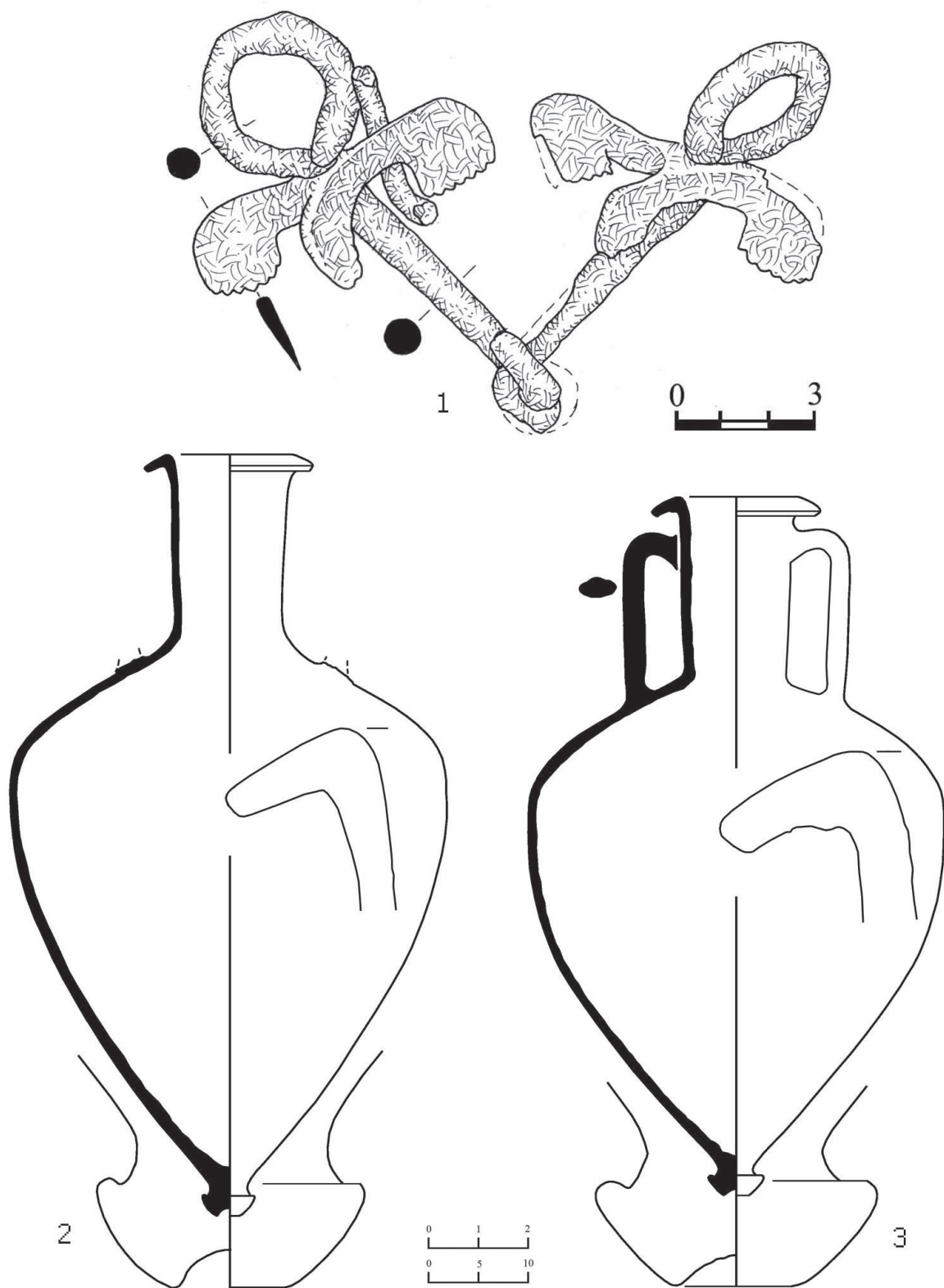

Рис. 3. Могильник II Старокорсунского городища № 2, погребение 329в:
 1 — железные щипцы с насадками **варианта В**; 2, 3 — косские амфоры

с. 92, 95). Вторая амфора — неустановленного средиземноморского центра.

Два погребения с амфорами и удилами с насадками **варианта В** происходят из могильника Старокорсунского городища № 2 (44в, 329в).

Концом IV в. до н. э. датируется погребение 329в (рис. 3) по двум косским амфорам «позднего» варианта (I-B) серии I-B-1 (Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, рис. 18, 3, 4; 20, 1; Монахов, 2014, с. 204, рис. 5, 18, 19).

К началу первой четверти III в. до н. э. относится погребение 44в. Здесь была встречена синопская амфора пифоидного типа, серии II-E-3 с клеймами астинома Эхина, сына Ифия III хронологической группы (Монахов, 2003, с. 152, 159, табл. 103, 4; Лимберис, Марченко, 2005, с. 223, 224, рис. 6, 8).

Насадки **варианта С**, по сравнению с двумя предыдущими, использовались меотскими всадниками гораздо реже. Известно всего два комплекса (159, 296) из Прикубанского могильника, хронология которых по совместно встреченным амфорам ограничивается *второй четвертью IV в. до н. э.*

В погребении 159 были найдены три амфоры. Книдская амфора елизаветовского варианта (I-A) датируется первой – второй четвертями IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 102). Вторая — синопская амфора конического типа, варианта I-A, находит ближайшую аналогию в упомянутом уже погребении 8 кургана 3 этого могильника, и может быть отнесена к началу второй четверти столетия (Монахов, 2003, с. 146, 147, табл. 100, 2). Фасосская амфора (клеймо не читается) конического-биконического типа, биконического варианта, развитой биконической серии II-B-2 относится ко второй – третьей четвертям IV века (Монахов, 2003, с. 76).

Из погребения 296 (рис. 4) происходят амфора Менды мелитопольского варианта (II-C) второй – третьей четверти IV в. до н. э. и синопская амфора конического типа, варианта I-A первой – начала второй

четвертой этого столетия (Монахов, 2003, с. 95, 146, 147).

Хронология комплексов из могильников Закубанья. Из Уляпского некрополя происходят 25 наборов удил со строгими насадками, которые встречены как в погребениях, так и в «святилищах» и ритуальных комплексах. Здесь широко представлены насадки **варианта А**.

В конском погребении 2 кургана 15 Уляпского могильника были встречены две пары удил с такими насадками и S-видными псалиями с раскованными секировидными концами (Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2005, с. 64, рис. 221, 1, 3). Псалии этого типа, как уже отмечалось, датируются V в. до н. э.

Первой половиной IV в. до н. э. датируется по набору амфор ритуальный комплекс кургана 1. На рисунке шипы на крестовинах не показаны, но в описании отмечено, что насадка «строгая» (Ксенофонтова, 2010, с. 139–141, кат. № 9–12, 19, 21; Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013, с. 22, 23, рис. 13, 4).

Этим же временем авторы датируют комплекс кургана 2, где вместе с хиосской амфорой было найдено три пары удил с насадками рассматриваемого варианта (Ксенофонтова, 2010, с. 141, кат. № 22; Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013, с. 29, рис. 15, 10, 11, 16).

Ещё три пары удил с насадками этого варианта происходят из ритуального комплекса кургана 5. По клейменным фасосским амфорам авторы монографии датировали этот курган первой половиной IV в. до н. э. (Ксенофонтова, 2010, с. 138, 139, кат. № 13–15; Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013, с. 56, рис. 26, 2, 3, 5).

В кургане 8 исследовано два ритуальных комплекса, в каждом из которых найдено по две пары удил с насадками **варианта А**. По «боспорской» амфоре курган датирован второй половиной IV в. до н. э. (Ксенофонтова, 2010, с. 141, кат. № 23; Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013,

с. 67, рис. 69, 10, 13, 14; 72, 1, 10). Аналогичные насадки происходят из скопления 1 кургана 9, который по бронзовым S-видным псалиями с шишечками был датирован IV в. до н. э. (Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013, с. 68, 69, рис. 75, 3).

Из кургана 14 происходят три пары удил с аналогичными насадками. По биметаллическим псалиям комплекс датируется второй половиной IV в. до н. э. (Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013, с. 70, 71, рис. 78, 2; 79, 1; 80, 3).

Из скопления 11 кургана 6 Уляпского некрополя происходит пять пар удил с крестовидными насадками. Три комплекта снабжены длинными насадками **варианта D** с небольшими зазубренными выступами на крестовинах (рис. 5, 3). В двух случаях на крестовинах выступы не зафиксированы, возможно, из-за плохой сохранности, а ещё на одной паре удил сохранилась, как отмечено в описании, короткая насадка с загнутыми внутрь концами. Это скопление авторы датируют широко в пределах III в. до н. э., отмечая при этом, ссылаясь на нашу работу по хронологии меотских погребений с импортами, что керамический комплекс с канфарами и трехручными кубками указывает на вторую половину столетия (Лесков, Беглова, Ксенофонтова и др., 2013, с. 59, 60, 62, рис. 60, 5; 61, 5; 62, 4; 63, 2, 3). На наш взгляд, датировку этого комплекса можно ограничить второй половиной III в. до н. э.

В некрополе IV Новолабинского городища мы насчитали 16 пар удил со строгими насадками. Сразу нужно отметить, что среди них отсутствуют насадки **варианта А**.

Насадки **варианта В** встречены в 7 комплексах. Однако, как показал анализ инвентаря, не все погребения можно надежно датировать. Так, в погребении 10 была найдена амфора неизвестного центра производства (Беспалый, Раев, 2006, табл. 13, 3), которую С. Ю. Монахов датировал началом III в. до н. э. Найденные здесь же две пары удил со стержневидными

псалиями с флажковыми окончаниями (Беспалый, Раев, 2006, табл. 12, 1, 2, 4), находят аналогии в Пластуновском комплексе, где также присутствуют удила с насадками **варианта В**. Этот «вотивный клад» был датирован нами последней четвертью IV – началом III в. до н. э. (Марченко, Лимберис, 2009, с. 71, 73, рис. 5). Вотивный «клад» из Пластуновского кургана, новолабинское погребение 10, а также погребения 21 и 38 из этого могильника, в которых также были встречены псалии с насадками этого варианта, по типам конских налобников и нагрудников вошли во вторую группу (начала III в. до н. э. ?) Е. А. Бегловой, хронологию которой исследовательница четко не ограничила (Беглова, 2016, с. 42, рис. 5).

В погребении 50 совместно встречены 3 пары удил (Беспалый, Раев, 2006, табл. 28, 5–7; 32, 2) с насадками **варианта В** и одна пара с насадками **варианта D** (рис. 5, 1, 2). В комплексе присутствовали бронзовые нащёчки от шлема, по которым Б. А. Раев первоначально датировал погребение, началом III в. до н. э. (Раев, 2007, с. 385, рис. 2, 1). Этой даты придерживался и А. В. Симоненко (Симоненко, 2015, с. 285). Однако позже, в совместной статье, оба исследователя отнесли погребения с нащёчками из Новолабинского кургана и перекрытого им могильника к середине II в. до н. э. (Раев, Симоненко, 2015, с. 252). На такой разброс датировок обратил внимание А. В. Дедюлькин, который отметил отсутствие у авторов какой-либо развернутой аргументации по хронологии этих комплексов, и, приведя довольно убедительные аналогии, пришел к выводу, что нащёчки из погребения 50 Новолабинского могильника принадлежали халкидскому шлему типа V по классификации Г. Пфлуга и могут быть датированы первой половиной III в. до н. э. (Дедюлькин, 2016, с. 179). На наш взгляд, такой датировке не противоречат и другие находки из этого комплекса. Е. А. Беглова, анализируя предметы парадного конского убора,

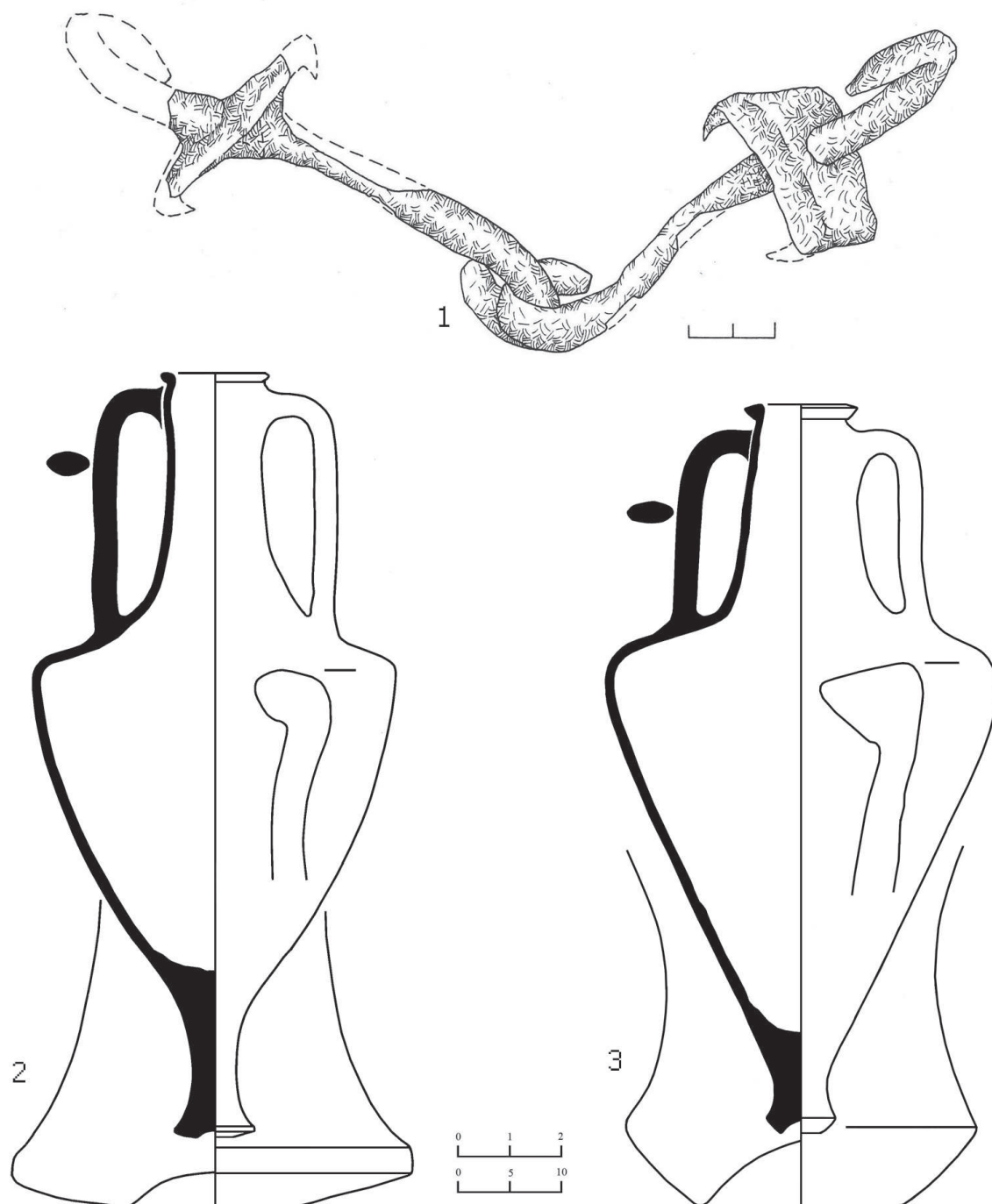

Рис. 4. Могильник Прикубанский, погребение 296:
 1 — железные удила с насадками **варианта С**; 2 — амфора Менды; 3 — амфора Синопы

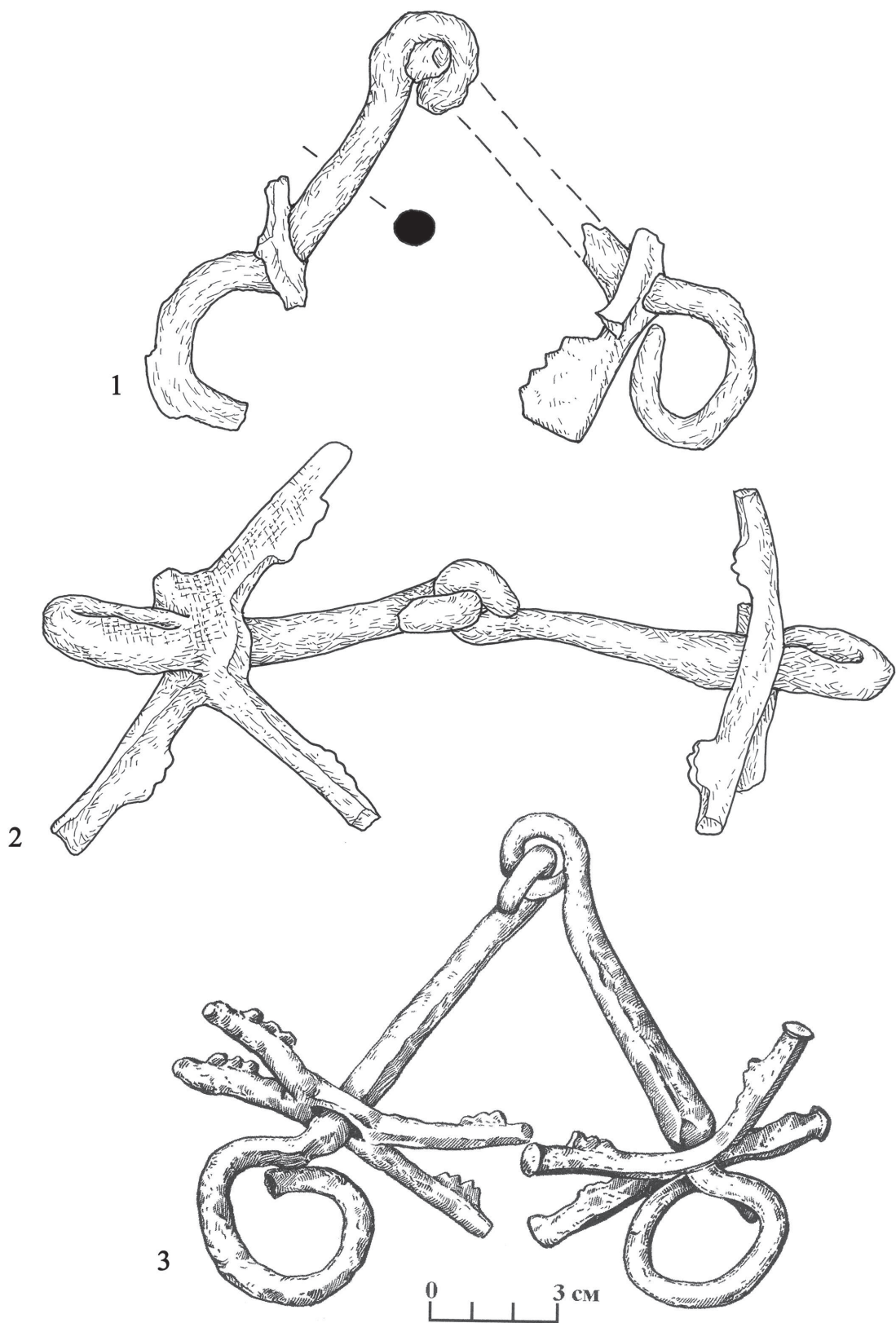

Рис. 5. Железные удила со строгими крестовидными насадками: 1 — **вариант В**; 2, 3 — **вариант D** (1, 2 — из погребения 50 могильника Новолабинского IV городища; 3 — из скопления 11 кургана 6 Уляпского могильника)

включила погребение 50 Новолабинского могильника в третью хронологическую группу, которая не имеет четкой датировки, но, судя по контексту, не выходит за рамки первой половины III в. до н. э. (Беглова, 2016, с. 42, рис. 5, 7, 8)

Еще две пары удила с насадками **варианта D** происходит из ситуации 3 (захоронения лошадей) Новолабинского могильника, где присутствуют два нагрудника с пуансонным орнаментом и подвесками (Беспалый, Раев, 2006, табл. 38). Такие же нагрудники и три пары удила с насадками этого варианта сопровождали захоронения коней в погребении 140 Тенгинского грунтового могильника, которое Е. А. Беглова по составу конского убора отнесла к четвертой хронологической группе конца III – первой половины II в. до н. э. Узкая же датировка погребения 140 (или ритуального комплекса № 1) ограничивается второй четвертью II в. до н. э. (Беглова, 2004, с. 89, 104; Беглова, 2016, с. 33, 43, табл. 4, рис. 5, 9).

В трех святилищах из курганов 1 и 2 некрополя Тенгинского городища II было найдено 22 пары удила с насадками **варианта А**. В. Р. Эрлих, на основании импортных изделий, датировал эти комплексы второй половиной IV – началом III в. до н. э. (Эрлих, 2011, с. 81).

Насадки **варианта А** встречены на двух парах удила, происходящих из кургана 30 у аула Начерзий (Ждановский, 2006, с. 91, 92, табл. 4). Они найдены вместе с кидской амфорой типа I-D чередникового варианта, которая датируется второй – третьей четвертями IV в. до н. э. (Монахов, 2003, с. 104, 110, табл. 72, 7).

Выводы. Узкая хронология меотских комплексов со строгими насадками вариантов А, В и С устанавливается по амфорной таре.

Самый ранний и «долгоживущий» **вариант А** коротких крестовидных насадок

с загнутыми заостренными концами меотские всадники начали использовать с V в. до н. э. Комплексов, относящихся к этому времени, пока немного, но они подтверждают вывод В. Р. Эрлиха, который, анализируя детали конской узды из Тенгинского некрополя и ссылаясь на комплекс 11 Ульских курганов, отмечал, что появление крестовидных насадок в ареале меотской культуры можно отнести к V в. до н. э. (Эрлих, 2011, с. 53). Этот вариант насадок, получивший широкое распространение в IV в. до н. э., просуществовал, по крайней мере, до начала III в. до н. э.

Короткие крестовидные насадки **варианта В** с раскованными в лопасти зубчатыми окончаниями зафиксированы со второй четверти IV в. до н. э. и, вероятно, захватывали всю первую половину III в. до н. э.

Удила с квадратными пластинчатыми насадками **варианта С**, углы которых загнуты в виде острых шипов, известны пока только в двух комплексах второй четверти IV в. до н. э. Такие насадки, встречающиеся в курганах степной Скифии V в. до н. э., и массово распространившиеся в IV – III вв. до н. э. (Мелюкова, 1981, с. 57; Могилов, 2010, с. 286), по-видимому, не завоевали популярности у меотов.

Длинные крестовидные насадки **варианта D** с небольшими зазубренными выступами также представлены пока только в двух комплексах. Широкая хронология варианта в настоящее время может быть ограничена началом III – серединой II в. до н. э. Нужно также отметить, что в комплексе III в. до н. э. удилам с насадками **варианта D** сопутствовала вторая пара удила с насадками **варианта В**.

Судя по палеозоологическим определениям, выполненным на материалах Прикубанского могильника, удила со строгими насадками использовались при езде как на молодых, так и на старых лошадях.

Литература

- Беглова Е. А. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. 2004. № 3. С. 88–107.
- Беглова Е. А. Парадный конский убор IV – II вв. до н. э. в памятниках Юга России // *Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И. С. Каменецкого* / Отв. ред. А. Н. Гей, И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2016. С. 30–50.
- Габуев Т. А., Эрлих В. Р. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // *Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки* / Отв. ред. М. П. Абрамова, Р. М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2001. С. 112–124. (МИАР. Вып. 3).
- Дедюлькин А. В. Шлемы аттического типа с козырьком и вотивные клады III – I вв. до н. э. // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 163–196.
- Ждановский А. М. Курган № 30 у аула Начерзий // Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. С. 87–100.
- Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: б. и. 2007. 480 с. (Боспорские исследования. Вып. XVIII).
- Ксенофонтова И. В. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ // *Материальная культура Востока*. Вып. 5 / Научный ред. Л. М. Носкова. М.: Государственный музей Востока, 2010. С. 138–148.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья IV – III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Государственный музей искусств народов Востока, 2013. 184 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *МИАК*. Вып. 5 / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2005. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // *МИАК*. Вып. 7 / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2007. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // *ДБ*. 2010. Т. 14. С. 322–356.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI – V вв. до н. э. Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.
- Марченко И. И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: КубГУ, 1996. 338 с.
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // *Археология, этнография и антропология*. 2009. № 3 (39). С. 69–74.
- Мелюкова А. И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 111 с.
- Могилев А. Д. «Строгие» детали узды раннего железного века // *Stratum plus*. 2010. № 1. С. 281–288.

- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: «Киммерида»; изд-во Саратовского университета, 2003. 352 с.
- Монахов С. Ю. Косские и псавдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. 2014. № 3. С. 195–222.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н. э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // *Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время / Под ред. В. В. Ключникова, А. Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 148–161.*
- Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф. Заметки по локализации керамической тары. IV: Амфоры Икоса // *АМА. Вып. 16 / Ред. коллегия А. В. Зарщиков, В. И. Кац и др. Саратов: Научная книга, 2013. С. 255–266.*
- Раев Б. А. Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья // *Поволжский антиковедческий журнал. Antiquitas Aeterna. Война, армия и военное дело в античном мире. Вып. 2. Саратов: Саратовский университет, 2007. С. 375–389.*
- Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2006. 110 с.
- Раев Б. А., Симоненко А. В. Псевдоаттический шлем из хутора Апостолиди: историко-археологический контекст // *Stratum plus*. 2015. № 4. С. 237–256.
- Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. 2-е изд. Киев: Олег Филлюк, 2015. 466 с.
- Смирнов К. Ф. Северский курган. М.: Госкультпросветиздат, 1953. 42 с. (Труды ГИМ. Вып. XI).
- Эрлих В. Р. Святилища некрополя Тенгинского городища II. IV в. до н. э. М.: Наука, 2011. 212 с.

Natal'ia Limberis, Ivan Marchenko

The Iron Bits with a rigid check-devices from the Maeotian burials of the Kuban River Region

Abstract

In this paper we consider one element of the horse harness — a device for hard control of the horse. The greatest number of the rigid check-devices on bits we know from the Maeotian monuments in the Kuban River Region. Therefore, the center of their production is localized in this region. There are 100 sets of the bits with rigid check-devices, which are proposed to be divided into **4 variants**: **A** — short cross-shaped with curved pointed ends; **B** — short cross-shaped, the ends are flattened in the blade with teeth; **C** — rectangular plates with curved corners in the form of sharp spikes; **D** — long cross-shaped with small serrated projections. The last variant is intermediate between the rigid check-devices and the cross-shaped check-pieces. The most of assemblages with the rigid check-devices on the bits of **variants A, B** and **C** are narrowly dated by amphorae. The earliest and “long-lived” **variant A** appeared in the V cent. BC and continued to be used until the beginning of the III cent. BC. **Variant B** dates by amphorae from the second quarter of the IV cent. BC and probably existed throughout the first half of the III century BC. **Variant C** is found only in two burials of the second quarter of the IV cent. BC. The wide chronology of the check-devices of **variant D** is limited from the beginning of the III to the middle of the II cent BC.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья

Резюме

В данной работе рассматривается один элемент конской упряжи — приспособления для строгого управления лошастью. Наибольшее количество строгих насадок на удила встречено в меотских памятниках Прикубанья. На этом основании центр их производства локализируют в данном регионе. Учтены 100 наборов удил со строгими насадками, которые предлагается разделить на **4 варианта**: **A** — короткие крестовидные с загнутыми заостренными концами; **B** — короткие крестовидные, концы раскованы в лопасти с зубцами; **C** — квадратные пластины с загнутыми в виде острых шипов углами; **D** — длинные крестовидные с небольшими зазубренными выступами. Последний вариант занимает промежуточное положение между строгими насадками и крестовидными псалиями. Узкая хронология большинства комплексов с насадками **вариантов A, B** и **C** устанавливается по амфорной таре. Самый ранний и «долгоживущий» **вариант A** появился в V в. до н. э. и продолжал использоваться до начала III в. до н. э. **Вариант B** по амфорам зафиксирован со второй четверти IV в. до н. э. и вероятно захватывал всю первую половину III в. до н. э. **Вариант C** встречен пока только в двух погребениях второй четверти IV в. до н. э. Широкая хронология насадок **варианта D** ограничивается началом III – серединой II в. до н. э.

А. П. Медведев, В. Д. Березуцкий, И. Е. Бирюков

Сарматы на Верхнем и Среднем Дону: результаты изучения и новые открытия

Ключевые слова: *Средний Дон, Верхний Дон, Воронеж, сарматы, курганы, городища, аланы-танаиты.*

Keywords: *Middle Don area, Upper Don area, Voronezh, Sarmatians, barrows, fortified settlements, Tanais Alans*

Весной 1978 г. выдающийся советский ученый Константин Федорович Смирнов прочитал спецкурс по сарматской археологии для студентов Воронежского государственного университета. Тогда он и предложил одному из авторов статьи заняться сарматскими памятниками лесостепного Подонья, которых, по правде сказать, тогда было известно очень немного. В том же 1978 г. мы приступили к раскопкам только что открытого I Чертовицкого могильника на р. Воронеж, который как-то не вписывался по своим параметрам в представления воронежских археологов об известных курганных памятниках. Его раскопки продолжались в 1979 – 1980 гг. и впервые в истории археологии нашего региона дали серию хорошо датированных сарматских погребений. Затем последовали раскопки других могильников, которые заложили базу (130 курганов) для дальнейшего изучения проблемы «сарматы в лесостепи»

(Медведев, 1990). Их картографирование показало, что они широким языком врезались в глубинные районы лесостепи почти до верховий Дона. Поэтому в отличие от большинства коллег-сарматологов, рассматривавших сарматскую тему в широтном измерении вдоль Великого Пояса евразийских степей, мы с самого начала приступили к изучению иного ее аспекта — глубину проникновения сарматов на север вдоль берегов Танаиса-Дона (рис. 1а).

Ниже изложение материала будет вестись по географическому принципу: 1. Средний Дон; 2. Воронеж (низовья реки); 3. Липецк (ее среднее течение); 4. Верхний Дон (Левобережье). При этом большая часть археологического материала умышленно вынесена в хронологические таблицы, которые наглядно показывают специалистам достижения и слабые места в изучении того или иного донского региона.

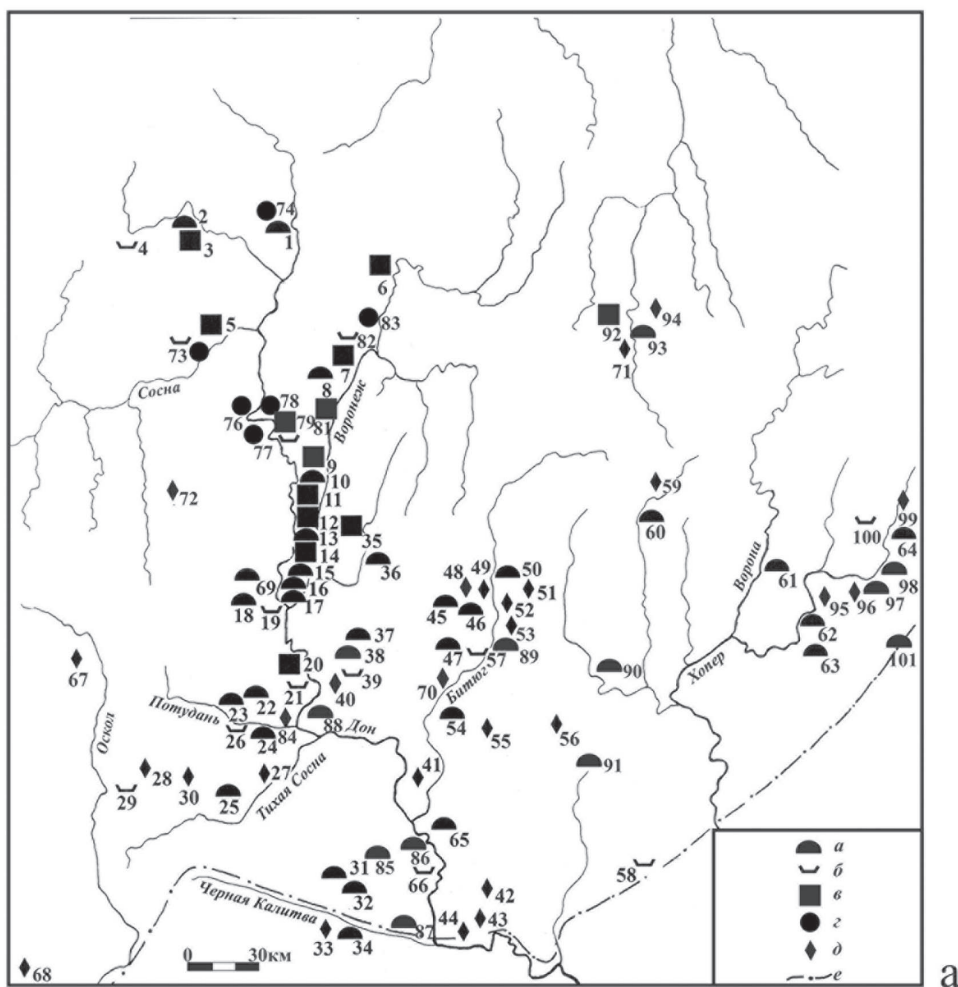

Рис. 1а. Основные памятники сарматского времени лесостепного Подонья:

- 1 — Ново-Никольский могильник; 2 — Вязовский могильник; 3 — Ишутинское гор.; 4 — Кличино; 5 — Паженьское городище; 6 — Гудовское городище; 7 — Сырское городище; 8 — Княжеское погребение у южной окраины г. Липецка; 9 — Подгорное городище и могильник; 10 — Писаревский могильник; 11 — Пекшевское городище, 12 — Животинное городище; 13 — II Чертовицкий могильник; 14 — III Чертовицкое городище; 15 — I Чертовицкий могильник; 16 — Белая Гора; 17 — Сады; 18 — Богоявленское; 19 — Девица; 20 — Большое Сторожевое городище; 21 — Давыдовский клад; 22 — Рубцов; 23 — Заречье; 24 — Сасовка; 25 — Дуровка; 26 — погребение на Репьевском городище; 27 — Острогожск; 28 — Веселый; 29 — Мандрово; 30 — Расховец; 31 — Караяшник; 32 — Россось; 33 — Базы; 34 — Архиповка; 35 — Каверинское городище; 36 — Усманский курган; 37 — Каширский; 38 — Левая Россось; 39 — Ермоловка; 40 — Давыдовка; 41 — Антиповский клад; 42 — Русская Журавка; 43 — Нижний Мамон; 44 — Гороховка; 45 — Левашовка; 46 — Старая Тойда; 47 — Шишовка; 48 — Николаевка (Аннинская); 49 — Анна; 50 — Большие Ясырки; 51 — Островки; 52 — Моховое (Студенец); 53 — Новый Курлак; 54 — Красный-2; 55 — Бутурлиновка; 56 — Сериково; 57 — Монастырка; 58 — Манино; 59 — Туголуково; 60 — Жердевка; 61 — Власовка; 62 — Третьяки; 63 — Ильмень; 64 — Тапулино; 65 — Александровка Донская; 66 — Верхний Карабут; 67 — Николаевка (Староскольская); 68 — Клименковка; 69 — Дальние Солонцы; 70 — Липовка; 71 — Тамбов; 72 — Спасское; 73 — Цельковка 2 поселение и могильник; 74 — Пионерлагерь Солнечный 4; 75 — Скороварово 1; 76 — Каменка 1; 77 — Ксизово 17, 19; 78 — Нижнее Казачье 5; 79 — Верхнее Казачье гор.; 80 — Подгорное, могильник; 81 — Крутогорье городище; 82 — Липецк (Петровский Спуск), могильник; 83 — Большая Кузьминка; 84 — Ездочное (шлем); 85 — Луговой; 86 — Белогорье; 87 — Голубая Криница; 88 — Лосево; 89 — Новая Чигла; 90 — Сорокинский 3; 91 — Березовка; 92 — Голдым городище; 93 — Пичаево; 94 — Сосновка; 95 — Старый Хопер; 96 — Большой Мелик; 97 — Ключи; 98 — Машевка; 99 — Елань; 100 — Турки; 101 — Радушинка.
- а — курганы, б — грунтовые могилы, в — городища, г — поселения, д — случайные находки, е — южная граница лесостепи*

Средний Дон. Ранее этот район был изучен гораздо хуже воронежского и верхнедонского. За последние два десятилетия ситуация изменилась весьма радикально (Березуцкий, Медведев, 2015; Березуцкий, 2018), но не в отношении раннесарматских древностей.

Раннесарматский период. Первые погребения сарматов появляются здесь не ранее II в. до н. э. К эталонным погребениям можно отнести захоронение Луговое, впущенное в естественное возвышение. Оно сопровождалось бронзовым зеркалом большого диаметра, украшенным по тыльной стороне концентрическими кругами (рис. 2, 7), львиноголовыми золотыми серьгами (рис. 2, 5), одноручным кувшином (рис. 2, 6) и набором бус (рис. 2, 10–15), не выходящих за пределы II в. до н. э. (Медведев, Ковалевский, 2011). Явно из раннесарматского погребения происходит мегарская чаша с клеймом «ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ» (рис. 2, 25).

К раннесарматскому времени относится, помимо давно известного антиповского (рис. 2, 22), еще одна случайная находка бронзового шлема типа Монтефортино (Ворошилов, 2010, с. 267–269).

Среднесарматский период. Последнее десятилетие ознаменовалось открытием на Среднем Дону серии среднесарматских погребений (свыше 50), в том числе, и могильников. Среди них наибольший интерес представляет Новочигольский курганный могильник, который с 2012 г. изучается В. Д. Березуцким. Курганы не отличаются большими размерами, они содержали как основные, так и впускные сарматские погребения. В 18 случаях определен тип погребальных сооружений: подквадратные ямы с расположением скелета по диагонали — 5 (рис. 2, 26), широкие прямоугольные — 4, овальные — 5, прямоугольные — 3 (рис. 2, 46), подбой — 1. Умершие ориентированы в основном головой в южную

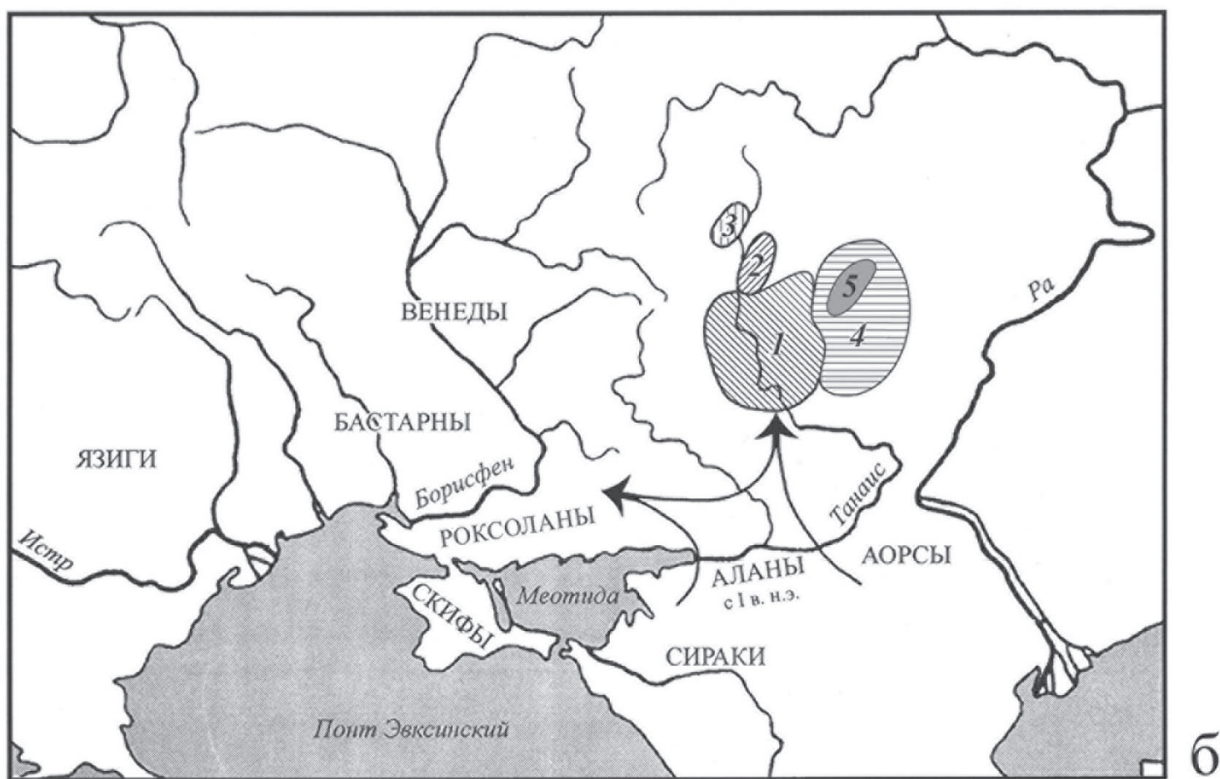

Рис. 16. Районы концентрации памятников сарматского времени в лесостепном Подонье: 1 — среднедонской; 2 — воронежский; 3 — верхнедонской; 4 — среднехоперский; 5 — памятники инясевского типа

половину круга, и лишь однажды на север. Большинство погребенных мужчин в возрасте 30–40 лет были вооружены: два — железными мечами с кольцевым навершием (рис. 2, 47), и еще два боевыми ножами (рис. 2, 44). В одном мужском погребении находился колчан со стрелами (рис. 2, 36) и железные удила (рис. 2, 38).

Большинство женщин имело зрелый возраст в пределах 30–40, 35–45 лет. Почти все женские и детские погребения сопровождала гончарная сероглиняная керамика: кувшины, миски, кубышки с петельчатыми ручками, кружки и др. (рис. 2, 28, 34, 35, 42, 48). Лепная посуда представлена преимущественно курильницами. Единственный лепной высокий горшок с защипами по венчику происходит из погребения могильника у хут. Голубая Криница (рис. 2, 49). В женских погребениях изредка встречались парные курильницы (рис. 2, 39, 40), а также небольшие сосудики биконической формы. Вместе с погребенными женщинами клали бронзовые зеркала, всегда разбитые (рис. 2, 29), а также глиняные или меловые пряслица. В двух женских погребениях, явно неординарного статуса, найдены бронзовые литые котлы: в одном случае сразу два котла (рис. 2, 27), в другом — один. В погребении с двумя котлами находились также медный таз, гончарный красноглиняный кувшин античного производства, глиняный бальзамарий (рис. 2, 28), зеркало из серебристого сплава (рис. 2, 29), остатки железных удил, большое количество разнообразных бус из горного хрусталя, янтаря, гагата, сердолика,

египетского фаянса, цветной пасты (рис. 2, 30, 31, 32, 33). Новочигольский могильник не выделяется среди массы среднесарматских погребений Волго-Донского междуречья и может быть датирован I – началом II в. н. э.

Позднесарматский период. На Среднем Дону представлен значительно меньшим количеством погребений. Большинство их впускные, сравнительно бедные. Редко встречаются мужские погребения с оружием. Наиболее яркий позднесарматский комплекс дал Березовский могильник, состоящий из около 20 насыпей (на сегодняшний день В. Д. Березуцким раскопано пять). Два погребения обладали признаками перехода от среднесарматской к позднесарматской культуре, одно классическое позднесарматское. Оно основное, совершено в забутованном глиной подбое (рис. 2, 51). На органической подстилке лежал скелет женщины 25 лет с ориентировкой головой на северо-северо-запад. Ее сопровождала гончарная сероглиняная миска (рис. 2, 68), две бронзовые фибулы типа сильно профилированных причерноморских (рис. 2, 52, 53). Кроме того, в кожаном кошеле, обшитом бусами, находились металлическое зеркало с боковым ушком (рис. 2, 55), а также литая бронзовая фигурка козлика с отверстием для подвешивания (рис. 2, 62). Разнообразными бусами была покрыта левая часть скелета, обувь умершей. Погребение определено датируется сильнопрофилированными фибулами серединой – второй половиной II в. н. э. (Скрипкин, 1977, с. 110).

В других позднесарматских погребениях найдены лучковые подвязные фибулы 3–4

Рис. 2. Сарматские памятники Среднего Дона II в. до н. э. – конца IV в. н. э.

II – I вв. до н. э.: 1–3 — Дуровка, к. 13; 4–15 — Луговое; 16 — Сасовка, к. 8, п. 3;

17 — Монастырка; 18 — Левашовка; 19–20, 22 — Антиповский клад; 21 — Левороссошанский клад; 23 — Усманский курган; 24 — Гороховка; 25 — Белогорье.

I – нач. II в. н. э.: 26–47 — Новая Чигла: 26–33 — к. 5, п. 1; 34–36 — к. 5, п. 2; 37, 38 — к. 26, п. 2;

39, 40 — к. 27, п. 2; 41–43 — к. 9, п. 2; 44 — к. 14, п. 2; 45 — к. 10, п. 1; 46, 47 — к. 1, п. 7;

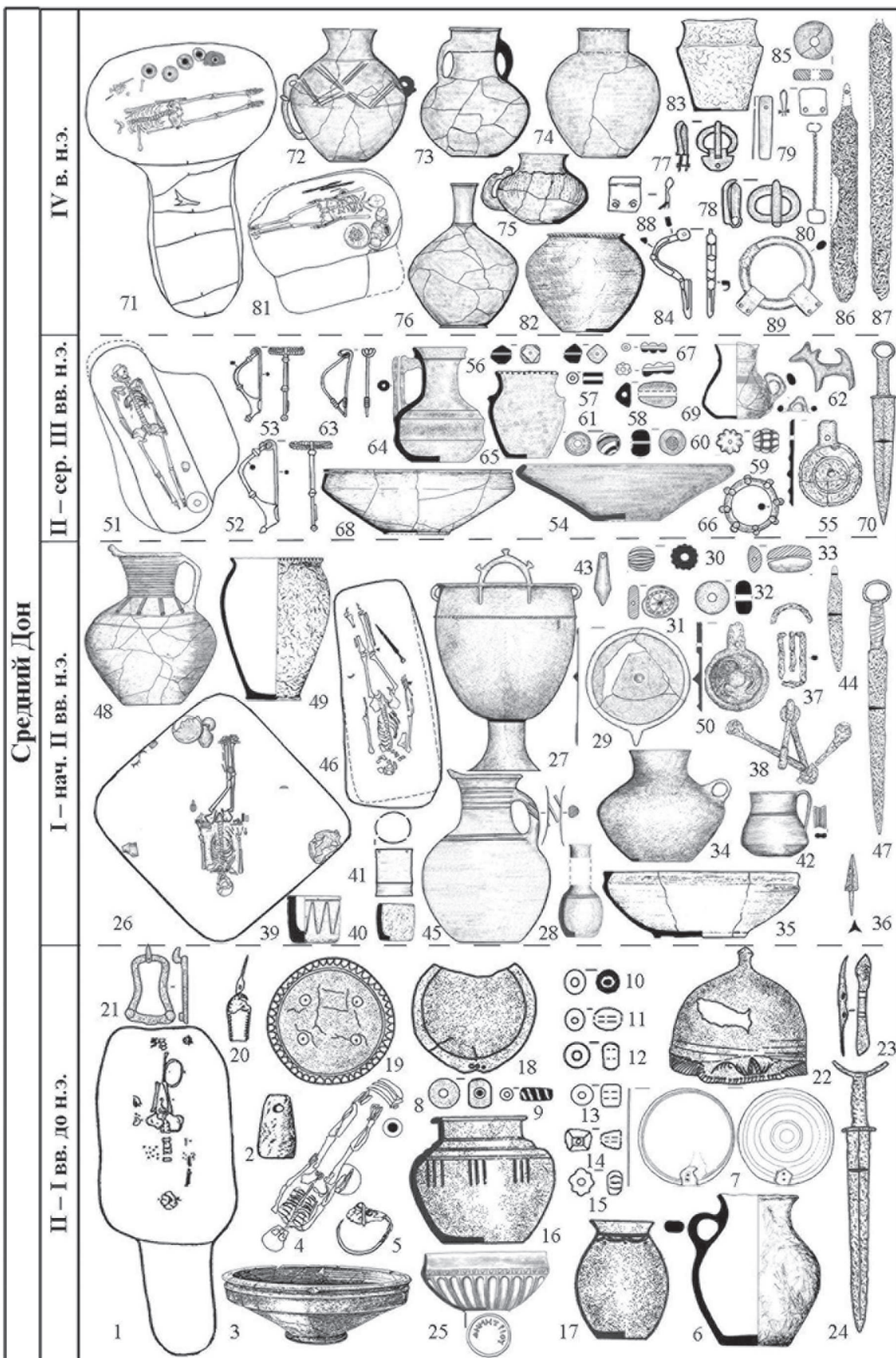
48 — Новая Чигла, к. 2, п. 2; 49, 50 — Голубая Криница: 49 — к. 4, п. 1; 50 — к. 3, п. 1.

II – сер. III в. н. э.: 51–62 — Березовка, к. 4, п. 1; 63–65 — Архиповка, к. 5, п. 1;

66 — Сасовка, к. 3, п. 2; 67–69 — Ивановка, к. 30; 69 — насыпь, 67, 68 — погребение 1;

70 — Новый Курлак.

IV в. н. э.: 71–80 — Лосево, к. 3, п. 1; 81–89 — Березовка: 81–88 — к. 9, п. 1; 89 — к. 8, насыпь

вариантов, а также бронзовое кольцо с напаянными по три шариками (рис. 2, 66). Керамика, встречается не так часто. Как правило, она гончарная, представлена остросереберными сероглиняными мисками (рис. 2, 54), кувшинами, в том числе с полыми (рис. 2, 64) и зооморфными (рис. 2, 69) ручками. Интересен лепной горшок, украшенный по бокам сосцевидными шишечками-налепами (рис. 2, 65). Вышеописанные среднедонские памятники не обнаруживают принципиальных отличий от степных позднесарматских. В отношении их можно употреблять понятие «классическая позднесарматская культура» (Скрипкин, 2017, с. 226).

4. Финал сарматской эпохи на Среднем Дону. Однако в последние годы на Среднем Дону открыты типы памятников, которые ранее не были известны. В кургане № 3 у с. Лосево в 2010 г. исследовано основное погребение в глубокой катакомбе (Березуцкий, Медведев, 2015). В нее вел дромос с пятью ступеньками (рис. 2, 71). На дне камеры стояли пять глиняных сосудов (рис. 2, 72–76), в том числе с зооморфным оформлением ручек (рис. 2, 72, 75). Здесь же лежали две серебряные накладки (рис. 29, 79), золотое украшение на шелковой ткани (рис. 2, 80), крупная бусина из непрозрачного стекла, железный нож, а в районе пояса — бронзовая пряжка (рис. 2, 78). Другая пряжка меньших размеров, того же типа, но с короткой накладкой найдена на шелковой ткани у северной стенки (рис. 2, 77). Обе пряжки обладают признаками поясной гарнитуры группы IV (Малашев, 2000, с. 196, 203, рис. 1, II, 11). Они получают распространение со второй половины IV в. н. э., но встречаются и в начале гуннского времени.

По обряду и сопровождающему инвентарю погребение у с. Лосево идентично нижнедонским Т-образным катакомбам

IV в. н. э. (Безуглов, 2008, с. 85–87). По месту и времени подобные погребения связывают с аланами-танаитами Аммиана Марцеллина (Безуглов, 1990, с. 85–87). Скорее всего, лосевское погребение также могло принадлежать алану-танаиту, откочевавшему в глубинные районы лесостепного Подонья, еще незатронутые гуннским вторжением.

В 2017 г. В. Д. Березуцкий начал исследование Березовского могильника. Один из небольших курганов содержал основное погребение в подбое (рис. 2, 81). Его сопровождал меч и кинжал с широкими клинками (рис. 2, 86, 87), а также пять сосудов, изготовленных в двух различных керамических традициях: миска и горшок (рис. 2, 82) обнаруживают многочисленные аналогии среди центральнокавказской гончарной керамики. Однако в том же погребении присутствовала груболепная посуда, в том числе горшок с выраженным ребром в месте перехода в тулово (рис. 2, 83). По основным очертаниям и характеру обработки поверхности он весьма близок некоторым сосудам так называемого инясевского типа из памятников Среднего Прихоперья (Хреков, 2004, с. 125, фото справа), обычно датируемых более ранним временем. Однако березовский комплекс определенно датирует фибула черняховского стиля (рис. 2, 84), близкая типу I варианту 3 (Петраускас, 2010, с. 194). Их время определяют фазами С2 по D1 центральноевропейской хронологии, в абсолютных датах — IV в. н. э.¹ Другой березовский курган № 9 содержал набор деталей конской упряжи, также содержащий хроноиндикаторы IV в. н. э. (Медведев, Березуцкий, 2018, с. 140, 141, рис. 40).

В связи с последними открытиями встает вопрос: как теперь называть памятники типа Березовского могильника. По времени они весьма далеки от классической позднесарматской культуры, да и имеют от нее

¹ По устному сообщению А. А. Хрекова, в 2018 г. он нашел в Среднем Прихоперье поселение черняховской культуры. Тогда это многое объясняет — и попадание груболепной керамики вместе с черняховской фибулой в березовское погребение, а также гребни и бусы черняховских типов в Большедмитриевский могильник.

ряд существенных отличий. В то же время в них нет собственно гуннских признаков, хотя хронологически они близки гуннской эпохе. В них еще сохраняется некий позднесарматский компонент (подбой, ориентировка, некоторые типы посуды) Но, судя, по всему, не он определял этнокультурный облик этого населения. К тому же для юга Восточной Европы к IV в. сарматы уже были анахронизмом — ни один позднеантичный автор их здесь не знает. К этому времени их военно-политическая активность сместилась далеко на запад — на Средний Дунай, а затем и в Галлию.

Поэтому в качестве рабочего термина памятники березовского типа можно называть постсарматскими, чтобы показать существенное отличие от «классической позднесарматской культуры», как ее понимает А. С. Скрипкин.

2. Воронеж. Воронежская группа объединяет памятники центральной части донской лесостепи, концентрирующиеся главным образом в нижнем течении р. Воронеж (рис. 16, 2). Здесь открыты курганные могильники I и II Чертовицкие, «Сады» и другие (свыше 60 погребений). Могильники состоят из десятков небольших компактно расположенных насыпей. Погребения, как правило, основные. Для чертовицких курганов по существу характерен единственный тип погребальных сооружений — прямоугольные широкие ямы. Погребальный обряд почти не отличается от среднесарматского, за исключением, пожалуй, ориентировки погребенных. Здесь абсолютно преобладают погребения с юго-восточной ориентацией (рис. 3, 1), что, скорее всего, является сезонным осенне-зимним отклонением от общесарматской нормы. Обращает на себя внимание повышенная милитаризация сарматов низовья р. Воронеж — более трети погребений (37,2 %) принадлежало мужчинам с оружием и снаряжением коня. Среди наступательного вооружения преобладают мечи и кинжалы с кольцевым навершием — 10 экз. (рис. 3, 19), хотя встречаются

и длинные железные мечи, в одном случае с бронзовым ромбическим перекрестием. При одном из длинных мечей в погребении 6/11 найдено гагатовое изделие треугольной формы, покрытое процарапанными сарматскими знаками (рис. 2, 14).

Керамический комплекс воронежских могильников включает как обычные гончарные сероглиняные сосуды общесарматских форм (рис. 3, 2, 4), парные сарматские курительницы (рис. 3, 7, 8), так и небольшое число местной лепной керамики. Среди последней выделяется устойчивая серия небольших горшков с раздутым туловом и венчиком, украшенным косыми насечками (рис. 3, 6), а также лепные округлобокие миски (рис. 3, 3). Оказалось, что все погребения в сарматских могильниках с керамикой местного производства принадлежали представительницам коренного населения, включенным в сарматские семейно-родовые группы в результате брачных контактов. Тем более, что по соседству с сарматскими могильниками исследованы городища, где постоянно проживало оседлое население, которому была свойственная такая керамика. Остальной инвентарь чертовицких могильников — типично среднесарматский: бронзовые лучковые подвязные фибулы 1 и 2 вариантов (рис. 3, 11), фибула брошь без эмали (рис. 3, 12), фибулы типа «авцисса», фигурные пряжки маркоманских типов (рис. 3, 9), бронзовые спаренные амулетницы (рис. 3, 15), бронзовые колокольчики, в том числе ажурные (рис. 3, 16) и пр. Некоторые женские погребения отличает обилие бус из полудрагоценных камней и египетского фаянса (в погребении 5/40 насчитывалось 35 фаянсовых фигурных бусин).

Во II Чертовицком могильнике по соседству с курганными насыпями открыты остатки сооружений правильной квадратной формы, ограниченные ровиками. Судя по находкам в соседних курганах погребений с фибулами «авцисса» и кнопкой на конце пластинчатого приемника, квадратные сооружения с ровиками II Чертовицкого

могильника следует считать наиболее ранними среди подобных сарматских объектов первых веков н. э.

Изучение некоторых особенностей культуры сарматов, осевших в низовьях р. Воронеж, и в частности, мясной заупокойной пищи (традиция оставлять в насыпях и погребениях черепа и кости лошадей), позволило связать этих сарматов в низовьях р. Воронеж с сарматами-гиппофагами Клавдия Птолемея (Медведев, 2008, с. 50–63).

3. Верхний Дон расположен в подзоне северной лесостепи (рис. 16, 3). Верхнедонская группа включает курганные могильники позднесарматского времени — Ново-Никольский и Вязовский (раскопано более сотни погребений). Никогда больше курганные могильники не распространялись так далеко на север по Дону, как в позднесарматское время. Явное возрастание элементов номадизма в позднесарматское время, видимо, было проявлением общей тенденции распространения кочевничества как хозяйственно-культурного типа из степной зоны на север, в лесостепь (Медведев, 2008, с. 109, 110).

Верхнедонские могильники от других сарматских памятников резко отличает биритуализм погребального обряда: сосуществование кремаций — 14 % и ингумаций на месте — 86 %. При этом как в тех, так и в других абсолютно доминирует северо-восточная ориентировка погребенных и однотипный инвентарь (рис. 3, 46, 47). Несмотря на разницу в обряде погребения, верхнедонские могильники в целом имеют позднесарматский облик: традиция искусственной

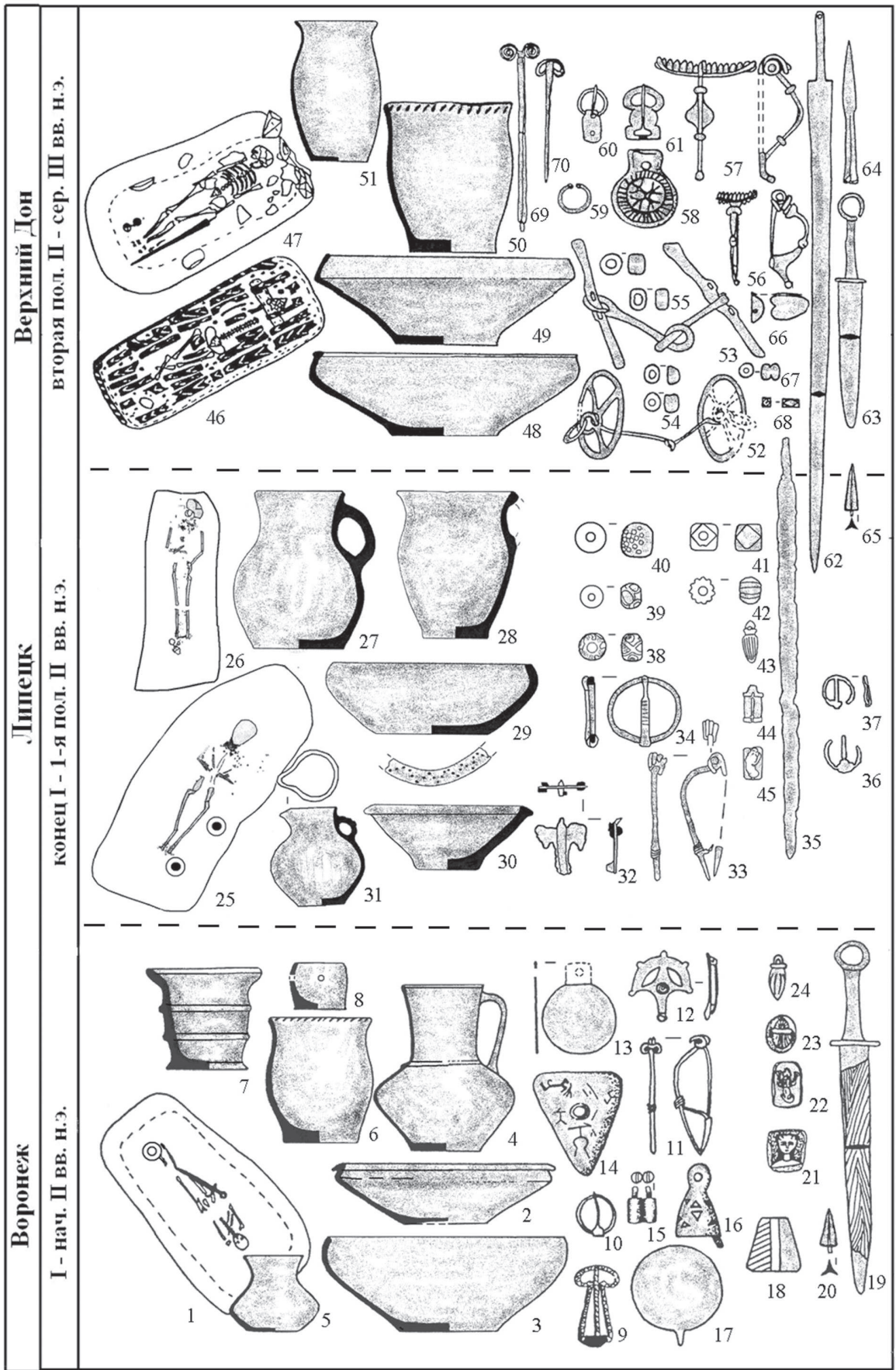
деформации черепов, длинные позднесарматские мечи и кинжалы (рис. 3, 62), железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (рис. 3, 65), железные удила разных типов (рис. 3, 52, 53), обилие бронзовых сильно профилированных фибул причерноморских типов 1 и 2 вариантов (рис. 2, 56, 57), зеркала с боковой петлей и обратной орнаментированной стороной (рис. 3, 58) и др. В тоже время обращает на себя внимание отсутствие в верхнедонских могильниках пряслиц, курильниц, обычных для позднесарматских погребений. Зато в верхнедонских могилах часто находят редкие в сарматских погребениях наконечники копий — 20 экз. (рис. 3, 64). В сожжениях заметно присутствие более ранних вещей, например, мечей с кольцевым навершием (рис. 3, 63).

Для атрибуции культурного облика верхнедонского населения важную информацию содержит керамика. В отличие от среднесарматской, почти вся она местного производства. Но что любопытно — по форме и орнаментации большинство верхнедонских мисок подражают сероглиняным нижнедонским (рис. 3, 49). В тоже время в верхнедонских курганах доминирует посуда местной традиции (65 %) — это округлобокие лепные миски (рис. 3, 48) и небольшие горшки, орнаментированные по венчику насечками (рис. 3, 50) тех же типов, что и в Чертовичких могильниках. Судя по всему, во II в. н. э. на Верхнем Дону шел процесс формирования некоей этнической общности, складывающейся из местных и привнесенных сарматских элементов (Медведев, 2008,

Рис. 3. Сарматские памятники Нижнего (I – нач. II в. н. э.), Среднего (кон. I – сер. II в. н. э.) течения р. Воронеж и Верхнего Дона (второй пол. II – сер. III в. н. э.).

Нижний Воронеж: I Чертовичский: 1 — к. 32/3; 2, 21–24 — к. 5/40; 3, 5, 6 — к. 3/42; 4 — к. 11/15; 7, 8, 17 — грунтовое погр. 2; 9 — к. 27/7; 10, 14 — к. 6/11; 11, 15, 18 — к. 2/41; 12 — к. 24/17; 16 — II Чертовичский, к. 13; 19, 20 — I Чертовичский, к. 13/32.

Верхний Дон: 46, 56, 63, 64, 65 — Ново-Никольский могильник, к. 53; 47, 52, 55 — Вязовский могильник, к. 78; 48 — Вязовский могильник, к. 4, п. 2; 49 — Вязовский могильник, к. 28; 50, 68 — Ново-Никольский могильник, к. 48, п. 2; 53, 54 — к. 29; 56, 58 — Ново-Никольский могильник, к. 48, п. 2; 59, 66 — Ново-Никольский могильник, к. 46; 60 — Ново-Никольский могильник, к. 47; 61 — Вязовский могильник, к. 47; 70 — ННМ, к. 45а

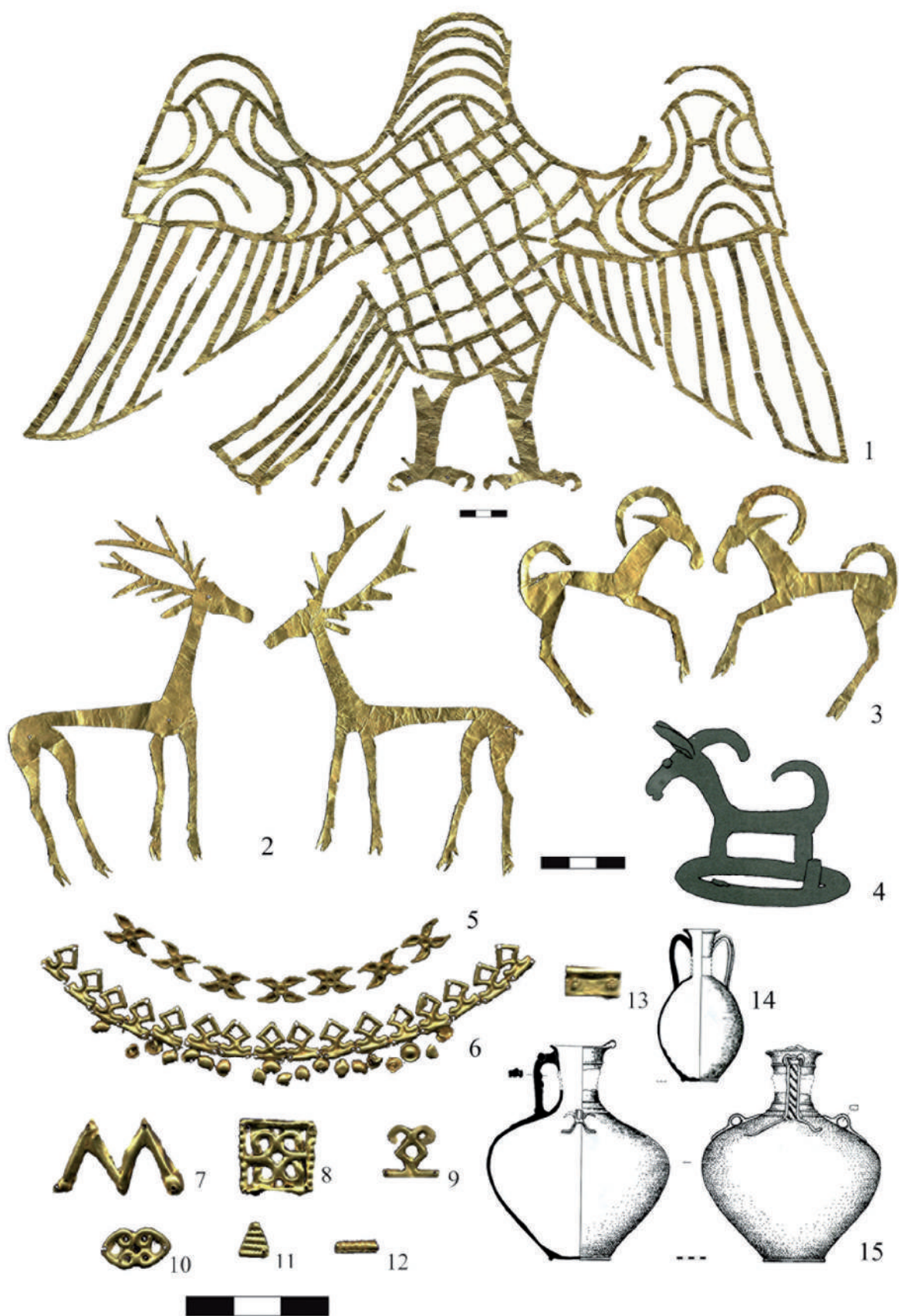

Рис. 4. Липецкий курган конца I – начала II в. н. э.

с. 108). Однако до последнего времени мы не располагали какими-либо материалами для подтверждения этого тезиса.

Однако в 2005 г. был открыт яркий комплекс среднесарматского времени — Липецкий курган (рис. 4). Он содержал остатки сильно разграбленного впускного женского погребения «княжеского» ранга конца I – начала II в. н. э. (Медведев, 2008, с. 97–108). До его изучения Верхний Дон выглядел как далекая северная периферия сарматского мира. Но даже та ничтожная часть уцелевшего инвентаря погребенной сарматской аристократки, которая дошла до нас, демонстрирует высочайший уровень жизни сарматской элиты за тысячи километров от центров, где производились эти предметы роскоши. Это, видимо, было захоронение того же уровня, что и знаменитые княжеские сарматские курганы на Нижнем Дону (Хохлач, Дачи, Кобяково 10 и др.). До 2016 г. это было единственное среднесарматское погребение на р. Воронеж столь высокого ранга.

Ситуация изменилась лишь в 2016 г., когда в центре г. Липецка при охранных работах на склоне коренного берега р. Воронеж открыт грунтовый могильник (Клюкойть, 2016, с. 116–118). Судя по всему, по времени он занимает промежуточное положение между чертовичскими и верхнедонскими курганами. Здесь исследовано шесть захоронений, совершенных по сарматскому обряду. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что сопровождающий инвентарь имел еще среднесарматский облик. В погребениях найдены две фибулы: лучковая с подвязным приемником 1 или 2 варианта

(рис. 3, 33) и фибула-брошь в виде парящего голубя (рис. 3, 32) — наиболее ранняя вещь в могильнике (Кропотов, 2010, с. 305, рис. 90, 7). Довольно богатый набор бус, в том числе из египетского фаянса, также больше соответствует среднесарматской моде. В Липецком могильнике обращает на себя обильная расшивка бусами и бисером одежды, что считается один из важных этнографических признаков сарматского костюма. В то же время пять из шести липецких погребений имели северную ориентировку. Скорее всего, они принадлежали уже той группе сарматов, которая испытала влияние позднесарматской культуры и была вынуждена еще на сотню километров покинуть степное Волго-Донское междуречье.

Открытия археологов в центре Липецка продвинули на север еще на сотню километров ареал среднесарматских древностей. Но, к сожалению, и они не закрыли лакуны между двумя основными группами сарматских памятников на р. Воронеж и Верхнем Дону. Сохраняет свою актуальность проблема поиска носителей местной верхнедонской традиции, в том числе обряда кремации на месте². Теперь обращает на себя внимание различное географическое расположение среднесарматских могильников в нижнем и среднем течении р. Воронеж, с одной стороны, и верхнедонских курганных могильников, расположенных на правом берегу Дона, на значительном удалении от более ранних среднесарматских. Лишь дальнейшее изучение может пролить свет на характер весьма сложных процессов, которые проходили в верховьях Дона в первые века н. э.

² Проблему верхнедонских подкурганных трупосожжений, кажется, не решают недавно открытые И. Е. Бирюковым на поселении Цельковка-2 в окрестностях Ельца ямы с кремациями, которые, помимо керамики, содержали лучковые фибулы 3–4 вариантов, что позволяет датировать эти объекты второй половиной II – серединой III в. н. э. По обряду они разительно отличались от трупосожжений на месте в верхнедонских курганах.

Литература

- Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. / Отв. ред. А. А. Горбенко. Азов: Азовский музей-заповедник, 1990. С. 85–87.
- Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеаримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: Таус, 2008. С. 284–301.
- Берестнев Р. С., Медведев А. П. Сарматские памятники в лесостепном междуречье Дона и Волги (опыт районирования) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 2 (32). С. 7–17.
- Березуцкий В. Д. Сарматские погребения Новочигольского курганного могильника // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Тез. докл. междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: ООО «Макс Пресс», 2018. С. 27–28.
- Березуцкий В. Д., Медведев А. П. Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону // РА. 2015. № 1. С. 112–120.
- Ворошилов А. Н. Находки античных шлемов на северной периферии сарматского мира // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / Ред. кол. А. А. Масленников и др. Вып. 1. М.; Киев: ИА РАН, 2010. С. 265–270.
- Клюкойть А. А. Охранные раскопки в исторической части Липецка (Петровский проезд, д.1) // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 2016 г. / Ред.-сост. Е. Н. Чалых. Липецк: Полиграфическое издательство «Новый взгляд», 2016. С. 116–118.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременной гарнитуры позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.
- Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: ВГУ, 1990. 220 с.
- Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. 452 с.
- Медведев А. П., Березуцкий В. Д. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 138–152.
- Медведев А. П., Ковалевский В. Н. Раннесарматское погребение у хут. Луговой на Среднем Дону // Восточноевропейские древности скифской эпохи / Ред. колл. В. Д. Березуцкий и др. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. С. 228–236.
- Медведев А. П., Матвеев Ю. П., Сафонов И. Е. Сарматское «княжеское» погребение в кургане у г. Липецка // РА. 2008. № 4. С. 97–108.
- Петраускас О. В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Археологія Правобережної України / Отв. ред. Д. Н. Козак. Київ: ІА НАНУ, 2010. С. 191–207.
- Скрипкин А. С. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. 1977. № 2. С. 100–120.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.
- Хреков А. А. Древности Прихоперья. Балашов: Изд-во «Николаев», 2004. 200 с.

Aleksandr Medvedev, Valerii Berezutskii, Igor' Biriukov

**The Sarmatians in the Upper and Middle Don Areas:
The Results of Researches and New Discoveries**

Abstract

This paper has drawn the conclusion of the research of the sites from the Sarmatian period in the Middle and Upper Don areas. In recent years, the excavations uncovered new types of Sarmatian cemeteries, which greatly changed our notion of the cultural and ethnic genesis in the forest-steppe area on the Don in the first half of the first millennium AD. The Koper river area and the zone far to the east lay out of the sight of this research. In this region, the development line has been suggested with no principal difference from the monuments located in the steppe in the interfluvium of the Don and the Volga in the first centuries AD (Берестев, Медведев, 2015, с. 7–17). This paper pays particular attention to new monuments which fill in the gaps in the history of the region, or make us to reconsider key points in its history.

А. П. Медведев, В. Д. Березуцкий, И. Е. Бирюков

**Сарматы на Верхнем и Среднем Дону:
результаты изучения и новые открытия**

Резюме

Статья подводит итоги изучения памятников сарматского времени на Среднем и Верхнем Дону. За последние годы здесь были открыты новые типы сарматских могильников, во многом изменившие представления о процессах культуро- и этногенеза в донской лесостепи в первой половине I тыс. н. э. За пределами нашего рассмотрения осталось Прихоперье и более восточные районы. Здесь выявлена линия развития, ничем существенно не отличающаяся от степных памятников Волго-Донского междуречья первых веков н. э. (Берестнев, Медведев, 2015, с. 7–17). В статье особое внимание уделяется новым памятникам, которые заполняют ранее неизвестные лакуны в истории региона, или вынуждают пересмотреть ключевые вехи его истории.

А. И. Нечвалода, Е. И. Нечвалода

Череп ранних кочевников Южного Урала из первых Аллагуватовских курганов

Ключевые слова: Южный Урал, I Аллагуватовские курганы, ранние кочевники, краниология, сравнительный анализ, графическая реконструкция лица по черепу

Keywords: Southern Urals, I Allaguvat barrows, early nomads, craniology, comparative analysis, reconstruction drawing of the face by the skull

Курганная группа, получившая название I Аллагуватовские курганы, исследовалась Н. А. Мажитовым в 1991 году. Могильник располагается в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан. Автор раскопок датирует исследованные погребальные комплексы прохоровским временем (IV – III вв. до н. э.).

Все черепа хорошей сохранности, с небольшими постмортальными утратами. Серия включает в себя 4 мужских и 4 женских черепа. Публикуемый материал представляет интерес как в плане приращения данных к антропологии представителей раннесарматской культуры, так и исследования локальной изменчивости сарматского населения Предуралья эпохи раннего железа.

Череп были измерены по полной краниометрической программе в рамках стандартного бланка 1965 г. (Алексеев, Дебец, 1967). Программа также включала измерение угла поперечного изгиба лба (Гохман,

1961). Был проведен сравнительный анализ мужских черепов с использованием дискриминантного канонического анализа.

По некоторым мужским и женским черепам выполнена графическая реконструкция лица по черепу в профильной норме с использованием методик, предложенных отечественными исследователями (Герасимов, 1949; 1955; Лебединская, 1973; 1998; Никитин, 2009).

Небольшая численность мужских черепов из первого Аллагуватского могильника диктует обращение к индивидуально-типологической характеристике, которая приводится ниже (см. табл. 1; рис.1).

Курган 1. Череп хорошей сохранности, принадлежал мужчине возмужалого возраста. Мозговая коробка в латеральной норме с плавными очертаниями костей свода со слабо выступающим затылком. В вертикальной норме овоидной формы (рис. 1, 1). Нейрокраниума характеризуется

большим продольным и средним поперечным диаметрами. Высота свода от точки базион средняя. Черепной указатель — брахикран, по высотно-продольному указателю — ортокран (73.3), по высотно-поперечному — тапейнокран (90.4). Лоб широкий с довольно слабо развитой областью надпереносья. Угол его профиля от назиона большой. По лобно-поперечному указателю относится к категории средних величин — метриометоп.

Лицевой скелет широкий при очень большой верхней высоте лица абсолютно и относительно, по верхне-лицевому указателю — лептен. Профилировка лицевого скелета, как на верхнем, так и на среднем уровнях, сильная. Общий лицевой угол большой (нижняя граница мезогнатных вариантов). Альвеолярный отросток верхней челюсти характеризуется прогнатной постановкой в вертикальной плоскости (верхняя граница прогнатных вариантов).

Нос средневысокий и широкий абсолютно, по указателю лепторинный. Угол выступления носовых костей к лицевому профилю средний (28.0). Глубина клыковой ямки очень малая (2.0). Носовые кости очень высокие и широкие, симотический указатель большой. Область переносья хорошо профилирована при его большой высоте и ширине. Дакриальный указатель (62.1) в области больших величин. Дакриальный угол, вычисленный нами один из самых минимальных в данной выборке (77.6°). Орбиты широкие и низкие имеют наклонную постановку, по пропорциям хамеконхные.

Из индивидуальных особенностей можно отметить сильно развернутые кнаружи углы нижней челюсти с хорошо развитым макрорельефом, низкие и очень широкие ветви нижней челюсти.

Курган 2, погребение 7. Череп хорошей сохранности, принадлежал возмужалому мужчине (рис. 1, 2). Мозговая коробка характеризуется средними величинами продольного и поперечного диаметров и малой высотой свода черепа от точки базион. Она мезокранна по черепному указателю, ортокранна (72.0) по высотно-продольному и тапейнокранна (90.2) по высотно-поперечному указателям. Лоб

среднеширокий, лобно-поперечный указатель относится к категории средних величин (66.4 — метриометоп).

Лицевой отдел обладает большим скуловым диаметром и средней верхней высотой лица (по указателю — мезен), на орбитальном уровне имеет слабую профилировку. Общий лицевой угол большой (нижняя граница мезогнатных вариантов), угол альвеолярной части средний (нижняя граница прогнатных вариантов — 74°). Клыковая ямка неглубокая (4.0). Нос в абсолютных величинах высокий при малой ширине, по пропорциям лепторинный. Угол выступления носа малый, величина симотического указателя большая. Орбиты среднеширокие, и абсолютно низкие по указателю мезоконхные.

По данному черепу выполнена графическая реконструкция внешнего облика (рис. 2, 1).

Курган 2, погребение 8. Череп хорошей сохранности принадлежит мужчине зрелого возраста (рис 1, 3). Мозговая коробка характеризуется очень большим продольным, средним поперечным и высотным диаметрами. Она долихокранна по черепному (72.9) и хамекранна (68.2) по высотно-продольному указателю. Величина высотно-поперечного указателя находится в области средних величин — метриокран (93.5). Лоб среднеширокий, по указателю эуриметоп (82.3), угол его профиля от назиона большой.

Скуловой диаметр большой, верхняя ширина лица в категории очень больших величин (113 мм) большая, средняя (97 мм) — относится к среднему классу. Высота верхнего отдела лицевого скелета средняя. По верхне-лицевому указателю (мезен). Горизонтальная профилировка на среднем уровне резкая, на орбитальном несколько ослабленная. Череп ортогнатный по общему лицевому углу и прогнатный (79°) по углу альвеолярной части.

Клыковая ямка неглубокая (2.7). Нос невысокий, широкий, по указателю хамеринный. Угол выступления носа очень большой, симотический указатель также в области больших величин, дакриальный (58.0) — также большой. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы.

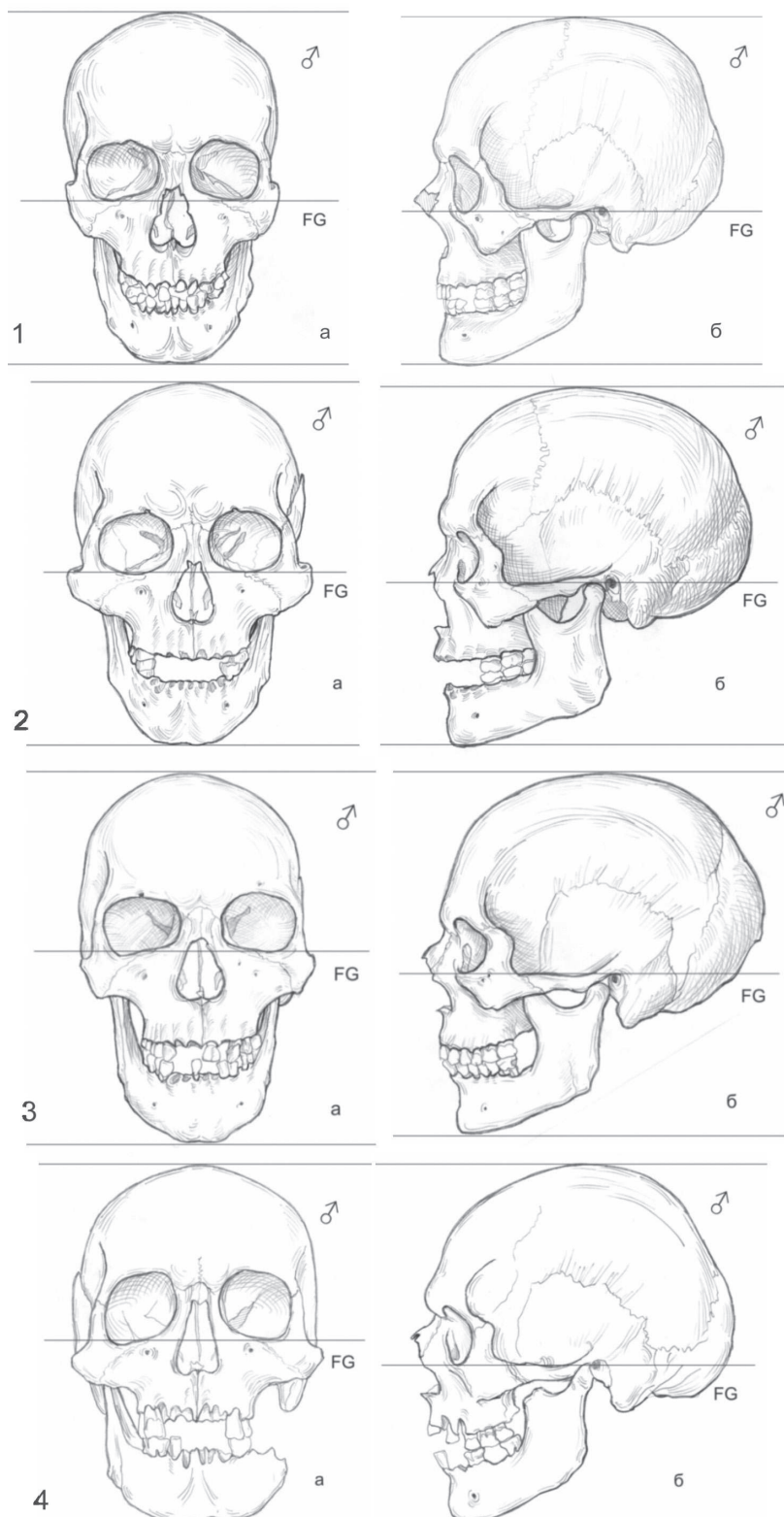

Рис. 1. Мужские черепа из первых Аллагуватовских курганов в двух основных нормах:
а — normafrontalis; б — normalateralis.

- 1 — Череп мужчины возраста *adultus* из Аллагуватовского курганного некрополя (Курган 1);
 2 — Череп мужчины возраста *adultus* из Аллагуватовского курганного некрополя (Курган 2, погребение 7);
 3 — Череп мужчины возраста *adultus* из Аллагуватовского курганного некрополя (Курган 2, погребение 8);
 4 — Череп мужчины возраста *adultus* из Аллагуватовского курганного некрополя (Курган 2, погребение 11)

Орбиты широкие, малой высоты, по указателю хамеконхные.

Курган 2, погребение 11. Череп мужчины 30–35 лет, хорошей сохранности, нет только ветви нижней челюсти слева (рис. 1, 4). Постмортальная деформация основания черепа и правой височной кости. Краниум мужчины производит впечатление среднематуризованного, с хорошо выраженным мышечным рельефом.

Черепная коробка овоидной формы, мезокранная по указателю с несильно выступающим затылком. Продольный диаметр и поперечный диаметры в категории средних величин. Лоб наклонный, широкий с хорошо развитым рельефом надпереносья.

Лицо мезогнатное, средневысокое и широкое, по верхнелицевому указателю — мезен. В горизонтальной плоскости на орбитальном и среднем уровнях лицевой скелет обладает слегка ослабленной профилировкой. Нос узкий и невысокий, по указателю мезоринный. Носовые кости к линии профиля лица выступают очень сильно (43°). Гру-

шевидное отверстие высокое. Переносье очень высокое, средней ширины. Нижний край грушевидного отверстия заостренный. Клыковая ямка глубокая. Орбиты широкие и средневысокие, по указателю мезоконхные.

По данному черепу выполнена графическая реконструкция внешнего облика (Рис.2. 2).

Суммарная краниометрическая характеристика серии по средним арифметическим (табл. 2) обладает следующими характеристиками — серия из 4 мужских черепов из I Аллагуватских курганов характеризуются средними размерами продольного и поперечного диаметров. Черепная коробка по соотношениям диаметров мезокранная, преимущественно овоидной формы (при наличии одного брахикранного и одного доликранного вариантов). Мозговая капсула имеет низкий свод как от точки базион (*bazion*), так и от точки порион (*porion*). Лоб наклонный, среднеширокий. Величина угла поперечного изгиба лба (132.1°) находится в области европеоидных значений.

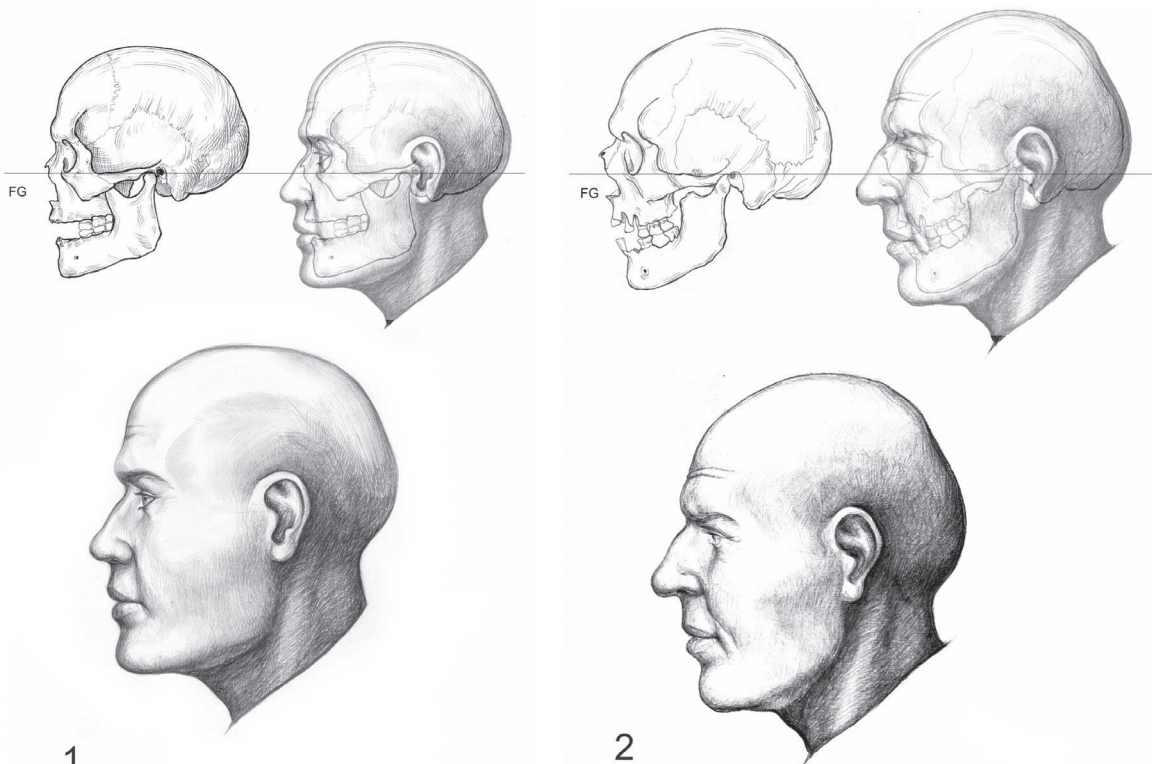

Рис. 2. Графические реконструкции по черепам из Аллагуватовских курганов:
 1 — графическая реконструкция в профильной норме по черепу мужчины из кургана 2/7 Аллагуватовского могильника. Автор А. И. Нечвалода. Графическая проработка Е. Е. Нечвалода;
 2 — графическая реконструкция в профильной норме по черепу мужчины из кургана 2/11 Аллагуватовского могильника. Автор А. И. Нечвалода. Графическая проработка Е. Е. Нечвалода

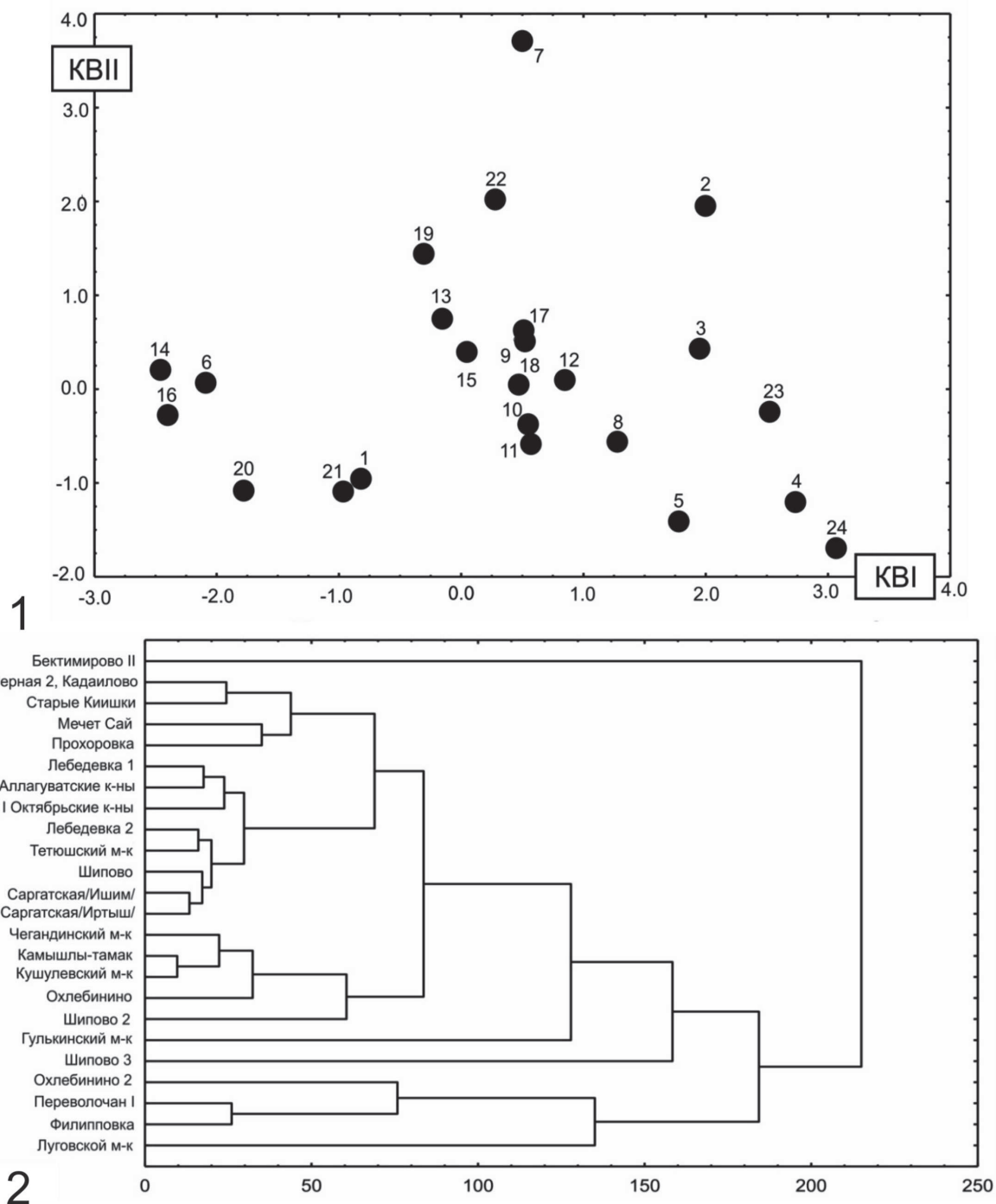

Рис. 3. Результаты сравнительного анализа.

1 — положение 24-х мужских серий эпохи железного века в пространстве I и II канонических векторов (KB):

- 1 — Биктимирово II; 2 — Черная 2 – Кардаилово; 3 — Старые Кишки; 4 — Мечет-Сай;
 5 — Прохоровка; 6 — Чегандинский могильник; 7 — Гулькинский могильник; 8 — Лебедевка I;
 9 — Лебедевка II; 10 — I Аллагуватские курганы; 11 — I Октябрьские курганы; 12 — Шипово;
 13 — Охлебинино; 14 — Камышлы-Тамак; 15 — Тетюшский могильник; 16 — Кушулевский
 могильник; 17 — сарматская (Ишим); 18 — саргатская (Иртыш); 19 — Шипово 2; 20 — Шипово 3;
 21 — Охлебинино 2; 22 — Луговской; 23 — Переволочан I; 24 — Филипповка.

2 — результаты кластеризации расстояний Махалонобиса (D2) по 14 признакам 24 мужских краниологических серий из могильников раннего железного века

Лицевой скелет широкий и высокий, по верхнему лицевому указателю — мезен, ортогнатный по общему лицевому углу. Горизонтальная профилировка резкая на обоих уровнях. Орбиты невысокие и широкие, по указателю хамеконхные. Абсолютные размеры носа и носовой указатель относятся к категории средних. Переносье высокое, средней ширины. Носовые кости из плоскости лица выступают сильно. Клыковая ямка неглубокая.

Таким образом, приведенные характеристики позволяют рассматривать людей захороненных в первых Аллагуватовских курганах как мезокранных, широко-, средневысоколицых, с хорошо выступающим носом европеоидов.

Межгрупповое сопоставление мужской краниологической серии из первого Аллагуватовского могильника было проведено с привлечением данных по 23 краниологическим выборкам эпохи раннего железа Прикамья, Южного Приуралья и Зауралья (табл. 3), с использованием канонического анализа по 14 признакам¹, а также вычислены расстояния Махалонобиса (D^2), по которым произведена кластеризация и построена дендрограмма.

При рассмотрении результатов канонического анализа мы видим, что в каноническом векторе I (далее — KB), который описывает 42.0 % изменчивости, максимальные нагрузки приходятся на поперечный диаметр черепа. Неудивительно, что по этому вектору серия из первых Аллагуватовских курганов (на графике № 10), наряду с сериями из первых Октябрьских курганов (№ 11), саргатскими сериями (№ 17; № 18), Шипово (№ 12), Лебедевки II проявляющих тенденцию к мезокрании занимает центральное положение на графике. В KB II (15.0 % изменчивости), максимальные нагрузки имеют наименьшая ширина лба, высота носа, ширина орбиты и назомаллярный угол. В KB III (10.0 % изменчивости) максимальная нагрузка падает на скуловой диаметр.

Наибольшее своеобразие демонстри-

рует серия Черная 2 – Кардаилово, черепа которой демонстрируют отчетливую примесь монголоидных черт.

Напомним, что М. С. Акимова характеризует сарматские черепа из курганного некрополя Мечет-Сай как брахикранные, обладающие низкой мозговой коробкой средневысоким и широким, слегка уплощенным лицом, довольно сильно выступающим носом, низкими и широкими орбитами, отмечает небольшую примесь монголоидного компонента в данной серии (Акимова, 1968, с. 407).

На дендрограмме, мужская серия из I Аллагуватовских курганов объединилась с небольшой по численности синхронной и территориально близкой серией черепов ранних кочевников из первых Октябрьских курганов.

Пьяноборские серии из Чегандинского, Камышлы-Тамакого и Кушулевского могильника образуют отдельный кластер. Мужские серии из кара-абызских могильников Южного Приуралья (Охлебинино и небольшая серия из Шипово II) ассоциируются с данным кластером на уровне объединения, говорящем о тесных связях между группами.

Большой кластер, состоящий из двух подкластеров с тесными связями в масштабе сравниваемых серий, образовали раннесарматские серии из Лебедевки, I Аллагуватовских, I Октябрьских курганов.

Савроматы Лебедевки, серия из Тетюшского могильника ананьинской культуры, кара-абызская выборка из Шипово и две серии саргатской культуры объединились в другой подкластер. И, наконец, следующий кластер дендрограммы образован в результате объединения сарматских серий из Черная 2 – Кардаилово, Старых Киишков, Мечет-Сая и Прохоровки.

В заключении, хочется отметить, что исследование небольших выборок из сарматских могильников расширяют наши представления о локальной территориальной изменчивости сарматских популяций в эпоху железного века.

¹ Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы CANON, разработанной Б. А. Козинцевым, и пакета Statistica 6.0.

Таблица.1. Индивидуальные краниометрические показатели черепов из курганного некрополя прохоровской культуры I Аллагуватские курганы. Мужчины

№ по Мартину	№ черепов	1	2	3	4
	№ кургана, погребения, костяка	1	2/7	2/8	2/11
	Возраст	adult	adult	mat	adult
	Пол	♂	♂	♂	♂
1	Продольный диаметр	180.0	179.0	192.0	184.0
1b	Продольный диаметр от орh.	178.0	178.0	188.0	181.0
8	Поперечный диаметр	146.0	143.0	140.0	143.0
17	Высотный диаметр от ба.	132.0	129.0	131.0	-
5	Длина основания черепа	101.0	101.0	105.0	-
9	Наименьшая ширина лба	99.0	95.0	98.0	99.0
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	126.3	138.4°	131.0°	132.7°
-	Высота поперечного изгиба лба	25.1	18.1	22.4	21.7
10	Наибольшая ширина лба	123.0	115.0	119.0	119.0
11	Ширина основания черепа	127.0	127.0	130.0	134.0
12	Ширина затылка	115.0	110.0	109.0	115.0
29	Лобная хорда	116.0	104.0	119.0	105.0
20:1	Высотно-продольный указатель (рo)	62.2	60.9	59.3	61.4
20:8	Высотно-поперечный указатель	76.7	76.2	81.4	79.0
8:1	Черепной указатель	81.1	79.8	72.9	77.7
17:1	Высотно-продольный указатель	73.3	72.0	68.2	-
17:8	Высотно-поперечный указатель	90.4	90.2	93.5	-
9:8	Лобно-поперечный указатель	67.8	66.4	70.0	69.2
9:10	Лобный указатель	80.4	82.6	82.3	83.1
9:12	Лобно-затылочный указатель	86.0	86.3	89.9	86.0
40:5	Указатель выступания лица	99.0	101.9	99.0	-
48:17	Вертикальный фацио-церебральный	59.8	55.8	55.7	-
45:8	Поперечный фацио-церебральный	94.5	98.6	98.5	98.6
9:45	Лобно-скуловой указатель	71.7	67.3	71.0	70.2
Sub.Nß	Высота изгиба лба	28.1	23.5	28.3	21.6
Sub.Nß:29	Указатель выпуклости лба	24.2	22.5	23.7	20.5
45	Скуловой диаметр	138.0	141.0	138.0	141.0
40	Длина основания лица	100.0	103.0	104.0	-
48	Верхняя высота лица	79.0	72.0	73.0	72.0
47	Полная высота лица	124.0	116.0	122.0	-
43	Верхняя ширина лица	112.0	107.0	113.0	108.0
46	Средняя ширина лица	102.0	101.0	97.0	92.0

55	Высота носа	61.0	56.0	50.0	48.0
54	Ширина носа	27.0	24.0	27.0	24.0
51	Ширина орбиты от mf	46.0	42.0	45.0	43.0
51a	Ширина орбиты от d	43.0	39.0	41.0	40.0
52	Высота орбиты	33.0	33.0	31.0	34.0
48:45	Верхний лицевой указатель	57.2	51.0	52.8	51.7
47:45	Лицевой указатель	89.8	82.2	88.4	-
54:55	Носовой указатель	44.3	42.8	54.0	50.0
52:51	Орбитный указатель от mf	71.7	78.5	68.8	79.0
52:51a	Орбитный указатель от d	76.7	84.6	75.6	86.0
20	Ушная высота	112.0	109.0	114.0	113.0
43(1)	Биорбитальная хорда	105.0	98.6	108.0	101.7
Nh	Высота n над бималлярной хордой	23.5	15.1	22.1	18.2
77	Назомаллярный угол	131.9°	146.0°	135.6°	140.8°
zm`-zm`	Зиго-максиллярная хорда	100.3	97.5	92.5	100.2
Zh	Высота ss над zm`-zm` хордой	25.7	23.0	23.5	26.3
<	Зигомаксиллярный угол	125.8°	129.7°	126.1°	132.7°
SC	Симотическая ширина	9.7	4.3	9.0	8.4
SS	Симотическая высота	5.5	3.0	5.0	5.1
SS:SC	Симотический указатель	56.7	69.7	62.2	60.7
<	Симотический угол	82.8°	71.3°	83.9°	78.9°
MC	Максиллофронтальная ширина	17.5	19.0	20.7	18.9
MS	Максиллофронтальная высота	7.3	7.0	9.1	8.1
DC	Дакриальная ширина	21.1	19.9	26.0	21.8
DS	Дакриальная высота	13.1	9.0	15.1	12.0
DS:DC	Дакриальный указатель	62.1	45.2	58.0	55.0
<	Дакриальный угол	77.6°	95.7°	81.5°	84.5°
FC	Глубина клыковой ямки	2.6	4.0	2.7	6.1
32	Угол профиля лба от n	77.0°	79.0°	78.0°	79.0°
GM/FH	Угол профиля лба от g	70.0°	72.0°	72.0°	66.0°
72	Общий лицевой угол	86.0°	82.0°	87.0°	82.0°
73	Средний лицевой угол	88.0°	85.0°	89.0°	83.0°
74	Угол альвеолярной части	78.0°	74.0°	79.0°	80.0°
75	Угол наклона носовых костей	58.0°	60.0°	53.0°	39.0°
75(1)	Угол выступания носа	28.0°	22.0°	34.0°	43.0°
-	Форма черепа сверху	-	-	-	-
-	Надпереносье (1-6)	3	4	3	5
-	Наружный затылочный бугор (0-5)	1	3	2	2
-	Сосцевидный отросток (1-3)	2	2	2	2

Таблица 2. Основные средние краниометрические размеры и указатели мужских черепов из Аллагуватских курганов

№ по Мартину	Признак по Мартину, Абиндеру, Гохману	N	X	s	min	max
1	Продольный диаметр	4	183.8	5.9	179.0	192.0
8	Поперечный диаметр	4	143.0	2.4	140.0	146.0
17	Высотный диаметр от ba.	3	130.7	1.5	129.0	132.0
5	Длина основания черепа	3	102.3	2.3	101.0	105.0
9	Наименьшая ширина лба	4	97.8	1.9	95.0	99.0
20	Ушная высота	3	112.0	2.2	109.0	114.0
-	УПИЛ. Угол поперечного изгиба лба	4	132.1	5.0	126.3	138.4
11	Ширина основания черепа	4	129.5	3.3	127.0	134.0
45	Скуловой диаметр	4	139.5	1.7	138.0	141.0
40	Длина основания лица	3	102.3	2.1	100.0	104.0
48	Верхняя высота лица	4	74.0	3.4	72.0	79.0
43	Верхняя ширина лица	4	110.0	2.9	107.0	113.0
46	Средняя ширина лица	4	98.0	4.5	92.0	102.0
55	Высота носа	4	53.8	5.9	48.0	61.0
54	Ширина носа	4	25.5	1.7	24.0	27.0
51	Ширина орбиты от mf	4	40.8	1.7	39.0	43.0
52	Высота орбиты	4	32.8	1.3	31.0	34.0
MC	Максиллофронтальная ширина	4	19.0	1.3	17.5	20.7
MS	Максиллофронтальная высота	4	7.9	0.9	7.0	9.1
DC	Дакриальная ширина	4	22.2	2.7	19.9	26.0
DS	Дакриальная высота	4	12.3	2.5	9.0	15.1
<	Дакриальный угол	4	93.1	13.2	81.5	110.6
SC	Симотическая ширина	4	7.9	2.4	4.3	9.7
SS	Симотическая высота	4	4.7	1.1	3.0	5.5
<	Симотический угол	4	79.2	5.7	71.3	83.9
77	Назомаллярный угол	4	138.6	6.2	131.9	146.0
<	Зигомаксиллярный угол	4	128.6	3.3	125,8	132.7
32	Угол профиля лба от n	4	78.3	1.0	77.0	79.0
72	Общий лицевой угол	4	84.3	2.6	82.0	87.0
75(1)	Угол выступания носа	4	31.8	9.0	22.0	43.0
8:1	Черепной указатель	4	77.9	3.6	72.9	81.1
48:45	Верхний лицевой указатель	4	53.2	2.8	51.0	57.2
54:55	Носовой указатель	4	47.8	5.2	42.8	54.0
52:51	Орбитный указатель от mf	4	74.5	5.1	68.8	79.0
DS:DC	Дакриальный указатель	4	55.1	7.2	45.2	62.1
SS:SC	Симотический указатель	4	62.3	5.4	56.7	69.7

Таблица 3. Привлеченные для межгруппового сравнения серии черепов

№ п/п	серия	датировка	источник
1	Биктимирово II	I в. до н. э. - II в. н. э.	Акимова, 1968
2	Черная 2–Кардаилово	IV – III вв. до н. э.	Багашев, 1997
3	Старые Киишки	III – II вв. до н. э.	Акимова, 1968
4	Мечет-Сай	IV в. до н. э.	Акимова, 1968
5	Прохоровка	IV– II вв. до н. э.	Яблонский, 2010
6	Чегандинский могильник	II в. до н. э. – I в. н. э.	Акимова, 1968
7	Гулькинский могильник	VIII – VI вв. до н. э.	Трофимова, 1954
8	Лебедевка I*	IV – III вв. до н. э.	Ефимова, 2006
9	Лебедевка II	V в. до н. э.	Ефимова, 2006
10	I Аллагуватские курганы	IV– III вв. до н. э.	<i>Данные автора</i>
11	I Октябрьские курганы	IV – III вв. до н. э.	<i>Данные автора</i>
12	Шипово	IV – III вв. до н. э.	Ефимова, 1981
13	Охлебинино	I в. до н. э. – II в. н. э.	Ефимова, 1981
14	Камышлы-Тамак	II в. до н. э. – I в. н. э.	Акимова, 1968
15	Тетюшский могильник	VIII – VI вв. до н. э.	Ефимова, 1981
16	Кушулевский могильник	II в. до н. э. – I в. н. э.	Ефимова, 1991
17	Саргатская к-ра /Ишим – сборная/	II в. до н. э. – II в. н. э.	Акимова, 1972
18	Саргатская к-ра /Иртыш – сборная/	IV в. до н. э. – II в. н. э.	Акимова, 1972
19	Шипово II	I в. до н. э. – II в. н. э.	Ефимова, 1981
20	Охлебинино II	II в. до н. э. – I в. н. э.	<i>Данные автора</i>
21	Луговской могильник	VIII – VI вв. до н. э.	Трофимова, 1968
22	Шипово III	III – IV в. н. э.	<i>Данные автора</i>
23	Переволочан I	V – IV вв. до н. э.	<i>Данные автора</i>
24	Филипповка	V– IV вв. до н. э.	Юсупов, Нечвалода, 2012

* Латинская нумерация в обозначении могильника указывает на разные хронологические группы черепов внутри данного могильника. Изучение краниологических материалов из могильников кара-абызской культуры Шипово и Охлебинино было продолжено автором, поэтому им также присвоена латинская нумерация — Шипово III — (раскоп XIII — раскопки В. В. Овсянникова, погребальные комплексы датируются временем III – IV в. н. э.), Охлебинино II (II в. до н. э. – I в. н. э.), так как эти материалы датируются отлично от краниологических материалов изученных прежде С. Г. Ефимовой — Шипово (раскопки А. Х. Пшеничнюка — IV – III вв. до н. э.), Шипово II (небольшая серия из двух мужских черепов — I в. до н. э. – II в. н. э.) и Охлебинино (раскопки А. Х. Пшеничнюка — I в. до н. э. – II в. н. э.).

Литература

- Акимова М. С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // АЭБ. Т. III / Отв. ред. Р. Г. Кузеев Уфа: Изд-во Башкирского филиала ИИЯЛ АН СССР, 1968. С. 391 – 426.
- Акимова М. С. Антропология населения лесостепи Западной Сибири в эпоху раннего железа // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 150 – 159.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Багашев А. Н. Материалы к краниологии сарматов // ВАЭ. Вып. 1 / Отв. ред. А. В. Матвеев. Тюмень: Изд-во отдела Института проблем освоения Севера СО РАН, 1997. С. 64–73.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Изд-во «Советская наука», 1949. 186 с.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН ССР, 1955. 585 с. (Труды Института этнографии АН СССР. Нов. серия, том XXVIII).
- Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // ВА. 1961. № 8. С. 88–98.
- Ефимова С. Г. К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. 1981. № 67. С. 64–73.
- Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во Московского университета, 1991. 96 с.
- Ефимова С. Г. «Савроматы» и ранние сарматы по антропологическим материалам из лебедевского курганного комплекса // Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI – II вв. до н. э.). М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 133–148.
- Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. М.: Старый Сад, 1998. 125 с.
- Никитин С. А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском соборе Московского Кремля. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Изд-во ООО ИПП «Куна», 2009. 368 с.
- Трофимова Т. А. Еще раз о черепках из Луговского могильника ананьинской культуры // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / Отв. ред. В. П. Алексеев, И. С. Гурвич. М.: Наука, 1968. С. 51–91.
- Трофимова Т. А. Черепа из Гулькинского могильника ананьинской культуры // МИА. 1954. № 42. С. 500–505.
- Юсупов Р. М., Нечвалода А. И. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 258–269.
- Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: Изд-во ТАУС, 2010. 384 с.

Aleksei Nechvaloda, Elena Nechvaloda

**The Skulls of the Early Nomads
in the Southern Ural Area in Allaguvat I Barrows**

Abstract

This paper publishes the research of craniological materials excavated at the Early Sarmatian graves of the first barrow cemetery located in modern Allaguvat village. The analysis of man's skulls excavated from this cemetery at individual level has discovered the particulars of their cranial type which basically Caucasian. The aggregate of features taken for the between-group comparison shows that the Sarmatian skulls from Allaguvat I barrows are most similar to the series excavated in Oktiabr'skoe I barrows in southern Bashkiria and the combined series of the Sargatskoe culture.

А. И. Нечвалода, Е. И. Нечвалода

**Череп ранних кочевников Южного Урала
из первых Аллагуватовских курганов**

Резюме

Статья посвящена изучению краниологических материалов из раннесарматских погребений первого Аллагуватского курганного некрополя. Анализ анализ мужских черепов из данного могильника на индивидуальном уровне выявил особенности их краниоти-па, который является, европеоидным в своей основе. По совокупности всех признаков использованных в межгрупповом сравнении сарматские черепа из первых Аллагуватовских курганов обнаруживают наибольшее сходство с серией из I Октябрьских курганов с территории южной Башкирии, а также сборными сериями саргатской культуры.

Е. В. Переводчикова

Аржано-кичигинский культурно-хронологический горизонт: к характеристике феномена

Ключевые слова: скифский звериный стиль, аржано-кичигинский (от Аржан и Кичигино) культурно-хронологический горизонт, кичигинская и савроматская стилистические группы, дата кургана Аржан-2

Keywords: Scythian animal style, Arzhan–Kichigino cultural-chronological horizon, Kichigino and Sauromatian style groups, chronology of Arzhan-2 barrow

Аржано-кичигинский культурно-хронологический горизонт был выделен А. Д. Таировым и С. Г. Боталовым в результате анализа комплекса раскопанного ими богатого аристократического погребения в кургане 5 могильника Кичигино 1 в Южном Зауралье (Таиров, Боталов, 2009, с. 209–214). Этот горизонт включает памятники «Азиатской части степной Евразии», его предлагаемая дата — вторая половина VII – середина VI вв. до н. э. В качестве культурных маркеров предварительно были предложены пояса с бронзовыми и железными обоями и определенной формы пряжками, определенные типы чеканов и зеркал, а также некоторые типы наконечников стрел (Таиров, Боталов, 2010, с. 351, 352).

Приведенные А. Д. Таировым и С. Г. Боталовым аналогии предметам из кургана 5 Кичигино¹ происходят с широкой территории: это Тува, Алтай, Центральный и Восточный Казахстан, Приаралье.

Впоследствии А. Д. Таиров связал памятники аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта с бобровско-тасмолинской археологической культурой, а также со сложением в урало-казахстанских степях основ пастбищно-кочевой системы. Эта система, лежавшая в основе тасмолинской историко-этнографической общности, обеспечивала контакты кочевников на ее территории (Таиров, 2016, с. 275, 276).

Ряд предметов, общих для памятников этого горизонта, оформлен в скифском

зверином стиле. Произведения звериного стиля этой группы памятников отличаются специфическими признаками. Это изображение льва, т. е. хищника с обозначенной гривой; лежащий хищник с головой анфас; специфическая поза хищника с подвернутой задней лапой; изображение головы кабана с оттянутой назад и приостренной холкой; сложный завиток — птичья голова; трактовка лошадиной гривы полосками; ажурные предметы из золотой фольги. По этим признакам изображения из кургана 5 могильника Кичигино I находят аналогии в материале курганов 3, 4, 6 могильника Тасмола V, курганов 45 и 53 могильника Южный Тагискен, из Восточного Талейда в Синьцзяне, кургана 5 могильника Талды-2, кургана 1 Шерубай, кургана 1 могильника Карашоки в Центральном Казахстане и знаменитого кургана Аржан-2 в Туве (Переводчикова, Таиров, 2015, с. 127–135).

Перечисленные признаки, как правило, не встречаются все вместе ни в одном из рассмотренных комплексов. В каждом из них при этом присутствует не один, а несколько таких признаков (Переводчикова, 2012, с. 242, табл. 1), что можно считать характерной чертой этих комплексов. Это наблюдение было интерпретировано как свидетельство единого пространства, в пределах которого осуществлялся обмен художественными идеями (Переводчикова, 2012, с. 242).

Что касается датировки аржано-кичигинского горизонта второй половиной VII – серединой VI вв. до н. э., то она вызывает сомнения.

Прежде всего, такой датировке противоречат некоторые стилистические признаки. Это изображение львиной гривы (Кичигино I, Аржан-2, курган 5 могильника Талды-2, курган Карашоки, курган 31 Южного Тагискена), фигура хищника с головой, повернутой анфас (Кичигино I, курганы 3, 4, 6 могильника Тасмола V, курган 53 Южный Тагискен, курганы Восточного Талейда в Синьцзяне).

Львиная грива, как правило, не акцентируется в скифском зверином стиле, предметом изображения которого были абстрактные хищники. Подобная черта могла появиться в результате контакта с иными изобразительными традициями. Львы изображались в различных традициях, среди которых для памятников данного круга вероятен контакт с переднеазиатской. То же можно отметить и для своеобразного иконографического типа — фигурок лежащих хищников с повернутой анфас головой.

При этом следы переднеазиатской традиции в восточных регионах культур скифского облика, как правило, прослеживаются лишь в ахеменидское время, т. е. начиная со второй половины VI в. до н. э. (Переводчикова, 2015, с. 237, 238).

Этот тезис не противоречит существующей датировке поздней группы курганов Южного Тагискена 2-й половиной VI – V вв. до н. э. (Итина, Яблонский, 1997, с. 69), в материалах которой упомянутые признаки также встречаются.

Следует также заметить, что нижняя дата аржано-кичигинского горизонта основана на дате кургана Аржан-2, определенной как середина – конец VII в. до н. э. (Чугунов, 2004, с. 34; Чугунов, 2005; Евразия, 2005, с. 84–90, 137). Эта дата, практически не обсуждавшаяся в литературе, недавно поставлена под сомнение автором данной работы (Переводчикова, 2018).

Суммируя изложенное, можно заметить, что аржано-кичигинский культурно-хронологический горизонт выглядит как совокупность памятников, отличающихся общими признаками форм вещей, распространенная на обширной территории. При этом сочетание признаков достаточно устойчивое, а количество памятников для такой большой территории выглядит незначительным. Эти обстоятельства наводят на мысли, что описываемый горизонт должен быть тонким, существовавшим недолго. А. Д. Таиров, излагая историю ранних кочевников Южного Зауралья в виде культурно-хроно-

логических горизонтов, считает, что каждый из них продолжался около 100 лет (Таиров, 2016, с. 275). Что касается аржано-кичигинского горизонта, то его мощность выглядит менее значительной.

В пользу такого предположения свидетельствует также тот факт, что насыпь кургана 5 Кичигино¹ была прорезана погребением следующего по времени, «савроматского» горизонта¹.

Возвращаясь к вопросам датировки, получаем следующую картину. Нижняя дата аржано-кичигинского горизонта по стилистическим особенностям изображений животных не может быть ранее середины VI в. до н. э. При этом верхняя его дата едва ли заходит в V в. до н. э., поскольку в это время существует другой, «савроматский» горизонт. Такая благоприятная для датировки ситуация существует не на всей территории распространения «аржано-кичигинских» памятников — но в Южном Зауралье она позволяет предположить такое распределение памятников во времени. Во всяком случае, такая хронологическая последовательность выглядит более правдоподобно, нежели сделанный ранее автором данной работы вывод о практической одновременности аржано-кичигинских и савроматских памятников (Переводчикова, 2015, с. 239).

Разумеется, высказанные соображения о датах этого горизонта пока носят характер

предположения и нуждаются в дальнейшей разработке.

Остается пока невыясненным, какое явление в истории и культуре ранних кочевников отражает такой четкий по своим признакам и при этом тонкий и распространенный на огромной территории пласт памятников.

Работа, проделанная с признаками изображений аржано-кичигинского горизонта, позволит по-новому взглянуть и на концепцию культурно-хронологических горизонтов в применении к культурам ранних кочевников. Адаптировавший это понятие к степным культурам раннего железного века Л. Т. Яблонский, прежде всего, выбирал термин, не только лишенный этнической окраски, но и не дававший повода ее увидеть (Яблонский, 2008, с. 309–312). Исследователь успел только начать работу с использованием новой терминологии (Яблонский, 2016, с. 304–309). Поскольку термины «культурно-хронологический горизонт» и «культурные маркеры» являются также и инструментами в работе с материалом, роль их в этом качестве только предстоит оценить и, возможно, скорректировать.

Пока же, возвращаясь к аржано-кичигинскому горизонту, можно добавить к списку его культурных маркеров упомянутые признаки изображений в скифском зверином стиле.

¹ Благодарю А. Д. Таирова, любезно предоставившего мне информацию об этом неопубликованном погребении.

Литература

- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г. И. Зайцева и др. СПб.: ТЕЗА, 2005. 290 с.
- Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
- Переводчикова Е. В. Произведения скифского звериного стиля из кургана № 5 у с. Кичигино в контексте искусства кочевников восточных областей Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. / Ред. В. А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 238–243.
- Переводчикова Е. В. К хронологии раннескифского звериного стиля Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф / Отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 236–239.
- Переводчикова Е. В. К датировке кургана Аржан-2 // Вторая Всероссийская научная конференция «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург», посвящённая 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 г. Тезисы. Эл ресурс: http://www.archeo.ru/hronika-1/konferencii-1/drevnie-kultury-centralnoi-azi/2018Grach_Thes.pdf (дата обращения: 09.03.2019).
- Переводчикова Е. В., Таиров А. Д. Искусство раннесакского времени Южного Урала и его восточные параллели // *Stratum plus*. 2015. № 3. С. 121–141.
- Таиров А. Д. Южное Зауралье в раннесакское и савроматское время // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы скифо-сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 275–279.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г. Аристократическое погребение сакского времени из Южного Зауралья // Маргулановские чтения – 2009. Материалы международной научной конференции (22–25 апреля, 2009 г.). Т. 1. Петропавловск: М. Қозыбаев атындағы СҚМУ, 2009. С. 209–214.
- Таиров А. Д., Боталов С. Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: ТАУС, 2010. С. 339–354.
- Чугунов К. В. Аржан — источник // Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. С. 10–39.
- Чугунов К. В. Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 103–109.
- Яблонский Л. Т. Новое о хорошо забытом старом: некоторые теоретические подходы в современной скифо-сарматской археологии // Проблемы современной археологии (сборник памяти Владимира Александровича Башилова) / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Ин-т археологии РАН; ТАУС, 2008. С. 302–315.
- Яблонский Л. Т. Некоторые теоретические подходы к вопросу о происхождении ранне-сарматской культуры // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы скифо-сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 304–311.

Elena Perevodchikova

**The Arzhan–Kichigino Cultural-Chronological Horizon:
The Characteristic of the Phenomenon**

Abstract

This paper presents the results of researches of the works of art from the Arzhan–Kichigino cultural-chronological horizon. According to the combination and distribution of features of images of animals of the range under study, the said horizon was thin and therefore existed during a short period. From the stylistic features of the images, the horizon could not be earlier than the mid-sixth century BC. In the southern Trans-Ural area, there are “Sauromatian” sites overlaying the horizon in question, thus it could hardly exist in the fifth century BC. It is still unclear what phenomenon of history and culture of the early nomads produced the group of monuments possessing definite features, which formed thin stratum widely distributed throughout a vast area.

Е. В. Переводчикова

**Аржано-кичигинский культурно-хронологический горизонт:
к характеристике феномена**

Резюме

В статье излагаются результаты работы с произведениями искусства аржано-кичигинского культурно-хронологического горизонта. Сочетание и распределение признаков изображений животных этого круга создает представление о том, что описываемый горизонт должен быть тонким, существовавшим недолго. Стилистические признаки изображений не позволяют его датировать ранее середины VI в. до н. э., при этом на территории Южного Зауралья его перекрывают «савроматские» памятники, поэтому он едва ли заходит в V в. до н. э. Пока остается невыясненным, какое явление в истории и культуре ранних кочевников отражает такой четкий по своим признакам и при этом тонкий и распространенный на огромной территории пласт памятников.

И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, М. Ю. Меньшиков

Рисунки из кургана Госпитальный. К вопросу о датировании и интерпретации. (Две точки зрения)

Ключевые слова: древний Боспор, курган Госпитальный, античный склеп, рисунки, граффити, оружие, корабли, батальные сцены

Keywords: ancient Bosporos, Gosptal'nyi barrow, antique burial vault, drawings, graffiti, weapons, ships, battle scenes

В 2017 году был раскопан элитный курган Госпитальный в черте города Керчь, находившийся вблизи известного царского некрополя Юз-оба и курганов Ак-Бурунского мыса. Насыпь кургана замыкала цепь курганов Цементная слободка 1.

Высокий и поврежденный перекопками земляной холм перекрывал каменный античный склеп с длинным дромосом. Склеп был сложен из крупных выпиленных блоков местного известняка, оштукатуренных изнутри и облицованные рваным камнем снаружи. Именно разными по плотности земляными прослойками и формировался холм по мере возведения каменных ярусов, о чем свидетельствуют разноуровневые тырсовые прослойки, зафиксированные

при исследовании стратиграфии. К камере склепа, подпрямоугольной в плане, вел длинный, порядка 20 м, дромос, украшенный во входной части ступенчатыми пилонами. Склеп имел уступчатый свод перекрытия камеры и входной части в нее, который был практически полностью разрушен многочисленными проникновениями и выборками камня. Тем не менее, нижние блоки с уступами сохранились при входе в камеру. Входная часть сохранила покрытие двуслойной штукатуркой, на которой были обнаружены рисунки процессов антропоморфных персонажей и кораблей. Курган и склеп относились к традиции боспорской погребальной архитектуры и стоят в одном ряду с элитными усыпальницами Европей-

ского и Азиатского Боспора (Ростовцев, 1914; Кузнецов, 2004; Виноградов, 2014; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012; 2017; Рукавишникова, Бейлин, Федосеев, Воронков, 2018, с. 151).

Рисунки не относятся к античной традиции. Они были нанесены единовременно

или в разное время в процессе проникновения в камеру склепа. Так как дромос был заложен, проникали в камеру сверху насыпи или из середины дромоса, где в VI в. н. э. было организовано укрытие с очагом, как и во многих склепах на Боспоре (Федосеев, 2006, с. 308). Рисунки нанесены до обру-

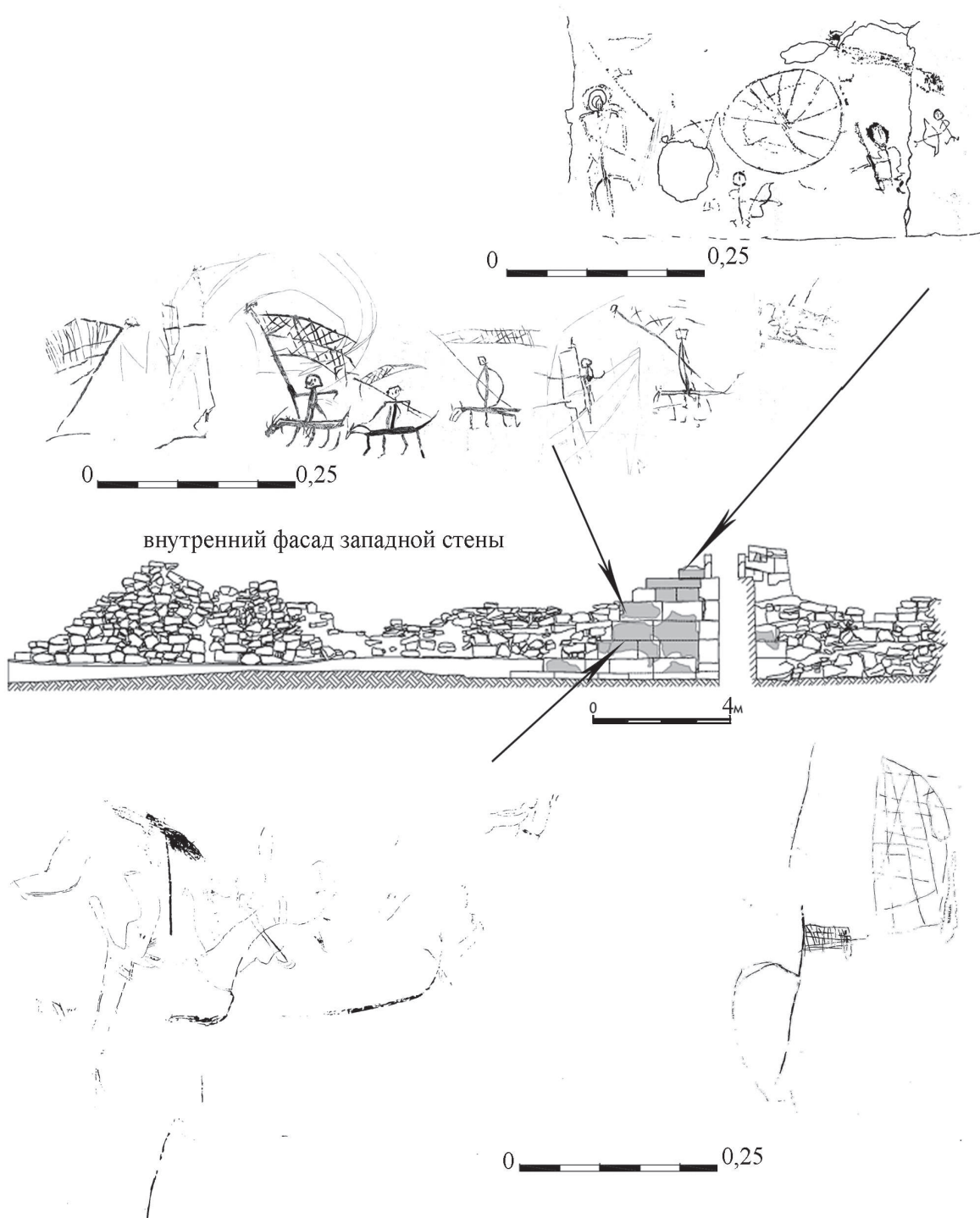

Рис. 1. Рисунки на западной стене дромоса склепа

шения свода над входом в камеру. В стратиграфии завала не встречены признаки, относящиеся к какой-либо из эпох.

Говорить уверенно о дате нанесения изображения на стены склепа Госпитальный на сегодняшний день практически невозможно. Теоретически датирование изображений может опираться на три метода:

1. Датирование естественно-научными методами;
2. Стратиграфический анализ;
3. Анализ сюжета.

Наиболее действенным методом для определения даты создания красителя, могло бы быть AMS датирование для рисунков углем, но и в этом случае не будет полной уверенности в дате создания рисунков, так как художник мог подобрать уголь, сформировавшийся за какое-то время до того, как рисунки появились. Таким образом можно получить наиболее вероятную нижнюю дату изображения, но в настоящий момент выделить из рисунков достаточное количество вещества для такого датирования, не повредив рисунок, невозможно. Так же следует учитывать, что в процессе сохранения рисунков проводилась их обработка химическими растворами.

Теоретически, надежной основой для датирования в данной ситуации могла бы стать стратиграфия. Однако это было бы верно для памятника, на котором стабильно происходила антропогенная деятельность. В случае последовательного непрерывного отложения культурных слоев, можно по наличию пигмента в слое определить горизонт, на котором располагался художник в момент рисовки, и на основании находок и анализов получить даты для ниже и вышележащих слоев. Однако в данном случае такой метод тоже не может быть высокоэффективным. Во-первых, мы имеем дело со слоями, расположенными изначально над пустотами, и посещение внутреннего пространства осуществлялось через перекопы, а во-вторых, мы не можем уверенно сказать, как долго тот или иной горизонт

оставался открытой дневной поверхностью.

По стилю изображения кургана Госпитальный напоминают росписи склепа Сабазиастов в Керчи (Ростовцев, 1914, табл. 101). Всего зафиксировано 4 композиции и несколько отдельных изображений, найденных среди обломков камней в засыпи дромоса. Антропоморфные изображения угадывались на блоках, оставшихся от свода в камеру. Поверхности с рисунками были демонтированы и перевезены в лапидарий Керченского музея. Перечислим их.

Композиция 1 находилась на западной стене дромоса, на нижнем блоке уступчатого перекрытия. На штукатурке красной охрой нанесена сцена с процессией группы всадников влево. С левой стороны можно различить изображение знамени с вертикальной штриховкой, натянутый лук с тетивой, под ним — вертикальная линия. Между группами видно граффито в виде букв NY. Судя по толщине и манере исполнения, эта надпись асинхронна рисункам. Изображение процессии, следующих друг за другом всадников со знаменами, штандартами и бунчуками на взнузданных конях с масками в виде голов драконов, где знамена расчерчены косыми штриховками крест накрест. Бунчуки разные: возможно, головы драконов, змей, людей. Между третьим и четвертым всадниками изображена фигура с высоким луком, натянутой тетивой и длинной стрелой. Отчетливо изображен наконечник стрелы. У самих антропоморфных персонажей головы квадратные, возможно изображен шлем у первой фигуры. Облику знамен автор рисунков по какой-то причине уделил больше внимания. Более того, каждое знамя (и штандарт) оригинальны. Интересно, что второй слева знаменосец явно держит знамя не правой, а левой рукой (обычно это ритуальный момент), а правой придерживает поводья. Впереди изображен всадник с самым большим знаменем. У знамени есть интересная деталь: фигурный двузубый наконечник древка. Такие знамена были известны еще в Китае эпохи Чжоу,

затем у сюнну (Ноин-Ула). Позже они присутствовали у сарматов в I в. н. э. (знаменитый тайник в могиле царя в кургане 1 группы «Дачи» под Азовом) (Yatsenko, 2001, p. 46). Третий всадник держит не собственно знамя, а штандарт с очень длинным и узким надувным полотнищем, оканчивавшимся маленькой головой дракона. Эти штандарты, перешедшие от сюнну к сарматам, использовали со II в. н. э. и римские знаменосцы-драконари, а несколько позже, видимо, — Сасаниды (Яценко, 2006, с. 131).

Следующая композиция 2 дихромная расположена выше на западной стене дромоса на втором снизу квадрате части уступчатого перекрытия. Слева находится изображение антропоморфного божества с окружностью («рогами»?) вокруг головы, выполненное красной охрой и углем. У персонажа дугообразные ноги и пасть. Выше — изображение древка и нижней части раскрашенного дугообразным рисунком знамени (?). Справа от него помещён солярный знак в виде окружности с перекрещивающимися внутри лучами, нанесённый углём. Под ним, слева и справа нарисованы красной охрой два лучника с головами в виде окружностей, обведённых широкой линией. Тела лучников намечены схематичными линиями; рядом с ними изображены высокие луки с натянутыми тетивами и горизонтально расположенными стрелами, направленными друг на друга. У левого лучника наконечник стрелы треугольный, у правого — расщепленный. Между ними — ещё один персонаж с неким оружием и знаменем, расчерченным горизонтально. Стиль изображенного отличается от рисунка на вышеописанном блоке.

Композиция 3. Поверхность четырёх прямоугольных блоков всё той же западной стены покрыта двуслойной штукатуркой. Сюжет монохромной композиции, нанесенной углем — остатки изображений кораблей (один и части еще двух) с парусами (вправо) и выделенными рулями. Ниже еще один расчерченный сеточкой парус вправо. В

правой части сохранились очертания мачты корабля с флагом вправо (?). Здесь представлена сцена морского сражения, где корабли поданы в разных проекциях и пространственных расположениях. На корабле слева изображение, возможно, нанесенное поверх паруса еще одного корабля. Эти рисунки заметно отличается по стилю от вышеописанных.

Композиция 4. На восточной стене дромоса сохранились монохромные рисунки на сплошной поверхности четырех блоков. Слева частично сохранилось схематичное изображение мачт кораблей. Справа находились выполненные чёрным углём рисунки: мачты корабля с флагом вправо. В правой части плиты помещено изображение штандарта на крючкообразном основании с полотнищем влево, рядом показана маленькая фигурка человека. Голова персонажа в виде треугольника, дугообразные ноги изображены анфас, туловище — в профиль, вправо. Руки вытянуты вперёд; плащ в виде полукружности развевается за спиной, спереди из-за пояса торчит короткий меч. В нижней части плиты крупным планом изображено навершие штандарта. Справа на всей площади плиты изображение в проекции четырехчастной фигуры с сетчатой разметкой. Возможно, — развёрнутый парус или условное изображение земельного надела.

Стиль рисунков кораблей и всадников различаются как манерой, так и материалом (охра или уголь). То же можно сказать и о «росписях» на западной и восточной стенах дромоса. Но батальный характер почти всех сцен однозначен. На восточной стене изображения более статичны, но используются приемы перспективы. Возможно, здесь у композиции выражен повествовательный характер, обозначающий получение надела земли персонажем, связанным и с кораблями, и с носителями штандартов с бунчуками.

Для Восточной и Центральной Европы изучение изображений сармато-аланов

эллинистического и римского времени имеет большое значение. Обычно, имеется в виду их «иконография» в собственно римском официальном искусстве, чаще всего — на триумфальных монументах (Малашев, 1988, с. 87). Тогда как условно «варварские» рисунки несут этнографическую информацию.

Предварительная возможная датировка вышеописанных изображений весьма широкая: со II по V вв. н. э. Ясно лишь, что они были нанесены в разное время на разных плоскостях. Но их конкретная историческая интерпретация чрезвычайно трудна.

Вторая точка зрения предполагает, что данные рисунки являются примитивными и отображают события, происходившие в гораздо более позднее время.

О возможности некоторого иконографического анализа, на наш взгляд, говорить нет возможности, так как формат рисунков

очень схож с детскими, а иконография детского рисунка близка для многих эпох и не всегда соотносится с канонами взрослого профессионального изобразительного искусства.

При рассмотрении сюжетов, изображенных на стенах склепов, некими хронологическими индикаторами могут послужить предметы вооружения, однако при этом надо учитывать, что рисунок не обязательно является точным отображением реальности.

Флаги — являются самой яркой и заметной частью композиций 1, 2 и единственной яркой частью композиции 4. В средние века и в Азии, и в Европе знамя использовалось, как базовый элемент управления армией. Эта традиция имеет глубокие корни, уходя еще во времена Сунь-цзы. Для азиатского региона данная тема детально разобрана в публикации О. С. Советовой и А. Н. Муха-

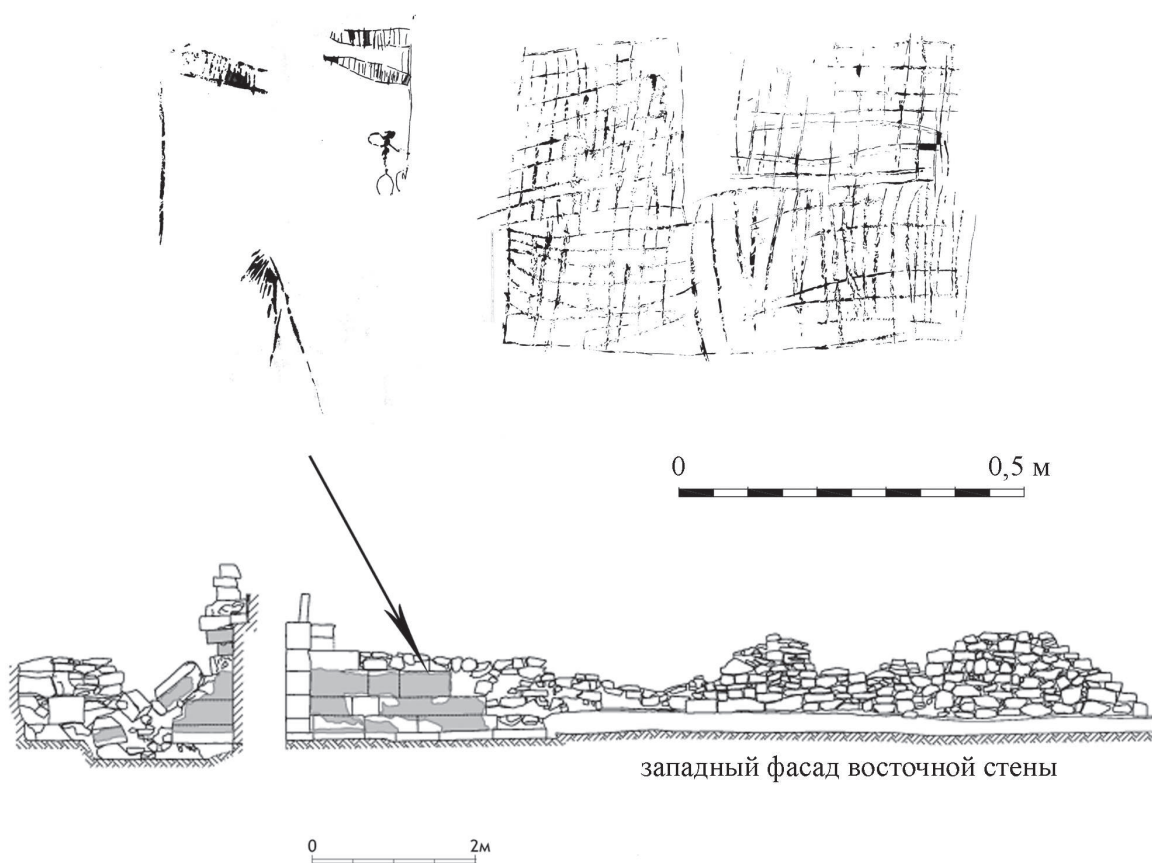

Рис. 2. Рисунки на восточной стене дромоса склепа

ревой (Советова, Мухарева, 2005, с. 92–109). Европейские средневековые изобразительные источники также дают большое количество информации об использовании флагов (*Rudolf von Ems, Weltchronik, Regensburgca. 1400 – 1410*, Лос-Анжелес, Музей Гетти, Ms. 33; надгробие графа *Wiprecht of Groitzsch*, неизвестный мастер, около 1230 – 1240 г. Песчаник. Гордская церковь, Пегау, Германия). Наличие флага характерно для организованной и, хоть в какой-то мере, регулярной армии. Флаг первой фигуры, движущейся влево, имеет линию вдоль продольной оси, разделяющую его на две зоны. Возможно, это реальное изображение флага из двух полотнищ, а возможно, что это просто стремление увеличить в процессе рисования площадь флага первого всадника. Среди подобных стягов нередки и вытянутые штандарты с раздвоенным вдоль поперек. Наиболее известный подобный европейский флаг — это штандарт Ричарда III. Но нам неизвестно о большом рыцарском отряде под множеством флагов на территории Крыма. Европейские всадники скорее всего могли быть под стягом Св. Георгия — символа Генуи. Три из пяти изображенных флагов, позволяют предполагать наличие навершия на окончании древка над полотнищем. Наличие навершия в средние века наиболее характерно для тюрко-монгольских знамен и хорошо известно по изобразительным и письменным источникам (Бобров, Худяков, 2008, с. 188–190; Yuka Kadoi, 2010, p. 161).

Учитывая, что изображены лучники и полностью отсутствуют признаки огнестрельного оружия, вероятная верхняя дата может относиться к периоду не позднее турецкого завоевания Крыма. Войска турецкого султана также пользовались флагами, в том числе и с вытянутыми и раздвоенными полотнищами.

Щиты — композиция содержит одно изображение, которое может быть интерпретировано как щит или как неаккуратно выполненное изображение лука. Если пред-

полагать, что данное изображение все-таки является щитом, то мы можем говорить, о том, что на рисунке изображен крупный щит вроде скутума или скорее павезы, в который попали две (?) стрелы.

Корабли — выявлены только в составе композиции 3. К сожалению, сохранность рисунков плохая, но кормовые части двух судов и мачту одного из них можно разглядеть уверенно. Некоторые видимые конструктивные элементы позволяют поразмышлять о типе судна, которое видел рисовавший его художник. Первое, что бросается в глаза, характерная для судов, близких к дромонам или навам, вытянутая назад надстройка, рядом с которой прекрасно читается спущенное в воду рулевое весло. При этом оба изображения кораблей не имеют признаков других весел. Косая рея, изображенная на мачте, наводит на мысль о том, что данный корабль может иметь латинское парусное снаряжение, заменившее античное прямое и получившее широкое распространение, начиная с IX — X вв. Но, с другой стороны, нельзя быть уверенным в том, что рисунок воспроизводит реальную ситуацию. Граффити судов со сходными кормовыми частями присутствуют на стенах в соборе Св. Софии в Трабзоне, где фрески датируются XIII в.

Лук и стрелы — наиболее реалистично изображены стрелки из лука в композиции 1. Также, вероятно, есть изображение лука, направленного в знаменную процессию на композиции 2 и, возможно, изображение лука, а не щита у пехотинца, расположенного между знаменосцами. В композиции 1 уверенно в качестве лучников могут быть определены 3 фигуры, одна с оружием, направленным направо и две с оружием, направленным навстречу, налево. С большой долей вероятности эту композицию можно интерпретировать, как бой между лучниками. Что касается луков, то их изображения напоминают рекурсивные луки, широко распространенные в степи на протяжении многих эпох. А вот наконечники стрел

обращают на себя внимание в некоторых деталях. У фигуры, расположенной слева, наконечник представляет собой обычное острие, которое рисуют и современные дети, а у фигур в правой части композиции одинаково раздвоенные вильчатые наконечники. И если в отношении центрального лучника вильчатость можно было бы списать на небрежность изображения, то у самого правого лучника вильчатый наконечник нарисован уверенно. Подобные наконечники, по мнению многих авторов, появляются к востоку от Урала не ранее рубежа I и II тыс. н. э. (Медведев, 1966, с. 50–51; Худяков, 1986, с. 147–148; Arne, 1911, s. 59–60) и получают широкое распространение в Северном Причерноморье лишь с началом экспансии монгольских племен на запад. Необычность формы наконечников могла удивить художника настолько, что он специально отразил это в своей графике.

В композиции 1 наибольший интерес для нас представляют лучники. Данную сцену можно интерпретировать как перестрелку, при этом одна из противоборствующих сторон вооружена стрелами с вильчатыми наконечниками, получившими широкое распространение на исследуемой территории лишь в начале XIII в. При этом одной из интерпретаций кольцевого изображения в рамках композиции может быть юрта.

Композиция 2 может быть интерпретирована как конная сшибка двух отрядов. Всадники группы, расположенной справа вышли вперед из-за рядов пехоты, прикрытой большими щитами или группы стрелков из лука. Со второй стороны, как мы видим, также изображен флаг. Все это позволяет предполагать сражение двух регулярных армий. Если воин в центре группы всадников стоит со щитом, то, вероятнее всего, это павеза и тогда мы видим группу евро-

пейских конных рыцарей или вельмож, что является маловероятным, так как нам неизвестно о мощной кавалерии генуэзцев, а иных европейских всадников в Крыму в это время находиться не должно было. Можно предположить, что это сражение двух тюркских отрядов, на стороне одного из которых пехотинец с павезой (хотя мы не исключаем, как было указано выше, что это не павеза, а неаккуратно изображенный лук).

В композиции 3 форма кормы исключает из списка возможных кораблей дракары и лодьи, а также, в сочетании с отсутствием гребных весел и, возможно, косой формой паруса, косвенно, позволяет исключить и античные корабли.

В композиции 4 единственное понятное изображение — это знаменосец с раздвоенным знаменем, которое нередко встречается на изображениях турецких и татарских отрядов.

Следовательно, если аккумулировать всю непротиворечащую друг другу информацию по анализу изображенного снаряжения и средневекового оружия, и если предположить, что рисунки примерно синхронны, что тоже является допущением, получается, что период нанесения изображений на стену склепа укладывается в XIII – XIV, возможно XV вв. В этом случае нарисованные события могут быть связаны либо с приходом монгольских войск, либо с внутренними междоусобицами татарской знати, либо, что менее вероятно в связи с полным отсутствием изображения огнестрельного оружия, периодом турецкого завоевания Крыма.

Таким образом, коллектив авторов данной статьи предлагает две точки зрения на датирование интересного визуального источника древности.

Литература

- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Виноградов Ю. А. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // Боспорские исследования. 2014. Вып. XXX. С. 535–552.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба – курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1. Киев: ТОВ «Майстер Книг», 2012. 184 с.
- Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба – курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 2. Киев: ТОВ «Майстер Книг», 2017. 288 с.
- Кузнецов В. Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. XIV. С. 94–123.
- Малашев В. Ю. Сарматы на колонне Траяна // Материальная культура Востока. Ч. 1 / Ред. С. В. Волков и др. М.: ГРВЛ, 1988. С. 69–88.
- Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв. // М.: Наука, 1966. 128 с. (САИ. Вып. Е1–36).
- Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. СПб.: Изд-во Императорской археологической комиссии, 1914. 537 с.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Курган «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение) // ДБ. 2018. Т. 23. С. 151–171.
- Советова О. С., Мухарева А. Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23 / Отв. ред. Л. Ю. Китова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 92–105.
- Федосеев Н. Ф. Οἶκος среди могил // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οἶκος / Ред. В. Н. Зинько Керчь: б. и., 2006. С. 301–309.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Яценко С. А. Образы сармато-аланов в искусстве северопонтийских греков // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: СПб ГУПГД, 2004. С. 312–324.
- Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Arne T. J. Sverigesförbindelser med Osten under vikingatiden // Fornvännen. 1911. Årg. 6. P. 1–66.
- Yuka Kadoi. On the Timurid Flag // Beiträge zur Islamischen Kunst und Archäologie. 2010. Band 2. P. 143–162.
- Yatsenko S. A. Archaeological complex with extremely early Banners found in the Territory of the former USSR (End of the I and Beginning of II Centuries AD) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 7, No. 1 / Ed. A. Heidenreich. Leiden; Boston; Köln: Ludwig Reichert Verlag, 2001. P. 45–54.

Irina Rukavishnikova, Denis Beilin, Maksim Men'shikov

**The Drawings from the Gospital'nyi Barrow:
The Question of Their Chronology and Interpretation (Two Opinions)**

Abstract

In 2017, the team of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in course of the rescue excavations investigated a big barrow, measuring 7.5 m in height, which was called Gospital'nyi after its location on Gospital'naia Street in the city of Kerch in the Republic of the Crimea. Below the ground mound, the excavations uncovered a stone burial vault with long entrance passage, which was annexed to the initial mound on the south-east. At the entrance to the vault, there were interesting drawings and graffiti scratched on the wall-plaster: battle scenes showing ships and processions of horse-riders, which were created in a later period, possibly from the third to fifth century AD. Nevertheless, the chronology of these drawings is disputable. Specific analysis of the weapons and ships depicted on the wall uncovers that another interpretation is possible, that the period when the images were drawn in the vault in the thirteenth and fourteenth or possibly in the fifteenth century. This way, the team of authors suggest two points of view on the chronology of this interesting visual source of the past.

И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, М. Ю. Меньшиков

**Рисунки из кургана Госпитальный.
К вопросу о датировании и интерпретации. (Две точки зрения)**

Резюме

В 2017 году экспедицией Института археологии РАН, ведущей спасательные раскопки, был исследован большой курган «Госпитальный», 7,5 м высотой, расположенный в г. Керчь Республики Крым. Под земляной насыпью выявлен каменный склеп с длинным дромосом, который был пристроен к первоначальной насыпи с юго-восточной стороны.

При входе в склеп на штукатурке обнаружены интересные рисунки и граффити: батальные сцены с изображениями кораблей, процессии всадников, оставленные в более позднее время, возможно, в III – V вв. н. э.

Тем не менее однозначности в датировке рисунков нет. Отдельный анализ вооружения и изображенных кораблей показывает и иную точку зрения, что период нанесения изображений на стену склепа может укладываться в XIII – XIV, возможно XV в.

Так, мы, коллектив авторов, предлагаем две точки зрения на датирование этого интересного визуального источника древности.

Н. С. Савельев

Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст

*Светлой памяти А. Х. Пшеничнюка (1936 – 2016) и
Л. Т. Яблонского (1950 – 2016), без усилий и желания
которых исследования Филипповки бы не состоялись*

Ключевые слова: Южный Урал, скифо-сарматское время, погребения элиты

Keywords: Southern Ural area, Scythian-Sarmatian period, elite graves

Благодаря исследованиям экспедиции Башкирского филиала АН СССР (1986 – 1990 гг., рук. А. Х. Пшеничнюк) и Приуральской экспедиции Института археологии РАН (2004 – 2014 гг., рук. Л. Т. Яблонский), в Центральном Оренбуржье, на водоразделе Урала и Илека, немного севернее современной границы с Казахстаном был полностью исследован курганный могильник, получивший наименование Филипповка-1. Общие размеры курганного поля 9х5 км, в его пределах расположено 29 курганных насыпей, из которых только несколько относятся к малым, а все остальные — к средним, большим и очень большим (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013). В 2014 г. был исследован расположенный в 12 км

к юго-востоку отдельный курган, который автор исследований по типу погребений также связал с могильником Филипповка-1 и присвоил ему следующий номер — № 30 (Яблонский, 2014а).

Принципиальной особенностью этого элитного некрополя¹ является полное исследование всех визуально фиксируемых надмогильных конструкций, что позволяет обращаться к изучению деталей погребальной обрядности, социологическим реконструкциям, пространственным закономерностям и т. д. В самом общем виде эта работа была начата уже авторами исследований; фактически, они только прикоснулись к информационным возможностям, заключенным в данном «модельном объекте».

¹ Признаки «элитности» на материалах погребальных памятников кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. хорошо показаны В. Н. Мышкиным (2013а, табл. 1).

Одним из важнейших показателей, выделяющих могильник Филипповка-1 из череды других памятников середины I тыс. до н. э. Южного Урала, в том числе и нерядового уровня, является полное преобладание (в 21 кургане из 30) погребальных камер с длинными ходами-дромосами (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011; Яблонский, 2013, с. 41). Для анализа этого типа погребальных сооружений мной были также привлечены данные по курганам 1 и 2 могильника Филипповка-2, расположенного не более чем в 2–3 км юго-западнее крайних западных курганов могильника Филипповка-1 (Рукавишникова, Яблонский, 2014, с. 118)². Фактически, эта группа, вместе с еще более удаленным «курганом № 30», и могильником Филипповка-1, где окраинные курганы (№№ 2, 28, 29) отстоят от основного скопления на 2–2,5 км, составляет единое могильное поле.

Таким образом, в целом в анализ включено 32 кургана, из которых дромосные конструкции представлены в 23 (71,9 %). Остальные центральные погребения относятся к гробницам на древнем горизонте — 3 (9,3 %), широким прямоугольным ямам — 2 (6,2 %), широким овальным (округлым) ямам — 1 (3,1 %), подбоям — 2 (6,2 %), а в одном кургане (№19) погребения отсутствовали (3,1 %). Показательно, что дромосные погребения локализуются в средних и крупных курганах (рис. 1; 3А), а все прочие — в малых курганах, вытянутых узкой полосой к югу от цепочки крупных курганов №№ 3–7.

Несмотря на достаточно длительную историю изучения богатых и ярких погребальных конструкций с дромосами, типология их никем не разрабатывалась, точнее, под отдельным типом понималось само «дромосное погребение» без дальнейшей детализации (Смирнов, 1978; Мошкова,

Малашев, Мещеряков, 2011; Яблонский, 2013; Сиротин, 2015). Единственным автором, коснувшимся неоднородности погребений с дромосами, был А. Х. Пшеничнюк, который отметил очень явные различия форм могильных ям (близкие к правильному кругу, прямоугольные и крестообразные), размеров и форм дромосов (Пшеничнюк, 2012, с. 63, 64).

Исходя из материалов, полученных в Филипповке, дромосные погребения могут быть разделены на 2 типа — широкие овальные (близкие к круглым) и широкие прямоугольные³. Особым вариантом второго типа (2а) являются т. н. «крестообразные» ямы (нигде более на Южном Урале не встречающиеся), т. к. их основа — прямоугольные ямы, у которых в центре длинной северной стороны сделана дополнительная ниша. Подтипы выделяются по ориентации дромоса (1 — с юга, 2 — с юго-востока; 3 — с юго-запада и т. д.) и его примыканию к яме (А — к длинной стороне, Б — к короткой стороне, В — к углу). Варианты выделяются по устойчивой рядной ориентировке умерших головами на юг (вариант 1) и ортогональной, где присутствуют различные ориентировки, но при этом прослеживается концентрическое расположение погребенных вокруг центра могильной ямы (вариант 2). Длина дромоса в данной типологии не учитывается, т. к. корреляция этого показателя с размерами и формой могильной ямы не показывает каких-либо принципиальных взаимосвязей (рис. 3Б), за исключением того, что большинство дромосов имеет длину 5–8 м, а более длинные ходы связаны с более крупными могильными ямами.

Тип 1.1.А.1–2. Широкие овальные ямы с дромосом, подходящим с южной стороны — 6 (26 % от дромосных погребений). В четырех случаях совершены под шатровыми конструкциями, из них только одна

² Остальные 5 курганов могильника Филипповка-2 относятся к малым и очень малым, часть из них сооружена в эпоху бронзы, в них впущены отдельные погребения эпохи раннего железа (Рукавишникова, Яблонский, 2014; Яблонский, 2014б).

³ При включении в типологию всех известных дромосных погребений кочевников середины I тыс. до н. э. Южного Урала (обзор см.: Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011) данная типология может быть значительно расширена.

(к. 10) не была сожжена. В к. 26 какие-либо надмогильные конструкции отсутствовали, а в к. 1 Филипповки-2 вся поверхность внутри валика была выстлана корой. Погребения типа 1.1.A.1–2 зафиксированы в кургане 1 в центре могильника, в кургане 14 в северо-восточной группе, в кургане 1 группы Филипповка-2 и в курганах 10, 13 и 26, локализованных в основной цепочке в западной части могильного поля. Особенностью трех последних курганов является их одномогильность. Размеры могильных ям от 4,5x5 до 7,5x8,5 м, также к этому типу относятся самые крупные могильные ямы всего некрополя — 18x20 м (к. 1) и 14x16 м (к. 1 Филипповки-2). Соотношение сторон ям практически одинаково и составляет 1:1,11 – 1:16 (рис. 3В), т. е. эти ямы могут быть названы очень широкими. В одном

случае (к. 26) могильная яма была близка к кругу диаметром 5 м. Глубина могильных ям только в двух случаях составляет 2,5 и 2,9 м, остальные — в пределах 1,2–2 м. Стенки могильных ям курганов 1, 13 и 26 имели выраженный наклон ко дну.

Возможно, что погребение в к. 13 должно быть отнесено к подтипу 2 (дромос с юго-восточной стороны), однако до анализа всех дромосных погребений Южного Урала и выявления устойчивых закономерностей я считаю это преждевременным. Отнесение к вариантам (южная или ортогональная ориентировка умерших) также затруднено, но уже в связи с практически полным ограблением центральных погребений как Филипповки, так и остальных крупных курганов этого времени. Так, в кургане 1 Филипповки-2 четко установ-

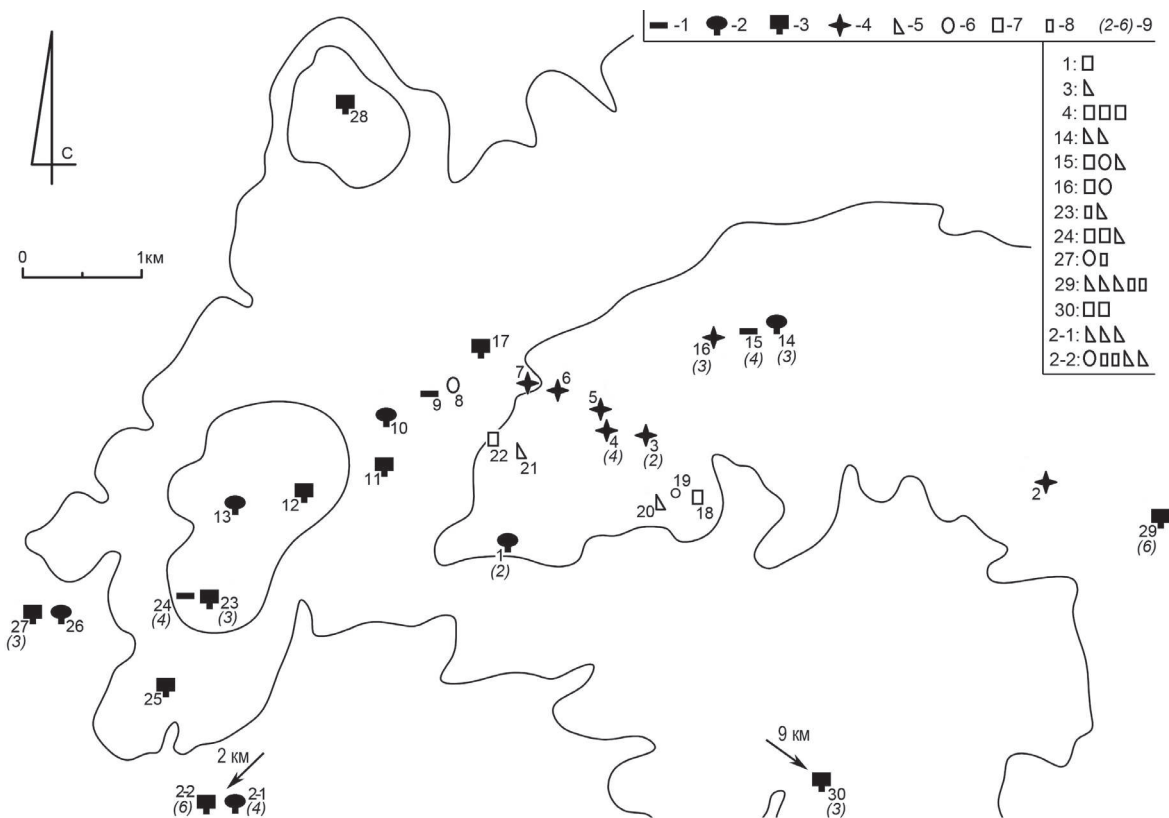

Рис. 1. Филипповские курганы. Распределение могильных сооружений:
 1 — погребения на древнем горизонте; 2 — овальные ямы с дромосом;
 3 — прямоугольные ямы с дромосом; 4 — «крестовидные» ямы с дромосом;
 5 — подбой/катакомбы; 6 — овальные ямы; 7 — широкие прямоугольные ямы;
 8 — узкие прямоугольные ямы; 9 — общее количество погребений (при наличии впускных).
 Правая колонка: типы и количество впускных погребений в курганах

лена неодновременность и ортогональное положение умерших (Яблонский, 2014б), а для курганов 10 и 14, несмотря на сильную разрушенность внутреннего пространства погребений, можно допускать рядное положение умерших с ориентировкой головой к югу (рис. 2, 2, 3). В остальных трех случаях (к. 1, 13, 26) скелеты в могильных ямах разрушены полностью и можно только сказать, что захоронения были коллективные. Только в одном кургане (№ 13) на дне могильной ямы зафиксирован глинобитный очаг, в двух курганах (№№ 10 и 14) они, вероятно, отсутствовали, в трех (№№ 1, 26 и к. 1 Филипповки-2) наличие их не установлено.

Дромосные погребения типа 1.1.А выявлены как в средних, так и крупных курганах Филипповки, в том числе и самом крупном кургане № 1 (рис. 3А). Также для дромосных погребений с овальными ямами характерны в целом как самые короткие (2–5 м), так и самые длинные — 17,5 и 24 м — дромосы (рис. 3Б). По параметрам могильных ям эти погребения больше и шире основной массы погребений в прямоугольных и крестообразных ямах (рис. 3В).

Тип 2.1.А.1–2. Широкие прямоугольные ямы с дромосом, подходящим с южной стороны — 10 (43,5 % от дромосных погребений). В шести хорошо документированных случаях они совершены в шатровых конструкциях⁴, три из которых (к. 23, 28, к. 2 Филипповки-2) были сожжены, в к. 29 на древней поверхности зафиксированы только небольшие участки древесного тлена. В основном локализируются на периферии некрополя, в самых его удаленных курганах, только 3 кургана (11, 12, 17) расположены в центральной его части. За исключением дальней периферии (к. 28, 29, 30, к. 2 Филипповки-2), все курганы с прямоугольными дромосными погребениями находятся в западной половине основной цепочки курганов, идущей от самого центра некрополя к его периферии. В этой части могильника

только в кургане 23 присутствуют впускные погребения, остальные 5 являются одномогильными. Размеры могильных ям находятся в пределах от 2,48х3,9 до 6,7х5,3 м, т. е. в целом они меньше и уже ям овальной формы. Соотношение сторон ям за единичными исключениями находится в пределах 1:1,33 – 1:1,6 (рис. 3В), т. е. эти ямы могут быть названы вытянутыми. Глубина могильных ям только в двух случаях составляет 0,3 и 2,8 м, остальные — 1,5–1,7 м.

Распределение по вариантам затруднено в связи с ограбленностью, поэтому для 4 погребений можно уверенно говорить только об их коллективности (к. 12, 17, 30, к. 2 Филипповки-2). Ортогональность прослежена в к. 11 и к. 28 (Влияния..., 2012, рис. 92), для курганов 23 (рис. 2, 9) и 29 (Влияния..., 2012, рис. 108) установлено рядное положение умерших с ориентировкой головой к югу. Наличие очага в могильной яме установлено в к. 11 и к. 30, для к. 12, 17, 23 и 29 установлено их отсутствие, в остальных случаях они либо отсутствовали, либо разрушены недавними ограблениями.

Погребения типа 2.1.А более характерны для средних курганов Филипповки (рис. 3А). Длина дромосов, за единичным исключением (к. 28 — 10 м), не превышает 5 м (рис. 3Б).

Тип 2а.1.А.2. Крестовидные ямы с дромосом, подходящим с южной стороны — 7 (30,5 % от дромосных погребений). В шести случаях совершены в шатровых конструкциях, три из которых (к. 4, 6, 16) были сожжены. В кургане 5, сильно отличающемся от всех остальных курганов некрополя (Пшеничнюк, 2012, с. 64, рис. 72), какая-либо надмогильная конструкция полностью отсутствовала. Локализованы единой цепочкой в центре могильника (к. 3–7), в небольшом северо-восточном скоплении (к. 16) и в одиночном положении — на восточной периферии (к. 2). Впускные погребения присутствуют только в курганах 3, 4 и 16,

⁴ Имеющиеся данные по курганам 25 и 27 крайне отрывочны (Яблонский, 2013, с. 178, 179, 186–188), а по кургану 30, исследовавшемуся в 2014 г., пока опубликована только самая общая информация (Яблонский, 2014а).

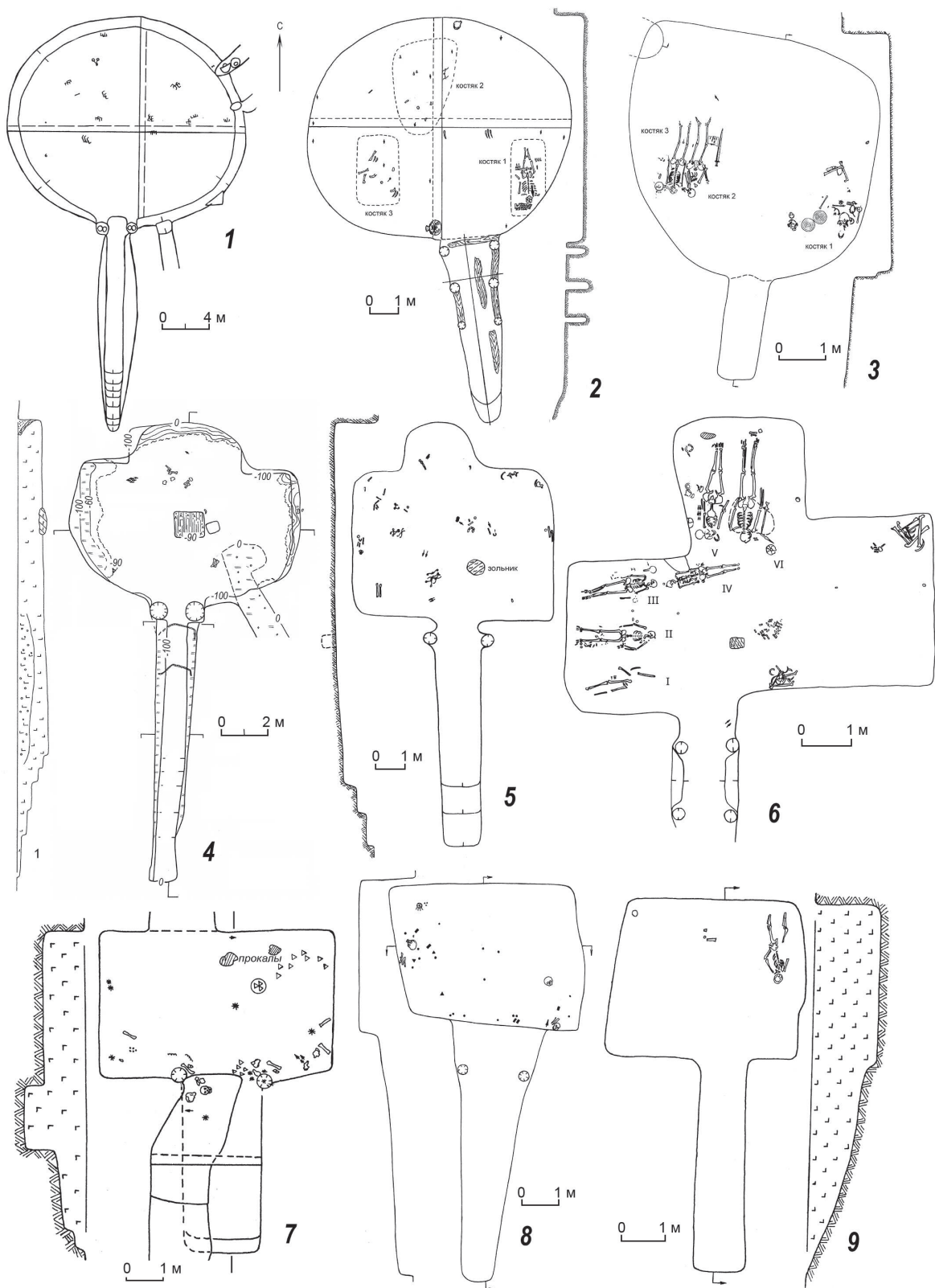

Рис. 2. Филипповские курганы. Дромосные погребения:
 1–3 — овалы; 4–6 — «крестообразные»; 7–9 — прямоугольные
 (1 — к. 1; 2 — к. 10; 3 — к. 14; 4 — к. 3; 5 — к. 6; 6 — к. 7; 7 — к. 12; 8 — к. 17; 9 — к. 23)
 (по: Пшеничнюк, 2012)

остальные являются одномогильными. Размеры могильных ям находятся в пределах от 3,8x5,5 до 6x10,5 м, т. е. в целом больше и длиннее прямоугольных ям и значительно уже овальных ям. Соотношение сторон ям за единичным исключением (рис. 2, 5) находится в пределах 1:1,45 – 1:2,14 (рис. 3В), т. е. эти ямы могут быть названы сильно вытянутыми. Глубина могильных ям только в двух случаях составляет 0,7 и 2,5 м, остальные — 1,2–1,6 м.

Распределение по вариантам, в отличие от типов 1 и 2, более понятно — во всех установленных случаях (к. 2, 3, 4, 7) погребения имели ортогональную ориентировку, для сильно разрушенных погребений курганов 6 и 16 зафиксирована их коллективность, а погребальная камера кургана 5 была пустой. Вероятно, можно с достаточной степенью уверенности говорить, что для типа 2а.1.А рядное положение умерших с ориентировкой головой к югу не являлось характерным. Очаги в могильной яме не зафиксированы только в курганах 5 и 16 (в последнем случае это может быть следствием сильного разрушения дна погребения), в остальных крестообразных ямах они присутствовали (к. 3, 4, 7 — квадратные, к. 6 — округлый, к. 2 — на месте очага располагалась круглая ямка).

Погребения типа 2а.1.А более характерны для самых крупных (диаметром более 50 м) курганов Филипповки (рис. 3А). Длина дромосов в четырех случаях находится в пределах 5,6–8,4 м, в трех случаях она составляет 11,5 (к. 2, 3) и 18 м (к. 4), т. е. в основном прослеживается прямая взаимосвязь размера могильной ямы и длины дромоса (рис. 3Б).

Элементом, отличающим данный подтип от прямоугольных ям, является выступ в длинной северной стенке. Его расположение напротив устья дромоса и придает яме крестовидную форму (рис. 2, 4–6). Выступы

бывают трапециевидные (к. 7) и полукруглые (к. 5, 6), но в основном они прямоугольные, вытянутые вдоль стенки могильной ямы. Их размеры от 3x1,2 до 4,5x2 м. В одном случае (к. 16) ниша очень небольшая по размеру (1,4x1 м), вытянута перпендикулярно оси могильной ямы и на 27 см глубже дна самой ямы (Яблонский, 2013, с. 47, 48, рис. 18). В ней была размещена задняя часть лошади, над которой находился мужской скелет, первоначально установленный вертикально (Сокровища..., 2008, рис. 44). Во всех прямоугольных выступах, вытянутых вдоль длинной стенки (к. 2–4) совершены погребения, где умершие могли быть уложены только широтно (в неразрушенном грабителями выступе кургана 2 умерший ориентирован головой на запад). В трапециевидной нише кургана 7 два умерших были уложены параллельно друг другу головами на юг, т. е. к центру могильной ямы, где располагался очаг (рис. 2, 6)⁵.

Другим значимым типом центральных погребальных сооружений Филипповки являются т. н. *погребения на древнем горизонте*. Всего их 3 (9,3 %) — к. 9, 15 и 24. Распределены они равномерно, ближе к центральной части могильника, на значительном (около 3 км) расстоянии друг от друга. Все они совершены под шатровыми надмогильными сооружениями, которые в двух случаях (к. 9, 15) сожжены. Погребение в к. 24 полностью разрушено, а в к. 9 и 15 выявлены коллективные захоронения с ортогональным положением умерших, в последнем случае — вокруг квадратного очага (Влияния..., 2012, рис. 98).

Сопровождающие захоронения присутствовали в 13 курганах с центральными дромосными (и на древнем горизонте) погребениями (рис. 1). Всего их 34, из них широкие прямоугольные — 10 (29,4 %), широкие овальные — 4 (11,8 %), подбои и катакомбы — 14 (41,2 %), узкие прямоугольные —

⁵ Судя по инвентарю, левый костяк — женский, но при этом сопровождался колчаном с большим количеством бронзовых наконечников стрел, а правый костяк — мужской, поверх которого был положен железный чешуйчатый доспех, меч и наконечник копья (Пшеничник, 2012, с. 43, 44).

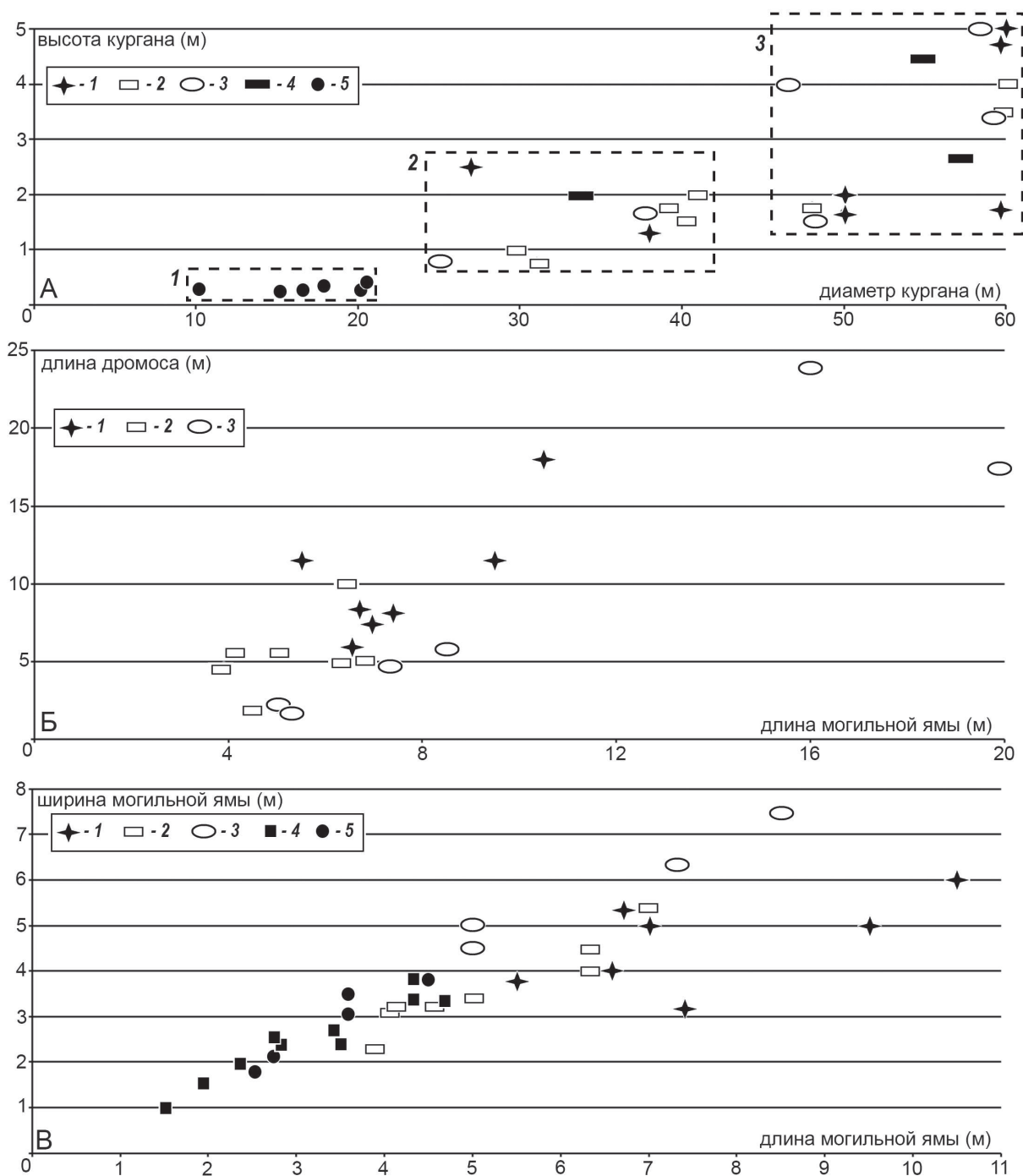

Рис. 3. Филипповские курганы:
 А — распределение погребальных сооружений по размерным группам курганов;
 Б — соотношение длины могильной ямы с длиной дромоса;
 В — соотношение типов и размеров могильных ям.
 1 — «крестообразные» ямы с дромосами; 2 — прямоугольные ямы с дромосами;
 3 — овалыные ямы с дромосами; 4А — погребения на древнем горизонте;
 5А — прочие типы погребений; 4В — широкие прямоугольные ямы; 5В — овалыные ямы

6 (17,6 %). В курганах они встречаются как одного типа (только подбойно-катакомбные или только широкие прямоугольные), так и в различных комбинациях.

Не ставя перед собой задачу хронологического распределения комплексов Филипповки, отмечу, что, по мнению А. Х. Пшеничнюка, и погребальный обряд, и вещевой инвентарь могильника однородны, поэтому можно говорить, что курганы сооружены в пределах не более 30–50 лет (2012, с. 89; ср. также: Переводчикова, 2013). Учитывая замечание Л. Т. Яблонского о попадании драгоценных вещей, которыми изобилует некрополь, в погребения со значительным запаздыванием — т. е. будучи уже антиквариатом, а также наличие предметов, датирующихся вплоть до рубежа IV – III вв. до н. э. (Яблонский, 2017, с. 218, 219), отнесение времени сооружения и функционирования некрополя ко второй половине – концу IV в. до н. э. будет наиболее верным. Для настоящей работы это важно лишь потому, что некрополь является «археологически синхронным» и все рассмотренные выше типы погребальных сооружений с определенной долей условности могут рассматриваться как *одновременно существовавшие*.

Фактически дромосные погребения Филипповки показывают существование единого стандарта, выражающегося в одинаковости (здесь и далее — с небольшими или единичными различиями):

— надмогильных сооружений (шатры, часто сожженные, глиняные обваловки с проходом с юга);

— размерных характеристик дромосов, их архитектуры и устойчивой южной ориентировки;

— ортогональной и рядной южной ориентировки погребенных;

— наличию очагов в центре могильных ям.

Различия типов выражаются в первую очередь в форме и пропорциях могильных ям и большей связанности тех или иных элементов с конкретной формой могиль-

ной ямы (например, для крестовидных стандартом является наличие очагов и ортогональная ориентировка погребенных). Это свидетельствует о сосуществовании этих типов погребений в рамках единого, но гетерогенного коллектива, что проявляется в некоторых этнографических чертах. Об этом очень наглядно говорит, к примеру, ортогональность и наличие очага в центре погребения на древнем горизонте (к. 15) и в крестовидной могильной яме (к. 11). Вероятно, основные этнографические различия проявлялись как раз в форме могильных ям — как широкие овальные, так и широкие прямоугольные могильные ямы были ведущими формами в предшествующее, «савроматское», время, но первые более характерны для восточной части региона, а вторые — для западной (Мышкин, 2013б; Федоров, 2016, рис. 2; Савельев, 2018). Можно сказать, что появление дромосов является яркой и явной инновацией, вобравшей в себя все основные элементы погребальной обрядности более раннего времени.

Несомненно, решение вопроса об истоках этой инновации — дело будущего и совершенно отдельной работы. Пока же необходимо обратить внимание на явный параллелизм дромосных погребений Филипповки и каменных святилищ байтинского типа на Устюрте и Мангышлаке. Для последних характерны круглые, прямоугольные и крестообразные (в т. ч. и в виде «мальтийского» креста, что близко к. 7 Филипповки) планировки, очаги в центре и длинные коридоры-дромосы с юга, начинающиеся вертикальным колодцем (Самашев, Кушербаев, Аманшаев и др., 2007, рис. на с. 157, 166, 186–191, 194, 198, 199). Судя по находкам, некоторые мавзолеи с крестовидными камерами датируются не позже начала IV в. до н. э. (Самашев, Кушербаев, Аманшаев и др., 2007, рис. на с. 187). Возможно, что истоки крестовидных планировок нужно искать в архаическом Хорезме или на более южных территориях.

В заключение необходимо отметить, что пространственная структура Филипповского некрополя сочетает в себе отдельные микро-скопления (к. 14–15–16, к. 23–24, к. 26–27) с разнотипными погребениями с дромосами и на древнем горизонте, а также цепочки курганов, объединяющиеся какими-либо чертами. Так, цепочка от к. 3 до к. 7 включает только крупные курганы с крестовидными погребениями, цепочка от к. 18 до к. 8 объединяет малые одномогильные курганы без дромосных погребений, а перпендикулярная ей цепочка от к. 13 до к. 17 включает одномогильные курганы с дромосными

погребениями типов 1 и 2 (рис. 1). Максимально удаленную периферию могильника образуют фактически одиночные курганы с прямоугольными дромосными погребениями. Это показывает, что из двух гипотез появления дромосов у кочевников Южного Урала (этническая и социокультурная), рассмотренных Л. Т. Яблонским (2017, с. 183–187), необходимо признать именно социокультурный характер данной инновации. Возможно, присутствовал и небольшой приток нового населения, но в своей основе субстрат и его традиции, претерпев некоторую стандартизацию, остались неизменными.

Литература

- Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. 2 / Под ред. М. Ю. Трейстера и Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. 468 с.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 162–167 (Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III).
- Мышкин В. Н. Некоторые характеристики связей погребальной обрядности и социальной структуры кочевников Самаро-Уральского региона в скифское время // Известия Самарского научного центра РАН. 2013а. Т. 15. № 5. С. 269–277.
- Мышкин В. Н. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI – V вв. до н. э. // Известия Самарского научного центра РАН. 2013б. Т. 15. № 1. С. 219–225.
- Переводчикова Е. В. Произведения скифского звериного стиля Прикубанья и дата филипповских курганов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 334–336.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Рукавишникова И. В., Яблонский Л. Т. Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 // РА. 2014. № 4. С. 118–133.
- Савельев Н. С. Малые Гумаровские курганы на Южном Урале: возможности культурной атрибуции и ее следствия для этнокультурной карты региона середины I тыс. до н. э. // Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Тезисы докладов междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: «МАКС Пресс», 2018. С. 135–137.
- Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология», 2007. 400 с.

- Сиротин С. В. Дромосные и подбойно-катакомбные погребения ранних кочевников восточной и юго-восточной (степной) Башкирии // Степи Северной Евразии. Материалы VII международного симпозиума / Под науч. ред. А. А. Чибилева. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2015. С. 781–783.
- Смирнов К. Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Козенкова. М.: Наука, 1978. С. 56–64.
- Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов) / Под ред. Л. Т. Яблонского. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. 144 с.
- Федоров В. К. О человеческих жертвоприношениях у ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 287–293.
- Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский Л. Т. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // КСИА. 2014а. Вып. 236. С. 87–90.
- Яблонский Л. Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение) // Всадники Великой степи: традиции и новации / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Издат. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2014б. С. 88–93.
- Яблонский Л. Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 400 с.

Nikita Savel'ev

The Passage Graves in Filippovka: Their Planigraphy, Typology, and Context

Abstract

This paper analyses the planigraphic structure of the elite barrows in Filippovka (fourth century BC), located in the interfluvium of the Ural and Ilek (Russia, Orenburg region, Steppe Ural area). The typology of passage graves has been developed. It has been uncovered that the main variation is the burial pit shape (oval, rectangular, or cross-like). The conclusion has been drawn that the appearance of hollow graves with the passage was a socio-cultural innovation, when the traditions of the substrate population (the so-called “Sauromatians”), despite some standardisation, remained unchanged.

Н. С. Савельев

Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст

Резюме

В статье рассматривается планиграфическая структура элитных Филипповских курганов (IV век до н. э.), расположенных в междуречье р. Урал и Илек (Россия, Оренбургская обл., Степное Приуралье). Разработана типология дромосных погребений, показано, что основная вариативность проявляется в форме могильной ямы (овальная, прямоугольная, крестообразная). Сделан вывод, что появление полых гробниц с дромосами является социокультурной инновацией, при этом традиции субстратного населения (т. н. «савроматы»), претерпев некоторую стандартизацию, остались неизменными.

С. В. Сиротин

Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала

Ключевые слова: *ранние кочевники, принадлежности конской узды, пластинчатые налобники, Южный Урал*

Keywords: *early nomads, horse bridle parts, plate frontlets, Southern Ural area*

Среди разнообразных предметов конского снаряжения ранних кочевников Южного Урала выделяется серия пластинчатых бронзовых налобников. Данная категория инвентаря, до недавнего времени малоизвестная на территории южноуральских степей, широко представлена в скифских комплексах.

Бронзовые пластинчатые налобники в виде ромба с вогнутыми сторонами и прямо срезанными вершинами получают широкое распространение в степной и лесостепной Скифии во второй – третьей четверти V в. до н. э. В несколько видоизмененном виде они продолжают активно использоваться в причерноморской Скифии IV в. до н. э. (Очир-Горяева, 2012). Пластинчатые бронзовые налобники, датирующиеся второй половиной IV – началом III вв. до н. э.,

отмечены в составе уздечных принадлежностей в Прикубанье (Лимберис, Марченко, 2005; Марченко, Лимберис, 2009).

В недавней статье В. Н. Мышкиным были собраны и проанализированы конские налобники из комплексов Южного Урала VI – IV вв. до н. э. (Мышкин, 2018). Предлагая типологию данной категории инвентаря, В. Н. Мышкин выделяет особый тип пластинчатых налобников без зооморфных изображений (тип 1.2). Эти налобники отличаются от прочих налобных украшений, входящих в уздечные наборы южноуральских номадов.

К их числу относятся налобники, найденные в Филипповке 1, Переволочане I, Таксае I и Большом Климовском кургане (Мышкин, 2018, с. 8–10, с. 13, рис. 2). При исследовании в 2009 г. одиночного курга-

на Яковлевка II в юго-восточной Башкирии (Сиротин, 2010) и в 2016 – 2017 гг. курганов № 2 и № 5 группы «Богатырские могилки» в составе некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Оренбуржье были сделаны новые находки пластинчатых налобников данной группы (Сиротин, Богачук, Окорочков, 2018).

Одиночный курган Яковлевка II. Налобник был обнаружен при исследовании впускного погребения 2 в восточной поле кургана, в 15 м северо-восточнее условного центра. В парном (женщина и ребенок) погребении, помимо прочего сопроводительного инвентаря, найден уздечный набор, включавший в свой состав пластинчатый налобник (рис. 1, 1). Налобник был изготовлен в виде прямоугольной бронзовой пластины длиной 24 см, шириной 5 см. Боковые стороны слегка вогнуты. Пластина декорирована геометрическим орнаментом из точек, выдавленных на тыльной стороне пластины. Помимо этого, пластина украшена тремя (в верхней, центральной и нижней части) округлыми выпуклостями. По углам пластины, а также по краям в центральной части пробиты парные отверстия, расположенные вертикально относительно друг друга. Два отверстия пробиты между выпуклостями, одно отверстие пробито по краю в центре одной из коротких сторон.

Примечательно, что налобник не имел специальной скобы на обороте и крепился (пришивался?) к ремням уздечки посредством отверстий.

Еще один пластинчатый налобник был найден в женском погребении 7 этого же кургана. Около черепа, с правой стороны костяка по стенке был уложен уздечный набор, в состав которого входил бронзовый налобник в виде подпрямоугольной удлиненной пластины с вогнутыми длинными, прямыми короткими сторонами и слегка закругленными углами (рис. 1, 2). Поверхность пластины была орнаментирована точками, выдавленными на тыльной стороне пластины. Так же как и в погребении № 2,

этот налобник украшен тремя округлыми выпуклостями в верхней, нижней и центральной части. В центральной части пластины были пробиты отверстия — по четыре отверстия, расположенные вертикально с каждой стороны у края. Два отверстия — вертикально напротив друг друга у края центральной выпуклости. Помимо этого, два отверстия, расположенные вертикально относительно друг друга, были пробиты между центральной и верхней (?) выпуклостью. Судя по остаткам железного тлена, эти отверстия могли служить для крепления железной скобы на обороте. Одно отверстие пробито у края по центру короткой стороны (нижней?). Вокруг него фиксировались характерные следы коррозии. Вероятно, с этой стороны налобника также могла крепиться какая-либо деталь (скоба?) из железа.

Курганный могильник «Высокая Могила — Студеникин Мар». Группа «Богатырские Могилки». Курган 2. При исследовании восточной полы кургана в погребенной почве был найден жертвенный комплекс, уложенный около входной ямы подземного хода к центру кургана. В жертвенный комплекс входил бронзовый ковш с характерной втулкой для насады рукояти. В ковше найдены принадлежности не менее чем двух уздечных наборов, в числе которых был сломанный в древности бронзовый пластинчатый орнаментированный налобник (рис. 1, 3). Налобник представлял собой бронзовую пластину с вогнутыми длинными сторонами и веерообразно расширенными концами (длина 34 см, ширина 19,5 см (верхняя часть), 10,5 см (средняя часть), 11,5 см (нижняя часть), толщина 1 мм). Лицевая сторона пластины украшена сложным орнаментом.

В средней части пластины были пробиты два отверстия для крепления железной скобы, через которую продевался уздечный ремень. Не менее двух отверстий для крепления фиксировались и в верхней части пластины.

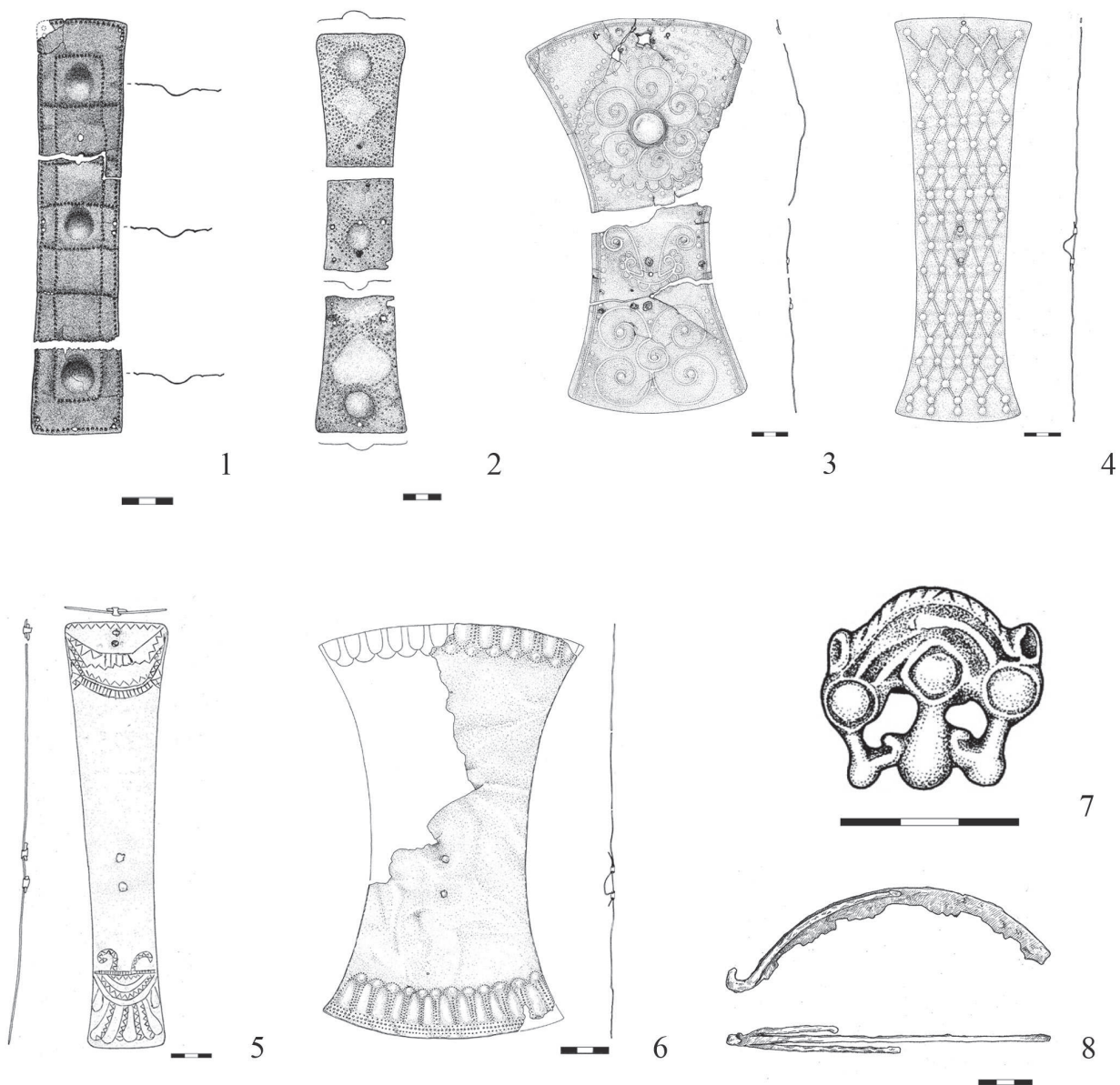

Рис. 1. Пластинчатые налобники и уздечные принадлежности из одиночного кургана Яковлевка II и могильника «Высокая Могила — Студеникин Мар».

Одиночный курган Яковлевка II: 1 — погребение 2; 2 — погребение 7.

Группа «Богатырские могилки» могильника «Высокая Могила — Студеникин Мар», курган 2: 3 — жертвенный комплекс, налобник; 4 — погребение 1, налобник 1; 5 — погребение 1, налобник 2; 6 — курган 4, грабительский шурф, налобник; 7 — жертвенный комплекс, бронзовая бляха; 8 — погребение 1, дуговидный предмет. 1-7 — бронза; 8 — железо

Два пластинчатых налобника было найдено в этом же кургане при исследовании центрального погребения (погребение 1). Центральное дромосное погребение имело значительные разрушения в результате грабительских действий. Несмотря на многочисленные ограбления, на стенке могильной ямы, справа от дромоса, *in situ* были обнаружены принадлежности от двух уздечных наборов, в которые входили два бронзовых пластинчатых орнаментированных налобника. Налобник 1 (рис. 1, 4) представлял собой бронзовую пластину с вогнутыми длинными сторонами и веерообразно расширенными концами (длина 33,5 см, ширина 11,3 см (верхняя часть), 7,8 см (средняя часть), 11,5 см (нижняя часть), толщина 1,5 мм). Налобник украшен геометрическим ромбовидным орнаментом. В верхней части пластины пробито отверстие. В центральной части пластины на тыльной стороне прикреплена бронзовая скоба для уздечного ремня.

Налобник 2 (рис. 1, 5) — бронзовая пластина с вогнутыми длинными сторонами и веерообразно расширенными концами (длина 32 см, ширина 5,8 см (верхняя часть), 4,8 см (средняя часть), 7,7 см (нижняя часть), толщина 1,5 мм). Верхняя и нижняя часть лицевой поверхности пластины украшены орнаментальными композициями из прочерченных дуговидных и ломаных линий, зигзагов и завитков.

В верхней части налобника пробиты два отверстия. В одном из отверстий на тыльной стороне пластины фиксировались остатки бронзовой скобы для уздечного ремня. Аналогичные отверстия с остатками бронзовой скобы на тыльной стороне пластины фиксировались в центральной части налобника.

Рассматривая группу пластинчатых налобников Южного Урала, анализируемых В. Н. Мышкиным (тип 1.2) (Мышкин, 2018, с. 13, рис. 2), следует отметить, что два из них относятся к раннему времени и происходят из могильника Таксай I (курган 6) (Лукпанова, 2014, с. 155, рис. 5, 5; 6, 5),

датированного автором раскопок VI – V вв. до н. э.

К этой же группе можно отнести бронзовый налобник из поминального комплекса V в. до н. э. кургана 5 могильника Покровка 10 (Яблонский, Малашев, 2004, с. 119, рис. 8, 2). Эти налобники, однако, отличаются от других налобников, объединяемых В. Н. Мышкиным в этот тип, как по своим размерам, способам крепления петли для уздечного ремня, так и по своей форме.

При анализе остальных налобников данной группы следует обратить внимание на то, что все они были найдены в памятниках элитарного класса — либо в больших курганах известных могильников (Большой Климовский курган, Переволочан I, Филипповка 1, Высокая Могила — Студеникин Мар), либо в околочурганном пространстве около одного из «царских» курганов (курган № 1) Филипповки 1.

Вызывает особый интерес хронологическая позиция этой группы пластинчатых налобников в южноуральских комплексах.

В. Н. Мышкиным в тип 1.2.4 объединены два относительно небольших бронзовых пластинчатых налобника, найденных в кургане 10 могильника Переволочан I (длина налобника 10,2 см) (Пшеничнюк, 1995, с. 82, рис. 11, 15) и погребении 3 кургана 16 могильника Филипповка 1 (длина налобника 15,9) (Яблонский, 2013, с. 175, № 2147). Эти налобники определяются как предметы «в виде сравнительно небольших удлинённых пластин, длинные стороны которых прямые или слегка вогнутые в средней части, короткие — прямые с трапециевидным выступом или выступающие углом» (Мышкин, 2018, с. 8). Материалы кургана 10 могильника Переволочан I в хронологическом контексте рассматривались в специальных работах В. Н. Васильева и С. В. Сиротина, и датируются второй половиной – концом IV в. до н. э. (Васильев, 2004; Сиротин, 2016; 2018).

Рассматривая хронологию могильника Филипповка 1, исследователи при-

держиваются нескольких точек зрения. А. Х. Пшеничнюк считал, что Филипповские курганы датируются началом IV в. до н. э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87). Л. Т. Яблонским и М. Ю. Трейстером для времени сооружения курганов могильника была предложена более широкая дата от рубежа V – IV до третьей четверти IV в. до н. э. (Яблонский, Трейстер, 2012, с. 284).

На мой взгляд, дата сооружения кургана 16 данного могильника, в погребении 3 которого найден налобник, может быть уточнена в пределах второй половины – последних десятилетий IV в. до н. э.

Не вдаваясь в детальный анализ найденного в кургане инвентаря, укажем на находку вьючной фляги в погребении 1 (центральном) (Яблонский, 2013, с. 162, № 1975). Фляга была изготовлена в одной из среднеазиатских (хорезмийских) мастерских. Такие фляги находят прямые аналогии в керамическом комплексе Хорезма (IV – II вв. до н. э.) (Болелов, 2012, с. 212) и появляются в раннекочевнических погребениях Южного Урала не ранее последней трети IV в. до н. э. (Васильев, 2006, с. 61). Из вещей, определяющих дату погребения 3, следует выделить набор бус и подвесок, который О. В. Аникеева датирует временем не ранее второй половины IV в. до н. э.

В этой связи есть все основания полагать, что данный налобник происходит из комплекса с датой не ранее последних десятилетий IV в. до н. э.

Мне известен еще один похожий налобник более простой формы и без прорезей в виде пластины с вогнутыми длинными, прямыми короткими сторонами и подтреугольными выступами в средней части. Он был найден при исследовании в 2013 г. Л. Т. Яблонским кургана 1 Филипповки 1 в составе жертвенного комплекса 1 в насыпи кургана. По своей форме данный налобник похож на скифские налобники V – IV вв. до н. э. Вместе с тем, он имеет определенное типологическое сходство с налобником из погребения 3 кургана 16 датированного

временем не ранее второй половины IV в. до н. э. Есть все основания полагать, что подобные налобники могут бытовать на Южном Урале вплоть до конца IV в. до н. э.

Таким образом, налобники типа 1.2.4 (по В. Н. Мышкину) имеют не только морфологическое сходство, но могут и датироваться одним временем.

Обращает на себя внимание налобник (рис. 2, 1), найденный в 100 м к юго-западу от кургана 1 (1.2.3 по В. Н. Мышкину) (Яблонский, 2013, с. 223, № 3131). Пластинчатый налобник, верхняя часть которого имеет форму диска с округлым выступом в центре, окаймленного поясом из равнобедренных треугольников, заключенных в две концентрические окружности и разделенных прорезями (солярный знак по Л. Т. Яблонскому). Нижняя часть подпрямоугольная (трапециевидная?) с обломанным нижним концом. Примечательно, что линия слома имеет правильный полукруглый контур. Складывается впечатление, что с этой стороны пластины была еще одна деталь в виде диска, а не веерообразное окончание. В этой связи, следует указать на еще одну случайную находку около кургана 1 Филипповского могильника похожего изделия, не вошедшего в издание Филипповских древностей 2013 г. (Яблонский, 2013). Это налобник в виде бронзовой пластины, верхняя, средняя и нижняя часть которой представляла собой орнаментированные диски (рис. 2, 2). Очевидно, что налобник с обломанным нижним концом (Яблонский, 2013, с. 223, № 3131) представлял собой аналогичное изделие.

Типологически данные налобники, вероятнее всего, можно соотнести с 1 типом бронзовых пластинчатых налобников из Прикубанья, как отдельный вариант или подтип (Марченко, Лимберис, 2009). Большая часть налобников этого типа происходит с территории Северного Кавказа, в основном Прикубанья и в большинстве случаев они датируются последней четвертью IV – началом III в. до н. э. (Марченко,

Лимберис, 2009). Не ранее этого времени данная деталь конского снаряжения в качестве жертвенного предмета попадает и на территорию Филипповского могильника.

В целом, рассматривая датировку Филипповских курганов, следует отметить, что исходя из анализа целого ряда предметов конского снаряжения (помимо пластинчатых налобников), найденных в могильнике, есть основания полагать, что хронологически данный некрополь не выходит за рамки второй половины IV в. до н. э. При этом, конечно же, не отрицается более раннее происхождение серии предметов ахеменидского круга, попавших в статусные погребения некрополя с определенным запаздыванием (Яблонский, 2017, с. 219).

В числе пластинчатых налобников, найденных в комплексах Южного Урала,

вызывают интерес налобники из Большого Климовского кургана (1.2.7 по В. Н. Мышкину) (Таиров, 2000, рис. 43, 10–13). Такие налобники с вогнутыми длинными и симметричными выгнутыми короткими сторонами относятся ко 2 типу пластинчатых налобников из Прикубанья (Марченко, Лимберис, 2009). Один из таких налобников из погребения 238в могильника Старокорсунского городища № 2 имеет твердую дату — конец IV в. до н. э. (Марченко, Лимберис, 2009, с. 73).

Группа подобных налобников (10 экз.) известна в Центральном Предкавказье, где они наиболее распространение получают в IV – II вв. до н. э. (Прокопенко, 2014, ч. 1, с. 255, 256; ч. 2, рис. 131, 131А).

К этому типу налобников относится налобник, найденный в составе жертвенного комплекса кургана 2 некрополя «Высокая

Рис. 2. Пластинчатые налобники, найденные около кургана 1 могильника Филипповка 1: 1 — фрагмент налобника; 2 — налобник. 1, 2 — бронза

Могила — Студеникин Мар». В уздечных наборах, уложенных в бронзовый ковш, находились зооморфные бронзовые бляхи (рис. 1, 7), хорошо датированные в скифских комплексах второй половины IV – начала III вв. до н. э. (Могилов, 2008, с. 415, рис. 193). Особого внимания заслуживает комплекс из кургана 10 могильника Горки на Среднем Дону, где были найдены аналогичные бляхи (Гуляев, Савченко, 2004, с. 40, рис. 4, 10, 11). Дата комплекса определяется античной амфорой и относится к концу третьей четверти IV в. до н. э. (Гуляев, Савченко, 2004, с. 43). На мой взгляд, налобники из Большого Климовского кургана и жертвенного комплекса кургана 2 могильника «Высокая Могила — Студеникин Мар» датируются одним временем, не ранее середины IV в. до н. э., с более вероятной датой последней трети IV – рубежа IV – III вв. до н. э.

К этой же группе налобников можно отнести налобник 1 из погребения 1 кургана 2 группы «Богатырские могилки» некрополя «Студеникин Мар — Высокая Могила».

Еще один налобник подобного типа был найден при осмотре в 2017 г. кургана 4 этой же курганной группы (рис. 1, б). Налобник — бронзовая пластина с вогнутыми длинными сторонами и веерообразно расширенными концами (длина 26,1 см, ширина 16,2 см (сохранившаяся верхняя часть), 10 см (средняя часть), 14,5 см (сохранившаяся нижняя часть), толщина 1,5 мм). На тыльной стороне пластины прикреплен бронзовая скоба для уздечного ремня. Верхняя и нижняя часть лицевой поверхности пластины были украшены орнаментальными композициями из точек крупных выдавленных на тыльной стороне пластины, арочными и дугообразными линиями из мелких точек. Данный налобник происходит из грабительского шурфа.

Следует указать также на находку в насыпи кургана 5 некрополя «Высокая Могила — Студеникин Мар» фрагмента бронзовой пластины, являющейся частью налобника. Вполне вероятно, что данный налобник также относится к этому же типу,

хотя отсутствие значительной части пластины затрудняет его атрибуцию.

Из околочурганного пространства могильника Филипповка 1 происходит еще один пластинчатый налобник (1.2.5 по В. Н. Мышкину) в виде длинной пластины с вогнутыми длинными, прямыми короткими сторонами с закругленными углами и остатками железных петель на оборотной стороне, приклепанных бронзовыми заклепками. Налобник найден в 150–160 м к западу от кургана 1 (Яблонский, 2013, с. 226, № 3150).

Типологически данный налобник сопоставим с налобниками, найденными в погребении 1 кургана 2 некрополя «Высокая Могила — Студеникин Мар». Прямые указания на время размещения налобника в качестве жертвенного предмета около кургана 1 Филипповского могильника отсутствуют. Он мог быть размещен здесь как во время сооружения кургана, так и позже. Вместе с тем, налобники из погребения 1 кургана 2 некрополя «Студеникин Мар — Высокая Могила» хорошо датируются железными псалями и, в особенности, железными дуговидными предметами (нахрапниками или строгаками) (рис. 1, 8) второй половиной (вероятнее всего, последними десятилетиями) IV – рубежом IV – III вв. до н. э., (Васильев, 2004, с. 158; Гуляев, Савченко, 2004, с. 41, 43, рис. 5, 18; Савченко, 2009, с. 243, 244; Сиротин, 2016, с. 259; Сиротин, Богачук, Окороков, 2018). Этим же временем, на мой взгляд, датируется и данный налобник из Филипповки 1.

Примечательно, что на этом же участке (в 150–160 м к западу от кургана 1) найден такой же железный дуговидный предмет (нахрапник или строгак), как и в погребении 1 кургана 2 группы «Богатырские Могилки» могильника «Студеникин Мар — Высокая Могила» (Яблонский, 2013, с. 227, № 3153). Определенное сходство по форме с налобниками из погребения 1 имеет налобник, декорированный в близких традициях «елизаветинского стиля», найденный в составе комплекса 1 узды

г. Гюэноса (Эрлих, 2010, с. 97, рис. 10, 8). Примечательно, что налобник 2 из погребения 1 группы «Богатырские Могилки» могильника «Студеникин Мар — Высокая Могила» имеет определенные аналогии и в степном Ставрополье (Прокопенко, 2014, ч. 1, с. 256; ч. 2, рис. 127, 3).

Налобники из одиночного кургана Яковлева II точных аналогий на Южном Урале не имеют, однако типологически они схожи с налобниками из Филипповки 1 (1.2.5 по В. Н. Мышкину) и налобникам из кургана 2 некрополя «Высокая Могила — Студеникин Мар». Найденный в погребениях, где были обнаружены эти налобники, инвентарь позволяет датировать их пределами второй половины IV – рубежа IV – III вв. до н. э.

Таким образом, в погребальных комплексах кочевников Южного Урала, прежде всего, из элитарных некрополей, выделяется серия пластинчатых налобников, имеющих прямые аналогии в материалах Северного Кавказа, прежде всего Прикубанья. Данные налобники, наряду с другими категориями принадлежностей раннепрохоровской узды, могут выступать в качестве хроноиндикаторов в комплексах второй половины IV–рубежа IV – III вв. до н. э. Помимо этого, они достаточно наглядно иллюстрируют определенные аспекты сложного процесса формирования раннепрохоровского комплекса в целом и характер внешних связей южноуральских номадов.

Литература

- Болелов С. Б. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. I / Ред. М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 208–219.
- Гуляев В. И., Савченко Е. И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В. И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2004. С. 35–52.
- Васильев В. Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В. Н. К хронологии вьючных фляг ранних кочевников Южного Урала // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев, Уфа: Гилем, 2006. С. 58–62.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Символика, 2005. С. 162–167.
- Лукпанова Я. А. Комплекты конского снаряжения кургана № 6 комплекса Таксай 1 (предварительный обзор) // Всадники Великой степи: традиции и инновации. Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Издательская группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 149–160.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Ранние кочевники Южного Приуралья (по материалам могильника Покровка 10) // Археологические памятники раннего железного века Юга России / Отв. ред. Л. Т. Яблонский М.: ИА РАН, 2004. С. 117–146. (Материалы и исследования по археологии России. № 6).
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 69–74.
- Могилев О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.

- Мышкин В. Н. Конские налобники из кочевнических курганов Южного Урала // НАВ. 2018. Т. 17. № 2. С. 5–17.
- Очир-Горяева М. А. Древние всадники степей Евразии. М: ТАУС, 2012. 469 с.
- Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. 1. 446 с. Ч. 2. 726 с.
- Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала / Ред. Б. Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Савченко Е. И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–325.
- Сиротин С. В. Комплексы эпохи ранних кочевников одиночного кургана Яковлевка II из Зауральской Башкирии // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11 – 16 октября 2010 г.) / Под ред. Г. Т. Обыденновой и др. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С. 240–243.
- Сиротин С. В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Под ред. Л. Т. Яблонского, Л. А. Краевой. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253–264.
- Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I из Зауральской Башкирии // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб: ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 2018. С. 192–200. (Труды ИИМК РАН. Т. 47).
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окороков К. С. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 334–339. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. 1 / Ред. М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 282–284.
- Сиротин С. В. Дромосные и подбойно-катакомбные погребения ранних кочевников восточной и юго-восточной (степной) Башкирии // Степи Северной Евразии. Материалы VII международного симпозиума / Под науч. ред. А. А. Чибилева. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2015. С. 781–783.
- Смирнов К. Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Козенкова. М.: Наука, 1978. С. 56–64.
- Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов) / Под ред. Л. Т. Яблонского. Оренбург: Печатный дом «Димур», 2008. 144 с.

- Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2 / Отв. ред. Н. О. Иванова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 3–305.
- Федоров В. К. О человеческих жертвоприношениях у ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 287–293.
- Эрлих В. Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 73–106. (Материалы и исследования по археологии России. № 13).
- Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский Л. Т. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // КСИА. 2014а. Вып. 236. С. 87–90.
- Яблонский Л. Т. Курган-святилище могильника Филипповка 2 (предварительное сообщение) // Всадники Великой степи: традиции и новации / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Издат. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014б. С. 88–93.
- Яблонский Л. Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 400 с.

Sergei Sirotin

On a Particular Group of Plate Frontlets in the Bridle Sets of the Early Nomads in the Southern Urals Area

Abstract

This paper analyses a specific group of plate frontlets from the bridle sets of the early nomads who roamed in the Southern Urals area. Apart from already known frontlets, it publishes new artefacts in the said category of bridle sets discovered in the assemblages of the nomads from the Southern Ural area. These frontlets meet with analogies in the North Caucasus materials, particularly in the Kuban area. Along with other categories of bridle elements of the Early Prokhorovka culture, the frontlets in question could be chronological indicators for the assemblages from the second half of the fourth to the turn of the fourth and third centuries BC.

С. В. Сиротин

Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала

Резюме

В статье рассматривается группа пластинчатых налобников из уздечных наборов ранних кочевников Южного Урала. Помимо известных налобников публикуются новые находки данной категории уздечных принадлежностей из комплексов южноуральских номадов. Данные налобники имеют аналогии в материалах Северного Кавказа, прежде всего Прикубанья и наряду с другими категориями принадлежностей раннепрохоровской узды могут выступать в качестве хроноиндикаторов в комплексах второй половины IV – рубежа IV – III вв. до н. э.

*С. В. Сиротин, Д. С. Богачук,
А. Х. Гильмитдинова, К. С. Огороков*

Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1

Ключевые слова: курганный могильник, погребальный обряд, ранние кочевники, Южное Приуралье, Филипповка 1

Keywords: barrow cemetery, funeral rite, early nomads, Southern Ural area, Filippovka 1

Среди памятников Южного Урала конца V – IV вв. до н. э. особую значимость для изучения истории южноуральских номадов, реконструкции основных этапов их культуры и понимания общих векторов ее дальнейшего развития, имеют материалы Филипповского 1 курганного могильника.

Могильник расположен в Илекском районе Оренбургской области, на правом берегу р. Урал. В географическом отношении это западная часть Урало-Илекского водораздела. Илекский бассейн рассматривается в литературе как один из центров племенных объединений ранних кочевников Южного Приуралья. Именно здесь концентрируются наиболее богатые погребения жреческой и военной аристократии

кочевников конца VI – IV вв. до н. э. в таких могильниках как Пятимары, Мечет-Сай, Тара-Бутак, Покровка.

В 1986 – 1990 гг. исследования на курганном могильнике Филипповка I проводились экспедицией ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством А. Х. Пшеничнюка. Всего исследовано 17 курганов различной величины (Пшеничнюк, 2012). В 2004 г. работы на могильнике Филипповка I были возобновлены Приуральской экспедицией Института археологии РАН под руководством Л. Т. Яблонского (Яблонский, 2013). Экспедицией раскопаны еще 13 курганов могильника и произведено исследование кургана № 1 (Яблонский, 2017). Полевые работы на могильнике завершены в 2014 г. раскопками

кургана 30 (Яблонский, 2014; 2017). Таким образом, по современным данным некрополь насчитывал 30 земляных курганных насыпей разной величины и различной степени сохранности. К настоящему времени могильник полностью исследован, в связи с чем мы располагаем относительно полным комплексом сведений о характере, культурной и хронологической принадлежности всех курганов, входящих в состав некрополя.

Проведенные исследования позволяют делать выводы о том, что могильник принадлежал группе, занимающей социально значимые, привилегированные позиции в кочевой иерархии — высшей кочевой знати. Могильник существенным образом отличается от всех известных к настоящему времени курганных некрополей Южного Приуралья именно концентрацией престижных категорий инвентаря и трудозатратных погребальных сооружений.

Несмотря на многолетние исследования, общие работы, характеризующие погребальные конструкции могильника в целом, отсутствуют. В имеющихся работах дается характеристика погребального обряда отдельных курганов, исследованных А. Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 2012), и курганов, исследованных Приуральской экспедицией ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского (Яблонский, 2011а; 2013; 2014; 2017). В этой связи представляется целесообразным рассмотреть особенности погребальных конструкций и планиграфическую организацию некрополя в целом.

Основная часть курганов располагалась в направлении запад — восток на расстоянии около 8,25 км (рис. 1). Кургана 30 располагался достаточно далеко от основной курганной группы — в 12 км юго-восточнее от центральной части некрополя (кургана 1). Однако характерный погребальный обряд, вещевые комплексы и их хронологическая позиция, по мнению Л. Т. Яблонского, позволяют включить этот курган в состав некрополя (Яблонский, 2017, с. 189).

При рассмотрении планиграфии могильника складывается впечатление, что некрополь состоит из нескольких относительно правильных цепочек, самая длинная из которых южная (курганы 1, 2, 18–20, 23, 24, 26, 27, 29). Чуть южнее этой цепочки, в ее западной части был построен курган 25. Центральная цепочка включала в себя курганы 3–5, 11–13, 21, 22. Из этой цепочки несколько выбивается курган 5, расположенный не далеко от кургана 4 с севера. Северная цепочка была образована курганами 6–10, 14–17. Кургана 28 отстоял к северу от основной цепочки около 2 км.

В могильнике выделяются крупные, так называемые «царские» курганы (курганы 1 и 4), диаметром 120 м, высотой 7, 11 м и диаметром 80 м, высотой 8 м соответственно. К этим курганам по своим размерам примыкает курган 3 диаметром 76 м, высотой 6,4 м. Планиграфически эти курганы располагаются в центре и составляют ядро могильника.

Обращает на себя внимание, что курган 1 в отличие от других «царских» курганов 3 и 4, расположен особняком, и занимает центральное положение в южной цепочке.

Большая часть курганов (2, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 23, 24, 27, 28, 29, 30) имела в диаметре 27–75 м и высоту 1–4 м. Помимо этого, в могильнике присутствовала группа малых курганов (8, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26) диаметром 10–25 м, высотой 0,15–1 м.

В 21 кургане (1–7, 10–14, 16, 17, 23, 25, 26–30) в основе погребальной конструкции были выявлены коллективные усыпальницы в виде обширных могильных ям с дромосами, что составляет 70 % от общего количества курганов. Как правило, дромосы примыкали к могильной яме с юга либо с юго-востока.

Сами по себе дромосные погребальные сооружения широко известны в степных комплексах Евразии VI – IV вв. до н. э. Известен данный тип погребений и в ряде южноуральских некрополей и отдельных

Рис. 1. План могильника Филиповка 1 (по: Яблонский, 2013)

курганах (Переволочан I, Темир, Большой Климовский курган и др.).

Однако на Южном Урале такие дромосные сооружения представлены в могильниках единичными случаями и лишь в Филипповке данный тип погребений выявлен в подавляющем большинстве курганов. Из 30 курганов только лишь в семи сооружениях наблюдается иной тип центральных погребений. В трех курганах (9, 15, 24) были выявлены погребения на горизонте (10 %), в двух курганах (20, 21) — подбойные погребения в центре (7 %). В курганах 8 и 18 в центре выявлены простые ямы подпрямоугольной формы (7 %). В курганах 19 и 22 погребений не выявлено. При исследовании этих курганов в насыпи были найдены фрагменты костей лошади (?).

Вопросы, связанные с появлением погребений дромосного типа в южноуральских степях, до сих пор остаются открытыми (Смирнов, 1978; Исмагилов, 1996; Яблонский, 2011б). Их появление фиксируется еще в конце VI – V вв. до н. э., однако наибольшее распространение относится к концу V – IV вв. до н. э. (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011).

Погребальные камеры с дромосами в курганах Филипповского могильника имели прямоугольную, округлую/овальную или крестообразную форму. Сложно объяснить с достаточной долей достоверности такое разнообразие форм погребальных камер в дромосных могилах. Вряд ли это было связано с фактором социальных различий. Вероятнее всего, наличие округлых, прямоугольных и крестообразных камер могло быть связано с определенными этнографическими различиями отдельных групп родовой знати, входящих в ядро военно-племенного объединения номадов Урало-Илекского междуречья и удостоившихся быть погребенными на элитарном некрополе. Примечательно, что в трех самых больших курганах, относящихся к «царским», представлены разные по форме могильные ямы — округлая (курган 1)

и крестообразная (курганы 3, 4). Факт очень показательный, символизирующий, что все разные традиции закрепились в погребальных сооружениях высшего ранга. В остальных курганах могильника, где выявлены дромосные погребения, формы могильных ям распределились следующим образом. Округлые ямы с дромосами выявлены в пяти курганах (курганы 1 (рис. 2, 1), 10, 13, 14, 26). Крестообразная форма могильных ям представлена в семи курганах (курганы 2, 3 (рис. 2, 2), 4 (рис. 2, 3), 5, 6, 7, 16). Причем пять курганов с крестообразными ямами расположены относительно компактно в центральной части могильника. Прямоугольные ямы с дромосами выявлены в девяти курганах (курганы 11, 12, 17, 23 (рис. 2, 4), 25, 27, 28, 29, 30).

Говоря об устройстве могильных ям, следует обратить внимание на такую интересную деталь погребальных сооружений Филипповского могильника, как наличие в ряде погребений глинобитных очагов-жертвенников подквадратной формы со следами возжигания огня, вокруг которых располагались жертвенные вещи. Такие очаги отмечены в курганах 3, 4, 6, 7, 11, 13, 30, входящих в состав северной и южной цепочек.

Причем очаги-жертвенники фиксировались не только в могильных ямах, но и в коллективном захоронении на древнем горизонте кургана 15.

Вокруг центральных дромосных могильных ям насыпался круговой валик из материкового суглинка, полученного при сооружении ямы. Такие валики могли быть сплошным или иметь один или несколько разрывов, в том числе, с юга или юго-востока. Валики фиксируются в 20 из 21 кургана с дромосными погребениями (курганы 1–7, 10–14, 16, 17, 23, 25, 27–30).

В 21 кургане из 30-ти (70 % (курганы 1–5, 6, 7, 9–17, 23, 24, 25, 27, 28) были выявлены остатки деревянных надмогильных конструкций (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013). Они выявлены во всех курганах

с погребениями на горизонте (курганы 9, 15, 24) и 16 курганах, имеющих в своей основе дромосные могилы. В кургане 29 был выявлен слабый древесный тлен от плашек и коры (Яблонский, 2013, с. 199). Фрагментированные остатки дерева зафиксированы в курганах 25 (обуглено) и 27. В кургане 30 дерево зафиксировано лишь в дромосе (Яблонский, 2014, с. 88).

Деревянные надмогильные сооружения представляли собой перекрытие из радиально уложенных бревен. Деревом накрывался и дромос, о чем свидетельствуют столбовые ямки по краям хода. Надмогильное перекрытие в виде радиально уложенных бревен получило в литературе название «шатрового». В этой связи, следует отметить, что в настоящее время среди исследователей нет единой точки зрения о характере данной конструкции. А. Х. Пшеничнюк считал, что бревна, опираясь на валик, устанавливались под острым углом, создавая полуку конструкцию, над которой затем возводилась насыпь из земли либо дерновых блоков. Затем, в данное сооружение через дромос, по мере необходимости, совершались дополнительные подзахоронения (Пшеничнюк, 2012, с. 62–63). На наш взгляд, более предпочтительной является точка зрения, согласно которой считается, что радиально уложенные бревна являются лишь имитацией или моделью шатра над центральным погребением, и возведение насыпи или «закрытие» кургана осуществлялось после того, как могильная яма была заполнена (Яблонский, 2013, с. 43). Как представляется, бревна перекрытия укладывались в радиальном направлении над центральным погребением, образуя невысокую конструкцию, а не выстраивались в виде островерхого полого шатра. Этим, вероятнее всего, объясняется современный внешний вид насыпей больших курганов в Южном Приуралье. Все они, в отличие от скифских курганов, более островерхих, собранных и компактных, имеют растянутые параметры насыпи и сильно уплощенную вершину.

Достаточно часто бревна перекрытия имеют следы обугливания, когда горение осуществляется без доступа воздуха. Следы горения или обугливания конструкции были зафиксированы в 11 курганах из 21, имеющих деревянные надмогильные конструкции (52 %) (1, 4, 6, 9, 12, 13, 14, 16, 23, 25, 28) (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2011а; 2013). Причины такого явления также не имеют однозначного ответа и одни исследователи связывают поджог деревянной конструкции с действиями грабителей (Пшеничнюк, 2012; Таиров, 2014), другие считают их принадлежностью погребального ритуала.

Следует отметить, что обе эти версии не вполне объясняют своеобразную избирательность в совершении огненного ритуала или же поджога в результате грабежа, поскольку не все деревянные конструкции в курганах имели признаки горения. Возможно, огненный ритуал при совершении обрядовых действий полагался определенной группе, но увязать это достоверно с социальным или культовым статусом умерших сложно. На наш взгляд, в данной ситуации, можно предполагать наличие определенного этнографического элемента, связанного с применением огненных практик в системе погребальной обрядности Филипповского некрополя. Если допустить версию грабительского происхождения горения, то такая избирательность грабителей в поджогах надмогильных сооружений при ограблении курганов не вполне понятна.

В пяти курганах могильника (курганы 1, 3, 12, 13, 28) выявлены подземные ходы, ведущие от полы насыпи к центру. Практически все подземные ходы попадали в камеру центрального погребения. Исключение составляет подземный ход в кургане 3, устроенный в западной части кургана (Пшеничнюк, 2012, с. 36, 132, рис. 54).

А. Х. Пшеничнюком такие ходы интерпретировались как грабительские лазы (Пшеничнюк, 2012, с. 66). Однако находки, сделанные в этих ходах, в том числе

ритуальные человеческие жертвоприношения, кости лошади в анатомическом сочленении, позволяют предполагать их ритуальный характер и рассматривать как часть погребально-ритуальной архитектуры (Яблонский, 2013, с. 43–45; Яблонский, 2017, с. 189). Подобные ходы известны в материалах курганов 2 и 5 группы «Богатырские Могилки» могильника «Высокая Могила — Студеникин Мар» (Сиротин, Богачук, Огороков, 2018) в этом же районе Урало-Илекского междуречья, кургана 11 могильника Переволочан I (Сиротин, 2010) в юго-восточной Башкирии, в курганах Бесшатырского могильника в Семиречье и некоторых скифских курганных сооружениях Северного Причерноморья.

Помимо курганных сооружений, имеющих в своем основании коллективные могилы с дромосами, в некрополе зафиксированы захоронения на древней поверхности (курганы 9, 15, 24). Эти курганы входят в состав северной и южной цепочек. В центральной цепочке погребения на древнем горизонте отсутствуют. Следует отметить, что во всех этих курганах фиксировались остатки деревянных конструкций из радиально уложенных бревен. А. Х. Пшеничнюк, рассматривая погребальный обряд Филипповских курганов, не усматривал принципиальных различий между дромосными погребальными камерами (земляными склепами) и захоронениями на древнем горизонте (Пшеничнюк, 2012, с. 64). На наш взгляд

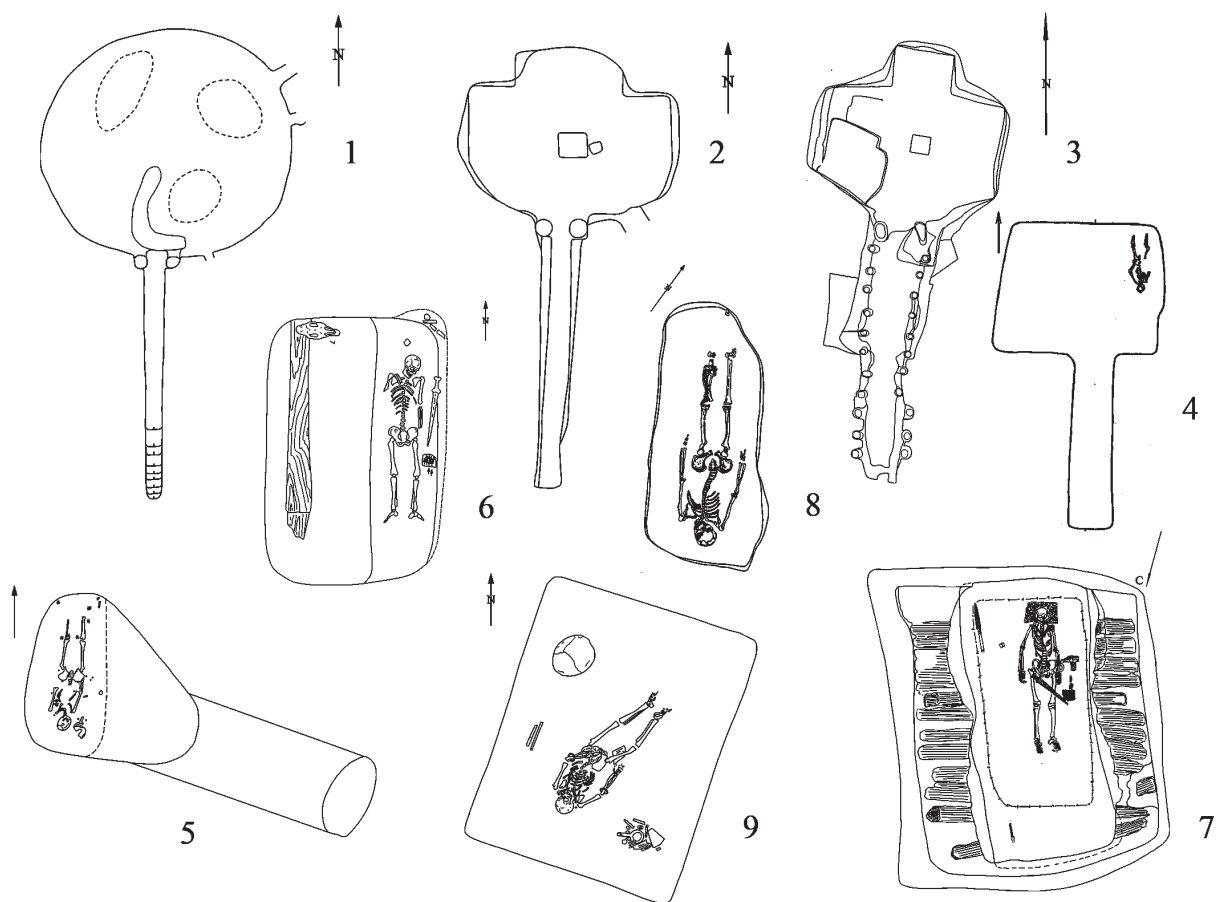

Рис. 2. Основные типы погребений могильника Филипповка 1:

- 1 — курган 1, погребение 1; 2 — курган 3, погребение 1; 3 — курган 4, погребение 5;
 4 — курган 23, погребение 1; 5 — курган 14, погребение 1; 6 — курган 23, погребение 3;
 7 — курган 4, погребение 3; 8 — курган 29, погребение 1; 9 — курган 24, погребение 3;
 1 – 2, 4 – 6 по: Пшеничнюк, 2012; 3, 7 — по: Яблонский, 2008; 8, 9 — по: Яблонский, 2009

такие конструктивные отличия все же отражают разные погребальные традиции.

В малых курганах в центре выявлены простые ямы округлой (курган 8), прямоугольной (курган 18) формы, подбойное погребение (курган 20, 21) и округлая яма с дромосом (курган 26). В курганах 19, 22 могильные ямы не обнаружены, в южной поле только лишь отмечены находки фрагментов трубчатых костей лошади.

Помимо центральных погребений, в курганах некрополя были выявлены впускные захоронения. Зафиксировано 26 впускных погребений, относящихся к эпохе ранних кочевников. Они встречаются в 12 курганах из 30-ти (40 %) (1, 3, 4, 14, 15, 16, 21, 23, 24, 27, 29, 30).

Впускных погребений насчитывается от одного (курган № 3) до пяти (курган № 29) в кургане (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013).

Среди конструкций погребальных сооружений впускных захоронений были зафиксированы следующие типы: две Т-образные катакомбы (к 14, п 1 (рис. 2, 5), п 3), ямы с подбоями (к 3, п 2; к 15, п 4; к 23, п 3 (рис. 6); к 24, п 2; к 29, п 4, п 5, п 6); ямы с заплечиками (к 4, п 2, п 3 (рис. 2, 7), п 4; к 15, п 3; к 30, п 3); и прямоугольные и овальные грунтовые ямы (к 1, п 2; 15 п 2; к 23, п 2; к 24, п 4; к 27, п 2, п 3; к 29, п 1 (рис. 2, 8), п 3); прямоугольные с диагональным расположением костяков (к 16, п 2, п 3; к 24, п 3 (рис. 2, 9); к 30, п 1). Ямы с заплечиками, подбойные погребения и грунтовые ямы в ряде случаев сопровождались деревянными перекрытиями. Особо следует отметить мощные перекрытия погребений с заплечиками 2, 3, 4 из кургана 4 и прямоугольной ямы погребения 2 из кургана 1. Обращает на себя внимание впускное погребение 2 из кургана 23. А. Х. Пшеничнюк, исходя из его планиграфического расположения и стратиграфической ситуации, считал, что данное погребение являлось основным в небольшом кургане, насыпь которого была перекрыта насыпью кургана 23 (Пшеничнюк, 2012, с. 58).

Следует отметить, что в Филипповских курганах, так же как и во многих других могильниках Южного Урала (Мышкин, 2012; Очир-Горяева, 2012), фиксируется ритуальное присутствие коня в погребальном обряде в виде отдельных костей, скопленных костей, частей конских скелетов, либо целых скелетов лошадей в южной части курганов. Наличие в южной части курганов скелетов лошадей, скопленных и разрозненных костей лошади зафиксировано в 20 курганах. В курганах 3, 4, 6, 10 зафиксированы полные скелеты лошадей, захороненных в южных полах курганов. В этих же курганах, за исключением кургана 10, а также в курганах 1, 2, 5, 11, 12–16, 19, 20, 22, 23, 28–30 выявлены скопления костей лошади и разрозненные кости. В кургане 4, помимо целых скелетов, найдено девять черепов лошадей, уложенных в ряд.

Таким образом, некрополь Филипповка 1 представляет собой уникальный объект среди известных могильников южноуральских номадов не только в плане найденного в курганах погребального инвентаря, но и по характеру погребальных конструкций. В могильнике находит свое выражение сочетание разных погребальных традиций, курганной архитектуры, конструкции могильных ям. Могильник принадлежит военно-жреческой аристократии военноплеменного объединения кочевников Урало-Илекского междуречья.

Вопрос о дате могильника Филипповка 1 не имеет на сегодняшний день единого решения. А. Х. Пшеничнюк датирует Филипповские курганы началом IV в. до н. э. (Пшеничнюк, 2012, с. 87). Л. Т. Яблонский и М. Ю. Трейстер нижнюю дату могильника устанавливают в пределах конца V в. до н. э., верхняя хронологическая граница определяется временем третьей четверти IV в. до н. э. (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 284; Яблонский, 2013, с. 54; 2017, с. 218, 219). Рассматривая датировку Филипповских курганов, следует отметить, что исходя из анализа целого ряда предметов, прежде

всего конского снаряжения, найденных в могильнике, есть основания полагать, что хронологически данный некрополь не выходит за рамки второй половины IV в. до н. э., с учетом того, что серия предметов ахеменидского круга, имеющих более раннюю дату производства, попадает в статусные погребения некрополя с определенным запаздыванием (Яблонский, 2017, с. 219).

В широком хронологическом отношении некрополь относится к переходному периоду (Яблонский, 2012, с. 385), когда в культуре ранних кочевников Южного Урала происходят существенные изменения (Таиров, 2009). Наблюдается утверждение новых форм погребальной обрядности, изменения вещевых комплексов, складывание новых культурных стереотипов,

характерных для памятников «филипповского» круга. Курганные сооружения, богатство и разнообразие инвентаря, а также наличие разных форм погребальной обрядности в некрополе Филипповка 1 отражают, с одной стороны, глубокую социальную стратификацию кочевого общества. Вместе с тем, такие явления как разнообразие конструктивных черт в больших курганах, в том числе и «царских», иллюстрирует и гетерогенный характер состава знати, вероятнее всего, сохраняющей свои этнографические особенности при соблюдении отдельных черт погребальной обрядности. Все это, в конечном итоге, отражает сложный и многокомпонентный процесс формирования культуры ранних кочевников Южного Урала.

Литература

- Исмагилов Р. Б. Сарматское окно в Европу // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала / Ред. Н. А. Мажитов, М. Ф. Обыденнов. Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1996. С. 32–71.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Мещеряков Д. В. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья в савроматское и раннесарматское время // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 162–167. (Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III).
- Мышкин В. Н. Конь и сбруя в курганах кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 2012. Вып. 12. С. 81–96.
- Очир-Горяева М. А. Древние всадники степей Евразии. М: ТАУС, 2012. 469 с.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Смирнов К. Ф. Дромосные могилы ранних кочевников Южного Приуралья и вопрос происхождения сарматских катакомб // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Ред. В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М: Наука, 1978. С. 56–64.
- Сиротин С. В. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и с определенных территорий / Ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 323–337.

- Сиротин С. В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2016. С. 253–263.
- Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окорочков К. С. Курганная группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 334–339. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25).
- Таиров А. Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV вв. до н. э. // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 137–148.
- Таиров А. Д. Сожжение как результат ограбления (по материалам Южного Зауралья) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 2 / Отв. ред. А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 241–243.
- Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V – III вв. до н. э.). Т. I / Ред. М. Ю. Трейстер, Л. Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 282–284.
- Яблонский Л. Т. О раскопках кургана 4 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской области РФ в 2006 году / Научно-отраслевой Архив ИА РАН. Индекс № 232.7. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Кн. 51. Дело № 44152.
- Яблонский Л. Т. Отчет о раскопках курганов 2 и 29 могильника Филипповка 1 на территории Илекского района Оренбургской области РФ в 2008 году / Научно-отраслевой Архив ИА РАН. Индекс № 232.7. Ф. 1. Р. 1. Оп. 1. Кн. 51. Дело № 44151.
- Яблонский Л. Т. Новые раскопки могильника Филипповка 1 // Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. Москва: ТАУС, 2011а. С. 7–19.
- Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011б. С. 235–240. (Материалы и исследования по археологии России. Вып. III).
- Яблонский Л. Т. Культурно-хронологический горизонт Южно-Уральской культурно-исторической области в эпоху формирования раннесарматской культуры // Средневековая городская культура и кочевая цивилизация бассейна реки Урал / Ред. М. Н. Сдыков. Уральск: Западно-Казахстанский центр истории и археологии, 2012. С. 370–392.
- Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004 – 2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский Л. Т. Тридцатый курган могильника Филипповка 1 // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 87–90.
- Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Грифон, 2017. 400 с.

Sergei Sirotin, Dar'ia Bogachuk, Alina Gil'metdinova, Konstantin Okorokov

**The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization
of the Cemetery of Filippovka 1**

Abstract

This paper has analysed the burial structures of the barrow cemetery of Filippovka 1 located in the Southern Ural area. This cemetery belonged to the supreme hereditary elite of the nomads who lived in the late fifth and fourth centuries BC in the steppe in the interfluvium of the Ural and Ilek rivers. The analysis has addressed the funeral rite, specificity of burial structures, and planigraphy features of the cemetery. It has been stated that the cemetery combined various forms of funeral rituals related not only to the social stratification of the nomadic society but also to the continuing ethnographic peculiarities of specific groups of nobility within the nomadic elite.

С. В. Сиротин, Д. С. Богачук, А. Х. Гильмитдинова, К. С. Окороков

**Особенности погребальных конструкций
и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1**

Резюме

В статье рассматриваются погребальные конструкции курганного некрополя Филипповка 1, расположенного в Южном Приуралье. Данный некрополь принадлежит высшей родовой знати кочевников, обитавших в конце V – IV вв. до н. э. в степях междуречья р. Урал и р. Илек.

Анализируется специфика погребального обряда, конструктивные особенности погребальных сооружений, особенности планиграфии могильника. Констатируется, что в могильнике сочетаются разные формы погребальной обрядности, что связано не только с социальной стратификацией кочевого общества, но и с сохранением этнографических особенностей отдельных групп знати, входящих в состав кочевой элиты.

А. С. Скрипкин

О времени появления сарматов и культурной принадлежности сарматских памятников II – I вв. до н. э.¹

Ключевые слова: сарматы, хронология, курганы около села Прохоровка, прохоровская культура, миграции, антропологические данные, сарматские этно-племенные объединения

Keywords: Sarmatians, chronology, mounds near Prokhorovka village, Prokhorovka culture, migrations, anthropology data, and Sarmatian ethno tribal unions

В изучении истории и культуры сарматов в настоящее время существует два подхода к определению времени появления сарматов на исторической арене, а в связи с этим и трактовка роли сарматов в отдельных исторически значимых событиях. Одну концепцию появления сарматов, как носителей раннесарматской (прохоровской) культуры, начало которой датируют IV в. до н. э., можно назвать традиционной. Различные версии этой концепции ранее разрабатывались М. И. Ростовцевым, Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирновым, М. Г. Мошковой, Д. А. Мачинским, позже А. Х. Пшеничнюком, А. Д. Таировым, Л. Т. Яблонским. К обоснованию этой концепции имеет отноше-

ние и автор этой статьи (Скрипкин, 2017, см. библиографию). Суть ее, в конечном счете, сводилась к следующим основным моментам. Между выделенными тремя хронологически последовательными сарматскими культурами отмечалось как наличие преемственности, так и существенных различий, вызванных с одной стороны миграционными процессами, с другой — с изменением ориентаций в культурных связях. Этнический же состав носителей каждой из сарматских культур менялся, преемственность между ними обеспечивалась за счет сохранения части прежнего населения,

Вторая концепция была сформулирована в более позднее время. С конца 90-х

¹ Публикация подготовлена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 33.2830.2017/4.6.

годов прошлого века ее попытался обосновать В. Ю. Зуев, который выдвинул идею «дискретно хронологического напластования культур ранних кочевников центральной части степной Евразии», то есть отрицалось наличие какой-либо преемственности между сарматскими культурами, а их смена объяснялась исключительно миграционными процессами. Так для Южного Приуралья он выделил две культуры: филипповскую (V – IV вв. до н. э.) и собственно прохоровскую (последняя треть II – I вв. до н. э.), между которыми существовал хронологический разрыв в более чем полтора века. Причем этот хронологический hiatus распространялся на значительную часть евразийского степного пространства. По мнению автора, он оказался «малопродуктивным временем для формирования каких-либо устойчивых традиций в культуре кочевников» (Зуев, 1998, с. 45–50; 1999а, с. 306, 307).

Значительное внимание в концепции В. Ю. Зуева уделялось эпонимному памятнику раннесарматской культуры — прохоровским курганам, раскопанных крестьянами в 1911 г. в Оренбургской губернии и обследованных в 1916 г. С. И. Руденко. Крестьянами было раскопано четыре кургана, в которых ими обнаружено по одному погребению. Ознакомившись с музейными коллекциями и архивными документами, относительно прохоровских курганов, раскопанных в 1911 г., В. Ю. Зуев уточнил некоторые детали конструкций погребальных ям и несколько скорректировал распределение находок вещей по отдельным курганам. Проведя свой хронологический анализ материалов из этих четырех курганов, он сделал следующий вывод. Раскопанные курганы относятся к двум обособленным группам. Курганы №№ 1 и 2 входили в южную группу, курганы №№ 3 и 4 — в северную, причем они различались не только территориально, но и культурно-хронологически. Погребения в курганах №№ 3 и 4 были датированы им второй половиной V — рубежом V – IV вв. до н. э., погребения в курганах №№ 1 и 2 —

временем рубежа II – I вв. до н. э., возможно, с омоложением даты до первых десятилетий или середины I в. до н. э. (Зуев, 1999б, с. 12–16; 2000, с. 327). И, таким образом, по мнению автора этой концепции, в самом эпонимном памятнике только два этих более поздних кургана могут маркировать прохоровскую культуру.

В 2003 – 2005 гг. курганы Прохоровского могильника вновь были раскопаны экспедицией, возглавляемой Л. Т. Яблонским. Доследованы ранее раскопанные четыре кургана, кроме того, заново раскопаны еще три кургана, в которых в общей сложности открыто 38 погребений (Яблонский, 2010, с. 55). Значительно увеличившийся, хорошо документированный материал позволил Л. Т. Яблонскому сделать следующие выводы: «...курганы у д. Прохоровка образуют однородную в культурно-хронологическом отношении группу и датируются IV – II вв. до н. э.»; курганы 1, 2 южной и курганы 3, 4 северной групп синхронны и образуют единый комплекс; большая часть прохоровских погребений датируется IV – III в. до н. э.; между курганами Прохоровского могильника какой-либо хронологический hiatus отсутствует (Яблонский, 2010, с. 81, 82).

После доследования прохоровских курганов, разгоревшаяся была дискуссия по проблеме как датировки комплексов этого могильника, так и в целом раннесарматской культуры начала спадать, и на этом вопросе, особенно в отношении отсутствия сарматских памятников III в. до н. э., можно было бы поставить точку.

Однако в последнее время появились публикации, которые в определенной мере возрождают концепцию В. Ю. Зуева. Так, С. В. Полин вновь обратился к версии, которая им была изложена еще на рубеже 80–90-х гг. прошлого века, обосновывающей проблематичность выделения сарматских памятников III в. до н. э. и практическое их отсутствие к западу от Волги, в небольшом количестве они могли располагаться к востоку от нее. Он также предпринял попытку

доказать отсутствие погребений, датированных III в. до н. э., в эпонимном памятнике раннесарматской культуры прохоровских курганах уже после исследования их Л. Т. Яблонским (Полин, 2018, с. 268–288).

В другой статье А. В. Симоненко, рассматривая проблему, связанную с выяснением причины гибели северопричерноморской Скифии, приходит к выводу, что основными виновниками этого события были не сарматы, а меоты, поскольку сарматы в Восточной Европе появляются не ранее II в. до н. э. Правда, эту версию о появлении сарматов со II в. до н. э. он подробно не рассматривает, ограничившись мнением тех исследователей, которые высказывали сомнения о раннем упоминании сарматов в некоторых письменных источниках (Симоненко, 2018, с. 27–49).

Судя по всему, после исследования прохоровских курганов Л. Т. Яблонским, В. Ю. Зуев в отношении их хронологии остался при своем прежнем мнении. Несмотря на то, что его утверждения существенно расходились с выводами Л. Т. Яблонского, он, тем не менее, заявлял, что его ранее высказанные соображения были подкреплены результатами исследования этих курганов Л. Т. Яблонским. Он продолжал утверждать, что у дер. Прохоровки располагались две разновременные группы курганов: северная, датирующаяся V – IV вв. до н. э., и южная — второй половиной II – I вв. до н. э. Последние, собственно, и относятся к прохоровскому горизонту или периоду (Зуев, 2013, с. 514, 515).

Однако не все так убедительно выглядит у сторонников отсутствия сарматских памятников III в. до н. э. и появления сарматов только во II в. до н. э. Обратимся к тем же курганам у дер. Прохоровка. Как уже было сказано выше, курганы 1 и 2 (южная группа) с учетом их исследования В. Ю. Зуев датирует второй половиной II – I в. до н. э., а С. В. Полин начало сооружения этих курганов относит к IV в. до н. э. Для него, например, очевидно, что

погребения 1 и 4 в кургане 1 и погребения 1 и 2 в кургане 2 убедительно датируются IV в. до н. э. С. В. Полин, желая доказать отсутствие в прохоровских курганах погребений III в. до н. э., пытается большинство их сдвинуть в V – IV вв. до н. э. В. Ю. Зуев, наоборот, те же самые погребения южной группы, которые С. В. Полин датирует IV в. до н. э., относит ко времени не ранее второй половины II в. до н. э. В этом случае так и охота сказать: «Ребята, разберитесь хотя бы между собой».

Для В. Ю. Зуева, как он пишет, совершенно очевидным является появление новой волны кочевников «с ярко выраженным прохоровским культурным комплексом вещей», который они заимствовали в Китае, Средней Азии и Ближнем Востоке. По поводу этого заключения В. Ю. Зуева возникает целый ряд вопросов: где сформировалось это новое объединение кочевников; какие есть примеры, свидетельствующие о наличии в перечисленных регионах признаков этого самого «выраженного прохоровского культурного комплекса», который новые кочевники принесли с собой в степи Восточной Европы; вправе ли именовать материальную культуру кочевнических погребений второй половины II – I в. до н. э. «выраженным прохоровским культурным комплексом вещей», который на примере Прохоровских курганов никто кроме В. Ю. Зуева не выделял.

Л. Т. Яблонский погребальные комплексы Прохоровского курганного могильника, с учетом их исследования, датировал в пределах IV – II вв. до н. э., причем большинство из них он относил к IV – III вв. до н. э. (Яблонский, 2010, с. 81), в более поздней своей работе он уточнил эту дату — вторая половина IV – первая половина II вв. до н. э. (Яблонский, 2017, с. 203, 204). В. К. Федоров датировал погребения из прохоровских курганов в основном IV – III вв. до н. э., причем погребения из 1 и 2 курганов рубежом IV – III, а скорее всего, III в. до н. э., только одно погребение 9 из раскопанного

Л. Т. Яблонским кургана «б» в хронологическом отношении отстоит от основной массы комплексов и предположительно может датироваться II в. до н. э. (Федоров, 2011, с. 155–159). С. В. Полин предпринял попытку обосновать датировку ряда погребений из прохоровских курганов IV в. до н. э., не исключая конца V в. до н. э. В курганах 1 и 2 он допускал, что некоторые погребения могут датироваться в пределах IV – I вв. до н. э. Последняя дата довольно странная, которая с одной стороны допускает наличие погребений III в. до н. э., с другой она может свидетельствовать о наличии преемственности между разновременными комплексами в пределах этой общей даты. С. В. Полин не считал возможным выделить какую-либо группу погребений рассматриваемого могильника, датируемую II – I вв. до н. э.

Кроме того, ряд артефактов в погребениях из курганов у Прохоровки, которые В. Ю. Зуев датирует не ранее второй половины II в. до н. э., не подтверждают этой даты. Так, М. Ю. Трейстер полагает, что фиалы из кургана 1, которые были переделаны в фалары, могли быть изготовлены одна во второй половине V в. до н. э., а вторая — вероятно, во второй половине IV в. до н. э., а переделаны в фалары они могли уже в III в. до н. э. (Трейстер, 2010, с. 277). Анализ надписей на фиалах был проведен А. С. Балахванцевым и привел его к выводу о том, что: «В целом ни языковые, ни палеографические особенности прохоровских надписей не препятствуют отнесению их к последней трети IV – III вв. до н. э.» (Балахванцев, 2010, с. 268). Относительно недавно А. В. Дедюлькин провел обстоятельное изучение кирасы из 1 прохоровского кургана на предмет ее датировки и пришел к выводу, что эту находку следует датировать временем не ранее середины III в. до н. э. (Дедюлькин, 2014, с. 91).

По этой причине относить сарматские погребения II – I вв. до н. э. к «...ярко выраженным прохоровским культурным»

комплексам (Зуев, 2013, с. 517) не представляется возможным, поскольку пласт комплексов этого времени в самих прохоровских курганах отсутствует.

В настоящее время сарматские погребения II – I вв. до н. э. достаточно хорошо выделяются на обширной территории от Южного Приуралья до Северного Причерноморья по фибульному материалу, керамической и металлической импортной посуде, причем на всей этой территории они не отличаются однообразием (Скрипкин, 2000, с. 137–149; Глебов, 2010, с. 4; Симоненко, 2004, с. 135–140). Так, для материальной культуры сарматских памятников этого времени от Дона до Южного Приуралья характерно сочетание двух культурных пластов. Один из них представлен наличием вещей, обнаруживающих аналогии в культурах центральноазиатского региона. Это клинковое оружие, мечи без металлического навершия и с ромбовидным перекрестием, в отдельных случаях изготовленном из бронзы; мечи с кольцевым навершием; бронзовые рамчатые пряжки с изображением лежащих верблюдов или сцен борьбы животных; гагатовые пряжки; металлические решетчатые пряжки; в некоторых случаях глиняные кубической формы сосудики (Скрипкин, 2019, с. 20–34). В своей массе эти вещи вообще не известны в прохоровских курганах, за исключением одного кинжала с кольцевым навершием из самого позднего погребения 9 из кургана «б».

Следует отметить и некоторые инновации в погребальном обряде, увеличение погребений в деревянных колодах, в отдельных случаях повторяющих детали конструкции колод тувинских могильников раннего железного века, увеличение в некоторых районах Волго-Уральского региона ориентировки погребенных в северный сектор (Скрипкин, 1980, с. 273–275; Сергацков, 2000, с. 202, 203). Эти детали погребального обряда также не типичны ни для прохоровских курганов, ни для прохоровской культуры в целом.

Второй пласт представлен вещами и некоторыми деталями погребального обряда, являющимися наследием собственно прохоровской культуры. Это мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием, бронзовые зеркала с валиком по краю диска и штырем для насадки ручки, лепная керамика, украшенная по тулову вертикальными пучками линий. В погребальном обряде — преобладание южной ориентировки погребенных, расположение под курганной насыпью погребений по кругу. Многие из этих элементов проявляют себя еще в южноуральских памятниках IV в. до н. э. В связи с этим возникает вопрос, как и где сохраняются эти детали культуры при условии отсутствия сарматских памятников III и значительной части II в. до н. э.

Утверждение В. Ю. Зуева о том, что «Оружие прохоровского типа является абсолютной новацией...», т. е. появившееся только в памятниках II – I вв. до н. э., пустая фраза, поскольку не указывается, где сформировался этот тип оружия. С. В. Полин, кстати, считает, что мечи так называемого прохоровского типа наличествуют в погребениях IV в. до н. э., причем в тех же прохоровских курганах (Полин, 2018, с. 274). Вопреки мнению В. Ю. Зуева, мечи прохоровского типа сформировались в среде кочевого населения, обитавшего на пространстве от Западной Сибири до Волги и Кубани, что хорошо подтверждается конкретным материалом. Этот процесс начался с VI – V вв. до н. э. и завершился в IV в. до н. э., возможно, к его концу (Скрипкин, 2016, с. 264–275).

Не подтверждает наличие значительного хронологического разрыва в обитании кочевников в пределах Волго-Уральского региона, приходящегося на III – первую половину II в. до н. э., и антропологические исследования. Краниологический материал из погребений II – I вв. до н. э. данного региона свидетельствует о наличии двух типов населения, один из них отличается

долихокранией, другой — брахикранией. Население с признаками долихокрании отождествляется с мигрантами, а брахикранией — с местным населением, известным здесь еще с V – IV вв. до н. э., причем местный компонент, особенно в женской выборке, в процентном отношении являлся преобладающим (Балабанова, 2010, с. 72, 73; 2018, с. 33–46). Таким образом, местное население, обитавшее здесь ранее, до II – I вв. до н. э. никуда не делось, а продолжало жить и сооружать свои курганы. Предвзятое отношение названных выше авторов к выделению сарматских памятников III в. до н. э., желание непременно опровергнуть возможность датировки их этим временем, отчетливо проявляется на примере их датировок погребений прохоровских курганов. В. Ю. Зуев и С. В. Полин, объединенные одной идеей отсутствия в прохоровских курганах погребений III в. до н. э., решают ее по-разному. В. Ю. Зуев ряд комплексов датирует второй половиной II – I в. до н. э., С. В. Полин в отдельных случаях те же самые комплексы датирует не ранее IV в. до н. э. Здесь явно прослеживается желание не допустить опровержения своих ранее сформулированных концепций. А погребения, претендующие быть датированными III в. до н. э. в прохоровских курганах, как стало ясно после их исследования Л. Т. Яблонским, есть.² Есть погребения этого времени в покровских курганах (Яблонский, 2017, с. 204–211, рис. 107–110), в Шумаевском II курганомогильнике (Моргунова, Гольева, Краева и др., 2003, с. 58–176), в курганах у с. Старые Киишки, в которых насчитывается более 120 погребений раннесарматского времени, и в ряде других курганных могильников (Садыкова, Васильев, 2001, с. 55–80). Имеются погребения этого времени и в Нижнем Поволжье. Ранее предпринятая критика В. Ю. Зуевым выделенных В. М. Клепиковым сарматских погребений III в. до н. э. весьма не убедительна, вполне очевидна

² Речь об этом пойдет в другой моей статье, подготовленной к печати.

запрограммированность автора непременно доказать отсутствие в выборке В. М. Клепикова сарматских памятников III в. до н. э. (Зуев, 1999а, с. 305–324). У меня нет необходимости анализировать эту статью В. Ю. Зуева, поскольку В. М. Клепиков весьма аргументировано ответил на все его необоснованные претензии (Клепиков, 2000, с. 87–94).

Идее появления сарматов, носителей прохоровской культуры, только со II в. до н. э. противоречит и письменная традиция. Если исходить из датировки В. Ю. Зуевым начала прохоровской культуры, как первой сарматской культуры, не ранее второй половины II в. до н. э., то спрашивается, откуда взялись сарматы во главе с Гаталом, упомянутые Полибием, как участники договора 179 г. до н. э., заключенного рядом припонтийских государств (Polib, XXV, 2, 12). Не вдаваясь в анализ других сюжетов из сочинений античных авторов и эпиграфики, сошлюсь на мнение специалистов в области античной лингвистики, которые не исключают упоминание сарматов в ряде источников и их активного участия в событиях III в. до н. э., в том числе и их причастности к гибели Скифии (Тохтасьев, 2005, с. 291–306).

Как отмечалось выше, А. В. Симоненко тоже относит появление сарматов ко II в. до н. э. (2018, с. 32), которые, видимо, и заняли полупустую Скифию. В связи с этим также возникает вопрос. Сарматские памятники II – I вв. до н. э. занимают огромную территорию: южноуральские и волго-донские степи, районы Северного Кавказа, междуречье Дона и Днепра. Только в Волго-Донском регионе к настоящему времени исследовано более тысячи погребений этого времени. Спрашивается, откуда вдруг появилась такая масса кочевников, откуда она переместилась в степную часть Восточной Европы и где опустели те места, откуда ушли эти кочевники?

Для Волго-Донского региона и Южного Приуралья антропологические материалы

свидетельствуют о наличии мигрантного компонента в среде кочевого населения, но он не являлся преобладающим. Миграция, видимо, изменила политическую инфраструктуру, вновь образованные племенные объединения включали здесь не только мигрантов, но и значительную часть предшествующего населения.

Иная картина воссоздается в Северном Причерноморье, здесь погребальные комплексы II – I вв. до н. э. мало общего имеют с памятниками прохоровской культуры. Их отличает преобладание северной ориентировки погребенных, отсутствие расположения погребений по кругу под курганной насыпью, иной набор предметов материальной культуры, за исключением нескольких мечей с серповидным навершием и бронзовых зеркал с валиком по краю диска. Преобладание северной ориентировки погребенных казалось бы указывает на центральноазиатские истоки этой детали погребального обряда (Заднепровский, 1997, с. 76), но в памятниках Северного Причерноморья в вещевом материале практически отсутствуют, в отличие от Волго-Уральского региона, инновации центральноазиатского происхождения.

Имеют свои отличительные черты и сарматские памятники II – I вв. до н. э. Северного Кавказа. Статистический анализ погребальных памятников Азиатской Сарматии последних веков до н. э. показал, что памятники Кубани и Ставрополя существенно отличаются, как в материальной культуре, так и в погребальном обряде, от одновременных памятников Волго-Донского и Уральского регионов (Скрипкин, 1997, с. 216).

Все это не позволяет говорить о некоем едином пласте сарматских памятников II – I вв. до н. э., да еще соотносить их с прохоровской культурой. Элементы прохоровской культуры более очевидно сохраняются в Волго-Донском и Южно-Уральском регионе, ситуация в двух других районах в разной степени была другой. Миграционные

процессы, охватившие евразийские степи во II в. до н. э., сыграли разную роль в этнополитических процессах в каждом из указанных выше районов. Соотношение в них мигрантов и предшествующего населения было разным.

Это следует еще из того, что в античной литературе эти три района соотнесены с разными этноплеменными объединениями: Волго-Донской и, видимо, Южно-Уральский регионы с аорсами, Северный Кавказ — с сираками, Северное Причерноморье — с роксоланами (Strabo, VII, 3, 17; XI, 5, 8).

Литература

- Балабанова М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010. № 2. С. 65–77.
- Балабанова М. А. Дифференциация антропологического типа сарматского населения восточноевропейских степей // Stratum plus. 2018. № 4. С. 33–46.
- Балаханцев А. С. Надписи на фиалах из Прохоровки // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. С. 262–268.
- Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: б. и., 2010. 26 с.
- Дедюлькин А. В. О датировке эллинистических железных кирас из Южного Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научн. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». УАВ 14 / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 84–93.
- Заднепровский Ю. А. Древние номады Центральной Азии. СПб.: б. и., 1997. 115 с.
- Зуев В. Ю. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н. э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения профессора Михаила Илларионовича Артамонова. Тезисы докладов / Отв. ред. Г. И. Вилинбахова, А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 45–50.
- Зуев В. Ю. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. 1999а. № 3. С. 305–324.
- Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: б. и., 1999б. 24 с.
- Зуев В. Ю. Проблема хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΤΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2000. С. 304–330.
- Зуев В. Ю. О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Боспорский феномен. Греки и варвары на европейском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. кол. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 512–522.
- Клепиков В. М. К вопросу о проблемах хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. II / Отв. ред. В. Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 87–94.

- Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. В., Халяпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.
- Полин С. В. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // Древности. Исследования. Проблемы. Сб. статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Отв. ред. В. С. Синика, Р. А. Рабинович. Кишинев; Тирасполь: Stratum Plus, 2018. С. 267-288.
- Садыкова М. Х., Васильев В. Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В. К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 55–80.
- Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 396 с.
- Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: б. и., 2004. С. 134–173.
- Симоненко А. В. О сарматском завоевании Скифии // НАВ. 2018. Вып. 17, № 1. С. 27–49.
- Скрипкин А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // СА. 1980. № 1. С. 273–275.
- Скрипкин А. С. Анализ сарматских погребальных памятников III – I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. Раннесарматская культура (IV – I вв. до н. э.). М.: б. и., 1997. С. 131–211.
- Скрипкин А. С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II – I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В. Н. Мышкин. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000. С. 137–149.
- Скрипкин А. С. О происхождении мечей прохоровского типа // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 264–275.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.
- Скрипкин А. С. Кочевой мир Восточной Европы во II – I вв. до н. э. (восточные инновации, факты, причины, последствия) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. № 1 / Глав. ред. О. И. Тюменцев. Волгоград: ВолГУ, 2019. С. 20–34.
- Тохтасьев С. Р. Sauromatae — Sarmatae — Syrmatae // Херсонесский сборник. Вып. XIV / Глав. ред. С. Д. Крыжицкий. Севастополь: Издательский дом «Максим», 2005. С. 291–306.
- Трейстер М. Ю. Серебряные фиалы из Прохоровского кургана № 1 // Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. С. 269–279.
- Федоров В. К. Рец. на кн.: Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010 // РА. 2011. № 4. С. 155–177.
- Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 384 с.
- Яблонский Л. Т. На востоке скифской ойкумены М.: Грифон, 2017. 400 с.

Anatolii Skripkin

About the time of Sarmatian appearance and the cultural interpretation of Sarmatian sites in II – I centuries BC

Abstract

There exist two concepts of the genesis of the Early Sarmatian (Prokhorovka) culture. The traditional concept relates this event to the fourth century BC, though the alternative dates the spread of the culture in question to the second half of the second century BC. The materials of Prokhorovka cemetery have made an important contribution to the discussion. This site was excavated, primarily, by local residents in 1911, and then by professional archaeologists in 2003–2005. With new materials of this eponymic site, there are reasons to date its burial assemblages from the fourth and third centuries BC, interpreting them as early Sarmatian. Palaeoanthropological materials supply evidences that the nomadic population identified with the Sarmatians of the Volga–Don and Southern Ural regions continuously lived there from the middle to the end of the first millennium BC. The second century BC migration changed ethno-political state of Eastern Europe. There were three areas with different ratio of local population to migrants. The accounts of written sources allow one to relate them to specific ethno-political units of the nomads. The Aorsi occupied the tract from the Don to the Southern Ural area; the Siraci lived in the North Caucasus; and the Roxolani controlled the Northern Black Sea Area.

А. С. Скрипкин

О времени появления сарматов и культурной принадлежности сарматских памятников II – I вв. до н. э.

Резюме

Существуют две концепции о происхождении раннесарматской (прохоровской) культуры. Традиционная концепция относит это событие к IV в. до н. э., а согласно другой, распространение этой культуры приходится на вторую половину II в. до н. э. Материалы Прохоровского могильника играют существенную роль в дискуссии. Могильник впервые раскапывался местными жителями в 1911 г., а затем в ходе исследований 2003 – 2005 гг. Новые материалы этого эпонимного памятника позволяют датировать его погребальные комплексы IV – III вв. до н. э. и рассматривать их в качестве раннесарматских. Антропологические материалы свидетельствуют, что кочевое население, идентифицируемое с сарматами Волго-Донского и Южноуральского регионов, жило там без перерывов с середины I тыс. до н. э. до его конца. Миграция II в. до н. э. изменила этнополитическую ситуацию в Восточной Европе. Выделяются три региона, где соотношение местного населения и мигрантов было разным. По данным письменных источников, они соотносятся с определенными этно-политическими объединениями кочевников. Территорию от Дона до Южного Урала занимали аорсы, сираки жили на Северном Кавказе, а Северное Причерноморье принадлежало роксоланам.

А. А. Стоянова

Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма¹

Ключевые слова: Крым, могильники, зеркало, сарматы, римское время

Keywords: Crimea, cemeteries, mirror, Sarmatians, Roman period

Среди широко бытовавших в сарматском мире зеркал с боковой петлей выделяются неорнаментированные зеркала с утолщенным краем и коническим выступом в центре. А. М. Хазанов отнес такие находки из Поволжья и Прикубанья к раннему варианту типа IX и датировал их I – II вв. н. э. (Хазанов, 1963, с. 66). А. С. Скрипкин в своей классификации сарматских зеркал выделил экземпляры с конической выпуклостью в центре в тип б.10, сузив период их распространения в сарматских памятниках к востоку от Дона до I – начала II в. н. э. (Скрипкин, 1990, с. 95, 153). По классификации М. П. Абрамовой, они соответствуют варианту 1 северокавказских зеркал с боковой петлей (Абрамова, 1971, с. 126–127), И. И. Марченко, объединив типологии А. М. Хазанова и М. П. Абрамовой, относит

такие находки из Прикубанья к типу IX/1 (Марченко, 1996, с. 24). По наблюдениям исследователей, северокавказские зеркала связаны преимущественно с комплексами I в. н. э. А. А. Глухов, проанализировав находки из междуречья Дона и Волги, разделил зеркала типа б.10 на два варианта — неорнаментированные и с орнаментом на оборотной стороне (Глухов, 2005, с. 15). Немногочисленные находки зеркал с утолщенным краем и коническим выступом в центре в северопричерноморском регионе зафиксированы в погребениях среднесарматской культуры (Максименко, 1998, с. 131; Симоненко, 1993, с. 85; Симоненко, 1999, с. 13; Костенко, 1993, с. 113, рис. 8, 2; Глухов, 2005, с. 47, 48). Вопрос о генезисе зеркал-подвесок с коническим выступом в центре остается дискуссионным, хотя

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население предгорного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

большинство исследователей согласны с версией о северокавказском происхождении этих вещей (Скрипкин, 1990, с. 153; Виноградов, Петренко, 1976; Марченко, 1996, с. 27; обзор дискуссии с библиографией см.: Скрипкин, 1990, с. 146–148; Вагнер, 2012, с. 171, 172).

В крымских предгорных могильниках первых веков нашей эры зеркала с боковой петлей являются типичной находкой, однако до недавнего времени они не становились объектом специального исследования и рассматривались лишь в контексте публикации материалов отдельных комплексов или памятников. Анализу этих находок посвятил специальную статью А. А. Труфанов, выделив 8 вариантов зеркал по ряду морфологических признаков, основным из которых является толщина сечения изделия (Труфанов, 2007, с. 175, 176). Рассматриваемые в этой статье зеркала исследователь отнес к наиболее раннему варианту 1 (неорнаментированные массивные зеркала

с выступом в центре). В рамках варианта А. А. Труфанов выделяет три подварианта в соответствии с размерами зеркала, величиной центрального выступа и длиной боковой петли. Всего в работе учтены 11 экземпляров, причем четыре зеркала варианта 1-В («маленькие массивные зеркала с полусферическим выступом в центре или без него»), на наш взгляд, отнесены к варианту 1 некорректно, т. к. по своей форме они ближе к орнаментированным зеркалам других вариантов. Варианты 1-А (диаметром 4,5–6 см) и 1-Б (диаметром 3,5–4 см), по мнению А. А. Труфанова, формально схожи, что может свидетельствовать об их хронологической и генетической близости. Крупные зеркала автор предположительно датировал второй половиной I в. н. э., отмечая недостаточность данных для более уверенной датировки. Зеркал варианта 1-Б в выборке А. А. Труфанова всего три, связаны они с погребениями конца I – начала II в. н. э., II в. н. э. и конца II – первой половины

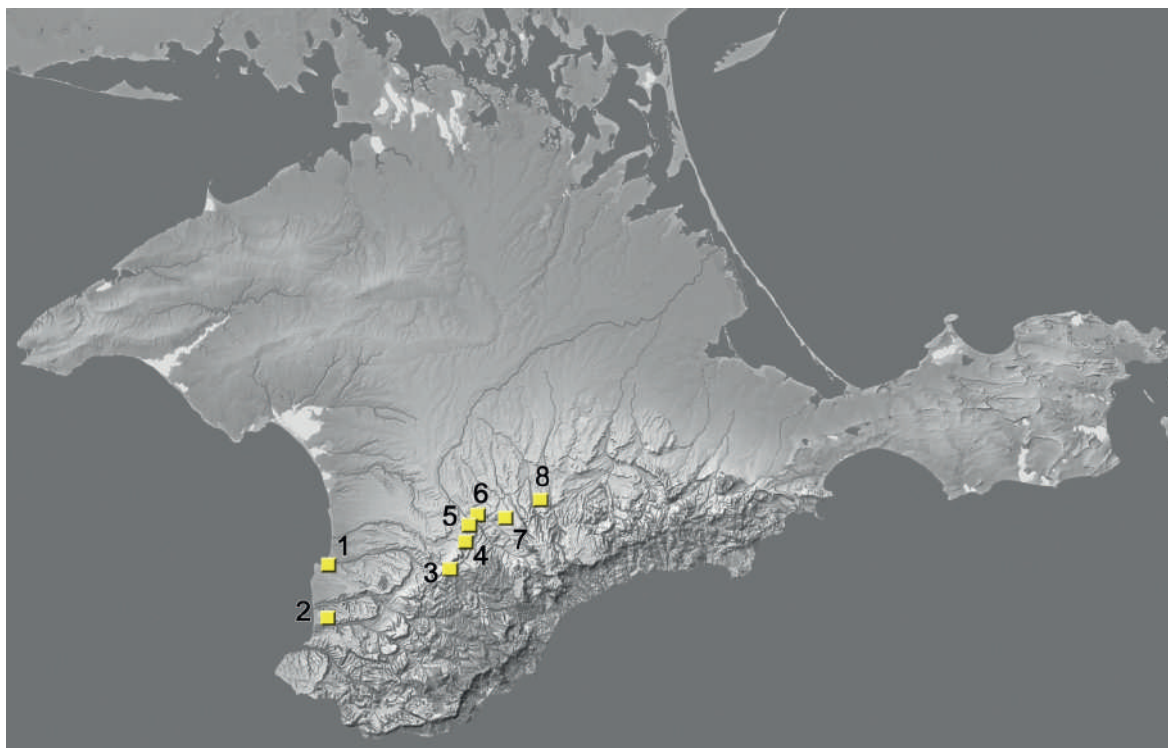

Рис. 1. Карта памятников Крыма, в которых найдены зеркала-подвески с утолщенным краем и центральным выступом: 1 — Усть-Альма; 2 — Бельбек IV; 3 — Саблы; 4 — Левадки; 5 — Неаполь скифский; 6 — Битак; 7 — Опушки; 8 — Нейзац

III в. н. э. Малочисленность приведенных А. А. Труфановым находок зеркал с центральным выступом в Крыму не позволила ему определить более или менее узкий период их бытования на полуострове. Попробуем еще раз рассмотреть крымские комплексы с такими зеркалами с учетом новых, в том числе ранее не публиковавшихся находок.

Всего в памятниках Крыма обнаружено 17 неорнаментированных зеркал с боковой петлей, валиком по краю и выступом в центре². Они происходят из семи грунтовых некрополей и одного кургана (рис. 1).

Зеркало из кургана у с. **Саблы** (рис. 2, 1). Курган был раскопан Н. И. Веселовским в 1891 г. Погребение в каменной гробнице оказалось разграблено, а кости с инвентарем были сдвинуты в одну кучу в угол камеры. Количество погребенных в кургане в публикации не указано (ОАК, 1981, с. 76). Наиболее полно материал из памятника опубликован Д. В. Журавлевым и К. Б. Фирсовым (Журавлев, Фирсов, 2001). Диаметр найденного в кургане зеркала — 6,0 см, в центре располагается выступ высотой 1,1 см, длина боковой петли — 2,2 см, отверстие расположено в нижней ее части (Журавлев, Фирсов, 2001, с. 224, рис. 1, 5). Авторы публикации датировали зеркало второй половиной I — началом II в. н. э. (Журавлев, Фирсов, 2001, с. 226), С. Г. Колтухов отнес находку к I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. (Колтухов, 2001, с. 62). В целом комплекс О. Д. Дашевской датирован I — II вв. н. э. (Дашевская, 1991, с. 53, № 34). Из хронологически значимых находок в состав инвентаря сабловского кургана входили две бронзовые лучковые подвязные фибулы. А. К. Амброз отнес обе фибулы к варианту 1, датировав его I в. н. э., преимущественно первой половиной столетия (Амброз, 1966, с. 48). В. В. Кропотов включил эти застёжки во 2-й вариант, ограничив время их бытования серединой

I в. — рубежом/началом II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 74, 86, № 104–105). Еще одну важную для датировки комплекса находку — бронзовый сосуд, от которого сохранилась ручка, — авторы публикации отнесли к первой половине I в. н. э. (Журавлев, Фирсов, 2001, с. 227, рис. 3).

В **могильнике Нейзац** обнаружены 4 зеркала рассматриваемого типа. Экземпляр из могилы № 178 (рис. 2, 2) сопровождал одно (верхнее) из двух погребений, совершенных в грунтовой могиле (Храпунов, Стоянова, 2014, с. 177, 178). Диаметр зеркала — 7,1 см, высота выступа в центре — 1,2 см, длина петли — 2,2 см. Предметов, позволяющих более или менее узко определить дату комплекса, кроме самого зеркала, в погребении нет. На верхнем костяке вместе с зеркалом располагалась бронзовая фибула с пластинчатым приемником, но отсутствие кнопки или завитка на его конце не дает возможности уверенно сопоставить застёжку с определенным типом и, соответственно, судить о времени ее попадания в могилу. На основании погребального инвентаря могилу № 178 можно отнести ко II в. н. э., наличие в ней рассматриваемого зеркала позволяет опустить верхнюю хронологическую границу погребения ближе к середине II в. н. э., но по ряду характерных черт связать комплекс с позднесарматской археологической культурой.

Фрагментированное зеркало сопровождало детское погребение в могиле № 578 (рис. 2, 6). Диаметр диска зеркала — 4,7 см, длина петли — 2,3 см, выступ полностью не сохранился. Кроме зеркала в погребении отсутствовали выразительные в хронологическом отношении вещи, поэтому дата комплекса — I — начало II в. н. э. — определена на основании времени бытования аналогичных зеркал на сопредельных с Крымом территориях (Храпунов, Стоянова, 2016, с. 206, 207, рис. 17, 1).

² В статье использованы неопубликованные материалы из могильников Нейзац и Опушки. Благодарю руководителя раскопок Игоря Николаевича Храпунова за возможность работать с находками из этих памятников.

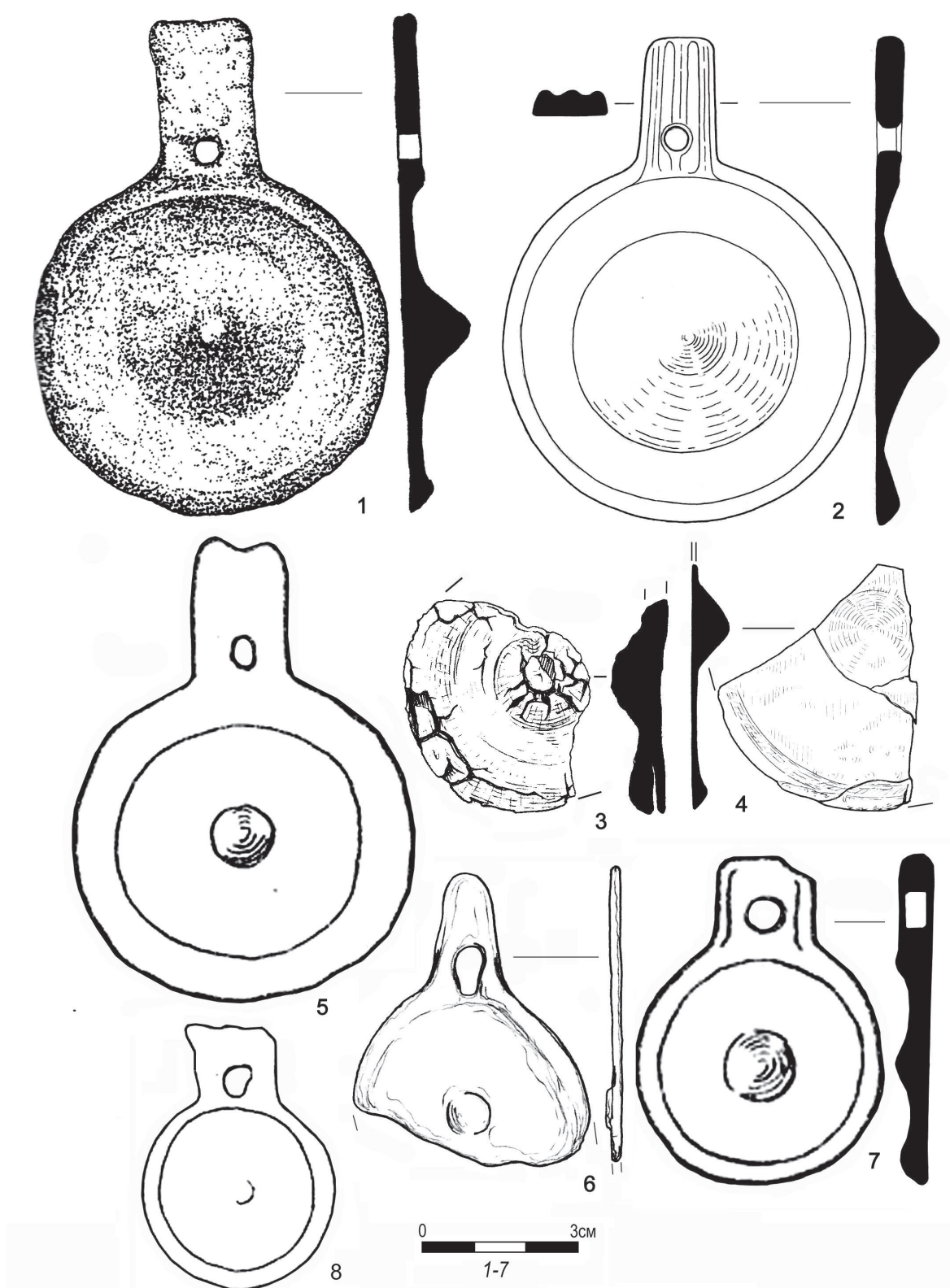

Рис. 2. Зеркала из крымских памятников: 1 — Саблы; 2 — Нейзац, мог. № 178;
 3 — Нейзац, мог. № 282; 4 — Нейзац, мог. № 208; 5 — Неаполь скифский, мог. № 79;
 6 — Нейзац, мог. № 578; 7 — Неаполь скифский, мог. № 70;
 8 — Неаполь скифский, случайная находка

Фрагмент зеркала диаметром 7 см с выступом высотой 0,8 см (рис. 2, 4) происходит из могилы № 208 с парным захоронением (Храпунов, 2007, с. 44, рис. 8, 27). Погребение 1, с которым связана находка, сопровождалось двумя фибулами — сильно профилированной причерноморского типа варианта 2, серии I группы 11 по А. К. Амброзу и одночленной лучковой подвязной. Время бытования сильно профилированных фибул во II в. н. э. не вызывает сомнений у исследователей (Амброз, 1966, с. 40; Скрипкин 1990, с. 111; Кропотов, 2010, с. 229–231), хотя в отдельных регионах отмечается их существование и во второй трети I в. н. э. (Косяненко, 1987, с. 45–49), и в первой половине III в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 231). Лучковую подвязную фибулу И. Н. Храпунов отнес к 4-му варианту серии 1 по А. К. Амброзу (Храпунов, 2007, с. 47). В. В. Кропотов эту же застежку включил в число фибул варианта 3 серии I группы 4, что соответствует 3-му варианту классификации А. К. Амброза (Кропотов, 2010, с. 101, № 298, с. 75). По всей видимости, В. В. Кропотов оказался прав в определении варианта фибулы, поскольку в таком случае снимается диссонанс, отмеченный И. Н. Храпуновым. Он заключается в том, что общепринятые хронологии фибул 4-го варианта (вторая половина II – первая половина III в. н. э.) и рассматриваемых в данной статье зеркал (I – начало II в. н. э.) противоречат факту находки этих вещей в одном закрытом комплексе. Предположение об очень длительном использовании зеркала, фрагмент которого оказался в погребении, датированном второй половиной II в. н. э., скорее ближе к середине столетия, теоретически решает это разногласие (Храпунов, 2007, с. 50, 51). Морфологически фибула из могилы № 208 действительно ближе к варианту 3, хотя она фрагментирована, а определение мягкости изгиба дужки, выступающим главным отличительным признаком фибул варианта 3 от застежек 4-го варианта, субъективно и зачастую неодно-

значно. Датировка фибул 3-го варианта в пределах II в. н. э., преимущественно его первой половины и середины, общепринята (Амброз, 1966, с. 49; Кропотов, 2010, с. 75). Таким образом, обе фибулы могли попасть в один комплекс в первой половине – середине II в. н. э.

Фрагмент еще одного зеркала с центральным выступом из Нейзацкого могильника сопровождал погребение в подбойной могиле № 282 (рис. 2, 3). Диаметр зеркала — 5,4 см, высота выступа — 1,0 см. Погребение сохранилось частично, инвентарь, кроме зеркала, представлен бусами, которые располагались на щиколотках ног погребенной. Определить дату комплекса уже, чем II – первая половина III в. н. э. на основании набора бус, типичного для женских погребений этого периода (Стоянова, 2011, с. 118–123), проблематично.

Три зеркала рассматриваемого типа происходят из Восточного некрополя **Неаполя скифского**. Одно из них, массивное, диаметром 6,8 см, с длинной боковой петлей (2,5 см) с отверстием в нижней части обнаружено в склепе 79 (рис. 2, 5), в котором были похоронены 27 человек (Махнева, 1967, с. 192, рис. 4, 10). Склеп частично ограблен, соотнести зеркало с конкретным погребенным не представляется возможным. О. А. Махнева датировала находку I в. н. э., весь комплекс — I – II вв. н. э. с возможным началом использования погребального сооружения в I в. до н. э. (Махнева, 1967, с. 196). Второе зеркало из Неапольского могильника найдено в подбойной могиле № 70 (рис. 1, 7). Диаметр зеркала — 4,3 см, высота выступа — 0,6 см, длина петли — 1,5 см, отверстие расположено в центре петли. Зеркало, видимо, сопровождало верхнее погребение. Могила датирована автором публикации I – II вв. н. э. (Сымонович, 1983, с. 69, 70, табл. XLII, 2), вещи, которые могли бы уточнить предложенную дату, в могиле отсутствуют. А. А. Труфанов отнес зеркало с центральным выступом к нижнему, более раннему погребению,

датировав материал из могилы II в. н. э. (Труфанов, 2007, с. 175).

Зеркало с центральным выступом присутствует среди предметов из дореволуционных раскопок и случайных находок на Неаполе (рис. 2, 8). Размеры его неясны, поскольку на приведенном в публикации рисунке масштаб отсутствует (Сымонович, 1983, рис. 5, 28).

В **могильнике Опушки** зеркало с центральным выступом происходит из склепа № 3. Диаметр диска — 5,5 см, высота выступа — 0,5 см, длина петли — 2,5 см, отверстие расположено в ее нижней части (рис. 3, 9). В склепе сохранились после ограбления 36 погребений в пять ярусов. Зеркало сопровождало одно из самых ранних погребений, расположенное в четвертом ярусе. Среди инвентаря, связанного с костяками этого уровня, имеются две фибулы — маленькая со сплошным приемником и шарнирная фибула-брошь. Определить точный тип и дату первой фибулы проблематично из-за ее фрагментарности. Вторая фибула со щитком в виде лунницы соответствует форме 6 группы 16 по классификации В. В. Кропотова. В римских провинциях аналогичные застёжки датируются в основном второй четвертью — серединой I в. н. э., на юге Восточной Европы, по мнению В. В. Кропотова, подобные фибулы известны в захоронениях второй половины I — начала II в. н. э. (Кропотов, 2010, с. 314). По наблюдениям В. В. Масякина, шарнирные фибулы-броши без эмали характерны для крымских комплексов I в. н. э. (Масякин, 2007, с. 129). Наиболее ранние погребения в склепе № 3 из Опушкинского могильника, вероятно, совершались в I в. до н. э. или на рубеже эр. Находки в склепе одночленных лучковых подвязных фибул 3-го варианта свидетельствуют о продолжении использования склепа до середины II в. н. э.

Одно зеркало рассматриваемого типа найдено в склепе № 75 **могильника Левадки** (рис. 3, 6). Диаметр диска составляет 5 см, высота выступа — 0,65 см, длина петли — 1,7 см, отверстие расположено в ниж-

ней части петельки на ее стыке с диском (Мульд, Кропотов, 2015, с. 120, рис. 4, 7). Склеп ограблен, среди инвентаря имеются две фрагментированные фибулы. Определить дату склепа точнее, чем I в. до н. э. — II в. н. э. проблематично.

В **могильнике Бельбек IV** зеркала с выступами в центре сопровождали два погребения. Диаметр диска зеркала из подбойной могилы № 125 (рис. 3, 2) 3,75 см, высота выступа — 0,8 см, длина ручки-петельки — 1,6 см, отверстие расположено в нижней части (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 75, 6). Определяющим для датировки погребения является краснолаковый кувшин формы 2.1, время бытования которой приходится на вторую половину I — первую половину II в. н. э., с возможным сужением этой даты до последней четверти I — начала/первой четверти II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 74, 75).

Второе бельбекское зеркало происходит из подбойной могилы № 158 (рис. 3, 3). Диаметр диска зеркала — 3,6 см, высота выступа — 0,8 см, длина петельки — 1,4 см (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 98, 6). Погребение сопровождалось краснолаковыми кувшином и кружкой, время бытования которых приходится, соответственно, на первую половину II в. н. э. и весь II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 78, форма 8; с. 91, форма 1), а также двумя чашами ESB. Одна из них соответствует форме Hayes-70, такие сосуды, в том числе в крымских комплексах, датируются второй половиной I в. н. э., несколько бельбекских сосудов Д. В. Журавлев связывает с погребениями первой половины II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 29, 30). Вторую чашу исследователь отнес к форме Hayes-74. Подобные сосуды из Пергама использовались в первой половине I в. н. э., Д. В. Журавлев предложил расширить датировку таких чаш до последней четверти I — первой четверти II в. н. э. с учетом хронологии таких изделий из Эфеса и находок из могильника Бельбек IV (Журавлев, 2010, с. 30). Обосновывая повышение верхних

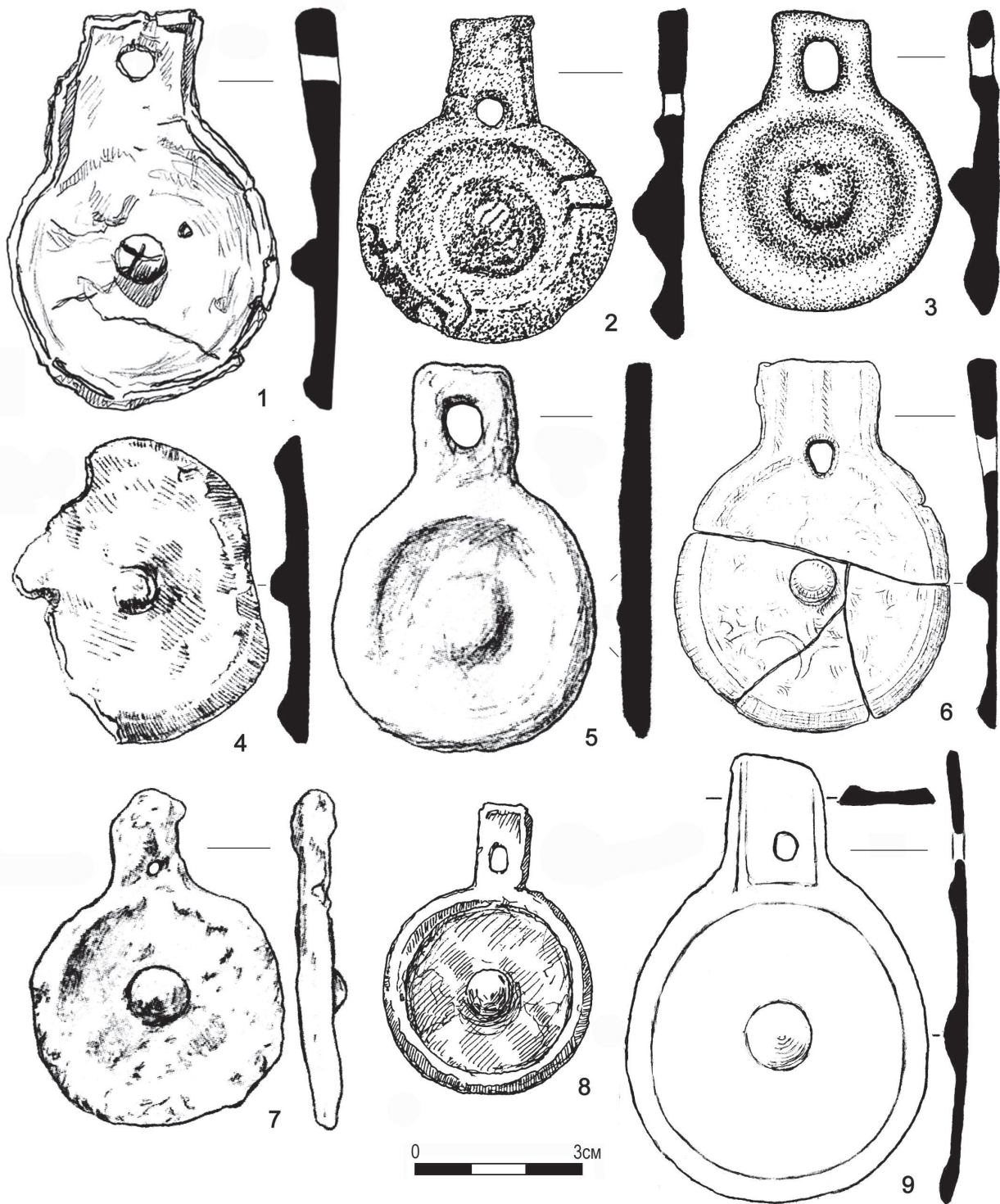

Рис. 3. Зеркала из крымских памятников: 1 — Усть-Альма, мог. № 977; 2 — Бельбек IV, мог. № 125; 3 — Бельбек IV, мог. № 158; 4 — Усть-Альма, мог. № 424; 5 — Битак, мог. № 87; 6 — Левадки, мог. № 75; 7 — Усть-Альма, мог. № 316; 8 — Усть-Альма, мог. № 290; 9 — Опушки, мог. № 3

хронологических границ существования чаш обеих форм, Д. В. Журавлев, в частности, ссылается и на находки из бельбекской могилы № 158, которую датировал первой половиной II в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 29; Гущина, Журавлев, 2016а, с. 152).

В **Усть-Альминском могильнике** обнаружено четыре зеркала, которые, судя по публикациям, можно уверенно отнести к рассматриваемому типу. Зеркало из склепа 977 (рис. 3, 1), в котором были похоронены 9 человек, в диаметре достигает 5,0 см, высота выступа — 0,8 см, длина петли — 2,3 см, отверстие расположено в верхней части петельки (Труфанов, 2015, с. 238, рис. 9, 18). Зеркало находилось на полу камеры склепа, между самыми ранними погребениями 8 и 9. Предметы, которые могли бы датировать эти захоронения, отсутствуют. Однако *terminus ante quem* для самых ранних погребений в склепе может дать шарнирная фибула, сопровождавшая погребение 7 из второго яруса захоронений, аналогии которой известны в комплексах второй половины I — начала II в. н. э. (Труфанов, 2015, с. 236). В целом комплекс авторами публикации датируется второй половиной I — первой половиной II в. н. э. (Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 22) или более узко, в пределах последней трети I — первой трети II в. н. э. (Труфанов, 2015, с. 238).

Два зеркала из Усть-Альминского могильника из могил 316 (рис. 3, 7) и 424 (рис. 3, 4) найдены, по данным А. Е. Пуздровского, в комплексах I — II вв. н. э. (Пуздровский, 2007, рис. 128, 4, 8), вероятно в склепах. Иных данных о содержавших эти зеркала погребениях нет, т. к. они полностью не опубликованы. Зеркало из усть-альминского склепа 290 (рис. 3, 8) А. А. Труфанов отнес к варианту 1-А, отметив, что оно не было «привязано» к какому-либо конкретному погребению (Труфанов, 2007, с. 175, рис. 1, 3).

Еще одно зеркало с выступом в центре найдено в **Битакском могильни-**

ке (рис. 3, 5). Комплекс не опубликован, об условиях находки можно судить по сообщению А. А. Труфанова, который датирует могилу № 87 концом II — первой половиной III в. н. э. по найденным в ней лучковым подвязным фибулам 4-го и 5-го вариантов (Труфанов, 2007, с. 175).

Все крымские зеркала происходят из скифо-сарматских памятников предгорного Крыма. Ни в Херсонесе, ни на Боспоре зеркал-подвесок с утолщенным краем и центральным выступом не найдено, по крайней мере, судя по публикациям. В отличие от орнаментированных зеркал с боковой петлей, которых в античных центрах известно немало. Правда, М. П. Абрамова сообщает о находке двух зеркал варианта 1 по ее классификации в Керчи, в могиле второй половины I в. н. э., раскопанной К. Е. Думбергом в 1900 г. (Абрамова, 1971, с. 128). Но в публикации отчета раскопок говорится лишь о том, что в погребении лежали два зеркала, описание их форм и рисунки не приводятся (Думберг, 1902, с. 50, № 53).

В тех случаях, где возможно определить пол погребенных по набору инвентаря или антропологическим данным, зеркала сопровождали женские захоронения, один раз — в могиле № 578 из Нейзацкого некрополя — полугодовалого ребенка. Зеркала располагались на груди умерших (2 раза), в районе таза (3 раза) и возле колена (1 раз).

Из 16 комплексов с зеркалами рассматриваемого типа более или менее узко на основании хронологически показательных предметов инвентаря (фибул, краснолаковой посуды) можно датировать только пять погребений (рис. 4). Поэтому определить время появления зеркал с центральным выступом в Крыму более точно, чем I в. н. э., проблематично. Но о том, что в регионе они бытовали как минимум до середины II в. н. э., а скорее всего — в течение всего II в. н. э., можно говорить уверенно. Датировка остальных комплексов не противоречит этому выводу. Вероятно, наиболее

поздней находкой можно считать экземпляр из могилы № 87 Битакского могильника, который, по замечанию А. А. Труфанова, представляет собой «уникальный и выпадающий из хронологической схемы» случай (Труфанов, 2007, с. 175), хотя не стоит игнорировать тот факт, что нижняя хронологическая граница комплекса все же захватывает II в. н. э.

Таким образом, в Крыму рассматриваемые зеркала распространяются почти в то же самое время, что и на других территориях, или чуть позже, но используются тут более длительный период. Подобная ситуация отмечается на территории Дагестана: по наблюдениям М. П. Абрамовой, два зеркала здесь также найдены в погребениях II в. н. э. (Абрамова, 1971, с. 126–127). С первой половины II в. н. э. у населения крымских предгорий широко распространяются орнаментированные зеркала-подвески, и какое-то время они сосуществуют с зеркалами рассматриваемого типа, встречаясь иногда совместно в составе инвентаря одного погребального комплекса. В подбойной могиле № 70 из некрополя Неаполя погребенного сопровождали два разнотипных зеркала (Сымонович, 1983, с. 69, 70). Подобная ситуация наблюдается в могиле № 208 из Нейзацкого некрополя, правда там фрагмент зеркала с центральным выступом и орнаментированное зеркало-подвеска относятся к разным погребениям, временной интервал между которыми установить вряд ли возможно (Храпунов, 2007, с. 51).

Зеркала рассматриваемого типа известны на обширной территории от Поволжья до Карпат, однако массовыми находками их назвать нельзя. Особая концентрация этих предметов наблюдается в памятниках Северного Кавказа, преимущественно в кобанских комплексах. В этом регионе, по данным В. В. Виноградова и В. А. Петренко, найдено 110 таких зеркал, сопровождавших, кроме кобанских, также меотские и сарматские погребения (Виноградов, Петренко, 1976, с. 47). На территориях

к востоку от Дона А. С. Скрипкин отмечает всего 7 экземпляров (Скрипкин, 1990, с. 95), А. А. Глухов, с учетом новых находок, только в погребениях междуречья Дона и Волги насчитывает 9 зеркал (Глухов, 2005, с. 15). Из северопричерноморских погребений среднесарматского времени происходит 11 экземпляров (Симоненко, 1999, с. 11), в более западных областях находки единичны (Вагсă, 2006, р. 364, fig. 127, 6). Такое распределение зеркал с центральным выступом является основным аргументом в пользу гипотезы об их северокавказском происхождении, кроме того, именно находки с Северного Кавказа достаточно убедительно демонстрируют линию трансформации этой формы зеркал в зеркала-подвески с орнаментом на тыльной стороне (Абрамова, 1971, с. 129–131). Большое количество зеркал с центральным выступом в позднекобанских памятниках позволило М. П. Абрамовой определить место их производства на территории кобанской культуры по образцу, заимствованному с территории Прикубанья (Абрамова, 1971, с. 131). Сама же форма зеркал-подвесок, по мнению некоторых исследователей, складывается в среде северокавказских сарматов, возможно, под влиянием меотов (Виноградов, Петренко, 1976, с. 46, 47; Марченко, 1996, с. 26, 27). Слабое распространение зеркал с центральным выступом среди населения волго-донских степей, по мнению В. В. Виноградова и В. А. Петренко, могло быть обусловлено сложными взаимоотношениями северокавказских сарматов со своими соплеменниками с соседних территорий (Виноградов, Петренко, 1976, с. 47). О том, что рассматриваемые зеркала на протяжении всего времени их использования в сарматской среде были редки и, соответственно, ценились больше зеркал других форм, может косвенно свидетельствовать тот факт, что в погребениях их, как правило, находят целыми. Более доступные изделия, например, орнаментированные зеркала-подвески и простые

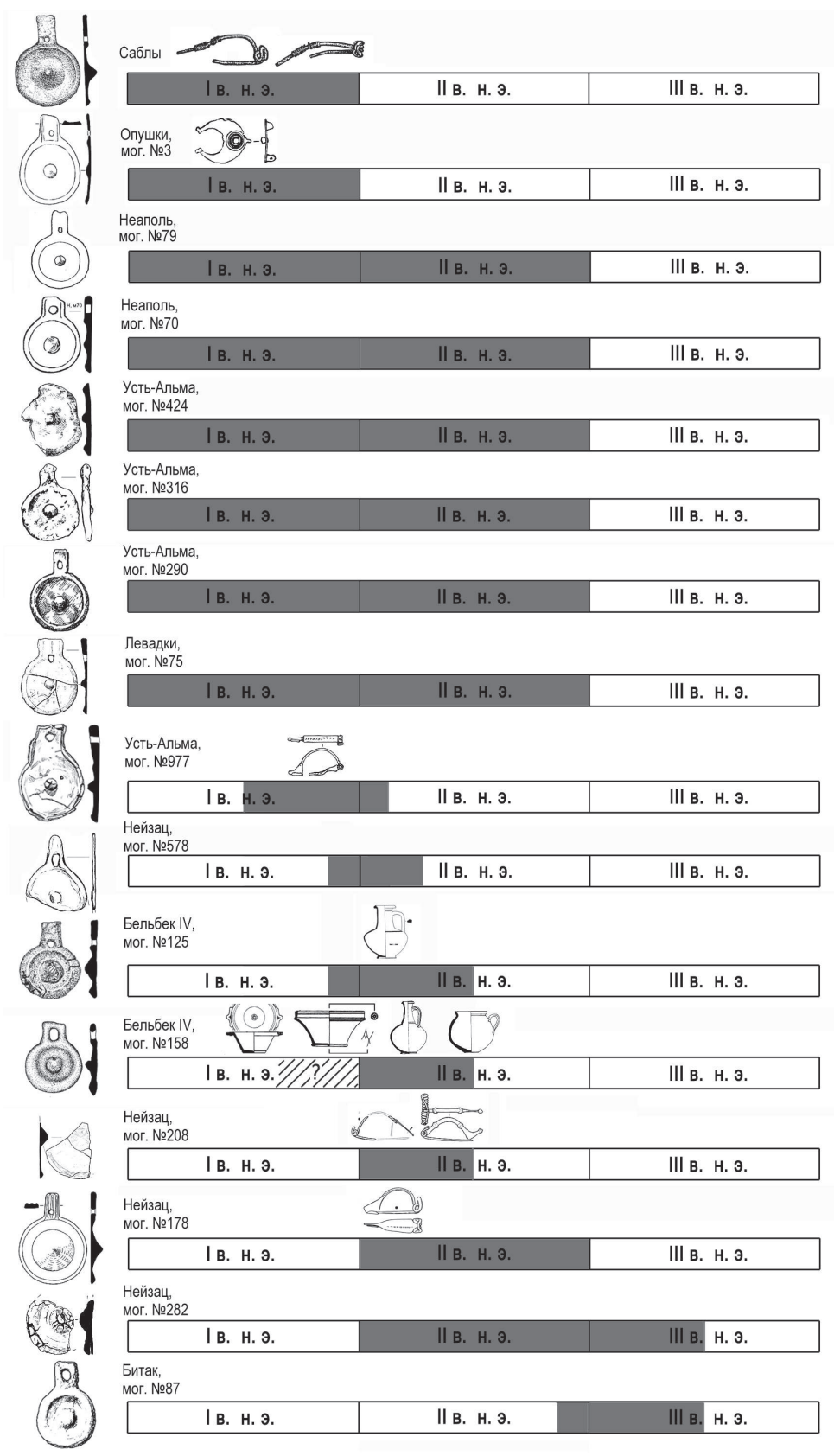

Рис. 4. Хронология крымских погребений с зеркалами-подвесками с утолщенным краем и центральным выступом

гладкие дисковидные зеркала, очень часто разбивали перед тем, как положить в могилу, или клали с погребенным только фрагмент зеркала (Труфанов, 2007, с. 179, 180; Глебов, 2011, с. 67).

Так или иначе, но некоторое количество неорнаментированных зеркал с утолщенным краем и центральной выпуклостью, морфологически достаточно однообразные, за довольно короткое время распространяется почти по всему ареалу сарматской культуры, и небольшое их число в I в. н. э. попадает к населению предгорного Крыма. По всей видимости, на полуостров эти предметы приносят сарматы, которые с первой половины I в. н. э. проникают в предгорья, вступая во взаимодействие с местным позднескифским населением. Вероятно, в это время контакты носили торговый или обменный характер, их результатом стало распространение в позднескифской среде отдельных предметов, характерных для сарматской культуры, и какая-то часть этих вещей попадала в могилы жителей позднескифских поселений. В этой связи интересно еще раз взглянуть на контекст находок некоторых зеркал. Половина изделий (8 штук) происходит из типичных для позднескифской культуры склепов с многократными погребениями. В некоторых из них, кроме зеркал, зафиксирован еще ряд вещей, бытовавших у сарматов (пряжки, фибулы, лепная курильница) (Махнева, 1967, рис. 3; Журавлев, Фирсов, 2001, с. 226), в других зеркало является единственной находкой «сарматского типа» среди погребального инвентаря (Труфанов, 2015). Именно со склепами связаны самые ранние находки таких зеркал в Крыму, насколько об этом позволяет судить небольшое число узкодатированных погребений с этими вещами (рис. 4). Как уже отмечалось выше,

в склепе № 3 из Опушкинского могильника и склепе № 977 из Усть-Альмы зеркала сопровождали захоронения нижних ярусов, совершенных сразу или почти сразу после сооружения склепа. Во II в. н. э. сооружение таких склепов прекращается, хотя хоронить в выкопанных ранее гробницах поздние скифы продолжают почти до конца столетия.

Зеркала из погребений, совершенных не ранее конца I в. н. э. (из могильников Нейзац, Бельбек IV, Битак), найдены в подбойных могилах, распространение которых в предгорном Крыму, по мнению большинства исследователей, связано с сарматами. В этих комплексах, как правило, зеркала с центральным выступом — не единственные вещи, характерные для среднесарматской или позднесарматской культур. Внимания заслуживает факт находки четырех зеркал рассматриваемого типа в Нейзацком могильнике, погребения в котором совершались во II – IV вв. н. э., а подавляющее их большинство относится к позднесарматской культуре, точнее ее крымскому варианту (Храпунов, 2011, с. 51, 52). В других некрополях, подобных Нейзацкому, зеркал-подвесок с центральной выпуклостью не обнаружено, возможно потому, что на них отсутствуют или еще не раскопаны ранние участки. В любом случае, для могильников типа Нейзацкого (подробнее о них см.: Храпунов, 2016, с. 123) рассматриваемые зеркала не могут считаться типичной находкой, в отличие от более поздних орнаментированных зеркал-подвесок. Обращает на себя внимание и тот факт, что три из четырех найденных в Нейзацком могильнике зеркал фрагментированы. Учитывая редкие случаи находок поломанных зеркал этого типа в погребениях, предположение об особенно длительном времени их использования в быту кажется не лишним оснований.

Литература

- Абрамова М. П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Европы по археологическим данным / Ред. С. М. Орешников. М.: Советская Россия, 1971. С. 121–132.
- Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука, 1966. 111 с. (САИ. Вып. Д 1–30).
- Вагнер Е. В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. 2012. № 1 (21). С. 168–176.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А. К происхождению сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа // КСИА. 1976. Вып. 148. С. 44–49.
- Глебов В. П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II – I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Отв. ред. Г. Г. Матишов, Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 63–87. (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III).
- Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. 240 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016а. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2-х ч. Ч. 2. М.: Исторический музей, 2016б. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 142 с. (САИ. Вып. Д 1-7).
- Думберг К. Е. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 году // ИАК. 1902. Вып. 2. С. 40–60.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010 (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы в Крыму / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 223–229. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Колтухов С. Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы в Крыму / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ, 2001. С. 59–70. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Костенко В. И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск: Издательство ДГУ, 1993. 152 с.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. 384 с.
- Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. 304 с. (Донские древности. Вып. 6).
- Марченко И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубанский гос. университет, 1996. 334 с.
- Масякин В. В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 125–138.

- Махнева О. А. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя скифского // Записки Одесского археологического общества. 1967. Том II (35). С. 191–196.
- Мульд С. А., Кропотов В. В. Позднескифский могильник Левадки в центральном Крыму (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 117–129. ОАК. 1891. СПб., 1983. 188 с.
- Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2. С. 45–63.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия III в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008 – 2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 308 с.
- Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993. 156 с.
- Симоненко О. В. Сарматы Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етнополітична історія. Автореф. дис. ... док. іст. наук. Киев, 1999. 36 с.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 300 с.
- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Издательство «Доля», 2011. С. 115–152.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 174 с.
- Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 173–186.
- Труфанов А. А. Склеп 977 из позднескифского Усть-Альминского могильника // История и археология Крыма. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: б. и., 2015. С. 232–249.
- Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–72.
- Храпунов И. Н. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 31–55.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–114.
- Храпунов И. Н. Население горного Крыма в позднеримское время // ВДИ. 2016. № 1. С. 118–134.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 176–199.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Первые погребения в могильнике Нейзац // История и археология Крыма. Вып. III / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 200–234.
- Barcă V. Istorie și civilizație. Sarmatiții în spațiul Est-Carpatic (sec. I A. Chr – începutul sec. II P. Chr.). Cluj-Napoca: Argonaut, 2006. 670 p.

Anastasiia Stoianova

On A Specific Type of Sarmatian Bronze Mirrors from the Crimea

Abstract

This paper addresses non-ornamented mirrors with side loop, edge border, and conical boss in the middle, which were discovered at the sites located in the Crimean foothill area and dated from the Roman period. These mirrors appeared in the Mid-Sarmatian culture and also among the peoples who lived in the zone of active contacts with the Sarmatians in the first and early second century AD. The finds of the kind belong to Anatolii Khazanov's early variant of type IX, Maia Abramova's variant 1 of pendant mirrors from the North Caucasus, and Anatolii Skriprin's type 6.10. In the Crimea, there are 17 finds of pendant mirrors featuring central boss. These finds originate from flat Scythian-Sarmatian cemeteries (Ust'-Al'ma, Scythian Neapolis, Bitak, Levadki, Bel'bek IV, Opushki, and Neizats) and from the barrow near Sably village. The mirrors mostly accompanied graves of women. Although in the Crimean peninsula they appeared in the first century AD, i. e. simultaneously with other areas, there they continued longer, at least to the mid-second century AD, and quite plausibly throughout the second century AD. Perhaps the Sarmatians introduced these artefacts to the Crimea. The mirrors found in burial vaults with multiple burials typical of local Late Scythian population from the first and second centuries AD suggest the contacts of the residents of the Crimean foothill area and the arriving Sarmatian tribes. Most likely, these contacts initially were trading or exchanging. The second-century AD undercut graves containing mirrors in the cemeteries of Neizats and Bel'bek IV belong to the Sarmatian culture.

А. А. Стоянова

Об одном типе сарматских бронзовых зеркал из Крыма

Резюме

В статье рассматриваются неорнаментированные зеркала с боковой петлей, валиком по краю и конической выпуклостью в центре, найденные в памятниках предгорного Крыма римского времени. Такие зеркала были распространены в среднесарматской культуре, а также у народов, проживавших в зонах активных контактов с сарматами, в I – начале II в. н. э. Эти находки относятся к раннему варианту типа IX по А. М. Хазанову, варианту 1 зеркал-подвесок с Северного Кавказа по типологии М. П. Абрамовой, типу 6.10 по классификации А. С. Скрипкина. В Крыму известно 17 зеркал-подвесок с центральным выступом. Они найдены в грунтовых скифо-сарматских могильниках (Усть-Альминский, Неапольский, Битакский, Левадки, Бельбек IV, Опушки, Нейзац) и в кургане у с. Саблы. Зеркала сопровождали в основном женские погребения. На полуострове они появляются, как и на других территориях, в I в. н. э., однако бытуют дольше, минимум до середины II в. н. э., а возможно и в течение всего II в. н. э. Вероятно, в Крым эти вещи приносят сарматы. Находки таких зеркал в склепах с многократными погребениями, традиционных для местного позднескифского населения в I – II вв. н. э., свидетельствуют о контактах жителей крымских предгорий с пришлыми сарматскими племенами. Скорее всего, эти контакты первоначально носили торговый или обменный характер. Погребения с зеркалами в подбойных могилах II в. н. э. из могильников Нейзац, Бельбек IV относятся к сарматской культуре.

А. Д. Таиров

Кочевники Южного Урала в Центральной Азии во времена Александра Македонского

Ключевые слова: *Южный Урал, Центральная Азия, даи, дахи, ранние кочевники, Александр Великий*

Keywords: *Southern Ural, Central Asia, daae, dahae, Early nomads, Aleksandr the Great*

В конце VI – начале V в. до н. э. на Южном Урале сформировалось крупное этно-потестарное объединение кочевников, состоящее из двух тесно связанных между собой, но достаточно самостоятельных «крыльев» или орд — зауральской и приуральской. Своего расцвета это объединение достигло в конце V – IV в. до н. э., после прихода новой волны номадов из Внутренней Азии, когда на Южном Урале сложилась «квазиимперская» государственноподобная структура. Это, вероятно, была иерархически организованная совокупность нескольких простых вожеств, подчиненных одному вождю («царю»). Простые вожества, входящие в эти структуры, представляли собой группу общин, иерархически подчиненных вождю из сильных и богатых аристократических родов (Таиров, 2009, с. 143; 2010, с. 249).

Кочевья приуральской, западной, орды простирались от предгорий Южного Урала и Бугульминско-Белебеевской возвышенности на севере до низовьев Эмбы, Мангышлака, Устюрта, низовьев Амударьи и границ Хорезма, мест их зимних пастбищ, на юге.

Летние кочевья зауральской, восточной, орды находились к югу от долины реки Миасс в пределах южной лесостепной и степной зон Южного Зауралья. Зимовали они, вероятнее всего, в Кызылкумах, на средней и нижней Сырдарье (по обеим ее берегам), в Северном и Северо-Восточном Приаралье (пески Большие и Малые Барсуки, Приаральские Каракумы), в предгорьях Каратау, низовьях Чу и Сарысу, т. е. вблизи Согдианы (Таиров, 2017, с. 88).

Более крупной и сильной была, без сомнения, приуральская орда, тесно связан-

ная с Хорезмом и Ахеменидской державой (Таиров, 2016, с. 277). Ее росту и усилению способствовало и передвижение в Приуралье в начале IV в. до н. э. части зауральских кочевников, включивших в свой состав отдельные группы зауральского лесостепного населения, носителей гороховской археологической культуры.

С начала IV в. до н. э. отмечается движение южноуральских кочевников к границам земледельческих оазисов Центральной (Средней) Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство или переходят к полуоседлому или оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали неблагоприятные климатические условия и относительная перенаселенность в степи и, что вполне допустимо, политика социальной верхушки кочевого общества, заинтересованного в продуктах земледелия и ремесла, в постоянном контроле земледельческого населения оазисов, особенно необходимом в периоды политической дестабилизации. Выделяются два основных направления этого движения. Номады зауральской орды, двигаясь вдоль Сырдарьи, выходят к границам Согдианы. Кочевники приуральской орды, прочно освоив Устюрт, начинают оседать у границ Хорезма (Таиров, 2005, с. 54–58; 2006, с. 73–76; 2014, с. 227–228; Балахванцев, 2016, с. 12–14, 16; 2017, с. 33–40). Таким образом, ко времени центральноазиатской кампании Александра Македонского южноуральские кочевники прочно освоили как восточные, так и западные окраины центральноазиатского междуречья.

Как отмечает Д. А. Щеглов, ключевым событием центральноазиатского похода Александра Македонского «был конфликт со «скифами» (один из местных кочевых народов), жившими на границе с Согдианой по Сырдарье». Источники не называют этнонима этого народа, а дают ему условные географические обозначения: европейские скифы; скифы, живущие за Танаисом; скифы, живущие у Танаиса; скифы

из Азии; самые северные из кочевников; даи, живущие на этой стороне Танаиса или даи с Танаиса (Щеглов, 2006, с. 287–288). Причем, описывая одни и те же события, разные источники по-разному называют фигурирующие в них народы.

Свидетельства античных источников позволяют, по мнению Д. А. Щеглова, отождествить «европейских скифов» с даями или дахами, «которые более всего известны тем, что в середине III в. до н. э. захватили Парфию и тем самым положили начало созданию Парфянской державы». Именно даи (скифы из-за Танаиса) оказываются главным источником военного напряжения в Центральной Азии (Щеглов, 2006, с. 292–295; см. также: Пьянков, 2002, с. 224). Но, как отмечалось выше, кочевниками, освоившими к тому времени пространства по Нижней и Средней Сырдарье вплоть до границ Согдианы, являлись южноуральские номады зауральской орды. Вероятнее всего, именно они и фигурируют в источниках под этнонимом «даи с Танаиса». К такому же выводу ранее пришел и И. В. Пьянков, отмечавший, что «дахи уже во времена Александра (а может быть, и Ксеркса) обладали землями от правобережья Средней Сырдарьи до Южного Зауралья, так как эти области всегда были связаны между собой в качестве места зимовий и летовок кочевников» (Пьянков, 2002, с. 226). Возможность обитания на средней Сырдарье какой-то группы «сарматоидного» населения, зафиксированной в источниках под именем «даи», допускают В. Н. Васильев и Н. С. Савельев (Васильев, Савельев, 1993, с. 13)¹.

После покорения Бактрии и вступления в 329 г. до н. э. в пределы Согдианы Александр, как сообщает Курций Руф, «к тем скифам, которые населяют Европу, он послал из [числа] друзей некоего Дерду передать им, чтобы они без разрешения царя не переходили являющуюся границей реку Танаис»². Таким образом, Александр лишает зауральских даев возможности исполь-

¹ Последний по времени обзор других вариантов локализации дахов см: Балахванцев, 2017, с. 29.

² Здесь и далее переводы источников взяты из работы Д. А. Щеглова (Щеглов, 2006).

зывать зимовочные территории на левобережье Танаиса (Сырдарьи)³. Возведение же Александрии-Эсхаты на границе кочевого мира и Согда не только способствует ослаблению контроля кочевников над этой территорией, но и создает плацдарм для проникновения македонцев в глубь степей. Как пишет Арриан, город «будет основан в удобном для похода на скифов месте, если он когда-нибудь состоится, и для защиты от набегов живущих по ту сторону реки варваров». Курций Руф также передает эту мысль: Александр «выбрал на берегу Танаиса место для основания города, [как бы] крепости для [удержания] как уже покоренных [земель], так и тех, в которые он решил вслед за тем проникнуть». Ради разрушения города зауральские даи и начинают войну: «царь скифов, держава которого простиралась по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее; он послал брата по имени Картасис с большим отрядом всадников разрушить [этот город] и отогнать македонское войско далеко от реки» — отмечает Курций Руф.

После ухода армии Александра к Танаису в Согдиане в 329 г. до н. э. вспыхивает восстание под предводительством Спитамена, в котором активное участие приняли отряды кочевников⁴. Ни одно предприятие Спитамена не обходилось без поддержки кочевников. Этими кочевниками были дахи и массагеты, которые в источниках, повествующих о восстании Спитамена, выступают как дахи, массагеты, скифы-кочевники или скифы (Щеглов, 2006, с. 295–310).

Однако, дахов Спитамена нельзя путать с даями с Танаиса, поскольку в античной традиции эти два народа всегда четко различались. Дахов Спитамена можно отождествить с кочевниками, которые вместе с массагетами жили близ границ Хорезма (Щеглов, 2006, с. 310–311), то есть на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи, там, где находились

зимние пастбища южноуральских номадов приуральской орды. Очевидно, что под этнонимом «дахи» в событиях, связанных с восстанием Спитамена, в источниках фигурирует приуральская орда этно-потестарного объединения южноуральских номадов конца V – IV в. до н. э.

Весь 328 г. до н. э. македоняне были заняты борьбой со Спитаменом. С приближением зимы Александр решил не идти на зимние квартиры в Бактрию, а зазимовать в Наутаке, поближе к театру военных действий. В Согдиане оставался Кен, которому были подчинены македонские части и бактрийско-согдийские формирования. Согласно Арриану, Александр поручает Кену «следить за страной и охранять ее и чтобы, если окажется, что зимой где-то бродит Спитамен, устроить ему засаду и захватить его».

Узнав, что Александр ушел в Наутаку, Спитамен прибывает в Баги (Габы), укрепление на границе между Согдианой и землями кочевников. Он вербует около трех тысяч воинов из числа обитавших здесь массагетов и приуральских дахов. Навстречу Спитамену выдвинулся Кен. В произошедшей битве победу одержали македонцы, уничтожившие до 800 вражеских всадников. Часть согдийцев и бактрийцев изменили Спитамену и перебежали к Кену. Тогда кочевники разграбили обозы бывших союзников и вместе со Спитаменом бежали в свои земли. Позже, узнав, что Александр готовит против них поход (по некоторым источникам, выступил в поход), приуральские дахи, чтобы отвратить вторжение в свои земли, убивают Спитамена, а его голову посылают македонскому царю (Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 255–263).

В действиях кочевников нет ничего «загадочного», по выражению Б. Г. Гафурова и Д. И. Цибукидиса, (Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 263). Летом, пока семьи и скот были на далеких от театра военных действий летовках в приуральских степях, дахи,

³ Одни из лучших зимних пастбищ, как отмечал С. Е. Толыбеков, издревле находились в Кызылкумах. Они отличаются тем, что на 80–90 % покрыты травой, а в зимние месяцы здесь не бывает сильных ветров, метелей и буранов. Скотоводы, зимовавшие в Кызылкумах, почти не знали джутов (Толыбеков, 1971, с. 520–521).

⁴ Как совершенно справедливо замечает Д. А. Щеглов, вполне вероятно существование глубокой взаимосвязи между этими событиями (Щеглов, 2006, с. 311).

ради военной доблести и добычи, поддерживали Спитамена. Зимой, когда семьи и скот обосновались на зимовках близ границ Согдианы и Хорезма, война оказалась «на пороге их дома». Рисковать всем ради Спитамена приуральские дахи, конечно же, не хотели. Поэтому, узнав о планировавшемся походе Александра в их земли, они нашли способ его предотвратить.

Таким образом, кочевые племена Южного Урала IV в. до н. э., чьи зимовочные территории находились близ границ Согдианы и Хорезма, в античных источниках фигурируют под этнонимом даи и дахи. И хотя зауральские и приуральские кочевники иногда выступают под одним и тем же этнонимом, тем не менее, древние авторы их достаточно хорошо различали. Опасения потерять

наиболее ценные для номадов зимние пастбища и обусловили конфликт между зауральскими кочевниками (даи с Танаиса) и македонцами. В свете же опасения приуральских дахов за свои зимние кочевья на Устюрте и в низовьях Амударьи следует рассматривать «загадочное» убийство Спитамена и посылку его головы Александру.

В дальнейшем, вероятнее всего, приуральские дахи приняли участие в качестве «союзников» в Индийской кампании Александра Македонского (Васильев, Савельев, 1993, с. 10; Щеглов, 2006, с. 311; Клейменов, Иванов, 2018, с. 125–126).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Литература

- Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV – II вв. до н. э. (по данным археологии) // РА. 2016. № 1. С. 11–24.
- Балахванцев А. С. Политическая история ранней Парфии. М.: ИВ РАН, 2017. 192 с.
- Васильев В. Н., Савельев Н. С. Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа: БГОМ, 1993. 18 с.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1980. 456 с.
- Клейменов А. А., Иванов С. С. «Со мной будут скифы...»: среднеазиатские конные лучники в армии Александра Македонского // ПИФК. 2018. № 1 (59). С. 123–145.
- Пьянков И. В. Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. 1994. № 4. С. 191–207.
- Пьянков И. В. Рец.: Marek J. Olbrycht. Parthia et ultiores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. Munchen, 1998. VII, 337 S. Anhang: Karten (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. Bd 30) // ВДИ. 2002. № 3. С. 219–228.
- Таиров А. Д. Кочевники Арало-Каспия и Хорезм в V – IV вв. до н. э. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2005. № 1 (5). С. 53–63.
- Таиров А. Д. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н. э. // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 137–148.
- Таиров А. Д. Население пограничья степи и лесостепи Южного Зауралья в I тыс. до н. э. (по материалам могильника Кичигино I) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания. 11–16 октября 2010 г. Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2010. С. 248–249.

- Таиров А. Д. Южное Зауралье в раннесакское и савроматское время // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 275–279.
- Таиров А. Д. Кочевники Южного Зауралья и «сарматы» Средней Азии // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; Центр «Наследие», 2014. С. 223–234.
- Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII – VI вв. до н. э. Астана: Казак ғылыми-зерттеу медениет институтының баспа тобы, 2017. 392 с.
- Толыбеков С. Е. Кочевое хозяйство казахов в XVII – начале XX вв. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1971. 635 с.
- Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого // Записки восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО). Новая серия. 2006. Т. II (XXVII). С. 276–316.

Aleksandr Tairov

**Nomads of Southern Urals in the Central Asia at the time
of Aleksandr the Great**

Abstract

Ethno-potestarity community of Southern Urals nomads consist of two groups: trans-uralian and cis-uralian. In the fourth century BC Trans-Urals nomads went to the borders of Sogdiana, while Cis-Urals nomads consolidated near Khoresm frontiers. At the time of Aleksandr the Great ruling Trans-Urals nomads passed by the name of Daae and Cis-Urals nomads called by the name Dahae. Both Southern Urals nomadic groups took an active part at the events of Central Asia campaign of Aleksandr the Great.

А. Д. Таиров

**Кочевники Южного Урала в Центральной Азии
во времена Александра Македонского**

Резюме

Этно-потестарное объединение кочевников Южного Урала состояло из двух частей — приуральской и зауральской. В IV в. до н. э. зауральские номады выходят к границам Согдианы, а приуральские кочевники закрепляются у границ Хорезма. Ко времени Александра Македонского зауральские номады становятся известными под именами даи, а приуральские фигурируют как дахи. Обе группы южноуральских номадов приняли активное участие в событиях центральноазиатского похода Александра Великого.

М. Ю. Трейстер

Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н. э.¹

Ключевые слова: *стеклянные скифосы, сарматы, Парфия, междуречье Дона и Волги, Есауловский Аксай, могильники Октябрьский, Жутово*

Keywords: *glass skyphoi, Sarmatians, Parthia, interfluve of Don and Volga rivers, Esaulovskiy Aksay, necropoleis Oktyab'skiy, Zhutovo*

Литые стеклянные скифосы конца II в. до н. э. – первой половины I в. н. э., особенно широко представленные находками в Прикубанье, уже неоднократно привлекали внимание исследователей (Смирнов, 1953, с. 17–22; Oliver, 1967, p. 13–33; Засецкая, Марченко, 1995, с. 90–104; Nenna, 1999, p. 100–101; von Saldern, 2004, S. 145–147; Marčenko, Limberis, 2008, S. 292–298, 325, Abb. 20; Weinberg, Stern, 2009, p. 54–55; Löbbing, 2015, S. 26–27).

Находки из Волго-Донского междуречья исследователями не рассматривались (рис. 1, 2). Лишь скифосы из погребения № 2 кургана № 20/1982 могильника Новый на р. Сал (Ильюков, Власкин, 1992, с. 42, 45, рис. 7, 7–9) (рис. 2; 3, 4) были отнесены по детальной классификации, разработанной И. П. Засецкой, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис (Засецкая, Марченко, 1995, с. 90–104; Marčenko, Limberis, 2008, S. 292–298), к типам IIIa и IIIb, датирован-

¹ Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б. А. Раев. Соответственно, данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов, из которых представлены здесь: А. Г. Язовских (Ростовский областной музей краеведения), Н. В. Хабаровой†, А. В. Жадаевой (Волгоградский областной музей краеведения).

ным первой половиной I в. н. э. (Засецкая, Марченко, 1995, с. 96–97, 104, № 42–44)². Среди последних — скифос зеленоватого стекла (рис. 1, 1) из погребения № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 150, № 5, рис. 3, 5; Кияшко, Мыськов, 2000, с. 47, № 5; Археологическое наследие, 2013, с. 110, илл. в центре слева, № 217), фрагмент стенки скифоса зеленоватого стекла с отбитой в древности ручкой из ограбленного погребения в кургане № 28/1965 у с. Жутово (Кропоткин, 1970, с. 101, 102, № 898; Шилов, 1974, с. 62; 1975, с. 150), фрагментированный скифос из погребения № 1 кургана № 1/1993 могильника Октябрьский-II (рис. 3, 3) (Мордвинцева, Мыськов, 1999, с. 184, рис. 4, 9), нижняя часть скифоса без ручек из погребения № 1, кургана № 3/2006 могильника Аксай-III (не опубликован), а также ручки (в том числе с частью стенок), найденные в насыпи кургана № 72/1974 в Жутово (рис. 3, 1) (Мордвинцева, 1993, с. 129, рис. 4, б) и погребения № 5 кургана № 4/1992 могильника Антонов-I (рис. 3, 2) (Мамонтов, 1994, с. 32, рис. 10, 3). Еще одна отбитая ручка, но стекла более интенсивного зеленого цвета, происходит из расположенного также в междуречье Дона и Волги, к северу от Есауловского Аксая, могильника Вербовский-III (курган № 8/2012, погребение № 2) (не опубликован).

Чрезвычайно важны для датировки таких скифосов морфологические характеристики ручек (Засецкая, Марченко, 1995, с. 92; Marčenko, Limberis, 2008, с. 295). Ручка скифоса из могильника Октябрьский-V по своей форме и особенно по перелому (ребру) на дуговидном кольце (рис. 1, 1) однозначно относится к варианту 3. По форме тулова скифос относится к типу IIa, по указанной выше классификации; одна из

двух включенных в этот тип и вариант (IIa, 3) находок — скифос из погребения № 9/1991 в Цемдолине (Malyšev, Treister, 1994, S. 61, Nr. 17; 62, Abb. 21; Taf. 4, 1; Malyshev, Treister, 1994, p. 32, 36, fig. 9a; Marčenko, Limberis, 2008, S. 297, 346, Nr. 32.4, Taf. 60, 2; Малышев, Шишлов, 2010, с. 161, рис. 6), могиле, датированной многочисленными импортами августовского времени (Malyšev, Treister, 1994, S. 63; Malyshev, Treister, 1994, p. 32).

Прекращение поступления таких сосудов на Северный Кавказ исследователи связывали с ситуацией, сложившейся в результате римско-боспорской войны 45 – 49 г. н. э. (Засецкая, Марченко, 1995, с. 101), а появление скифосов групп IIa, 3, IIIa, 3, IIIb, 2 в Прикубанье с участием сарматов в походе 35 г. н. э. в Закавказье (Засецкая, Марченко, 1995, с. 101; Marčenko, Limberis, 2008, S. 325–326). Обращает на себя внимание полное отсутствие находок таких скифосов в богатых погребениях кочевников Нижнего Дона, датирующихся временем не ранее второй половины I в. н. э., что косвенно подтверждает высказанное И. П. Засецкой и И. И. Марченко предположение об их распространении не позднее первой половины столетия.

О том, что такие стеклянные скифосы могли поступать к кочевникам партиями из одного центра, свидетельствуют анализы их материала и особенная близость его у трех скифосов из могильника у хут. Новый (рис. 2; 3, 4) и одного фрагмента — из кургана № 72/1974 у с. Жутово (рис. 3, 1)³.

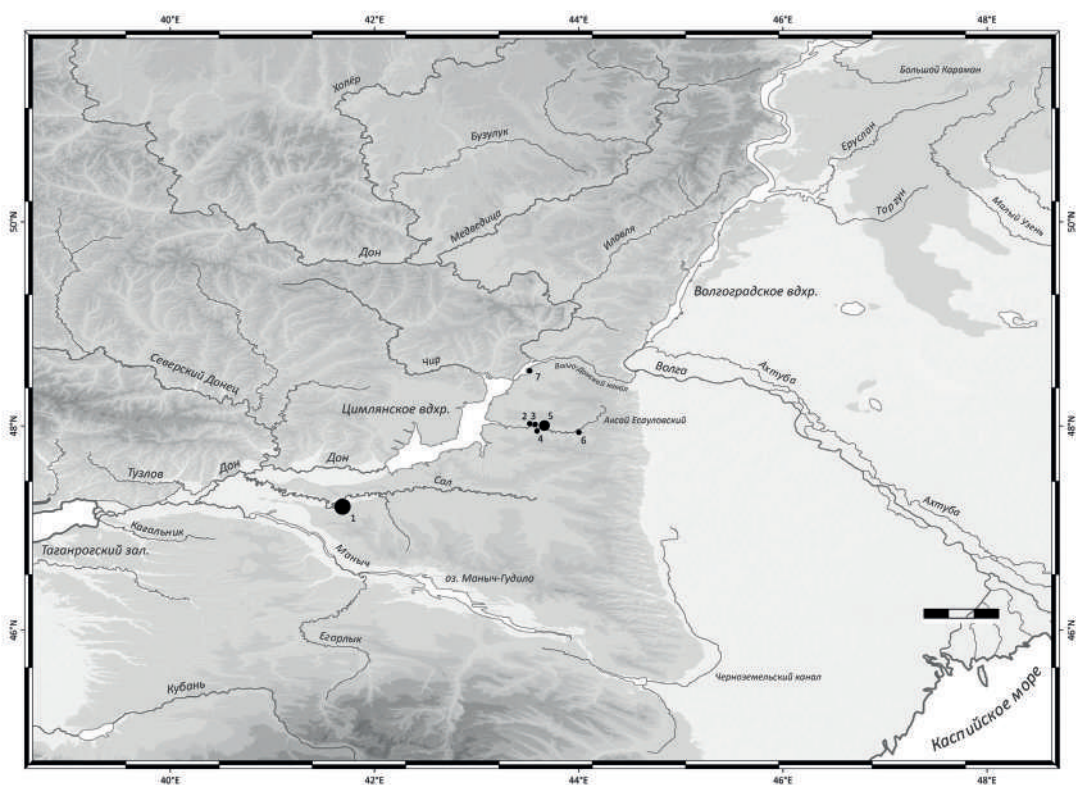
Где именно такой центр находился, сказать трудно. Предполагается, что мастерские, в которых изготавливались рассматриваемые сосуды, существовали в Сирии и Палестине, а также в Центральной и Северной Италии (von Saldern, 2004, S. 147;

² При этом было ошибочно обозначено, что все три скифоса происходят из кургана № 2. На самом деле, все три сосуда были найдены в погребении № 2 кургана № 20/1982. (См. о датировке этих типов скифосов первой половиной I в. н. э. также: Глухов, 2005, с. 49, 163, рис. 18, 1. 3–4; Marčenko, Limberis, 2008, S. 297).

³ Заключение, к которому пришли исследователи Римско-Германского центрального музея в Майнце в статье, подготовленной для материалов проекта: S. Greiff, S. Hartmann, Die chemische Zusammensetzung von Glasgefäßen aus Gräbern des asiatisch en Sarmatiens.

1

2

Рис. 1. 1 — скифос стеклянный, Октябрьский-V. Курган № 1/1995. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. № 30200/8. Общие виды. Фото М. Ю. Трейстера, 2015;
 2 — находки литых в формах стеклянных скифосов в Волго-Донском междуречье;
 1 — Новый, 2 — Октябрьский-II, 3 — Антонов-I, 4 — Октябрьский-V, 5 — Жутово, 6 — Аксай-III,
 7 — Вербовский-III. Подоснова (Г. П. Гарбузов), карта (М. Ю. Трейстер)

Рис. 2. Скифосы стеклянные. Новый. Курган № 20/1982. Погребение № 2. Ростов-на-Дону, РОМК.
 1 — инв. № 21730; 2 — инв. № 21729. Общие виды. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Рис. 3. Скифосы стеклянные. 1–3 — Волгоград, ВОКМ; 4 — Ростов-на-Дону, РОМК.
 1 — Жутово. Курган № 72/1974. Насыпь, инв. № 14245/79;
 2 — могильник Антонов-І. Курган № 4/1992. Погребение № 5, инв. № НВ-8108/3; 3 — Октябрьский-ІІ.
 Курган № 1/1993. Погребение № 1, инв. № 29152/4; 4 — Новый. Курган № 20/1982.
 Погребение № 2, инв. № 21731. Общие виды. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Löbbing, 2015, S. 26–27)⁴. Судя по сводке, опубликованной в 1995 г. И. П. Засецкой и И. И. Марченко, за исключением сравнительно редких находок в Южной Италии, Малой Азии и единичной находки в Англии, литые скифосы преобладают количественно в сарматских и меотских погребениях Прикубанья. Из учтенных И. П. Засецкой и И. И. Марченко (1995, с. 103–104) 45 сосудов, 28 сосудов происходят из Прикубанья (Marčenko, Limberis, 2008, S. 294, Karte 7)⁵. Добавим к сводке, опубликованной в 1995 г., не вошедшие в нее довольно многочисленные находки из Греции и Восточного Средиземноморья, с учетом которых общая доля находок в Восточном Средиземноморье и Малой Азии существенно возрастает⁶ и, как теперь становится ясно, вторая по количеству группа находок происходит из кочевнических погребений в районе междуречья Дона и Волги (рис. 1, 2), при этом в отличие от Прикубанья здесь совсем (или почти совсем) не представлены находки, которые можно было бы датировать ранее первой половины I в. н. э.

Отметим, что в Волго-Донском междуречье рассматриваемые стеклянные скифосы найдены в том числе в самых богатых погребениях, содержащих находки серебряной посуды парфянского круга, в частности, в погребении № 1 кургана № 1/1995 могильника Октябрьский-V (Мыськов, Кияшко, Скрипкин, 1999, с. 149–167; Кияшко, Мыськов, 2000, с. 46–60; Скрипкин, Мыськов, 2009, с. 245–255) и в одной из нетронутых

грабителями ниш в кургане № 28/1965 у с. Жутово (Кропоткин, 1970, с. 86, № 729, рис. 45; Шилов, 1974, с. 61, 62, рис. 1; 1975, с. 150, 151, рис. 58, 1; Мордвинцева, 2000, с. 144–153; Cat. Rome, 2005, p. 160–165, nos. 135–140; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, с. 29–30, № А72.1–8; Археологическое наследие, 2013, с. 109 (илл.), 113, 123, № 3, илл.), который был датирован автором раскопок первой половиной I в. н. э. (Шилов, 1974, с. 62; 1975, с. 150; 1983, с. 45). Вероятно, наиболее поздним из датируемых в этом комплексе сосудов является серебряный скифос (Кропоткин, 1970, с. 86, № 729, рис. 45, 6; Шилов, 1974, с. 62, рис. 1, 5; 1975, с. 150, рис. 58, 1; Мордвинцева, 2000, с. 148, рис. 4; Cat. Rome, 2005, p. 162, 163, no. 138; Трейстер, 2007, с. 22, 23; Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. 2, с. 29, 30, № А72.1; Археологическое наследие, 2013, с. 123, № 3, илл.), который, вероятнее всего, следует датировать не позднее конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. (Трейстер, 2007, с. 22, 23)⁷, а не временем Тиберия–Клавдия, как предполагал В. П. Шилов (1974, с. 62, 63). Более того, есть все основания предполагать, что именно такие серебряные скифосы, находки которых в Северном Причерноморье происходят также из Соколовой могилы, кургана Хохлач, погребения № 3 кургана № 12/1982 у хут. Новый (Трейстер, 2007, с. 22, 23), и послужили прототипами стеклянных (Löbbing, 2015, S. 27, 28), типа найденного в погребении могильника Октябрьский-V (рис. 1, 1), а ребро в центральной части

⁴ Ср. Засецкая, Марченко, 1995, с. 100, заключение Ю. Л. Щаповой, на основании проведенных ею анализов стекла: «прибрежные районы Сирии».

⁵ См. также новые находки таких скифосов в погребении I в. до н. э. № 11 кургана № 2/2015 могильника Дядьковский 45 в Прикубанье (Глебов, Гордин, 2016, с. 285, 287, рис. 2, 1), погребении № 62 кургана № 1/2012 могильника Псенафа II — I вв. до н. э. (Кат. Майкоп, 2014, с. 116–117, № 216) и в кургане № 3 на оз. Четук (Беглова, 2010, с. 414–415, рис. 8, 1).

⁶ Три скифоса из кораблекрушения у о. Антикиферы (Avronidaki, 2012, p. 135–136, nos. 96–98), пять фрагментов с о. Делос (Nenna, 1999, p. 100, 101, nos. C269–273, pl. 31), четыре фрагмента с Афинской агоры (Weinberg, Stern, 2009, p. 54, 55, nos. 109–112, pl. 10), четыре из Малой Азии (Nenna, 1999, p. 100, note 140), единичные находки на Книде, в Иерусалиме и в Кноссе (Nenna, 1999, p. 100; Kelly, 2012, p. 378, pls. 18, 12; 25, 15; 514, type plate 12; Muza Eretz Israel Museum Tel-Aviv, ICMS_EIM_MHG2.2012). См. также скифосы неизвестного происхождения (Christie's New York, 8 June 2004, lot 11; Moussaieff Collection, 2016, p. 9, lot 207; Bonhams. London, Antiquities, 6 Jul 2017, lot 183).

⁷ В дополнение к написанному, укажу, что, и по мнению Й. Горецки, близкий жутовскому скифос из Хохлача датируется еще в рамках I в. до н. э. — он приходит к выводу о возможности изготовления всего набора серебряных сосудов из Хохлача в мастерской понтийско-малоазийского региона в конце I в. до н. э. (Banghard, Gorecki, 2004, S. 143, 144).

кольца ручки имитировало выступ на этой же части кольца ручки серебряного скифоса, найденного в Жутово. Существуют многочисленные примеры, начиная, по крайней мере, с эллинистической эпохи, воспроизведений форм серебряных сосудов в более дешевых материалах: стекле и керамике и публикуемые скифосы не были исключением. Интересно, что из рассматриваемого нами региона происходят и два краснолаковых скифоса такой формы: из кургана № 28 у х. Новый (Ильюков, Власкин, 1992, с. 51, 52, рис. 10, 5) и погребения № 1 кургана № 12/1984 могильника Первомайский-VII (Мордвинцева, 1993, с. 127, рис. 3, 1; Мамонтов, 2000, с. 14, рис. 15, 4).

Если рассматривать данные стеклянные скифосы в качестве дешевых имитаций серебряных, есть все основания действительно трактовать их, например,

в качестве одного из вида массовых даров (платы за службу) во время участия кочевников в иберо-парфянском конфликте 35 г. н. э. (Rostovtzeff, 1936, p. 95; Bosworth, 1977, p. 221; Виноградов, 1994, с. 159–163; Olbrycht, 1998, S. 145–151, 173–175; 2009, S. 548; Габуев, 1999, с. 29–31; Перевалов, 2014, с. 8; Туаллагов, 2014, с. 15–64; Dan, 2017, p. 103, note 17; Скрипкин, 2017, с. 204, 205) и рассматривать регион бассейна р. Есауловский Аксай в качестве места расселения одного из участвовавших в конфликте 35 г. н. э. в Закавказье племен кочевников (см. подробнее: Трейстер, в печати). То обстоятельство, что достоверные находки рассматриваемых скифосов на Боспоре неизвестны⁸, косвенно подтверждает возможность их поступления напрямую из Восточного Средиземноморья и Малой Азии через Закавказье.

Литература

- Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.
- Беглова Е. А. Государственный музей народов Востока. Эллинистический и римский периоды // АНК 3. С. 410–422.
- Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 151–170.
- Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иристон, 1999. 148 с.
- Глебов В. П., Гордин И. А. Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22 – 25 ноября 2016 г.) / Ред. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2016. С. 282–292.
- Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. 240 с.
- Засецкая И. П., Марченко И. И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1995. Вып. 32. С. 90–104.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону: Ростовский Гос. Университет, 1992. 288 с.

⁸ Несколько сосудов — все из старых музейных коллекций — в графе происхождение имеют обозначение «Керчь» (Засецкая, Марченко, 1995, с. 103, № 19, 21, 24), однако, скорее всего, так могло обозначаться место покупки сосуда. Ни одной достоверной находки в археологических раскопках некрополей Боспора, мне не известно.

- Кат. Майкоп. Эрлих В. Р. Древности «долины яблонь». Москва: Гос. музей Востока, 2014. 144 с.
- Кияшко А. В., Мыськов Е. П. Ритуал элитного сарматского погребения на реке Есауловский Аксай (предварительное исследование) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 46–60. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) М.: Наука, 1970. 280 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Малышев А. А., Шишлов А. В. Новороссийский исторический музей-заповедник // АНК 3. С. 158–166.
- Мамонтов В. И. Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4 / Ред. В. И. Мамонтов. Волгоград: ВолГПУ, 1994. С. 15–46.
- Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.
- Мордвинцева В. И. Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3 / Ред. В. И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 123–132.
- Мордвинцева В. И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // РА. 2000. № 1. С. 144–153.
- Мордвинцева В. И., Мыськов Е. П. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский // Археологические вести. 1999. Вып. 6. С. 179–191.
- Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Тома 1–3. Симферополь; Бонн: Тарпан, 2007. 388 с., 255 с., 204 с.
- Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // НАВ. 1999. Вып. 2. С. 149–167.
- Перевалов С. М. Аланы: мираж кочевой империи // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Вып. 14.2. С. 1–9.
- Скрипкин А. С. Сарматы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 293 с.
- Смирнов К. Ф. Северский курган. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1953. 41 с. (Памятники культуры XI).
- Трейстер М. Ю. Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // ВДИ (в печати).
- Туаллагов А. А. Аланы Придарьяля и закавказские походы I – II вв. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 232 с.
- Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 60–65.
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Ленинград: Наука, 1975. 208 с.
- Avronidaki C. The Glassware // The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition catalogue / Eds. N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2012. P. 132–145.

- Banghard K., Gorecki J. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr // Saalburg-Jahrbuch. 2004. Bd. 54. S. 119–150.
- Bosworth A. B. Arrian and the Alani // Harvard Studies in Classical Philology. 1977. Vol. 81. P. 217–255.
- Cat. Rome. I Tesori della steppa di Astrakhan / Eds. L. Anisimova, G. L. Bonora, C. Franchi, L. Karavaeva, V. V. Plakhov. Milano: Electa, 2005. 184 p.
- Dan A. The Sarmatians: Some Thoughts on the Historiographical Invention of a West Iranian Migration // Vom Wandern der Völker. Migrationserzählungen in den Altertumswissenschaften / Hrsg. F. Wiedemann, K. P. Hofmann, H.-J. Gehrke. Berlin: Edition Topoi, 2017. P. 97–134. (Berlin Studies of the Ancient World 41).
- Kelley M. A Study of Late Hellenistic and Early Roman Glass in Jerusalem from excavated Sites: Understanding Local Production and the Economic Status of the Population from the Time of the Hasmoneans to Hadrian. Diss. Jerusalem, 2012. 558 p.
- Löbbling J.-P. Offene Glasgefäße der frühen römischen Kaiserzeit. Untersuchungen zu Vorbildern und Imitationen in der Keramik und Toreutik // Kölner Jahrbuch. 2015. Bd. 48. S. 19–42.
- Malyšev A. A., Treister M. Eine Bestattung des Zubovsko-Vozdvizenski Kreises aus der Umgebung von Noworossisk // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 1994. Bd. 59. S. 39–71.
- Malyshev A. A., Treister M. A Warrior's Burial from the Asiatic Bosporus in the Augustan Age // Expedition. 1994. Vol. 36.2–3. P. 29–37.
- Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: Zabern, 2008. S. 267–400. (Archäologie in Eurasien. 25).
- Moussaieff Collection. Ancient Glass from Shlomo Moussaieff Collection. Christie's. Wednesday 6 July, 2016. London: Christie's, 2016. 94 p.
- Nenna M.-D. Les Verres. Paris: de Boccard, 1999. 216 p. (Exploration archéologique de Délos, vol. 37).
- Olbrycht M. J. Parthia et Ulteriores Gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. München: Tuduv-Verlagsgesellschaft, 1998. 305 S. (Quellen und Forschungen zur antiken Welt, 30).
- Olbrycht M. J. Parthia and Sarmatian Peoples in the northern Pontic and the Don-Volga areas // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1 – 4 декабря 2009 г.) / Ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 547–549.
- Oliver A. Jr. Late Hellenistic Glass in the Metropolitan Museum // Journal of Glass Studies. 1967. Vol. 9. P. 13–33.
- Rostovtzeff M. I. The Sarmatae and Parthians // Cambridge Ancient History. 1936. Vol. XI. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1936. P. 91–130.
- von Saldern A. Antikes Glas (Handbuch der Archäologie). München: C. H. Beck, 2004. 708 S.
- Weinberg G. D., Stern E. M. Vessel Glass Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 2009. 214 p. (The Athenian Agora 34).

Mikhail Treister

Mold-cast Glass Skyphoi from the Burials of the Nomads of Volga-Don Interfluve and the Participation of the Sarmatians in the Ibero-Parthian War of 35 AD

Abstract

The article is devoted to mold-cast glass skyphoi from the burials of middle Sarmatian period from the Don and Volga interfluve. For the first time the finds of this group are brought together, mapped and examined within the context of burial contexts. Also the glass composition of some vessels was analyzed. There are listed finds of such vessels in the Kuban area, in the Eastern Mediterranean and Asia Minor published after the special work by I. P. Zasetzkaya and I. I. Marchenko (1995). Noteworthy is their complete absence in nomadic burials on the Lower Don, which indirectly confirms the already suggested assumption about the cessation of their distribution in the area after the middle of the 1st century AD. Attention is drawn to the concentration of the finds of skyphoi in the burials of the first half of the 1st century AD, including those of the elite of nomads, in the Esaulovsky Aksai basin, and the possible participation of those buried there, in the events of the Ibero-Parthian war of 35 AD in Transcaucasia. The fact that the reliable finds of the glass skyphoi under discussion are unknown in the Cimmerian Bosphorus indirectly confirms the possibility of their acquisition by the nomads from the Eastern Mediterranean and Asia Minor via Transcaucasia.

М. Ю. Трейстер

**Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников
Волго-Донского междуречья и участие сарматов
в иберо-парфянской войне 35 г. н. э.**

Резюме

Работа посвящена литым в форме стеклянным скифосам из погребений среднесарматского времени в междуречье Дона и Волги. Впервые находки этой группы собраны вместе, картографированы и рассмотрены в рамках контекстов погребений. Проведены анализы состава стекла некоторых сосудов. Отмечаются опубликованные после специальной работы И. П. Засецкой и И. И. Марченко (1995) находки подобных сосудов в Прикубанье, в Восточном Средиземноморье и Малой Азии, а также полное их отсутствие в кочевнических погребениях на Нижнем Дону, что косвенно подтверждает уже высказанное предположение о прекращении их поступления после середины I в. н. э. Привлекает внимание концентрация находок скифосов в погребениях первой половины I в. н. э., в том числе элиты кочевников, в бассейне реки Есауловский Аксай, и рассматривается возможное участие погребенных в событиях иберо-парфянской войны 35 г. н.э. в Закавказье. То обстоятельство, что достоверные находки рассматриваемых скифосов на Боспоре неизвестны, косвенно подтверждает возможность их поступления к кочевникам из Восточного Средиземноморья и Малой Азии через Закавказье.

А. А. Труфанов

Пряслица с изображениями животных из варварских могильников предгорного Крыма

Ключевые слова: Крым, могильники, пряслица, граффити, изображения животных

Keywords: Crimea, cemeteries, spindle whorls, graffiti, images of animals

Лепные пряслица являются одним из самых распространенных атрибутов женских захоронений раннего железного века. В позднескифских могильниках Крыма их найдено множество, однако орнаментированные изделия среди них встречаются исключительно редко. Известно несколько находок с геометрическим орнаментом из врезных (обычно зигзагообразных) линий, но в сравнении с неорнаментированными изделиями их ничтожно мало¹. Можно сказать, что декорирование пряслиц людям, населявшим предгорную часть полуострова в первые века н. э., в целом не было свойственно. При этом среди находок, выявленных при исследовании могильников, известна немногочисленная группа изделий

с прочерченными на их поверхности изображениями животных (рис. 1). В настоящее время их большая часть (Усть-Альма, Заветное, Скалистое III, Черноречье) хранится в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ), и я имел возможность ознакомиться с этими материалами.² Прочие находятся в Государственном историческом музее (ГИМ) (Бельбек IV, Неаполь) и в Государственном историко-археологическом музее-заповеднике «Херсонес Таврический» («Совхоз 10»), и рассматриваются далее на основании публикаций.

Усть-Альминский могильник. На территории некрополя раскопано более тысячи погребальных сооружений. Всего в них най-

¹ По крайней мере, одно такое пряслице происходит из могильника Заветное (не опубликовано, хранится в БИКАМЗ), еще одно найдено в могильнике Брянское (Труфанов, 1998, рис. 2, 19).

² Благодарю хранителя музейных предметов И. И. Неневолю за помощь, оказанную мне при работе в фондах музея.

дено несколько сотен пряслиц, но их точное количество не определено. Обычно женские захоронения сопровождались одним, реже — двумя, и совсем редко — большим количеством пряслиц (например, в могиле 594 найдено 5 экземпляров таких изделий). Несмотря на большое количество обнаруженных пряслиц, только на трех из них имеются изображения животных.

Мои́ла 53. Пряслице (БИКАМЗ: А-1Е-947) биконической формы (высота 2,5 см, диаметр 2,7 см), из плотной глины, серой после обжига (рис. 2, 1; 4, 1). Поверхность темно-серого цвета, заглажена, но не до блеска. На боку имеется скол. На пряслице «процарапаны две фигурки животных — оленя с ветвистыми рогами и козла» (Высотская, 1994, с. 91, табл. 13, 53), обращенных головами друг к другу.

В могиле³, содержащей остатки двух погребенных, помимо пряслица, найдены кувшин (форма 18.4) и тарелка (форма 6.3) второй половины II – начала III в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 50, 82) (рис. 5, 1). В этом же комплексе находилась лучковая фибула с фигурной обмоткой (серия I, вариант 4, форма 1) «заключительной части II – первой половины III в. н. э.» (Кропотов, 2010, с. 80) или второй половины II – первой половины III в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 211, 213).

Склеп 120. Пряслице (БИКАМЗ: А-Е-74) почти шаровидной формы (высота 2,3 см, диаметр 2,5 см) (рис. 2, 2; 4, 2). Глина после обжига серо-коричневая, поверхность темно-коричневая, почти черная, лощеная до блеска. На одной из торцовых частей сколот верхний слой. На пряслице «прочерчены три фигурки идущих друг за другом оленей с ветвистыми рогами» (Высотская, 1994, с. 91, табл. 39, 28), обращенных головами вправо.

Пряслице найдено у самой стенки склепа, рядом с остатками досок гроба, поверх которых располагались смещенные кости трех погребений (кости 9, 10, 11). В отчете

находка отнесена к погребению 10 (Высотская, 1975, с. 10, 11), но из чертежа это никак не следует, поскольку пряслице было найдено за пределами гроба. Даже предположение о том, что оно могло относиться к одному из трех сдвинутых погребений, не является непреложным фактом. Например, оно вполне могло быть связано с более поздним погребением 7, перекрывавшим остатки гроба с захоронениями 9–11.

Основанием для датирования находки служат несколько обстоятельств. Во-первых, расположенное ниже, более раннее погребение 16 сопровождалось шарнирной дуговидной фибулой (группа 13, форма 7), подобные которой в западной части Европы датируются второй половиной I – началом II в. н. э., а на юге Восточной Европы, по мнению В. В. Кропотова, встречаются в комплексах «большой части II в. н. э.» (Кропотов, 2010, с. 273, 274). Во-вторых, в числе находок, обнаруженных среди костей погребений 9–11, находился браслет с утолщениями («шишечками») на концах. Согласно выводам Т. Н. Высотской, такие браслеты «появляются в первой пол. I в. н. э.» и «исчезают во второй пол. II в. н. э.» (Высотская, 1994, с. 110). Вещи из более поздних погребений позволяют относить окончание функционирования склепа 120 ко времени, близкому к середине II в. н. э. Сопоставив эти датировки, можно прийти к заключению, что рассматриваемое пряслице с большой вероятностью попало в склеп в первой половине II в. н. э.

Мои́ла 1124. Пряслице почти шаровидной формы (высота 2,0 см, диаметр 2,2 см) (рис. 2, 3; 4, 3). Поверхность темно-коричневая, лощеная. На поверхности прочерчено изображение двух животных, обращенных головами вправо. У одного из них ветвистые рога, у второго короткой прямой линией обозначено ухо (?), а рога переданы двумя изогнутыми параллельными линиями.

³ В тексте монографии Т. Н. Высотская ошибочно указала, что данное изделие происходит из склепа 51, но в иллюстративной части его изображение помещено среди вещей из могилы 53 (Высотская, 1994, с. 91, табл. 13, 53).

Судя по размерам прослеженных контуров гроба (длина 1,20 м) и составу вещевого набора (рис. 5,2), в могиле было совершено захоронение девочки. В этой же могиле найдена шарнирная фибула-брошь с круглым, украшенным эмалью щитком, подобные которой происходят из погребений второй половины II – первой половины III в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 205). Высказана мысль о датировке северо-причерноморских находок таких изделий в пределах «заключительной части II – первой половины III в. н. э.» (форма 65) (Кропотов, 2010, с. 313, 314).

Могильник Бельбек IV. Пряслица найдены в 44 из 336 погребений, обычно по одному в могиле, в одном погребении обнаружены 3 экземпляра. «На нескольких

пряслицах... процарапаны граффити, которые представляли собой схематичное изображение животных — оленей и, возможно, собак» (Гущина, Журавлев, 2016, с. 5, 114).

Могила 223. Пряслице биконическое со скругленным ребром (высота около 2,3 см, диаметр около 2,6 см) (рис. 2, 4). На поверхности процарапаны изображения двух животных, у одного из которых имеются ветвистые рога, у второго обозначена грива в виде завитков. По мнению авторов публикации, рисунок представляет собой изображения оленей (Ахмедова, Гущина, Журавлев, 2001, с. 180), но, вероятнее, что второе животное — лошадь.

Предложенная авторами датировка могилы: «в пределах конца первой – второй четвертей II в. н. э., т. е. 120 – 150 гг. н. э.»

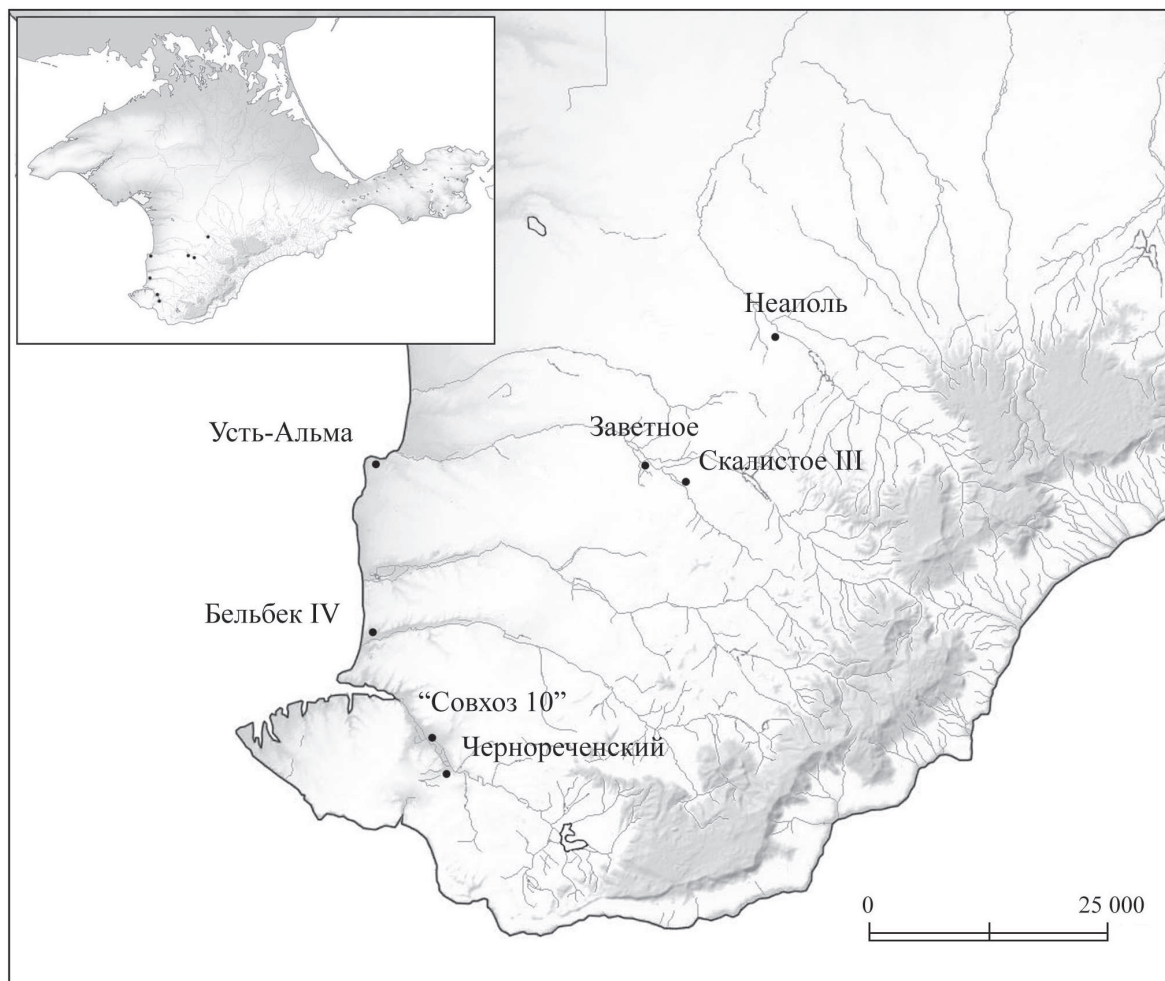

Рис. 1. Карта предгорного Крыма с обозначением мест обнаружения пряслиц с изображениями животных

(Ахмедова, Гущина, Журавлев, 2001, с. 186) или «вторая четверть – середина II в. н. э.» (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 114, 169; 2016б, табл. 152, 28). В числе вещей, послуживших основанием для датировки комплекса (рис. 5, 3), две шарнирные фибулы-броши с эмалью (в форме лягушки и дисковидная) (формы 23 и 65) (Кропотов, 2010, с. 314, 315), (типы VII.3а и VII.4h) (Hellström, 2018, Taf. 84), стеклянный бальзамарий и узкогорлая светлоглиняная амфора типа С (Шелов, 1978, с. 19). Амфоры, подобные найденной (вариант С–IVC), согласно выводам С. Ю. Внукова, датируются второй – третьей четвертями II в. н. э., а, возможно, существовали и до конца II в. н. э. (Внуков, 2006, с. 188, 167). Широко датируются и фибулы, причем К. Хельстрем, не возражая против предложенной датировки комплекса, отмечает, что в таком случае его следует считать самым древним свидетельством попадания дисковидных брошей с эмалью (тип VII.4h) в северо-причерноморские погребения (Hellström, 2018, S. 123, Taf. 87).

Следует добавить, что в могиле 223 были последовательно совершены два погребения, и пряслице относилось к более позднему из них (женскому).

Могилы 227. Пряслице биконическое (высота около 2,3 см, диаметр около 2,4 см) с изображениями животных (рис. 2, 5), определить которых на основании опубликованного рисунка трудно. Судя по ветвистым рогам, по крайней мере, одно из них является оленем. Изделие происходит из погребения, сопровождавшегося чашкой группы ESB-2 и орнаментированным зеркалом-подвеской (рис. 5, 4). Датировка комплекса, предложенная авторами публикации: «вторая – третья четверти II в. н. э.» (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 171; 2016б, табл. 155, 8).

Могилы 242. Пряслице овоидной формы (высота около 2,7 см, диаметр около 2,1 см) (рис. 2, 6; 4, 5). Поверхность темно-коричневая, лощеная до блеска. На поверхности процарапано изображение двух собак,

обращенных головами вправо (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 168, 27).

Указанная авторами публикации дата погребения: «конец II – первая половина III в. н. э.» (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 114, 175), по-видимому, основывается на представлениях о датировке одной из самых поздних вещей в могиле — лучковой фибулы с фигурной обмоткой (рис. 5, 5). Однако не исключено, что такие фибулы появляются чуть ранее, в пределах второй половины II в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 213). Кроме того, в этой же могиле найдены и другие датирующие вещи: браслет, характерный для комплексов II в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 225), а также шарнирная фибула-брошь с эмалью второй половины II в. н. э. (type 7.13) (Riha, 1979, S. 188, Taf. 61, 1612; 78) или конца II – первой половины III в. н. э. (форма 54) (Кропотов, 2010, с. 314, рис. 89а, 54), (тип VII.2d) (Hellström, 2018, S. 115, Taf. 64, 314.1; 87). На основании датировок перечисленных предметов, представляется допустимым отнесение комплекса ко второй половине II – началу III в. н. э. Хронология прочих находок (краснолаковый кувшин, зеркало-подвеска) этому не противоречит.

Могилы 283. Пряслице овоидной формы (высота около 2,1 см, диаметр около 1,6 см) (рис. 2, 7). На поверхности прочерчено изображение оленя, обращенного головой вправо (Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 193, 5).

Датировка, предложенная авторами публикации: «конец II – первая половина III в. н. э.» (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 114, 184), представляется неоправданно узкой. Могилы ограблены, и единственным указанием на дату совершения погребения может служить деталь шкатулки последней трети I – первой половины III в. н. э.

Могильник Заветное. Пряслица найдены в 35 из 297 могил этого некрополя, исследованных под руководством Н. А. Богдановой. «Стенки трех пряслиц украшены процарапанными рисунками» (Богданова, 1989, с. 17, 55, 57). Последующие

раскопки привели к открытию еще 7 погребений с пряслицами, но изделий с изображением животных, судя по опубликованной информации (Зайцев, Волошинов, Кюнелът и др., 2007, с. 249–290), среди них нет.

Погребение 14. Пряслице (БИКАМЗ: А-1А-79) биконической формы (высота 2,6 см, диаметр 2,9–3,0 см) (рис. 3, 1; 4, 6). Глина после обжига темно-серая, почти черная, поверхность заглажена, но с неровностями. Описание рисунка, данное Н. А. Богдановой, привожу полностью: на пряслице «нанесен сложный рисунок: на одной стороне всадник, перед ним схематическое изображение собаки, нападающей на животное. Резной орнамент на другой стороне пряслица изображает, по-видимому, пейзаж: у отверстия видны ломаные линии (горы?). Возможно, здесь изображен пейзаж, окружающий охотника, жившего в округе городища Алма-Кермен» (Богданова, 1989, с. 57, табл. XX, 10).

На верхней части пряслица одна за другой прочерчены четыре фигуры животных, обращенных вправо, на одном из них изображена фигура всадника. Понимание сюжета данной композиции во многом зависит от того, какую из фигур считать первой при линейной развертке рисунка. По-видимому, здесь действительно представлена сцена охоты: два животных убегают, их преследуют собака, прыгающая с открытой пастью на круп ближайшего к ней животного, за ней следует всадник, восседающий на лошади. На нижней части пряслица прочерчены зигзагообразные линии. Углубленные линии рисунка заполнены белым веществом.

Помимо пряслица, в могиле найдены золотые серьги с тремя рядами петель на дужке (Богданова, 1989, с. 41) второй половины I – начала II в. н. э. и краснолаковая посуда. Погребение было датировано второй – последней третью I в. н. э. (Kühnelt, 2008, S. 199, 216, 225, 236), но представляется, что эту датировку следует «сдвинуть» к концу обозначенного периода. Среди най-

денных в могиле сосудов (рис. 5, 6) находились не только канфар (тип 1-1) и кувшин (тип 4) второй половины I в. н. э. (Труфанов, 2009, с. 159, 168), но и тарелка с вертикальным бортиком (форма 4) конца I – первой половины III в. н. э. (Журавлев, 2010, с. 45, 46), что дает основания для отнесения всего комплекса к концу I – началу II в. н. э.

Погребение 53. Пряслице биконическое, украшенное изображением двух животных, обращенных головами друг к другу (рис. 3, 2). По мнению автора публикации, это фигуры «двух оленей с ветвистыми рогами» (Богданова, 1989, с. 57, табл. XX, 11), однако на приведенном рисунке видно, что «ветвистые» рога имеются только у одного зверя, а у другого от головы отходят отростки в виде двух коротких прямых параллельных линий.

Могилка была отнесена к первой половине II в. н. э. (Kühnelt, 2008, S. 203, 245), но возможна и более поздняя датировка. Комплекс краснолаковых сосудов из данной могилы (рис. 5, 7) представлен кувшином (тип 11-1) (Труфанов, 2009, с. 178) и тарелкой (форма 4.2) (Журавлев, 2010, с. 46), на основании которых рассматриваемое погребение может быть датировано второй половиной II – первой половиной III в. н. э.

Погребение 156. Пряслице (БИКАМЗ: А-А-941) биконическое (высота 2,5 см, диаметр 3,5–3,6 см) (рис. 3, 3; 4, 7). Глина после обжига желтовато-серая, поверхность красно-коричневая, темного оттенка, заглажена. На поверхности «изображены животные, по-видимому, лошади» (Богданова, 1989, с. 57, табл. XX, 12), обращенные головами друг к другу. Фигуры предельно схематичны, причем каждое из двух животных нарисовано с отличиями. Не ясно, продиктованы ли эти отличия тем, что автор хотел изобразить животных двух разных видов, или оба животных относятся к одному виду, но нарисованы по-разному.

По мнению Е. Кюнелът, данная могила может быть датирована последней третью I – первой четвертью II в. н. э. (Kühnelt,

2008, S. 204), но такая датировка не является бесспорной. Найденный здесь кувшин близок по форме сосуду из могилы 53 (тип 11-1) (Труфанов, 2009, с. 178), описанной выше, а это позволяет датировать рассматриваемое погребение в пределах второй половины II – первой половины III в. н. э.

Скалистое III. Согласно опубликованной «сводной таблице погребений», пряслица найдены в 21 из 121 раскопанных погребальных сооружений могильника. В 13 могилах обнаружено по 1 экземпляру таких изделий, в 3 — по 2 экз., в 2 — по 3 экз., в 1 — 4 экз., в 1 — 5 экз., в 1 — 7 экз. (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 148–150). Всего же здесь найдено 41 пряслице, но лишь на одном изделии имеется рисунок с изображением животных.

Могила 12 (раскопки Н. А. Богдановой). Миниатюрное пряслице (БИКАМЗ: А-1Б-49) биконического формы (высота 1,5 см, диаметр 1,8 см) (рис. 3, 4; 4, 4). Глина после обжига серо-коричневая, поверхность темно-серая, заглажена. В тексте публикации указано, что пряслице украшено рисунком «двух животных (лошадей?)», но на рисунке предмет представлен без прорисовки фигур (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 136, рис. 2, 21, 22).

На поверхности изделия прочерчено изображение двух животных, обращенных головами вправо. Определить этих животных трудно. У одного из них короткими прямыми линиями прочерчены отростки, изображающие рога или уши.

Вместе с пряслицем в могиле находились: браслет с окончаниями в виде змеиных голов (тип VI-B) конца II – первой половины III в. н. э. (Труфанов, 2001, с. 76) и зеркало-подвеска II – первой половины III в. н. э. (рис. 5, 8), на основании чего комплекс датируется концом II – первой половиной III в. н. э.

Неапольский могильник. Из десятков (не менее 44 экз.) пряслиц, выявленных при раскопках могильника, лишь одно украшено изображением животных.

Могила 56. Пряслице биконическое, «лощенное, с процарапанными на нем тонкими линиями, заполненными белой пастой, фигурками стилизованных скачущих оленей» (рис. 3, 5). Обнаружено в подбойной могиле с женским захоронением, датированным в публикации I – II вв. н. э. (Сымонович, 1983, с. 67, табл. XXIII, 3), но датировку этого погребения можно уточнить. В могиле найдена краснолаковая чашка (Сымонович, 1983, табл. X, 14) (полагаю, группы ESB-2) с граффити, состоящим из греческих букв, что не редко для сосудов второй половины I – первой половины II в. н. э. и не характерно для посуды более позднего времени. Самым же поздним предметом в могиле является бронзовая трубчатая подвеска (Сымонович, 1983, табл. XXXVIII, 34) второй половины II – первой половины III в. н. э. (Храпунов, 2003, с. 342, прим.). Попадание данных вещей в единый комплекс могло произойти около середины II в. н. э., вероятно — в пределах второй трети этого столетия.

Чернореченский могильник. Три пряслица с изображениями животных найдены в погребениях, раскопанных на раннем участке некрополя.

Могила 15 (45). Пряслице биконическое, вытянутой формы (высота около 2,3 см, диаметр около 1,8 см), со «стилизованнойми изображениями оленей» (Бабенчиков, 1963, табл. VIII, 8), обращенных вправо (у одного животного голова повернута назад) (рис. 3, 6).

Пряслице обнаружено в женском погребении с монетой Марка Аврелия (161 – 180 гг. н. э.) и двумя дисковидными шарнирными фибулами-брошами с эмалью (Бабенчиков, 1963, с. 103) (рис. 5, 9), подобные которым на юге Восточной Европы известны по находкам в комплексах «заключительной части II – первой половины III в. н. э.» (формы 67 и 68) (Кропотов, 2010, с. 314).

Могила 32 (71). Пряслице (БИКАМЗ: А-Д-1133) биконическое (высота 1,9 см, диаметр 2,1 см) (рис. 3, 7; 4, 9). Поверх-

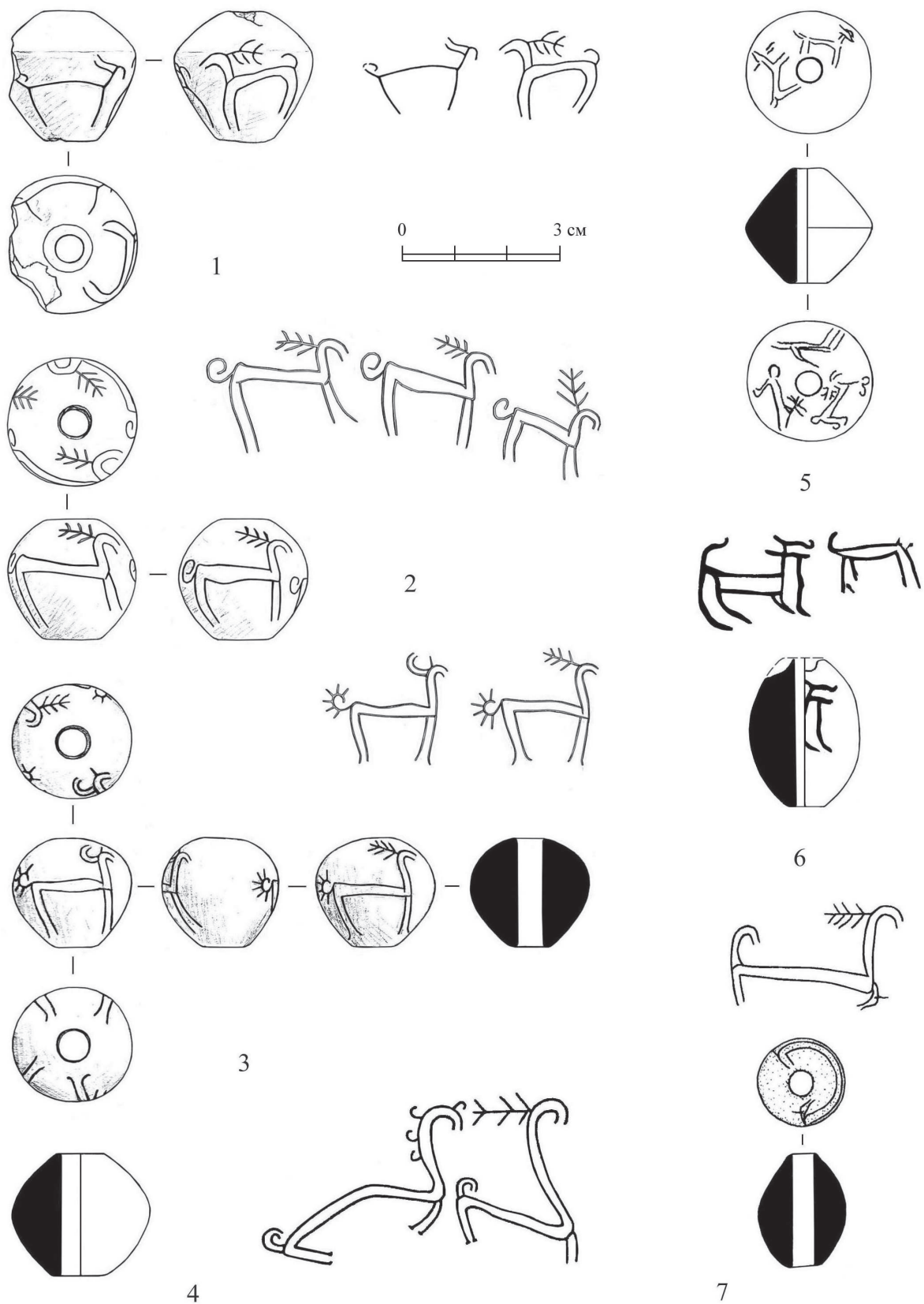

Рис. 2. Ряслица: 1 — могила 53 (Усть-Альма), 2 — склеп 120 (Усть-Альма), 3 — могила 1124 (Усть-Альма), 4 — могила 223 (Бельбек IV), 5 — могила 227 (Бельбек IV), 6 — могила 242 (Бельбек IV), 7 — могила 283 (Бельбек IV) (Гущина, Журавлев, 2016б)

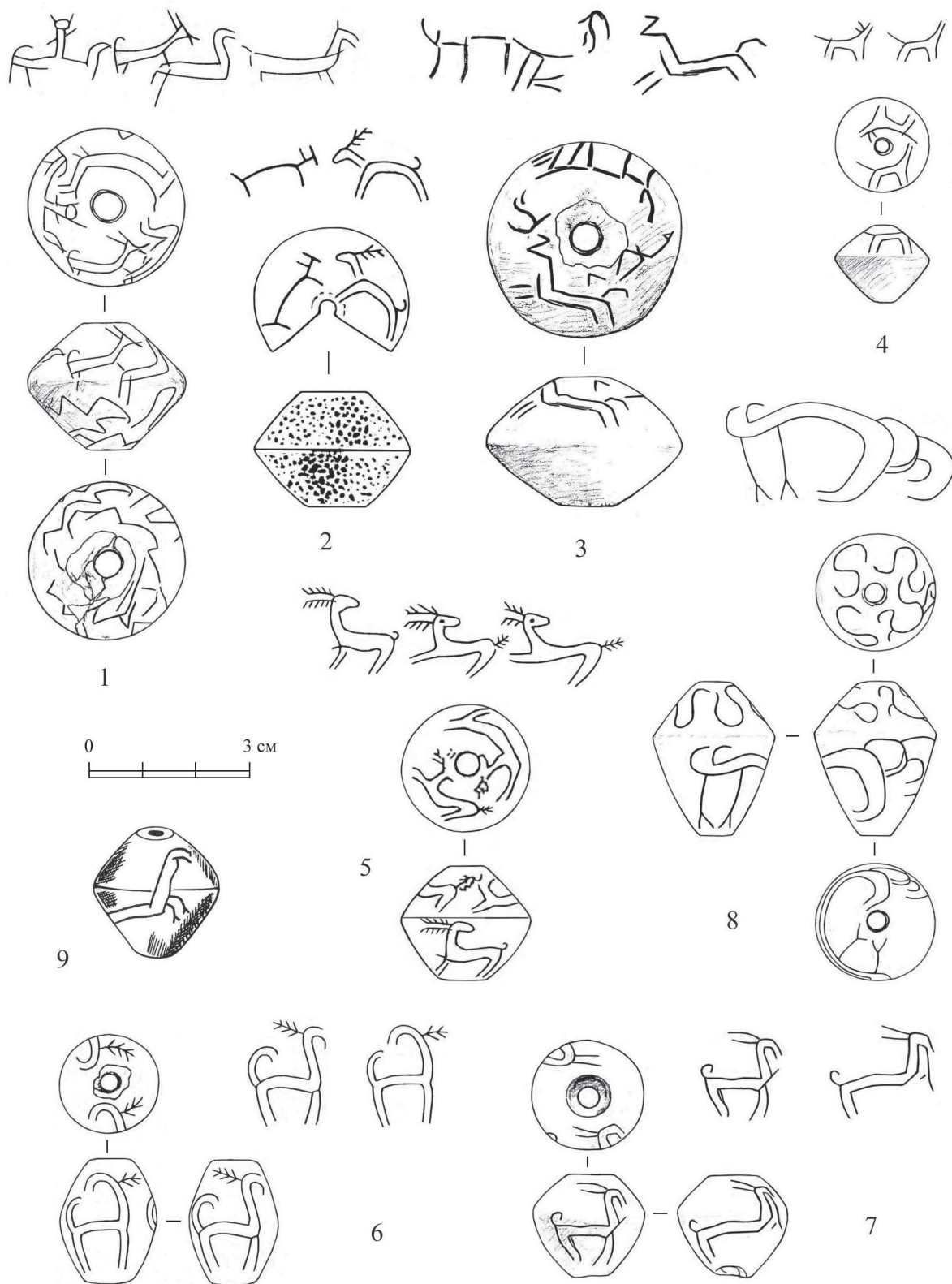

Рис. 3. Пряслица: 1 — могила 14 (Заветное), 2 — могила 53 (Заветное) (Богданова, 1989),
 3 — могила 156 (Заветное), 4 — могила 12 (Скалистое III),
 5 — могила 56 (Неаполь) (Сымонович, 1983), 6 — могила 15 (45) (Черноречье),
 7 — могила 32 (71) (Черноречье), 8 — могила 36 (86) (Черноречье) (Бабенчиков, 1963),
 9 — могила 53 («Совхоз 10») (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005)

ность темно-коричневого цвета, лощеная до блеска. В публикации пряслице описано как изделие «с изображением бегущего оленя, вправо, и зайчика (?), который ест траву». Костяк не сохранился, но на основании длины подбоя (1,56 м) В. П. Бабенчиков предположил, что в могиле был погребен мальчик (Бабенчиков, 1963, с. 109, табл. VIII, 7), однако наличие бус и пряслица позволяет считать, что в определении пола погребенного исследователь, скорее всего, был не прав. На пряслице изображены животные с прямыми, слегка изогнутыми рогами, обращенные головами вправо. От того, чтобы в одном из них видеть «зайчика», я бы воздержался.

Датирующим предметом в могиле выступает шарнирная фибула-брошь с эмалью (рис. 5, 10) второй половины II – начала III в. н. э. (Riha, 1979, S. 197, Taf. 65, 1694; 78) или «заклучительной части II – первой половины III в. н. э.» (форма 50) (Кропотов, 2010, с. 314).

Могила 36 (86). Пряслице (БИКАМЗ: А-Д-1183) биконическое, вытянутой формы (высота 3,0 см, диаметр 2,3 см) (рис. 3, 8; 4, 8). Глина плотная, серая после обжига, поверхность темно-серая, лощеная. В одной части пряслица имеется крайне схематичное изображение животного, другая часть изделия украшена орнаментом из волнистых линий.

Предмет изображен на рисунке, представленном в публикации материалов исследований Чернореченского могильника (Бабенчиков, 1963, табл. VIII, 9), но обозначение того, в какой могиле он был найден, в тексте данной статьи отсутствует. В музейной описи указано, что данное пряслице происходит из могилы 86, что соответствует погребению 36 (86) в нумерации, представленной в статье. По наличию в этом же комплексе шарнирной фибулы-броши с эмалью (форма 67) и лучковой фибулы с нижней тетивой и пластинчатой спинкой, украшенной проволочной «змейкой» (серия II, вариант 4, форма 3) (Кропо-

тов, 2010, с. 132–135, 313, 314), погребение датируется концом II – первой половиной III в. н. э.

Могильник «Совхоз 10». Судя по опубликованным материалам, в могильнике найдено всего одно пряслице с изображением животного.

Могила 53. Пряслице биконической формы (рис. 3, 9). Точные размеры изделия на основании представленного в публикации рисунка определить сложно, так же трудно получить полное представление об украшающем его граффити. Понятно лишь, что на пряслице изображено животное. Авторы публикации в текстовой части статьи датировали погребение IV в. н. э., а в таблице обозначили его датировку в пределах III – IV вв. н. э. (Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005, с. 122, 198, табл. 7, 84). Помимо пряслица, в могиле найдены стеклянный стакан, краснолаковая тарелка с горизонтально отогнутым краем, фрагментированная фибула (вероятно, смычковая) и перстень в форме свернувшейся в кольцо змеи (рис. 5, 11). Смычковые фибулы, пусть и редко, но встречаются в погребениях второй половины III – IV в. н. э., хотя более характерны для предыдущего времени (Кропотов, 2010, с. 170). Перстень по форме близок изделию из склепа 32 (Дружное), датированного IV в. н. э. (Храпунов, 2002, с. 42, 92, рис. 117, 24).

Обобщая информацию о перечисленных находках, хочу обратить внимание на некоторые обстоятельства.

1. Рассматриваемые глиняные пряслица (даже найденные в пределах одного некрополя) имеют разную форму, различаются по качеству обжига, цвету и структуре глины, поэтому кажется вероятным, что изготовлены они не одним мастером, который, полагаю, придерживался бы одной формы. Рисунки тоже разнятся манерой исполнения. Не вызывает сомнения, что и они выполнены различными людьми. Сходство изображений наблюдается лишь между некоторыми изделиями из Усть-Аль-

мы и из Бельбека IV. Легко представить, что каждое отдельное пряслице лепил и украшал его рисунком один человек, хоть это и недоказуемо.

2. Пряслица украшены изображениями животных. Рисунки схематичные, с использованием простых, но действенных приемов, передающих отличительные признаки животного, способствующие его узнаваемости (рога в виде «елочки», завитки на загривке, длинная шея). Изображены олени с характерными ветвистыми рогами, животные с прямыми или слегка изогнутыми рогами (сайги?), лошади и, вероятно, собаки. Среди прочих рисунков выделяется сложная композиция на пряслице из могилы 14 (Заветное), по-видимому, изображающая сцену охоты.

3. Изображения нацарапаны тонким острым инструментом на поверхности изделий после обжига. Глина плотная, поверхность гладкая после лощения, почти черная (темно-серая или темно-коричневая), что не типично для большинства неорнаментированных пряслиц, глина которых рыхлая, с многочисленными включениями. Толщина линий разная. На пряслице из могилы 14 (Заветное) рисунок состоит из тонких линий, какие можно провести, например, острием тонкой иглы, а сами царапины заполнены белым веществом (смесь мела с клейкой основой?), придающим изображению более контрастный вид на темном фоне. На прочих изделиях линии рисунков толще, и, вероятно, прочерчены более массивным инструментом.

4. Пряслица с изображениями животных найдены в 16 погребениях 7 могильников предгорного Крыма («Совхоз 10» — 1 экз., Черноречье — 3 экз., Бельбек IV — 4 экз., Усть-Альма — 3 экз., Заветное — 3 экз., Скалистое III — 1 экз., Неаполь — 1 экз.). Эти могильники находятся на довольно значительном расстоянии друг от друга. Наибольшее количество рассматриваемых предметов к настоящему времени найдено в могильнике Бельбек IV, но, если прини-

мать в расчет соотношение числа находок к общему количеству раскопанных могил, то на первое место выступает Чернореченский могильник. При этом в расположенном поблизости некрополе «Совхоз 10» найдено всего 1 пряслице с изображением животного, и происходит оно из погребения, совершенного, вероятно, в более позднее время, чем прочие захоронения рассматриваемой группы. Почти во всех могилах пряслица с изображениями животных найдены в одном экземпляре, и только в одной (Неаполь), кроме того, находилось еще одно, неорнаментированное изделие.

5. В составе вещевых наборов 6 погребений, помимо пряслиц, находились провинциально-римские шарнирные фибулы-броши с эмалью (могилы 223 и 242 (Бельбек IV), 32 (71), 15 (45) и 36 (86) (Черноречье), 1124 (Усть-Альма)).

По мнению В. В. Кропотова, такие фибулы (формы 23, 50, 54, 65, 67, 68) на юге Восточной Европы встречаются исключительно «в могилах периода повсеместного господства позднесарматской культуры (заключительная часть II – первая половина III в. н. э.)» (Кропотов, 2010, с. 307, 313–315), но в числе вещей, диагностирующих этот период, исследователем, помимо прочего, названы узкогорлые светлоглиняные амфоры типа С, что вступает в противоречие с предложенной им датировкой.

Согласно таблице, представленной в монографии К. Хельстрем, дисковидные фибулы, украшенные эмалью (тип VII.3h), датируются в широком диапазоне от рубежа I – II до первой половины III в. н. э. (Hellström, 2018, Taf. 87). Однако, отсутствие совместных находок с вещами, датирующимися не позже середины II в. н. э. (например, с посудой группы ESB-2), может указывать на то, что крымские комплексы с дисковидными фибулами следует относить к последующему времени.

Совместное попадание пряслиц и фибул-брошей с эмалью в одни комплексы свидетельствует об их синхронности,

Рис. 4. Пряслица: 1 — могила 53 (Усть-Альма), 2 — склеп 120 (Усть-Альма),
 3 — могила 1124 (Усть-Альма), 4 — могила 12 (Скалистое III),
 5 — могила 242 (Бельбек IV) (Гущина, Журавлев, 2016б),
 6 — могила 14 (Заветное), 7 — могила 156 (Заветное),
 8 — могила 36 (86) (Черноречье), 9 — могила 32 (71) (Черноречье)

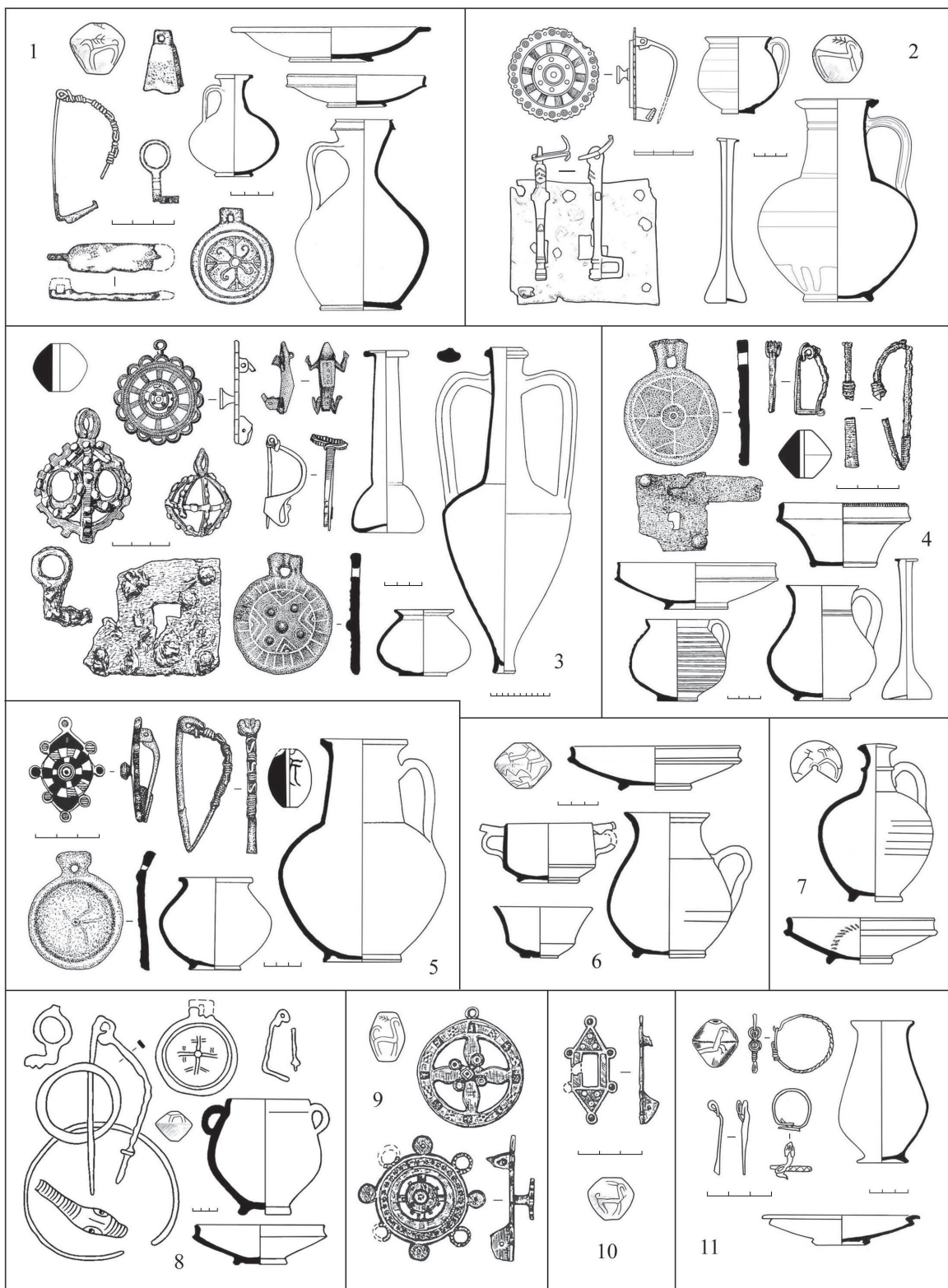

Рис. 5. Некоторые датированные находки из погребений: 1 — м. 53 (Усть-Альма), 2 — м. 1124 (Усть-Альма), 3 — м. 223 (Бельбек IV), 4 — м. 227 (Бельбек IV), 5 — м. 242 (Бельбек IV), 6 — м. 14 (Заветное), 7 — м. 53 (Заветное), 8 — м. 12 (Скалистое III), 9 — м. 15 (45) (Черноречье), 10 — м. 32 (71) (Черноречье), 11 — м. 53 («Совхоз 10») (1 — по: Высотская, 1994; 3–5 — по: Гущина, Журавлев, 2016б; 6, 7 — по: Kühnelt, 2008; 8 — по: Богданова, Гущина, Лобода, 1976; 9, 10 — по: Бабенчиков, 1963; 11 — по: Стржелецкий, Высотская, Рыжова и др., 2005)

по крайней мере, на каком-то отрезке времени. Примечательным кажется и сам факт довольно большого количества таких комплексов: более трети из числа погребенных с рассматриваемыми пряслицами (или люди из их окружения, организовавшие похороны) относилось к категории людей, имевших доступ к приобретению импортных провинциально-римских изделий и реализовавших эту возможность.

Если пряслица становились собственностью владельцев сразу или вскоре после изготовления, а не передавались по наследству (что кажется маловероятным), то наиболее приближенными к дате их изготовления следовало бы считать находки, происходящие из погребений детей и подростков. Одно из таких погребений совершено в могиле 1124 (Усть-Альма), другое — в могиле 32 (71) (Черноречье). Но если допустить, что такие пряслица являлись предметами дарения, то они могли попасть в погребения и после более или менее длительного их использования.

Самую раннюю датировку из числа учтенных комплексов имеет могила 14 (Заветное), погребение в которой было совершено в конце I – начале II в. н. э. Найденное в этой могиле пряслице отличается от прочих предметов рассматриваемой выборки. Рисунок на нем представляет собой сложную композицию со сценой охоты, включающую всадника на лошади.

Рисунки на прочих пряслицах состоят из отдельных фигур животных, на одном изделии имеется дополнительный геометрический орнамент. Одно из этих погребений было совершено в первой половине II в. н. э., еще три — около середины II в. н. э. (вторая – третья четверти или вторая треть II в. н. э.), девять комплексов относятся ко второй половине II – первой половине III в. н. э., одно захоронение датируется широко (конец I – первая половина III в. н. э.), и одно, самое позднее, может быть датировано в пределах III – IV вв. н. э. (после середины III в. н. э.).

6. Пряслица с изображениями животных в Крыму — явление относительно кратковременное и локальное. Подобные изделия не известны за пределами полуострова, поэтому их появление в варварских погребениях предгорного Крыма неуместно связывать с культурным влиянием извне (под которым подразумеваются прямые или опосредованные контакты) или переселением каких-то групп населения. Ничего подобного здесь не было прежде, никакого продолжения за этим не последовало. Внезапно появившись, пряслица с изображениями животных так же внезапно исчезают.

Авторы публикации материалов исследования могильника Бельбек IV указывают, что «похожие изображения оленя известны на сосудах скифского и сарматского времени с Северного Кавказа, а также на меотском сосуде из Старокорсунского второго городища», приводят изображение оленя на ножнах меча из могильника «Совхоз 10», и заключают: «Несомненно, олень являлся священным животным для многих народов раннего железного века, и поэтому его изображение на пряслицах не случайно» (Гущина, Журавлев, 2016а, с. 114).

Ссылки на «похожие изображения оленя», встречающиеся на сосудах меотов и других жителей Северного Кавказа, не должны восприниматься как указание на заимствование, так как более или менее схожие рисунки известны на обширной территории обитания этих животных. Если бы произошло переселение людей, традиционно изображающих оленей на сосудах, то и на новом месте эти люди продолжали бы наносить такие рисунки именно на сосуды, а не на что иное. Но лепная керамика варварского населения Крыма этого периода обычно вообще не орнаментирована, а если орнамент все же имеется, то он геометрический.

Граффити с рисунком оленя прочерчено на краснолаковом кубке II – первой половины III в. н. э. из некрополя Нейзац (Храпунов, 2011, с. 25, рис. 17, 4). Стилистически

близкими изображениям на пряслицах являются рисунки животных, вероятно, лошадей, на стенах грунтового склепа IV в. н. э. могильника Озерное III (Лобода, 1977, с. 239, рис. 2, 3, 7, 8). Но речь не о том, что люди, проживавшие в Крыму в первые века н. э., умели и порой изображали животных на разных предметах или на стенках погребальных сооружений. Из приведенных примеров ясно, что они это умели и эпизодически делали. Вопрос заключается в том, когда и почему возникла и каким образом распространилась среди жителей довольно обширной территории идея оформления рисунками животных именно пряслиц, если она не была привнесена извне.

Важным представляется соединение в одном предмете различных характеристик: функциональной (пряслице, как деталь веретена, орудия прядения) и орнаментальной (нанесение на него рисунков животных). На рисунках представлены животные, обладающие способностью быстрого бега. Их изображения кажутся уместными на быстро вращающейся части веретена, так как быстрота животных соответствует вращению веретена во время работы. Эти изображения если и не призваны придать дополнительную скорость работающему веретену, то намекают на то, что ему не положено лежать без дела.

7. Пряслица являются элементом женской субкультуры. При этом не известно, сами ли женщины их изготавливали, получали от мужчин-родственников, или же приобретали у ремесленников или торговцев.

Принято считать, что лепная посуда изготавливалась самими пользователями для удовлетворения их собственных потребностей, в силу чего данная категория находок может выступать маркером этнокультурных различий. Кажется само собой разумеющимся, что лепные пряслица, выполненные из глины с применением элементарных технологических приемов, тоже изготовлены теми, кто впоследствии ими пользовался. А поскольку применялись

они для прядения женщинами, то и были изготовлены непосредственно ими или их близкими (хотя не исключено, что в каждом населенном пункте имелись ремесленники, специализировавшиеся на производстве лепных изделий).

Пряслице, если оно изготовлено самим его будущим пользователем, а не приобретено в результате обмена или торговли, остается от своего появления до помещения в могилу вещью личной, мало публичной, замкнутой в пространстве дома, да и там выставляемой на обозрение только во время прядения в кругу участвующих в этом процессе. Поэтому сложно представить, каким образом на практике мог бы происходить обмен идеями по оформлению пряслиц между женщинами, живущими в различных населенных пунктах (и по умолчанию не покидающих эти пункты), расстояние между которыми даже по прямой линии довольно велико. Тем не менее, сходство рассматриваемых предметов представляется очевидным, что подразумевает каким-то образом произошедшее распространение идеи оформления этих инструментов прядения. Иными словами, перемещались или женщины (обладательницы пряслиц), или пряслица (дарение, обмен, торговля), или их изготовители (бродячие ремесленники), или все вместе. В любом случае должна была существовать действенная сеть коммуникаций, посредством которой возникшая в одном месте идея могла бы распространиться на довольно обширной территории. Такую коммуникативную сеть могли бы обеспечить, например, перемещения каких-то групп населения (торговцы, ремесленники и пр.) или переселения отдельных жителей в другие населенные пункты (в связи с браком или по иным обстоятельствам).

Иными словами, чтобы распространиться, идея оформления пряслиц должна была пройти стадию публичности. Предмет мог стать объектом подражания только будучи выставленным напоказ, а для появления аналогично оформленных изделий в уда-

ленном населенном пункте надо, чтобы некто осуществил распространение идеи их оформления. При этом следует отметить, что всеобщая мода на украшение пряслиц рисунками животных в регионе не возникла, иначе находок было бы гораздо больше.

Возможен и другой вариант развития событий. В ряде склепов Усть-Альминского некрополя благодаря микроклиматическим условиям, сказавшимся на хорошей сохранности древесины, найдены деревянные пряслица, по-видимому, изготовленные на токарном станке. Если эти предметы действительно были сделаны при помощи станка, то, вероятно, их следует считать импортными изделиями, попавшими к варварам в результате торговли с Херсонесом или Боспором. Предположим, что некоторые деревянные пряслица, производившиеся в античных центрах, в процессе производства украшались изображениями животных. В качестве предмета торговли они попадали к варварам, проживающим в различных населенных пунктах Юго-Западного и Центрального Крыма, и вызывали подражание в виде глиняных пряслиц с рисунками животных, сделанных на местах уже самими варварами. Придерживаясь этой линии событий, можно допустить, что деревянные изделия, послужившие образцами для глиняных пряслиц, но в отличие от них более подверженные разрушению, оказались полностью уничтожены временем. В результате имеется серия глиняных пряслиц с рисунками животных, происходящих из различных памятников Крымской Скифии, притом, что деревянные изделия с аналогичными рисунками не выявлены.

Контраргументом такому предположению служит тот факт, что некоторое количество деревянных пряслиц на территории, занимаемой варварами, все-таки обнаружено, и среди них не зарегистрировано ни одного, украшенного рисунками животных (Пуздровский, 2007, рис. 136, 3, 4, 8–12, 14, 15). Впрочем, изображения оленей (тоже выполненные врезными линиями, но в ином

стиле — с заштрихованными телами) есть на фрагментах деревянных шкатулок или коробов из погребений второй половины I — первой половины II в. н. э. Усть-Альминского некрополя, а объемными фигурками различных животных украшены навершия деревянных предметов (веретен или иных инструментов, вероятно, связанных с прядением) из этого же могильника (Пуздровский, 2007, рис. 134, 1–4; 136, 9; 137, 1, 5, 6).

Подводя итоги, следует указать, что фактическая сторона феномена выглядит следующим образом: во II — первой половине III в. н. э., а затем, вероятно, несколько позже, по крайней мере, в семи могильниках, расположенных в различных местах предгорного Крыма, появляется несколько захоронений женщин и девочек, сопровождающихся пряслицами, на которых нацарапаны изображения животных. И форма, и глина изделий, и сами изображения свидетельствуют о том, что данные предметы были изготовлены разными людьми. В них нет единообразия, ожидаемого от продукции ремесленника, предназначенной для торговли. Иными словами, данные пряслица, по-видимому, являются предметами домашнего изготовления, созданными для использования самими изготовителями или их близкими. Такие пряслица производили в разных местах предгорного Крыма, но всеобщей моды при этом не появилось: по сравнению с количеством неорнаментированных изделий, предметы, украшенные фигурами животных, крайне малочисленны. Можно сказать, что географически они распространились довольно широко, но в ограниченном количестве.

Возможно, образцами для таких изделий послужили деревянные пряслица с изображениями животных, если такие вообще существовали, чему пока подтверждений нет. Но нельзя исключить, что идея декорирования лепных пряслиц фигурами животных имела независимое происхождение.

За пределами указанной территории такие изделия не выявлены. Следовательно

но, нет причин связывать их появление в Крыму с некой традицией, привнесенной извне ее носителями. Это означает, что идея украшения пряслиц фигурами животных возникла и была реализована в среде местных жителей. При этом трудно представить, что она независимо посетила разных людей, проживавших в различных населенных пунктах. Легче предположить, что этот декоративный прием был впервые применен в одном месте, а затем распространен в границах предгорной зоны.

Крымские могильники, в которых найдены такие пряслица, считаются оставленными оседлым населением. В обстоятельствах оседлости распространение инноваций происходит, главным образом, посредством торговли и путем военных конфликтов. Рассматриваемые пряслица, по-видимому, не являлись предметами торговли. В качестве военной добычи они тоже представляются слабо. По-видимому, распространение идеи их оформления происходило как-то иначе — например, при переселении некоторых жителей из одного в другой населенный пункт.

Возможно и другое объяснение рассматриваемого феномена, подсказанное мне коллегами. Согласно этому предположению, нанесение на предметы прядения изображений промысловых зверей и животных-помощников (лошадь, собаки) могло быть связано с т. н. «охотничьей магией». Имеется в виду, что вращение веретена с таким пряслицем оставшейся дома женой или дочерью должно по замыслу способ-

ствовать удачной охоте отправившегося за добычей мужчины. Распространителями идеи оформления пряслиц в этом случае выступают охотники, контактирующие с такими же, как они, охотниками из других поселений. Этим может быть объяснена немногочисленность находок и их распространение на достаточно большой территории. В контекст данного предположения вполне укладывается и сюжет со сценой охоты на одном из описанных выше пряслиц. Однако, непонятно, почему в таком случае среди нарисованных животных отсутствуют кабаны, являвшиеся в первые века н. э., наряду с оленями, одним из основных объектов охоты в предгорном Крыму (Цалкин, 1960, с. 74, 87; Высотская, 1994, с.38).

В общем, каковы бы ни были подлинные причины появления пряслиц с рисунками животных, если не придерживаться предположения о подражании этих изделий гипотетическим деревянным образцам, то надо допустить, что распространение идеи их оформления могло осуществиться вследствие коммуникации между жителями различных населенных пунктов. При этом не исключено, что варварское население предгорного Крыма обладало большей мобильностью, чем следовало было бы ожидать от людей, ведущих оседлый образ жизни со свойственным ему общинным укладом. В границах региона происходили какие-то перемещения, а, возможно, и переселения, способствующие распространению тех или иных новшеств.

Литература

- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Под общей ред. И. И. Гущиной, Д. В. Журавлева. М.: б. и., 2001. С. 175–186. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–123.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: б. и., 1989. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 70).

- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–158.
- Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II (петрография, хронология, проблемы торговли). СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.
- Высотская Т. Н. Отчет о работах Альминского отряда за 1975 год / Научный архив ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Ф. 1, оп. 1, д. 17.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 208 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016а. Ч. 1. 272 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016б. Ч. 2. 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь: б. и., 2010. 320 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 9).
- Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнелът Э., Мяскин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1 – 3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика / Под общей ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 249–290.
- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.
- Лобода И. И. Раскопки могильника Озерное III в 1963 – 1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 236–252.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2005. № 4. С. 27–277.
- Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка, 1983. 172 с.
- Труфанов А. А. Вырубной склеп из позднескифского могильника у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. IX / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь: Дизайн-студия «КАЛАМО», 1998. С. 141–145.
- Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма / Под общей ред. И. И. Гущиной, Д. В. Журавлева. М.: б. и., 2001. С. 71–77. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Симферополь: б. и., 2003. С. 329–349.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований некрополя Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2011. С. 13–113.

- Цалкин В. Н. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 1960. № 53. С. 7–109.
- Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.
- Feugère M. Les Fibules en Gaule Méridionale (de la conquête à la fin du V s. ap. J.–C.). Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1985. 503 s. (Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 12).
- Hellsröm K. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh.v.Chr. – 3. Jh.n.Chr.) Bonn: Habelt Verlag, 2018. 284 S. (Archäologie in Eurasien. Band 39).
- Kühnelt E. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Berlin: Freie Universität Berlin, 2008. 394 S.
- Riha E. Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst // Forschungen in Augst. Augst, 1979. Bd. 3. 222 S.

Aleksandr Trufanov

**Spindle Whorls Depicting Animals from Barbarian Cemeteries
in the Crimean Foothill Area**

Abstract

This paper addresses a group of hand-made ceramic spindle-whorls depicting animals, which were discovered in barbarian graves located in the Crimean foothill area. There are 16 artefacts total, mostly originating from the graves from the second and the first half of the third century AD, with only one grave possibly from a later period. The circumstances of these finds have been analysed, the chronology of assemblages has been clarified, and the attempt has been made to explain the appearance and distribution of artefacts in question in the region.

A. A. Труфанов

**Пряслица с изображениями животных
из варварских могильников предгорного Крыма**

Резюме

В статье рассматривается группа лепных пряслиц с изображениями животных, найденных в варварских погребениях предгорного Крыма. Учтены 16 экземпляров изделий, большая часть которых происходит из погребений II – первой половины III в. н. э., и лишь одно захоронение может относиться к более позднему времени. Анализируются условия этих находок, уточняется датировка комплексов, предпринимается попытка объяснения появления и распространения таких изделий в регионе.

В. К. Фёдоров

Филипповка и Алучайдэн

Ключевые слова: ранние кочевники, евразийские степи, скифский звериный стиль, образы горных козлов, волков, орлов (грифонов), Южное Приуралье, Филипповка, Ордос, Алучайдэн, Сибирская коллекция Петра I, пазырыкская культура

Keywords: early nomads, Eurasian steppes, Scythian animal style, images of Caucasian goats, wolves, eagles (griffins), Southern Ural area, Filippovka, Ordos, Aluchaiden, Peter I's Siberian collection, Pazyryk culture

Введение. Золотое навершие головного убора шаньюя «северных варваров» раннего периода эпохи Сражающихся царств, найденное в 1973 году в Алучайдэне¹ (Внутренняя Монголия, Ордос), является одним из узнаваемых и часто репродуцируемых шедевров древнего искусства кочевников восточной части евразийских степей (Bunker, 2002, fig. 38). «Эта находка, единственная в своем роде, изготовлена подобно другим изделиям скифского мира в евразийских степях и похожа на них» — пишет китайский исследователь (Чжен Зыминь, 2015, с. 380)². Помимо головного убора в Алучайдэне найдено большое количество других предметов из драгоценных металлов, также выполненных в зверином стиле. В частности, вместе с навершием головного убора

всегда воспроизводится двойной несомкнутой обруч, окончания которого оформлены в виде фигур животных. Часть исследователей считают его очельем головного убора, другие — гривной. На наш взгляд, предпочтительнее версия с гривной. В отечественной историографии алучайдэнские находки неоднократно сравнивались с пазырыкскими, причем отмечалось их чрезвычайная близость. Так В. В. Ковалев прямо назвал их (в числе других находок из Северного Китая) «престижными предметами в пазырыкском стиле» (Ковалев, 1999, с. 80). То же самое отметил и С. А. Яценко: «манера изображения животных ... чрезвычайно близка пазырыкской» (Яценко, 1999, с. 160). О том, что «структура изобразительного ряда этой [алучайдэнской] «шапки» ... тождественна

¹ В отечественной литературе встречаются написания Алучайдэн, Алучадэн, Алушайтень, Алучжайдэн.

² Благодарю П. И. Шульгу и Д. П. Шульгу за помощь с переводом китайского текста.

пазырыкским головным уборам», пишет и Д. В. Черемисин (Черемисин, 2008, с. 58). Открытие в 1988 году А. Х. Пшеничнюком в кургане 1 Филипповского могильника (Южное Приуралье, Оренбургская область) большого количества золотых предметов, выполненных в зверином стиле (Золотые олени..., 2001; Пшеничнюк, 2012) дало мощный стимул изучению звериного стиля в искусстве кочевников евразийских степей скифской эпохи. Филипповские находки имеют очевидные параллели в искусстве ранних кочевников других территорий — собственно Скифии, Прикубанья, Поволжья, Казахстана, Алтая, причем особенная близость их наблюдается именно пазырыкскому искусству (Переводчикова, Таиров, 2010). В 2016 году Е. В. Переводчикова опубликовала статью, в которой связывает происхождение «звериного стиля» Филипповки не только с пазырыкским искусством, но и с искусством Северного Китая. Среди прочих параллелей исследовательница указывает и на конус навершия головного убора из Алучайдена (Е. В. Переводчикова пишет — Алучайден), который «подобно филипповским оковкам сосудов, представляет собой довольно тонкую изогнутую пластину, отчасти ажурную; на его поверхности изображены фигуры животных в низком рельефе» (Переводчикова, 2016, с. 31). Детальных сопоставлений филипповских и алучайденских изображений исследовательница не делает. Наша статья представляет собой, в развитие идей Е. В. Переводчиковой, попытку такого сопоставления.

Навершие алучайденского головного убора состоит из двух частей — золотой пластины конической формы и укрепленной на ее вершине фигурки стоящего орла с золотым телом и бирюзовыми головой и шеей (рис. 1, 1, 2). Коническая пластина состоит из четырех «лепестков» подтреугольной формы. На каждом «лепестке» имеется изображение сплетенных фигур горного козла и волка. На двух из «лепестков» животные «смотрят» вправо, а на двух

влево, т. е. «лепестки» образуют две «зеркальные» пары. В остальном изображения совершенно идентичны. В каждом «лепестке» есть фигурная прорезь-отверстие (рис. 1, 3).

Отверстия в виде «запятых». Это первое, что бросается в глаза при сопоставлении алучайденской и филипповских золотых пластин. Алучайденская имеет 4 одинаковых узких отверстия, каждое из которых тянется от конца рога горного козла вдоль его внутренней стороны до шеи и спины козла. Отверстия имеют вид «запятых» с очень длинным изогнутым «хвостом». Такие же отверстия имеются у многих филипповских накладок, где они расположены среди ветвей рогов оленей или, особенно похожие на алучайденские, отделяют клювы грифонов от их шеи (рис. 1, 4–6). Эти «запятые» настолько характерны для оковок деревянных сосудов, что они оказались самыми «живучим» из всех других декоративных элементов. На деградировавших накладках Переволочана и Прохоровки уже совершенно нельзя понять, что изображено, но «запятые» всё же сохранены (Федоров, 2016, с. 231, рис. 1). Прорези в виде удлиненных запятых характерны и для пазырыкских древностей — в них имеется «огромное количество изображений пламевидных фигур с прорезью в виде запятой» (Ковалев, 1999, с. 81), но они находятся на изделиях из других материалов, не из золота.

Горные козлы. На алучайденской пластине изображены сибирские горные козлы, на это указывают бороды и рога с большими выступами-валиками полукруглой формы. Именно эти признаки позволяют безошибочно идентифицировать горных козлов на древних изображениях и отличать их от изображений горных баранов (архаров) (Чжан Чуаньхуй, 2015, с. 389, рис. 6, 18). Козлы изображены в сложной позе с вывернутой задней частью (рис. 2, 1). В обширном филипповском bestiarii горный козел, по-видимому, отсутствует. Однако есть несколько накладок на деревянные сосу-

ды, изображающие некое синкретическое животное с туловищем или головой оленя и козлиными рогами (рис. 2, 2–4). Рога определенно не оленьи, и не бараньи. Они без ветвей, круто изгибающиеся, составлены из крупных наклонных вытянутых элементов с округлым верхом, которые образуют характерные валики-выступы. «Рога скорее козлиные, — пишет Е. Ф. Королькова, и называет животное «козлом или олене-козлом» (Королькова, 2006, с. 48). С этой трактовкой, безусловно, следует согласиться. Валики-выступы на них изображены в совсем иной манере, нежели у алучайденских, но они такие же крупные и округлые сверху. Замечательно совпадение в сложной замысловатой позе животных. На одной из филипповских накладок олене-козел изображен с вытянутой вдоль шеи и морды передней ногой, которая касается копытом подбородка, а также вывернутой задней частью, расположенной вдоль рога, и каса-

ющейся копытом задней ноги его середины. Эта поза практически полностью повторяет позу алучайденских козлов, за небольшим отличием. В Алучайдене козел концом морды касается путового сустава передней ноги, а копыто расположено дальше конца морды. В остальной позе та же самая, включая расположение маленького хвостика (рис. 2, 1, 2).

«Улыбающиеся волки». Тело горного козла на пластине из Алучайдена сложно переплетено с фигурой какого-то хищника волчьей породы. Не очень понятно, показывает ли это переплетение «сцену терзания» или «зоологическую головоломку» без терзания хищником жертвы. Специалисты высказываются за «сцену терзания»: «Навершие представляет золотую фигурку парящего орла с головой из бирюзы, на его «постаменте» выгравированы четыре волка, грызущие горных баранов» (Яценко, 1999, с. 160), «на навершии «шапки» из двух

Рис. 1. Находки из Алучайдена (1–3) и Филипповки (4–6):
 1 — навершие головного убора и гривна (по: Чжен Зыминь, 2015, цв. вкладка),
 2 — навершие головного убора, 3 — коническая пластина, вид сверху
 (по: Черемисин, 2008, табл. XXXIII), 4–6 — оковки деревянных сосудов с отверстиями-высечками
 в виде «запятых» (по: Золотые олени..., 2001, кат. 36, 57)

тонких золотых пластин в стиле «загадочной картинки» представлен сюжет терзания волком горного козла» (Черемисин, 2008, с. 58). Если трактовка изображений на золотой пластине как «загадочной картинки» (или «зоологической головоломки») не вызывает никаких возражений — тела животных переплетены так, что не сразу можно разобрать, где какая часть тела, и чье. Но со сценой терзания всё обстоит не так просто.

Хищники, изображенные на алучайденской пластине, более всего соответствуют волкам. Они лежат на животе в характерной для изображений этого животного в искусстве звериного стиля позе. В такой же позе находится волк с окончания алучайденской гривны. Необычно изображение головы. Она приподнята вверх, такое ее положение обусловлено, скорее всего, тем, что прямо под горлом располагается ляжка горного козла. «Вгрызается» ли волк в подбрюшье горного козла? Это не вполне ясно. Рисунок показывает сомкнутую пасть, растянутую в «улыбке», у самого конца морды губы чуть разомкнуты. Выражение морды животного добродушное, а то, что на противоположных пластинах волки изображены нос к носу, может указывать на то, что волки совершают ритуал обнюхивания, обмен «пахучей информацией», тем более что ноздри изображены в виде достаточно глубоких ямок. Однако под нижней челюстью каждого волка рельефно показаны два зуба — клык и моляр (или премоляр), причем находятся они совсем не там, где должны находиться реальные зубы. Можно предположить, что таким неуклюжим образом действительно показано «вгрызание» волков в плоть горных козлов. В таком случае, нижняя челюсть волка находится по ту сторону тела козла, а то, что мы принимаем за ротовую щель, на самом деле — валик вокруг пасти хищника, такой же, как у волка на окончании алучайденской гривны. Одна-

ко изображение «улыбающихся» волков настолько естественно и гармонично, что эти зубы производят впечатление лишних, нарушающих замысел художника³. На всех известных сценах терзания (где показаны зубы хищника) клыки изображены анатомически верно, расположенными у самого конца морды, за ними, обычно без всякого промежутка следуют премоляры. То же и на одиночных изображениях хищников, например на окончании одного из обручей алучайденской гривны. Даже при самой сильной стилизации изображения фигуры хищника, зубы всегда изображены анатомически верно. В случае с алучайденской пластиной картина совсем другая — клык находится на месте премоляра, а премоляр после некоторого промежутка, фактически уже на уровне глотки животного. Можно предположить, что первоначальным замыслом художника была «загадочная картинка» с «мирным» изображением, но потом он (в соответствии с пожеланием заказчика?) достаточно неуклюже переделал ее в сцену терзания. Изображение волка (и вообще хищника) с оскаленной пастью является почти неизбывным правилом в искусстве звериного стиля ранних кочевников. В самых обширных сводках изображений волка и хищников вообще в скифскую эпоху, мы почти не найдем примеров «улыбающихся» зверей с сомкнутой пастью (Богданов, 2006, все табл.; Королькова, 2006, табл. 28–37, 40; Черемисин, 2008, табл. XV, XVI, XXII–XXVII). Даже с разомкнутой, но беззубой пастью их очень мало. В Филипповке они изредка встречаются. Обкладки ручек деревянных сосудов, изображающие животных с мощными когтистыми лапами, округлым ухом и лишенным зубов разомкнутым ртом, окруженным губами-валиками, совсем не похожи на алучайденских волков, это, скорее всего, изображения медведей (Золотые олени..., 2001, кат. 88). До сих пор не были изданы составные фигурки (отдельно голо-

³ К сожалению, мы не располагаем фотографией золотой пластины, сделанной в необходимом для изучения изображении ракурсе, равно как и лишены возможности изучить вещь *de visu*, приходится ориентироваться на прорисовку, опубликованную в «Веньу», и воспроизведенную Д. В. Черемисиным (Черемисин, 2008, табл. XXXIII).

ва, отдельно передняя и задняя части) других беззубых хищников из Филипповки (№№ по коллекционной описи 831/255–262⁴). Их головы со вздернутыми носами, треугольными ушами и широко раскрытыми пастьями, но пустым гладким пространством внутри пастей напоминают морды «беззлобных» волков Алучайдена (рис. 2, 6).

«Улыбающиеся» волки со вздернутым носом, треугольным ухом и едва заметными зубами в слегка приоткрытом рту изображены на парных пластинах-застежках из Сибирской коллекции Петра I (Руденко, 1962, табл XII, 4, 5). На другом комплекте таких же застежек рты волков полностью сомкнуты (там же, табл. IX, 1, 2). Интересно, что в обоих случаях на волков нападает змея, обвивая их, но волки остаются на удивление индифферентными (рис. 2, 7). Можно предположить, что все эти «беззлобные» волки, на самом деле — собаки. Китайский исследователь предполагает, что «в то время эти племена в Ордосе верили в зороастризм» (Чжен Зыминь, 2015, с. 380). Едва ли это так, но почитание собак в иранском мире общеизвестно, причем в них ценилась не свирепость, а способность отвращать зло одним своим присутствием. Может быть, поэтому встречаются изображения «улыбающихся» животных волчьей породы, которых даже нападение змеи не выводит из спокойного состояния, так как они созданы именно для противостояния храфстра (к которым относятся и змеи). Не исключено, что «улыбающиеся волки» на застежках из Сибирской коллекции Петра I и алучайденовской пластине — это собаки, которые охраняют людей и скот, ведь человек, когда «собаки с ним нет, пребывает в большом страхе» (Бундахишн, XIV).

Отметим, однако, что филипповские «сцены терзания», весьма многочисленные, очень единообразны, это исключительно забирание хищником в свою пасть перед-

ней части морды травоядного животного (Золотые олени..., 2001, кат. 31, 32, 70, 89), причем зубы при этом показаны не всегда (Там же, кат. 30в). Если предположить, что в Алучайдене изображено «терзание», то оно не имеет ничего общего с филипповским, да и ни с каким другим. Сцен терзания хищником подбрюшья травоядного животного в зверином стиле не известно вовсе. Хищники «вгрызаются» в морду, шею, горло, холку, круп, передние или задние ноги, своей жертвы, но только не в брюхо (см. напр.: Полидович, 2006, все табл.). И это еще один аргумент в пользу того, что в Алучайдене мы видим мирную «загадочную картинку», где собаки (?) охраняют (?) пасущихся травоядных.

Орел (грифон). Изображение единственное в своем роде, составленное из нескольких деталей. Голова и шея (по отдельности) изготовлены из бирюзы, скреплены между собой золотыми проволочками (?). Глаза представляют собой круглые окончания узкой золотой пластины, пропущенной в сквозное отверстие в середине головы. Бирюзовая шея вставлена в прямоугольное отверстие в верхней части изготовленного из золота туловища. Туловище с раскинутыми крыльями и лапами производит впечатление цельного (не составного). Хвост изготовлен отдельно, прикреплен к туловищу сзади. Основание шеи, туловище, верхняя часть лап покрыты стилизованными «перьями» большей частью ромбической формы, лишь немногие треугольные, например, у основания крыльев. Маховые перья в виде длинных полос, разделенных глубокими каннелюрами. Хвостовое оперение показано в виде удлиненных «чешуек». Лапы очень мощные, четырехпалые спереди, и с одним отставленным назад пальцем (рис. 1, 1, 2; 3, 1). Голова, шея и хвост не закреплены «намертво», при ходьбе они должны были покачиваться (Черемисин,

⁴ В работе использованы результаты НИР, хранящиеся в научных фондах Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева — обособленном структурном подразделении Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН).

2008, с. 58). По мнению Чжен Зыминя, орел как бы обозревает пастбища, на которых охотится на лошадей и баранов, причем китайский исследователь видит в нем изображение Веретрагны (очевидно в ипостаси птицы Варагн) (Чжен Зыминь, 2015, с. 380).

Среди предметов звериного стиля имеются такие, на которых грифоны изображены полностью в алучайденской манере. Речь идет о двух парах пряжек из Сибирской коллекции Петра I. Туловище и лапы у изображенных на них грифонов совершенно алучайденские (рис. 3, 3, 4). Особенно это касается оперения в виде ромбов, каждый из которых имеет две грани. Головы у грифонов с пряжек из Сибирской коллекции не бирюзовые, а золотые, но у двух из них глаз и ухо «оживлены» вставками голубого цвета. Такие же вставки есть у основания маховых перьев. Эти две пары пряжек даже можно было бы считать комплектными с алучайденским головным убором, если бы

не слишком большая разница в художественной манере. Грифон в Алучайдене статичен, изображен в виде объемной фигурки, и в целом, производит впечатление полного спокойствия. На пряжках Сибирской коллекции фигурки плоские, с рельефным изображением, но главное не в этом, все персонажи на пряжках изображены в экспрессивной манере, в крайнем напряжении сил. Да и стилистически изображения на головном уборе и пряжках слишком сильно разнятся. У алучайденского грифона очертания фигуры простые, строгие, не имеющие ни малейшей вычурности, которая бросается в глаза в изображениях грифонов на пряжках. Тем не менее, это одна и та же птица, только изображенная в разной художественной манере и с использованием разных технических приемов.

В Филипповке в большинстве случаев изображены только головы грифонов, а также лапы с когтями (сильно стилизованные).

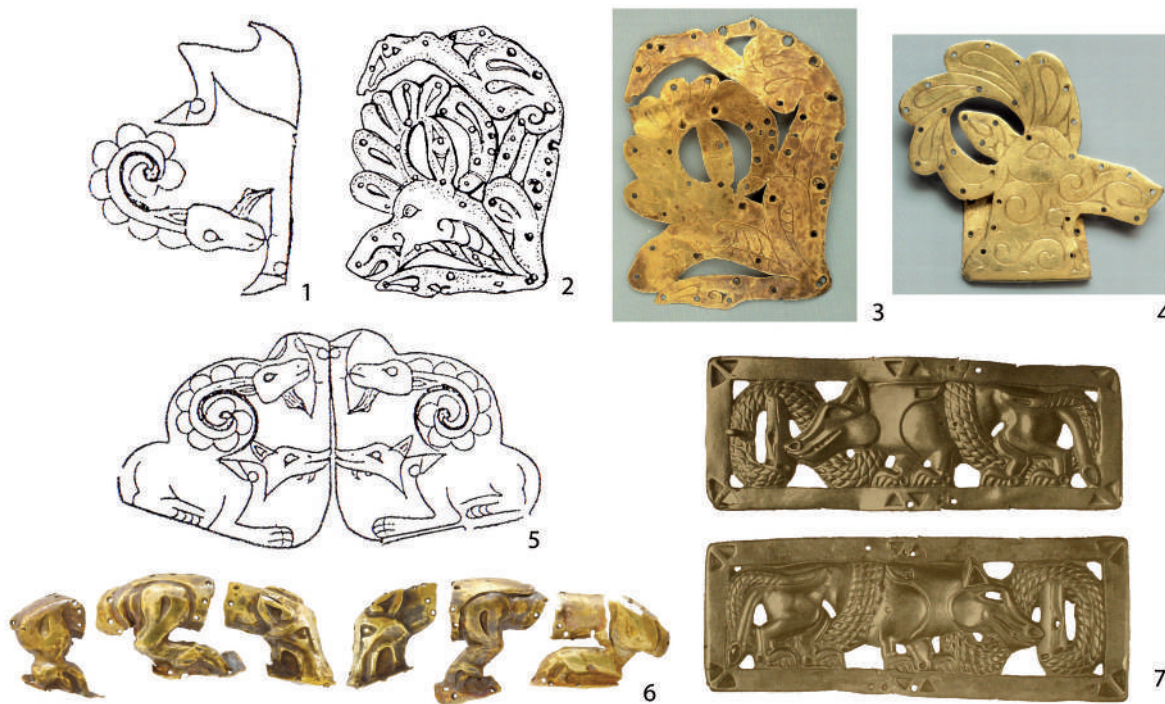

Рис. 2. Фигуры животных с конической пластины из Алучайдена и аналогии к ним: 1 — фигура горного козла из Алучайдена, 2–4 — фигуры «олене-козлов» на золотых оковках из Филипповки (по: Королькова, 2006, табл. 5, 3; Золотые олени..., 2001, кат. 51–53), 5 — фигуры волков из Алучайдена, 6 — составные фигурки волков из Филипповки (фото Ф. К. Абсатарова), 7 — пластины-застежки из Сибирской коллекции Петра I (по: Руденко, 1962, табл. XII, 4, 5)

Полных фигур грифона в филипповской коллекции очень мало, а с расправленными крыльями их нет вовсе. Оперение у них показано в виде округлых чешуек (Золотые олени..., 2001, кат. 75, 78), как и у многих других изображений грифона в зверином стиле (Руденко, 1962, табл. XIX, 1, 2; XXII, 7, 11). Тем не менее, в Филипповке есть изображение грифона с оперением в «алу-

чайденском стиле», в виде ромбов. Оно находится в нижней части т. н. «подставки» — массивного предмета неизвестного назначения (рис. 3, 5). Грифон изображен стоящим, со сложенными крыльями. Оперение показано треугольниками и ромбами, маховые перья — в виде выпуклых полосок, разделенных каннелюрами. У грифона большая голова с крупным глазом, сильно

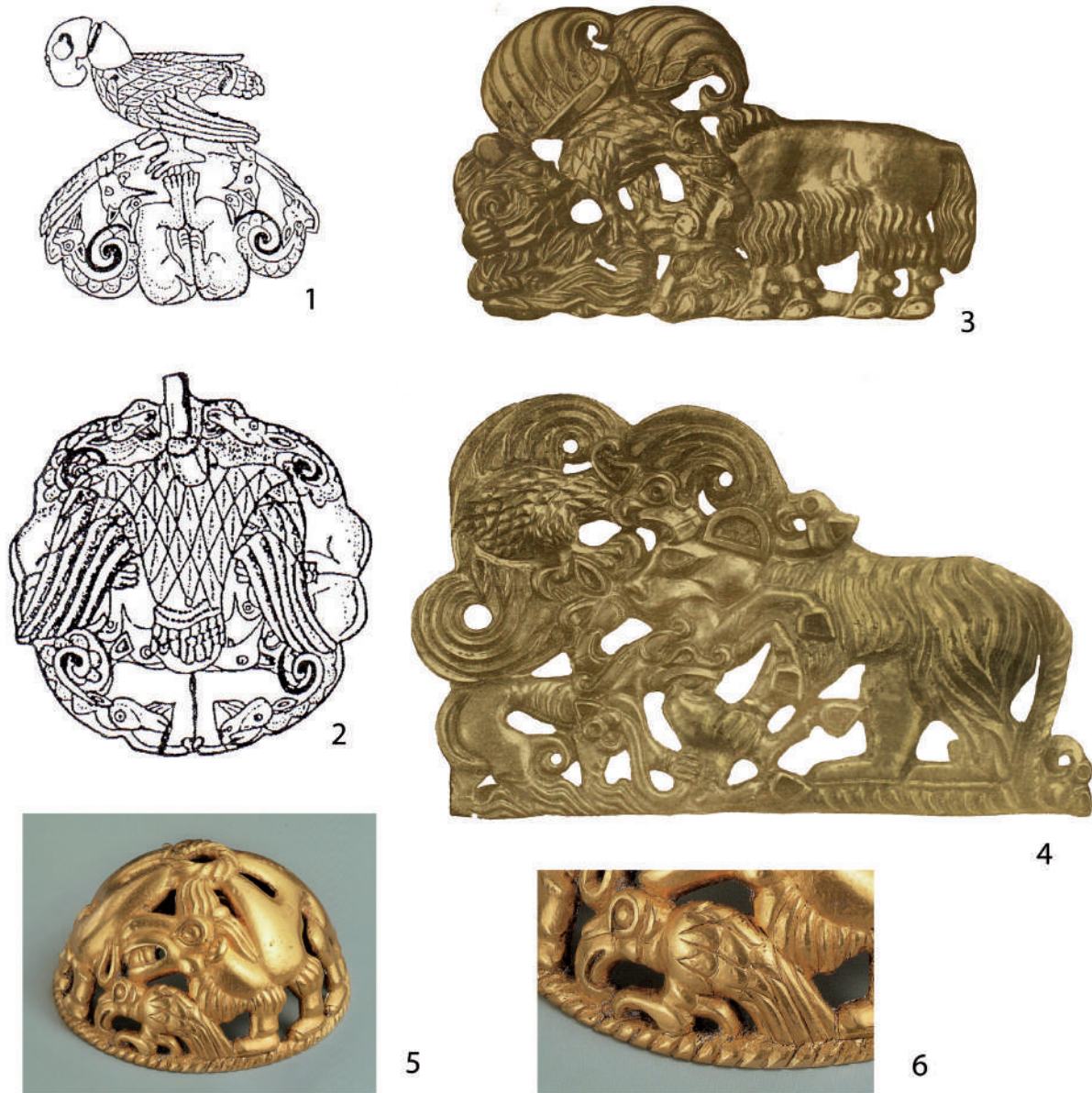

Рис. 3. Фигура орла (грифона) из Алуцайдена и аналогии к ней: 1–2 — фигурка из Алуцайдена, вид сбоку и сверху, 3–4 — пластины-застежки из Сибирской коллекции Петра I (по: Руденко, 1962, табл. IV, 3, V; 5), 5–6 — «подставка» из Филипповки и изображение орла (грифона) в ее нижней части (по: Золотые олени..., 2001, кат. 107)

изогнутый клюв с восковицей (рис. 3, 6). Всё это делает Филипповскую фигурку скромным подобием экспрессивных грифонов с пряжек из Сибирской коллекции. Но и с алучайденской фигуркой у филипповской много общего — поза стоящего грифона, наклон головы вперед, мощные пальцы ног, главное же — схожая манера изображения оперения, встречающаяся очень редко.

Заключение. Проведенное сопоставление позволило выявить некоторые соответствия между изображениями, украшающими головной убор из Алучайдена и изделиями в зверином стиле Филипповского могильника. Сходство между артефактами из этих двух памятников выражается не только в использовании тонких золотых пластин с зооморфными изображениями, как это отметила Е. В. Переводчикова. Одинаковы отверстия-высечки в виде «запятых» с удлинённым «хвостом», подчеркивающие очертания фигур. Близкое соответствие наблюдается между сложными позами

фигур горных козлов в Алучайдене и «олене-козла» в Филипповке, между редко встречающимися изображениями «беззлых» волков (у которых не подчеркнут хищный оскал пасти), а также редким типом изображения оперения орлов (грифонов) — в виде ромбов. Предположение Е. В. Переводчиковой о проявлении изобразительной традиции алучайденского головного убора, который, как и многие другие предметы в зверином стиле, найденные в Северном Китае, изготовлен китайскими мастерами (по заказу представителей местной кочевой элиты), в пазырыкских древностях и золотых изделиях Филипповки, находит, на наш взгляд, убедительное подтверждение.

Работа выполнена в рамках Госзадания «Музей археологии и этнографии: коллекционные ресурсы, исследовательская деятельность и новые информационные технологии».

Литература

- Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии: Скифо-сибирская художественная традиция. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Бундахишн // Зороастрийские тексты / Изд. подготовлено О. М. Чунаковой. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1997. С. 265–312.
- Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 2001. 248 с.
- Ковалев А. А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V – III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина, А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ГУ, 1999. С. 75–82.
- Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII – IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
- Переводчикова Е. В. Золотые оковки деревянных сосудов из 1-го Филипповского кургана // РА. 2016. № 2. С. 19–35.
- Переводчикова Е. В., Таиров А. Д. Произведения скифского звериного стиля из 1-го Филипповского кургана в контексте искусства кочевников Южного Урала // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 198–212.

- Полидович Ю. Б. Хищник и его жертва: Выражение круговорота жизни и смерти средствами скифского зооморфного кода // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Гл. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2006. С. 355–398.
- Пшеничнюк А. Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале / Отв. ред. Н. С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
- Руденко С. Т. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с. (САИ. Вып. ДЗ-9).
- Фёдоров В. К. Металлические оковки деревянных сосудов из могильника Переволочан I в Южном Зауралье // Урал — Алтай: Через века в будущее. Мат. VII Всеросс. тюркологич. конф. (с междунар. участ.), посв. 95-летию видного ученого-тюрколога Э. Р. Тенишева (Уфа, 31 мая – 3 июня 2016 г.) / Гл. ред. А. В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 230–232.
- Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.
- Чжан Чуаньхуй. Виды диких коз на северных бронзовых изделиях // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. I / Глав. ред. Та Ла. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2015. С. 386–393.
- Чжен Зыминь. К вопросу распространения и связи ордосских бронз в степях Великого Шелкового пути // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Т. I / Глав. ред. Та Ла. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2015. С. 377–385.
- Яценко С. А. Костюм племен пазырыкской культуры Алтая как исторический источник // ВДИ. 1999. № 3. С. 145–170.
- Bunker E. C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes // The Eugene V. Thaw and Other New York Collections. The Metropolitan Museum of Art. New York: Yale University Press, 2002. 234 p.

Vitalii Fedorov

Filippovka and Aluchaiden

Abstract

This paper has compared the artefacts featuring the “Scythian-Siberian animal style” from Aluchaiden (Ordos, Northern China) and the cemetery of Filippovka (Southern Ural area, Orenburg region). The main attention has been paid to the head-dress from Aluchaiden, consisting of the conical gold plate depicting the Caucasian goat and wolf (?) and the end-piece in the form of an eagle (griffin). The materials of the cemetery of Filippovka contain close parallels to all the rare and specific images of “animals” on the “gold cap” from Aluchaiden. Therefore, they confirm Elena Perevodchikova’s suggestion that the style of the Filippovka artefacts with zoomorphic decorations shows the features of Chinese art (received via the early nomads of Ordos and the Pazyryk culture people in the Altay).

В. К. Фёдоров

Филипповка и Алучайден

Резюме

В статье проводится сопоставление предметов, выполненных в «скифо-сибирском зверином стиле» из Алучайдена (Ордос, Северный Китай) и Филипповского могильника (Южное Приуралье, Оренбургская область). Основное внимание уделено головному убору из Алучайдена, состоящему из конической золотой пластины с фигурами горного козла и волка (?) и навершия в виде фигурки орла (грифона). В материалах Филипповки обнаруживаются близкие соответствия всем редким и своеобразным «звериным» образам «золотой шапки» из Алучайдена. Таким образом, находит подтверждение предположение Е. В. Переводчиковой о наличии в стилистике зооморфно украшенных изделий из Филипповки признаков китайской изобразительной традиции (через посредство ранних кочевников Ордоса и носителей пазырыкской культуры Алтая).

К. Б. Фирсов

Крымские коллекции сарматского времени в собрании ГИМ

Ключевые слова: *Исторический музей, Крымский полуостров, сарматское время, позднескифская культура, поселения, могильники*

Keywords: *State Historical Museum, Crimean peninsula, Sarmatian period, Late Scythian culture, settlements, cemeteries*

Государственный Исторический музей (до 1917 г. — Императорский Российский Исторический музей имени Александра III) располагает значительным собранием древностей, происходящих из археологических памятников скифо-сарматского времени, найденных на обширной территории Евразии. Начало формирования этих коллекций относится к 1872 г. — году основания Исторического музея. Уже в ходе работы Политехнической выставки 1872 г. было начато создание археологического фонда РИМ, в частности, античной коллекции. Как известно, во время выставки работал специальный Севастопольский отдел, где помимо материалов, посвященных обороне Севастополя во время Крымской войны 1853 – 1856 гг., были представлены и предметы из раскопок древнего Херсонеса из собрания графа А. С. Уварова (Журавлев, Фирсов, 2002, с. 16).

В первые десятилетия существования музея образование фонда скифо-сарматских памятников происходило, главным образом, благодаря исследованиям и дарам ученых и частных лиц. Материалы из их раскопок передавались в музей в основном из Императорской Археологической комиссии по специальным отношениям, при этом иногда одну и ту же коллекцию делили между Эрмитажем и Историческим музеем. Другим способом пополнения фондов в этот период были покупки отдельных предметов и коллекций у частных лиц и на торгу. Нередко археологическое собрание музея увеличивалось благодаря коллекциям, переданным из других учреждений и общественных организаций, таких как Музей в Поречье, Московское археологическое общество, Румянцевский музей, откуда происходит значительное количество вещей скифо-сарматского времени.

С 20-х годов XX в. и по настоящее время основным источником новых поступлений в музей являются материалы, полученные в результате работ археологических экспедиций ГИМ и других учреждений, а также некоторое количество даров и покупок. Неоднократно поступали в ГИМ и вещи, конфискованные органами внутренних дел, юстиции, государственной безопасности и таможенными службами.

Среди фонда древностей скифского и сарматского времени особо выделяется представительная группа коллекций, происходящих с территории Крымского полуострова. Эти памятники, нередко являющиеся эталонными для данного региона Северного Причерноморья, имеют важное научное значение и характеризуют материальную культуру населения юга Восточной Европы в последние века до н. э. – первые века н. э. Эта значительная часть скифо-сарматского фонда насчитывает более 40 коллекций, состоящих более чем из 8000 предметов из разнообразных материалов.

В позднескифское время на территории Скифии, которая ограничивается в этот период бассейном Нижнего Днепра и Крымом, происходят важные исторические события, в первую очередь, продвижение и оседание в некоторых местах сарматских племен. Население Крыма, особенно в первые века нашей эры, представляется смешанным вследствие взаимодействия скифской и сарматской культур. В результате этих процессов формируется полиэтническая культура, сочетающая в себе скифские, сарматские и античные элементы. Именно поэтому коллекции Исторического музея сарматского времени представлены, в основном, памятниками позднескифской культуры, в которых частыми находками являются предметы сарматского облика.

Позднескифские памятники в коллекциях Государственного Исторического музея происходят с территории Центрального Крыма из раскопок XIX в. (Н. И. Веселовский, Г. Д. Филимонов) и 60-х годов XX в. (А. Н. Карасев и И. В. Яценко), а также из Юго-Западного Крыма раскопок 1960 – 1990 гг. (Н. А. Богданова, И. И. Гущина).

После окончания Антропологической выставки 1879 г. в музей была передана небольшая коллекция из раскопок Г. Д. Филимонова в окрестностях Неаполя Скифского. В ее составе краснолаковые сосуды, бронзовые фибулы, браслеты, зеркала, бусы и другие предметы из различных материалов (Фирсов, 2006, с. 310–316). Из грунтового некрополя Неаполя Скифского (на территории современного Симферополя) (раскопки Н. И. Веселовского, 1889 г.) происходит краснолаковая посуда, стеклянные бальзамари, большое количество стеклянных бус, бронзовые украшения (браслеты, перстни), зеркала и некоторые другие вещи I – III вв. н. э. (рис. 1). В 1890 – 1891 гг. Н. И. Веселовским были исследованы несколько курганов, относящихся к этому же времени, с похожим набором инвентаря. В частности, это курган рубежа эр в усадьбе М. Д. Талаевой и курган I в. н. э. у деревни Саблы (Дашевская, 1991, с. 52; Журавлев, Фирсов, 2001, с. 223–229).

Основной материал, характеризующий культуру позднескифского населения Центрального Крыма, содержится в комплексах, раскопанных совместной экспедицией Ленинградского отделения ИА СССР и Государственного Исторического музея, которую возглавляли А. Н. Карасев и И. В. Яценко в 1955 – 1961 гг. Ими велись исследования западного участка раскопа Д, в северной части Неаполя Скифского, где были обнаружены жилые и общественные здания. Предметы, найденные здесь, и фрагменты фресковой росписи зданий составляют большую коллекцию (2051 предмет), в которой много лепной керамики (целые сосуды и фрагменты), значительно меньше гончарной (краснолаковые кувшины, чаши, тарелки и несколько рыбных блюд; амфоры, главным образом, в обломках, в том числе ручки с клеймами эллинистического времени (в основном, синопских и родосских) и меньше узкогорлых амфор римского времени); бытовые предметы: железные ножи, гвозди, точильные камни, костяные проколки, глиняные грузила, астрагалы; украшения — стеклянные бусы, бронзовые кольца; предметы вооружения — фрагмен-

ты копий, каменные ядра (Яценко, 1960, с. 92; Раевский, 1970, с. 91–105). Среди массового материала выделяются индивидуальные находки: терракотовая статуэтка собаки, так называемая серебряная тарелка боспорской царицы Гипепирии (Яценко, 1962, с. 10) и несколько римских монет II – III вв. н. э. из серебра и бронзы.

В 1960 – 1990-х годах коллекции ГИМ пополнились материалами могильников первых веков нашей эры, расположенных в Юго-Западном Крыму (долины рек Альмы и Бельбек, раскопки Н. А. Богдановой и И. И. Гущиной). Богатый инвентарь могильников дополняет материалы, характеризующие позднескифский период в Крыму: краснолаковая и лепная керамика, амфоры, бронзовая и стеклянная посуда, бронзовые, серебряные и золотые украшения, детали конского убора, орудия труда и другие вещи. Из долины реки Бельбек происходят материалы трех могильников I – III вв. н. э. — Бельбек II, III, IV (раскопки И. И. Гущиной 1966 – 1975, 1979, 1981 – 1991 гг.) (Гущина, 1974, с. 32–64). Особенно полно представлен могильник Бельбек IV,

в котором было исследовано 331 погребение первых веков н. э. (более 2000 предметов) (Гущина, Журавлев, 2016).

Из долины реки Альмы происходят материалы двух могильников — Скалистое III и Заветное (раскопки Н. А. Богдановой при участии И. И. Гущиной 1958, 1960, 1961, 1963 – 1965, 1979, 1981 гг.). Небольшая часть материалов этих могильников хранится в ГИМ, большая же часть коллекции находится в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 121–152; Богданова, 1989, с. 17–70).

В целом, коллекция памятников сарматского времени с территории Крымского полуострова, хранящаяся в Государственном Историческом музее, является одной из наиболее представительных как по объему собранных материалов, так и по научному значению представленных комплексов. Многие из них входят в круг важнейших памятников последних веков до н. э. – первых веков н. э., исследованных в этом регионе Северного Причерноморья.

Рис. 1. Оригинальный планшет с материалами из некрополя Неаполя Скифского. Раскопки Н. И. Веселовского, 1889 г.

Литература

- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: Исторический музей, 1989. С. 17–70. (Труды ГИМ. Вып. 70).
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Исторический музей, 1974. С. 32–64.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. Ч. 1. 272 с. Ч. 2. 230 с.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 140 с. (САИ. Вып. Д1-7).
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: Исторический музей, 2001. С. 223–229. (Труды ГИМ. Вып. 118).
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. Античные и скифо-сарматские коллекции в Историческом музее // На краю Ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М.: Исторический музей, 2002. С. 16–19.
- Раевский Д. С. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ за 1965 – 1966 гг. М.: Исторический музей, 1970. С. 91–105.
- Фирсов К. Б. Раскопки Г. Д. Филимонова на некрополе городища Керменчик в 1879 г. // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековья. Ойкос / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археологических исследований, 2006. С. 310–316.
- Яценко И. В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском // СА. 1960. № 4. С. 91–112.
- Яценко И. В. Тарелка царицы Гипеирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник / Под ред. Д. А. Авдусина, В. Л. Янина. М.: Издательство Московского университета, 1962. С. 101–113.

Kirill Firsov

Crimean Collections from the Sarmatian Period Residing in the State Historical Museum

Abstract

This research presents a brief review of the monuments from the Sarmatian period, originating from the Crimean peninsula and residing in the State Historical Museum. The publication presents the history of the shaping of this resource, supplies descriptions of several collection, and lists the main publications of the monuments in question.

К. Б. Фирсов

Крымские коллекции сарматского времени в собрании ГИМ

Резюме

Работа посвящена краткому обзору памятников сарматского времени с территории Крымского полуострова, хранящихся в Государственном Историческом музее. В публикации рассматривается история формирования фонда, приводятся описания состава ряда коллекций, даются основные публикации этих памятников.

И. Н. Храпунов

Сарматы в Крыму по данным археологии¹

Ключевые слова: Крым, сарматы, могильники, погребальные сооружения, погребальные обряды

Keywords: Crimea, Sarmatians, cemeteries, funeral structures, funeral rites

Для того, чтобы понять, насколько важны археологические данные, следует вначале сказать о письменных источниках, отразивших пребывание сарматов на территории полуострова. Их совсем немного.

1. Херсонесский декрет о несении Диониса конца первой четверти III в. до н. э. В нем восстанавливается этноним сарматы (Виноградов, 1997).

2. Сообщение Полиена о походе в Крым сарматской царицы Амаги. По мнению М. И. Ростовцева, это событие произошло в конце III или в начале II в. до н. э. (Ростовцев, 1915а, с. 58–63).

3. Договор 179 г. до н. э., в котором царь европейских сарматов Гатал упомянут в едином контексте с Херсонесом (Polyb. XXV. 2).

4. Война скифов с Херсонесом, в которой принимали участие роксоланы (Strabo. VII. 3, 17) или ревксиналы (IOSPE, I², № 352).

Во всех перечисленных случаях сарматы на полуострове постоянно не жили, а приходили на непродолжительное время в связи с экстраординарными событиями.

5. Плохо сохранившаяся, синхронная Декрету в честь Диофанта надпись из Херсонеса (IOSPE, I², № 353), где по двум буквам восстанавливается этноним савроматы или сарматы (Ростовцев, 1915б, с. 160; 1917, с. 6).

6. Фрагмент энкомия из Пантикапея. Согласно мнению разных исследователей, надпись датируется в диапазоне от начала II до начала 30-ых гг. III в. н. э. В ней упомянуты аланы, находившиеся вблизи Херсонеса (Виноградов, Шестаков, 2005, с. 43; Сапрыкин, 2005, с. 47–49; Сапрыкин, Пар-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта №19-59-23001 «Население предгорного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

фенов, 2012, с. 175, 176; Bowersock, Jones, p. 127, 128; Иванчик, 2013, с. 62–64).

Это последнее упоминание сарматского племени в Крыму. Вся остальная информация о сарматах получена в результате интерпретации археологических данных.

Погребений, которые соответствуют всем признакам сарматской культуры, в Крыму открыто очень немного. По последним подсчетам, всего 19 (Кропотов, 2016). Они, за единственным исключением, представляют собой неглубокие впускные подкурганые захоронения, сопровождаемые небогатым инвентарем. Резко выделяется Ногайчинский курган с богатейшим женским захоронением (Зайцев, Мордвинцева, 2003).

Сарматские подкурганые погребения в Крыму датируются I в. до н. э. – I в. н. э. Погребения позднесарматской культуры отсутствуют. Все бесспорно сарматские захоронения расположены на самом севере полуострова, немного отступая от морского побережья. Их нет не только в предгорьях, но и в глубинных степных районах.

Сарматская культура проявляется при исследовании двух крымских регионов — Керченского полуострова, входившего в территорию Боспорского царства, и предгорной части Крыма. Проникновение сарматов на территорию Боспорского царства — это отдельная тема, которую, к тому же, невозможно рассматривать только на крымских материалах, в отрыве от данных, полученных в азиатской части античного государства. Поэтому сосредоточимся на крымских предгорьях.

Коренная трудность в реконструкции истории сарматов в Крыму заключается в том, что они были важным, но не единственным компонентом, формирующим культуру этого региона в римское время.

Крымские предгорья ко времени появления в них сарматов входили в ареал позднескифской культуры. Выделение сарматских элементов в позднескифской культуре — это непростая задача. Еще сложнее понять,

какие из них связаны с заимствованиями, а какие — с притоком нового населения. Более того, последняя проблема, вероятно, в принципе не разрешима при отсутствии письменных источников. Тем не менее, кое-что в этом направлении сделано.

В предгорном Крыму, в ареале позднескифской культуры открыто около десятка курганов эпохи бронзы с впускными погребениями, датирующимися первыми тремя веками нашей эры. Эти захоронения совершались в грунтовых или подбойных могилах. Ориентировка погребенных неустойчивая (Высотская, 1972, с. 69–72; Орлов, Скорый, 1989, с. 72, 73; Зубар, Савеля, 1989; Труфанов, 2014, с. 190–194). Поздние скифы хоронили в больших некрополях, примыкавших к поселениям. Подкурганый обряд они не использовали. Поэтому вполне вероятно, что в предгорных курганах хоронили проникавшие в этот регион через степь сарматы.

Практически общепринятым является мнение, в соответствии с которым показателем присутствия сарматов на позднескифских поселениях являются подбойные могилы, открытые на всех примыкающих к поселениям некрополях. Оно основано, во-первых, на распространенности подбойных могил в сарматской степи, во-вторых, на отсутствии погребальных сооружений этого типа на ранних участках некрополей. Следовательно, традиция хоронить в подбойных могилах была привнесена извне, а именно, сарматами. Первые подбойные могилы появились вблизи позднескифских поселений в начале I в. н. э., после середины I в. н. э. они распространяются массово (Пуздровский, 2007, с. 48–50, 109, 110). После середины II в. н. э. поздние скифы перестают хоронить в традиционных для них склепах. Остаются только подбойные, грунтовые и, изредка используемые, другие типы могил. Все типы вооружения, детали конской сбруи, зеркала, детали одежды, многие украшения и проч. неотличимы от тех, что использовали степные сарма-

ты. На многих позднескифских памятниках обнаружены так называемые сарматские знаки.

Между позднескифскими и сарматскими памятниками имеются и отличия. Это отсутствие на позднескифских некрополях курганов, обычай забивать входные ямы подбойных могил камнями, большое количество античных импортов и своеобразный комплекс лепных керамических сосудов.

Отдельно следует обратить внимание на могильники Скалистое II, III, Бельбек I–IV, Танковое, Холмовка (Богданова, Гущина, 1967; Богданова, Гущина, Лобода, 1976; Гущина, 1970; Гущина, 1974, с.32, 33, 46–51; Гущина, Журавлев, 2016; Вдовиченко, Колтухов, 1994; Труфанов, 2014, с. 183–190).

По погребальным обрядам и инвентарю они ничем не отличаются от позднескифских. Разница заключается в том, что в них, во-первых, нет склепов, самого характерного для поздних скифов типа погребального сооружения и, во-вторых, они не связаны с поселениями. Последнее обстоятельство позволяет предположить два варианта развития событий. Либо часть недавних жителей позднескифских поселений перешла к подвижному образу жизни, либо в предгорья проникли из степи недавние кочевники, изменившие в новых экологических условиях маршруты своих передвижений таким образом, что появилась возможность возвращаться к одному и тому же могильнику, когда умирал кто-то из родственников. Второй вариант представляется гораздо более правдоподобным.

В предгорном Крыму имеется еще одна группа памятников, как представляется, напрямую связанная с проникновением сарматов на полуостров. Это не относящиеся к поселениям могильники. Их известно более 10, наиболее представительным можно назвать могильник Нейзац (Храпунов, 2011; 2016). Могильники типа нейзацкого на первых порах почти ничем не отличались от синхронных им позднескифских, а также скалистинских и бельбекских. К существен-

ным, археологически фиксируемым отличиям можно отнести отсутствие традиции забивать входные ямы подбойных могил камнями. В историческом аспекте их особенность заключается в продолжительности использования. Если позднескифские, скалистинские и бельбекские могильники забрасываются около середины III в. н. э., как полагают все исследователи, в связи с готскими походами, то могильники типа нейзацкого используются вплоть до конца IV – начала V в. н. э. В археологическом аспекте наиболее интересным представляется использование в этих могильниках склепов особой конструкции, с короткими дромосами между входной ямой и погребальной камерой. Первые из них появились в первой половине III в. н. э., широко распространяются приблизительно на рубеже III – IV в. н. э. В IV в. н. э. в них совершается большинство погребений, но продолжается использование грунтовых и подбойных могил.

Происхождение населения, оставившего склепы, не имеющие прототипов в Крыму, вызвало дискуссию. Наличие короткого дромоса в предкавказских катакомбах более ранних, чем крымские склепы, породило гипотезу о миграции северокавказского населения, предков средневековых кавказских алан в Крым. В ответ выдвигаются возражения, основанные на различиях в погребальном обряде и других, кроме дромосов, конструктивных элементах между кавказскими катакомбами и крымскими склепами (Мошкова, Малашев, 1999, с. 195–197; Храпунов, 2018).

Дополнительным аргументом в пользу миграции с Северного Кавказа в Крым служат положение мечей типа Хазанов 5 на плечах и головах погребенных (Левада, 2013, с. 172–174) и сходство некоторых типов лепной керамики (Власов, 2003).

В могильниках типа нейзацкого обнаружены все типы сарматского вооружения и конской сбруи, такие же, как у сарматов, фибулы, пряжки, наконечники ремней,

зеркала, украшения и проч. Важно отметить, что они встречаются в могилах, в отличие, например, от вещей германского происхождения, не единично, а комплексами. До середины III в. н. э. очень широко распространен обычай обшивать женскую одежду, особенно подола платьев, бусами (Стоянова, 2011, с. 121, 122), обнаружены, правда, в небольшом количестве, деформированные черепа (в могильнике Нейзац их 4,1 % от общего количества исследованных черепов) (Радочин, 2011, с. 155–158, 172, 173), поставленные одна в другую курильницы (Стоянова, 2018, с. 186, 187).

Особо следует отметить не только морфологическую, но и стилистическую идентичность вещей, найденных при раскопках сарматских степных и крымских предгорных погребений. Причем смена стилей в среднесарматское и позднесарматское время происходила в обоих регионах одновременно. Так, железные плакированные золотом изделия сменяются во второй половине II в. н. э. серебряными и бронзовыми со срезанными, фасетированными гранями. После середины III в. н. э. фасеточный стиль исчезает, но появляются серебряные украшения, покрытые позолоченной орнаментированной фольгой, с крупными вставками из сердолика и стекла.

Итак, данные археологии свидетельствуют о том, что сарматы в очень небольших количествах проникали в крымскую степь и хоронили во впускных подкурганых погребениях в I в. до н. э. – I в. н. э. В I в. н. э. в крымских предгорьях появляются подбойные могилы. Очень скоро они становятся наиболее распространенным типом погребальных сооружений. В подбойные могилы и в погребальные сооружения иных

типов опускали комплексы вещей, неотличимые от обнаруженных во всем ареале сарматской культуры. Зафиксированы обычаи, которые принято считать типичными для сарматов: деформация головы, обшивка платьев, особенно их подолов, бусами, помещение курильниц одна в другую. Типы вещей, а также художественные стили, в которых они сделаны, с течением времени изменялись синхронно с изменениями, которые происходили в сарматской степи.

Крымские предгорные могильники, конечно, отличаются от степных сарматских: это обширные грунтовые некрополи, а не подкурганые погребения. Тем не менее, сходство погребальных сооружений, обрядов и инвентаря позволяет говорить о крымском варианте сначала среднесарматской, а затем позднесарматской культуры. Исчезновение курганных насыпей и появление больших могильников, вероятно, связаны с изменением образа жизни, происходившего при переселении из степи в предгорья.

Отсутствие письменных источников позволяет трактовать проблему появления в крымских предгорьях сарматских погребальных сооружений, обрядов и инвентаря двояко. Либо как результат проникновения сарматов в Крым, либо постоянными контактами населения крымских предгорий с сарматскими степями. Массовость сарматских вещей, а еще более — синхронность их морфологической и стилистической эволюции в Крыму и в сарматском ареале, заставляют отдать предпочтение первому варианту. В его пользу свидетельствуют такие важные этнографические характеристики как снаряжение коня и костюм.

Литература

- Богданова Н. А., Гущина И. И. Новые могильники II – III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 132–139.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I – III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–151.
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1994. С. 82–88.
- Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE i² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124.
- Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. Laudatio funebris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–44.
- Власов В. П. Северокавказские параллели в лепной керамике Крыма римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 98–124.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наукова Думка, 1972. 192 с.
- Гущина И. И. Могильник Бельбек III в Крыму // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 39–47.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. (По материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: б. и., 1974. С. 32–64.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в юго-западном Крыму. В 2 ч. М.: Исторический музей, 2016. 272 с. + 320 с. (Труды ГИМ. Вып. 205).
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003. № 3. С. 61–99.
- Зубар В. М., Савеля О. Я. Новий сарматський могильник другої половини I – початку II ст. н. е. в південно-західному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 74–83.
- Иванчик А. И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре // ВДИ. 2013. № 1. С. 59–77.
- Кропотов В. В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. 2016. Т. 15. № 1. С. 22–39.
- Левада М. Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Изд-во «ДОЛЯ», 2013. С. 171–187.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: б. и., 1999. С. 172–212.
- Орлов К. К., Скорый С. А. Комплекс з бронзовим посудом римського часу з поховання в центральному Криму // Археологія. 1989. № 2. С. 63–73.
- Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

- Радочин В. Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ДОЛЯ, 2011. С. 153–177.
- Ростовцев М. И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915а. Т. XXXII. С. 58–77.
- Ростовцев М. И. Сирик — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915б. Апр. С. 151–170.
- Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху ранней римской империи // Сборник в честь графини П. С. Уваровой. М.: б. и., 1917. С. 3–18.
- Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 45–80.
- Сапрыкин С. Ю., Парфенов В.Н. ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (К вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца) // ВДИ. 2012. № 1. С. 163–182.
- Стоянова А. А. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ДОЛЯ, 2011. С. 115–151.
- Стоянова А. А. Погребение с провинциально-римским зеркалом и двумя курильницами из могильника Опушки в Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 83–101.
- Труфанов А. А. Могильник I – III вв. н. э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н. э. в курганах юго-западного Крыма // История и археология Крыма. Вып. I / Ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 183–209.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ДОЛЯ, 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. Н. Исследования могильника Нейзац в 2011 – 2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. С. 11–36.
- Храпунов И. Н. Склепы с короткими дромосами в Крыму и на Северном Кавказе // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). IV / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2018. С. 133–145.
- Bowersock G. W., Jones C. P. A New Inscription from Panticapaeum // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2006. № 156. P. 117–128.

Igor' Khrapunov

The Sarmatians in the Crimea according to Archaeological Data

Abstract

Archaeological data supply evidence that a very small number of Sarmatians penetrated into the Crimean stepped and buried there in secondary graves sunken into barrow mounds from the first century BC to the second century AD. In the first century AD, undercut graves appeared in the foothill area of the Crimea. Very soon, they became the most widespread type of burial structures. These undercut graves and burial structures of other types contained sets of grave goods undistinguishable of those discovered everywhere throughout the area of the Sarmatian culture. The excavations have documented the rituals commonly believed to be Sarmatian: skull deformation, the robes, especially at the hem, embroidered with beads, and stacking of censers. In course of time, the types of grave goods and their styles changed synchronously with the changes in the Sarmatian steppe. The cemeteries in the Crimean foothill area certainly differed from Sarmatian sites: the former were large flat cemeteries and the latter barrow graves. Nevertheless, from the similarity of burial structures, funeral rites, and grave goods, there are reasons to determine the Crimean variant of, first, Middle Sarmatian and, then, Late Sarmatian culture. The disappearance of barrow mounds and the appearance of large cemeteries were probably related to lifestyle changes caused by the migration from the steppe to the foothill area.

И. Н. Храпунов

Сарматы в Крыму по данным археологии

Резюме

Данные археологии свидетельствуют о том, что сарматы в очень небольших количествах проникали в крымскую степь и хоронили во впускных подкурганых погребениях в I в. до н. э. – II в. н. э. В I в. н. э. в крымских предгорьях появляются подбойные могилы. Очень скоро они становятся наиболее распространенным типом погребальных сооружений. В подбойные могилы и в погребальные сооружения иных типов опускали комплексы вещей неотличимые от обнаруженных во всем ареале сарматской культуры. Зафиксированы обычаи, которые принято считать типичными для сарматов: деформация головы, обшивка платьев, особенно их подолов, бусами, помещение курильниц одна в другую. Типы вещей, а также художественные стили, в которых они сделаны, с течением времени изменялись синхронно с изменениями, которые происходили в сарматской степи.

Крымские предгорные могильники, конечно, отличаются от степных сарматских: это обширные грунтовые некрополи, а не подкурганые погребения. Тем не менее, сходство погребальных сооружений, обрядов и инвентаря позволяет говорить о крымском варианте сначала среднесарматской, а затем позднесарматской культуры. Исчезновение курганных насыпей и появление больших могильников, вероятно, связаны с изменением образа жизни, происшедшего при переселении из степи в предгорья.

С. В. Шарапова, С. В. Черданцев,
Р. О. Трапезов, А. С. Пилипенко

Кочевники и лесостепь: археология, антропология, палеогенетика¹

Ключевые слова: *ранний железный век, саргатская культура, лесостепное Зауралье*

Keywords: *the Early Iron Age, Sargatskaya culture, Trans-Uralian forest-steppe*

На протяжении многих веков кочевой мир оказывал заметное влияние на соседние регионы, что наглядно подтверждается и данными археологии. В частности, материалы зауральской и западносибирской лесостепи демонстрируют многообразие форм взаимоотношений разных групп населения. В их основе исследователи усматривают особенности пастбищно-кочевой системы, предполагавшей посезонное распределение пастбищ и водных источников и сформировавшейся в полной мере в эпоху железа (Таиров, 2002, с. 143; Коруякова, Еримакхов, 2007, р. 203–209). С другой стороны, специфика различной степени интенсивности и направленности культурных и политических контактов проявлялась

и в глубокой интеграции, и в прагматичности и степняков, и обитателей лесостепи (Хазанов, 1975, с. 32–35; Таиров, 2016, с. 443; Корякова, Шарапова, Ковригин, 2010, с. 62–71; Корякова, Шарапова, 2017, с. 80 и т. д.). Одним из результатов прямого внедрения кочевых групп в местную среду принято считать сложение на обширном лесостепном пространстве к востоку от Урала культурного и политического образования, представленного памятниками саргатской культуры (подробнее см. Корякова, 1988; 1991; 1994 и др.).

Частный случай взаимодействия кочевников и лесостепного населения представлен в материалах саргатского могильника Карасье 9 в Тюменском При-тоболье (Шарапова, Берсенева, Корякова

¹ Часть исследования проведена в рамках государственного задания по проекту №АААА-А16-116040110036-1, палеогенетическое изучение выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 17-78-20193. Слова благодарности адресованы А. А. Ковригину, Д. И. Ражеву и Л. Н. Коряковой — участникам совместных полевых работ — за их искреннюю заинтересованность и поддержку в углубленном изучении полученных материалов.

и др., 2001)². Этот пример выделяется еще и тем, что уже на начальной стадии — в процессе раскопок — была получена качественная информация, позволившая выдвигать рабочие гипотезы, а последующий анализ сделал их более вероятными.

Археологический контекст. Под насыпью распаханного кургана 11 могильника Карасье 9 в южном секторе, вблизи внутренней границы рва было выявлено непо потревоженное женское захоронение (Ковригин, Корякова, Курто и др., 2006) (рис. 1)³. Погребение зафиксировано на уровне материка, следов выкида вокруг него не обнаружено — могила впускная. Прямоугольной формы яма была ориентирована длинной осью по линии восток-северо-восток — запад-юго-запад, т. е. параллельно направлению рва на этом участке. Отличительной чертой являются низкие асимметричные заплечики и узкая погребальная камера. Подобные могилы известны в Зауралье в поздних погребениях, датируемых первыми веками н. э. (Мошкова, Генинг, 1972, с. 87–118; Матвеева, 1993, с. 155; 1994, с. 119; Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 64–67). В степи узкие могильные ямы становятся ведущим типом с распространением позднесарматской культуры и считаются одной из ее отличительных черт (см. например, Смирнов, Попов, 1972, с. 24; Малашев, Мошкова, 2010, с. 38; Малашев, 2013, с. 8 и др.). В головном конце камеры для установки заупокойных даров устроено своеобразное расширение. В нем помимо тазовых костей лошади находились два сосуда ручной лепки (плоскодонные кувшин и горшок), украшенные желобками (рис. 2).

Хотя плоскодонная керамика и кувшины в небольшом количестве все же встречаются в Зауральской лесостепи в раннем

железном веке, однако ни по форме, ни по орнаменту не соответствуют стандартам гончарных традиций местного населения. Гораздо больше параллелей этим сосудам обнаруживается вне саргатской территории. В частности, в керамике из сарматских погребений в Поволжье и Южном Приуралье (Скрипкин, 1990, с. 275, 276, рис. 49, 50), а также из курганов Урало-Казахстанских степей (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 40–46, рис. 9–12). Очень близкие по стилистике экземпляры есть и среди посуды джетысарской культуры в Восточном Приаралье, для которой характерен орнамент в виде т. н. «горизонтального рифления» горловины (Левина, 1992, с. 66–68, 371, рис. 21). В целом в лесостепных могильниках встречается как импортная керамика (в том числе и плоскодонная), так и лепные подражания ей и собственно саргатские сосуды с нетипичным, плоским дном. Довольно часто они находятся в одних курганах или даже комплексах. Потому можно допустить, что распространение кувшинов и/или плоскодонных форм происходило в лесостепном Тоболо-Иртыше под прямым влиянием или при непосредственном участии (?) кочевников (Ковригин, Корякова, Курто и др., 2006, с. 197). Примечательно, что обилие среднеазиатского импорта заметно в погребениях, датированных рубежом эр (Корякова, 1994, с. 154).

Комбинированная дата по костям человека — 200 г. до н. э. – 10 г. н. э. (Ле 7237, 1950±100 ВР; Ле 7238, 2270±120 ВР) (Шарапова, 2018, с. 250, 251, рис. 4).

Палеоантропологические реконструкции. В могильной яме расчищен скелет женщины с деформированным черепом, умершей в возрасте 40–50 лет. Деформация прижизненная, относится к циркулярному типу. Подобное изменение

² Поскольку материалы раскопок опубликованы (Ковригин, Корякова, Курто и др., 2006), археологическая и антропологическая информация дана сжато, основная ее задача — выстроить ход рассуждений для обоснования предложенных реконструкций и интерпретаций.

³ Материалы из центральной могильной ямы, содержащей остатки двух разновременных захоронений взрослого мужчины и ребенка, здесь не рассматриваются.

формы головы известно в среде саргатского населения, однако выражено несильно (слабо или средне) (Ражев, 2009, с. 164) и характеризуется небольшим количеством индивидов с деформированными черепами (Шарапова, 2018, с. 244). Рассматриваемый случай примечателен тем, что на черепе наблюдается сильная деформация, значительно превышающая показатели этого признака из других саргатских могильников и больше соответствующая кочевнической традиции. Данное обстоятельство позволяет обозначить северный вектор распространения этого обычая (Ковригин, Корякова, Курто и др., 2006, с. 200, 201; Шарапова, 2007, с. 66). Надо полагать, что проникновение этого обряда в лесостепь осуществлялось благодаряномадам — выходцам из среды кочевого населения Восточного Приаралья и прилегающих территорий.

В этом же ключе может быть интерпретирован и обряд отсроченного погребения, реконструированный на основании выявленных посмертных изменений: череп находился ниже анатомически правильного положения, налегая на грудные позвонки; шейные и грудные позвонки, образуя единый ансамбль, находились в положении обратном физиологическому; верхние концы плечевых и кости ног в области коленных суставов неестественно сближены. Такое положение указывает на то, что до помещения в могилу мягкие ткани уже успели частично разложиться. При этом тело умершей было завернуто в мягкий материал (войлочную кошму (?)), с фиксацией

головой, плеч, верхней части бедер и стоп. Особенности залегания костей черепа и позвонков позволяют предположить, что в период разложения мягких тканей головной конец свертка располагался выше ног, что возможно, например, при транспортировке, которая заняла от нескольких недель до нескольких месяцев (Судебная медицина..., с. 321, 322).

Вероятны два сценария похорон. Согласно первому, захоронение было совершено с наступлением теплого времени года. Так, существование отложенных весенних похорон зафиксировано на пазырыкских материалах (Полосьмак, 2001, с. 241), также нашло отражение в материалах культур лесного круга (Зайцева, 2006, с. 24). Вторым вариантом предполагается похоронение тела после доставки к месту погребения, что может указывать и на степень родства между индивидами из центральных и впускных могил.

Картина маркеров физических нагрузок позволяет считать, что они не были разрушающими, свидетельствуют о высоком качестве и здоровом образе жизни, при регулярной верховой езде. Множественные депрессии на лобковых частях таза указывают на повторные размягчения связок лобкового сращения. Подобные признаки интерпретируются как изменения женского организма, сопутствующие вынашиванию плода и родам, в данном случае, — многократным.

Данные палеогенетики. Существование отсроченных погребений хорошо

Рис. 1. Могильник Карасье 9, курган 11, погребение 2. Фото (по Шарапова, 2018, рис. 3)

согласуются с немногочисленными пока результатами палеогенетических исследований. Изучение индивидов из курганов Барабинской лесостепи не зафиксировало фактов прямого родства по типу родитель – потомок (Пилипенко, Черданцев, Трапезов и др., 2018, с. 140), что вполне допустимо для несинхронных погребений в многомогильных саргатских курганах⁴. Однако выявленные в этой же работе случаи близкого родства по отцовской и материнской линиям свидетельствуют о том, что это все же было одним из мотивов захоронения людей в одном кургане, причем родство по отцовской линии, по-видимому, имело большее значение. С другой стороны, разнообразие линий мтДНК и Y-хромосомы среди погребенных в кургане указывает на существова-

ние других мотивов совместного погребения, помимо кровного родства (Пилипенко, Черданцев, Трапезов и др., 2018, с. 141, 142). Косвенно это подтверждает гипотезу о существовании между саргатской аристократией и степняками матримониальных связей.

Ранее в генофонде мтДНК саргатского населения Барабы было предварительно показано наличие признаков внешнего генетического влияния. Целый ряд линий в генофонде саргатской популяции барабинской локальной серии свидетельствует о генетических связях с населением Средней и Передней Азии и более южных регионов (Пилипенко, Полосьмак, Кобелева и др., 2013). В настоящее время эти выводы в целом подтверждаются на более репрезен-

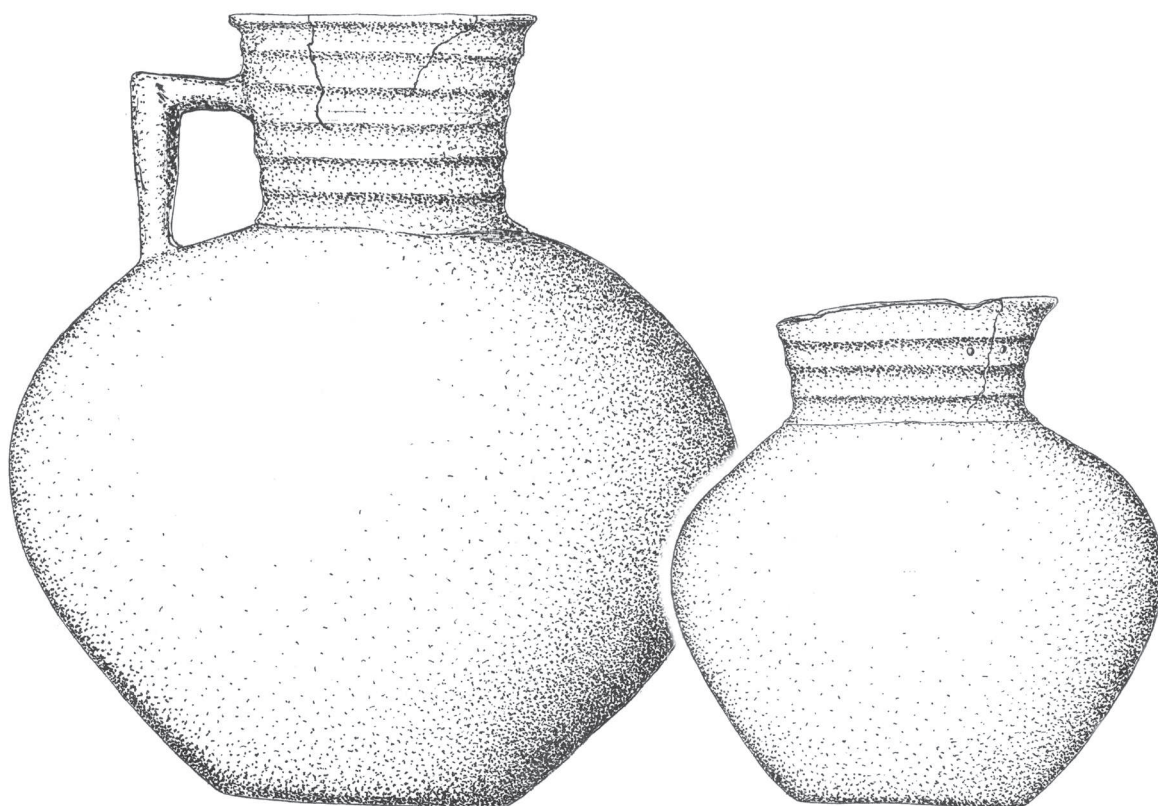

Рис. 2. Могильник Карасье 9, курган 11, погребение 2. Керамика (по Ковригин, Корякова, Курто и др., 2006, рис. 5)

⁴ Многомогильные комплексы становятся доминирующими с конца III – начала II вв. до н. э. — периода, совпадающего с фазой стабилизации и расцвета саргатской общности (Корякова, 1994, с. 153). Нередко центральные и боковые погребения разделены длительными временными интервалами (см., например, Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 64–70; Среда, культура и общество..., 2009, с. 230–232)

тативных материалах (результаты готовятся к публикации). Предварительные данные, полученные нами для погребенной женщины из могильника Карасье 9, показали, что структурный вариант ее мтДНК, по-видимому, не является филогенетически информативным в данном контексте, то есть на этом этапе исследования он не подтверждает и не опровергает возможные южные генетические корни рассматриваемого индивида.

В заключение необходимо подчеркнуть, что междисциплинарная парадигма дает возможность рассмотреть известные мате-

риалы по принципу от общего к частному и от частного к особенному. Единицей такого подхода к источнику становится конкретный индивид, изучение скелетных останков которого в совокупности с археологическими данными несет информацию о его образе жизни, культурных традициях, среде, в том числе социальной и т. п. С другой стороны, несмотря на ряд оговорок и гипотетичность предложенных суждений, эффективность применения такого подхода для социокультурных реконструкций древнего населения очевидна.

Литература

- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
- Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.
- Ковригин А. А., Корякова Л. Н., Курто П., Ражев Д. И., Шарапова С. В. Аристократические погребения из могильника Карасье 9 // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 187–203.
- Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
- Корякова Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург: Изд-во ИИиА УрО РАН, 1991. 52 с.
- Корякова Л. Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири Т. 2. Мир реальный и потусторонний / Отв. ред. В. М. Кулемзин, В. И. Матющенко. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. С. 113–169.
- Корякова Л. Н., Шарапова С. В., Ковригин А. А. Прыговский 2 могильник: кочевники и лесостепь // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 62–71.
- Корякова Л. Н., Шарапова С. В. Кочевники и лесостепь: саргатская культура // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб: Скифия-Принт, 2017. С. 80–83.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование / Отв. ред. Л. Н. Корякова, М-И. Дэйр. Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. 180 с.
- Левина Л. М. Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н. э. – середины I тысячелетия н. э. // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 61–72.
- Малашев В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II – III вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 25 с.

- Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский ун-т; ИА РАН, 2010. С. 37–56.
- Матвеева Н. П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.
- Мошкова М. Г., Генинг В. Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // МИА. 1977. № 133. С. 87–118.
- Пилипенко А. С., Полосьмак Н. В., Кобелева Л. С., Молодин В. И., Журавлев А. А. Первые данные о генофонде митохондриальной ДНК носителей саргатской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. XIX. С. 555–558.
- Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Молодин В. И., Кобелева Л. С., Поздняков Д. В., Полосьмак Н. В. Палеогенетическое исследование родства погребенных из курганов саргатской культуры в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Том 45, № 4. С. 132–142.
- Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
- Ражев Д. И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
- Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 299 с.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // МИА. 1972. № 153. С. 3–26.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н. э. / Отв. ред. Л. Н. Корякова. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
- Судебная медицина: учебник / Отв. ред. В. Н. Крюков. М.: Норма, 2009. 432 с.
- Таиров А. Д. Кочевники Южного Зауралья и Средняя Азия в конце IV – II вв. до н. э. // Вестник Челябинского университета. Серия 10. 2002. Вып. 1. С. 143–153.
- Таиров А. Д. Взаимодействие населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII – II вв. до н. э. // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь. Ранний железный век и средневековье (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2016. С. 443–468.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 343 с.
- Шарапова С. В. Символика престижа в саргатской культуре (на примере феномена кольцевой деформации черепа) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 57–69.
- Шарапова С. В. Искусственная деформация черепа в саргатской среде (биоархеологический аспект) // КСИА. 2018. № 250. С. 243–259.
- Шарапова С. В., Берсенева Н. А., Корякова Л. Н., Ковригин А. А., Микрюкова О. В., Пантелеева С. Е., Ражев Д. И. Раскопки курганных могильников в Заводоуковском районе Тюменской области // АО 2000 года / Отв. ред. В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М.: Наука, 2001. С. 263–265.
- Koryakova L., Epimakhov A. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 383 p.

Svetlana Sharapova, Stepan Cherdantsev, Rostislav Trapezov, Aleksandr Pilipenko

Nomads and the forest-steppe: archaeology, anthropology, palaeogenetics

Abstract

Archaeological investigations of the Iron Age kurgans in the Trans-Urals and West Siberia evidence various forms of interactions between forest-steppe population and nomadic groups. The latter had far more insight into their northern neighbors as the Trans-Uralian and West Siberian forest-steppe area was of intended geographic scope in general and due to its wealth of bio-resources in particular. The paper deals with the results of multidisciplinary analyses of the Sargat culture materials obtained in a course of field work and desk top analysis of the female burial from Karasie 9 cemetery. Based on archaeological and anthropological data (delayed burial practice, pottery style, circular cranial deformation, etc.) the examined individual was interpreted as a relatively privileged – and most likely nomadic – member of Sargat society. Other approaches such as taphonomy, paleopathology and paleogenetic study extend our previous scholarly hypothesis on ancient interactions. Thus paper focuses rather on individual or micro level for better understanding the past of Eurasian non-literate societies.

С. В. Шаропова, С. В. Черданцев, Р. О. Трапезов, А. С. Пилипенко

Кочевники и лесостепь: археология, антропология, палеогенетика

Резюме

Материалы раскопок из разных районов саргатской ойкумены не только демонстрируют формы взаимоотношений местного лесостепного населения и кочевых групп, но и наглядно подтверждают гипотезу о неразрывной связи кочевников с внешним миром. Будучи географической периферией евразийского номадизма, лесостепь Зауралья и Западной Сибири уже в начале I тыс. до н. э. была активно включена в сферу прагматических интересов южных соседей (сезонная пастбищная система, неиссякаемая потребность южноуральских кочевников в металле и т. п.). Существует мнение, что и сама лесостепная аристократия еще в период становления и расцвета саргатской культуры формировалась выходцами из кочевой среды. Частный случай подобного взаимодействия лесостепного и кочевого населения рассматривается на результатах полевого и камерального исследования захоронения женщины из аристократического могильника Карасье 9. Еще в процессе раскопок был зафиксирован факт отсроченного погребения, дальнейшее изучение археологических и антропологических материалов позволило предположить, что погребенная в кургане женщина своим происхождением связана с номадами. Предварительные результаты принятого палеогенетического анализа не исключают возможные южные генетические корни данного индивида, а междисциплинарный подход позволяет вновь обратиться к рассмотрению погребальной обрядности лесостепного населения, но уже на качественно ином уровне.

О. В. Шаров

Появление германцев и сармато-германские контакты в Крыму в позднеимперскую эпоху

Ключевые слова: Крым, Боспор, Чатыр-Даг, германцы, сарматы, могильник, каменный ящик, кремация, урна, римское время

Keywords: Crimea, Bosporos, Chatyr-Dag, Germanic tribes, Sarmatians, cemetery, cist, cremation, urn, Roman period

Долгое время в археологической литературе существовало общее и никем не оспариваемое мнение, что германцы в Крыму появляются только в период «готских войн» в середине III века н. э. (Васильев, 1921). Эта точка зрения является основополагающей и сегодня, и поддерживается авторитетом одного из ведущих специалистов Крыма по эпохе переселения народов и раннего средневековья А. И. Айбабина (Айбабин, 1984, с. 118; 1990, с. 66; 1999, с. 8, 9). В 2006 году вышла коллективная монография о могильнике Чатыр-Даг (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006), где этой проблеме был посвящен целый раздел. Как писал И. Н. Храпунов, «Могильник на склоне горы Чатыр-Даг (рис. 1) со времени его открытия был в центре внимания исследователей, занимавшихся историей крымских германцев» (Храпунов, 2010, с. 68). Авторами проанализирован

погребальный инвентарь всех комплексов, рассмотрены различные версии появления аллохтонов, основавших могильник, где все погребения совершены по обряду кремации. Авторы монографии приняли как наиболее вероятную версию, выдвинутую ранее М. М. Казанским в ряде работ. М. М. Казанский (Kazanski, 1991, р. 496; Казанский, 2006, с. 30–32) отметил, что подобное сочетание признаков — каменный ящик, урна с сожженным прахом, оружие, топоры-мотыги и серпы — наблюдается в Европе лишь на берегах фьордов южной Норвегии. (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, с. 193).

В 2010 году вышла статья о германцах на Боспоре, где автор провел историографический анализ работ, посвященный этой проблеме, и выделил три основные концепции о времени появления германцев в Крыму (Шаров, 2010а, с. 252–255):

Рис. 1. Местонахождение памятников позднеримской эпохи, где зафиксированы погребения по обряду кремации или зафиксированы находки «германского происхождения»: 1 — Ай-Тодор; 2 — Чернореченский могильник; 3 — могильник «Совхоз 10»; 4 — клад у с. Долинное; 5 — Чатыр-Даг; 6 — Дружное; 7 — Олушки; 8 — Скалистое III; 9 — Танковое; 10 — Бельбек I; 11 — Нейзац; 12 — Неаполь; 13 — Альма-Кермен; 14 — Тарпанчи (по: Кнгарипов, 2011, р. 104)

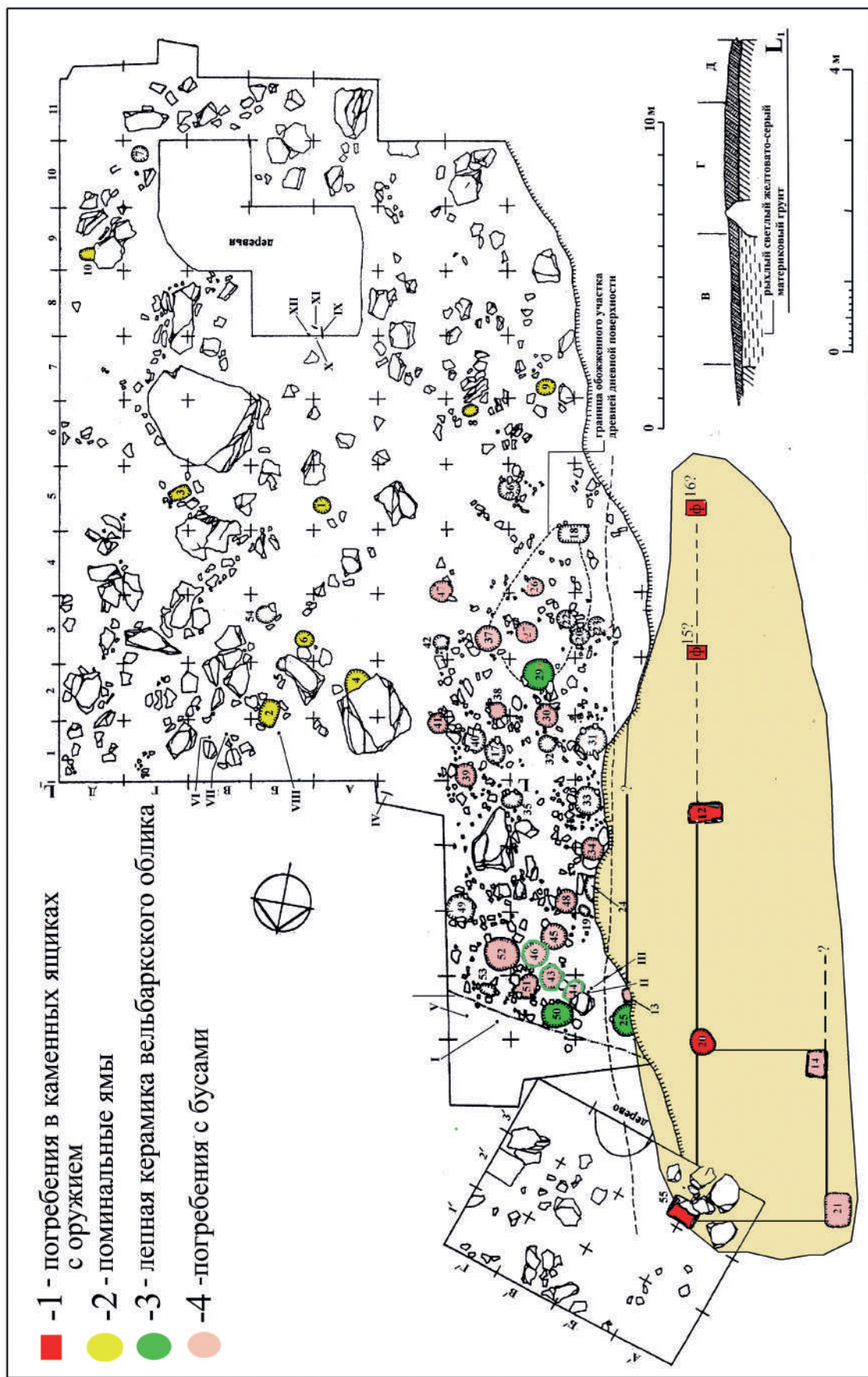

Рис. 2. План северной части могильника Чатыр-Даг (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, таб. 13)

1) германцы появляются только в эпоху «готских походов», в середине – второй половине III века (А. И. Айбабин, В. М. Зубарь, М. М. Казанский);

2) германцы появились во второй половине II в. н. э., в эпоху Маркоманнских войн (О. В. Шаров, А. А. Васильев);

3) германцы появились в первой половине III в. н. э. (И. Н. Храпунов).

Автор разобрал также находки вещей «германского происхождения» и выделил 4 хронологические группы их появления на Боспоре (Шаров, 2010, с. 274–277, рис. 4–16).

Позднее (Шаров, 2013) это деление на группы было повторено в более сжатом виде. Коснемся анализа лишь ранних находок, имеющих отношение к проблеме появления германцев в Крыму.

Можно выделить следующие находки германских и прибалтийских типов периода В2/С1 (150/160 – 200/210 гг.) (Шаров, 2010а, с. 261–263, рис. 4–7, 13–16): это бронзовые пряжки с прямоугольными пластинами на язычке типа АГ14, 25, 45 из Керчи и Кубани; пряжки с двумя язычками и прямоугольными обоймами из Керчи типов АГ 36–44 по Р. Мадыде-Легутко. Пряжки данных типов датируются фазами В2/С1 (150/160 – 200/210 гг. н. э.) и С1а (170/180 – 210/220 гг. н. э.) (Madyda-Legutko, 1986, S. 51–60, Taf. 15–17). Набор конских украшений из насыпи кургана № 16 у станицы Казанской имеет прямые параллели в сакральных комплексах Иллера (SARK,¹ № 190/142) фазы С1b (220/230 – 250/260 гг. н. э.) (Carnap-Bornheim, Illkær, 1996, Abb. 175, 176). Также среди находок представлены умбоны с длинным шипом из склепа Каллисфена в Керчи (Шаров, 2010а, рис. 12) и из погребения 1 кургана 1 Танаиса (Толочко, 2003, рис. 85). Такие умбоны относятся по Й. Иллькеру к типам 3b и 3c и датируются также фазами В2/С1 и С1а (Illkær, 1990, Abb. 199). К. Годловский

относил такие умбоны к горизонту II погребений с оружием пшеворской культуры и датировал их фазой С1а (170/180 – 210/220 гг. н. э.) (Godlowski, 1992, S. 44, Abb. 18). Умбоны, обнаруженные в слое пожара Танаиса, относятся к типам «Конин» и «Хорула», которые германцы стали использовать еще в первой трети III в. н. э., но основное время их распространения падает также на фазу С1b (220/230 – 250/260 гг. н. э.) (Godlowski, 1992, S. 44, Abb. 19).

Таким образом, выделяется две хронологические группы (центральноевропейских, прибалтийских и скандинавских) типов вещей, датируемых до эпохи «готских» войн:

I. второй половины II – начала III века н. э. (фазы В2/С1–С1а), фиксируемая в Керчи, Танаисе и на Кубани, которые имеют аналогии в синхронных центрально-европейских и прибалтийских древностях (пряжки типов АГ 14, 25, 45 и АГ 36–44 по Р. Мадыде-Легутко; умбоны щитов типов 3b и 3c по Й. Иллькеру);

II. второй трети III в. н. э. (фаза С1b), фиксируемая в Танаисе и на Кубани, которые имеют аналогии в центрально-европейских и скандинавских древностях (умбоны щитов типа «Конин» и «Хорула» по К. Годловскому, набор парадного конского снаряжения, идентичный находками из скопления «SARK» Иллера).

В этой же статье были предложены три основные модели контактов греков-боспорян и варваров-германцев: 1. мирная победа цивилизации; 2. военная победа цивилизации; 3. военный кризис цивилизации (Шаров, 2010а, с. 278–282).

Автор статьи пришел к выводу, что первый период контактов варваров-германцев с населением позднеантичного Боспора проходил мирно, по первой модели, аллохтоны старались усвоить все достижения античной цивилизации и достаточно быстро становились боспорянами, принимая уклад и обы-

¹ SARK — обозначение скопления вещей, расчищенных в болоте, условно принадлежащих одному комплексу (Moorfunde).

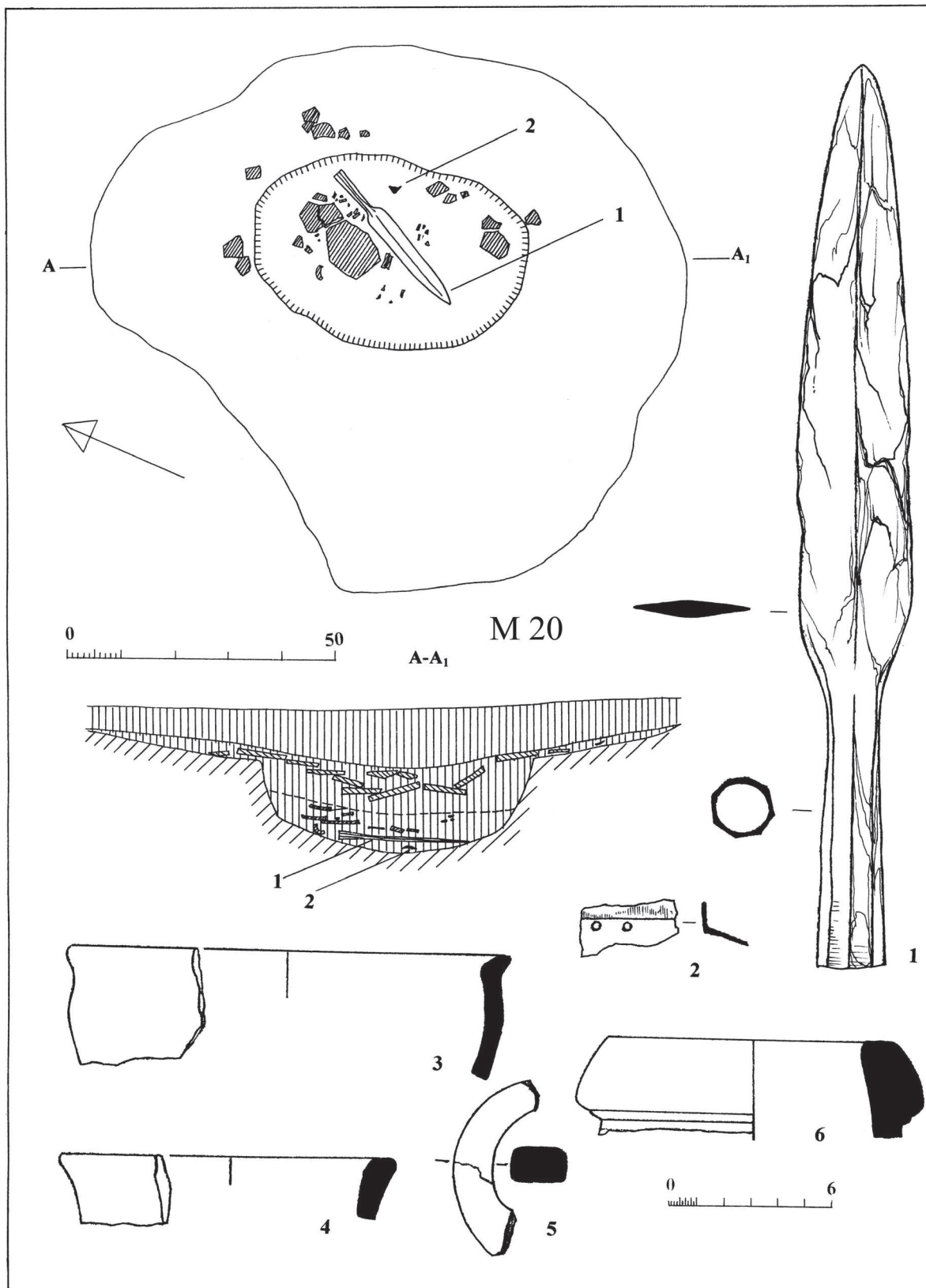

Рис. 3. План погребения № 20 и погребальный инвентарь.
 Могильник Чатыр-Даг (Мыц, Лысенко, Щукин и др, 2006, таб. 23)

чаи боспорского общества. Все описанные выше находки и есть те немногие и почти неуловимые археологические следы миграций небольших контингентов северных переселенцев, поселившихся на Боспоре во второй половине II – первой половине III в. н. э. (Шаров, 2010а, с. 282).

В том же 2010 году в Гаспре состоялась первая международная конференция, «*Inter Ambo Maria*», посвященная именно этой проблеме: «Контакты населения Крыма со Скандинавией в римскую эпоху». Большое внимание в докладах было уделено проблеме появления германцев в Крыму, в частности, были высказаны ряд замечаний по поводу гипотезы М. М. Казанского о появлении погребений в каменных ящиках с оружием на памятниках типа «Ай-Тодор» из Норвегии. Критически отозвался о гипотезе переселения группы людей из Норвегии в Крым известный норвежский исследователь Ф.-А. Стюлегар (Stulegar, 2011). Он пишет: «Большая часть погребений Чатыр-Дага — кремации в ямах, но в ряде случаев были кремации в каменных ящиках с изогнутыми оружием и сельскохозяйственными орудиями. Сочетание каменного ящика, обряда кремации, оружия и сельскохозяйственных орудий в одном комплексе, известные из могильника Чатыр-Даг, вообще не известны в Норвегии в римский период, даже если все отдельные элементы могут быть найдены в Норвегии» (Stulegar, 2011, р. 231, 232). Норвежский исследователь предложил искать корни обряда в других регионах *Germania Libera*: «Погребения по обряду кремации с оружием и сельскохозяйственными орудиями (серпы и изогнутые ножи) занимают видное место в германском могильниках Саксонии, Мекленбурга и Померании» (Stulegar, 2011, р. 232).

На конференции 2010 года автор этих строк предложил иные варианты поисков мигрантов, основавших Чатырдагский могильник (Шаров, 2010б). «На Готланде в римское время, помимо курганных погре-

бений, появляются и грунтовые захоронения по обряду кремации в неглубоких ямах, перекрытых камнями, или в каменных ящиках, где также встречено оружие» (Могильников, 1974, с. 204). В эстонских каменных могильниках в отдельных оградках также встречаются погребения по обряду кремации, содержащие в комплексе и серпы, и предметы вооружения — детали щитов и копье. Целый ряд погребений могильников Восточной Пруссии, совершенных по обряду урновой кремации, также содержат в своем инвентаре и серпы-косы, и предметы вооружения (Радюш, Скворцов, 2008, с. 140–143, рис. 8, 12; Шаров, 2010б, с. 126).

И. Н. Храпунов проанализировав материалы некрополей, приписываемых германцам (Чатыр-Даг, Ай-Тодор), а также отдельные комплексы с кремацией других некрополей (Совхоз 10, Черная Речка, Опушки и т. д.), пришел к следующим выводам: «...приведено много примеров совпадения погребальных обрядов, зафиксированных при раскопках крымских некрополей, с одной стороны, и могильников черняховской, вельбарской, пшеворской культур, а также расположенных в Скандинавии, — с другой. Однако не меньше и отличий, а самое главное, ни один из крымских могильников не может быть, по совокупности признаков, отнесен к конкретной археологической культуре. В погребальном инвентаре крымских некрополей с кремациями сочетаются вещи германские, античные и сарматские. Такое положение дел не дало пока возможности убедительно отождествить население Крыма позднеимского времени с тем или иным германским племенем или племенами» (Храпунов, 2010, с. 71).

В 2012 году в Гаспре состоялась вторая международная конференция «*Inter ambo maria*», посвященная близкой теме: «Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю». Одним из наиболее важных докладов по теме был доклад орга-

низатора конференции И. Н. Храпунова, который, проанализировав «германские» типы вещей, найденные на могильнике Нейзац (умбон и рукоять щита, топор, костяные гребни, стеклянные сосуды, фибулы, подвески, керамика), пришел к неутешительным выводам: «Главная проблема, которая возникала перед всеми, кто занимался изучением германских древностей в Крыму, заключалась в том, как вещи из ареала германских культур попадали на полуостров. Исследования могильника Нейзац не дали ответа на этот вопрос. Нет ни одного погребения, совершенного по обряду какого-либо из германских племен, нет ни одной могилы, где были бы сконцентрированы германские вещи. Они рассеяны в качестве

единичных включений в огромное количество сарматского погребального инвентаря. Следовательно, нет никаких оснований полагать, что среди сарматов, оставивших могильник Нейзац, хоронили германцы. О том, как попали германские вещи в Крым — в результате военных, торговых или культурных контактов, где происходили эти контакты, остается только гадать. Любое из этих предположений теоретически правомерно, но ни одно из них нельзя подкрепить анализом конкретных комплексов, полученных при раскопках могильника» (Храпунов, 2012, с. 125).

Я согласен с И. Н. Храпуновым, что «германский след» проявился в материалах боспорских и сарматских некрополей

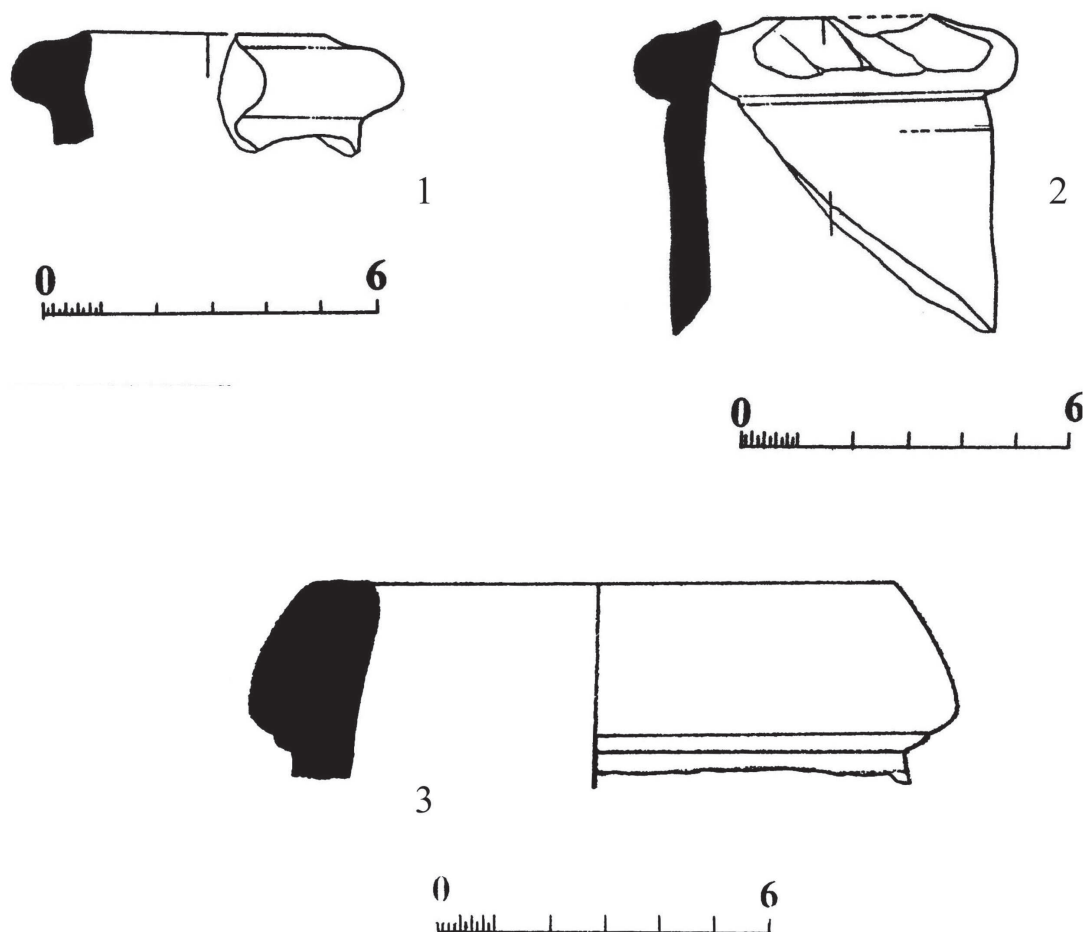

Рис. 4. Находки фрагментов погребальных урн-амфор в погребениях по обряду кремации северной части могильника Чатыр-Даг:
 1 — погр. № 29 (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, таб. 31, 5);
 2 — погр № 40 (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, таб. 28а, 1);
 3 — погр. № 20 (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, таб. 23, 6)

позднеримской эпохи лишь в виде отдельных находок типов изделий центрально-европейского и прибалтийского происхождения (фибулы, пряжки, гребни, керамика, умбоны щитов). Я также сегодня считаю, что не обязательно такие единичные находки нужно рассматривать, как индикаторы присутствия германцев в Крыму², так как речь может идти о веяниях новой «германской моды» после окончания Маркоманнских войн, в которых принимало участие большинство германских племен, а также и сарматские племена, в частности, аланы, живущие у восточных границ Боспорского царства. Э. Иштванович и В. Кульчар, анализируя германские находки в Потисье и сравнивая их с аналогичными крымскими, считают, что можно предположить, что обе сарматские группы — крымская и «венгерская» — хотя бы отчасти родом из какой-то сармато-германской контактной зоны. Вещи германского характера говорят, скорее всего, **о влиянии**, а не о собственно присутствии германцев в Верхнем Потисье и в Крыму (Иштванович, Кульчар, 2012, с. 102, 103).

По моему мнению, возможны следующие варианты появления отдельных «германских» находок в боспорских и позднесарматских комплексах:

— эти детали украшений и снаряжения попали в руки боспорян/сарматов (*противников*) после военных конфликтов с северными варварами как **военные трофеи**;

— эти детали украшений и снаряжения попали в руки боспорян/сарматов (*союзников*) как **дружеские/союзнические дары**;

«Германские» типы изделий была оставлены мигрантами для себя как **реликвии**.

Я не согласен с И. Н. Храпуновым в том, что в Крыму нет могильников, оставленных, несомненно, германцами. Он их прекрасно знает и они выделены почти 30 лет назад как памятники типа «Ай-Тодор» (Kazanski, 1991, 494–499; Казанский, 1999; 2006). Эти

памятники традиционно датируются, начиная с середины – второй половины III в. н. э., но мной выделены и более ранние комплексы на «Северной части» некрополя Чатыр-Даг (рис. 2), синхронные рассматриваемому выше раннему горизонту «германских» типов вещей. Из ямного погребения № 20 под каменной вымосткой могильника Чатыр-Даг (рис. 3) происходит листовидный, с восьмигранной втулкой наконечник копья. Ближайший по морфологии наконечник копья — это тип XV по П. Качановскому ступени B2/C1–C1a (Kaczanowski, 1995, s. 23, tab. XII–3). Там же найдено горло амфоры Зеест-72/73. Такие амфоры были распространены на Боспоре с конца II по середину III в. н. э. (рис. 4, 3). В целом ряде погребений с каменными вымостками могильника Чатыр-Даг (погр. №№ 25, 28, 29, 44, 46, 50) встречена лепная керамика, которая имеет аналогии в керамике вельбаркской культуры (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, рис. 5; Шаров, 2013, рис. 20). Комплекс погребения № 29 могильника Чатыр-Даг можно датировать по находке горла светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «С» по Д. Б. Шелову второй половиной II в. н. э. (Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, таб. 31) (рис. 4, 1). Такая же светлоглиняная узкогорлая амфора-урна типа «С» по Д. Б. Шелову зафиксирована в погребении № 40 (рис. 4, 2). Таким образом, можно выявить, по моему мнению, раннее ядро на «Северном» некрополе Чатыр-Дага, которое следует предварительно связать с появлением германцев на рубеже II – III вв. н. э. в Крыму.

Я полагаю, что германское население, оставившее памятники типа «Ай-Тодор» было включено в систему обороны Понта, развернутую Римом вскоре после Маркоманнских войн³.

Именно здесь, в буферной зоне, между владениями Херсонеса и Боспора заклады-

² Я так считал в ранних статьях о германцах (см. Шаров, 2010, с. 284).

³ Я ранее вместе с М. М. Казанским, М. Б. Щукиным (Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 81–83) традиционно полагал, что это произошло лишь после «Готских» войн.

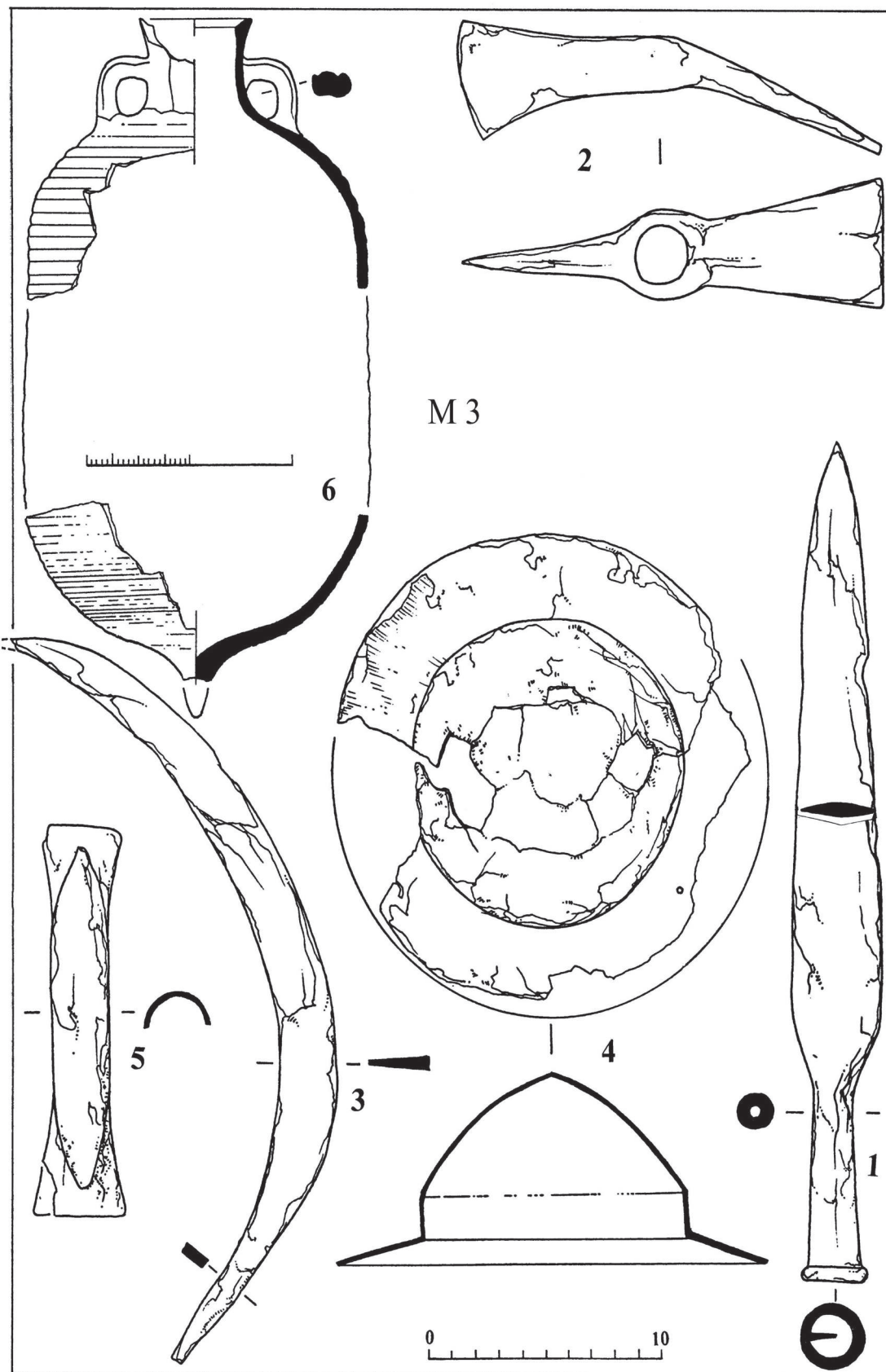

Рис. 5. План погребения № 3 и погребальный инвентарь
(Мыц, Лысенко, Щукин и др., 2006, таб. 7)

ваются германские могильники, где в полном объеме сохраняется германский обряд погребений. В то же время, в этих погребениях есть и детали римской амуниции, которые характерны для снаряжения легионеров и солдат вспомогательных войск: топоры-мотыги, серпы, копья, щиты, мечи и т. д., что подтверждает идею о том, что германцы Чатыр-Дага были федератами (рис. 5). Так полагает и норвежский исследователь Ф. А. Стюлегар, изучивший эти материалы и приведший данные, собранные Н. Роймансом для пограничных с лимесом территорий европейского Барбарикума (Stulegar, 2011, p. 230–232): «Наличие оружия в могилах представляет собой традицию, которая не практикуется в римской армии; члены, которые погибли во время действительной службы, были похоронены своими товарищами без их снаряжения. Такие могилы принадлежали ветеранам вспомогательных войск, которые по окончании их действительной службы брали их снаряжение или его части домой. Когда они умирали, их хоронили в соответствии с родовыми традициями», вместе с оружием (Roymans, 1996, p. 35).

В таком случае, если не учитывать находки серпов/кос и топоров-мотыг в погребениях, то регион, где есть погребения в урне в каменном ящике с оружием охватывает значительную часть Скандинавии (Шаров, 2013, с. 148, 151)⁴.

По моему мнению, можно рассматривать три модели германского присутствия в Северном Причерноморье:

1. германцы–федераты на службе, сохранившие свои традиции в одежде, украшениях и снаряжении, а также в деталях погребального обряда, но уже усвоившие целый ряд новых — местных — деталей костюма и снаряжения (памятники типа «Ай-Тодор»);

2. германцы, мирно или по принужде-

нию поселившиеся на территории Боспорского царства или Херсонеса, которые усвоили достижения античной цивилизации, и достаточно быстро стали боспорянами или херсонеситами, приняв их уклад, обычаи и обряды. При этом данные аллохтоны сохранили лишь единичные типы предметов, связывающие их с далекой прародиной;

3. германцы, мирно или по принуждению поселившиеся на территории Крымской Скифии/«Крымской Сарматии», быстро утратившие свою этническую идентичность и принявшие обряды и обычаи тех племен и народов, с которыми их связала судьба. При этом, как сарматы, так и «сарматизированные» германцы могли сохранять единичные типы «германских» предметов, как трофеи, подарки и как реликвии, связывающие их с предками и с далекой прародиной⁵.

Думаю, сегодня уже вполне очевидно, что в движении «готов» в Причерноморье приняли участие различные германские и негерманские народы и племена. Этот феномен во многом объясним теорией «снежного кома» известного польского исследователя Б. Контны. Согласно ей, начальная группа переселенцев-воинов увеличивалась по мере продвижения вперед. Если это движение началось в Скандинавии, нетрудно понять, откуда взялись черты балтской и пшеворской культуры.

Такая полиэтническая группа, оказавшаяся вдали от родины и не имевшая крепкого культурного фона, легко менялась, формируя новую эклектичную модель (Konthny, 2013, p. 208, 212). Таким образом, можно подвести некоторые итоги данной работы. В том, что в Крыму есть могильники, заложенные германцами, сомнений ни у кого, кроме И. Н. Храпунова, не осталось. Остались насущными вопросы происхождения этих германцев, их этнической атрибуции и принадлежности к той или иной культуре, но это уже дело будущих исследований.

⁴ Я полагаю, что серпы/косы и топоры-мотыги (долабры) являлись частью походного снаряжения ветеранов вспомогательных войск римской армии (см. Конноли, 2000, с. 523), поэтому искать в Скандинавии кремации в каменных ящиках с оружием и серпами не нужно.

⁵ Эта модель контактов и объясняет единичные находки германских типов вещей в сарматских комплексах.

Литература

- Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеимперского периода // СА. 1984. № 1. С. 104–122.
- Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 3–86.
- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
- Васильев А. А. Готы в Крыму. Ч. 1 // Известия Российской академии истории мировой культуры. 1921. Т 1. С. 265–344.
- Иштванович Э., Кульчар В. Сарматы или германцы: влияние или этническое присутствие? Старая проблема — новая гипотеза // Международная конференция «Inter Ambo Maris. Северные варвары на пути из Скандинавии к Чёрному морю» Тезисы докладов. 3 – 7 октября 2012 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. Симферополь: б. и., 2012. С. 98–106.
- Казанский М. М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / Гл. ред. М. И. Гладких. Киев: б. и., 1999. С. 277–297.
- Казанский М. М. Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеимперское время и в эпоху великого переселения народов // Готы и Рим / Гл. ред. Р. В. Терпиловский. Киев: Стилос, 2006. С. 26–41.
- Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.: «Эксмо-Пресс», 2000. 320 с.
- Могильников В. А. Погребальный обряд культур III в. до н. э. – III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1974. 228 с.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История, 2006. 208 с.
- Радюш О., Скворцов К. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов / Ред. О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград: Янтарный сказ, 2008. 237 с.
- Толочко И. В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. – V в. н. э.). Опыт сравнительного изучения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003. 497 с.
- Храпунов И. Н. Северные варвары в Крыму: история исследования // Международная конференция «Inter Ambo Maris. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время» 21 – 25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. Симферополь: б. и., 2010. С. 62–72.
- Храпунов И. Н. Германские вещи из могильника Нейзац // Международная конференция «Inter Ambo Maris. Северные варвары на пути из Скандинавии к Чёрному морю» Тезисы докладов. 3 – 7 октября 2012 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. Симферополь: б. и., 2012. С. 121–127.
- Шаров О. В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus. 2010а. № 4. С. 251–285.

- Шаров О. В. Воинские погребения могильника Чатыр-Даг // Международная конференция «Inter ambo maria. Контакты между Скандинавией и Крымом в римское время» 21 – 25 октября 2010 г., Гаспра, Крым, Украина: Тезисы докладов. Симферополь: б. и., 2010б. С. 122–128.
- Шаров О. В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа / Отв. ред. Н. Е. Берлизов. Краснодар: Гранат, 2013. С.118–155.
- Carnap-Bornheim C. von, Illkær J. Illerup Ádal. Die Paradeausrüstungen. Textband. Bd. VI. Aarhus: Jysk Arkæologisk Selskab, 1996. 322 S.
- Godlowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992. S. 23–54.
- Ilkjaer J. Illerup Adal. Die Lanzen und Speere. Aarhus: Jysk Arkæologisk Selskab, 1990. 404 S.
- Kaczanowski P. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Klasyfikacje zabytków archeologicznych. I. Krakow: Zakład Poligraficzny Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1995. 77 p.
- Kazanski M. Contribution a l'histoire de la defense de la frontier pontique au Bas-Empire // Travaux et memoires. 1991. Vol. 11. P. 487–526.
- Khrapunov I. The Northern Barbarians in the Crimea: a History of the Investigation // Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Ed. Igor' Khrapunov, Frans-Arne Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2011. P. 102–108.
- Kontny B. New Traces to Solve the Riddle: Weapons from Chatyr-Dag in the Light of Current Research // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Ed. Igor' Khrapunov, Frans-Arne Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 196–212.
- Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986. 223 p. (BAR, Int. Ser. 360).
- Roymans N. The Sword or the Plough. Regional Dynamics in the Romanisation of Belgic Gaul and the Rhineland Area // From the Sword to the Plough: Three Studies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul / Ed. N. Roymans. Amsterdam: Amsterdam University Press, 1996. P. 9–126.
- Stulegar F. A. Weapon graves in Roman and Migration Period Norway (ad 1 – 550) // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Ed. Igor' Khrapunov, Frans-Arne Stylegar. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publishing House, 2011. P. 217–235.

Oleg Sharov

**The Appearance of the Germanic People and the Sarmatia-Germanic Contacts
in the Crimea in the Late Roman Period**

Abstract

This paper has analysed the scholarship that appeared after the publication of the materials excavated at the cemetery of Chatyr-Dag (Мыц, Лісенко, Щукин и др., 2006) to discuss the questions of the appearance of the Germanic population in the Crimea. The author has studied three models of the Germanic presence in the Northern Black Sea Area: 1) Germanic warriors as the foederati who entered the Roman service but kept their traditions of cloths, ornaments, and equipment, as well as in the funeral rite features (the sites of the “Ai-Todor” type); 2) Germanic population that settled in the area controlled by the Bosphoran kingdom or Chersonese, peacefully or forcibly, acquired the advances of Greco-Roman civilization and, rather soon, became the Bosphorans or the Chersonesites; 3) Germanic population that settled in the area of the Crimean Scythia/Sarmatia, peacefully or forcibly, and quickly lost its ethnic identity and borrowed the rites and customs of the tribes and peoples their lot was casted with. Despite several years passed, still topical are questions of the origin of these Germanic migrants, their ethnic attribution, and belonging to this or that culture.

О. В. Шаров

**Появление германцев и сармато-германские контакты
в Крыму в позднеимперскую эпоху**

Резюме

В статье проанализированы работы, вышедшие после издания материалов могильника Чатыр-Даг (Мыц, Лісенко, Щукин и др., 2006) и посвященные проблеме появления германцев в Крыму. Автор рассматривает три модели германского присутствия в Северном Причерноморье: 1. германцы–федераты на службе, сохранившие свои традиции в одежде, украшениях и снаряжении, а также в деталях погребального обряда (памятники типа «Ай-Тодор»); 2. германцы, мирно или по принуждению поселившиеся на территории Боспорского царства или Херсонеса, которые усвоили достижения античной цивилизации, и достаточно быстро стали боспорянами или херсонеситами; 3. германцы, мирно или по принуждению поселившиеся на территории Крымской Скифии/Сарматии, быстро утратившие свою этническую идентичность и принявшие обряды и обычаи тех племен и народов, с которыми их связала судьба. Несмотря на прошедшие годы, остались насущными вопросы происхождения германцев, их этнической атрибуции и принадлежности к той или иной культуре.

Список сокращений

АМА	Античный мир и археология
АНК 3	Античное наследие Кубани. Т. 3 / Ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010
АО	Археологические открытия
АОИКМ	Актюбинский областной историко-краеведческий музей
АПО	Археологические памятники Оренбуржья
АЭБ	Археология и этнография Башкирии
БФ	Боспорский феномен
ВА	Вопросы антропологии
ВАЗ	Вестник археологии и этнографии
ВГПУ	Воронежский государственный педагогический университет
ВГУ	Воронежский государственный университет
ВДИ	Вестник древней истории
ВолГУ	Волгоградский государственный университет
ГРВЛ	Главная редакция Восточной литературы
ГИМ	Государственный Исторический музей, г. Москва
ДБ	Древности Боспора
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей

ИАА	Историко-археологический альманах
ИАК	Известия археологической комиссии
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	Институт археологии РАН
ИГАИМК	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИиА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН	Институт истории, языка и литературы Уральского научного центра РАН
КубГУ	Кубанский государственный университет
КСИА	Краткие сообщения института археологии
ЛГПУ	Липецкий государственный педагогический университет
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК	Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАР	Материалы и исследования по археологии России
НАВ	Нижневолжский археологический вестник
НМИДК	Новочеркасский музей истории донского казачества.
НМ РБ	Национальный музей республики Башкортостан
ОГПУ	Оренбургский государственный педагогический университет
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры
РА	Российская археология
РАЕ	Российский археологический ежегодник
РАН	Российская академия наук
РОМК	Ростовский областной музей краеведения
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СамГПУ	Самарский государственный педагогический университет
СНЦ РАН	Самарский научный центр РАН
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СПб ГУПГД	Санкт-Петербургский Государственный университет Промышленных Технологий и Дизайна

СЭС	Советский энциклопедический словарь
УАВ	Уфимский археологический вестник
ЮНЦ РАН	Южный научный центр Российской академии наук
BAI	Bulletin of the Asia Institute
IGBR	Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia
IOSPE	B. Latyshev. Inskriptiones antiquae orae septentrionales Ponti Euxini. Petropoli, MCMXVI
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names / P. M. Fraser, E. Matthews (eds.). Oxford
SEG	Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden

Сведения об авторах

Аникеева Ольга Викторовна (Москва), кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации.
E-mail: olganikeeva@yandex.ru

Багаутдинов Риза Салихович (Самара), кандидат исторических наук, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П.Королева. E-mail: history@samsu.ru

Балабанова Мария Афанасьевна (Волгоград), доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета.
E-mail: mary.balabanova@volsu.ru

Балахванцев Арчил Савелич (Москва), доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Безуглов Сергей Иванович (Ростов-на-Дону), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южного федерального университета.
E-mail: sergbez@mail.ru

Бейлин Денис Владиславович (Керчь), младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.
E-mail: denis_beylin1979@mail.ru

Березуцкий Валерий Дмитриевич (Воронеж), кандидат исторических наук, доцент Воронежского государственного педагогического университета. E-mail: [berezyski1@rambler.ru](mailto:berezytski1@rambler.ru)

Бирюков Игорь Егорович (Липецк), начальник отдела археологии научно-производственного объединения «Черноземье».
E-mail: uluana@yandex.ru

- Богачук Дарья Сергеевна** (Москва), младший научный сотрудник
Института археологии РАН. E-mail: BogachukDS@iaran.ru
- Волкова Екатерина Вячеславовна** (Самара), заместитель директора
по научно-исследовательской работе ООО НПЦ «Бифас».
E-mail: katerinathewolf@rambler.ru
- Воробьёва Светлана Леонидовна** (Уфа), кандидат исторических наук,
научный сотрудник Национального музея Республики
Башкортостан. E-mail: sveta_legion@mail.ru
- Воронятов Сергей Вячеславович** (Санкт-Петербург), кандидат исторических
наук, младший научный сотрудник Государственного Эрмитажа.
E-mail: s.voroniatov@gmail.com
- Гильмитдинова Алина Харисовна** (Москва), научный стажер Института
археологии РАН. E-mail: melnichuk.alina@mail.ru
- Глебов Вячеслав Петрович** (Ростов-на-Дону), кандидат исторических наук,
научный сотрудник ООО «Археологическое научно-
исследовательского бюро» E-mail: glebov-63@mail.ru
- Денисов Алексей Владимирович** (Самара), научный сотрудник Самарского
государственного социально-педагогического университета;
директор ООО НПЦ «Бифас». E-mail: sarmat_samara@mail.ru
- Зайцев Юрий Павлович** (Симферополь), кандидат исторических наук,
директор Историко-археологического музея-заповедника
«Неаполь Скифский». E-mail: skilur46@mail.ru
- Зубов Сергей Эдгардович** (Самара), кандидат исторических наук, заведующий
научно-исследовательской лабораторией археологии Самарского
национального исследовательского университета имени
академика С. П. Королева. E-mail: guberfond@rambler.ru
- Ильюков Леонид Сергеевич** (Ростов-на-Дону), кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, Южный научный центр РАН. E-mail:
ljukov@ssc-ras.ru
- Ильяшенко Сергей Михайлович** (Ростов-на-Дону), кандидат исторических
наук, заместитель директора по науке Археологического музея-
заповедника «Танаис». E-mail: silyas@list.ru
- Иштванович Эстер** (Ньиредьхаза, Венгрия), кандидат исторических наук,
археолог-музеевед музея имени Андраша Йожа.
E-mail: istanov@josamuzeum.hu
- Косяненко Виктория Мечиславовна** (Азов), старший научный сотрудник
Азовского историко-археологического и палеонтологического
музея-заповедника. E-mail: kosyanenko@yandex.ru
- Краева Людмила Анатольевна** (Оренбург), кандидат исторических наук,
заведующий музеем археологии Оренбургского государственного
педагогического университета. E-mail: kraeva_ludmila@mail.ru
- Кривошеев Михаил Васильевич** (Волгоград), кандидат исторических наук,
заведующий лабораторией археологических исследований
Волгоградского государственного университета.
E-mail: tyaf@mail.ru

- Кропотов Виктор Валерьевич** (Симферополь), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. E-mail: v-kropotov@bk.ru
- Кульчар Валерия** (Сегед, Венгрия), кандидат исторических наук, доцент Сегедского университета. E-mail: vkulcsar58@gmail.com
- Лимберис Наталья Юрьевна** (Краснодар), старший научный сотрудник Кубанского государственного университета. E-mail: meot@mail.ru
- Малашев Владимир Юрьевич** (Москва), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: malashev@yandex.ru
- Марченко Иван Иванович** (Краснодар), кандидат исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. E-mail: meot@mail.ru
- Медведев Александр Павлович** (Воронеж), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета. E-mail: APM1950@yandex.ru
- Меньшиков Максим Юрьевич** (Москва), научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: maxim-menshikov@yandex.ru
- Нечвалода Алексей Иванович** (Уфа), научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: striwolf@mail.ru
- Нечвалода Елена Евгеньевна** (Уфа), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уфимского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru
- Окорокhov Константин Сергеевич** (Москва), специалист Института археологии РАН. E-mail: okorokov.arx@mail.ru
- Переводчикова Елена Владимировна** (Москва), кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: perevelena@yandex.ru
- Пилипенко Александр Сергеевич** (Новосибирск), кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института цитологии и генетики СО РАН. E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru
- Рукавишникова Ирина Викторовна** (Москва), кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru
- Савельев Никита Сергеевич** (Уфа), кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: sns_1971@mail.ru
- Сиротин Сергей Викторович** (Москва), кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: sirotinsv70@mail.ru
- Скрипкин Анатолий Степанович** (Волгоград), доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета. E-mail: anatoly.skripkin@mail.ru

Стоянова Анастасия Анзоровна (Симферополь), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. E-mail: ancient2008@mail.ru

Таиров Александр Дмитриевич (Челябинск), доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета. E-mail: tairov55@mail.ru

Трапезов Ростислав Олегович (Новосибирск), кандидат биологических наук, научный сотрудник Института цитологии и генетики СО РАН. E-mail: Rostislav@bionet.nsc.ru

Трейстер Михаил Юрьевич (Берлин, Германия), доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института. E-mail: mikhaitreister@yahoo.de

Труфанов Александр Анатольевич (Симферополь), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. E-mail: trufanov.a67@mail.ru

Фёдоров Виталий Кимович (Уфа), кандидат исторических наук, заместитель директора по музейной деятельности Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: syyri@yandex.ru

Фирсов Кирилл Борисович (Москва), главный хранитель Отдела археологических памятников Государственного Исторического музея. E-mail: kirill-firsov@mail.ru

Храпунов Игорь Николаевич (Симферополь), доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: igorkhrapunov@mail.ru

Черданцев Степан Викторович (Новосибирск), младший научный сотрудник Института цитологии и генетики СО РАН. E-mail: cherdantsev@bionet.nsc.ru

Шарапова Светлана Владимировна (Екатеринбург), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. E-mail: svetlanasharapova01@mail.ru

Шаров Олег Васильевич (Москва), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: olegsharov@mail.ru

Шинкарь Ольга Анатольевна (Волгоград), Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры. E-mail: olga.shinkar@mail.ru

Яблонский Леонид Теодорович (1950 – 2016), доктор исторических наук

Научное издание

КРЫМ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ (II в. до н. э. – IV в. н. э.)

V

Материалы X Международной научной конференции
«Проблемы сарматской археологии и истории»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»

Перевод на английский язык: Никита Храпунов
Оригинал-макет: Юрий Борозна
Технический редактор: Анастасия Стоянова

Подписано печать 10.06.2019 г. Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная, печать офсетная. Гарнитура Arial
Тираж 300 экз. Заказ №742
Полиграфическое изготовление:
ООО «Фирма «Салта» ЛТД»
г. Симферополь, ул. Коммунальная, 24/3
тел. +7 (978) 734-42-94
www.saltaprint.com

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий»

Тел.: +7 978 849 08 94, e-mail: ancient2008@mail.ru
295051, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Чернышевского 10а

Институт археологии Крыма РАН Республика Крым,
г. Симферополь, проспект Вернадского 2

**Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»**
г. Севастополь, ул. Древняя 1